B 14
1:20

Г 1899 ~~А 8798~~

Р1 | Гарин И.Г
Г-20. | Полное Собрание
сочинений Том 2 П-град
~~Инв 2008~~ цена. 25=
11/IX 53 Инв. 1985
11/VI 55 1916г.

П

Сроки возврата.

14/IX 57.

1[illegible]/VI 55

28/I 86.

16/XI 56.

17.IV 60

16/III 63 г.

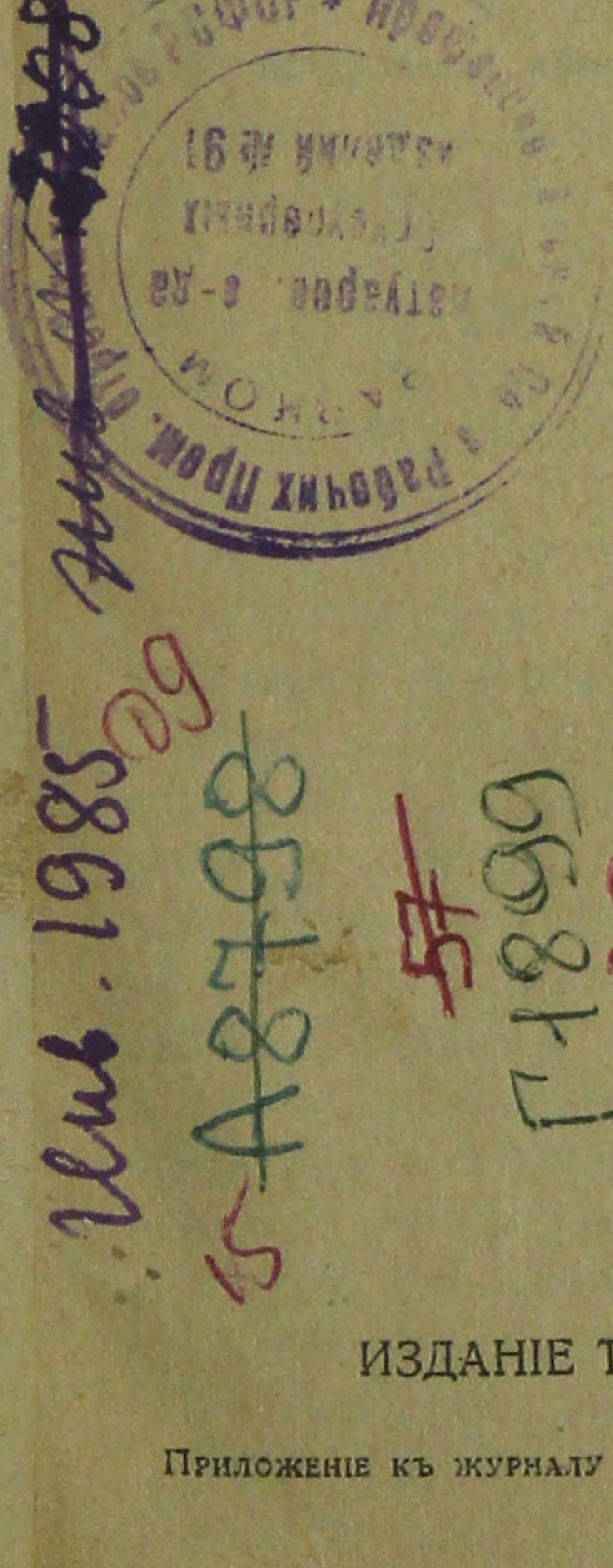
1

Н. Г. ГАРИНЪ

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ТОМЪ
ВТОРОЙ

ДМИТРОВСКАЯ
ЦЕНТРАЛИЗОВАННАЯ
БИБЛИОТЕЧНАЯ СИСТЕМА
Московской области



ИЗДАНІЕ Т-ва А. Ф. МАРКСЪ :: ПЕТРОГРАДЪ

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1916 г.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Маркъ, Измайл. просп., № 29.

ДѢТСТВО ТЁМЫ.

Изъ семейной хроники.

I.

Неудачный день.

Маленькій восьмилѣтній Тёма стоялъ надъ сломаннымъ цвѣткомъ и съ ужасомъ вдумывался въ безвыходность своего положенія.

Всего нѣсколько минутъ тому назадъ, какъ онъ, проснувшись, помолился Богу, напился чаю, причемъ съѣлъ съ аппетитомъ два куска хлѣба съ масломъ, однимъ словомъ — добросовѣстнымъ образомъ исполнивши всѣ лежавшія на немъ обязанности, вышелъ черезъ террасу въ садъ въ самомъ веселомъ, беззаботномъ расположеніи духа. Въ саду такъ хорошо было.

Онъ шелъ по аккуратно расчищеннымъ дорожкамъ сада, вдыхая въ себя свѣжесть начинающагося лѣтняго утра, и съ наслажденіемъ осматривался.

Вдругъ... Его сердце отъ радости и наслажденія сильно забилось... Любимый папинъ цвѣтокъ, надъ которымъ онъ столько возился, наконецъ расцвѣлъ! Еще вчера папа внимательно его осматривалъ и сказалъ, что раньше недѣли не будетъ цвѣсти. И что̀ это за роскошный, что̀ это за прелестный цвѣтокъ! Никогда никто, конечно, подобнаго не видалъ. Папа говоритъ, что когда геръ Готлибъ (главный садовникъ Ботаническаго сада) увидитъ, то у него слюнки потекутъ. Но самое большое счастье во всемъ этомъ, конечно, то, что не кто другой, а именно онъ, Тёма, первый увидѣлъ, что цвѣтокъ расцвѣлъ. Онъ вбѣжитъ въ столовую и крикнетъ во все горло:

— Махровый расцвѣлъ!

Папа броситъ чай и съ чубукомъ въ рукахъ, въ своемъ

военномъ вицъ-мундирѣ, сейчасъ же пройдетъ въ садъ. Онъ, Тёма, будетъ бѣжать впереди и безпрестанно оглядываться: радуется ли папа?

Папа, навѣрное, сейчасъ же поѣдетъ къ геру Готлибу, можетъ, прикажетъ запрячь Гнѣдко, котораго только-что привели изъ деревни. Еремѣй (кучеръ, онъ же и дворникъ), высокій, одноглазый, добродушный и лѣнивый хохолъ, — Еремѣй говоритъ, что Гнѣдко бѣгаетъ такъ шибко, что ни одна лошадь въ городѣ его не догонитъ. Еремѣй, конечно, знаетъ это: онъ каждый день ѣздитъ на Гнѣдкѣ верхомъ на водопой. И вотъ сегодня въ первый разъ запрягутъ Гнѣдко. Гнѣдко побѣжитъ скоро-скоро! Всѣ погонятся за нимъ — куда! Гнѣдка и слѣдъ простылъ.

А вдругъ папа и Тёму возьметъ съ собой? Какое счастье! Восторгъ переполняетъ маленькое сердце Тёмы. Отъ мысли, что все это счастье произошло отъ этого чуднаго, такъ неожиданно распустившагося цвѣтка, въ Тёмѣ просыпается нѣжное чувство къ цвѣтку.

— Ми-и-ленькій! — говоритъ онъ, присѣдая на корточки, и тянется къ нему губами.

Его поза самая неудобная и неустойчивая. Онъ теряетъ равновѣсіе, протягиваетъ руки и...

Все погибло! Боже мой, но какъ же это случилось? Можетъ-быть, можно поправить? Вѣдь это случилось оттого, что онъ не удержался, упалъ. Если бъ онъ немножко вотъ сюда уперся рукой, цвѣтокъ остался бы цѣлымъ. Вѣдь это одно мгновеніе, одна секунда... Постойте!.. Но время не стоитъ. Тёма чувствуетъ, что его точно кружитъ что-то, что-то точно вырываетъ у него то, что̀ хотѣлъ бы онъ удержать, и уноситъ на своихъ крыльяхъ — уноситъ совершившійся фактъ, оставляя Тёму одного съ ужаснымъ сознаніемъ непоправимости этого совершившагося факта.

Какой рѣзкой, острой чертой, какой страшной, неумолимой, безпощадной силой оторвало его вдругъ сразу отъ всего!

Что̀ изъ того, что такъ весело поютъ птички, что сквозь густую листву пробивается солнце, играя на мягкой землѣ веселыми свѣтлыми пятнышками, что беззаботная мошка ползетъ по лепестку, — вотъ остановилась, надувается, выпускаетъ свои крылышки и собирается летѣть куда-то, навстрѣчу нѣжному, ясному дню?

Что̀ изъ того, что когда-нибудь будетъ опять сверкать такое же веселое утро, которое онъ не испортитъ, какъ сегодня? Тогда будетъ другой мальчикъ — счастливый, умный, довольный. Чтобы добраться до этого другого, надо пройти бездну, раз-

дѣляющую его отъ этого другого, надо пережить что-то страшное, ужасное. О, что̀ бы онъ далъ, чтобы все вдругъ остановилось, чтобы всегда было это свѣжее яркое утро, чтобы папа и мама всегда спали... Боже мой, отчего онъ такой несчастный? Отчего надъ нимъ тяготѣетъ какой-то вѣчный неумолимый рокъ? Отчего онъ всегда хочетъ такъ хорошо, а выходитъ все такъ скверно и гадко?.. О, какъ сильно, какъ глубоко старается онъ заглянуть въ себя, постигнуть причину этого. Онъ хочетъ ее понять, онъ будетъ строгъ и безпристрастенъ къ себѣ... Онъ, дѣйствительно, дурной мальчикъ. Онъ виноватъ, и онъ долженъ искупить свою вину. Онъ заслужилъ наказаніе, и пусть его накажутъ. Что̀ же дѣлать? И онъ знаетъ причину, онъ напелъ ее! Всему виною его гадкія, скверныя руки! Вѣдь онъ не хотѣлъ, руки сдѣлали — и всегда руки. И онъ придетъ къ отцу и прямо скажетъ ему:

— Папа, зачѣмъ тебѣ сердиться даромъ, я знаю теперь хорошо, кто виноватъ: — мои руки. Отруби мнѣ ихъ, и я всегда буду добрый, хорошій мальчикъ. Потому что я люблю и тебя, и маму, и всѣхъ люблю, а руки мои дѣлаютъ такъ, что я какъ будто никого не люблю. Мнѣ ни капли ихъ не жалко.

Мальчику кажется, что его доводы такъ убѣдительны, такъ чистосердечны и ясны, что они должны подѣйствовать.

Но цвѣтокъ попрежнему лежитъ на землѣ... Время идетъ... Вотъ отецъ, встающій раньше матери, покажется, увидитъ, все сразу пойметъ, загадочно посмотритъ на сына и, ни слова не говоря, возьметъ его за руку и поведетъ... Поведетъ, чтобъ не разбудить мать, не черезъ террасу, а черезъ парадный ходъ, прямо въ свой кабинетъ. Затворится большая дверь, онъ останется съ глазу на глазъ съ нимъ.

Ахъ, какой онъ страшный, какое нехорошее у него лицо... И зачѣмъ онъ молчитъ, не говоритъ ничего? Зачѣмъ онъ разстегиваетъ свой мундиръ? Какой противный этотъ желтенькій узенькій ремешокъ, который виднѣется въ складкѣ синихъ штановъ его. Тёма стоитъ и, точно очарованный, впился въ этотъ ремешокъ. Зачѣмъ же онъ стоитъ? Онъ свободенъ, его никто не держитъ, онъ можетъ убѣжать... Никуда онъ не убѣжитъ. Онъ будетъ мучительно-тоскливо ждать. Отецъ, не спѣша, сниметъ этотъ гадкій ремешокъ, сложитъ вдвое, посмотритъ на сына; лицо отца нальется кровью, и почувствуетъ, безконечно сильно почувствуетъ мальчикъ, что самый близкій ему человѣкъ можетъ быть страшнымъ и чужимъ, что къ человѣку, котораго онъ долженъ и хотѣлъ бы только любить

до обожанія, онъ можетъ питать и ненависть, и страхъ, и животный ужасъ, когда прикоснутся къ его щекамъ мягкія, теплыя ляжки отца, въ которыхъ зажмется голова мальчика.

Маленькій Тёма, блѣдный, съ широко раскрытыми глазами стоялъ передъ сломаннымъ цвѣткомъ, и всѣ муки, весь ужасъ предстоящаго возмездія ярко рисовались въ его головѣ. Всѣ его способности сосредоточились теперь на томъ, чтобы найти выходъ, — выходъ во что бы то ни стало. Какой-то шорохъ послышался ему по направленію отъ террасы. Быстро, прежде чѣмъ что-нибудь сообразить, нога мальчика рѣшительно ступаетъ на грядку, онъ хватаетъ цвѣтокъ и втискиваетъ его въ землю рядомъ съ корнемъ. Для чего? Смутная надежда обмануть? Протянуть время, пока проснется мать, объяснить ей, какъ все это случилось, и тѣмъ отвратить предстоящую грозу? Ничего яснаго не соображаетъ Тёма; онъ опрометью, точно его преслѣдуютъ всѣ тѣ вѣдьмы и волшебники, о которыхъ разсказываетъ ему по вечерамъ няня, убѣгаетъ отъ злополучнаго мѣста, минуя страшную теперь для него террасу, — террасу, гдѣ вдругъ онъ можетъ увидать грозную фигуру отца, который, конечно, по одному его виду сейчасъ же пойметъ, въ чемъ дѣло.

Онъ бѣжитъ, и ноги безсознательно направляютъ его подальше отъ опасности. Онъ видитъ между деревьями большую площадку, посреди которой устроены качели и гимнастика и гдѣ возвышается высокій, выкрашенный зеленой краской столбъ для гигантскихъ шаговъ, видитъ сестеръ, бонну-нѣмку. Онъ дѣлаетъ вольтъ въ сторону, незамѣтно пригнувшись, торопливо пробирается въ виноградникъ, огибаетъ большой каменный сарай, выходящій въ садъ своими глухими стѣнами, перелѣзаетъ ограду, отдѣляющую садъ отъ двора, и наконецъ благополучно достигаетъ кухни.

Только здѣсь онъ свободно вздыхаетъ.

Въ закоптѣлой, обширной, но низкой кухнѣ, устроенной въ подвальномъ этажѣ, освѣщенной сверху маленькими окнами, все спокойно, все идетъ своимъ чередомъ.

Поваръ, въ грязномъ бѣломъ фартукѣ, бѣлокурый, лѣнивый, молодой, изъ бывшихъ крѣпостныхъ, Акимъ лѣниво собирается разводить плиту. Ему не хочется приниматься за скучную ежедневную работу, онъ тянетъ, хлопаетъ дверцами печки, заглядываетъ въ духовой ящикъ, внимательно осматриваетъ, точно въ первый разъ видитъ, конфорки, фыркаетъ, брюзжитъ, двадцать разъ ихъ то сдвигаетъ, то опять ставитъ на мѣсто...

На большомъ некрашеномъ столѣ въ безпорядкѣ валяются грязныя тарелки. Горничная Таня, молодая дѣвушка, съ длинной, еще нечесаной косой, торопливо обгладываетъ какую-то вчерашнюю холодную кость. Еремѣй въ углу молча возится съ концами упряжныхъ ремней, безконечно налаживая и пригоняя конецъ къ концу, собираясь сшивать ихъ приготовленными шиломъ и дратвой. Его жена Настасья, толстая и грязная судомойка, громко и сердито перемываетъ тарелки, энергично хватая ихъ со дна дымящейся теплой лоханки. Вытертыя тарелки съ шумомъ летятъ на рядомъ стоящую скамью. Рукава Настасьи засучены; здоровое бѣлое тѣло на рукахъ трясется при всякомъ ея движеніи, губы плотно сжаты, глаза сосредоточены и мечутъ искры.

Ровесникъ Тёмы — произведеніе Настасьи и Еремѣя — толстопузый рябой Іоська сидитъ на кровати, болтаетъ ногами и пристаетъ къ матери, чтобы та дала ему грошикъ.

— Не дамъ, не дамъ, сто чортивъ твоей мами! — кричитъ отчаянно Настасья и еще плотнѣе стискиваетъ свои губы, еще энергичнѣе сверкаетъ глазами.

— Г-е?! — тянетъ Іоська плаксивую монотонную ноту. — Дай грошикъ.

— Отчипысь, прокляте! Будь ты скажено! — кричитъ Настасья, точно ее рѣжутъ.

Тёма съ завистью смотритъ на эти простыя несложныя отношенія. Вотъ она, кажется, и кричитъ и бранится, а не боится ея Іоська. Если мать и побить его захочетъ, — а Іоська отлично знаетъ, когда она этого захочетъ, — онъ, вырвавшись, убѣжитъ во дворъ. Если мать и бросится за нимъ и, не догнавъ, станетъ кричать своимъ громкимъ голосомъ, такъ кричать, что животъ ея то и дѣло будетъ подпрыгивать кверху: „Ходи сюда, бисова дытына!“, то „бисова дытына“ понимаетъ, что ходить не слѣдуетъ, потому что его побьютъ, а такъ какъ ему именно этого и не хочется, то онъ и не идетъ, но и не скрывается, инстинктивно сознавая, что очень раздражать не слѣдуетъ. Стоитъ Іоська гдѣ-нибудь поодаль и хнычетъ, лѣниво и притворно, а самъ зорко слѣдитъ за всякимъ движеніемъ матери: ноги у него разставлены, самъ наклонился впередъ, вотъ-вотъ готовъ дать новаго стрекача.

Мать постоитъ-постоитъ, еще сто чертей посулитъ себѣ и уйдетъ въ кухню. Іоська фланируетъ, развлекается, шалитъ, но голодъ заставляетъ его наконецъ возвратиться въ кухню. Подойдетъ къ двери и пуститъ пробный шаръ:

— Г-е?!

Это нѣчто среднее между нахальнымъ требованіемъ и просьбой о помилованіи, между хныканьемъ и крикомъ.

— Только взойды, бодай тебе чертяка взяла!—несется изъ кухни.

— Г-е?!—настойчивѣе и смѣлѣе повторяетъ Іоська.

Кончается все это тѣмъ, что дверь съ шумомъ растворяется, Іоська съ быстротой вѣтра улепетываетъ подальше, на порогѣ появляется грозная мать съ первымъ попавшимся полѣномъ въ рукахъ, которое и летитъ вдогонку за блуднымъ сыномъ.

Дѣло уже Іоськи увернуться отъ полѣна, но послѣ этого путь къ столу съ объѣдками барской ѣды считается свободнымъ. Іоська сразу сбрасываетъ свой скромный обликъ и съ видомъ дѣлового человѣка, которому некогда тратить время на пустыя формальности, прямо и смѣло направляется къ столу.

Если по дорогѣ онъ все-таки получалъ иной разъ легкую затрещину—онъ за этимъ не гнался и, огрызнувшись какимъ-нибудь упрямымъ звукомъ въ родѣ „У-у“, энергично принимался за ѣду.

— Еремѣй, Буланку закладывай!—кричитъ сверху нянька.—Въ дрожки!

— Кто ѣдетъ?—кричитъ снизу встрепенувшійся Тёма.

— Папа и мама въ городъ.

Это цѣлое событіе.

— Скоро ѣдутъ?—спрашиваетъ Тёма.

— Одѣваются.

Тёма соображаетъ, что отецъ торопится, значитъ, передъ отъѣздомъ въ садъ не пойдетъ, и слѣдовательно до возвращенія родителей онъ свободенъ отъ всякихъ взысканій. Онъ чувствуетъ мгновенный подъемъ духа и вдохновенно кричитъ:

— Іоська, играться!

Онъ выбѣгаетъ снова въ садъ и теперь смѣло и увѣренно направляется къ сестрамъ.

— Будемъ играться,—кричитъ онъ, подбѣгая.—Въ индѣйцевъ?

И Тёма отъ избытка чувствъ дѣлаетъ быстрый прыжокъ передъ сестрами.

Пока бонна и сестры, подъ предводительствомъ старшей сестры Зины, обсуждаютъ его предложеніе, онъ уже рыщетъ, отыскивая подходящій матеріалъ для луковъ. Бѣжать къ изгороди слишкомъ далеко, хочется скорѣй, сейчасъ... Тёма выхватываетъ нѣсколько прутьевъ, почему-то торчавшихъ изъ бочки, пробуетъ ихъ гибкость, но они ломаются, не годятся.

— Тёма!—раздается дружный вопль.

Тёма замираетъ на мгновеніе.

— Это папины лозы! Что ты сдѣлалъ?!

Но Тёма уже все и безъ этого сообразилъ; у него вихремъ мелькаетъ сознаніе необходимости протянуть время до отъѣзда, и онъ небрежно кричитъ:

— Знаю, знаю, папа приказалъ ихъ выбросить, — онѣ не годятся.

И для большей убѣдительности онъ подбираетъ поломанныя лозы и съ помощью Іоськи несетъ ихъ на черный дворъ. Зина подозрительно провожаетъ его глазами, но Тёма искусно играетъ свою роль, идетъ тихо, не спѣша, вплоть до самой калитки. Но за калиткой онъ быстро бросаетъ лозы; отчаянье охватываетъ его. Онъ стремительно бѣжитъ, бѣжитъ отъ мрачныхъ мыслей тяжелой развязки, отъ тучъ, неизвѣстно откуда скопляющихся надъ его горизонтомъ. Одно съ мучительной ясностью стоитъ въ головѣ: поскорѣе бы отецъ и мать уѣзжали.

Еремѣй съ озабоченнымъ видомъ стоитъ около дрожекъ, нерѣшительно чешетъ спину, мрачно смотритъ на немытый экипажъ, на засохшую грязь и окончательно теряется отъ мысли, что̀ теперь дѣлать: начинать ли мыть, подмазывать ли, или ужъ такъ запрягать. Тёма волнуется, хлопочетъ, тащитъ хомутъ, понуждаетъ Еремѣя выводить лошадь, и Еремѣй подъ такимъ энергичнымъ давленіемъ начинаетъ наконецъ запрягать.

— Не такъ, панычику, не такъ,—громко замѣчаетъ флегматичный Еремѣй, тяготясь этой суетливой, бурной помощью.

Тёмѣ кажется, что время идетъ невыносимо медленно.

Наконецъ экипажъ готовъ.

Еремѣй надѣваетъ свой кучерской парусиновый кафтанъ съ громаднымъ сальнымъ пятномъ на животѣ, клеенчатую, съ поломанными полями шляпу, садится на козлы, трогаетъ, задѣваетъ обязательно за ворота, отдѣляющія грязный дворъ отъ чистаго, и подкатываетъ къ крыльцу.

Время безконечно тянется. Отчего они не выходятъ? Вдругъ не поѣдутъ! Тёма переживаетъ мучительныя минуты. Но вотъ парадныя двери отворяются, выходятъ отецъ съ матерью.

Отецъ, сѣдой, хмурый по обыкновенію, въ бѣломъ кителѣ, что-то озабоченно соображаетъ; мать въ кринолинѣ, черныхъ нитяныхъ перчаткахъ безъ пальцевъ, въ шляпѣ съ широкими черными лентами. Сестры бѣгутъ изъ сада. Мать наскоро крестѝтъ и цѣлуетъ ихъ и спохватывается о Тёмѣ; сестры ищутъ его глазами, но Тёма съ Іоськой притаились за угломъ, и сестры говорятъ матери, что Тёма въ саду.

— Будьте съ нимъ ласковы.

Тёма, благоразумно рѣшившій-было не показываться, стремительно выскакиваетъ изъ засады и стремительно бросается къ матери. Если бы не отецъ, онъ сейчасъ бы ей все разсказалъ. Но онъ только особенно горячо цѣлуетъ ее.

— Ну, довольно!—говоритъ ласково мать и смутно соображаетъ, что совѣсть Тёмы не совсѣмъ чиста.

Но мысль о забытыхъ ключахъ отвлекаетъ ее.

— Ключи, ключи!—говоритъ она, и всѣ стремительно бросаются въ комнаты за ключами.

Отецъ пренебрежительно косится на ласки сына и думаетъ, что это воспитаніе выработаетъ, въ концѣ концовъ, изъ его сына какую-то противную слюнявку. Онъ срываетъ свое раздраженіе на Еремѣѣ.

— Буланка опять закована на правую переднюю ногу? — говоритъ онъ.

Еремѣй перегибается съ козелъ и внимательно всматривается въ отставленную ногу Буланки.

Тёма озабоченно слѣдитъ за ними глазами. Еремѣй прокашливается и говоритъ какимъ-то поперхнувшимся голосомъ:

— Мабудь, отступывся.

Ложь возмущаетъ и бѣситъ отца.

— Болванъ! — говоритъ онъ, точно выстрѣливаетъ изъ ружья.

Еремѣй энергично откашливается, ерзаетъ на козлахъ и молчитъ. Тёма не понимаетъ, за что отецъ бранитъ Еремѣя, и тоскливое чувство охватываетъ его.

— Размазня, лѣнтяй! Грязь развелъ такую, что сѣсть нельзя.

Тёма быстро окидываетъ взглядомъ экипажъ.

Еремѣй невозмутимо молчитъ. Тёма видитъ, что Еремѣю нечего сказать, что отецъ правъ, и, облегченно вздыхая, чувствуетъ удовлетвореніе за отца.

Ключи принесли; мать и отецъ сидятъ въ экипажѣ, Еремѣй подобралъ вожжи, Настасья стоитъ у воротъ.

— Трогай!—приказываетъ отецъ.

Мать креститъ дѣтей и говоритъ: „Тёма, не шали“, и экипажъ торжественно выкатывается на улицу. Когда же онъ исчезаетъ изъ глазъ, Тёма вдругъ ощущаетъ такой приливъ радости, что ему хочется выкинуть что-нибудь такое, чтобы всѣ, всѣ — и сестры, и бонна, и Настасья, и Іоська — такъ и ахнули. Онъ стоитъ, нѣсколько мгновеній ищетъ въ умѣ чего-нибудь подходящаго и ничего другого не можетъ придумать, какъ, стремглавъ выбѣжавъ на улицу, перерѣзать дорогу какому-то несущемуся экипажу. Раздается общій отчаянный воиль:

— Тёма, Тёма, куда?

— Тёма-а!—несется пронзительный крикъ бонны и достигаетъ чуткаго уха матери.

Изъ облака пыли вдругъ раздается голосъ матери, сразу все понявшей:

— Тёма, домой!

Тёма, успѣвшій пробѣжать до половины дороги, останавливается, зажимаетъ обѣими руками ротъ, на мгновеніе замираетъ на мѣстѣ, затѣмъ стремглавъ возвращается назадъ.

— А хочешь, я на Гнѣдкѣ верхомъ поѣду, какъ Еремѣй?—мелькаетъ въ головѣ Тёмы новая идея, съ которой онъ обращается къ Зинѣ.

— Ну да! Тебя Гнѣдко сброситъ! — говоритъ пренебрежительно Зина.

Этого совершенно достаточно, чтобъ у Тёмы явилось непреодолимое желаніе привести въ исполненіе свой планъ. Его сердце усиленно бьется и замираетъ отъ мысли, какъ поразятся всѣ, когда увидятъ его верхомъ на Гнѣдкѣ, и, выждавъ моментъ, онъ лихорадочно шепчетъ что-то Іоськѣ. Они оба незамѣтно исчезаютъ.

Препятствій нѣтъ.

Въ опустѣлой конюшнѣ раздается лѣнивая громкая ѣда Гнѣдка. Тёма дрожащими руками торопливо отвязываетъ поводъ. Красивый жеребецъ Гнѣдко пренебрежительно обнюхиваетъ маленькую фигурку и нехотя плетется за тянувшимъ его изо всей силы Тёмой.

— Но, но, — возбужденно понукаетъ его Тёма, стараясь губами дѣлать, какъ Еремѣй, когда тотъ выводитъ лошадь.

Но отъ этого звука лошадь пугается, фыркаетъ, задираетъ голову и не хочетъ выходить изъ низкихъ дверей конюшни.

— Іоська, подгони ее сзади!—кричитъ Тёма.

Іоська лѣзетъ между ногъ лошади, но въ это время Тёма кричитъ ему:

— Возьми кнутъ!

Получивъ ударъ, Гнѣдко стрѣлой вылетаетъ изъ конюшни и едва не вырывается изъ рукъ Тёмы.

Тёма замѣчаетъ, что Гнѣдко отъ удара кнутомъ взялъ сразу въ галопъ, и приказываетъ Іоськѣ, когда онъ сядетъ, снова ударить кнутомъ.

Іоськѣ одно удовольствіе лишній разъ хлестнуть лошадь.

Гнѣдко торжественно выводится съ чернаго на чистый дворъ и подтягивается къ близстоящей водовозной бочкѣ. Въ послѣдній моментъ къ Іоськѣ возвращается благоразуміе.

— Упадете, панычику!—нерѣшительно говоритъ онъ.

— Ничего,—отвѣчаетъ Тёма съ пересохшимъ отъ волненія горломъ. — Ты только, какъ я сяду, крѣпко ударь ее, чтобъ она сразу въ галопъ пошла. Тогда легко сидѣть!

Тёма, стоя на бочкѣ, подбираетъ поводья, опирается руками на холку Гнѣдка и легко вспрыгиваетъ ему на спину.

— Дѣти, смотрите! — кричитъ онъ, захлебываясь отъ удовольствія.

— Ай, ай, смотрите! — въ ужасѣ взвизгиваютъ сестры, бросаясь къ оградѣ.

— Бей! — командуетъ, не помня себя отъ восторга, Тёма.

Іоська изо всей силы вытягиваетъ кнутомъ жеребца. Лошадь, какъ ужаленная, мгновенно подбирается и дѣлаетъ первый непроизвольный скачокъ къ улицѣ, куда мордой она была поставлена, но затѣмъ, сообразивъ, она взвивается на дыбы, круто на заднихъ ногахъ дѣлаетъ поворотъ и полнымъ карьеромъ несется назадъ въ конюшню.

Тёмѣ, какимъ-то чудомъ удержавшемуся при этомъ маневрѣ, некогда разсуждать. Передъ нимъ ворота чернаго двора; онъ во-время успѣваетъ наклонить голову, чтобы не разбить ее о перекладину, и вихремъ влетаетъ на черный дворъ.

Здѣсь ужасъ его положенія обрисовывается ему съ неумолимою ясностью.

Онъ видитъ въ десяти саженяхъ передъ собой высокую каменную стѣну конюшни и маленькую темную отворенную дверь, и сознаётъ, что разобьется о стѣну, если лошадь влетитъ въ конюшню. Инстинктъ самосохраненія удесятеряетъ его силы, онъ натягиваетъ, какъ можетъ, лѣвый поводъ, лошадь сворачиваетъ съ прямого пути, налетаетъ на торчащее дышло, спотыкается, падаетъ съ маху на землю, а Тёма летитъ дальше и распластывается у самой стѣны на мягкой, теплой кучѣ навоза. Лошадь вскакиваетъ и влетаетъ въ конюшню. Тёма тоже вскакиваетъ, запираетъ за нею дверь и оглядывается.

Теперь, когда все благополучно миновало, ему хочется плакать, но онъ видитъ въ воротахъ бонну, сестеръ и соображаетъ по ихъ вытянувшимся лицамъ, что онѣ все видѣли. Онъ бодрится, но руки его дрожатъ; на немъ лица нѣтъ, улыбка выходитъ какой-то жалкой, болѣзненной гримасой.

Градъ упрековъ сыплется на его голову, но въ этихъ упрекахъ онъ чувствуетъ нѣкоторое уваженіе къ себѣ, удивленіе къ его молодечеству и мирится съ упреками. Непривычная мягкость, съ которой Тёма принимаетъ выговоры, успокаиваетъ всѣхъ.

— Ты испугался?—пристаетъ къ нему Зина.—Ты блѣденъ, какъ стѣна, выпей воды, помочи голову.

Тёму торжественно ведутъ опять къ бочкѣ и мочатъ голову. Между нимъ, бонной и сестрой устанавливаются дружескія, миролюбивыя отношенія.

— Тёма,—говоритъ ласково Зина, — будь умнымъ мальчикомъ, не распускай себя. Ты вѣдь знаешь свой характеръ, ты видишь: стоитъ тебѣ разойтись, тогда ужъ ты не удержишь себя и надѣлаешь чего-нибудь такого, чему и самъ не будешь радъ потомъ.

Зина говоритъ ласково, мягко, — проситъ.

Тёмѣ это пріятно; онъ сознаётъ, что въ словахъ сестры все — голая правда, и говоритъ:

— Хорошо, я не буду шалить.

Но маленькая Зина, хотя на годъ всего старше своего брата, уже понимаетъ, какъ тяжело будетъ брату сдержать свое слово.

— Знаешь, Тёма,—говоритъ она какъ можно вкрадчивѣе,— ты лучше всего дай себѣ слово, что ты не будешь шалить. Скажи: любя папу и маму, я не буду шалить.

Тёма морщится.

— Тёма, тебѣ же лучше! — подъѣзжаетъ Зина.—Вѣдь никогда еще папа и мама не пріѣзжали безъ того, чтобы не наказать тебя. И вдругъ пріѣдутъ сегодня и узнаютъ, что ты не шалилъ.

Просительная форма подкупаетъ Тёму.

— Какъ люблю папу и маму, я не буду шалить.

— Ну, вотъ умница,—говоритъ Зина.—Смотри же, Тёма,— уже строгимъ голосомъ продолжаетъ сестра,—грѣхъ тебѣ будетъ, если ты обманешь. И даже потихоньку нельзя шалить, потому что Господь все видитъ, и, если папа и мама не накажутъ, Богъ все равно накажетъ.

— Но играться можно?

— Все то можно, что фрейленъ скажетъ: можно, а что фрейленъ скажетъ: нельзя, то уже грѣхъ.

Тёма недовѣрчиво смотритъ на бонну и насмѣшливо спрашиваетъ:

— Значитъ, фрейленъ святая?

— Вотъ видишь, ты ужъ глупости говоришь! — замѣчаетъ сестра.

— Ну, хорошо! Будемъ играть въ индѣйцевъ.—говоритъ Тёма.

— Нѣтъ, въ индѣйцевъ опасно безъ мамы, ты разойдешься.

— А я хочу въ индѣйцевъ!—настаиваетъ Тёма, и въ его голосѣ слышится капризное раздраженіе.

— Ну, хорошо! Спроси у фрейленъ: вѣдь ты обѣщалъ, какъ папу и маму любишь, слушаться фрейленъ?

Зина становится такъ, чтобы только фрейленъ видѣла ея лицо, а Тёма—нѣтъ.

— Фрейленъ, правда, въ индѣйцевъ играть не надо?

Тёма все же таки видитъ, какъ Зина дѣлаетъ невозможныя гримасы фрейленъ; онъ смѣется и кричитъ:

— Э, такъ нельзя!

Онъ бросается къ фрейленъ, хватаетъ ее за платье и старается повернуть отъ сестры. Фрейленъ смѣется.

Зина энергично подбѣгаетъ къ брату, кричитъ: „оставь фрейленъ“, а сама въ то же время старается стать такъ, чтобы фрейленъ видѣла ея лицо, а братъ не видѣлъ. Тёма понимаетъ маневръ, хохочетъ, хватаетъ за платье сестру и дѣлаетъ попытку повернуть ея лицо къ себѣ.

— Пусти!—отчаянно кричитъ сестра и тянетъ свое платье.

Тёма еще больше хохочетъ и не выпускаетъ сестрина платья, держась другой рукой за платье бонны. Зина вырывается изо всей силы. Вдругъ юбка фрейленъ разрывается пополамъ, и взбѣшенная бонна кричитъ:

— Думмеръ кнабе!..

Тёма считаетъ, что, кромѣ матери и отца, никто не смѣетъ его ругать. Озадаченный и сконфуженный неожиданнымъ оборотомъ дѣла, но возмущенный, онъ, не задумываясь, отвѣчаетъ:

— Ты сама!

— Ахъ!—взвизгиваетъ фрейленъ.

— Тёма, что ты сказалъ?—подлетаетъ сестра.—Ты знаешь, какъ тебѣ за это достанется? Проси сейчасъ прощенія!

Но требованіе—плохое оружіе съ Тёмой; онъ окончательно упирается и отказывается просить прощенія. Доводы не дѣйствуютъ.

— Такъ ты не хочешь?—угрожающимъ голосомъ спрашиваетъ Зина.

Тёма труситъ, но самолюбіе беретъ верхъ.

— Такъ вотъ что, уйдемъ отъ него всѣ, пусть онъ одинъ останется.

Всѣ, кромѣ Іоськи, уходятъ отъ Тёмы.

Сестра идетъ и безпрестанно оглядывается: не раскаялся ли Тёма. Но Тёма явнаго раскаянія не обнаруживаетъ. Хотя сестра и видитъ, что Тёму кошки скребутъ, но этого, по ея мнѣнію, мало. Ее раздражаетъ упорство Тёмы. Она чувствуетъ, что еще капельку, и Тёма сдастся. Она быстро возвращается, хватаетъ Іоську за рукавъ и говоритъ повелительно:

— Уходи и ты, пусть онъ совсѣмъ одинъ останется.

Неудачный маневръ.

Тёма кидается на нее, толкаетъ такъ, что она летитъ на землю, и кричитъ:

— Убирайся къ чорту!

Зина испускаетъ страшный вопль, поднимается на руки, нѣкоторое время не можетъ продолжать кричать отъ схватившихъ ее горловыхъ спазмъ и только судорожно поводитъ глазами.

Тёма въ ужасѣ пятится. Зина испускаетъ наконецъ новый отчаянный крикъ, но на этотъ разъ Тёмѣ кажется, что крикъ не совсѣмъ естественный, и онъ говоритъ:

— Притворяйся, притворяйся!

Зину поднимаютъ и уводятъ; она хромаетъ. Тёма внимательно слѣдитъ и остается въ мучительной неизвѣстности: дѣйствительно ли Зина хромаетъ, или только притворяется.

— Пойдемъ, Іоська!—говоритъ онъ, подавляя вздохъ.

Но Іоська говоритъ, что онъ боится и уйдетъ на кухню.

— Іоська, — говоритъ Тёма, — не бойся; я все самъ разскажу мамѣ.

Но кредитъ Тёмы въ глазахъ Іоськи подорванъ. Онъ молчитъ, и Тёма чувствуетъ, что Іоська ему не вѣритъ. Тёма не можетъ остаться безъ поддержки друга въ такую тяжелую для себя минуту.

— Іоська,—говоритъ онъ взволнованно:—если ты не уйдешь отъ меня, я послѣ завтрака принесу тебѣ сахару.

Это мѣняетъ положеніе вещей.

— Сколько кусковъ?—спрашиваетъ нерѣшительно Іоська.

— Два, три,—обѣщаетъ Тёма.

— А куда пойдемъ?

— За горку! — отвѣчаетъ Тёма, выбирая самый дальній уголъ сада. Онъ понимаетъ, что Іоська не желалъ бы теперь встрѣтиться съ барышнями.

Они огибаютъ дворъ, перелѣзаютъ ограду и идутъ по самой отдаленной дорожкѣ.

Тёма взволнованъ и переполненъ всевозможными чувствами.

— Іоська, — говоритъ онъ, — какой ты счастливый, что у тебя нѣтъ сестеръ. Я хотѣлъ бы, чтобы у меня ни одной сестры не было. Если бъ онѣ умерли всѣ вдругъ, я ни капельки не плакалъ бы о нихъ. Знаешь: я попросилъ бы чтобы тебя сдѣлали моимъ братомъ. Хорошо?

Іоська молчитъ.

— Іоська, — продолжаетъ Тёма, — я тебя ужасно люблю... такъ люблю, что, что̀ хочешь, со мной дѣлай...

Тёма напряженно думаетъ, чѣмъ доказать Іоськѣ свою любовь.

— Хочешь, зарой меня въ землю... или, хочешь, плюнь на меня.

Іоська озадаченно глядитъ на Тёму.

— Милый, голубчикъ, плюнь... Милый, дорогой...

Тёма бросается Іоськѣ на шею, цѣлуетъ его, обнимаетъ и умоляетъ плюнуть.

Послѣ долгихъ колебаній, Іоська осторожно плюетъ на кончикъ Тёминой рубахи.

Край рубахи съ плевкомъ Тёма поднимаетъ къ лицу и растираетъ по своей щекѣ.

Іоська пораженно и сконфуженно смотритъ...

Тёма убѣжденно говоритъ:

— Вотъ... вотъ какъ я тебя люблю!

Друзья подходятъ къ кладбищенской стѣнѣ, отдѣляющей домъ отъ стараго заброшеннаго кладбища.

— Іоська, ты боишься мертвецовъ?—спрашиваетъ Тёма.

— Боюсь,—говоритъ Іоська.

Тёма предпочелъ бы похвастаться тѣмъ, что онъ ничего не боится, потому что его отецъ ничего не боится, и что онъ хочетъ ничего не бояться, но въ такую торжественную минуту онъ чистосердечно признаётся, что тоже боится.

— Кто же ихъ не боится? — разражается краснорѣчивой тирадой Іоська. — Тутъ хоть самый первый генералъ приди, какъ *они* ночью повылазятъ да разсядутся по стѣнкамъ, такъ и тотъ убѣжитъ. Всякій убѣжитъ. Тутъ побѣжишь, какъ за ноги да за плечи тебя хватать станетъ или вскочитъ на тебя, да и ну колотить ногами, чтобы везъ *его*, да еще перегнется, да зубы и оскалитъ; у другого половина лица выгнила, глазъ нѣтъ. Тутъ забоишься! Хоть какой, и то...

— Артемій Николаевичъ, завтракать! — раздается по саду молодой, звонкій голосъ горничной Тани.

Изъ-за деревьевъ мелькаетъ платье Тани.

— Пожалуйте завтракать, — говоритъ горничная, ласково и фамильярно обхватывая Тёму.

Таня любитъ Тёму. Она въ чистомъ, свѣтломъ ситцевомъ платьѣ; отъ нея несетъ свѣжестью, густая коса ея аккуратно расчесана, добрые каріе глаза смотрятъ весело и мягко.

Она дружелюбно ведетъ за плечи Тёму, наклоняется къ его уху и веселымъ шопотомъ говоритъ:

— Нѣмка плакала!

Нѣмку, несмотря на ея полную безобидность, прислуга не любитъ.

Тёма вспоминаетъ, что въ его столкновеніи съ бонной у него союзники вся дворня,—это ему пріятно, онъ чувствуетъ подъемъ духа.

— Она назвала меня дуракомъ, развѣ она смѣетъ?

— Конечно, не смѣетъ. Папаша вашъ генералъ, а она что? Дрянь какая-то. Зазналась.

— Правда, когда я мамѣ скажу все — меня не накажутъ?

Таня не хочетъ огорчать Тёму, она еще разъ наклоняется и еще разъ его цѣлуетъ, гладитъ его густые золотистые волосы.

За завтракомъ обычная исторія. Тёма почти ничего не ѣстъ. Передъ нимъ лежитъ на тарелкѣ котлетка, онъ косится на нее и лѣниво пощипываетъ хлѣбъ. Такъ какъ съ нимъ никто не говоритъ, то обязанность уговаривать его ѣсть добровольно беретъ на себя Таня.

— Артемій Николаичъ, кушайте!

Тёма только сдвигаетъ брови.

Въ Зинѣ борется гнѣвъ къ Тёмѣ съ желаніемъ, чтобы онъ ѣлъ.

Она смотритъ въ окошко и, ни къ кому особенно не обращаясь, говоритъ:

— Кажется, мама ѣдетъ!

— Артемій Николаевичъ, скорѣй кушайте, — шепчетъ испуганно Таня.

Тёма въ первое мгновеніе поддается на удочку и хватаетъ вилку, но, убѣдившись, что тревога ложная, опять кладетъ вилку на столъ.

Зина снова смотритъ въ окно и замѣчаетъ:

— Послѣ завтрака всѣмъ, кто хорошо ѣлъ, будетъ сладкое.

Тёмѣ хочется сладкаго, но не хочется котлеты.

Онъ начинаетъ привередничать. Ему хочется налить на котлетку [illegible]рованскаго масла.

Таня уговариваетъ его, что масло не идетъ къ котлеткѣ.

Но ему именно такъ хочется, и, такъ какъ ему не даютъ судка съ масломъ, онъ самъ лѣзетъ за нимъ. Зина не выдерживаетъ: она не можетъ переваривать его капризовъ, быстро вскакиваетъ, хватаетъ судокъ съ масломъ и держитъ его въ рукѣ подъ столомъ.

Тёма садится на мѣсто и дѣлаетъ видъ, что забылъ о маслѣ. Зина зорко слѣдитъ и наконецъ ставитъ судокъ на столъ, возлѣ себя. Но Тёма улавливаетъ подходящій моментъ, стремительно бросается къ судку. Зина схватываетъ съ другой стороны, и судокъ летитъ на полъ, разбиваясь въ дребезги.

— Это ты! — кричитъ сестра.

— Нѣтъ, ты!

— Это тебя Богъ наказалъ за то, что ты папу и маму не любишь.

— Неправда, я люблю!—кричитъ Тёма.

— Лассенъ зи инъ, — говоритъ бонна и встаетъ изъ-за стола.

За ней встаютъ всѣ, и начинается раздача пастилы. Когда очередь доходитъ до Тёмы, бонна колеблется. Наконецъ она отламываетъ меньшую противъ другихъ порцію и молча кладетъ передъ Тёмой.

Тёма возмущенно толкаетъ свою порцію, и она летитъ на полъ.

— Очень мило,—говоритъ Зина.—Мама все будетъ знать!

Тёма молчитъ и начинаетъ ходить по комнатѣ. Зину интересуетъ: отчего сегодня Тёма не убѣгаетъ, по обыкновенію, сейчасъ послѣ завтрака? Сначала она думаетъ, что Тёма хочетъ просить прощенія у бонны, и уже вступаетъ въ свои права: она доказываетъ, что теперь уже поздно, что послѣ этого сдѣлано еще столько...

— Убирайся вонъ!—перебиваетъ грубо Тёма.

— И это мама будетъ знать! — говоритъ Зина и окончательно становится втупикъ: зачѣмъ онъ не уходитъ?

Тёма продолжаетъ упорно ходить по комнатѣ и наконецъ достигаетъ своего: всѣ уходятъ, онъ остается одинъ. Тогда онъ мгновенно кидается къ сахарницѣ и запускаетъ въ нее руку...

Дверь отворяется. На порогѣ появляются бонна и Зина. Онъ бросаетъ сахарницу и стремглавъ выскакиваетъ на террасу.

Теперь все погибло! Такой поступокъ, какъ воровство, даже мать не проститъ.

Къ довершенію несчастія, собирается гроза. По небу поползли со всѣхъ сторонъ тяжелыя грозовыя тучи; солнце исчезло; какъ-то сразу потемнѣло; въ воздухѣ запахло дождемъ. Ослѣпительной змѣйкой блеснула молнія, надъ самой головой оглушительными раскатами прокатился громъ. На минуту все стихло, точно притаилось, выжидая. Что-то зашумѣло—ближе, ближе, и первыя тяжелыя, большія капли дождя упали на землю. Черезъ нѣсколько мгновеній все превратилось въ сплошную сѣрую массу. Цѣлыя рѣки полились сверху. Была настоящая южная гроза.

Волей-неволей надо бѣжать въ комнаты, и такъ какъ входъ туда Іоськѣ воспрещенъ, то Тёмѣ приходится остаться одному, наединѣ со своими грустными мыслями.

Скучно. Время безконечно тянется.

Тёма усѣлся на окнѣ въ дѣтской и уныло слѣдилъ, какъ потоки воды стекали по стекламъ, какъ постепенно дворъ наполнялся лужами, какъ бульки и пузыри точно прыгали по мутной и грязной поверхности.

— Артемій Николаичъ, кушать хотите? — спросила, появляясь въ дверяхъ, Таня.

Тёмѣ давно хотѣлось ѣсть, но ему было лѣнь оторваться.

— Хорошо, только сюда принеси хлѣба и масла.

— А котлетку?

Тёма отрицательно замоталъ головой.

Въ ожиданіи Тёма продолжалъ смотрѣть въ окно. Потому ли, что ему не хотѣлось оставаться наединѣ со своими мыслями, потому ли, что ему было скучно и онъ придумывалъ, чѣмъ бы ему еще развлечься, или наконецъ по общечеловѣческому свойству вспоминать о своихъ друзьяхъ въ тяжелыя минуты жизни, Тёма вдругъ вспомнилъ о своей Жучкѣ. Онъ вспомнилъ, что цѣлый день не видѣлъ ея. Жучка никогда никуда не отлучалась.

Тёмѣ пришли вдругъ въ голову таинственные недружелюбные намеки Акима, не любившаго Жучку за то, что она таскала у него провизію. Подозрѣніе закралось въ его душу. Онъ быстро слѣзъ съ окна, пробѣжалъ дѣтскую, сосѣднюю комнату и сталъ спускаться по крутой лѣстницѣ, ведущей въ кухню. Этотъ ходъ былъ строго-настрого воспрещенъ Тёмѣ (за исключеніемъ, когда бралась ванна), въ виду возможности паденія, но теперь Тёмѣ было не до того.

— Акимъ, гдѣ Жучка?—спросилъ Тёма, войдя въ кухню.

— А я откуда знаю?—отвѣчалъ Акимъ, тряхнувъ своими курчавыми волосами.

— Ты не убивалъ ея?

— Ну вотъ, стану я руки марать объ этакую дрянь.

— Ты говорилъ, что убьешь ее?

— Ну! А вы и повѣрили? Такъ, шутилъ.

И, помолчавъ немного, Акимъ проговорилъ самымъ естественнымъ голосомъ:

— Лежитъ гдѣ-нибудь, притаившись отъ дождя. Да вы развѣ ее не видали сегодня?

— Нѣтъ, не видалъ.

— Не знаю. Польстился развѣ кто, укралъ?

Тёма было-совсѣмъ повѣрилъ Акиму, но послѣднее предположеніе опять смутило его.

— Кто же ее украдетъ? Кому она нужна?—спросилъ онъ.

— Да никому, положимъ, — согласился Акимъ. — Дрянная собачонка.

— Побожись, что ты ее не убилъ!

И Тёма впился глазами въ Акима.

— Да что вы, паныичику? Да ей-Богу же я ее не убивалъ! Что же вы мнѣ не вѣрите?

Тёмѣ стало неловко, и онъ проговорилъ, ни къ кому особенно не обращаясь:

— Куда же она дѣвалась?

И такъ какъ отвѣта никакого не послѣдовало, то Тёма, оглянувши еще разъ Акима и всѣхъ присутствующихъ, причемъ замѣтилъ лукавый взглядъ Іоськи, свѣсившагося съ печки и съ любопытствомъ наблюдавшаго всю сцену,—возвратился наверхъ.

Онъ опять усѣлся на окно въ дѣтской и все думалъ: куда могла дѣваться Жучка?

Передъ нимъ живо рисовалась Жучка, тихая, безобидная Жучка, и мысль, что ее могли убить, наполнила его сердце такой горечью, что онъ не выдержалъ, отворилъ окно и сталъ звать изо всей силы:

— Жучка, Жучка! На, на, на! Цу-цу! Цу-цу! Фью, фью, фью!

Въ комнату ворвался шумъ дождя и свѣжій сырой воздухъ. Жучка не отзывалась.

Всѣ неудачи дня, всѣ пережитыя невзгоды, всѣ предстоящіе ужасы и муки, какъ возмездіе за сдѣланное, отодвинулись на задній планъ передъ этой новой бѣдой: лишиться Жучки.

Мысль, что онъ больше не увидитъ своей курчавой Жучки, не увидитъ больше, какъ она, при его появленіи, будетъ жалостно визжать и ползти къ нему на брюхѣ, мысль, что, можетъ-быть, ужъ больше ея нѣтъ на свѣтѣ, переполняла душу Тёмы отчаяніемъ, и онъ тоскливо продолжалъ кричать:

— Жучка! Жучка!

Голосъ его дрожалъ и вибрировалъ, звучалъ такъ нѣжно и трогательно, что Жучка должна была отозваться.

Но отвѣта не было.

Что̀ дѣлать? Надо немедленно искать Жучку.

Вошедшая Таня принесла хлѣбъ.

— Подожди, я сейчасъ приду.

Тёма опять спустился по лѣстницѣ, которая вела на кухню, осторожно пробрался мимо дверей, узкимъ коридоромъ достигъ выхода, нѣкоторое время постоялъ въ раздумьѣ и выбѣжалъ во дворъ.

Осмотрѣвъ черный дворъ, онъ заглянулъ во всѣ любимые закоулки Жучки, но Жучки нигдѣ не было. Послѣдняя надежда! Онъ бросился къ воротамъ заглянуть въ будку цѣпной собаки. Но у самыхъ воротъ Тёма услышалъ шумъ колесъ подъѣхавшаго экипажа и, прежде чѣмъ что-нибудь сообразить, столкнулся лицомъ къ лицу съ отцомъ, отворявшимъ калитку. Тёма опрометью бросился къ дому.

II.

Наказаніе.

Коротенькое слѣдствіе обнаруживаетъ, по мнѣнію отца, полную несостоятельность системы воспитанія сына. Можетъ-быть, для дѣвочекъ она и годится, но натуры мальчика и дѣвочки — вещи разныя. Онъ по опыту знаетъ, что̀ такое мальчикъ и чего ему надо. Система! Дрянь, тряпка, негодяй выйдетъ по этой системѣ. Факты налицо, грустные факты— воровать началъ. Чего еще дожидаться? Публичнаго позора? Такъ прежде онъ самъ его своими руками задушитъ. Подъ тяжестью этихъ доводовъ мать уступаетъ, и власть на время переходитъ къ отцу.

Двери кабинета плотно затворяются.

Мальчикъ тоскливо, безнадежно оглядывается. Ноги его совершенно отказываются служить, онъ топчется, чтобы не упасть. Мысли вихремъ, съ ужасающей быстротой, несутся въ его головѣ. Онъ напрягается изо всѣхъ силъ, чтобы вспомнить то, что̀ онъ хотѣлъ сказать отцу, когда стоялъ передъ цвѣткомъ. Надо торопиться. Онъ глотаетъ слюну, чтобы смочить пересохшее горло, и хочетъ говорить прочувствованнымъ, убѣдительнымъ тономъ.

— Милый папа, я придумалъ: я знаю, что я виноватъ... Я придумалъ! отруби мои руки!..

Увы! То, что̀ казалось такъ хорошо и убѣдительно тамъ, когда онъ стоялъ передъ сломаннымъ цвѣткомъ, здѣсь выходитъ очень неубѣдительно. Тёма чувствуетъ это и прибавляетъ для усиленія впечатлѣнія новую, только-что пришедшую ему въ голову, комбинацію:

— Или отдай меня разбойникамъ!

— Ладно,—говоритъ сурово отецъ, окончивъ необходимыя приготовленія и направляясь къ сыну.—Разстегни штаны...

Это что-то новое? Ужасъ охватываетъ душу мальчика; руки его, дрожа, разыскиваютъ торопливо пуговицы штанишекъ; онъ испытываетъ какое-то болѣзненное замираніе, мучительно роется въ себѣ, что̀ еще сказать, и наконецъ, голосомъ, полнымъ испуга и мольбы, быстро, несвязно и горячо говоритъ:

— Милый мой, дорогой, голубчикъ... Папа! Папа! Голубчикъ... Папа, милый папа, постой! Папа! Ай, ай, ай, аяяяй!..

Удары сыплются. Тёма извивается, визжитъ, ловитъ сухую, жилистую руку, страстно цѣлуетъ ее, молитъ. Но что-то другое рядомъ съ мольбой растетъ въ его душѣ. Не пѣловать

а бить, кусать хочется ему эту противную, гадкую руку. Ненависть, какая-то дикая, жгучая злоба охватываетъ его.

Онъ бѣшено рвется, но желѣзные тиски еще крѣпче сжимаютъ его.

— Противный, гадкій, я тебя не люблю!—кричитъ онъ съ безсильной злобой.

— Полюбишь!

Тёма яростно впивается зубами въ руку отца.

— Ахъ, ты, змѣенышъ!

И ловкимъ поворотомъ Тёма на диванѣ, голова его въ подушкѣ. Одна рука придерживаетъ, а другая продолжаетъ хлестать извивающагося, рычащаго Тёму.

Удары глухо сыплются одинъ за другимъ, отмѣчая рубецъ за рубцомъ на маленькомъ посинѣломъ тѣлѣ.

Съ помертвѣлымъ лицомъ ждетъ мать исхода, сидя одна въ гостиной. Каждый вопль рветъ ее за самое сердце, каждый ударъ терзаетъ до самаго дна ея душу.

Ахъ! зачѣмъ она опять дала себя убѣдить, зачѣмъ связала себя словомъ не вмѣшиваться и ждать?

Но развѣ онъ смѣлъ такъ связать ее словомъ? И наконецъ онъ самъ увлекающійся, онъ можетъ не замѣтить, какъ забьетъ мальчика! Боже мой! Что̀ это за хрипъ?

Ужасъ наполняетъ душу матери.

— Довольно, довольно! — кричитъ она, врываясь въ кабинетъ.—Довольно!..

— Полюбуйся, каковъ твой звѣренышъ!—суетъ ей отецъ прокушенный палецъ.

Но она не видитъ этого пальца. Она съ ужасомъ смотритъ на диванъ, откуда слѣзаетъ въ это время растрепанный, жалкій, сгаженный звѣренышъ и дико, съ инстинктомъ звѣря, о которомъ на минуту забыли, пробирается къ выходу. Мучительная боль пронизываетъ мать. Горькимъ чувствомъ звучатъ ея слова, когда она говоритъ мужу:

— И это воспитаніе? Это знаніе натуры мальчика? Превратить въ жалкаго идіота ребенка, вырвать его человѣческое достоинство—это воспитаніе?

Желчь охватываетъ ее. Вся кровь приливаетъ къ ея сердцу. Острой, тонкой сталью впивается ея голосъ въ мужа:

— О, жалкій воспитатель! Щенковъ вамъ дрессировать, а не людей воспитывать!

— Вонъ!—ревetъ отецъ.

— Да, я уйду, — говоритъ мать, останавливаясь въ дверяхъ:—но сбъявляю вамъ, что черезъ мой трупъ вы перешагнете прежде, чѣмъ я позволю вамъ еще разъ высѣчь мальчика.

Отецъ не можетъ прійти въ себя отъ неожиданности и негодованія. Не скоро успокаивается онъ и долго еще мрачно ходитъ по комнатѣ, пока наконецъ не останавливается возлѣ окна, разсѣянно всматривается въ заволакиваемую ранними сумерками сѣрую даль и возмущенно шепчетъ:

— Ну, извольте вы тутъ съ бабами воспитывать мальчика!

III.

Прощеніе.

Въ то же время мать проходитъ въ дѣтскую, окидываетъ ее быстрымъ взглядомъ, убѣждается, что Тёмы здѣсь нѣтъ, идетъ дальше, пытливо всматривается на ходу въ отворенную дверь маленькой компаты, замѣчаетъ въ ней маленькую фигурку Тёмы, лежащаго на диванѣ съ уткнувшимся лицомъ, проходитъ въ столовую, отворяетъ дверь въ спальню и сейчасъ же плотно затворяетъ ее за собой.

Оставшись одна, она тоже подходитъ къ окну, смотритъ и не видитъ темнѣющую улицу. Мысли роемъ носятся въ ея головѣ.

Пусть Тёма такъ лежитъ, пусть придетъ въ себя, надо его теперь совершенно предоставить себѣ... Бѣлье бы перемѣнить... Ахъ, Боже мой, Боже мой, какая страшная ошибка, какъ могла она допустить это? Какая гнусная гадость! Точно ребенокъ сознательный негодяй! Какъ не понять, что если онъ дѣлаетъ глупости, шалости, то дѣлаетъ только потому, что не видитъ дурной стороны этой шалости. Указать ему эту дурную сторону, не съ своей, конечно, точки зрѣнія взрослаго человѣка, а съ его, дѣтской, не себя убѣдить, а его убѣдить, задѣть самолюбіе, опять-таки его дѣтское самолюбіе, его слабую сторону, сумѣть добиться этого — вотъ задача правильнаго воспитанія.

Сколько времени надо, пока все это опять войдетъ въ колею, пока ей удастся опять подобрать всѣ эти тонкія неуловимыя нити, которыя связываютъ ее съ мальчикомъ, нити, которыми она втягиваетъ, такъ сказать, этотъ живой огонь въ рамки повседневной жизни, втягиваетъ, щадя и рамки, щадя и силу огня,—огня, который со временемъ ярко согрѣетъ жизнь соприкоснувшихся съ нимъ людей, за который тепло поблагодарятъ ее когда-нибудь люди. Онъ, мужъ, конечно, смотритъ съ точки зрѣнія своей солдатской дисциплины, его самого такъ воспитывали, ну и самъ онъ готовъ съ плеча обрубить всѣ

сучки и задоринки молодого деревца, обрубить, даже не сознавая, что рубить съ ними будущія вѣтки...

Няня маленькой Ани просовываетъ свою по-русски повязанную голову.

— Аню перекрестить...

— Давай!

И мать крестить дѣвочку.

— Артемій Николаевичъ въ комнатѣ? — спрашиваетъ она няню.

— Сидятъ у окошка.

— Свѣчка есть?

— Потушили. Такъ въ темнотѣ сидятъ.

— Заходила къ нему?

— Заходила... Куды!.. Эхъ!..

Но няня удерживается, зная, что барыня не любитъ нытья.

— А больше никто не заходилъ?

— Таня еще... кушать носила.

— Ѣлъ?

— И-и: Боже упаси, и смотрѣть не сталъ... Цѣлый день не ѣмши. За завтракомъ маковой росинки не взялъ въ ротъ.

Няня вздыхаетъ и, понижая голосъ, говоритъ:

— Бѣлье бы ему перемѣнить, да обмыть... Это ему, поди, теперь пуще всего зазорно...

— Ты говорила ему о бѣльѣ?

— Нѣтъ... Куда!.. Какъ только наклонилась-было, а онъ этакъ плечиками какъ саданетъ меня... Вотъ Таню развѣ послушаетъ...

— Ничего не надо говорить... Никто ничего не замѣчайте... Прикажи, чтобы приготовили обѣ ванны поскорѣе для всѣхъ, кромѣ Ани... Позови бонну... Смотри, никакого вниманія...

— Будьте спокойны,—говоритъ сочувствующимъ голосомъ няня.

Входитъ фрейленъ.

Она очень жалѣетъ, что все такъ случилось, но съ мальчикомъ ничего нельзя было сдѣлать...

— Сегодня дѣти берутъ ванну, — сухо перебила мать.— Двадцать два градуса.

— Зеръ гутъ, мадамъ, — говоритъ фрейленъ и дѣлаетъ книксенъ.

Она чувствуетъ, что мадамъ недовольна, но ея совѣсть чиста. Она не виновата; фрейленъ Зина свидѣтельница, что съ мальчикомъ нельзя было справиться. Мадамъ молчитъ; бонна знаетъ, что̀ это значитъ. Это значитъ, что ея оправданія не приняты.

Хотя она очень дорожитъ мѣстомъ, но ея совѣсть спокойна. И, въ сознаніи своей невинности, она скромно, но съ чувствомъ оскорбленнаго достоинства берется за ручку.

— Позовите Таню.

— Зеръ гутъ, мадамъ,—отвѣчаетъ бонна и уже за дверями дѣлаетъ книксенъ.

Въ послѣдней ноткѣ мадамъ бонна услыхала что-то такое, что возвращаетъ ей надежду удержать за собой мѣсто, и она воскресшимъ голосомъ говоритъ:

— Таню, бариня идитъ!

Таня оправляется и входитъ въ спальню.

Таня всегда купаетъ Тёму. Лѣтомъ, въ тѣ дни, когда дѣтей не мылили, ему разрѣшалось самому купаться, безъ помощи Тани, и это доставляло Тёмѣ всегда громадное удовольствіе: онъ купался, какъ папа, одинъ.

— Если Артемій Николаевичъ пожелаетъ купаться одинъ, пусть купается. Передъ тѣмъ, какъ вести его въ ванную, положи на столъ кусокъ хлѣба, — не отрѣзанный, а такъ отломанный, какъ будто нечаянно его забыли. Понимаешь?

Таня давно все поняла и весело и ласково отвѣчаетъ:

— Понимаю, сударыня!

— Купаться будутъ всѣ: сначала барышни, а потомъ Артемій Николаевичъ. Ванну на двадцать два градуса. Ступай!

Но тотчасъ же мать снова позвала Таню и прибавила:

— Таня, передъ тѣмъ, какъ поведешь Артемія Николаевича, убавь въ ванной свѣтъ въ лампѣ такъ, чтобы былъ полумракъ. И поведешь его не черезъ дѣтскую, а прямо черезъ дѣвичью... И чтобъ никого въ это время не было, когда онъ будетъ итти. Въ дѣвичьей тоже убавь свѣтъ.

— Слушаю-съ.

Купанье—всегда событіе и всегда пріятное. Но на этотъ разъ въ дѣтской оживленіе слабое. Дѣти находятся подъ вліяніемъ наказанія брата, а главное — нѣтъ поджигателя обычнаго возбужденія—Тёмы. Дѣти идутъ какъ-то лѣниво, купанье какое-то неудачное, поспѣшное, и черезъ двадцать минутъ они уже въ бѣлыхъ чепчикахъ гуськомъ возвращаются назадъ въ дѣтскую.

Подъ дыханіемъ мягкой южной ночи, мать Тёмы возбужденно ходитъ по комнатѣ.

По свойству своей оптимистической натуры, она не хочетъ больше думать о настоящемъ: оно будетъ исправлено, ошибка не повторится, и довольно.

Чтобы развлечь себя, она вышла на террасу подышать свѣжимъ воздухомъ.

Она видитъ въ окно возвращающееся изъ ванной шествіе и останавливается.

Вотъ впереди идетъ Зина, — требовательный къ себѣ и другимъ, суровый, жгучій исполнитель воли. Дѣвочка загадочно, непреклонно смотритъ своими черными, какъ ночь юга, глазами и точно видитъ уже гдѣ-то далеко какой-то ей одной вѣдомый міръ.

Вотъ тихая, сосредоточенная, болѣзненная Наташа смотритъ своими вдумчивыми глазами, пытливо чуя и отыскивая тѣ тонкіе, неуловимые звуки, которые, собранные терпѣливо и нѣжно, чудно зазвучатъ со временемъ близкимъ сладкою пѣснью любви и страданій.

Вотъ Маня—ясное майское утро, готовая всѣхъ согрѣть, освѣтить своими блестящими глазками.

Серёжикъ — „глубокій философъ“, маленькій Серёжикъ, только-что начинающій настраивать свой сложный маленькій механизмъ, только-что пробующій трогать его струны и чутко прислушивающійся къ этимъ тонкимъ протяжнымъ отзвучьямъ— невольно манитъ къ себѣ.

— Эт-та что̀? — медленно пѣвуче тянетъ онъ и такъ же медленно подымаетъ свой маленькій пальчикъ.

— Синее небо, мой милый!

— Эт-та что̀?

— Небо, мой крошка, небо, малютка, недосягаемое синее небо, куда вѣчно люди смотрятъ, но вѣчно ходятъ по землѣ.

Вотъ и Аня поднялась съ своей кроватки навстрѣчу идущимъ—крошечная Аня, маленькій вопросительный знакъ, съ теплыми веселыми глазками.

А вотъ промелькнула въ дѣвичьей фигура ея набѣдокурившаго баловня,—живого, какъ огонь, подвижного, какъ ртуть, неуравновѣшеннаго, вѣчно взбудораженнаго, возбужденнаго, впечатлительнаго, безразсуднаго сына. Но въ этой сутолокѣ чувствъ сидитъ горячее сердце.

Продолжая гулять, мать обогнула террасу и пошла къ ванной.

Шествіе при входѣ въ дѣтскую заключаетъ маленькій Серёжикъ, съ откинутыми ручонками какъ-то потѣшно ковыляющій на своихъ коротенькихъ ножкахъ.

— А папа Тёму би-й,—говоритъ онъ, вспоминая почему-то о наказаніи брата.

— Тс! — подлетаетъ къ нему стремительно Зина, строго соблюдавшая установленное матерью правило, что о наказаніяхъ, постигшихъ виновныхъ, не имѣютъ права вспоминать.

Но Серёжикъ еще слишкомъ малъ. Онъ знать не желаетъ никакихъ правилъ и потому снова начинаетъ:

— А папа...

— Молчи! — зажимаетъ ему ротъ Зина.

Серёжикъ уже собираетъ въ хорошо ему знакомую гримасу лицо, но Зина начинаетъ быстро, горячо нашептывать брату что-то на ухо, указывая на двери сосѣдней комнаты, гдѣ сидитъ Тёма. Серёжикъ долго недовѣрчиво смотритъ, не рѣшаясь распроститься съ дѣланной гримасой и извлечь изъ нея готовый уже вопль, но въ концѣ концовъ уступаетъ сестрѣ, идетъ на компромиссъ и соглашается смотрѣть картинки зоологическаго атласа.

— Артемій Николаевичъ, пожалуйте! — говоритъ веселымъ голосомъ Таня, отворяя дверь маленькой комнаты со стороны дѣвичьей.

Тёма молча встаетъ и стѣсненно проходитъ мимо Тани.

— Одни или со мной?—безпечно спрашиваетъ она вдогонку.

— Одинъ, — отвѣчаетъ быстро уклончиво Тёма и спѣшитъ пройти дѣвичью.

Онъ радъ полумраку. Онъ облегченно вздыхаетъ, когда затворяетъ за собой дверь ванной. Онъ быстро раздѣвается и лѣзетъ въ ванну. Обмывшись, онъ вылѣзаетъ, беретъ свое грязное бѣлье и начинаетъ полоскать его въ ваннѣ. Ему кажется, онъ умеръ бы со стыда, если бы кто-нибудь узналъ, въ чемъ дѣло; пусть лучше будетъ мокрое. Кончивъ свою стирку, Тёма скомкиваетъ въ узелъ бѣлье и ищетъ глазами, куда бы его сунуть; онъ засовываетъ наконецъ свой узелъ за старый запыленный комодъ. Успокоенный, онъ идетъ одѣваться, и глаза его наталкиваются на кусокъ, очевидно, забытаго кѣмъ-то хлѣба. Мальчикъ съ жадностью кидается на него, такъ какъ цѣлый день ничего не ѣлъ. Годы берутъ свое: онъ сидитъ на скамейкѣ, болтаетъ ножонками и съ наслажденіемъ ѣстъ. Всю эту сцену видитъ мать и взволнованно отходитъ отъ окна. Она гонитъ отъ себя впечатлѣніе этой сцены, потому что чувствуетъ, что готова расплакаться. Она освѣжаетъ лицо, поворачиваясь навстрѣчу мягкому южному вѣтру, стараясь ни о чемъ не думать.

Кончивъ ѣсть, Тёма всталъ и вышелъ въ коридоръ. Онъ подошелъ къ лѣстницѣ, ведущей въ комнаты, остановился на мгновенье, подумалъ, прошелъ мимо по коридору и, поднявшись на крыльцо, нерѣшительно вполголоса позвалъ:

— Жучка, Жучка!

Онъ подождалъ, послушалъ, вдохнулъ въ себя ароматъ масличнаго дерева, потянулся за нимъ и, выйдя во дворъ, сталъ пробираться къ саду.

Страшно! Онъ прижался лицомъ между двухъ стоекъ

ограды и замеръ, охваченный весь какимъ-то болѣзненнымъ утомленіемъ.

Ночь послѣ бури.

Чѣмъ-то волшебнымъ рисуется въ серебристомъ сіяніи луны садъ. Разорванно пробѣгаютъ въ далекомъ голубомъ небѣ послѣднія влажныя облака. Вѣтеръ точно играетъ въ пустомъ пространствѣ между садомъ и небомъ. Бесѣдка задумчиво смотритъ на горкѣ. А вдругъ мертвецы, соскучившись сидѣть на стѣнѣ, забрались въ бесѣдку и смотрятъ оттуда на Тёму? Какъ-то таинственно-страшно молчатъ дорожки. Деревья шумятъ, точно шепчутъ другъ другу: „какъ страшно въ саду“. Вотъ что-то черное беззвучно будто мелькнуло въ кустахъ: на Жучку похоже! А можетъ-быть, Жучки давно и нѣтъ? Какъ жутко вдругъ стало. А тамъ что бѣлѣетъ? Кто-то идетъ по террасѣ.

— Артемій Николаичъ, — говоритъ, отворяя калитку и подходя къ нему, Таня, — спать пора.

Тёма точно просыпается.

Онъ не прочь, онъ усталъ, но передъ сномъ надо итти прощаться, надо пожелать спокойной ночи мамѣ и папѣ. Охъ, какъ не хочется! Онъ сжалъ судорожно-крѣпко руками перила ограды и еще плотнѣе прильнулъ къ нимъ лицомъ.

— Артемій Николаичъ, Тёмочка, милый мой баринъ, — говоритъ Таня и цѣлуетъ руки Тёмы,—идите къ мамашѣ! Идите, мой милый, дорогой, — говоритъ она, мягко отрывая и увлекая его за собой, осыпая на ходу поцѣлуями...

Онъ въ спальнѣ у матери.

Только лампада льетъ изъ кіота свой неровный, трепетный свѣтъ, слабо освѣщая предметы.

Онъ стоитъ на коврѣ. Передъ нимъ на креслѣ сидитъ мать и что-то говоритъ ему. Тёма, точно во снѣ, слушаетъ ея слова, они безучастно летаютъ гдѣ-то возлѣ его уха. Зато на маленькую Зину, подслушивающую у двери, рѣчь матери безконечно сильно дѣйствуетъ своею убѣдительностью. Она не выдерживаетъ больше, и когда до нея долетаютъ вдругъ слова матери: „а если тебѣ не жаль, значитъ, ты не любишь маму и папу“, врывается въ спальню и начинаетъ горячо:

— Я говорила ему...

— Какъ ты смѣла, скверная дѣвчонка, подслушивать?

И „скверная дѣвчонка“, подхваченная за руку, исчезаетъ мгновенно за дверью. Это изгнаніе его маленькаго врага пробуждаетъ Тёму. Онъ опять живетъ всѣми нервами своего организма. Все горе дня встаетъ передъ нимъ. Онъ весь проникается сознаніемъ зла, нанесеннаго ему сестрой.

Обидное чувство, что его никто не хочетъ выслушать, что къ нему несправедливы, охватываетъ его.

— Всѣ только слушаютъ Зину... Всѣ цѣлый день на меня нападаютъ, меня никто не-е любитъ и никто не хо-о-четъ вы-ы-слу-у...

И Тёма горько плачетъ, закрывая руками лицо.

Долго плачетъ Тёма, но горечь уже вылита.

Онъ передаетъ матери всю повѣсть грустнаго дня, какъ она слагалась роковымъ образомъ. Его глаза распухли отъ слезъ; онъ нервно вздрагиваетъ и нѣтъ-нѣтъ всхлипываетъ тройнымъ вздохомъ. Мать, сидя съ нимъ на диванѣ, ласково гладитъ его густые волосы и говоритъ ему:

— Ну, будетъ, будетъ... мама не сердится больше... мама любитъ своего мальчика... мама знаетъ, что онъ будетъ у нея хорошій, любящій, когда поймётъ только одну маленькую, очень простую вещь. И Тёма можетъ ее уже понять. Ты видишь, сколько горя съ тобой случилось, а какъ ты думаешь, отчего? А я тебѣ скажу: оттого, что ты еще маленькій трусъ...

Тёма, ждавшій всякихъ обвиненій, но только не этого, страшно пораженъ и задѣтъ этимъ неожиданнымъ выводомъ.

— Да, трусъ! Ты весь день боялся правды. И изъ-за того, что ты ея боялся, всѣ бѣды твои и случились. Ты сломалъ цвѣтокъ. Чего испугался? Пойди сказать правду сейчасъ же. Если бъ даже тебя и наказали, то вѣдь, какъ теперь самъ видишь, тѣмъ, что не сказалъ правды, наказанія не избѣгъ. Тогда какъ, если бы ты правду сказалъ, тебя, можетъ-быть, и не наказали бы. Папа строгій, но папа самъ можетъ упасть, и всякій можетъ. Наконецъ, если ты боялся папы, отчего ты не пришелъ ко мнѣ?

— Я хотѣлъ сказать, когда вы садились въ дрожки...

Мать вспомнила и пожалѣла, что не дала хода охватившему ее тогда подозрѣнію.

— Отчего ты не сказалъ?

— Я боялся папы...

— Самъ же говоришь, что боялся, значитъ — трусъ. А трусить, бояться правды — стыдно. Боятся правды скверные, дурные люди, а хорошіе люди правды не боятся и согласны не только, чтобы ихъ наказали за то, что они говорятъ правду, но рады и жизнь отдать за правду.

Мать встала, подошла къ кіоту, вынула оттуда Распятіе и сѣла опять возлѣ сына.

— Кто это?

— Богъ.

— Да, Богъ, Который принялъ видъ человѣка и сошелъ съ неба на землю. Ты знаешь, зачѣмъ Онъ пришелъ? Онъ пришелъ научить людей говорить и дѣлать правду. Ты видишь, у Него на рукахъ, на ногахъ и вотъ здѣсь кровь?

— Вижу.

— Эта кровь оттого, что Его распяли, то-есть повѣсили на крестѣ; пробили Ему гвоздями руки, ноги, пробили Ему бокъ, и Онъ умеръ отъ этого. Ты знаешь, что Богъ все можетъ, ты знаешь, что Онъ пальцемъ вотъ такъ пошевелитъ — и всѣ, всѣ мы сейчасъ умремъ, и ничего не будетъ: ни нашего дома, ни сада, ни земли, ни неба. Какъ ты думаешь теперь, отчего Онъ позволилъ Себя распять, когда могъ бы взглядомъ уничтожить этихъ дурныхъ людей, которые Его умертвили? Отчего?

Мать замолкла на мгновеніе и, выразительно, мягко заглядывая въ широко раскрытые глаза своего либимца-сына, проговорила:

— Оттого, что Онъ не боялся правды, оттого, что правда была Ему дороже жизни, оттого, что Онъ хотѣлъ показать всѣмъ, что за правду не страшно умереть. И когда Онъ умиралъ, Онъ сказалъ: кто любитъ Меня, кто хочетъ быть со Мной, тотъ долженъ не бояться правды. Вотъ, когда ты подрастешь и узнаешь, какъ люди жили прежде, узнаешь, что нельзя было бы жить на землѣ безъ правды, когда ты не только перестанешь бояться правды, а полюбишь ее такъ, что захочешь умереть за нее, тогда ты будешь храбрый, добрый, любящій мальчикъ. А тѣмъ, что ты сядешь на сумасшедшую лошадь, ты покажешь другимъ и самъ убѣдишься только въ томъ, что ты еще глупый, не понимающій самъ, что̀ дѣлаешь, мальчикъ, а вовсе не то, что ты храбрый, потому что храбрый знаетъ, что̀ дѣлаетъ, а ты не знаешь. Вотъ, когда ты зналъ, что папа тебя накажетъ, ты убѣжалъ, а храбрый такъ не дѣлаетъ. Папа былъ на войнѣ: онъ зналъ, что тамъ страшно, а все-таки пошелъ. Ну, довольно: поцѣлуй маму и скажи ей, что ты будешь добрый мальчикъ.

Тёма молча обнялъ мать и спряталъ голову на ея груди.

IV.

Старый колодецъ.

Ночь. Тёма спитъ нервно и возбужденно. Сонъ то легкій, то тяжелый, кошмарный. Онъ то и дѣло вздрагиваетъ. Снится ему, что онъ лежитъ на песчаной отмели моря въ томъ мѣстѣ,

куда ихъ возятъ купаться, лежитъ на берегу моря и ждетъ, что вотъ-вотъ накатится на него большая, холодная волна. Онъ видитъ эту прозрачную зеленую волну, какъ она подходитъ къ берегу, видитъ, какъ пѣной закипаетъ ея верхушка, какъ она вдругъ точно вырастаетъ, подымается передъ нимъ высокой стѣной; онъ съ замираніемъ и наслажденіемъ ждетъ ея брызгъ, ея холоднаго прикосновенія, ждетъ привычнаго наслажденія, когда подхватитъ его она, стремительно помчитъ къ берегу и выброситъ вмѣстѣ съ массою мелкаго колючаго песку; но вмѣсто холода, того живого холода, котораго такъ жаждетъ воспаленное отъ начинающейся горячки тѣло Тёмы, волна обдаетъ его какимъ-то удушливымъ жаромъ, тяжело наваливается и душитъ... Волна опять отливаетъ, ему опять легко и свободно, онъ открываетъ глаза и садится на кровати.

Неясный полусвѣтъ ночника слабо освѣщаетъ четыре дѣтскихъ кроватки и пятую большую, на которой сидитъ теперь няня въ одной рубахѣ, съ выпущенной косой, сидитъ и сонно качаетъ маленькую Аню.

— Няня, гдѣ Жучка?—спрашиваетъ Тёма.

— И-и,—отвѣчаетъ няня,—Жучку въ старый колодецъ бросилъ какой-то иродъ.—И, помолчавъ, прибавляетъ:—хоть бы убилъ сперва, а то такъ, живьемъ... Весь день, говорятъ, визжала сердечная...

Тёмѣ живо представляется старый заброшенный колодецъ въ углу сада, давно превращенный въ свалъ всякихъ нечистотъ, представляется скользящее жидкое дно его, которое иногда съ Іоськой они любили освѣщать, бросая туда зажженную бумагу.

— Кто бросилъ?—спрашиваетъ Тёма.

— Да вѣдь кто? Развѣ скажетъ!

Тёма съ ужасомъ вслушивается въ слова няни. Мысли роемъ тѣснятся въ его головѣ, у него мелькаетъ масса плановъ, какъ спасти Жучку, онъ переходитъ отъ одного невѣроятнаго проекта къ другому и незамѣтно для себя снова засыпаетъ. Онъ просыпается опять отъ какого-то толчка среди прерваннаго сна, въ которомъ онъ все вытаскивалъ Жучку какой-то длинной петлей. Но Жучка все обрывалась, пока онъ не рѣшилъ самъ лѣзть за нею. Тёма совершенно явственно помнитъ, какъ онъ привязалъ веревку къ столбу и, держась за эту веревку, началъ осторожно спускаться по срубу внизъ; онъ уже добрался до половины, когда ноги его вдругъ соскользнули, и онъ стремглавъ полетѣлъ на дно вонючаго колодца. Онъ проснулся отъ этого паденія и опять вздрогнулъ, когда вспомнилъ впечатлѣніе паденія.

Сонъ съ поразительной ясностью стоялъ передъ нимъ. Черезъ ставни слабо брезжилъ начинающійся разсвѣтъ.

Тёма чувствовалъ во всемъ тѣлѣ какую-то болѣзненную истому, но, преодолѣвъ слабость, рѣшилъ немедля выполнить первую половину сна. Онъ началъ быстро одѣваться. Въ головѣ у него мелькнуло опасеніе, какъ бы опять эта затѣя не затянула его на путь вчерашнихъ бѣдствій, но, рѣшивъ, что ничего худого пока не дѣлаетъ, онъ, успокоенный, подошелъ къ няниной постели, поднялъ лежавшую на полу коробочку съ сѣрными спичками, взялъ горсть ихъ къ себѣ въ карманъ, на цыпочкахъ прошелъ черезъ дѣтскую и вышелъ въ столовую. Благодаря стеклянной двери на террасу, здѣсь было уже порядочно свѣтло.

Въ столовой царилъ обычный утренній безпорядокъ: на столѣ стоялъ холодный самоваръ, грязные стаканы, чашки, валялись на скатерти куски хлѣба, стояло холодное блюдо жаркого съ застывшимъ бѣлымъ жиромъ.

Тёма подошелъ къ отдѣльному столику, на которомъ лежала кипа газетъ, осторожно выдернулъ изъ середины нѣсколько номеровъ, на цыпочкахъ подошелъ къ стеклянной двери и тихо, чтобы не произвести шума, повернулъ ключъ, нажалъ ручку и вышелъ на террасу.

Его обдало свѣжей сыростью разсвѣта.

День только-что начинался. По блѣдному голубому небу тамъ и сямъ, точно клочьями, повисли мохнатыя, пушистыя облака. Надъ садомъ легкой дымкой стоялъ туманъ. На террасѣ было пусто, и только платокъ матери, забытый на скамейкѣ, одиноко валялся, живо напомнивъ Тёмѣ вчерашній вечеръ со всѣми его перипетіями и съ сладкимъ примирительнымъ концомъ.

Онъ спустился по ступенькамъ террасы въ садъ. Въ саду царилъ такой же безпорядокъ вчерашняго дня, какъ и въ столовой. Цвѣты съ слѣпившимися перевернутыми листьями, какъ ихъ прибилъ вчера дождь, пригнулись къ грязной землѣ. Мокрыя желтыя дорожки говорили о силѣ вчерашнихъ потоковъ. Деревья, съ опрокинутой вѣтромъ листьой, такъ и остались наклоненными, точно забывшись въ сладкомъ предразсвѣтномъ снѣ.

Тёма пошелъ по главной аллеѣ, потому что въ каретникѣ надо было взять для петли вожжи. Что̀ касается до жердей, то онъ рѣшилъ выдернуть ихъ изъ бесѣдки.

Проходя мимо злополучнаго мѣста, съ котораго начались его вчерашнія страданія, Тёма увидѣлъ цвѣтокъ, лежавшій опрокинутымъ на землѣ. Его, очевидно, смыло вчерашнимъ ливнемъ.

Вотъ вѣдь все можно было бы свалить на вчерашній дождь, сообразилъ Тёма и пожалѣлъ какъ-то безучастно-равнодушно. Болѣзнь быстро прогрессировала. Онъ чувствовалъ жаръ въ тѣлѣ, въ головѣ, общую слабость, болѣзненное желаніе упасть на траву, закрыть глаза и такъ лежать безъ движенія. Ноги его дрожали, иногда онъ вздрагивалъ, потому что ему все казалось, что онъ куда-то падаетъ. Иногда вдругъ воскресала передъ нимъ какая-нибудь мелочь изъ прошлаго, которую онъ давно забылъ, и стояла съ болѣзненной ясностью. Тёма вспомнилъ, что года два тому назадъ дядя Гриша обѣщалъ подарить ему такую лошадку, которая сама, какъ живая, будетъ бѣгать.

Онъ долго мечталъ объ этой лошадкѣ и все ждалъ, когда дядя Гриша привезетъ ее ему, окидывая пытливымъ взглядомъ дядю при каждомъ его пріѣздѣ и не рѣшаясь напомнить о забытомъ обѣщаніи. Потомъ онъ самъ забылъ объ этомъ, а теперь вспомнилъ.

Въ первое мгновеніе онъ встрепенулся отъ мысли, что вдругъ дядя вспомнитъ и привезетъ ему обѣщанную лошадку, но потомъ подумалъ, что теперь ему все равно, ему ужъ не интересна больше эта лошадка.

„Я маленькій тогда былъ“,—подумалъ Тёма.

Каретникъ оказался запертымъ, но Тёма зналъ и безъ замка ходъ въ него: онъ пригнулся къ землѣ и подлѣзъ въ подрытую собаками подворотню. Очутившись въ сараѣ, онъ взялъ двое вожжей и захватилъ на всякій случай длинную веревку, служившую для просушки бѣлья.

При взглядѣ на фонарь, онъ подумалъ, что будетъ удобнѣе освѣтить колодецъ фонаремъ, чѣмъ бумагой, потому что горящая бумага можетъ упасть на Жучку,—обжечь ее. Выбравшись изъ сарая, Тёма избралъ кратчайшій путь къ бесѣдкѣ: перелѣзъ прямо черезъ стѣну, отдѣлявшую черный дворъ отъ сада. Онъ взялъ въ зубы фонарь, намоталъ на шею вожжи, подвязался веревкой и полѣзъ на стѣну. Онъ мастеръ былъ лазить, но сегодня трудно было взбираться: въ голову точно стучали два молотка, и онъ едва не упалъ. Взобравшись наверхъ, онъ на мгновеніе присѣлъ, тяжело дыша, потомъ свѣсилъ ноги и наклонился, чтобы выбрать мѣсто, куда прыгнуть. Онъ увидѣлъ подъ собой сплошные виноградные кусты и только теперь спохватился, что его всего забрызгаетъ, когда онъ попадетъ въ свѣже-намоченную листву. Онъ оглянулся-было назадъ, но, дорожа временемъ, рѣшилъ прыгать. Онъ все-таки намѣтилъ глазами болѣе рѣдкое мѣсто и спрыгнулъ прямо на чернѣвшій кусокъ земли. Тѣмъ не менѣе это

его не спасло отъ брызгъ, такъ какъ надо было пробираться между сплошными кустами виноградника, и онъ вышелъ на дорожку совершенно мокрый. Эта холодная ванна мгновенно освѣжила его, и онъ почувствовалъ себя настолько бодрымъ и здоровымъ, что пустился рысью къ бесѣдкѣ, взобрался проворно на горку, выдернулъ нѣсколько самыхъ длинныхъ прутьевъ и большими шагами по откосу горы спустился внизъ. Съ этого мѣста онъ опять почувствовалъ слабость и уже шагомъ пробирался глухой заросшей дорожкой, стараясь не смотрѣть на сѣрую кладбищенскую стѣну.

Онъ зналъ, что неправда то, что̀ говорилъ Іоська, но все-таки было страшно.

Тёма шелъ, смотрѣлъ прямо передъ собой и, чѣмъ больше онъ старался смотрѣть прямо, тѣмъ ему дѣлалось страшнѣе.

Теперь онъ былъ увѣренъ, что мертвецы сидятъ на стѣнѣ и внимательно слѣдятъ за нимъ. Тёма чувствовалъ, какъ мурашки пробѣгали у него по спинѣ, какъ что-то страшное лѣзло на плечи, какъ чья-то холодная рука, точно играя, потихоньку подымала сзади его волосы. Тёма не выдержалъ и, издавши какой-то вопль, принялся-было бѣжать, но звукъ собственнаго голоса успокоилъ его.

Видъ заброшеннаго, пустынно торчавшаго стараго колодца, среди глухой, поросшей только высокой травой мѣстности, близость цѣли, Жучка — отвлекли его отъ мертвецовъ. Онъ снова оживился и, подбѣжавъ къ отверстію колодца, вполголоса позвалъ:

— Жучка, Жучка!

Тёма замеръ въ ожиданіи отвѣта.

Сперва онъ ничего, кромѣ біенія своего сердца да ударовъ молотковъ въ головѣ, не слышалъ. Но вотъ откуда-то издалека, снизу, донесся до него жалобный, протяжный стонъ. Отъ этого стона сердце Тёмы мучительно сжалось, и у него какимъ-то воплемъ вырвался новый громкій окликъ:

— Жучка, Жучка!

На этотъ разъ Жучка, узнавъ голосъ хозяина, радостно и жалобно завизжала.

— Милая Жучка! Милая, милая, я сейчасъ тебя вытащу,— кричалъ онъ ей, точно она понимала его.

Жучка отвѣтила новымъ радостнымъ визгомъ, и Тёмѣ казалось, что она просила его поторопиться исполненіемъ обѣщанія.

— Сейчасъ, Жучка, сейчасъ,— отвѣтилъ ей Тёма и принялся, съ сознаніемъ всей отвѣтственности принятаго на себя обязательства передъ Жучкой, выполнять свой сонъ.

Прежде всего онъ рѣшилъ выяснить положеніе дѣла. Онъ почувствовалъ себя бодрымъ и напряженнымъ, какъ всегда. Болѣзнь куда-то исчезла. Привязать фонарь, зажечь его и опустить въ яму было дѣломъ одной минуты. Тёма, наклонившись, сталъ вглядываться. Фонарь тускло освѣщалъ потемнѣвшій срубъ колодца, теряясь все глубже и глубже въ охватившемъ его мракѣ, и наконецъ въ трехсаженной глубинѣ освѣтилъ дно.

Тонкой, глубокой щелью какой-то далекой панорамы мягко сверкнула передъ Тёмой въ безконечной глубинѣ мрака неподвижная, прозрачная, точно зеркальная гладь вонючей поверхности, тѣсно обросшая со всѣхъ сторонъ слизистыми стѣнками полусгнившаго сруба.

Какимъ-то ужасомъ смерти пахнуло на него со дна этой далекой, нѣжно свѣтившейся, страшной глади. Онъ точно почувствовалъ на себѣ ея прикосновеніе и содрогнулся за свою Жучку. Съ замираніемъ сердца замѣтилъ онъ въ углу черную шевелившуюся точку и едва узналъ, вѣрнѣе угадалъ, въ этой безпомощной фигурѣ свою нѣкогда рѣзвую, веселую Жучку, державшуюся теперь на выступѣ сруба. Терять времени было нельзя. Отъ страха, хватитъ ли у Жучки силы дождаться, пока онъ все приготовитъ, у Тёмы удвоилась энергія. Онъ быстро вытащилъ назадъ фонарь, а чтобы Жучка не подумала, очутившись опять въ темнотѣ, что онъ ее бросилъ, Тёма во все время приготовленія кричалъ:

— Жучка, Жучка, я здѣсь!

И радовался, что Жучка отвѣчаетъ ему постоянно тѣмъ же радостнымъ визгомъ. Наконецъ все было готово. При помощи вожжей, фонарь и два шеста съ перекладиной внизу, на которой лежала петля, начали медленно спускаться въ колодецъ.

Но этотъ, такъ обстоятельно обдуманный планъ потерпѣлъ неожиданное и непредвидѣнное фіаско, благодаря стремительности Жучки, испортившей все.

Жучка, очевидно, поняла только одну сторону идеи, а именно, что спустившійся снарядъ имѣлъ цѣлью ея спасеніе, и поэтому, какъ только онъ достигъ ея, она сдѣлала попытку схватиться за него лапами. Этого прикосновенія было достаточно, чтобы петля безполезно соскочила, а Жучка, потерявъ равновѣсіе, свалилась въ грязь.

Она стала барахтаться, отчаянно визжа и тщетно отыскивая оставленный ею выступъ.

Мысль, что онъ ухудшилъ положеніе дѣла, что Жучку можно было еще спасти, и теперь онъ самъ виноватъ въ томъ, что она погибнетъ, что онъ самъ устроилъ гибель своей

любимицѣ, заставляетъ Тёму, не думая, благо планъ готовъ, рѣшиться на выполненіе второй части сна—самому спуститься въ колодецъ.

Онъ привязываетъ вожжу къ одной изъ стоекъ, поддерживающихъ перекладину, и лѣзетъ въ колодецъ. Онъ сознаётъ только одно, что времени терять нельзя ни секунды.

Его обдаетъ вонью и смрадомъ. На мгновенье въ душу закрадывается страхъ, какъ бы не задохнуться, но онъ вспоминаетъ, что Жучка сидитъ тамъ цѣлыя уже сутки; это успокаиваетъ его, и онъ спускается дальше. Онъ осторожно щупаетъ спускающейся ногой новую для себя опору и, найдя ее, сначала пробуетъ, потомъ твердо упирается и спускаетъ слѣдующую ногу. Добравшись до того мѣста, гдѣ застряли брошенные жердь и фонарь, онъ укрѣпляетъ покрѣпче фонарь, отвязываетъ конецъ вожжи и спускается дальше. Вонь все-таки даетъ себя чувствовать и снова безпокоитъ и пугаетъ его. Тёма начинаетъ дышать ртомъ. Результатъ получается блестящій: вони нѣтъ, страхъ окончательно улетучивается. Снизу тоже благополучныя вѣсти. Жучка, опять уже усѣвшаяся на прежнее мѣсто, успокоилась и веселымъ попискиваніемъ выражаетъ сочувствіе безумному предпріятію.

Это спокойствіе и твердая увѣренность Жучки передаются мальчику, и онъ благополучно достигаетъ дна.

Между нимъ и Жучкой происходитъ трогательное свиданіе друзей, не чаявшихъ уже больше свидѣться въ этомъ мірѣ. Онъ наклоняется, гладитъ ее; она лижетъ его пальцы, и—такъ какъ опытъ заставляетъ ее быть благоразумной — она не трогается съ мѣста, но зато такъ трогательно, такъ нѣжно визжитъ, что Тёма готовъ заплакать, и уже забывшись, судорожно начинаетъ втягивать носомъ воздухъ, необходимый для перваго непроизвольнаго всхлипыванія, но зловоніе отрезвляетъ и возвращаетъ его къ дѣйствительности.

Не теряя времени, онъ, осторожно держась зубами за изгаженную вожжу, обвязываетъ свободнымъ ея концомъ Жучку, затѣмъ поспѣшно карабкается наверхъ. Жучка, видя такую измѣну, подымаетъ отчаянный визгъ, но этотъ визгъ только побуждаетъ Тёму быстрѣе подниматься.

Но подниматься труднѣе, чѣмъ спускаться. Нуженъ воздухъ, нужны силы, а того и другого у Тёмы уже мало. Онъ судорожно ловитъ въ себя всѣми легкими воздухъ колодца, рвется впередъ, и, чѣмъ больше торопится, тѣмъ скорѣе оставляютъ его силы. Тёма поднимаетъ голову, смотритъ вверхъ, въ далекое ясное небо, видитъ гдѣ-то высоко надъ собою маленькую веселую птичку, беззаботно скачущую по краю ко-

лодца, и сердце его сжимается тоской: онъ чувствуетъ, что не долѣзетъ. Страхъ охватываетъ его. Онъ растерянно останавливается, не зная, что̀ дѣлать: кричать, плакать, звать маму? Чувство одиночества, безсилія, сознаніе гибели закрадываются въ его душу. Онъ ясно видитъ, хотя инстинктивно не хочетъ смотрѣть, хочетъ забыть, что̀ подъ его ногами. Его уже тянетъ туда, внизъ, по этой гладкой скользящей стѣнѣ,— туда, гдѣ отчаянно визжитъ Жучка, гдѣ блестящее вонючее дно ждетъ равнодушно свою, едва обрисовывающуюся во мракѣ, обезсилѣвшую жертву.

Ему уже хочется поддаться страшному болѣзненному искушенію — бросить вожжи, но сознаніе паденія на мгновеніе отрезвляетъ его.

— Не надо бояться, не надо бояться,—говоритъ онъ дрожащимъ отъ ужаса голосомъ.—Стыдно бояться! Трусы только боятся! Кто дѣлаетъ дурное—боится, а я дурного не дѣлаю: я Жучку вытаскиваю, меня и папа и мама за это похвалятъ. Папа на войнѣ былъ, тамъ страшно,—а здѣсь развѣ страшно? Здѣсь ни капельки не страшно. Вотъ отдохну и полѣзу дальше, потомъ опять, опять отдохну и опять полѣзу, такъ и вылѣзу, потомъ и Жучку вытащу. Жучка рада будетъ, всѣ будутъ удивляться, какъ я ее вытащилъ.

Тёма говоритъ громко, у него голосъ крѣпнетъ, звучитъ энергичнѣе, тверже, и наконецъ, успокоенный, онъ продолжаетъ взбираться дальше.

Когда онъ снова чувствуетъ, что начинаетъ уставать, онъ опять громко говоритъ себѣ:

— Теперь опять отдохну и потомъ опять полѣзу. А когда я вылѣзу и разскажу, какъ я смѣшно кричалъ самъ на себя, всѣ будутъ смѣяться, и я тоже.

Тёма улыбается и снова спокойно ждетъ прилива силъ.

Такимъ образомъ незамѣтно его голова высовывается надъ конецъ верхнимъ срубомъ колодца. Онъ дѣлаетъ послѣднее усиліе, вылѣзаетъ самъ и вытаскиваетъ Жучку.

Теперь, когда дѣло сдѣлано, силы быстро оставляютъ его. Почувствовавъ себя на твердой почвѣ, Жучка энергично встряхивается, бѣшено бросается на грудь Тёмы и лижетъ его въ самыя губы. Но этого мало, слишкомъ мало для того, чтобы выразить всю ея благодарность,—она кидается еще и еще. Она приходитъ въ какое-то безумное неистовство.

Тёма безсильно, слабѣющими руками отмахивается отъ нея, поворачивается къ ней спиной, надѣясь этимъ маневромъ спасти хоть лицо отъ липкой вонючей грязи.

Занятый одной мыслью—не испачкать о Жучку лицо, Тёма

ничего не замѣчаетъ, но вдругъ его глаза случайно падаютъ на кладбищенскую стѣну, и Тёма замираетъ на мѣстѣ.

Онъ видитъ, какъ изъ-за стѣны медленно поднимается чья-то черная, страшная голова.

Напряженные нервы Тёмы не выдерживаютъ, онъ испускаетъ неистовый крикъ и безъ сознанія валится на траву, къ великой радости Жучки, которая теперь уже свободно, безъ препятствій, выражаетъ ему свою горячую любовь и признательность за спасеніе.

Еремѣй (это былъ онъ), подымавшійся со свѣже-накопенной травой со стараго кладбища,—ежедневная дань съ покойниковъ въ пользу двухъ барскихъ коровъ,—увидѣвъ Тёму, довольно быстро на этотъ разъ сообразилъ, что надо спѣшить къ нему на помощь.

Черезъ часъ Тёма, лежа на своей кроваткѣ, съ ледяными компрессами на головѣ, пришелъ въ себя.

Но ужъ связь событій потерялась въ его воспаленномъ мозгу; предметы, мысли проходили передъ нимъ вопросами: отчего всѣ такъ встревоженно толпятся вокругъ него? Вотъ мама...

— Мама!

Отчего мама плачетъ? Отчего ему тоже хочется плакать? Что говоритъ ему мама? Отчего такъ вдругъ хорошо ему стало? Но зачѣмъ же уходитъ отъ него мама, зачѣмъ уходятъ всѣ и оставляютъ его одного? Отчего такъ темно сдѣлалось? Какъ страшно вдругъ стало! Что это лѣзетъ изъ-подъ кровати?

— Это папа... милый папа!..

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ,—тоскливо мечется мальчикъ,—это не папа, это что-то страшное лѣзетъ.

— Иди, иди, иди себѣ! — съ дикимъ страхомъ кричитъ Тёма.

— Иди! — и крикъ его переходитъ въ какой-то низкій, полный ужаса и тоски ревъ.

— Иди!—несется по дому. И съ напряженной болью прислушиваются всѣ къ этому тяжелому горячечному бреду.

Всѣмъ жаль маленькаго Тёму. Холодное дыханіе смерти ярко колеблетъ вотъ-вотъ готовое навсегда погаснуть, разгорѣвшееся пламя маленькой свѣчки. Быстро таетъ воскъ, быстро таетъ оболочка тѣла, и уже стоитъ передъ всѣми горячая, любящая душа Тёмы, стоитъ обнаженная и тянетъ къ себѣ.

V.

Наемный дворъ.

Проходили дни, недѣли въ томительной неизвѣстности. Наконецъ здоровый организмъ ребенка взялъ верхъ.

Когда въ первый разъ Тёма показался на террасѣ, — похудѣвшій, выросшій, съ коротко остриженными волосами,— на дворѣ уже стояла теплая осень.

Щурясь отъ яркаго солнца, онъ весь отдался веселымъ, радостнымъ ощущеніямъ выздоравливающаго. Все ласкало, все веселило, все тянуло къ себѣ: и солнце, и небо, и виднѣвшійся сквозь рѣшетчатую ограду садъ.

Ничего не перемѣнилось со времени его болѣзни. Точно онъ только часа на два уѣзжалъ куда-нибудь въ городъ.

Та же бочка стоитъ посреди двора, попрежнему такая же сѣрая, разсохшаяся, съ еле держащимися широкими колесами, съ тѣми же запыленными, деревянными осями, мазанными, очевидно, еще до его болѣзни. Тотъ же Еремѣй тянетъ къ ней ту же упирающуюся попрежнему Буланку. Тотъ же пѣтухъ озабоченно что-то толкуетъ подъ бочкой своимъ курамъ и сердится попрежнему, что онѣ его не понимаютъ.

Все то же, но все радуетъ своимъ однообразіемъ и будто говоритъ Тёмѣ, что онъ опять здоровъ, что всѣ точно только и ждали его выздоровленія, чтобы снова, вступивъ въ прежнюю связь съ нимъ, зажить одною общею жизнью.

Ему даже казалось, что вся его болѣзнь была какимъ-то сномъ... Только лѣто прошло...

До слуха его долетѣли изъ отвореннаго окна кабинета голоса матери и отца и заставили его еще разъ почувствовать прелесть выздоровленія.

Рѣчь между отцомъ и матерью шла о немъ.

Разговора въ подробностяхъ онъ не понялъ, но суть его уловилъ. Она заключалась въ томъ, что ему, Тёмѣ, разрѣшатъ бѣгать и играть на наемномъ дворѣ.

Наемный дворъ—громадное пустопорожнее мѣсто, принадлежащее отцу Тёмы — примыкало къ дому, гдѣ жила вся семья, отдѣлялся отъ него сплошной стѣной. Мѣсто было грязное, покрытое навозомъ, сорными кучами, и только тамъ и сямъ ютились отдѣльныя землянки и низкіе, крытые черепицей флигельки. Отецъ Тёмы, Николай Семеновичъ Карташевъ, сдавалъ его въ аренду еврею Лейбѣ. Лейба, въ свою очередь, сдавалъ по частямъ: дворъ — подъ заѣздъ, лавку— еврею Абрумкѣ; въ кабакѣ сидѣлъ самъ, а квартиры въ

землянкахъ и флигеляхъ отдавалъ въ наемъ всякой городской голытьбѣ. У этой голи было мало денегъ, но зато много дѣтей. Дѣти—оборванныя, грязныя, но здоровыя и веселыя—цѣлый день бѣгали по двору.

Мысль о наемномъ дворѣ давно уже приходила въ голову матери Тёмы, Аглаидѣ Васильевнѣ.

Нерѣдко, сидя въ бесѣдкѣ за книгой, она невольно обращала вниманіе на эту ватагу вѣчно возбужденныхъ веселыхъ ребятишекъ. Наблюдая въ бинокль за ихъ играми, за ихъ неутомимой бѣготней, она часто думала о Тёмѣ.

Нерѣдко и Тёма, прильнувъ къ щелкѣ воротъ, раздѣлявшихъ оба двора, съ завистью слѣдилъ изъ своей сравнительно золотой темницы за рѣзвой толпой. Иногда онъ заикался о разрѣшеніи побѣгать на наемномъ дворѣ; мать слушала и непремѣнительно отклоняла его просьбу.

Но болѣзнь Тёмы, упрекъ мужа относительно того, что Тёма не воспитывается, какъ мальчикъ, положили конецъ ея колебаніямъ.

Какъ натура непосредственная и впечатлительная, Аглаида Васильевна мыслила и рѣшала вопросы такъ, какъ мыслятъ и рѣшаютъ только такія натуры. Съ виду ея рѣшенія часто бывали для окружающихъ чѣмъ-то неожиданнымъ; въ дѣйствительности же этотъ процессъ мышленія, результатомъ котораго получалось такое съ виду неожиданное рѣшеніе, несомнѣнно существовалъ, но происходилъ, такъ сказать, безъ сознательнаго участія съ ея стороны. Факты накоплялись, и, когда ихъ собиралось достаточно для даннаго вывода,—довольно было ничтожнаго толчка, чтобы запутанное до того времени положеніе вещей освѣщалось сразу, съ готовыми уже выводами.

Такъ было и теперь. Упрекъ мужа былъ этимъ толчкомъ, и Аглаида Васильевна пошла въ кабинетъ къ нему поговорить о пришедшей ей въ голову идеѣ. Результатомъ разговора было разрѣшеніе Тёмѣ посѣщать наемный дворъ.

Черезъ двѣ недѣли Тёма уже носился съ ребятишками наемнаго двора. Онъ весь отдался ощущеніямъ совершенно иной жизни своихъ новыхъ пріятелей,—жизни, ни въ чемъ не схожей съ его прежней, своимъ контрастомъ неизгладимыми образами отпечатлѣвшейся въ его памяти.

Наемный дворъ, какъ уже было сказано, представлялъ собою сплошной пустырь, заваленный всевозможными кучами.

Для всѣхъ эти кучи были грязнымъ соромъ, выбрасываемымъ разъ въ недѣлю, по субботамъ, изъ всѣхъ этихъ нищенскихъ лачугъ, но для оборванныхъ мальчишекъ онѣ пред-

ставляли собою неисчерпаемые источники богатствъ и наслажденій. Одинъ видъ ихъ—сѣрый, пыльный, блестящій отъ кусочковъ битаго стекла, сіявшихъ на солнцѣ всѣми переливами радуги—уже радовалъ ихъ сердца. Въ этихъ кучахъ были зарыты цѣлые клады: костяжки для игры въ пуговки, бабки, нитки. Съ какимъ наслажденіемъ, бывало, въ субботу, когда выбрасывался свѣжій соръ, накидывалась на него ватага жадныхъ ребятишекъ и, въ числѣ ихъ, Тёма съ Іоськой

Вотъ дрожащими отъ волненія руками тянется кусочекъ сѣрой нитки и пробуется ея крѣпость. Она годится для пусканія змѣя,—ничего, что коротка, она будетъ связана съ другими такими же нитками; ничего, что въ ней запутались какіе-то волосы и что-то прилипло, что она вся сбита въ одинъ запутанный комокъ,—тѣмъ больше наслажденія будетъ, когда, собравши свою добычу, ватага перелѣзетъ черезъ кладбищенскую стѣну и, усѣвшись гдѣ-нибудь на старомъ памятникѣ, станетъ приводить въ порядокъ свое богатство.

Тёма сидитъ, весь поглощенный своей трудной работой. Глаза его машинально блуждаютъ по старымъ покосившимся памятникамъ, и онъ думаетъ, какой онъ глупый былъ, когда испугался головы Еремѣя.

Гераська, главный атаманъ ватаги, разсказываетъ о ночныхъ похожденіяхъ тѣхъ, которыхъ зарываютъ безъ отпѣванія.

— Прикинетъ тебѣ дорогу и ведетъ... ведетъ, ведетъ... Вотъ будто, вотъ сейчасъ домой... Такъ и дотянетъ до пѣтуховъ... Какъ кочета закричатъ, ну и будетъ,—глядишь, а ты на томъ же мѣстѣ стоишь. Вѣрно! Накажи меня Богъ!—крестится въ подтвержденіе своихъ словъ Гераська.

— Что жъ? Это ни капельки не страшно, — пренебрежительно замѣчаетъ Тёма.

— Не страшно?—воспламеняется Гераська.—А попади-ка къ нимъ подъ сочельникъ, они тебѣ покажутъ, какъ не страшно! Погляжу я на тебя, когда Пульчиха...

Пульчиха, старая 80-ти-лѣтняя высокая, толстая одинокая баба, занимала одну изъ лачугъ наемнаго двора. Она всегда отличалась угрюмымъ, сосредоточеннымъ, несообщительнымъ нравомъ и всегда нагоняла на дѣтей какой-то инстинктивный ужасъ своимъ низкимъ, грубымъ голосомъ, когда гоняла, бывало, ихъ подальше отъ своихъ дверей.

Однажды дверь обыкновенно аккуратной Пульчихи оказалась затворенной, несмотря на то, что всѣ давно уже встали. Гераська сейчасъ же, замѣтивъ эту ненормальность, заглянулъ осторожно въ окошечко лачуги и съ ужасомъ отскочилъ

назадъ: выпученные глаза Пульчихи страшно смотрѣли на него со своего вздутаго посинѣлаго лица.

Преодолѣвъ ужасъ, Гераська опять заглянулъ и разглядѣлъ тонкую бечевку, тянувшуюся съ потолка къ ея шеѣ. Пульчиха, казалось, стояла на колѣняхъ, но не касаясь пола, а какъ-то на воздухѣ. Подняли тревогу, выломали дверь, вытащили старуху изъ петли, но ужъ все было кончено. Пульчиха умерла. Ее отнесли къ „висѣльникамъ“, а лачуга такъ и оставалась пустой, не привлекая къ себѣ новыхъ квартирантовъ.

Эта неожиданная, страшная смерть Пульчихи произвела на ватагу сильное, потрясающее впечатлѣніе.

— Ты думаешь,—продолжалъ Гераська, воодушевляясь, и мурашки забѣгали по спинамъ ватаги.—ты думаешь, она подохла? Держи карманъ! Вотъ пусть-ка сниметъ кто ея хату?! А-га! Вотъ тогда и узнаетъ, гдѣ эта самая Пульчиха, какъ она, подлая, ночью притащится на четверенькахъ подъ окно и станетъ смотрѣть, что тамъ дѣлаютъ. Рожа страшная, си-и-и-няя, вздутая, зубами лязкаетъ, а глазищи такъ и ворочаются, такъ и ворочаются... Накажи меня Богъ! Она и сейчасъ каждую ночь шляется, сволочь, и пока ей въ брюхо не забьютъ осиновый колъ, она такъ и будетъ лазить. А забьютъ, ну и шабашъ!

Разсказъ производитъ потрясающее впечатлѣніе. Тёма давно сорванъ со своихъ скептическихъ подмостковъ и съ напряженнымъ лицомъ слѣдитъ за каждымъ движеніемъ Гераськи.

Напряженнѣе всѣхъ всегда слушаетъ Колька, у котораго даже жилы надуваются на лбу, а ротъ остается открытымъ и тогда, когда всѣ остальные уже давно пришли въ себя.

— У-у!—ткнетъ ему, бывало, Яшка пальцемъ въ открытый ротъ.

Поднимется хохотъ. Колька вспыхнетъ и намѣтитъ обидчику прямо въ ухо. Но Яшка увернется и со смѣхомъ отбѣжитъ въ сторону. Колька пустится за нимъ, Яшка отъ него. Смѣхъ и общее веселье.

Солнце окончательно исчезаетъ за деревьями; доносятся крикливые голоса матерей всѣхъ этихъ Герасекъ, Колекъ, Яшекъ; ватага шумно карабкается по стѣнѣ, съ размаху прыгаетъ во дворъ и расходится. Тёма нѣкоторое время наблюдаетъ, какъ родители встрѣчаютъ запоздалыхъ друзей шлепками, и нехотя возвращается со своимъ оруженосцемъ Іоськой домой. Все ему такъ нравится, все внутри такъ живетъ у него, что онъ жалѣетъ въ эту минуту только о томъ, что не можетъ вѣчно оставаться на наемномъ дворѣ, вѣчно играть со своими новыми друзьями.

Вечеромъ за чайнымъ столомъ сидитъ вся семья, сидитъ Тёма, и образы двора толпятся передъ нимъ. Онъ какъ-то смутно вслушивается въ разговоръ и оживляется лишь тогда, когда до его слуха долетаетъ жалоба пришедшаго арендатора ня то, что номеръ Пульчихи попрежнему не занятъ.

— Онъ и не будетъ никогда занятъ,—авторитетно заявляетъ Тёма.

На вопросъ „почему?“, Тёма сообщаетъ причину. Замѣтивъ, что разсказъ производитъ впечатлѣніе, Тёма продолжаетъ, стараясь подражать во всемъ Гераськѣ:

— Какъ кто наймется, она, подлая, полѣзетъ къ окну, морда си-и-нял, зубами ляскаетъ, сама вздутая, подлая...

Тёма всѣ силы напрягаетъ на послѣднемъ словѣ.

— Боже мой! Что̀ это?!—восклицаетъ мать.

Тёма немного озадаченъ, но доканчиваетъ:

— А вотъ, если ей въ брюхо колъ осиновый загнать, она, сволочь, перестанетъ ходить.

На другой день Тёму на наемный дворъ не пустили, и весь день посвящается чисткѣ отъ нравственнаго сора, накопившагося въ душѣ Тёмы.

Тщательное слѣдствіе никакого, впрочемъ, особеннаго сора не обнаруживаетъ, хотя одна не совсѣмъ красивая исторія какъ-то сама собой выплываетъ на свѣтъ Божій.

Въ числѣ игръ, развлекавшихъ ребятишекъ, были и такія, въ которыхъ сорныя кучи были ни при чемъ, а именно: „дзига“—видъ волчка, свайка, мячъ и орѣхи. Послѣдняя игра требовала уже денегъ, такъ какъ орѣховъ Абрумка даромъ не давалъ. Былъ, конечно, способъ достать орѣховъ въ саду. Но орѣхи сада не годились: они были слишкомъ крупны, шероховаты, а для игры требовались маленькіе орѣхи, круглые и легкіе. Ничего, что внутри ихъ все давно сгнило, зато они хорошо катились въ ямку. Въ случаѣ крайности, за три садовыхъ орѣха Тёмѣ давали одинъ Абрумкинъ. Эти садовые орѣхи тоже не легко давались,—Тёма долженъ былъ рвать ихъ съ рискомъ попасться; иногда ломались вѣтви подъ его ногами, что̀ тоже могъ замѣтить зоркій глазъ отца. Тёма придумалъ выходъ болѣе простой. Онъ пришелъ разъ къ Абрумкѣ и сказалъ:

— Абрумка, скоро будетъ мое рожденіе, и мнѣ подарятъ 20 копеекъ. Дай мнѣ теперь орѣховъ, а въ рожденіе я тебѣ отдамъ деньги.

Абрумка далъ. Такимъ образомъ набралось на 20 копеекъ. Тёма нѣкоторое время не ходилъ къ Абрумкѣ, но нужда заставила, и, придя къ нему, онъ сказалъ:

— Абрумка, дай мнѣ еще орѣховъ.

Но Абрумка напомнилъ Тёмѣ, что въ рожденіе ему подарятъ только двадцать копеекъ.

Тогда Тёма сказалъ Абрумкѣ:

— Я забылъ, Абрумка, мнѣ Таня обѣщала еще 10 копеекъ подарить.

Абрумка подозрительно покосился на Тёму. Тёма покраснѣлъ и почувствовалъ къ Абрумкѣ что-то враждебное и злое. Онъ уже хотѣлъ убѣжать отъ гадкаго Абрумки и отказаться отъ своего намѣренія взять у него еще орѣховъ, но такъ какъ Абрумка пошелъ въ лавку, то и Тёма передумалъ и направился за нимъ. Абрумка копался за темнымъ грязнымъ прилавкомъ, отыскивая между загаженными мухами полками грязную банку съ гнилыми орѣхами, и Тёма ждалъ, пугливо косясь на сосѣднюю, тоже темную комнату, гдѣ въ полумракѣ на кровати обрисовывалась фигура больной жены Абрумки. Она уже давнымъ-давно не вставала и лежала на своей кровати, казалось, засунутая въ пуховую перину,—вѣчно больная, блѣдная, изможденная, съ горѣвшими черными глазами, со всклоченными волосами,—и изрѣдка тихо, мучительно стонала.

Получивъ орѣхи, Тёма опрометью бросился изъ лавки, подальше отъ страшной жены Абрумки, у которой Гераська какъ-то умудрился замѣтить хвостикъ и самъ своими глазами видѣлъ, какъ она однажды, верхомъ на метлѣ, ночью подъ шабашъ, вылетѣла въ трубу. Такъ какъ Гераська при этомъ снялъ шапку, перекрестился и сказалъ: „Накажи меня Богъ!“—то сомнѣнія быть не могло въ справедливости его словъ.

Получивъ орѣхи и проигравъ ихъ, Тёма больше уже не рѣшался итти къ Абрумкѣ. Онъ чувствовалъ, что надулъ его, и это его мучило. Ему казалось, что и Абрумъ это понялъ. Тёма чувствовалъ свою вину передъ нимъ и безъ щемящаго чувства не могъ смотрѣть на угнетенную фигуру вѣчно торчавшаго у своихъ дверей Абрумки.

Иногда вдругъ, среди веселой игры, мелькнетъ передъ Тёмой образъ Абрумки, вспомнится близость дня рожденія, безвыходность положенія, и тоскливо замретъ сердце. Только одно утѣшеніе и было, что день рожденія еще не такъ близокъ. Но бѣда пришла раньше, чѣмъ ждалъ Тёма. Однажды Абрумка, никогда не отходившій ни на шагъ отъ своей лавочки, вдругъ, замѣтивъ Тёму во дворѣ, пошелъ къ нему.

Тёма при его приближеніи вильнулъ-было, какъ будто играя, въ кирпичный сарай, но Абрумка вошелъ въ сарай и

потребовалъ отъ Тёмы денегъ, мотивируя нужду въ деньгахъ неожиданной смертью жены.

Тёма уже съ утра слышалъ отъ своихъ товарищей, что жена Абрумки умерла; слышалъ даже подробный разсказъ, какъ Абрумка самъ задушилъ ее ночью, наложивъ ей на голову подушку, и, усѣвшись, сидѣлъ на этой подушкѣ до тѣхъ поръ, пока его жена не перестала хрипѣть; затѣмъ онъ слѣзъ и легъ спать, а утромъ пошелъ и сказалъ всѣмъ, что его жена умерла.

— Ты самъ видѣлъ?—спросилъ съ широко открывшимися глазами Тёма.

— Накажи меня Богъ, видѣлъ!—проговорилъ Гераська и въ доказательство снялъ шапку и перекрестился.

Теперь этотъ Абрумка, какъ будто онъ никогда не душилъ своей жены, стоялъ передъ Тёмой въ темномъ сараѣ и требовалъ денегъ.

Тёмѣ стало страшно: а вдругъ и его злой Абрумка сейчасъ задушитъ и пойдетъ скажетъ всѣмъ, что Тёма взялъ и самъ умеръ.

— У меня нѣтъ денегъ,—отвѣтилъ Тёма коснѣющимъ языкомъ.

— Ну, такъ я лучше папенькѣ скажу,—просительно проговорилъ Абрумка:—очень нужно, нечѣмъ хоронить мою бѣдную Химку...

И Абрумъ вытеръ скатившуюся слезу.

— Нѣтъ, не говори, я самъ скажу,—быстро проговорилъ Тёма,—я сейчасъ же принесу тебѣ.

У Тёмы пропалъ всякій страхъ къ Абрумкѣ.

Искреннее, неподдѣльное горе, звучавшее въ его словахъ, повернуло къ нему сердце Тёмы. Онъ рѣшилъ немедленно итти къ матери и сознаться ей во всемъ.

Онъ засталъ мать за чтеніемъ.

Тёма горячо обнялъ мать.

— Мама, дай мнѣ тридцать копеекъ.

— Зачѣмъ тебѣ?

Тёма замялся и сконфуженно проговорилъ:

— Мнѣ жалко Абрумки, ему нечѣмъ похоронить Химку, я обѣщалъ ему.

— Это хорошо, что тебѣ жаль его, но все-таки обѣщать ему ты не имѣлъ никакого права. Развѣ у тебя есть свои деньги? Только своими деньгами можно располагать.

Тёма напряженно, сконфуженно слушалъ, и когда Аглаида Васильевна вынесла ему деньги, онъ обнялъ ее и горячо отвѣтилъ ей, мучимый раскаяніемъ за свою ложь:

— Милая моя мама, я никогда больше не буду.

— Ну, иди, иди,—ласково отвѣчала мать, цѣлуя его.

Тёма бѣжалъ къ Абрумкѣ, и въ воображеніи рисовалось его лицо, полное блаженства, когда онъ увидитъ принесенныя ему Тёмой деньги.

Раскраснѣвшись, съ блестящими глазами, онъ влетѣлъ въ лавочку и, чувствуя себя хорошо и смѣло, какъ до того времени, когда онъ еще не сдѣлался должникомъ, проговорилъ восторженно:

— Вотъ, Абрумка!

Абрумка, рывшійся за прилавкомъ, молча поднялъ голову и равнодушно-уныло взялъ протянутыя ему деньги. Но, взглянувъ на разочарованнаго Тёму, Абрумка инстинктивно понялъ, что Тёмѣ нѣтъ дѣла до его горя, что Тёма поглощенъ собой и требуетъ награды за свой подвигъ. Движимый добрымъ чувствомъ, Абрумка вынулъ одну конфетку изъ банки, подалъ ее мальчику и, потрепавъ его по плечу, проговорилъ разсѣянно:

— Хорошій паничъ.

Тёмѣ не по душѣ была фамильярность Абрумки, не по душѣ было равнодушіе, съ какимъ послѣдній принялъ отъ него деньги, и восторженное чувство смѣнилось разочарованіемъ. То, что-то близкое, что̀ онъ за мгновеніе до этого чувствовалъ къ обездоленному, тихому Абрумкѣ, смѣнилось опять чѣмъ-то чужимъ, равнодушнымъ, брезгливымъ. Тёма уже хотѣлъ оттолкнуть конфетку и убѣжать, хотѣлъ сказать Абрумкѣ, что онъ не смѣетъ трепать его по плечу, потому что онъ—Абрумка, а онъ Тёма—генеральскій сынъ, но что-то удержало его. Онъ на мгновеніе почувствовалъ унизительное безсиліе отъ своей неспособности обрѣзать такъ, какъ, навѣрно, обрѣзала бы Зина, и, скрывая брезгливость, разочарованіе, раздраженіе и сознаніе безсилія, молча взялъ конфетку и, не глядя на Абрумку, уже собирался поскорѣе вильнуть изъ лавки, какъ вдругъ дверь отворилась, и Тёма увидѣлъ, что̀ происходило въ другой комнатѣ. Тамъ толпа грязныхъ евреекъ суетливо доканчивала печальный обрядъ. Тёма увидѣлъ что-то бѣлое, спеленатое и догадался, что это было тѣло жены Абрумки. Въ комнатѣ, обыкновенно темной, было теперь свѣтло отъ отворенныхъ оконъ; кровать, на которой лежала больная, была пуста и прибрана. „И никогда ужъ больше не будетъ лежать на ней жена Абрумки“, подумалъ Тёма. Ее сейчасъ понесутъ на кладбище, зароютъ, и останется она тамъ одна съ червями, тогда какъ онъ, Тёма, сейчасъ выбѣжитъ изъ лавочки и, счастливый, полный радости жизни, будетъ играть, смотрѣть на веселое солнце, дышать

воздухомъ. А она не можетъ дышать. Ахъ, какъ хорошо дышать! И Тёма вздохнулъ всей грудью. Какъ хорошо бѣгать, смѣяться, жить!.. А она не можетъ жить, она никогда не откроетъ глазъ и никогда, никогда не ляжетъ больше на эту кровать. Какъ пусто, тяжело стало на душѣ Тёмы. Какой мракъ и тоска охватили его отъ формулированнаго въ первый разъ понятія о смерти. Да, это все пройдетъ. Не будетъ ни Абрумки, ни всѣхъ, ни его, Тёмы, ни этой лавочки,—все все когда-нибудь исчезнетъ. И все равно когда-нибудь смерть придетъ, и никуда нельзя отъ нея уйти, никуда... Вотъ жена Абрумки... А если бъ она спряталась подъ кровать? Нѣтъ, нельзя: смерть и тамъ нашла бы ее. И его найдетъ... И отъ этой мысли у Тёмы захватило дыханіе, и онъ стремительно выбѣжалъ изъ лавки на свѣжій воздухъ.

Скучно стало Тёмѣ. Точно всѣ, всѣ умерли вдругъ, и никого, кромѣ него, не осталось, и все такъ пусто, тоскливо кругомъ. Когда Тёма прибѣжалъ къ играющей въ пуговки ватагѣ, озабоченно и взволнованно слѣдившей за движеніями Гераськи, въ третій разъ побѣдоносно собиравшагося бить конъ, Тёма облегченно вздохнулъ, но, попрежнему безучастный, присѣлъ на пыльную землю, прижавшись къ стѣнѣ избушки, возлѣ которой происходила игра. Онъ разсѣянно слѣдилъ за тѣмъ, какъ мелькали по воздуху отскакивавшія отъ стѣны мѣдныя пуговки, какъ, сверкнувъ въ лучахъ яркаго солнца, онѣ падали на пыльную мягкую землю, мгновенно покрываясь сѣрымъ слоемъ, слѣдилъ за напряженными, возбужденными лицами, и невольная параллель контрастовъ—того, что̀ было у Абрумки и что̀ происходило здѣсь, смутно давила его. Тутъ радуются, а тамъ—смерть, имъ нѣтъ дѣла до Абрумки, а Абрумкѣ—до нихъ, и нельзя такъ сдѣлать, чтобы и Абрумка радовался. Если его позвать играть съ ними? Онъ не пойдетъ. Это имъ, дѣтямъ, весело, а большіе не любятъ играть. Какъ скучно большимъ жить,—ничего они не любятъ: ни бабокъ, ни пуговицъ, ни мяча. И онъ будетъ большой, и онъ ничего этого не будетъ любить,—скучно будетъ. Нѣтъ, онъ будетъ любить! Онъ условится вотъ съ Яшкой, Гераськой, Колькой, чтобы всегда любить играть, и будетъ имъ всегда весело... Нѣтъ, не будетъ,—онъ тоже разлюбитъ!.. Нѣтъ, не разлюбитъ, ни за что не разлюбитъ! И, вскочивъ, точно боясь, что можетъ отвыкнуть, онъ энергично закричалъ;

— Мой конъ!

И вдругъ въ тотъ моментъ, когда Тёма такъ живо почувствовалъ желаніе играть, жить,—у него непріятно екнуло сердце при мысли, что онъ обманулъ мать.

„Ничего! Когда я просилъ у мамы прощенія, я думалъ, что прошу за то, что обманулъ ее; я когда-нибудь разскажу ей все“.

Успокоивъ себя, Тёма забылъ и думать обо всемъ этомъ. И вдругъ все открылось какъ-то такъ, что онъ оглянуться не успѣлъ, какъ самъ же спуталъ себя.

Къ удивленію Тёмы, Аглаида Васильевна отнеслась къ этой исторіи очень мягко и только взяла съ Тёмы слово, что на будущее время онъ будетъ говорить ей всегда правду,— иначе ворота наемнаго двора для него навсегда запрутся.

Прошелъ годъ. Гёма выросъ, окрѣпъ и развернулся. Въ жизни ватаги произошла нѣкоторая перемѣна. Пріятно было бѣгать по двору, лазить на кладбище, но еще пріятнѣе было убѣгать въ ту сторону, гдѣ синѣло необъятное море. Въ такихъ прогулкахъ было столько заманчиваго!.. Тёма забывалъ, что онъ еще маленькій мальчикъ. Онъ стоялъ на берегу моря, нѣжный, мягкій вѣтеръ гладилъ его лицо, игралъ волосами и вселялъ въ него неопредѣленное желаніе чего-то еще неизвѣданнаго. Онъ слѣдилъ за исчезавшимъ на горизонтѣ пароходомъ съ какимъ-то особенно щемящимъ, замирающимъ чувствомъ, полный зависти къ счастливымъ людямъ, уносившимся въ туманную даль. Рыбаки, пускавшіеся въ море на своихъ утлыхъ челнокахъ, были въ глазахъ Тёмы и всей ватаги какими-то полубогами. Съ какимъ уваженіемъ онъ и ватага смотрѣли на ихъ загорѣлыя лица; съ какимъ благоговѣйнымъ напряженіемъ выбивались они изъ силъ, помогая такому собиравшемуся въ путь рыбаку стащить въ море съ гравелистаго берега лодку!

— Дяденька, поясъ!—кричалъ какой-нибудь счастливчикъ, замѣтивъ забытый рыбакомъ на берегу поясъ.

Какой завистью горѣли глазенки остальныхъ, какой удовлетворенной гордостью блистали глаза счастливца, на долю котораго досталось оказать послѣднюю услугу отважному, неразговорчивому рыбаку! Напрасно глаза жадно ищутъ еще чего-нибудь забытаго на пескѣ.

— Мальчикъ! Поднеси-ка корзинку! Вонъ, вонъ на пескѣ,— кричитъ съ выступающаго камня другой рыболовъ, поймавшій на удочку рыбу.

Новая работа: ребятишки вперегонку пускаются за корзинкой, и какой-нибудь счастливецъ уже несется съ ней.

— О-го! Здоровый!—разрѣшаетъ онъ себѣ замѣчаніе, принимая въ корзину пойманную рыбу.

Рыболовъ снова погружается въ безмолвное созерцаніе не-

подвижнаго поплавка, корзинка относится на мѣсто, и мальчишки ищутъ новыхъ занятій. Они собираютъ по берегу плоскіе камешки и съ размаху пускаютъ ихъ по водѣ. „Разъ, два, три, четыре“,—скользя, полетѣлъ камень по гладкой поверхности.

— Чебурыхъ!—презрительно говоритъ кто-нибудь, когда камень, пущенный неумѣлой рукою, съ мѣста зарѣзывается въ воду вмѣсто того, чтобы летѣть касательно.

А то, засучивъ по колѣна штаны, ватага лѣзетъ въ воду и ловитъ подъ камнями рачковъ, разныхъ ракушекъ. Поймаетъ, полюбуется и съѣстъ. Ѣстъ и Тёма и испытываетъ безконечное наслажденіе.

Однажды ватага забрела на бойню. Тёма, увлекшись, не замѣтилъ, какъ очутился въ самомъ дворѣ, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда разсвирѣпѣвшій быкъ, оторвавшись отъ привязи, бросился на присутствовавшихъ, а въ томъ числѣ и на Тёму. Тёму едва спасли. Мясникъ, выручившій его, на прощанье надралъ ему уши. Тёма былъ радъ, что его спасли, но обидѣлся, что его выдрали за уши. Онъ стоялъ сконфуженный, избѣгая любопытныхъ взглядовъ ватаги, и обдумывалъ планъ мести. Между тѣмъ мясники, кончивъ свою работу, нагрузили телѣги и поѣхали въ городъ. Тёма зналъ, что ихъ путь лежитъ мимо дома его отца, и потому отправился за ними. Увидѣвъ у калитки дома Еремѣя, Тёма обогналъ обозъ и сталъ у калитки съ камнемъ въ рукахъ. Когда выдравшій его за ухо мясникъ поровнялся съ нимъ, Тёма размахнулся и пустилъ въ него камнемъ, который и попалъ мяснику въ лицо.

— Держи, держи!—закричали мясники и бросились за маленькимъ разбойникомъ.

Влетѣть въ калитку, задвинуть засовъ было дѣломъ одного мгновенія. На улицѣ раненый мясникъ благимъ матомъ вопилъ:

— Батюшки, убилъ! Убилъ, разбойникъ!

Мясники на всѣ голоса кричали:

— Грабежъ, караулъ! Караулъ, рѣжутъ!

„Убилъ!“—пронеслось въ головѣ Тёмы.

На крыльцо выскочили изъ дому испуганныя сестры, бонна, а за ней и сама Аглаида Васильевна, блѣдная, перепуганная непонятной тревогой.

Физіономія Тёмы, его растерянный видъ ясно говорили, что въ немъ кроется причина всего этого шума.

— Что? Что такое? Что ты сдѣлалъ?

— Я... я убилъ мясника,—заревѣлъ благимъ матомъ Тёма, присѣдая отъ ужаса къ землѣ.

Было не до разспросовъ. Аглаида Васильевна бросилась въ кабинетъ мужа. Появленіе генерала дало дѣлу болѣе спокойный оборотъ. Все объяснилось, рана оказалась неопасной. Обиженный получилъ на водку, и черезъ нѣсколько минутъ мясники снова отправились въ путь. У Тёмы отлегло отъ сердца.

— Негодный мальчикъ! — проговорила, входя съ улицы, мать.

Тёма потупился и почувствовалъ себя дѣйствительно негоднымъ мальчикомъ. Николай Семеновичъ былъ не того мнѣнія.

— За что жъ ты ругаешь его? — возмущенно обратился онъ къ женѣ,—что жъ, по-твоему, ему уши будутъ рвать, а онъ ручки за это долженъ цѣловать?

Аглаида Васильевна, въ свою очередь, была озадачена.

— Ну, такъ и берите себѣ этого разбойника, а мнѣ онъ больше не сынъ, — проговорила она и быстро ушла въ комнаты.

Тёма не почувствовалъ никакой радости отъ поддержки отца и удовлетворенно вздохнулъ только тогда, когда послѣдній ушелъ. На душѣ у него было неспокойно: лучше было бы, если бы отецъ его выругалъ, а мать похвалила. Походивъ съ часъ, Тёма отправился къ матери и, какъ полагалось, когда мать на него сердилась, проговорилъ:

— Мама, я больше не буду.

— Скверный мальчикъ! Что ты больше не будешь? Ты понимаешь, въ чемъ ты виноватъ?

— Въ томъ, что дрался.

— Въ томъ, что ты такой же грубый, какъ и тотъ мясникъ, въ котораго ты швырнулъ камнемъ. Ты знаешь, что, если бы не онъ, быкъ разорвалъ бы тебя?

— Знаю.

— Если бы ты топулъ и тебя за волосы вытащили бы изъ воды, ты тоже бросилъ бы камнемъ въ того, кто тебя вытащилъ?

— Ну да... А зачѣмъ онъ меня за руку не взялъ?

— А зачѣмъ ты безъ позволенія къ нему во дворъ пошелъ? Зачѣмъ ставишь себя въ такое положеніе, что тебя могутъ взять за ухо? Зачѣмъ ты безъ позволенія на бойнѣ былъ? Зачѣмъ ты злой? Зачѣмъ ты волю рукамъ даешь, негодный ты мальчикъ? Мясникъ грубый, но добрый человѣкъ, а ты грубый и злой... Иди, я не хочу такого сына.

Тёма приходилъ и снова уходилъ, пока наконецъ само собой какъ-то не освѣтилось ему все: и его роль въ этомъ

дѣлѣ, и его вина, и несознаваемая грубость мясника, и ответственность Тёмы за созданное положеніе дѣла.

— Ты всегда, ты будешь виноватъ, потому что имъ ничего не дано, а тебѣ дано,—съ тебя и спросится.

Закончилось все уже вечеромъ притчей о талантахъ и разсужденіемъ на тему: кому много дано, съ того много и спросится.

Тёма внимательно и съ интересомъ слушалъ, задавалъ вопросы, въ которыхъ чувствовалось, что онъ сознательно переживаетъ смыслъ сказаннаго.

Горячая Аглаида Васильевна не могла удержаться, чтобы въ такой удобный моментъ не подбросить нѣсколько лишнихъ полѣнъ...

— Ты большой уже мальчикъ, тебѣ десятый годъ. Одинъ мальчикъ въ твои годы уже царемъ былъ.

Глаза Тёмы широко раскрылись.

— А я когда буду царемъ? — спросилъ онъ, уносясь мыслью въ сказочную обстановку Ивана Царевича.

— Ты царемъ не будешь, но, если захочешь, ты можешь помогать царю. Вотъ такой же мальчикъ, какъ ты...

И Тёма узналъ о Петрѣ Великомъ, Ломоносовѣ, Пушкинѣ. Онъ услышалъ коротенькіе стихи, которые мать такъ звучно и красиво прочла ему:

Сѣти рыбакъ разстилалъ по брегу студенаго моря;
Мальчикъ ему помогалъ.—Мальчикъ, оставь рыбака!
Сѣти иныя тебя ожидаютъ.
Будешь умы уловлять, будешь помощникъ царямъ.

Тёмѣ рисовалась знакомая картина: морской берегъ, загорѣлые рыбаки, онъ, нерѣдко помогавшій имъ разстилать на берегу для просушки мокрыя сѣти, и, вздохнувъ отъ избытка чувствъ, онъ проговорилъ удовлетворенно:

— Мама, я тоже помогалъ разстилать сѣти рыбакамъ.

Засыпая въ этотъ вечеръ, Тёма чувствовалъ себя какъ-то особенно возвышенно настроеннымъ. Въ сладкихъ нѣжныхъ образахъ носились передъ нимъ и рыбаки, и сѣти, и невѣдомый мальчикъ, отмѣченный какой-то особой печатью, и десятилѣтній грозный царь, и все это, согрѣваемое сознаніемъ чего-то близкаго, соприкосновеннаго, ярко переливалось въ сонномъ мозгу Тёмы.

„А все-таки я хорошо сдѣлалъ, что хватилъ мясника: теперь уже никто не захочетъ взять меня за ухо!“—пронеслось вдругъ послѣдней сознательной мыслью, и Тёма безмятежно заснулъ.

VI.

Поступленіе въ гимназію.

Еще годъ прошелъ. Подоспѣла гимназія. Тёма держалъ въ первый классъ и выдержалъ. Наканунѣ начала уроковъ Тёма въ первый разъ надѣлъ форму.

Это былъ счастливый день!

Всѣ смотрѣли и говорили, что форма ему очень идетъ. Тёма отпросился на наемный дворъ. Онъ шелъ сіяющій и счастливый.

Было августовское воскрсеніе; яркіе лучи заливали сверху, глаза тонули въ мягкой синевѣ чистаго неба. Акаціи, окаймлявшія кладбищенскую стѣну, точно спали въ сіяніи веселаго, ласковаго дня.

Семья Кейзера, вся налицо, сидитъ за обѣдомъ передъ дверями своей квартиры. Благообразный старикъ, точильщикъ Кейзеръ, чопорно и сухо мѣряетъ Тёму глазами. Съ тою же непривѣтливостью смотритъ и похожій на отца старшій сынъ. Зато „Кейзеровна“ вся исчезла въ доброй, ласковой улыбкѣ, и ея бѣлый высокій чепчикъ усердно киваетъ Тёмѣ. Маленькій Кейзеръ — младшая вѣтвь, весь въ мать — тоже растаялъ и переводитъ свои блаженные глаза съ чепчика матери на Тёминъ мундиръ.

— Здравствуйте, здравствуйте, Тёмочка! — говоритъ Кейзеровна.—Ну вотъ вы, слава Богу, и гимназистъ... совсѣмъ какъ генералъ...

Тёма сомнѣвался, чтобы онъ былъ похожъ на генерала.

— Папенькѣ и маменькѣ радость, — продолжаетъ Кейзеровна.—Папенька здоровъ?

— Здоровъ,—отвѣчаетъ Тёма, смотря въ пространство и роя сапогомъ землю.

— И маменька здорова? и братикъ? и сестрички? Ну, слава Богу, что всѣ здоровы.

Тёма чувствуетъ, что можно итти дальше, и тихо и чинно двигается впередъ.

У дверей своей лачуги сидитъ громадный Яковъ и наслаждается. Его красное лицо блеститъ, маленькіе черные глаза блестятъ, разутыя большія ноги грѣются, вытянутыя на солнце. Онъ уже пропустилъ передъ обѣдомъ... Въ отворенное окно несется писк и шипѣніе сковороды, на которой жарится одна изъ пойманныхъ сегодня камбалъ. Яковъ каждое воскресенье ходитъ удить рыбу. Шесть дней онъ переноситъ пятипудовые мѣшки на своихъ плечахъ съ телѣгъ

па суда, а въ седьмой—до обѣда удитъ, а съ обѣда до вечера кейфуетъ и наслаждается отдыхомъ. Съ нимъ живетъ старуха-мать и больше никого. Была когда-то жена, но давно сбѣжала, и давно уже ничего о ней не знаетъ Яковъ.

— Яковъ, я уже поступилъ въ гимназію,—говоритъ Тёма, останавливаясь передъ нимъ.

— Въ гимназію,—добродушно тянетъ Яковъ и улыбается.

— Это мой мундиръ.

— Мундиръ?—повторяетъ Яковъ и опять улыбается.

Наступаетъ молчаніе. Яковъ смотритъ на большой палецъ ноги, какъ-то особенно загнувшійся къ сосѣду, и протягиваетъ къ нему руку.

— Много наловилъ?—спрашиваетъ Тёма.

— Наловилъ,—отвѣчаетъ Яковъ, отставивъ рукой большой палецъ ноги, который, какъ только его выпустилъ Яковъ еще плотнѣе насѣлъ на сосѣдній.

— А мнѣ ужъ нельзя больше съ тобой ходить,—говоритъ Тёма, вздыхая:—я теперь гимназистъ.

— Гимназистъ,—повторяетъ Яковъ и опять улыбается.

Тёма идетъ дальше и вездѣ, гдѣ только сидятъ, онъ останавливается, чтобы показать себя. Только замѣтивъ Ивана Ивановича, онъ спѣшитъ пройти мимо. Тёма не любитъ разговаривать съ Иваномъ Ивановичемъ, когда онъ пьянъ. А Иванъ Ивановичъ, отставной унтеръ-офицеръ, сослуживецъ отца, несомнѣнно пьянъ. Онъ сидитъ на завалинкѣ, качается и поводитъ кругомъ мутными глазами.

— Стой!—кричитъ онъ, увидавъ Тёму.—На караулъ!

— Дуракъ,—отвѣчаетъ, не останавливаясь, Тёма.

— Стой! Ѣдятъ-тя мухи съ комарами!

И Иванъ Ивановичъ дѣлаетъ видъ, что бросается за Тёмой.

Тёма пускается въ рысь, а Иванъ Ивановичъ весело визжитъ:

— Держи, держи!

Тёма скандализованъ, онъ заворачиваетъ за уголъ, оправляется и опять чинно идетъ дальше.

Появленіе Тёмы передъ ватагой произвело надлежащій эффектъ. Тёма наслаждается впечатлѣніемъ и разсказываетъ, съ чужихъ словъ, какіе въ гимназіи порядки.

— Если кто шалитъ, а придетъ учитель и спроситъ, кто шалитъ, а другой скажетъ,—тотъ ябеда. Какъ только учитель уйдетъ, его сейчасъ поведутъ въ переднюю, накроютъ шинелями и бьютъ.

Ватага, поджавъ свои босыя грязныя ноги, сидѣла подъ заборомъ и съ разинутыми ртами слушала Тёму. Когда не-

большой запасъ свѣдѣній Тёмы о гимназіи былъ исчерпанъ, кто-то предложилъ итти купаться. Поднялся вопросъ, можно ли теперь итти и Тёмѣ. Тёма рѣшилъ, что если принять нѣкоторыя мѣры предосторожности, то можно. Онъ приказалъ ватагѣ итти поодаль, потому что теперь уже неловко ему — гимназисту—итти рядомъ съ ними. Тёма шелъ впереди, а вся ватага, сбившись въ тѣсную кучку, робко шла сзади, не сводя глазъ со своего преобразившагося сочлена. Тёма выбиралъ самыя людныя улицы, шелъ и безпрестанно оглядывался назадъ. Иногда онъ забывалъ и по старой памяти ровнялся съ ватагой, но, вспомнивъ, опять уходилъ впередъ. Такъ они всѣ дошли до берега моря.

Ахъ, какое чудное было море! Все оно точно золотыми кружками отливало и сверкало на солнцѣ и тихо, едва слышно билось о мягкій песчаный берегъ. А тамъ, на горизонтѣ, оно ужъ совсѣмъ спокойное и синее-синее уходило въ безконечную даль. Тамъ, казалось, было еще прохладнѣе.

Но и тутъ хорошо, когда снимешь горячій мундиръ и останешься въ одной рубахѣ. Тёма оглянулся, гдѣ бы уложить новенькій мундиръ.

— А вотъ дайте, я подержу,—проговорилъ вдругъ высокій худой старикъ.

Тёма съ удовольствіемъ принялъ предложеніе.

— Да вы бы, сударь, немного подальше отъ этихъ... неловко вамъ,—шепнулъ Тёмѣ на ухо старикъ, когда Тёма собрался-было раздѣваться.

„Это вѣрно“,—подумалъ Тёма и, обратившись къ ватагѣ, сказалъ:

— Намъ въ гимназіи нельзя... намъ запрещено вмѣстѣ... Вы здѣсь купайтесь, а я пойду подальше...

Ватага переглянулась, а Тёма со старикомъ ушли.

— Ну, вотъ здѣсь ужъ можно,—проговорилъ старикъ, когда ватага скрылась изъ глазъ, благодаря выступающему камню. Тёма раздѣлся и полѣзъ въ воду. Пока онъ купался, старикъ сидѣлъ на берегу и не могъ надивиться искусству Тёмы. А Тёма старался.

— Я могу вонъ до тѣхъ поръ доплыть подъ водой,—кричалъ онъ и съ размаху бросался въ воду. — Я и на спинѣ могу, — кричалъ опять Тёма, — я могу и смотрѣть въ водѣ.

Тёма опускался въ воду, открывалъ глаза и видѣлъ желтые круги.

— А я могу...—началъ снова Тёма, да такъ и замеръ: ни старика ни платья не было больше на берегу. Въ первую минуту Тёма не догадался о печальной истинѣ: ему просто

стало жутко отъ одиночества и пустоты, которыя вдругъ охватили его съ исчезновеніемъ старика, и онъ бросился къ берегу. Онъ думалъ, что старикъ просто перешелъ на другое мѣсто. Но старика нигдѣ не было. Тогда онъ понялъ, что старикъ обокралъ его. Растерянный, онъ пришелъ къ ватагѣ, уже выкупавшейся и одѣтой, и сообщилъ ей свое горе. Розыски были безполезны. Все пространство, какое охватывалъ глазъ, было безлюдно. Старикъ точно провалился сквозь землю.

— Можетъ, это нечистый былъ,—сдѣлалъ кто-то предположеніе, и у всѣхъ пробѣжали мурашки по тѣлу.

— Пойдемъ,—предложилъ Яшка, не отличавшійся храбростью, и, быстро вскочивъ, напялилъ шапку на мокрые волосы.

— А я какъ же?—жалобно проговорилъ Тёма.

Была одна комбинація: остаться Тёмѣ на берегу и ждать, пока дадутъ знать домой. Но одному было страшно, а изъ ватаги никто не хотѣлъ оставаться съ нимъ. Всѣхъ напугалъ нечистый, всѣмъ было страшно, всѣ спѣшили уйти, и Тёма волей-неволей потянулся за всѣми.

— У-ла-ла-а! Голый мальчикъ!

— Голый мальчикъ! Голый мальчикъ!—и толпа городскихъ ребятишекъ, припрыгивая и улюлюкая, бѣжала за Тёмой.

Голый мальчикъ не каждый день ходилъ по улицамъ, и всѣ спѣшили посмотрѣть на голаго мальчика. Тёма шелъ и горько плакалъ. Почти каждый прохожій желалъ знать, въ чемъ дѣло. Но Тёма такъ плакалъ, что говорить самъ не могъ: за него говорили его друзья. Это было очень трогательно. Всѣ останавливались и слушали; слушалъ и Тёма. Когда разсказъ доходилъ до мундира, Тёма не выдерживалъ и начиналъ снова рыдать.

— Но почему же вы не возьмете извозчика?—спросилъ Тёму господинъ въ золотыхъ очкахъ.

„Извозчика?—думалъ Тёма.—Развѣ мало убытковъ папѣ и мамѣ отъ пропавшаго платья! Нѣтъ, онъ не возьметъ извозчика“.

Два господина остановили процессію и тоже пожелали узнать, въ чемъ дѣло. Выслушавъ, одинъ изъ нихъ спросилъ Тёму:

— Какъ ваша фамилія?

— Ка-ка-рташевъ,—отвѣтилъ, захлебываясь, Тёма.

— Генерала Карташева?—переспросилъ удивленно господинъ и, посмотрѣвъ насмѣшливо на своего спутника, проговорилъ пренебрежительно:

— Венгерскій герой!

— Ага!—протянулъ небрежно его спутникъ. И оба прошли, чему-то улыбаясь.

Сердце Тёмы болѣзненно сжалось отъ этихъ туманныхъ, насмѣшливыхъ намековъ. Ему ясно было одно: надъ его отцомъ смѣются! И ему стало такъ больно, что онъ забылъ, что онъ голый, и весь потонулъ въ мучительной мысли. Теперь, когда спрашивали его, какъ фамилія, Тёма отвѣчалъ уже нерѣшительно и робко. Съежившись, онъ снова ждалъ какого-нибудь обиднаго намека и пытливо смотрѣлъ въ глаза спрашивавшихъ.

— Вы сынъ генерала?

— Да, — отвѣчалъ почти шопотомъ Тёма.

— Бѣдный мальчикъ! Возьмите извозчика.

Слава Богу, этотъ ничего не сказалъ.

— Генерала Карташева? Николая Семеныча?

Тёма стоялъ ни живъ ни мертвъ. Это было на базарной площади, и говорилъ высокій, здоровый, немного пьяный старикъ.

„А вдругъ онъ меня сейчасъ ударитъ?“ — подумалъ Тёма.

— Батюшки мои! Да вѣдь это мой генералъ. Я вѣдь съ нимъ, когда онъ эскадроннымъ еще... Я и живъ черезъ него остался! Лизка! Лизка-а!

Подошла толстая краснощекая торговка.

— Возъ давай! — оралъ старикъ.

— Какой еще возъ?

— Давай возъ! Генеральскій сынъ! Того генерала, что̀ жизнь мою... Помнишь, дура, говорилъ тебѣ сколько разъ... Офицеры на войнѣ... Ну, вотъ изъ-подъ лошади... Э, дура!

„Дура“ вспомнила и съ любопытствомъ осматривала Тёму.

— Ну, такъ вотъ сынъ его... Ну, давай, что ли, возъ! Самъ повезу... Съ рукъ на руки сдамъ. Вотъ что̀!

— А кавуны? Съ десятокъ еще осталось.

— Ну ихъ! Какіе тутъ кавуны! Давай возъ! Ахъ, ты, грѣхъ какой! Ну, бѣда! Ахъ, онъ окаянный!

Такъ причитая, размахивая руками, то наклоняясь къ Тёмѣ, то опять выпрямляясь, ораторствовалъ старикъ, пока дочь его, сидя на краю телѣги, поворачивала лошадь къ толпѣ.

— Вотъ какое дѣло вышло! — продолжалъ кричать старикъ, обращаясь къ окружающимъ: — первый генералъ, можно сказать, и на̀ вотъ!.. То-ись, значитъ... одно слово! Прямо — отецъ! Строгъ!.. А чтобы обидѣть — ни-ни! Тутъ вотъ сейчасъ смерть твоя, а тутъ отошелъ, отошелъ... и нѣтъ его: голыми руками бери! И любили жъ! Ну, прямо вотъ скажи: ложись и помирай! Сейчасъ! Ей-Богу!

— Конечно, ежели, къ примѣру, хорошій господинъ... — поддержалъ старика мастеровой.

— То-исъ вотъ какой господинъ: что тебѣ, солдату, полагается, значитъ, бери, а водку особо. Вотъ какой господинъ!

Этотъ доводъ окончательно убѣдилъ толпу.

— Такому господину и послужить можно!

— Извѣстно, можно!

— То вже не то що якъ, а господынъ...

А старикъ уже сидѣлъ на возу и только молча одобрительно кивалъ головой на сочувственные отзывы толпы. Сидѣлъ и Тёма, укутанный въ свиту, съ наслажденіемъ прислушиваясь къ словамъ старика.

— Ты хорошо знаешь моего отца?—спрашивалъ Тёма.

— Ахъ, ты, мой милый, милый!—говорилъ старикъ:—отца твоего я во-какъ знаю. Я двадцать лѣтъ его изо дня въ день видалъ. Такого человѣка нѣтъ и не будетъ! Онъ за тебя и душу свою, и себя самого, и рубаху послѣднюю сниметъ! Вотъ онъ какой!

Тёма ужъ такъ разстроился, что не могъ удержаться отъ слезъ: слезы радости, слезы счастья за отца текли по его щекамъ. Ватага не отставала отъ Тёмы и вся шла тутъ же возлѣ телѣги.

— Вы тутъ что?—накинулся-было на нихъ старикъ.

— Это мои мальчики, они со мной,—вступился Тёма.—Они у насъ живутъ въ домѣ.

— Вотъ какъ! Дружки, значитъ? Такъ что жъ... айда въ телѣгу и вы!..

Ватага не заставила себя упрашивать и, живо вскарабкавшись, размѣстилась, кто какъ могъ. Черезъ нѣсколько минутъ ребятишки веселымъ шопотомъ еще разъ пересказывали случившееся, на этотъ разъ передавая все съ комическимъ оттѣнкомъ. Какъ ни былъ печаленъ Тёма, но и онъ не могъ удержаться и фыркалъ, когда Яшка передавалъ, какъ они утекали отъ нечистаго. Нерѣдко на чью-нибудь мѣткую остроту раздавался дружный, сдержанный смѣхъ остальной компаніи.

— Прысь, прысь!—говорилъ старикъ, за спиной котораго шушукались дѣти, какъ котята въ мѣшкѣ.

И, откинувшись къ нимъ, старикъ долго любовался своимъ грузомъ.

— Вишь, какъ они!.. Какъ мухи къ меду... Не брезгаешь...

И, повернувшись назадъ, старикъ убѣжденно докончилъ:

— И Господь не побрезгаетъ тобой.

Только черезъ недѣлю была готова новая форма.

Когда Тёма появился первый разъ въ классѣ, занятія были уже въ полномъ разгарѣ.

Тёму проводили изъ дому съ большимъ почетомъ. Пріѣхавшій батюшка отслужилъ молебенъ. Мать торжественно перекрестила его съ надлежащими наставленіями новенькимъ образкомъ, который и повѣсила ему на шею. Онъ перецѣловался со всѣми, какъ будто уѣзжалъ на нѣсколько лѣтъ. Серёжику онъ обѣщалъ принести изъ гимназіи лошадку. Мать, стоя на крыльцѣ, въ послѣдній разъ перекрестила отъѣзжавшихъ отца и сына. Отецъ самъ везъ Тёму, чтобы сдать его съ рукъ на руки гимназическому начальству. На козлахъ сидѣлъ Еремѣй, больше, чѣмъ когда-либо, торжественный. Самъ Гнѣдко везъ Тёму. Въ воротахъ стоялъ Іоська и сиротливо улыбался своему товарищу. Изъ наемнаго двора высыпала вся ватага ребятишекъ, съ разинутыми ртами провожавшая глазами своего члена. Тутъ были всѣ налицо: Гераська, Яшка, Колька, Тимошка, Петька, Васька... Въ открытыя ворота мелькнулъ наемный дворъ, всевозможныя кучи, вросшія въ землю избушки, чуть блеснула стѣна стараго кладбища. Вспомнилось прошлое, мелькнуло сознаніе, что все ужъ это позади, какъ ножомъ отрѣзано... Что-то сжало горло Тёмы, но онъ покосился на отца и удержался. Дорогой отецъ говорилъ Тёмѣ о томъ, что его ждетъ въ гимназіи, о товариществѣ, какъ въ его время преслѣдовали ябедъ,—накрывали шинелями и били.

Тёма слушалъ знакомые разсказы и чувствовалъ, что онъ будетъ надежнымъ хранителемъ товарищеской чести. Въ его головѣ рисовались цѣлыя картины геройскихъ подвиговъ.

У дверей класса Тёма поцѣловался въ послѣдній разъ съ отцомъ и остался одинъ.

Сердце его немного дрогнуло при видѣ большого класса, набитаго массою дѣтскихъ фигуръ. Одни на него смотрѣли съ любопытствомъ, другіе насмѣшливо, но всѣ равнодушно и безучастно; ихъ было слишкомъ много, чтобы интересоваться Тёмой.

Вошелъ Иванъ Ивановичъ, высокій, черный надзиратель, совсѣмъ молодой еще, конфузливый, добрый, и крикнулъ:

— Господа, есть еще мѣсто?

На каждой скамейкѣ сидѣло по четыре человѣка. Свободное мѣсто оказалось на послѣдней скамейкѣ.

— Ну, вотъ и садись,—проговорилъ Иванъ Ивановичъ и, постоявъ еще мгновеніе, вышелъ изъ класса.

Тёма пошелъ, скрѣпя сердце, на послѣднюю скамейку. Изъ разсказовъ отца онъ зналъ, что тамъ сидятъ самые лѣнтяи, но дѣлать было нечего.

— Сюда! — строго скомандовалъ высокій, плотный, краснощекій мальчикъ лѣтъ четырнадцати.

Тёму поразилъ этотъ верзила, составляющій рѣзкій контрастъ со всѣми остальными ребятишками.

— Полѣзай! — скомандовалъ Вахновъ и довольно безцеремонно толкнулъ Тёму между собой и маленькимъ черным гимназистомъ, точно шапкой, покрытымъ мохнатыми, нечесаными волосами.

Изъ-подъ этихъ волосъ на Тёму сверкнула пара косыхъ черныхъ глазъ и снова куда-то скрылась.

Нѣсколько человѣкъ безцеремонно подошли къ сосѣднимъ скамьямъ и смотрѣли на конфузившагося, не знавшаго, куда дѣвать свои руки и ноги, Тёму. Изъ нихъ особенно впился въ Тёму бѣлобрысый некрасивый гимназистъ Корневъ, съ заплывшими небольшими глазами, какъ-то въ упоръ пренебрежительно и недружелюбно осматривая его. Вахновъ, облокотившись локтемъ о скамейку, подперевъ щеку рукой, тоже осматривалъ Тёму сбоку съ какимъ-то безсмысленнымъ любопытствомъ.

— Какъ твоя фамилія? — спросилъ онъ наконецъ у Тёмы.

— Карташевъ.

— Какъ? Рубль нашелъ? — переспросилъ Вахновъ.

— Очень остроумно! — ѣдко проговорилъ бѣлобрысый гимназистъ и, пренебрежительно отвернувшись, пошелъ на свое мѣсто.

— Это — сволочь! — шепнулъ Вахновъ на ухо Тёмѣ.

— Яѣда? — спросилъ тоже на ухо Тёма.

Вахновъ кивнулъ головой.

— Его били подъ шинелями? — спросилъ опять Тёма.

— Нѣтъ еще, тебя дожидались, — какъ-то загадочно проговорилъ Вахновъ.

Тёма посмотрѣлъ на Вахнова.

Вахновъ молча, сосредоточенно поднялъ вверхъ палецъ.

Вошелъ учитель географіи, — желтый, разстроенный. Онъ какъ-то устало, небрежно сѣлъ и раздраженно началъ перекличку. Онъ то и дѣло каркалъ и плевался на всѣ стороны. Когда дошло до фамиліи Карташева, Тёма, по примѣру другихъ, сказалъ:

— Есть.

Учитель остановился, подумалъ и спросилъ:

— Гдѣ?

— Встань! — толкнулъ его Вахновъ. Тёма всталъ.

— Гдѣ вы тамъ? — перегнулся учитель и чуть не крикнулъ:

— Да подите сюда! Прячется гдѣ-то.. ищи еще.

Тёма выбрался, получивъ отъ Вахнова пинка, и сталъ передъ учителемъ.

Учитель смѣрилъ глазами Тёму и сказалъ:

— Вы что̀ жъ? Ничего не знаете изъ пройденнаго?

— Я былъ боленъ, — отвѣтилъ Тёма.

— Что̀ жъ мнѣ-то прикажете дѣлать? Съ вами отдѣльно начинать съ начала, а остальные пусть ждутъ?

Тёма ничего не отвѣтилъ. Учитель раздраженно проговорилъ:

— Ну, такъ вотъ что̀, какъ вамъ угодно: если черезъ недѣлю вы не будете знать всего пройденнаго, я вамъ начну ставить единицы до тѣхъ поръ, пока вы не нагоните. Понятно?

— Понятно, — отвѣтилъ Тёма.

— Ну и ступайте.

— Ничего, — прошепталъ успокоительно Вахновъ. — Ужъ безъ того не обойдется, все равно, чтобъ не застрять на второй годъ. Ты знаешь, сколько я лѣтъ ужъ высидѣлъ?

— Нѣтъ.

— Угадай!

— Больше двухъ лѣтъ, кажется, нельзя.

— Три. Это только для меня, потому что я сынъ севастопольскаго героя.

Слѣдующій урокъ былъ рисованіе. Тёмѣ дали карандашъ и бумагу.

Тёма началъ выводить съ модели какой-то носъ, но у него не было никакихъ способностей къ рисованію. Выходило что-то совсѣмъ несообразное.

— Ты совсѣмъ не умѣешь рисовать? — спросилъ Вахновъ.

— Не умѣю, — отвѣтилъ Тёма.

— Смотри! Я тебѣ нарисую.

Тёма стеръ. Вахновъ въ нѣсколько штриховъ красиво нарисовалъ ему большой, выпуклый съ шишкой носъ.

— Развѣ онъ похожъ на этотъ носъ? — спросилъ огорченно Тёма, сравнивая его съ моделью римскаго носа.

— Ну, вотъ глупости, ты можешь рисовать всякій, какой захочешь... Лишь бы былъ носъ. Ну, скажешь, что у дяди твоего такой носъ... Вотъ и все. Это все глупости, а вотъ хочешь, я покажу тебѣ фокусъ, только крѣпко держи.

Вахновъ сунулъ въ руки Тёмы какой-то продолговатый предметъ.

— Крѣпко держи!

— Ты что-нибудь сдѣлаешь?

— Ну, вотъ... только держи... крѣпче! — И Вахновъ съ силой дернулъ шнурокъ.

Въ то же мгновеніе Тёма съ пронзительнымъ крикомъ,

уколотый двумя высунувшимися иголками, хватилъ со всего размаха Вахнова по лицу.

Учитель всталъ со своего мѣста и пошелъ къ Темѣ.

— Только выдай, сегодня же отдѣлаемъ подъ шинелями, — прошепталъ Вахновъ.

Учитель съ какимъ-то болѣзненнымъ, прозрачнымъ лицомъ, съ длинными бакенбардами, съ стеклянными глазами, подошелъ и уставился на Тёму.

— Какъ фамилія?

— Карташевъ.

— Встаньте!

Тёма всталъ.

— Вы что жъ, въ кабакъ сюда пришли?

Тёма молчалъ.

— Ваше рисованіе?

Тёма протянулъ свой носъ.

— Это что жъ такое?

— Это моего дяди носъ, — отвѣчалъ Тёма.

— Вашего дяди? — загадочно переспросилъ учитель. — Хорошо-съ, ступайте изъ класса!

— Я больше не буду, — прошепталъ Тёма.

— Хорошо-съ, ступайте изъ класса. — И учитель ушелъ на свое мѣсто.

— Иди, это ничего, — прошепталъ Вахновъ. — Постоишь до конца урока и придешь назадъ. Молодецъ! Первымъ товарищемъ будешь!

Тёма вышелъ изъ класса и сталъ въ темномъ коридорѣ у самыхъ дверей. Немного погодя въ концѣ коридора показалась фигура въ форменномъ фракѣ. Фигура быстро подвигалась къ Тёмѣ.

— Вы зачѣмъ здѣсь? — наклоняясь къ Тёмѣ, спросилъ какъ-то неопредѣленно-мягко господинъ.

Тёма увидѣлъ передъ собою черное, съ козлиной бородой лицо, большіе, черные глаза съ массой тонкихъ синихъ жилокъ вокругъ нихъ.

— Я... Учитель сказалъ мнѣ постоять здѣсь.

— Вы шалили?

— Н...нѣтъ.

— Ваша фамилія?

— Карташевъ.

— Вы маленькій негодяй однако! — проговорилъ господинъ, совсѣмъ близко приближая свое лицо, такимъ голосомъ, что Тёмѣ показалось, будто господинъ этотъ оскалилъ зубы. Тёма задрожалъ отъ страха. Его охватило такое же

чувство ужаса, какъ въ сараѣ, когда онъ остался съ глазу на глазъ съ Абрумкой.

— За что Карташевъ высланъ изъ класса? — спросилъ онъ, распахнувъ дверь.

При появленіи господина, весь классъ шумно всталъ и вытянулся въ струнку.

— Дерется, — проговорилъ учитель. — Я далъ ему модель носа, а онъ вотъ что̀ нарисовалъ и говоритъ, что это носъ его дяди.

Свѣтлый классъ, масса народа успокоили Тёму. Онъ понялъ, что сдѣлался жертвой Вахнова, — понялъ, что необходимо объясниться, но, на свое несчастье, онъ вспомнилъ и наставленіе отца о товариществѣ. Ему показалось особенно удобнымъ именно теперь, передъ всѣмъ классомъ, заявить, такъ сказать, себя сразу, и онъ заговорилъ взволнованнымъ, но увѣреннымъ и убѣжденнымъ голосомъ:

— Я, конечно, никогда не выдамъ товарищей, но я все-таки могу сказать, что я ни въ чемъ не виноватъ, потому что меня очень нехорошо обманули и ска...

— Молчать!! — заревѣлъ благимъ матомъ господинъ въ форменномъ фракѣ. — Негодный мальчишка!

Тёмѣ, непривыкшему къ гимназической дисциплинѣ, пришла другая несчастная мысль въ голову.

— Позвольте... — заговорилъ онъ дрожащимъ, растерянным голосомъ: — вы развѣ смѣете на меня такъ кричать и ругать меня?

— Вонъ!! — заревѣлъ господинъ во фракѣ и, схвативъ за руку Тёму, потащилъ за собой по коридору.

— Постойте... — упирался сбившійся окончательно съ толку Тёма. — Я не хочу съ вами итти... Постойте...

Но господинъ продолжалъ волочить Тёму. Дотащивъ его до дежурной, господинъ обратился къ выскочившему надзирателю и проговорилъ, задыхаясь отъ бѣшенства:

— Везите этого дерзкаго сорванца домой и скажите, что онъ исключенъ изъ гимназіи.

Отецъ, успѣвшій только-что возвратиться изъ города, передавалъ женѣ гимназическія впечатлѣнія.

Мать сидѣла въ столовой и занималась съ Зиной и Наташей. Изъ отворенныхъ дверей дѣтской доносилась возня Серёжика съ Аней.

— Такъ все-таки испугался?

— Струсилъ, — усмѣхнулся отецъ. — Глазенки забѣгали. Привыкнетъ.

— Бѣдный мальчикъ, — трудно ему будетъ! — вздохнула

мать и, посмотрѣвъ на часы, проговорила: — второй урокъ кончается. Сегодня надо будетъ ему торжественную встрѣчу сдѣлать. Надо заказать къ обѣду всѣ любимыя его блюда.

— Мама, — вмѣшалась Зина, — онъ любитъ больше всего компотъ.

— Я подарю ему свою записную книжечку.

— Какую, мама, — изъ слоновой кости? — спросила Зина.

— Да.

— Мама, а я подарю ему свою коробочку. Знаешь? Голубенькую.

— А я, мама, что̀ подарю? — спросила Наташа. — Онъ шоколадъ любитъ... я подарю ему шоколаду.

— Хорошо, милая дѣвочка. Все положимъ на серебряный подносъ и, когда онъ войдетъ въ гостиную, торжественно поднесемъ ему.

— Ну, и я ему тоже подарю: кинжалъ въ бархатной оправѣ, — проговорилъ отецъ.

— Ну, ужъ это будетъ полный праздникъ ему...

Звонокъ прервалъ дальнѣйшіе разговоры.

— Кто бы это могъ быть? — спросила мать и, войдя въ спальню, заглянула на улицу.

У калитки стоялъ Тёма съ какимъ-то незнакомымъ господиномъ въ помятой шляпѣ. Сердце матери тоскливо ёкнуло.

— Что̀ съ тобой? — окликнула она Тёму, входившаго съ какимъ-то взбудораженнымъ, перевернутымъ лицомъ.

На этомъ лицѣ было въ это мгновеніе все: стыдъ, растерянность, какая-то тупая напряженность, раздраженіе, оскорбленное чувство, — однимъ словомъ, такого лица мать не только никогда не видала у своего сына, но даже и представить себѣ не могла, чтобы оно могло быть такимъ. Своимъ материнскимъ сердцемъ она сейчасъ же поняла, что съ Тёмой случилось какое-то большое горе.

— Что̀ съ тобой, мой мальчикъ?

Этотъ мягкій, нѣжный вопросъ, обдавъ Тёму привычнымъ тепломъ и лаской семьи, послѣ всѣхъ этихъ холодныхъ, безучастныхъ лицъ гимназіи, потрясъ его до самыхъ тончайшихъ фибръ его существа.

— Мама! — могъ только закричать онъ и бросился, судорожно, безумно рыдая, къ матери...

Послѣ обѣда Карташевы, мужъ и жена, поѣхали объясняться къ директору.

Господинъ во фракѣ, оказавшійся самимъ директоромъ, принялъ ихъ въ своей гостиной сухо и сдержанно, но вѣжливо, съ порядочностью воспитаннаго человѣка.

Горячій пылъ матери разбился о нервный, но сдержанный и сухой тонъ директора. Онъ деликатно, терпѣливо слушалъ ея взгляды на воспитаніе, какія именно цѣли она преслѣдовала, слушалъ, скрывая ощущеніе какого-то невольнаго пренебреженія къ словамъ матери, и, когда она кончила, какъ-то нехотя началъ:

— Въ моемъ распоряженіи слишкомъ 400 дѣтей. Каждая мать, конечно, воспитываетъ своихъ дѣтей, какъ ей кажется лучше, считаетъ, конечно, свою систему идеальной и рѣшительно забываетъ только объ одномъ—о дальнѣйшемъ, общественномъ уже воспитаніи своего ребенка, совершенно забываетъ о томъ руководителѣ, на обязанности котораго лежитъ сплотить всю эту разрозненную массу въ нѣчто такое, съ чѣмъ, говоря о практической сторонѣ дѣла, можно было бы совладать. Если каждый ребенокъ начнетъ разсуждать со своей точки зрѣнія о правахъ своего начальника, забьетъ себѣ въ свою легкомысленную, взбалмошную голову правила какого-то товарищества, цѣль котораго прежде всего скрывать шалости,—слѣдовательно въ основѣ его—уже стремленіе высвободиться отъ вліянія руководителя,— зачѣмъ же тогда эти руководители? Будемъ послѣдовательны—зачѣмъ же мы тогда? Мнѣ кажется: разъ вы почему-либо признаёте необходимостью для вашего сына общественное воспитаніе, разъ вы почему-либо отказываетесь отъ его дальнѣйшаго обученія и передаете его намъ, вы тѣмъ самымъ обязаны безпрекословно признать всѣ наши правила, созданныя не для одного, а для всѣхъ. Къ этому обязываетъ васъ и справедливость: мы не мѣшались въ воспитаніе вашего сына до поступленія его въ гимназію...

— Но вѣдь онъ останется же моимъ сыномъ?

— Во всемъ остальномъ, кромѣ гимназіи. Съ момента его поступленія, ребенокъ долженъ понимать и знать, что вся власть надъ нимъ въ сферѣ его занятій переходитъ къ его новымъ руководителямъ. Если это сознаніе будетъ глубоко сидѣть въ немъ,—это дастъ ему возможность благополучно сдѣлать свою карьеру, въ противномъ случаѣ рано или поздно явится необходимость пожертвовать имъ для поддержанія порядка существующаго гимназическаго строя. Это я прошу васъ принять, какъ мой окончательный ультиматумъ, какъ директора гимназіи, а какъ частный человѣкъ, могу только прибавить, что, если бъ даже я желалъ что-нибудь измѣнить въ этомъ, то мнѣ ничего другого не оставалось бы сдѣлать, какъ выйти въ отставку. Говорю вамъ это, чтобъ яснѣе обрисовать положеніе вещей. Сынъ вашъ, конечно, не будетъ исклю-

чепъ, и я долженъ былъ прибѣгнуть къ такой крутой мѣрѣ только для того, чтобы прекратить невозможную, говоря откровенно, возмутительную сцену. Безнаказаннымъ его поступка тоже нельзя оставить... для другихъ. Я вѣрю въ его невинность и въ самомъ скоромъ времени постараюсь удалить эту язву, Вахнова, котораго мы держимъ изъ-за раненаго отца, оказавшаго въ севастопольскую кампанію большія услуги городу... Но всякому терпѣнію есть граница. Педагогическій совѣтъ опредѣлитъ сегодня мѣру наказанія вашему сыну, и сегодня же я увѣдомлю васъ. Больше, къ сожалѣнію, я ничего не могу для васъ сдѣлать.

Мать Карташева молча, взволнованно встала. Въ ней все бурлило и волновалось, но она какъ-то совершенно потеряла подъ собой почву. Она чувствовала свое полное безсиліе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, чувствовала, что ее все больше охватывало желаніе чѣмъ-нибудь задѣть неуязвимаго директора. Но она побоялась повредить сыну и предпочла лучше поскорѣе уѣхать.

— Я хотѣлъ только сказать, — проговорилъ, вставая за женой, Карташевъ:—я вполнѣ раздѣляю всѣ ваши взгляды... Я самъ военный, и странно было бы не сочувствовать вамъ... Дисциплина... конечно.. Но я хотѣлъ только вамъ сказать насчетъ товарищества... Все жъ таки, мнѣ кажется, нельзя отрицать его пользы.

Жена съ неудовольствіемъ нетерпѣливо ждала конца начатаго мужемъ совершенно безполезнаго разговора

— Совершенно отрицаю въ томъ видѣ, какъ оно вообще понимается,—отвѣтилъ директоръ,—а именно: скрывать негодяевъ, заслуживающихъ наказанія.

— Боже мой,—прошептала Карташева: — напаливший ребенокъ—негодяй!

И вдругъ то, чего она боялась, что еще держала въ себѣ, вылетѣло какъ-то само собой:

— Но этотъ негодяй заслуживаетъ все-таки, чтобы его выслушали прежде, чѣмъ осыпать его бранью?

Директоръ вспыхнулъ до корня волосъ.

— Сударыня, если я смѣю сказать вамъ у себя въ домѣ... Я сказалъ бы... Я сказалъ бы, что не считаю себя отвѣтственнымъ въ своихъ поступкахъ передъ вами.

Карташева спохватилась.

— Я прошу васъ извинить мою невольную горячность... Это все такъ ново... Пожалуйста, извините... У вашей жены есть дѣти?—обратилась она съ неожиданнымъ вопросомъ къ директору.

— Есть,—озадаченно отвѣтилъ онъ.

— Передайте ей,—дрожащимъ голосомъ проговорила Карташева,—что я отъ всего сердца желаю ей и ея дѣтямъ никогда не пережить того, что̀ пережила сегодня я и мой сынъ.

И, едва сдерживая слезы, она вышла на лѣстницу и поспѣшно спустилась къ экипажу.

Сидя въ экипажѣ, она ждала мужа, который остался еще, чтобы какой-нибудь прощальной фразой смягчить впечатлѣніе, произведенное его женой на директора... Мысли безпорядочно, нервно проносились въ ея головѣ. Чужая... Совсѣмъ чужая... Все пережитое, перечувствованное, выстраданное — не даетъ никакихъ правъ. Это оцѣнка того, кому непосредственно съ рукъ на руки отдаешь свой десятилѣтній, напряженный до боли трудъ. Убійственное равнодушіе... Общія соображенія... Точно это общее существуетъ отвлеченно, гдѣ-то само для себя, а не для тѣхъ же отдѣльныхъ субъектовъ... Точно это общее, а не они сами, со временемъ станетъ за нихъ въ ряды честныхъ, беззавѣтныхъ работниковъ своей родины... Точно нельзя, не нарушая этого общаго, не топтать въ грязь самолюбія ребенка.

— Ѣдемъ,—проговорила она нервно садившемуся мужу:— ѣдемъ скорѣе отъ этихъ неуязвимыхъ людей, которые думаютъ только о своихъ удобствахъ и не въ состояніи даже вспомнить, что сами были когда-то дѣтьми.

Вечеромъ было прислано опредѣленіе педагогическаго совѣта. Тёма въ теченіе недѣли долженъ былъ на лишній часъ оставаться въ гимназіи послѣ уроковъ.

На слѣдующій день Тёма съ надлежащими инструкціями былъ отправленъ въ гимназію уже одинъ.

Поднимаясь по лѣстницѣ, Тёма лицомъ къ лицу столкнулся съ директоромъ. Онъ не замѣтилъ сначала директора, который, стоя наверху, молча внимательно наблюдалъ маленькую фигурку, усердно шагавшую черезъ двѣ ступени. Когда, поднявшись, онъ увидалъ директора,—черные глаза послѣдняго строго и холодно смотрѣли на него.

Тёма испуганно, неловко стащилъ шапку и поклонился.

Директоръ едва замѣтно кивнулъ головой и отвелъ глаза.

VII.

Будни.

Мелкій ноябрьскій дождь однообразно барабанилъ въ окна. На большихъ часахъ въ столовой медленно-хрипло пробило 7 часовъ утра.

Зина, поступившая въ томъ же году въ гимназію, въ форменномъ коричневомъ платьѣ, въ бѣлой пелеринкѣ, сидѣла за чайнымъ столомъ, пила молоко и тихо бурчала себѣ подъ носъ, постоянно заглядывая въ открытую, лежавшую передъ ней книгу.

Когда пробили часы, Зина быстро встала и, подойдя къ Тёминой комнатѣ, проговорила черезъ дверь:

— Тёма, уже четвертъ восьмого.

Изъ Тёминой комнаты послышалось какое-то неопредѣленное мычаніе.

Зина возвратилась къ книгѣ, и снова въ столовой раздался тихій, равномѣрный гулъ ея голоса.

Въ комнатѣ Тёмы царила мертвая тишина.

Зина опять подошла къ двери и энергично произнесла:

— Тёма, да вставай же!

На этотъ разъ недовольнымъ, сонным голосомъ Тёма отвѣтилъ:

— И безъ тебя встану!

— Осталось всего 15 минутъ, я тебя ни одной минуты не буду ждать. Я не желаю изъ-за тебя каждый разъ опаздывать.

Тёма нехотя поднялся.

Надѣвъ сапоги, онъ подошелъ къ умывальнику, раза два плеснулъ себѣ въ лицо водой, кое-какъ обтерся, схватилъ гребешокъ, сдѣлалъ небрежный раздѣлъ сбоку — кривой и неровный, нѣсколько разъ чеснулъ свои густые волосы; не докончивъ, пригладилъ ихъ нетерпѣливо руками и, одѣвшись, застегивая сюртукъ на ходу, вошелъ въ столовую.

— Мама приказала, чтобъ ты непремѣнно стаканъ молока выпилъ,—проговорила Зина.

Тёма только сдвинулъ молча брови.

— Я не буду такой бурды пить... Пей сама! — отвѣтилъ Тёма, толкая поданный Таней стаканъ чаю.

— Артемій Николаевичъ, мама крѣпкій же не позволяютъ.

Тёма посидѣлъ нѣсколько мгновеній, затѣмъ рѣшительно вскочилъ, взялъ чайникъ и подлилъ себѣ въ стаканъ крѣпкаго чаю.

Таня посмотрѣла на Зину, Зина на Тёму; а Тёма, довольный, что добился своего, макалъ въ чай хлѣбъ и ѣлъ его, ни на кого не глядя.

— Молоко будете пить?—спросила Таня.

— Полстакана!

Послѣ молока Зина встала и, рѣшительно проговоривъ: „я больше ни минуты не жду“, начала поспѣшно собирать свои тетради и книги.

Тёма, не спѣша, послѣдовалъ ея примѣру.

Братъ и сестра вышли на подъѣздъ, гдѣ давно уже ждалъ ихъ со всѣхъ сторонъ закрытый, точно облитый водой, экипажъ, мокрая Б\ланка и такой же мокрый, сгорбившійся, одноглазый Еремѣй.

Въ экипажѣ исчезли сперва Зина, а за ней Тёма.

Еремѣй застегнулъ фартукъ и поѣхалъ.

Дождь уныло барабанилъ по крышѣ экипажа. Тёмѣ вдругъ показалось, что Зина заняла больше половины сидѣнія, и потому онъ началъ полегоньку тѣснить Зину.

— Тёма, что тебѣ надо? —спросила будто ничего не понимавшая Зина.

— Ну да, ты разсѣлась такъ, что мнѣ тѣсно!

И Тёма еще сильнѣе нажалъ на Зину.

— Тёма, если ты сейчасъ не перестанешь, — проговорила Зина, упираясь изо всѣхъ силъ ногами, — я назадъ поѣду, къ папѣ!..

Тёма молча продолжалъ свое дѣло. Сила была на его сторонѣ.

— Еремѣй, поѣзжай назадъ!—потерявъ терпѣніе, крикнула Зина.

— Еремѣй, пошелъ впередъ!—закричалъ въ то же время Тёма.

— Еремѣй —назадъ!

— Еремѣй—впередъ!

Окончательно растерявшійся Еремѣй остановился и, заглядывая черезъ щель единственнымъ глазомъ къ своимъ неуживчивымъ сѣдокамъ, проговорилъ:

— Ну, ей же Богу, я слизу съ козелъ, идьте, якъ хотыте, бо вже не знаю, кого и слухаты!

Внутри экипажа все стихло. Еремѣй поѣхалъ дальше. Онъ благополучно добрался до женской гимназіи, гдѣ сошла Зина. Тёма поѣхалъ дальше одинъ.

Фантазія незамѣтно унесла его далеко отъ дѣйствительности,—на необитаемый островъ, гдѣ онъ, всласть навоевавшись съ дикарями и со всевозможными чудовищами міра, надумался наконецъ умирать.

Умирать Тёма любилъ. Всѣ будутъ жалѣть его, плакать; и онъ будетъ плакать.. И слезы вотъ-вотъ ужъ готовы брызнуть изъ глазъ Тёмы... А Еремѣй давно ужъ стоитъ у воротъ гимназіи и удивленнымъ глазомъ смотритъ въ щелку. Тёма испуганно приходитъ въ себя, оглядывается, по царящей тишинѣ во дворѣ соображаетъ, что опоздалъ, и сердце его тоскливо замираетъ. Онъ быстро пробѣгаетъ дворъ, лѣстницу,

проворно снимаетъ пальто и старается незамѣченнымъ проскользнуть по коридору.

Но высокій Иванъ Ивановичъ, размахивая своими длинными руками, уже идетъ навстрѣчу. Онъ какъ-то мимоходомъ ловитъ за плечо Тёму, заглядываетъ ему въ лицо и лѣниво спрашиваетъ.

Карташевъ?

— Иванъ Ивановичъ, не записывайте,—проситъ Тёма.

— Учитель же все равно запишетъ, отвѣчаетъ флегматично Иванъ Ивановичъ, у котораго не хватаетъ духу прямо отказать.

— У насъ батюшка... я попрошу...

Иванъ Ивановичъ нерѣшительно, нехотя говоритъ:

— Хорошо...

Тёма отворяетъ большую дверь и какъ-то бокомъ входитъ въ свой классъ. Его обдаетъ спертымъ, теплымъ воздухомъ, онъ торопливо кланяется батюшкѣ и спѣшитъ озабоченно на свое мѣсто.

По окончаніи урока маленькая фигурка бѣжитъ за священникомъ:

— Батюшка, отрите мнѣ abs.

Батюшка идетъ, переваливаясь съ боку на бокъ, не спѣша откидываетъ свою шелковую рясу, достаетъ платокъ, сморкается и спрашиваетъ Тёму:

— А зачѣмъ же вы опаздываете?

За Тёмой и батюшкой, толкаясь, бѣжитъ цѣлый хвостъ любопытныхъ учениковъ. Всякому интересно хоть однимъ ухомъ послушать, въ чемъ дѣло.

— У насъ часы отстаютъ, — отвѣчаетъ Тёма, понижая голосъ такъ, чтобы другіе не слышали...—Я теперь ихъ поставлю на четверть часа впередъ.

— Вы часовъ не портите, а лучше сами вставайте на четверть часа раньше, — говоритъ батюшка и исчезаетъ въ дверяхъ учительской.

Хвостъ фыркаетъ.

Тёма подавляетъ недоумѣніе, дѣлаетъ безпечную физіономію передъ насмѣшливо смотрящими на него учениками и спѣшитъ въ классъ. Тамъ онъ садится на свое мѣсто, поднимаетъ оба колѣна, упирается ими въ скамью и, стараясь смотрѣть равнодушно, вдумывается въ смыслъ батюшкиныхъ словъ.

Вахновъ свернулъ бумажку и, помочивъ ее слюнями, водитъ ее вокругъ шеи и лица Тёмы. Тёма досадливо говоритъ:

— Ну, отстань же!

Но Вахновъ не отстаетъ.

— Ну, что ты за свинья,—говоритъ Тёма.

Въ отвѣтъ Вахновъ хватаетъ Тёму за руку и выкручиваетъ ее ему за спину. У Тёмы забиваетъ безсильная злоба, ему хочется „треснуть“ Вахнова, и онъ пускается на хитрость.

— Ну, оставь же,—повторяетъ уже ласково Тёма.

Вахновъ смягчается, снисходительно даетъ Тёмѣ щелчокъ и выпускаетъ его руку. Тёма быстро вскакиваетъ на скамью и, „треснувъ“ Вахнова, мчится отъ него по скамьямъ. Вервзила Вахновъ несется за нимъ. Тёма прыгаетъ на полъ и бросается къ двери. Вахновъ настигаетъ его, мнетъ и со всего размаха бьетъ ладонью по лопаткамъ.

— Ну, что ты за свинья!—говоритъ тоскливо Тёма.

Вахновъ отвѣчаетъ увѣсистыми шлепками.

— Оставь же, — уже жалобно молитъ Тёма. — Ну что ты меня мучишь?

Въ голосѣ Тёмы слышатся Вахнову слезы. Ему дѣлается жаль Тёмы.

— Му - мочка! — говоритъ Вахновъ и опять, уже отъ избытка чувствъ, тискаетъ Тёму.

По коридору идетъ молодой, въ очкахъ, учитель латинскаго языка, Хлоповъ. При входѣ учителя всѣ уже по мѣстамъ. Хлоповъ внимательно осматриваетъ классъ, быстро дѣлаетъ перекличку, затѣмъ сходитъ со своего возвышенія и весь урокъ гуляетъ по классу, не упуская ни на мгновеніе никого изъ виду. Проходя мимо скамьи, гдѣ сидитъ маленькій, съ кудрявой головой и потѣшной птичьей физіономіей Герберъ, учитель останавливается, нюхаетъ воздухъ и говоритъ:

— Опять чеснокомъ воняетъ?

Герберъ краснѣетъ, такъ какъ ароматъ несется изъ его ящика, гдѣ лежитъ аппетитный кусокъ принесенной имъ для завтрака фаршированной щуки.

— Я васъ въ классъ не буду пускать! Что это за гадость? Сейчасъ же вынесите вонъ!—И, помолчавъ, говоритъ вслѣдъ уносящему свое лакомство Герберу:

— Можете себѣ наслаждаться, когда ужъ такъ нравится, дома.

Ученики фыркаютъ, смотрятъ на Герберга, но на лицѣ послѣдняго, кромѣ непониманія, какъ можетъ не нравиться такая вкусная вещь, какъ фаршированная щука, ничего другого не отражается. Тёма съ любопытствомъ смотритъ на Герберга, потому что онъ сынъ Лейбы, и Тёма, постоянно видѣвшій Мошку за прилавкомъ отца, никакъ не можетъ освоиться съ фигурой его въ гимназическомъ сюртукѣ.

— Корневъ, склоняйте,—говоритъ учитель.

Корневъ встаетъ, перекашиваетъ свое и безъ того некрасивое, вздутое лицо и кисло начинаетъ хриплымъ, низкимъ голосомъ.

Учитель слушаетъ и раздраженно морщится.

— Да что вы скрипите, какъ немазанная телѣга? Вѣдь, навѣрно же, во время рекреацій умѣете говорить другимъ голосомъ.

Корневъ прокашливается и начинаетъ съ болѣе высокой ноты.

— Ивановъ, продолжайте...

Сосѣдъ Тёмы, Ивановъ, встаетъ, смотритъ своими косыми глазами на учителя и продолжаетъ.

— Невѣрно! Вахновъ, поправить!

Вахновъ встрепанно вскакиваетъ и молчитъ.

— Карташевъ!

Тёма вскакиваетъ и поправляетъ.

— Ну? дальше!

— Я не знаю,—угрюмо отвѣчаетъ Ивановъ.

— Вахновъ!

— Я вчера боленъ былъ.

— Боленъ,—киваетъ головой учитель.—Карташевъ!

Тёма встаетъ и вздыхаетъ: недаромъ онъ хотѣлъ повторить передъ урокомъ,—все выскочило изъ головы.

— Ну, не знаете, говорите прямо!

— Я вчера училъ.

— Ну, такъ говорите же!

Тёма сдвигаетъ брови и усиленно смотритъ впередъ.

— Садитесь!

Учитель въ упоръ осматриваетъ Вахнова, Карташева и Иванова.

Вахновъ самодовольно водитъ глазами изъ стороны въ сторону. Ивановъ, сдвинувъ брови, угрюмо смотритъ въ скамью. Затянутый, блѣдный Тёма огорченно, пытливо всматривается своими испуганными голубыми глазами въ учителя и говоритъ:

— Я вчера зналъ. Я испугался...

Учитель пренебрежительно фыркаетъ и отворачивается.

— Яковлевъ, фразы!

Встаетъ первый ученикъ Яковлевъ и увѣренно и спокойно говоритъ:

— Asinus excitatur baculo.

— Швандеръ! Переводите.

Встаетъ ненормально толстый, упитанный, чистенькій мальчикъ. Онъ корчитъ болѣзненныя рожи и облизывается.

— Попелъ облизываться! Да что̀ вы меня ѣсть собираетесь, что ли?

Ученики смѣются.

Швандеръ судорожно нажимаетъ большой палецъ на скамью, дѣлаетъ усиліе и говоритъ:

— Оселъ...

— Ну?

— Погоняется...

Швандеръ дѣлаетъ еще одну болѣзненную гримасу и кончаетъ:

— Палкою.

— Слава Богу, родилъ.

Вторая половина урока посвящается письменному отвѣту. Учитель ходитъ и внимательно слѣдитъ, чтобы не списывали. Глаза его встрѣчаются съ глазами Данилова, въ которыхъ вдругъ что-то подмѣтилъ проницательный учитель.

— Даниловъ, дайте вашу книжку.

— У меня нѣтъ книжки,— говоритъ, краснѣя, Даниловъ и неловко поднимается съ мѣста, зажимая въ то же время колѣнями латинскую грамматику.

Учитель заглядываетъ и собственноручно вытаскиваетъ злополучную книгу.

Даниловъ сконфуженно смотритъ въ скамью.

— Тихоня, тихоня, а мошенничать уже научился. Стыдно! Встаньте безъ мѣста!

Симпатичная сутуловатая фигура Данилова какъ-то рѣшительно идетъ къ учительскому мѣсту и становится лицомъ къ классу. Его сконфуженные, красивые глаза смотрятъ добродушно и открыто прямо въ глаза учителю.

Раздается давно ожидаемый, отрадный для ученическаго слуха звонокъ.

— Къ слѣдующему классу...

Учитель задаетъ по грамматикѣ, потомъ фразы съ латинскаго на русскій, затѣмъ самъ диктуетъ съ русскаго на латинскій и, отнявъ еще 5 минутъ изъ рекреаціонныхъ, наконецъ уходитъ.

Больше всего огорчаютъ учениковъ эти лишнія пять минутъ.

Послѣ урока Хлопова какъ-то мало оживленія. Большинство сидитъ въ любимой позѣ — съ колѣнками, упертыми въ скамью, и устало, безцѣльно смотритъ.

На учительскомъ возвышеніи неожиданно появляется старый, толстый учитель русскаго языка.

— У попугая на шестѣ было весело!—монотонно, нарас-

пѣвъ тянетъ онъ и чешетъ свою лысину о приставленную къ ней линейку.

Тёмѣ съ Вахновымъ тоже весело, и никакого дѣла имъ нѣтъ ни до попугая, ни до учителя, ни до его системы, въ силу которой учитель считалъ необходимымъ прежде всего ознакомить дѣтей съ синтаксисомъ.

— Гербертъ, гдѣ подлежащее?

— На шестѣ,—вскакиваетъ Гербергъ и впивается своей птичьей физіономіей въ учителя.

— Дуракъ,—тѣмъ же тономъ говоритъ учитель:—ты самъ на шестѣ... Карташевъ!

Тёма только-что получившій въ самый носъ щелчокъ, встрепанно вскакиваетъ и въ то же мгновеніе совсѣмъ исчезаетъ, потому что Вахновъ ловкимъ движеніемъ своей ноги стаскиваетъ его на полъ.

— Карташевъ, ты куда дѣвался?—кричитъ учитель.

Тёма, красный, появляется и объясняетъ, что онъ провалился.

— Какъ ты могъ провалиться, когда подъ тобою твердый полъ?

— Я поскользнулся...

— Какъ ты могъ поскользнуться, когда ты стоялъ?

Вмѣсто отвѣта, Тёма опять ѣдетъ подъ скамью. Онъ снова появляется и съ ожесточеннымъ отчаяніемъ смотритъ украдкой на Вахнова. Вахновъ, положивъ локоть на скамью, прижимаетъ ладонью ротъ, чтобы не прыснуть, и не смотритъ на Тёму. Тёма срываетъ сердце незамѣтнымъ пинкомъ Вахнову въ плечо, но учитель увидѣлъ это и обидѣлся.

— Карташеву единицу за поведеніе.

Лысая, какъ колѣно, голова учителя наклоняется и ищетъ фамилію Карташева. Тёма, пока учитель не видитъ, еще разъ срываетъ свой гнѣвъ и теребитъ Вахнова за волосы.

— Карташевъ, гдѣ подлежащее?

Тёма мгновенно бросаетъ Вахнова и ищетъ глазами подлежащее.

Яковлевъ, отвалившись въ полуоборотъ съ передней скамьи, смотритъ на Тёму. „Подскажи!“—молятъ глаза Тёмы.

— У попугая,—шепчетъ Яковлевъ, и ноздри его раздуваются отъ предстоящаго наслажденія.

— У попугая,—подхватываетъ радостно Тёма.

Общій хохотъ.

— Дуракъ, ты самъ попугай... Съ этихъ поръ Карташевъ—не Карташевъ, а попугай. Гербергъ—не Гербергъ, а шестъ. Попугай на шестѣ—Карташевъ на Гербергѣ.

Классъ хохочетъ. Яковлевъ стонетъ отъ восторга.

Толстая, громадная фигура учителя начинаетъ слегка колыхаться. Добродушные, маленькіе, сѣрые глаза прищуриваются, и нѣкоторое время старческое „хе-хе-хе“ несется по классу.

Но вдругъ лицо учителя опять дѣлается серьезнымъ, классъ стихаетъ, и тотъ же монотонный голосъ нараспѣвъ продолжаетъ:

— Въ классѣ,—гдѣ подлежащее?

Гробовое молчаніе.

— Дурачье,—добродушно, нараспѣвъ говоритъ учитель.—Всѣ попугаи и шесты. Сидятъ попугаи на шестахъ.

Между тѣмъ Тёма не спускаетъ глазъ съ Яковлева.

— Развѣ онъ смѣетъ подсказывать глупости?—не то совѣтуется, не то протестуетъ Тёма, обращаясь къ Вахнову.

Какъ только раздается звонокъ, онъ бросается къ Яковлеву.

— Ты смѣешь глупости подсказывать?

— А тебѣ вольно повторять,—пренебрежительно фыркаетъ Яковлевъ.

— Такъ вотъ же тебѣ!—говоритъ Тема и со всего размаха бьетъ его кулакомъ по лицу.—Теперь подсказывай!

Яковлевъ первое мгновеніе растерянно смотритъ и затѣмъ порывисто, не удостаивая никого взглядомъ, быстро уходитъ изъ класса. Немного погодя появляется въ дверяхъ бритое, широкое лицо инспектора, а за нимъ весь въ слезахъ Яковлевъ.

— Карташевъ, подите сюда!—сухо и рѣзко раздается въ классѣ.

Тёма поднимается, идетъ и испуганно смотритъ въ выпученные голубые глаза инспектора.

— Вы ударили Яковлева?

— Онъ...

— Я васъ спрашиваю: ударили вы Яковлева?

И голосъ инспектора переходитъ въ сухой трескъ.

— Ударилъ,—тихо отвѣчаетъ Тёма.

— Завтра на два часа безъ обѣда.

Инспекторъ уходитъ. Тёма, воспрянувшій отъ милостиваго наказанія, побѣдоносно обращается къ Яковлеву и говоритъ:

— Ябеда!

— По-твоему, ты будешь по мордѣ бить, а тебѣ ручки за это цѣловать?—грызя ногти и впиваясь своими маленькими глазами въ Тёму, ядовито-спокойно спросилъ Корневъ.

Вошелъ новый учитель—нѣмецкаго языка, Борисъ Борисовичъ Кнопъ. Это была маленькая, тщедушная фигурка. Та-

кія фигурки часто попадаются между фарфоровыми статуэтками: въ клѣтчатыхъ штанахъ и синемъ, съ длинными узкими рукавами, фракѣ. Онъ шелъ тихо, медленной походкой, которую ученики называли „раскарякой“.

Въ Борисѣ Борисовичѣ ничего не было учительскаго. Встрѣтивъ его на улицѣ, можно было бы принять его за портного, садовника, мелкаго чиновника, но не за учителя.

Ученики ни про одного учителя ничего не знали изъ его домашней жизни, но про Бориса Борисовича знали все. Знали, что у него жена злая, двѣ дочки—старыя дѣвы, мать—слѣпая старуха, горбатая тетка. Знали, что Борисъ Борисовичъ бѣдный, что онъ трепещетъ передъ начальствомъ не хуже любого изъ нихъ, знали и то, что Борису Борисовичу можно перо смазывать саломъ, въ чернильницу сыпать песокъ, а въ потолокъ, нажевавъ бумаги, пускать бумажныхъ чертей.

Въ послѣднее время Борисъ Борисовичъ сталъ замѣтно подаваться.

Сдѣлавъ перекличку, онъ съ трудомъ сошелъ съ возвышенія, на которомъ стоялъ его столъ, и разслабленно, по-стариковски остановившись передъ классомъ, началъ, не спѣша, вынимать изъ задняго кармана фрака носовой платокъ.

Высморкавшись, Борисъ Борисовичъ поднялъ голову и обратился къ ученикамъ съ благодушною рѣчью, въ которой предложилъ имъ не шумѣть, слушать спокойно урокъ и быть хорошими, добрыми дѣтьми.

— Пожалуйста,—кончилъ Борисъ Борисовичъ, и въ голосѣ его зазвучала просьба усталаго, больного человѣка.

Но Борисъ Борисовичъ сейчасъ же спохватился и уже болѣе строго прибавилъ:

— А кто не захочетъ смирно сидѣть, того я безъ жалости буду совсѣмъ строго наказывать.

Нѣсколько минутъ все шло хорошо. Болѣзненный видъ учителя смирилъ учениковъ. Но Вахновъ, уже наладивъ опытной рукой перо, издалъ имъ тонкій, тревожный, хорошо знакомый учителю звукъ.

Борисъ Борисовичъ вскипѣлъ.

— Вы свиньи, и съ вами нельзя по-человѣчески говорить... Вы тогда только чувствуете уваженіе къ человѣку, когда онъ васъ вотъ такъ душитъ будетъ.

И, дрожа отъ бѣшенства, Борисъ Борисовичъ поднялъ свой кулачокъ и показалъ, какъ будетъ душить.

— Ахъ, ты, нѣмецкая селедка!—прошепталъ кто-то и, разжевавъ бумагу, искусно влѣпилъ ее въ бортъ фрака Бориса Борисовича.

Учитель опѣшилъ. Нѣсколько секундъ длилось молчаніе.

— Хорошо,—наконецъ какъ-то подавленно проговорилъ онъ.—Я вотъ съ этимъ и пойду къ директору. Я покажу ему это. Я разскажу ему, что̀ вы со мной дѣлаете, какъ вы меня мучите. Я приведу его въ классъ, и пусть онъ самъ смотритъ на всѣхъ этихъ чертей (учитель показалъ на висѣвшихъ по потолку на ниточкѣ чертей), на это перо и на эту чернильницу, и я скажу, что самый славный и злой, самый грубый, безсмысленный скотъ—это Вахновъ.

— За что вы ругаетесь?!—вскочилъ Вахновъ.—Вы всегда надо мной издѣваетесь. Я ничего не дѣлаю, а вы ругаетесь.

И Вахновъ вдругъ завылъ благимъ матомъ.

Учитель растерялся и полѣзъ въ карманъ за табакеркой. Онъ медленно вынулъ ее изъ кармана, постучалъ по ней пальцемъ, открылъ крышку, досталъ щепотку табаку и, не сводя глазъ съ Вахнова, началъ потихоньку нюхать. Вахновъ продолжалъ выть, внимательно наблюдая сквозь пальцы учителя.

— Я пойду жаловаться инспектору,—проговорилъ Вахновъ, переставъ вдругъ завывать, и порывисто направился къ двери.

— Вахновъ, назадъ!—остановилъ его нерѣшительно учитель.

— А за что вы ругаетесь? Вы меня поймали? Когда поймаете...

— А не поймавъ, такъ не воръ? Эхе-хе... Вахновъ... Нехорошо...

Въ отвѣтъ Вахновъ, садясь на мѣсто, дернулъ за перо.

— Ты и теперь скажешь, что не ты.

— Теперь я со злости.

— Со злости?—огорченно переспросилъ учитель и покачалъ головой.—Вахновъ, Вахновъ...

Учитель глубоко вздохнулъ и задумался.

Вахновъ началъ пищать такъ, какъ пищатъ маленькіе, еще слѣпые щенки.

— Ва-а-хновъ...—уныло проговорилъ учитель.

— Я давно знаю, что я Вахновъ.

— Ты знаешь... Ты много знаешь... У тебя хорошее сердце, Вахновъ... Сердце лошади... иди, жалуйся.

Борисъ Борисовичъ закрылъ глаза и опустилъ голову на руки. Онъ чувствовалъ какой-то особенный упадокъ силъ.

— Иди, жалуйся на меня,—повторилъ онъ снова, съ трудомъ открывая глаза.—Иди, скажи, что тебѣ надоѣлъ старый, больной Борисъ Борисовичъ, у котораго пять человѣкъ на плечахъ...

Вахновъ опять задергалъ перо.

Учитель безсильно опустилъ голову.

— Да брось, обратился къ Вахнову Касицкій:—вѣдь боленъ же человѣкъ.

Но на Вахнова нашло. Онъ, спрятавъ голову подъ скамью, началъ хрюкать

Борисъ Борисовичъ безпомощно оглянулся.

— Послушай ты, идіотъ!- вскочилъ Корневъ, обращаясь къ Вахнову.- Господа, да уймите же его!—обратился онъ къ ближайшимъ товарищамъ Вахнова.

Сербъ Августичъ, сорвавшись съ мѣста, какимъ-то клубкомъ подлетѣлъ къ Вахнову и, какъ звѣрь, скаля зубы, съ налитыми кровью глазами, прохрипѣлъ своимъ твердымъ нарѣчіемъ:

— Скотына! Убью!

Вахновъ такъ и обмеръ.

— Дрянь!

— Я больной,—прошепталъ тихо Борисъ Борисовичъ:—пожалуйста, скорѣе позовите надзирателя.

Августичъ бросился въ коридоръ. Дѣти испуганно стихли.

— Ничего, ничего, это пройдетъ,—тоскливо шептали побѣлѣвшія губы учителя.

Въ классѣ воцарилась мертвая тишина. Учитель точно застылъ, наклонившись и едва держась рукой за край стола. Весь классъ замеръ въ неподвижныхъ позахъ, и только бумажные черти, подвѣшенные къ потолку и приводимые въ движеніе сквозникомъ, тянувшимъ изъ отворенной въ коридоръ двери, медленно и беззвучно раскачивались надъ головой больного.

— Пожалуйста,—тоскливо обратился учитель къ вошедшему Ивану Ивановичу.—Я немножко боленъ. Пожалуйста, помогайте мнѣ.

И учитель, съ помощью надзирателя, грузно опершись на его руку, медленно и тихо потащился изъ класса.

Послѣдній урокъ былъ Томылина—учителя естественной исторіи.

Ученики свободно и непринужденно встрѣтили входившаго, среднихъ лѣтъ, представительнаго, полнаго учителя.

Онъ шелъ легко, красиво неся въ своихъ рукахъ фигуры разныхъ звѣрей. Положивъ ихъ на столъ, онъ вынулъ чистый, бѣлый платокъ, смахнулъ имъ пыль съ рукавовъ своего, безукоризненно сидѣвшаго на немъ, синяго фрака и вытеръ руки. Еще на ходу, окинувъ весело классъ, онъ бросилъ свое обычное, какъ будто небрежное:

— Здравствуйте, дѣти!

Но это „здравствуйте, дѣти“ токомъ пробѣжало по дѣтскимъ сердцамъ и заставило ихъ весело встрепенуться.

Сдѣлавъ перекличку, учитель поднялъ голову и проговорилъ:

— Принесъ вамъ, дѣти, прекрасный экземпляръ чучела очковой змѣи.

Учитель взялъ коробку и осторожно вынулъ змѣю. Онъ высоко поднялъ руку, и ученики приподнялись, съ напряженіемъ всматриваясь въ страшную змѣю, съ большими, желтыми, точно въ очкахъ, глазами.

— Очковая змѣя,—проговорилъ учитель,—ядовита. Укусъ ея смертеленъ. Ядъ помѣщается такъ же, какъ и у другихъ ядовитыхъ змѣй, въ головѣ, возлѣ зубовъ.

Томылинъ нажалъ пружинку, и змѣя открыла ротъ.

— Просунь осторожно палецъ,—сказалъ Томылинъ, обращаясь къ Августичу.—Не бойся!..

Когда Августичъ просунулъ палецъ, Томылинъ отпустилъ пружину, и змѣя снова закрыла ротъ...

Августичъ нервно отдернулъ палецъ. Всѣ и Томылинъ разсмѣялись.

— Ты видишь на своемъ пальцѣ черныя полоски: это безвредная, простая жидкость, замѣняющая собою ядъ. Теперь смотри, какъ этотъ ядъ изъ головы проходитъ въ зубы змѣи.

Учитель поднялъ часть кожи на головѣ змѣи, и Августичъ черезъ стеклянный черепъ увидѣлъ возлѣ зубовъ маленькое черное пятнышко съ тоненькими ниточками, исчезавшими въ зубахъ.

Ученики вскочили со своихъ мѣстъ и наперебой спѣшили заглянуть въ аппаратъ.

— Не тѣснитесь, всѣмъ покажу,—произнесъ Томылинъ.

Когда осмотръ кончился и классъ снова пришелъ въ порядокъ, Томылинъ заговорилъ:

— Дѣти, сегодня эта дверь затворилась и, можетъ-быть, навсегда за вашимъ учителемъ, потому что Борисъ Борисовичъ страдаетъ тяжелой, неизлѣчимой болѣзнью. Тамъ, за этой дверью, ждутъ его пять бѣдныхъ, неспособныхъ зарабатывать себѣ хлѣбъ женщинъ, которыя безъ него останутся безъ куска хлѣба...

Учитель замолчалъ, прошелся по классу и проговорилъ:

— Ну, начнемъ. Тёма, отвѣчай!

Тёма, всегда добросовѣстно учившій естественную исторію, на этотъ разъ не зналъ урока, потому что, по расписанію, Томылинъ долженъ былъ въ этотъ урокъ разсказывать.

Тёма сгорѣлъ со стыда прежде, чѣмъ открылъ ротъ. Когда онъ кончилъ, Томылинъ, огорченный, не то спросилъ, не то сказалъ:

— Не выучилъ?

Тёма сѣлъ и расплакался.

Томылинъ вызвалъ другого, третьяго и, казалось, забылъ о Тёмѣ.

Тёма пересталъ плакать и угрюмо-сконфуженно сидѣлъ, облокотившись на локоть. Въ немъ шевелилось злое чувство и на себя, и на весь классъ—свидѣтелей его слезъ, и на Томылина. И онъ еще угрюмѣе сдвигалъ брови.

— Къ слѣдующему классу выучишь урокъ?—спросилъ вдругъ, мимоходомъ, Томылинъ, по обыкновенію, положивъ руку на волосы Тёмы и слегка подпимая его голову.

Тёма нехотя поднялъ глаза, но встрѣтилъ такой привѣтливый, ласковый взглядъ учителя, взглядъ, проникшій въ самую глубь его души, что сердце Тёмы ёкнуло, и онъ быстро отвѣтилъ:

— Выучу.

— Отчего ты на сегодня не выучилъ?

— Я думалъ, что вы будете разсказывать.

— Ну, выучи, я еще разъ спрошу.

Послѣдній урокъ кончился. Ученики толпами валятъ на улицу.

Тёма заходитъ за Зиной, и они оба идутъ пѣшкомъ домой.

Зина весела. Она получила *пять* и вдобавокъ несетъ матери цѣлый ворохъ самыхъ интересныхъ, самыхъ свѣжихъ новостей.

— Спрашивали?—обращается она къ Тёмѣ.—Сколько?

— Тебѣ какое дѣло?

— А мнѣ пять,—говоритъ Зина.

— Ваша пятерка меньше нашей тройки,—отвѣчаетъ Тёма презрительно.

— Поче-е-му?

— А потому, что вы дѣвочки, а учителя больше любятъ дѣвочекъ,—говоритъ авторитетно Тёма.

— Какія глупости!

За обѣдомъ Зина ѣстъ съ аппетитомъ и говоритъ, говоритъ. Тёма ѣстъ лѣниво, молчитъ и равнодушно-устало слушаетъ Зину. Къ общему обѣду они опоздали. Въ столовой тѣмъ не менѣе, кромѣ отца, всѣ налицо. Мать сидитъ, облокотившись на столъ, и любуется своей смуглой, раскраснѣвшейся дочкой. Переведя глаза на сына, мать тоскливо говоритъ:

— Ты совсѣмъ зеленый сталъ... Отчего ты ничего не ѣшь?

— Мама, оттого,-что онъ всегда на свои деньги сласти покупаетъ.

— Неправда,—отвѣчаетъ Тёма, пораженный сообразительностью .Зины.

— Ну да, неправда.

— Я поѣду и попрошу директора, чтобъ онъ устроилъ для желающихъ завтраки,—говоритъ мать.

Тёмѣ представляется фигура матери съ ея страннымъ проектомъ и сдержанная, стройная фигура директора. Отъ одной мысли ему дѣлается неловко за мать, и онъ торопится предупредить ее, говоря совершенно естественно:

— Одна мать уже пріѣзжала, и директоръ не согласился.

Послѣ обѣда Тёма идетъ въ садъ, гдѣ вѣтеръ уныло качаетъ обнаженныя деревья, сквозь которыя видны всѣ заборы сада, и кажется Тёмѣ, что меньше какъ будто сталъ садъ. Изъ сада Тёма идетъ къ Іоськѣ, который въ теплой, грязной кухнѣ, сидя гдѣ-нибудь въ уголкѣ и распустивъ свои толстыя губы, возится надъ чѣмъ-то. Тёма идетъ на наемный дворъ, пробирается между кучами и ищетъ глазами ватагу. Но уже нѣтъ прежнихъ пріятелей. И Гераська, и Яшка и Колька всѣ они за работой. Гераська—за верстакомъ, Яшка и Колька—ушли въ городъ помогать родителямъ.

У забора копошатся остатки ватаги. Много новыхъ, все маленькіе: красные, въ лохмотьяхъ, посинѣвшіе отъ холода, усердно потягиваютъ носомъ и съ любопытствомъ смотрятъ на чужого имъ Тёму. Знакомая пуговка блеститъ на воздухѣ, но нѣтъ уже больше ея веселыхъ хозяевъ. Тёма любовно, тоскливо узнаётъ и всматривается въ эту, пережившую своихъ хозяевъ пуговку, и еще дороже она ему. Какія-то обрывки неясныхъ, грустныхъ и сладкихъ мыслей,—какъ этотъ замирающій день, здѣсь холодный и непривѣтливый, а тамъ, между тучъ, въ томъ кусочкѣ догорающаго неба, охватывающій мальчика жгучимъ сожалѣніемъ,—толпятся въ головѣ Тёмы и не хотятъ, и мѣшаютъ, и не пускаютъ на свободу гдѣ-то тамъ, глубоко въ головѣ или въ сердцѣ, какъ будто сидящую отчетливую мысль.

— Тёмочка, зайдите на часокъ ко мнѣ,—выскакиваетъ, увидѣвъ въ окно Тёму, Кейзеровна.

Тёма входитъ въ теплую, чистую избу, вдыхаетъ въ себя знакомый запахъ глины съ навозомъ, которой заботливая хозяйка смазываетъ полъ и печку, скользитъ глазами по желтому чистому полу, бѣлымъ стѣнамъ, маленькимъ занавѣсочкамъ, потемнѣвшему лицу рыхлой Кейзеровны, и ждетъ.

— Тёмочка, кто у васъ учитель нѣмецкаго языка?

— Борисъ Борисовичъ,—отвѣчаетъ Тёма.

— Вы знаете, Тёмочка, у Бориса Борисовича моя сестра въ услуженіи.

Тёма ласково, осторожно говоритъ:

— Онъ сегодня немножко заболѣлъ.

— Заболѣлъ? чѣмъ заболѣлъ?—встрепенулась Кейзеровна.

— У него голова заболѣла, онъ не докончилъ урока.

— Голова?—И Кейзеровна дѣлаетъ большіе глаза, и губы ея собираются въ маленькій, тѣсный кружокъ.—Охъ, Тёмочка, сестрѣ они больше 30 р. должны. Надо иттить.

Тёма слышитъ тревожную, тоскливую ноту въ этомъ „иттить“, и эта тревога передается и охватываетъ его.

Въ его воображеніи рисуются больной учитель и пять старыхъ женщинъ, которыхъ Тёма никогда не видалъ, но которыя вдругъ, какъ живыя, встали передъ нимъ; вотъ горбатая, морщинистая старуха—это тетка; вотъ слѣпая, съ длинными сѣдыми волосами—мать.

— Кейзеровна, у матери учителя бѣльма на глазахъ?

— Нѣтъ.

— Они бѣдные?

— Бѣдные, Тёмочка! Не дай Богъ его смерти, хуже моего имъ будетъ.

— Что жъ они будутъ дѣлать?

— А ужъ и не знаю... Старуху и тетку, можетъ, въ богадѣльню возьмутъ... пасторъ устроитъ, а жена и дочери—хоть милостыньку на улицу иди просить.

— Милостыньку?—переспрашиваетъ Тёма, и его глаза широко раскрываются.

— Милостыньку, Тёмочка. Вотъ, когда вырастете, будете ѣхать въ каретѣ и дадите имъ копеечку...

— Я рубль дамъ.

— Что бросите, за все Господь заплатитъ. Бѣдному человѣку подать—все равно, что Господа встрѣтить... и удача всегда во всемъ будетъ. Ну, Тёмочка, я пойду.

Тёма неохотно встаетъ. Ему хочется разспросить и объ учителѣ еще и объ этихъ женщинахъ, которыя обречены на милостыньку. Мысли его толпятся около этой милостыньки, которая представляется ему неизбѣжнымъ выходомъ.

Придя домой, онъ утомленно садится на диванъ возлѣ матери и говоритъ:

— Знаешь, мама, Борисъ Борисовичъ заболѣлъ... Кейзеровны сестра у нихъ служитъ. И ей сказалъ, что онъ заболѣлъ... Знаешь, мама, если онъ умретъ, его мать и тетку въ

богадѣльню возьмутъ, а жена и двѣ дочки пойдутъ милостыню просить.

— Кейзеровна говоритъ?

— Да, Кейзеровна. Мама, можно мнѣ яблока?

— Можно.

Тёма пошелъ, досталъ себѣ яблоко и, усѣвшись у окна, началъ усердно и въ то же время озабоченно грызть его.

— А ты хочешь поѣхать къ Борису Борисовичу?

— Съ кѣмъ?

— Со мной.

Тёма нерѣшительно заглянулъ въ окно.

— Тебѣ хочется?

— А это не будетъ стыдно?

— Стыдно?,. Отчего тебѣ кажется, что это стыдно?

— Ну хорошо, поѣдемъ,—согласился Тёма.

Въ домѣ учителя Тёма неловко сидѣлъ на стулѣ, посматривая то на старушку-мать его, маленькую, худенькую женщину въ черномъ платьѣ, съ зеленымъ зонтикомъ на глазахъ, то на высокую, худую дѣвушку съ бѣлымъ лицомъ и черненькими глазками, ласково и привѣтливо посматривавшими на Тёму. Только жена не понравилась Тёмѣ, полная, недовольная, блѣдная женщина.

Сказали учителю и повели Тёму къ нему. За ситцевыми ширмами стояла простая кровать, столикъ съ баночками, вышитыя красивыя туфли.

„Какой же онъ бѣдный, — пронеслось въ головѣ Тёмы, — когда у него такія туфли?“

Тёма подошелъ къ кровати и испуганно посмотрѣлъ въ лицо Бориса Борисовича. Ему бросились въ глаза блѣдное, жалкое лицо учителя и тонкая, худая рука, которую Борисъ Борисовичъ держалъ на груди. Борисъ Борисовичъ поднялъ эту руку и молча погладилъ Тёму по головѣ. Тёма не зналъ, долго ли онъ простоялъ у кровати. Кто-то взялъ его за руку и опять повелъ назадъ. Онъ вошелъ въ гостиную и остановился.

Его мать разговаривала съ Томылинымъ. Тёму какъ-то поразило сочетаніе красиваго лица учителя и возбужденнаго, молодого лица матери. Мать привѣтливо улыбнулась сыну своими выразительными глазами.

Тёмѣ вдругъ показалось, что онъ давно-давно уже видѣлъ гдѣ-то вмѣстѣ и мать, и Томылина, и себя.

— Здравствуй, Тёма,—проговорилъ Томылинъ, ласково притянулъ его къ себѣ и, обнявъ его рукой, продолжалъ слушать Аглаиду Васильевну.

— Я понимаю, конечно,—говорила она,—и все-таки можно было бы иначе устроить. Все основано на формѣ, на дисциплинѣ, на страхѣ старшихъ уронить какъ-нибудь свое достоинство, но изъ-за этого достоинство ребенка ни во что не ставится и безжалостно попирается на каждомъ шагу нашими педагогами. А посмотрите у англичанъ! Тамъ уже 10-лѣтній мальчуганъ сознаётъ себя джентльменомъ. Я не о васъ говорю... Ваши уроки совершенно отвѣчаютъ тому, какъ, по-моему, должно быть поставлено дѣло. И я не могу удержаться, чтобы не сказать, ш-г Томылинъ...—мать посмотрѣла на Тёму, на мгновеніе остановилась въ нерѣшительности, вскинула глазами на Томылина и быстро продолжала по-французски:—...чѣмъ вы вліяете на дѣтей и чѣмъ получаете широкій доступъ къ ихъ сердцамъ: вы щадите чувство собственнаго достоинства ребенка; онъ знаетъ, что его маленькое самолюбіе вамъ такъ же дорого, какъ и ваше собственное.

— Если пріятна дѣятельность, то еще пріятнѣе оцѣнка ея...

— Она пріятна и необходима, по-моему. Повѣрьте, что мы, родители, ничѣмъ не повредили бы вамъ, если бъ имѣли возможность почаще дѣлиться съ вами, учителями, впечатлѣніями. А въ теперешнемъ видѣ ваша гимназія мнѣ напоминаетъ судъ, въ которомъ есть и предсѣдатель, и прокуроръ, и постоянный подсудимый, и только нѣтъ защитника этого маленькаго и, потому что маленькаго, особенно нуждающагося въ защитникѣ подсудимаго...

Томылинъ молча улыбнулся.

— Ахъ, какая прелесть твой Томылинъ!—сказала дорогой мать, полная впечатлѣній неожиданной встрѣчи.

Тёма былъ счастливъ за своего учителя и тоже переживалъ наслажденіе отъ бывшаго свиданія.

— Мама, за что тебя у Бориса Борисовича благодарили?

— Я предложила имъ переговорить съ тётей Надей, чтобы устроить одну дочь классной дамой, а другую учительницей музыки.

— Въ институтѣ?

— Въ институтѣ. Вотъ видишь, и не будутъ просить милостыню, если даже, не дай Богъ, и умретъ Борисъ Борисовичъ.

Тёмѣ, послѣ всего пережитаго, совсѣмъ не хотѣлось приниматься за приготовленіе уроковъ для другого дня.

Зина давно уже сидѣла за уроками, а Тёма все никакъ не могъ найти нужной ему тетради. Братъ и сестра занимались въ маленькой комнаткѣ всегда подъ непосредственнымъ наблюденіемъ матери, которая обыкновенно въ это время что-нибудь читала, сидя поодаль въ креслѣ.

Тёма уже двадцатый разъ разсѣянно переходилъ отъ стола къ этажеркѣ, гдѣ на отдѣльной полкѣ, въ невозможномъ безпорядкѣ, въ контрастѣ съ полкой сестры, валялась перепутанная, хаотическая куча книгъ и тетрадей.

Зина не выдержала и молча, бросивъ работу, наблюдала за братомъ.

— Показать тебѣ, Тёма, какъ ты ходишь?—спросила она и, не дожидаясь, встала, вытянула шею, сдѣлала безсмысленные глаза. открыла ротъ, опустила руки и съ согнутыми колѣнками начала ходить безцѣльно, толкаясь отъ одной стѣнки къ другой.

Тёмѣ рѣшительно все равно было, какъ ни тянуть время, лишь бы не заниматься, и онъ съ удовольствіемъ смотрѣлъ на сестру.

Мать, оторвавшись отъ чтенія, строго прикрикнула на дѣтей.

— Мама, — проговорила Зина, — я уже полстраницы написала.

— Моя тетрадь гдѣ-то затерялась,—въ оправданіе проговорилъ нараспѣвъ Тёма.

— Сама затерялась?—строго спросила мать, опуская книгу.

— Я ее вотъ здѣсь положилъ вчера, — отвѣтилъ Тёма и при этомъ точно указалъ мѣсто на своей полкѣ, куда именно онъ положилъ.

— Можетъ-быть, мнѣ поискать тебѣ тетрадь?

Тёма сдвинулъ недовольно брови и уже сосредоточенно сталъ искать тетрадь, которую и вытащилъ наконецъ изъ перепутанной кучи.

— Я ее самъ закинулъ,—проговорилъ онъ, улыбаясь.

На нѣкоторое время воцарилось молчаніе.

Тёма погрузился въ писаніе и съ чувствомъ началъ выводить буквы, или, вѣрнѣе, невозможныя каракули

Зина, вскинувъ глазами на брата, такъ и замерла въ наблюдательной позѣ.

— Тёма, показать тебѣ, какъ ты пишешь?

Тёма съ удовольствіемъ оставилъ свое писаніе и, предвкушая наслажденіе, уставился на сестру.

Зина, разставивъ локти какъ можно шире, совсѣмъ легла на столъ, высунула на щеку языкъ, скосила глаза и застыла въ такой позѣ.

— Неправда,—проговорилъ сомнительно Тёма.

— Мама, Тёма хорошо сидитъ, когда пишетъ?

— Отвратительно.

— Правда—похоже?

— Хуже даже.

— А. что?—торжествующе обратилась Зина къ брату.

— А зато я быстрѣе тебя стихи учу,—отвѣтилъ Тёма.

— И вовсе нѣтъ.

— Ну, давай пари: я только два раза прочитаю и ужъ буду знать на память.

— Вовсе не желаю.

— Зато черезъ часъ и забудешь,—проговорила мать,—а Зина всю жизнь будетъ помнить. Надо учить такъ, какъ Зина.

— А, что? —обрадовалась Зина.

— Ну да, если бъ я все такъ училъ, какъ ты, — проговорилъ самодовольно Тёма, помолчавъ, — я бы давно ужъ дуракомъ былъ.

— Мама, слышишь, что онъ говоритъ?

— Это почему? спросила мать.

— Это папа говорилъ.

— Кому говорилъ?

— Дядѣ Ванѣ. Если бъ я, говоритъ, все училъ, что надо,— я бы и вышелъ такимъ дуракомъ, какъ ты.

— А дядя Ваня что жъ сказалъ?

— А дядя Ваня разсмѣялся и говоритъ: ты умный, оттого ты и генералъ, а я не генералъ и глупый... Нѣтъ, не такъ: ты генералъ потому, что умный.. Нѣтъ не такъ: ты генералъ потому, что умный... Нѣтъ, не такъ...

— То-то—не такъ. Слушаешь, не понимаешь и выдергиваешь, что тебѣ нравится. И выйдешь недоучкой.

Опять воцарилось молчаніе.

— Зато я играю лучше тебя, —проговорила Зина.

— Это бабья наука,—отвѣтилъ пренебрежительно Тёма.

Зина озадаченно промолчала и принялась опять писать.

— А какъ же Кравченко? — вдругъ спросила она, вспомнивъ своего учителя мучыки. —Онъ, значитъ, баба?

— Баба,—отвѣтилъ увѣренно Тёма:—оттого у него и борода не растетъ.

— Мама, это правда?—спросила Зина.

— Глупости, отвѣтила мать.—Не видишь развѣ, что онъ смѣется надъ тобою?

— У него и хвостикъ есть, вотъ такой маленькій, — проговорилъ Тёма, показывая рукой размѣръ хвоста.

— Мама?!

— Тёма, перестань глупости говорить.

Тёма смолкъ, но продолжалъ показывать руками размѣры хвоста.

— Мама?!

— Тёма, что̀ я сказала?

— Я ничего не говорю.

— Онъ показываетъ руками—какой хвостикъ.

— Еще одно слово, и я васъ обоихъ въ уголъ поставлю,— не глядя на Тёму, отвѣтила мать.

Онъ безбоязненно опять показалъ Зинѣ размѣры хвоста. Зина мгновеніе подумала и въ отместку высунула языкъ. Тёма въ долгу не остался и началъ дѣлать ей гримасы. Зина отвѣчала тѣмъ же, и нѣкоторое время они усердно старались перещеголять другъ друга въ этомъ искусствѣ. Тёма окончательно взялъ верхъ, скорчивъ такое лицо, что Зина не выдержала и фыркнула.

— Тёма, садись за маленькій столикъ спиною къ Зинѣ и не смѣй вставать и поворачиваться, пока не кончишь уроковъ. Стыдись! Лѣнивый мальчикъ!

Водворилась тишина, и Тёма наконецъ благополучно кончилъ свои занятія. Послѣднюю латинскую фразу ему лѣнь было учить, и онъ, отвѣчая матери и указывая, до какихъ поръ ему было задано, показалъ пальцемъ до вышущенныхъ имъ предлоговъ. Вообще, повѣрка по латинскому языку была слаба: мать въ немъ знала меньше Тёмы и познакомилась съ языкомъ при помощи самого же Тёмы, съ цѣлью хоть какъ-нибудь провѣрять занятія своего лѣниваго сына. Но это приносило скорѣе вредъ, чѣмъ пользу, и Тёма, ради одного школьничества, часто морочилъ мать, смотря на нее, какъ на подготовительную для себя школу по части надуванія болѣе опытныхъ своихъ учителей.

Когда уроки кончились, Тёма, посмотрѣвъ на часы, съ наслажденіемъ подумалъ объ остающемся до сна часѣ, совершенно свободномъ отъ всякихъ заботъ. Онъ заглянулъ въ темную переднюю и, замѣтивъ тамъ Еремѣя, топившаго соломой печь, черезъ ворохъ соломы перебрался къ нему и, сѣвъ рядомъ съ нимъ, сталъ, какъ и Еремѣй, смотрѣть въ ярко горѣвшую печь. Все новая и новая солома быстро исчезала въ огнѣ. Тёма усердно помогалъ Еремѣю задвигать солому и съ интересомъ ждалъ, когда потемнѣвшая печь справится съ новою порціей. Вотъ только искры да пепелъ сквозятъ черезъ свѣжую охапку, и, кажется, никогда она не загорится; вотъ какъ-то лѣниво вспыхнуло въ одномъ, другомъ, третьемъ мѣстѣ и, охваченная вдругъ вся сразу, солома съ страшной, откуда-то взявшеюся силой огня уже рвется и исчезаетъ безслѣдно въ пожирающемъ ее пламени. Ярко и тепло до боли. И опять оба, и Еремѣй и Тёма, ждутъ новаго взрыва.

— Еремѣй, ты отъ брата получилъ письмо изъ деревни?

— Получилъ,—отвѣчаетъ Еремѣй.

— Что онъ пишетъ?

— Пишетъ, что, слава Богу, урожай былъ. Четвертую лошадь купили.

Еремѣй оживляется и разсказываетъ Тёмѣ о землѣ, посѣвѣ, хозяйствѣ, которое совмѣстно съ нимъ ведетъ братъ.

— Вотъ, къ празднику, если Богъ дастъ, попрошусь у папы въ деревню,—говоритъ Еремѣй.

— Какъ, на елкѣ не будешь?

Еремѣй снисходительно улыбается и говоритъ:

— Тамъ же жъ у меня рыдня—сваты, дружки...

— Ты кого больше всѣхъ любишь?

— Я всѣхъ люблю.

И отъ сладкой мысли свиданія у Еремѣя рисуются пріятныя сердцу картины: повязанныя головы хохлушъ, хустки, тяжелые чоботы, расписная хата, на столѣ вареники, галушки, горилка, а за столомъ разгорѣвшіяся, добродушныя, веселыя и „ледащія лыца“ Грицко, Остаповъ, Дунь и Марусенекъ.

— Какъ ты думаешь, Еремѣй, мнѣ что подарятъ на елку?

Еремѣй оставляетъ мечты и внимательно смотритъ своимъ однимъ глазомъ въ огонь.

— Мабуть, ружье?

— Настоящее?

— Настоящее, должно-буть,— нерѣшительно говоритъ Еремѣй.

— Вотъ, Тёмочка,—говоритъ подошедшая и присѣвшая Таня,—вырастайте скорѣй да въ офицеры поступайте... сабля съ боку, усики такіе...

— Я не буду офицеромъ,—равнодушно говоритъ Тёма, задумчиво смотря въ огонь.

— Отчего не будете? Офицерамъ хорошо.

И Еремѣй соглашается, что офицерамъ хорошо.

— Енераломъ будете, якъ папа вашъ.

— Мама не хочетъ, чтобы я былъ офицѣромъ.

— А вы попросите.

— Не хочу. Я ученымъ буду... какъ Томылинъ.

— Не люблю я ихъ; я одного учителя видала: такой некрасивый, худой... Военный лучше... усики.

— У меня тоже будутъ усы,—говоритъ Тёма и старается посмотрѣть на свою верхнюю губу.

Таня смотритъ и цѣлуетъ его. Тёма недовольно отстраняется.

— Зачѣмъ ты цѣлуешь?

— Скорѣе расти будутъ усы...

— Отчего скорѣе?

Таня молча смотритъ лукаво на Еремѣя и улыбается. Тёма переводитъ глаза на Еремѣя, который тоже загадочно улыбается и весело глядитъ въ печку.

— Еремѣй, отчего?

— Да такъ, она шуткуетъ,—говоритъ Еремѣй и медленно встаетъ, такъ какъ топка печки кончилась.

Тёма тоже встаетъ и идетъ.

Въ столовой Зина, придвинувъ свѣчку, осторожно держитъ надъ нею сахаръ, который таетъ и желтыми, прозрачными каплями падаетъ на ложку, которую Зина держитъ другой рукой.

Наташа, Сережа и Аня внимательно слѣдятъ за каждою каплей.

— И я,—говоритъ Тёма, бросаясь къ сахарницѣ.

— Тёма, это для Наташи, у нея кашель.—протестуетъ Зина.

— У меня тоже кашель,—отвѣчаетъ Тёма и съ сахаромъ и ложкой лѣзетъ на столъ. Онъ усаживается съ другой стороны свѣчи и дѣлаетъ то же, что Зина.

— Тёма, если ты только меня толкнешь, я отниму свѣчку... Это моя свѣчка.

— Не толкну,—говоритъ Тёма, весь поглощенный работою, съ высунутымъ отъ усердія языкомъ.

У Тёмы на ложку падаютъ какія-то совсѣмъ черныя, пережженныя, съ копотью, капли.

— Фу, какая гадость,—говоритъ Зина.

Маленькая компанія весело хохочетъ.

— Ничего,—отвѣчаетъ Тёма,—больше будетъ...—И онъ съ наслажденіемъ набиваетъ себѣ ротъ леденцами въ сажѣ.

— Дѣти, спать пора,—говоритъ мать.

Тёма, Зина и вся компанія идутъ къ отцу въ кабинетъ, цѣлуютъ у него руку и говорятъ:

— Папа, покойной ночи.

Отецъ отрывается отъ работы и быстро, озабоченно одного за другимъ креститъ.

Тёма у себя въ комнатѣ молится передъ образомъ Богу.

Медленно, гдѣ-то за окномъ, съ какимъ-то однообразнымъ отзвукомъ, капля за каплей падаетъ съ крыши вода на каменный полъ террасы. „День, день, день“, раздастся въ ушахъ Тёмы. Онъ прислушивается къ этому звону, смотритъ куда-то впередъ и, забывъ давно о молитвѣ, весь потонулъ въ ощущеніяхъ прожитаго дня: Еремѣй, Кейзеровна, дочка Бориса Борисовича, Томылинъ съ матерью.

„Вотъ хорошо, если бы Томылинъ былъ мой отецъ“,— думаетъ вдругъ почему-то Тёма.

Эта откуда-то взявшаяся мысль тутъ же непріятно передергиваетъ Тёму. Томылинъ въ эту минуту какъ-то сразу дѣлается ему чужимъ, и взамѣнъ его выдвигается образъ суроваго, озабоченнаго отца.

„Я очень люблю папу,—проносится у него пріятное сознаніе сыновней любви.—И маму люблю, и Еремѣя, и Бориса Борисовича, всѣхъ, всѣхъ“.

— Артемій Николаевичъ,—заглядываетъ Таня,—ложитесь уже, а то завтра долго будете спать...

Тёма непріятно оторванъ.

Да, завтра опять вставать въ гимназію.—и завтра, и послѣзавтра, и цѣлый рядъ скучныхъ, тоскливыхъ дней...

Тёма тяжело вздыхаетъ.

VIII.

Ивановъ.

Черезъ нѣсколько дней Борисъ Борисовичъ умеръ. Мать его и тетка поступили въ пріютъ, жена и старшая дочь, заботами Аглаиды Васильевны, попали въ институтъ, жена—экономкой, дочь—классной дамой. Младшую дочь Аглаида Васильевна взяла къ себѣ, а бывшую у нея фрейленъ устроила надзирательницею дѣтскаго пріюта.

На мѣсто Бориса Борисовича пришелъ толстый, краснощекій, молодой нѣмецъ, Робертъ Ивановичъ Клау.

Ученики сразу почувствовали, что Робертъ Ивановичъ—не Борисъ Борисовичъ.

Дни пошли за днями, безцвѣтные своимъ однообразіемъ, но сильные и безповоротные своими общими результатами.

Тёма какъ-то незамѣтно сошелся со своимъ новымъ сосѣдомъ, Ивановымъ.

Косые глаза Иванова, въ первое время непріятно поражавшіе Тёму, при болѣе близкомъ знакомствѣ начали производить на него какое-то манящее къ себѣ, особенно сильное впечатлѣніе. Тёма не могъ дать отчета, что въ нихъ было привлекательнаго: глубже ли взглядъ казался, свѣтлѣе ли какъ-то былъ онъ, но Тёма такъ поддался очарованію, что сталъ и самъ косить, сначала шутя, а потомъ уже не замѣчая, какъ глаза его сами собою вдругъ скашивались.

Матери стоило большого труда отучить его отъ этой привычки.

— Что ты уродуешь свои глаза?—спрашивала она.

Но Тёма, чувствуя себя похожимъ въ этотъ моментъ на Иванова, испытывалъ безконечное наслажденіе.

Ивановъ незамѣтно втянулъ Тёму въ сферу своего вліянія.

Вѣчно тихій, неподвижный, никого не трогавшій, какъ-то равнодушно получавшій единицы и пятерки, Ивановъ почти не сходилъ со своего мѣста.

— Ты любишь страшное?—тихо спросилъ однажды, закрывая рукою ротъ, Ивановъ во время какого-то скучнаго урока.

— Какое страшное?—повернулся къ нему Тёма.

— Да типе,—нервно проговорилъ Ивановъ,—сиди такъ, чтобы незамѣтно было, что ты разговаризаешь. Ну, про страшное: вѣдьмъ, чертей...

— Люблю.

— Въ какомъ родѣ любишь?

Тёма подумалъ и отвѣтилъ:

— Во всякомъ родѣ.

— Я разскажу тебѣ про одинъ случай въ Испаніи. Да не поворачивайся же... Сиди, какъ будто слушаешь учителя. Ну такъ... Въ одномъ замкѣ, въ Испаніи, пришлось какъ-то заночевать одному путешественнику.

У Тёмы по спинѣ уже забѣгали мурашки отъ предстоящаго удовольствія.

— Его предупреждали, что въ замкѣ происходитъ по ночамъ что-то страшное. Ровно въ 12 часовъ отворялись всѣ двери...

У Тёмы широко раскрылись глаза.

— Опусти глаза!.. Что ты смотришь такъ?.. Замѣтятъ... Когда страшно сдѣлается, смотри въ книгу!.. Вотъ такъ. Ровно въ 12 часовъ отворялись сами собою двери, зажигались всѣ свѣчи, и въ самой дальней комнатѣ показывалась вдругъ высокая, длинная фигура, вся въ бѣломъ... Смотри въ книгу... Я брошу разсказывать.

Тёма, какъ очарованный, слушалъ.

Онъ любилъ эти страшные разсказы, неистощимымъ источникомъ которыхъ являлся Ивановъ. Бывало, скажетъ Ивановъ во время рекреаціи: „не ходи сегодня во дворъ, буду разсказывать“, и Тёма, какъ прикованный, оставался на мѣстѣ. Начнетъ и сразу захватитъ Тёму. Подопрется, бывало, колѣномъ о скамью и говоритъ, говоритъ,—такъ и льется у него. Смотритъ на него Тёма, смотритъ на маленькій, болтающійся въ воздухѣ порыжѣлый сапогъ Иванова, на лопнувшую кожу этого сапога; смотритъ на едва выглядывающій, засаленный, покрытый перхотью, форменный воротничокъ; смотритъ въ его добрые свѣтящіеся глаза и слушаетъ, и

чувствуетъ, что любитъ онъ Иванова, такъ любитъ, такъ жалко ему почему-то этого маленькаго, бѣдно одѣтаго мальчика, которому ничего, кромѣ его разсказовъ, не надо,—что готовъ онъ, Тёма, прикажи ему только Ивановъ, все сдѣлать, всѣмъ для него пожертвовать.

— Какъ много ты знаешь,—сказалъ разъ Тёма.—Какъ ты все это можешь выдумать?

— Какой ты смѣшной,—отвѣтилъ Ивановъ.—Развѣ это моя фантазія? Я читаю.

— Развѣ такія вещи печатаютъ?

— Конечно, печатаютъ. Ты читаешь что-нибудь?

— Какъ читаю?

— Ну, какъ читаешь? Возьмешь какой-нибудь разсказъ, сядешь и читаешь.

Тёма удивленно слушалъ Иванова. Въ его головѣ не вмѣщалось, чтобъ можно было добровольно, безъ урока, сидѣть и читать.

— Ты вотъ попробуй, когда-нибудь я принесу тебѣ одну занимательную книжку... Только не порви.

Во второмъ классѣ Тёма уже читалъ Гоголя, Майнъ-Рида, Вагнера и втянулся въ чтеніе. Онъ любилъ, придя изъ гимназіи, подъ вечеръ, съ кускомъ хлѣба, забраться куда-нибудь въ каретникъ, на чердакъ, въ бесѣдку, куда-нибудь подальше отъ жилья, и читать, переживая всѣ ощущенія выводимыхъ героевъ.

Онъ познакомился съ Ивановымъ по дому и, узнавъ его жизнь, еще больше привязался къ нему. Добрый, кроткій съ тѣми, кого онъ любилъ, Ивановъ былъ круглый сирота, жилъ у богатыхъ родственниковъ, помѣщиковъ, но какъ-то заброшенно, въ сторонѣ отъ всей квартиры, въ маленькой, возлѣ самой кухни, комнаткѣ. Къ нему никто не заглядывалъ, онъ тоже не любилъ ходить въ общія комнаты и всегда почти просиживалъ одинъ у себя.

— Тебѣ онъ нравится, мама? — приставалъ Тёма по сто разъ къ своей матери и, получая утвердительный отвѣтъ, переживалъ наслажденіе за своего друга.

— Мама, скажи, что̀ тебѣ больше всего въ немъ нравится?

— Глаза.

— Правда, глаза? Знаешь, мама, его мать умерла передъ тѣмъ, какъ онъ поступилъ въ гимназію. Я видѣлъ ея портретъ. Она казачка, мама... Такая хорошенькая... Онъ на груди въ маленькомъ медальонѣ носитъ ея портретъ. Онъ мнѣ показывалъ, только сказалъ, чтобы я никому ничего не

говорилъ. Ты тоже, мама, никому не говори. Ахъ, мама, если бъ ты знала, какъ я его люблю.

— Больше мамы?

Тёма сконфуженно опускалъ голову и нерѣшительно произносилъ:

— Одинаково...

— Глупый ты мальчикъ! — улыбаясь, говорила мать.

— Мама, онъ говоритъ чтобы лѣтомъ я ѣхалъ къ нимъ въ деревню. Тамъ у нихъ прудъ есть, рыбу будемъ ловить, садъ большой, у него большой кожаный диванъ подъ окнами, и вишни прямо въ окно висятъ. У дяди его пропасть книгъ... Мы вдвоемъ запремся и будемъ читать. Пустишь меня, мама?

— Если перейдешь въ третій классъ, — пущу.

— Ахъ вотъ счастье будетъ! Я тебѣ привезу много вишенъ. Хорошо?

— Хорошо, хорошо. Пора ужъ заниматься.

— Такъ не хочется... — говорилъ Тёма, сладко потягиваясь.

— А въ деревню хочется?

— Хочется, смѣялся Тёма.

Иногда утромъ, когда Тёмѣ не хотѣлось вставать, когда почему-либо перспектива итти въ гимназію не представляла ничего заманчиваго, Тёма вдругъ вспоминалъ своего друга, и сладкое чувство охватывало его,—онъ вскакивалъ и начиналъ одѣваться. Онъ переживалъ наслажденіе отъ мысли, что опять увидитъ Иванова, который ужъ будетъ ждать его и весело сверкнетъ своими добрыми черными глазами изъ подъ мохнатой шапки волосъ. Поздороваются друзья, сядутъ поближе другъ къ другу и радостно будутъ улыбаться Корневу который грызя ногти, насмѣшливо скажетъ.

— Сто лѣтъ не видались... Поцѣлуйтесь на радостяхъ.

Въ такія минуты Тёма считалъ себя самымъ счастливымъ человѣкомъ.

IX.

Ябеда.

Но ничто не вѣчно подъ луною. И дружба Тёмы съ Ивановымъ прекратилась, и мечты о деревнѣ не осуществились, и на самое воспоминаніе объ этихъ лучшихъ дняхъ изъ дѣтства Тёмы жизнь безжалостно наложила свою гадливую печать, какъ бы въ отместку за доставленное блаженство.

Учитель французскаго языка, Бошаръ, скромно начавшій карьеру съ кучера, сохранившій свою представительную фи-

гуру, засѣдалъ на своемъ учительскомъ мѣстѣ такъ же величественно и добродушно, какъ въ былые дни возсѣдалъ на козлахъ своего фіакра. Какъ прежде, бывало, онъ по временамъ стегалъ свою клячу длиннымъ бичомъ, так и теперь, отъ времени до времени, онъ хлопалъ своей широкой, пухлой ладонью и кричалъ громкимъ, равнодушнымъ голосомъ:

— Voyons, voyons donc!

Однажды, по заведенному порядку, шелъ урокъ Бошара. Очередной переводилъ, остальной классъ былъ въ какомъ-то среднемъ состояніи между сномъ и бодрствованіемъ.

Въ маленькое, круглое окошко класса, продѣланное въ дверяхъ, заглянулъ чей-то глазъ.

Вахновъ сложилъ машинально кукишъ, полюбовался имъ сначала самъ, а затѣмъ предложилъ полюбоваться и смотрѣвшему въ окошечко.

При всемъ своемъ добродушіи, Иванъ Ивановичъ, который и смотрѣлъ въ окошко, не вытерпѣлъ и, отворивъ дверь, пригласилъ Вахнова къ директору.

Вахновъ струсилъ и сталъ божиться, что это не онъ. Въ подтвержденіе своихъ словъ, онъ сослался на Бошара, будто бы видѣвшаго, какъ онъ, Вахновъ, сидѣлъ смирно.

Бошаръ, видѣвшій все и съ любопытствомъ естествоиспытателя наблюдавшій самъ звѣрька низшей расы Вахнова, проговорилъ съ пренебреженіемъ удовлетвореннаго наблюдателя:

— Allez, allez, bête animal!

Вахновъ, скрѣпя сердце, пошелъ за Иваномъ Ивановичемъ въ коридоръ, но, когда дверь затворилась и они остались одни съ глазу на глазъ, Вахновъ, не долго думая, всталъ на колѣни и проговорилъ:

— Иванъ Ивановичъ, не губите меня! Директоръ исключитъ за это, а отецъ убьетъ меня. Честное слово, я говорю правду: вы знаете моего отца.

Иванъ Ивановичъ хорошо зналъ отца Вахнова, который былъ въ полномъ смыслѣ слова звѣрь, по свирѣпости и крутости нрава. Онъ славился на весь городъ этими своими качествами, на ряду, впрочемъ, и съ другими, признанными обществомъ: идеальной честностью и беззавѣтнымъ мужествомъ.

— Встаньте скорѣй! — сконфуженно и растерянно заговорилъ Иванъ Ивановичъ и самъ бросился поднимать Вахнова.

Вахновъ для усиленія впечатлѣнія, вставая, чмокнулъ надзирателя въ руку Иванъ Ивановичъ, окончательно растерявшись, опрометью бросился отъ Вахнова, отмахиваясь и отплевываясь на ходу. Вахновъ, постоявъ немного въ коридорѣ, снова вошелъ въ классъ.

Какими-то судьбами эта исторія все-таки дошла до директора, и педагогическимъ совѣтомъ Вахновъ былъ приговоренъ къ двухнедѣльному аресту по два часа каждый день.

Убѣдившись, что донесъ не Иванъ Ивановичъ, Вахновъ остановился на Бошарѣ, какъ на единственномъ человѣкѣ, который могъ донести. Это было и общее мнѣніе всего класса. Хотя и не горячо, но почти всѣ высказывали порицаніе Бошару.

„Идіотъ“ Вахновъ на мгновеніе пріобрѣлъ, если не уваженіе, то сочувствіе. Это сочувствіе пробудило въ Вахновѣ затоптанное сперва отцомъ, а потомъ и гимназіей, давно уже спавшее самолюбіе. Онъ испытывалъ сладкое нравственное удовлетвореніе, которое чувствуетъ человѣкъ отъ сочувствія къ нему общества. Но что-то говорило ему, что это сочувствіе ненадежное, и, чтобъ удержать его, отъ него, Вахнова, требовалось что-то такое, что̀ заставило бы навсегда забыть его прошлое.

Бѣдная голова Вахнова, можетъ-быть, въ первый разъ въ жизни была полна другими мыслями, чѣмъ тѣ, какія внушало ей здоровое, праздное тѣло пятнадцатилѣтняго отупѣвшаго отрока. Его мозги тяжело работали надъ трудной задачей, съ которой онъ и справился наконецъ.

За мгновеніе до прихода Бошара, Вахновъ не удержался, чтобы не сказать Иванову и Тёмѣ (по настоянію Иванова, они и во второмъ классѣ продолжали сидѣть втроемъ и, попрежнему, на послѣдней скамейкѣ) о томъ, что онъ всунулъ въ стулъ, на который сядетъ Бошаръ, иголку.

Такъ какъ на лицахъ Иванова и Тёмы изобразился какой-то ужасъ, вмѣсто ожидаемаго одобренія, то Вахновъ, на всякій случай, проговорилъ:

— Только выдайте!

— Мы не выдадимъ, но не потому, что испугались твоихъ угрозъ,—отвѣтилъ съ достоинствомъ Ивановъ,—а потому, что къ этому обязываютъ правила товарищества. Но это такая гнусная гадость...

Тёма только взглядомъ отвѣтилъ на такъ отчетливо выраженныя Ивановымъ его собственныя мысли.

Спорить было поздно. Бошаръ уже входилъ, величественный и спокойный. Онъ поднялся на возвышеніе, сталъ спиной къ стулу, не спѣша положилъ книги на столъ, оглянулъ взглядомъ соннаго орла классъ и, раздвигая слегка фалды, грузно опустился.

Въ то же мгновеніе онъ вскочилъ, какъ ужаленный, съ пронзительнымъ крикомъ, нагнулся и сталъ шупать рукой

стулъ. Разыскавъ иголку, онъ вытащилъ ее съ большимъ трудомъ изъ сидѣнья и бросился изъ класса *).

Совершенно блѣдный, съ провалившимися вдругъ куда-то внутрь глазами, откуда они горѣли огнемъ, влетѣлъ въ классъ директоръ и прямо бросился къ послѣдней скамейкѣ.

— Это не я!—прижатый къ скамьѣ, въ дикомъ ужасѣ закричалъ Тёма.

— Кто?! — могъ только прохрипѣть директоръ, схвативъ его за руку.

— Я не знаю! — отвѣтилъ высокимъ визгомъ Тёма.

Рванувъ Тёму за руку, директоръ однимъ движеніемъ выдернулъ его въ проходъ и потащилъ за собой.

Тёма какимъ-то вихремъ понесся съ нимъ по коридору. Какъ-то тупо застывъ, онъ безучастно наблюдалъ ряды вѣшалокъ, шинелей, грязную калошу, валявшуюся посреди коридора... Онъ пришелъ въ себя только очутившись въ директорской, когда его слухъ поразилъ зловѣще щелкнувшій замокъ запиравшейся на ключъ двери.

Смертельный ужасъ охватилъ его, когда онъ увидѣлъ, что директоръ, покончивъ съ дверью, сталъ какъ-то тихо, беззвучно подбираться къ нему.

— Что вы хотите со мной дѣлать!? — неистово закричалъ Тёма и бросился въ сторону.

Въ то же мгновеніе директоръ схватилъ его за плечо и проговорилъ быстрымъ, огнемъ охватившимъ Тёму, шопотомъ:

— Я ничего не сдѣлаю, но не шутите со мною: кто?!

Тёма помертвѣлыми глазами, застывъ на мѣстѣ, съ ужасомъ смотрѣлъ на раздувшіяся ноздри директора.

Впившіеся черные горящіе глаза ни на мгновеніе не отпускали отъ себя широко раскрытыхъ глазъ Тёмы. Точно что-то, помимо воли, раздвигало ему глаза и входило черезъ нихъ властно и сильно, съ мучительной болью въ глубь, въ Тёму, туда... куда-то далеко, въ ту глубь, которую только холодомъ прикосновенія чего-то чужого впервые ощущалъ въ себѣ онѣмѣвшій мальчикъ.

Ошеломленный, удрученный, Тёма почувствовалъ, какъ онъ точно погружался куда-то...

И вотъ, какъ жалобный подсвистъ въ бурю, рядомъ съ дикимъ воемъ, зазвучали въ его ушахъ и посыпались его безсвязныя, слабѣющія слова о пощадѣ, слова мольбы, просьбы и опять мольбы о пощадѣ и еще... ужасныя, страшныя слова,

---

*) Прошу читателя имѣть въ виду, что рѣчь идетъ о гимназіи въ отдаленное время, т.-е. 20 лѣтъ тому назадъ. — *Примѣчаніе автора.*

безсознательно слетавшія съ помертвѣлыхъ губъ... ахъ! — болѣе страшныя, чѣмъ кладбище и черная шапка Еремѣя, чѣмъ розги отца, чѣмъ самъ директоръ, чѣмъ все, что бы то ни было на свѣтѣ. Что смрадъ колодца?! Тамъ, открывъ ротъ, онъ больше не чувствовалъ его... Отъ смрада души, охватившаго Тёму, онъ бѣшено рванулся.

— Нѣтъ! Нѣтъ! Не хочу! — съ безумнымъ воплемъ безконечной тоски бросился Тёма къ вырвавшему у него признаніе директору.

— Молчать! — со спокойнымъ, холоднымъ презрѣніемъ проговорилъ удовлетворенный директоръ и, втолкнувъ Тёму въ сосѣднюю комнату, заперъ за нимъ дверь.

Оставшись одинъ, Тёма какъ-то безсильно, тупо оглянулся, точно отыскивая потерянную связь событій. Затихавшіе въ отдаленіи шаги директора дали ему эту связь. Ослѣпительной, мучительной болью сверкнуло сознаніе, что директоръ пошелъ за Ивановымъ.

— И-и! — ухватилъ себя ногтями за щеки Тёма и завертѣлся волчкомъ. Натолкнувшись на что-то, онъ такъ и затихъ, охваченный какой-то безконечной пустотой.

Въ сосѣднюю комнату опять вошелъ директоръ. Снова раздался его бѣшеный крикъ.

Тёма пришелъ въ себя и замеръ въ томительно-напряженномъ ожиданіи отвѣта Иванова.

— Я не могу... — тихой мольбой донеслось къ Тёмѣ, и сердце его сжалось мучительной болью.

Опять загремѣлъ директоръ, и новый залпъ угрозъ оглушилъ комнату.

— Я не могу, я не могу... — доносился какъ будто съ какой-то безконечной высоты до слуха Тёмы быстрый, дрожащій голосъ Иванова. — Дѣлайте со мной, что хотите, я приму на себя всю вину, но я не могу выдать...

Наступило гробовое молчаніе.

— Вы исключаетесь изъ гимназіи, — проговорилъ холодно и спокойно директоръ. — Можете отправляться домой. Лица съ такимъ направленіемъ не могутъ быть терпимы...

— Что жъ дѣлать?! — отвѣтилъ раздраженно Ивановъ: — выгоняйте, но вы все-таки не заставите меня сдѣлать подлость.

— Вонъ!!

Тёма уже ничего не чувствовалъ. Все какъ-то опѣмѣло въ немъ.

Черезъ полчаса состоялось опредѣленіе педагогическаго совѣта. Вахновъ исключался. Роднымъ Иванова предложено

было добровольно взять его. Карташевъ наказывался на недѣлю оставаться во время обѣда въ гимназіи, по два часа каждый день.

Тёмѣ приказали итти въ классъ, куда онъ и пошелъ подавленный, униженный, тупой, чувствуя отвращеніе и къ себѣ, и къ директору, и къ самой жизни, чувствуя одно безконечное желаніе, чтобы жизнь отлетѣла сразу, чтобы сразу перестать чувствовать.

Но жизнь не отлетаетъ по желанію, чувствовать надо, и Тёма почувствовалъ, рѣшившись поднять наконецъ глаза на товарищей, что нѣтъ Иванова, нѣтъ Вахнова, но есть онъ, ябеда и доносчикъ, пригвожденный къ своему позорному мѣсту... Неудержимой болью охватила его мысль о томъ свѣтломъ, безвозвратно погибшемъ времени, когда и онъ былъ чистымъ и незапятнаннымъ; охватило его горькое чувство тоски, зачѣмъ онъ живетъ, и рыданія подступили къ его горлу.

Но онъ удержалъ ихъ, и только какой-то тихій, жалобный пискъ успѣлъ вырваться изъ его горла,—пискъ, замершій въ самомъ началѣ. Что-то забытое, напомнившее Тёмѣ Жучку въ колодцѣ, мелькнуло въ его головѣ...

Тёма быстро, испуганно оглянулся.... но никто не смотрѣлъ на него.

Передавая дома эту исторію, Тёма скрылъ, что выдалъ товарища.

Отецъ, выслушавъ, проговорилъ:

— Иначе ты и не могъ поступить... И безъ наказанія нельзя было оставить: Вахнова давно пора было выгнать; Ивановъ, видно, за что-нибудь намѣченъ, а ты, какъ меньше другихъ виноватый, поплатился недѣльнымъ наказаніемъ. Что̀ жъ? Отсидишь.

Сердце Тёмы тоскливо ныло, и, еще болѣе униженный, онъ стоялъ и не смѣлъ поднять глазъ на отца и мать.

Аглаида Васильевна ничего не сказала и ушла къ себѣ.

Не дотронувшись почти до ѣды, Тёма тоскливо ходилъ по комнатамъ, отыскивая такія, въ которыхъ никого не было, и, останавливаясь у оконъ, неподвижно, безъ мысли, замиралъ, смотря куда-то. При малѣйшемъ шорохѣ онъ быстро отходилъ отъ своего мѣста и испуганно оглядывался.

Когда наступили сумерки, ему стало еще тяжелѣе, и онъ какъ-то безсознательно потянулся къ матери. Онъ разсмотрѣлъ ее возлѣ окна и молча подошелъ.

— Тёма, разскажи мнѣ, какъ все было...—мягко, ласково, но требовательно-увѣренно проговорила мать.

Тёма замеръ и почувствовалъ, что мать уже догадалась.

— Все разскажи.

Этотъ ласковый, впередъ прощающій голосъ охватилъ Тёму какою-то жгучей потребностью — все до послѣдняго передать матери.

Передавъ истину, Тёма горько оборвалъ разсказъ и униженно опустилъ голову.

— Бѣдный мой мальчикъ,—произнесла охваченная той же тоской униженія и горечи мать.

Тёма облокотился на спинку ея кресла и тихо заплакалъ.

Мать молча вытирала капавшія по ея щекамъ слезы. Собравшись съ мыслями и давъ время успокоиться сыну, она сказала:

— Что̀ дѣлать? Если мы видимъ свои недостатки и если, замѣчая ихъ, стараемся исправиться, то и ошибки наши уже являются источниками искупленія. Сразу ничего не приходитъ. Все достается тяжелой борьбой въ жизни. Въ этой борьбѣ ты уже нашелъ сегодня одну свою слабую сторону... Когда будешь молиться, попроси у Бога, чтобы Онъ послалъ тебѣ твердость и крѣпкую волю въ минуты страха и опасности.

— Ахъ, мама, какъ я вспомню про Иванова, какъ вспомню... такъ бы, кажется, и умеръ сейчасъ.

Мать молча гладила голову сына.

— Ну, а если бъ ты пошелъ къ нему? — спросила она ласково.

Тёма не сразу отвѣтилъ.

— Нѣтъ, мама, не могу, — сказалъ онъ дрогнувшимъ голосомъ. — Когда я знаю, что больше не увижу его... такъ жалко... я такъ люблю его... а какъ подумаю, что пойду къ нему... я больше не люблю его, — тоскливо докончилъ Тёма, и слезы опять брызнули изъ его глазъ.

— Ну и не надо, не ходи. Когда-нибудь въ жизни, когда ты выйдешь хорошимъ, честнымъ человѣкомъ, Богъ дастъ, ты встрѣтишься съ нимъ и скажешь ему, что если ты вышелъ такимъ, то оттого, что ты всегда думалъ о немъ и хотѣлъ быть такимъ же честнымъ, хорошимъ, какъ онъ. Хорошо?

Тёма молча вздохнулъ и задумался. Мать тоже замолчала и только продолжала ласкать своего неустоявшаго въ первомъ бою сына.

Вечеромъ, въ кровати, Тёма осторожно поднялъ голову и, убѣдившись, что всѣ уже спятъ, беззвучно спустился на полъ и, весь проникнутый горячимъ экстазомъ, охваченный ка-

кимъ-то особеннымъ, такъ рѣдко, но съ такой силой посѣщающимъ дѣтей огнемъ вѣры, — жарко молился, прося Бога послать ему силы ничего не бояться.

И вдругъ, среди молитвы, Тёма вспомнилъ Иванова, его добрые глаза, такъ ласково, довѣрчиво смотрѣвшіе на него, вспомнилъ, что больше его никогда не увидитъ... и, какъ-то завизжавъ отъ боли, впился зубами въ подушку и замеръ въ безысходной тоскѣ...

X.

Въ Америку.

Тоскливо, холодно и непривѣтливо потекла гимназическая жизнь Тёмы. Онъ не могъ выносить классной комнаты — этой свидѣтельницы его былого счастья и паденія, хотя между товарищами Тёма и встрѣтилъ неожиданную для него поддержку. Черезъ нѣсколько дней послѣ тяжелаго одиночества, Касицкій, подойдя и улегшись на скамейкѣ передъ Тёмой, подперевъ подбородокъ рукой, спросилъ его ласково и сочувственно, смотря въ глаза:

— Какъ это случилось, что ты выдалъ? Струсилъ?

— Чортъ его знаетъ, какъ это вышло, — заговорилъ Тёма, и слезы подступили къ его глазамъ: — раскричался, затопалъ, я и не помню...

— Да, это непріятно... Ну, теперь ученый будешь...

— Теперь пусть попробуетъ, — вспыхнулъ Тёма, и глаза его сверкнули: — я ему, подлецу, въ морду залѣплю...

— Вотъ какъ... Да, свинство, конечно... Жалко Иванова?

— Эхъ, за Иванова я полжизни бы отдалъ.

— Конечно... водой вѣдь васъ, бывало, не разольешь. А моя-то сволочь, Яковлевъ, радуется.

Каждый день Касицкій подсаживался къ Тёмѣ и съ удовольствіемъ заводилъ съ нимъ разговоры.

— Послушай, — предложилъ однажды Касицкій, — хочешь, я пересяду къ тебѣ?

Тёма вспыхнулъ отъ радости.

— Ей-Богу... у меня тамъ такая дрянь...

И Даниловъ все чаще и чаще сталъ оглядываться на Тёму. Даниловъ подолгу, стараясь это дѣлать незамѣтно, вдумчиво всматривался въ блѣдное, измученное лицо „выдавшаго“, и въ душѣ его живо рисовались муки, которыя переживалъ въ это время Тёма. Чувство стыдливости не позволяло ему

выразить Тёмѣ прямо свое участіе, и онъ ограничился тѣмъ, что только какъ-то особенно сильно жалъ при встрѣчѣ утромъ руку Тёмы и краснѣлъ. Тёма чувствовалъ расположеніе Данилова и тоже украдкой смотрѣлъ на него и быстро отводилъ глаза, когда Даниловъ замѣчалъ его взглядъ.

— Ты куда? — спросилъ Даниловъ Касицкаго, который съ ворохомъ тетрадей и книгъ несся весело по классу...

— А вотъ перебраться задумалъ...

Эта мысль понравилась Данилову; онъ весь урокъ что-то соображалъ, а въ рекреацію, подойдя рѣшительно къ Тёмѣ и ставъ какъ-то, по своей привычкѣ, въ полуоборотъ къ нему, спросилъ, краснѣя:

— Ты ничего не будешь имѣть противъ, если и я пересяду къ тебѣ?

— Я очень радъ, — отвѣтилъ Тёма, въ свою очередь, краснѣя до волосъ.

— Ну, и отлично.

— И ты? — увидавъ Данилова, проговорилъ обрадованный и возвратившійся откуда-то въ это время Касицкій.

И онъ заоралъ во все горло:

— „Вотъ мчится тройка удалая!“

Одинъ изъ двухъ старыхъ сосѣдей Касицкаго, Яковлевъ, шепнулъ на ухо Филиппову:

— Карташевъ и имъ удружитъ...

И оба весело разсмѣялись.

— Моя дрянь смѣется, — проговорилъ Касицкій, переставъ пѣть. — Сплетничаютъ что-нибудь. Чортъ съ ними!.. Постойте, теперь надо такъ разсѣсться: ты, Даниловъ, какъ самый солидный, садись въ корень между нами, двумя сорванцами. Ты, Карташевъ, полѣзай къ стѣнѣ, а я, такъ какъ не могу долго сидѣть на мѣстѣ, сяду поближе къ проходу.

Когда все было исполнено, онъ проговорилъ:

— Ну вотъ, теперь настоящая тройка! Ничего, отлично заживемъ.

— Ты любишь море? — спросилъ однажды Даниловъ у Тёмы.

— Люблю, — отвѣчалъ Тёма.

— А на лодкѣ кататься?

— Люблю, только я еще ни разу не катался.

Даниловъ никакъ не могъ понять, какъ, живя въ приморскомъ городѣ, до сихъ поръ ни разу не покататься на лодкѣ. Онъ давно ужъ умѣлъ и грести и управлять рулемъ. Онъ, сколько помнилъ себя, все помнилъ то же безбрежное море, ихъ домъ, стоявшій на самомъ берегу, всегда вдыхалъ въ

себя свѣжій запахъ этого моря, перемѣшанный съ запахомъ пеньки, смоляныхъ канатовъ и каменноугольнаго дыма пристани. Сколько онъ помнилъ себя, всегда его ухо ласкалъ шумъ моря,—то тихій и мягкій, какъ шопотъ, то страстный и бурный, какъ стонъ и вопль разъяреннаго дикаго звѣря. Онъ любилъ это море, сроднился съ нимъ; любовь эту поддерживали и развили въ немъ до страсти молодые моряки, бывавшіе у его отца, капитана порта.

Онъ спалъ и грезилъ моремъ. Онъ любовался у открытаго окна, когда, бывало, вечеромъ луна заливала своимъ чуднымъ свѣтомъ эту безконечную водную даль со свѣтлой серебряной полосой луны, сверкавшей въ водѣ и терявшейся на далекомъ горизонтѣ; онъ видѣлъ, какъ вдругъ выплывшая лодка попадала въ эту освѣщенную полосу, разрѣзая ее дружными, мѣрными взмахами веселъ, съ которыхъ, какъ серебряный дождь, сбѣгала напитанная фосфорическимъ блескомъ вода. Онъ любилъ тогда море, какъ любятъ маленькихъ хорошенькихъ дѣтей. Но не этой картиной море влекло его душу, вызывало восторгъ и страсть къ себѣ. Его разжигала буря, въ немъ подымалась неизвѣданная страсть въ утлой лодкѣ помѣряться силами съ разсвирѣпѣвшимъ моремъ, когда оно, взбѣшенное, какъ титанъ, швыряло далеко на берегъ свои бѣшеныя волны. Тогда Даниловъ ужъ не былъ похожъ на мягкаго обыкновеннаго Данилова. Тогда, вдохновенный, онъ простаивалъ по цѣлымъ часамъ на морскомъ берегу, наблюдая расходившееся море. Онъ съ какою-то завистью смотрѣлъ въ упоръ на своихъ бѣшено набѣгавшихъ враговъ—волны, которыя тутъ же, у его ногъ, разбивались о берегъ.

— Не любишь! — съ наслажденіемъ шептали его побѣднѣвшія губы, а глаза уже впивались въ новый набѣгавшій валъ, который, точно разбѣжавшійся человѣкъ, споткнувшись съ размаха, высоко взмахнувъ руками, тяжело опрокидывался на острые камни.

— Э-эхъ!—злорадно отдавалось въ его сердцѣ.

Однажды Даниловъ сказалъ Тёмѣ и Касицкому:

— Хотите завтра покататься на лодкѣ?

Тёма, замирая отъ счастья, восторженно отвѣтилъ:

— Хочу.

Касицкій тоже изъявилъ согласіе.

— Такъ прямо изъ гимназіи и пойдемъ. Сначала пообѣдаемъ у меня, а потомъ и кататься.

Вопросъ у Тёмы былъ только въ томъ, какъ отнесутся къ этому дома. Но и дома онъ получилъ разрѣшеніе.

Прогулки по морю стали излюбленнымъ занятіемъ друзей въ 3-мъ классѣ. Зимой, когда море замерзло и нельзя было больше ѣздить, вѣрные друзья ходили по берегу, смотрѣли на разстилавшуюся передъ ними ледяную равнину, на темную полосу воды за ней,—тамъ, гдѣ море сливалось съ низкими свинцовыми тучами,—щелкали зубами, синѣли отъ холода, ежились въ своихъ форменныхъ пальтишкахъ, прятали въ короткіе рукава красныя руки и говорили все о томъ же морѣ. Главнымъ образомъ говорилъ Даниловъ; Тёма съ раскрытымъ ртомъ слушалъ, а Касицкій и слушалъ, и возражалъ, и развлекался.

— А вотъ я знаю такой случай,—начиналъ, бывало, Касицкій:—одинъ корабль опрокинулся...

— Килевой?—спрашивалъ Даниловъ.

— Килевой, конечно.

— Ну и врешь,—отрѣзывалъ Даниловъ.—Такой корабль не можетъ опрокинуться...

— Ну, ужъ это дудки! Ахъ оставьте, пожалуйста. Такъ можетъ...

— Да понимаешь ты, что не можетъ. Единственный случай былъ.

— Былъ же? Значитъ, можетъ.

— Да ты послушай. Этотъ корабль...

Но Касицкій уже не слушалъ; онъ завидѣлъ собаку и бѣжалъ доказывать друзьямъ, что собака его не укуситъ. Эти доказательства нерѣдко кончались тѣмъ, что собака изъ выжидательнаго положенія переходила въ наступательное и стремительно рвала у Касицкаго то брюки, то пальто, вслѣдствіе чего у него не было такого платья, на которомъ не нашлось бы непочиненнаго мѣста. Но онъ не смущался и всегда находилъ какое-нибудь основаніе, почему собака его укусила. То оттого, что она бѣшеная, то нарочно...

— Нарочно поддразнилъ,—говорилъ снисходительно Касицкій.

— Ну да, нарочно!—смѣялся Тёма.

— Дура, нарочно!—смѣялся и Касицкій, надвигая Тёмѣ на лицо фуражку.

Если ничего другого не оставалось для развлеченія, то Касицкій не брезгалъ и колесомъ пройтись по панели, за что Даниловъ снисходительно называлъ его „мальчишкой“. Даниловъ вообще былъ старшимъ въ компаніи—не лѣтами, по солидностью, которая происходила отъ безпредѣльной любви къ морю; о немъ только и думалъ онъ, о немъ только и говорилъ и ничего и никого, кромѣ своего моря, не призна-

валъ. Одно терзало его, что онъ не можетъ посвятить всего своего времени этому морю, а долженъ тратить это дорогое время и на сонъ, и на ѣду, и на гимназію. Въ послѣднемъ ему сочувствовали и Тёма и Касицкій.

— Есть люди съ твердой волей, которые и безъ гимназіи умѣли прокладывать себѣ дорогу въ жизни, — говорилъ Даниловъ. Тёма только вздыхалъ.

Есть, конечно, есть... Робинзонъ... А всѣ эти юнги, съ дѣтства попавшіе случайно на пароходъ, прошедшіе сквозь огонь и мѣдныя трубы, закалившіеся во всѣхъ неудачахъ. Боже мой! Чего они ни видали, гдѣ ни бывали: и пустыни, и львы, и тигры, и американскіе индѣйцы.

— А вѣдь такіе же, какъ и мы, люди,—говорилъ Даниловъ.

— Конечно, такіе.

— Тоже и отца, и мать, и сестеръ имѣли, тоже, вѣроятно, страшно сначала было, а пересилили, не захотѣли избитымъ путемъ пошлой жизни жить, и что жъ — развѣ они жалѣли? Никогда не жалѣли: всѣ они всегда вырастали безъ этихъ дурацкихъ единицъ и экзаменовъ, женились всегда на комъ хотѣли, стариками дѣлались, и всѣ имъ завидовали.

И вотъ понемногу планъ созрѣлъ: попытать счастья и съ первымъ весеннимъ днемъ удрать въ Америку на первомъ отходящемъ пароходѣ. Мысль эту бросилъ Касицкій и сейчасъ же забылъ о ней. Даниловъ долго вдумывался и предложилъ однажды привести ее въ исполненіе. Тёма далъ согласіе, не думая, главнымъ образомъ въ виду далекой еще весны. Касицкій далъ согласіе, такъ какъ ему было рѣшительно все равно: въ Америку, такъ въ Америку. Даниловъ все тонко во всѣхъ деталяхъ обдумалъ. Прежде всего, совсѣмъ безъ денегъ ѣхать нельзя; положимъ, юнгѣ даже платятъ сколько-нибудь, но до юнги надо доѣхать. А потому необходимо было пользоваться каждымъ удобнымъ моментомъ, чтобы откладывать все, что можно. Всѣ рессурсы должны были поступать въ кассу: деньги, выдаваемыя на завтраки—разъ, именинныя—два, случайныя (въ родѣ на извозчика), подарки дядей и пр., и пр. — три. Даниловъ добросовѣстно отбиралъ у друзей деньги сейчасъ же по приходѣ ихъ въ классъ, такъ какъ опытъ показалъ, что у Касицкаго и Тёмы деньги въ первую же рекреацію улетучивались. Результатомъ этого былъ волчій голодъ въ компаніи во все время уроковъ, т.-е. съ утра до двухъ-трехъ часовъ дня. Даниловъ крѣпился, Касицкій безъ церемоніи отламывалъ куски у перваго встрѣчнаго, а Тёма терпѣлъ, терпѣлъ и тоже кончалъ тѣмъ, что просилъ у кого-нибудь „кусочекъ“, а то отправлялся на

поиски по скамьямъ, гдѣ и находилъ всегда какую-нибудь завалявшуюся корку.

Было, конечно, довольно простое средство избавить себя отъ такихъ ежедневныхъ мукъ—это брать съ собой изъ дому хоть запасный кусокъ хлѣба. Но вся бѣда заключалась въ томъ, что послѣ утренняго чая, когда компанія отправлялась въ гимназію, имъ не хотѣлось ѣсть, и съ точки зрѣнія этого настоящаго они каждый день впадали въ ошибочную увѣренность, что и до конца уроковъ имъ не захочется ѣсть.

— На что ты похожъ сталъ? Подъ глазами синяки, щеки втянуло, худой, какъ скелетъ!—допытывалась мать.

Хуже всего, что, удерживаясь, Тёма дотягивалъ обыкновенно до послѣдней рекреаціи, и ужъ когда голодъ чуть не заставлялъ его кричать, тогда онъ только отправлялся на фуражировку. Вслѣдствіе этого аппетитъ перебивался и такъ основательно, что, придя домой, Тёма ни до чего, кромѣ хлѣба и супа, не касался.

Обдумывая въ подробностяхъ свой планъ, Даниловъ пришелъ къ заключенію, что прямо въ гавани сѣсть на корабль не удастся, потому что, во-первыхъ, узнаютъ и не пустятъ, а во-вторыхъ, потребуютъ заграничные паспорта. Поэтому Даниловъ рѣшилъ такъ: узнавъ, когда отходитъ подходящій корабль, заблаговременно выбраться въ открытое море на лодкѣ и тамъ, приставъ къ кораблю, объяснить, въ чемъ дѣло, и уѣхать на немъ. Вопросъ о дальнѣйшемъ былъ рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ на томъ простомъ основаніи, что кому же даровыхъ работниковъ не надо? Гораздо труднѣе былъ вопросъ о лодкѣ. Чтобъ отослать ее назадъ, нуженъ былъ проводникъ. Этимъ подводился проводникъ. Если пустить лодку на произволъ судьбы—пропажа казеннаго имущества—отецъ подводился. Все это привело Данилова къ заключенію, что надо строить свою лодку. Отецъ Данилова отозвался сочувственно, далъ имъ лѣсу, руководителей, и компанія приступила къ работѣ. Выборъ типа лодки подвергся всестороннему обсужденію. Рѣшено было строить килевую, и отдано было предпочтеніе ходу предъ вмѣстимостью.

— Весь секретъ, чтобы было какъ можно меньшее сопротивленіе. Чѣмъ она ўже...

— Ну, конечно, — перебивалъ нетерпѣливый Касицкій.

— Понимаешь?—спрашивалъ Даниловъ Тёму.

— Понимаю,—отвѣчалъ Тёма, понимавшій больше потому, что это было понятно Данилову и Касицкому: что̀ тамъ еще докапываться? Уже такъ ўже.

— Мнѣ даже кажется, что эта модель, самая узкая изъ всѣхъ, и та широка!

— Конечно, широка, — энергично поддержалъ Касицкій.— Къ чему такое брюхо?

— Отецъ настаиваетъ, — нерѣшительно проговорилъ Даниловъ.

— Еще бы ему не настаивать, у него животъ-то, слава Богу; ему и надо, а намъ на что?

— А мы, чтобъ не дразнить его, сдѣлаемъ уже, а ему благоразумно умолчимъ.

— Подлецъ, врать хочешь...

— Не врать, молчать буду. Спроситъ—ну, тогда признаюсь.

Всю зиму шла работа; сперва киль выдѣлали, затѣмъ шпангоуты насадили, потомъ обшивкой занялись, а затѣмъ и выкрасили въ бѣлый цвѣтъ, съ синей полоской кругомъ.

Собственно говоря, постройка лодки подвигалась непропорціонально труду, какой затрачивался на нее друзьями, и секретъ этотъ объяснялся тѣмъ, что имъ помогали какія-то таинственныя руки. Друзья благоразумно молчали объ этомъ и, когда лодка была готова, они съ гордостью объявили товарищамъ:

— Мы кончили.

Впрочемъ, Касицкій не удержался и тутъ же сказалъ, подмигивая Тёмѣ:

— Мы?!

— Конечно, мы, — отвѣтилъ Тёма. — Матросы помогали, а все-таки мы.

— Помогали?! Рыло!

И Касицкій, разсмѣявшись, добавилъ:

— Кой чортъ, мы! Ну, Даниловъ, дѣйствительно, работалъ, а мы вотъ съ этимъ подлецомъ все больше насчетъ глазъ. Да ей-Богу же,— кончилъ онъ добродушно. — Зачѣмъ врать?

— Я считаю, что и я работалъ.

— Ну да, ты считаешь. Ну, считай, считай.

— Да зачѣмъ вамъ лодка?—спросилъ Корневъ, грызя, по обыкновенію, ногти.

— Лодка?—переспросилъ Касицкій.—Зачѣмъ намъ лодка?— обратился онъ къ Тёмѣ.

Тёму подмывало.

— Свинья!—смѣялся онъ, чувствуя непреодолимое желаніе выболтать.

— Чтобъ кататься, — отвѣтилъ Даниловъ, не сморгнувъ, что̀ называется, глазомъ.

Корневъ видѣлъ, что тутъ что-то не то.

— Мало у отца твоего лодокъ?

— Ходкихъ нѣтъ,—отвѣтилъ Даниловъ.

— Что̀ значитъ ходкихъ?

— Чтобъ рѣзали хорошо воду.

— А что̀ значитъ, чтобъ рѣзали хорошо воду?

— Это значитъ, что ты дуракъ,—вставилъ Касицкій.

— Бревно! — вскользь отвѣтилъ Корневъ: — не съ тобой говорятъ.

— Ну, чтобъ узкая была, шла легко, оказывала бы водѣ меньшее сопротивленіе.

— Зачѣмъ же вамъ такую лодку?

— Чтобы больше удовольствія было отъ катанья.

Корневъ подозрительно всматривался по очереди въ каждаго.

— Эхъ, ты, дура!— произнесъ Касицкій полушутя, полусерьезно.—Въ Америку хотимъ ѣхать.

Послѣ этого уже самъ Корневъ говорилъ пренебрежительно:

— Черти, съ вами гороху наѣсться сперва надо, — и уходилъ.

— Послушай, зачѣмъ ты говоришь?—замѣчалъ Даниловъ Касицкому.

— Что̀ говорю? Именно такъ дѣйствуя, ничего и не говорю.

— Конечно,—поддерживалъ Тёма:—кто жъ догадается принять его слова за серьезныя.

— Всѣ догадаются. Васъ подмываетъ на каждомъ словѣ, и кончится тѣмъ, что вы все разболтаете. Глупо же. Если не хотите, скажите прямо, зачѣмъ было и затѣвать тогда.

Обыкновенно невозмутимый, Даниловъ не на шутку начиналъ сердиться. Касицкій и Тёма обѣщали ему соблюдать впередъ строгое молчаніе. И хотя нерѣдко на пріятелей находило страстное желаніе подсидѣть самихъ себя, но сознаніе огорченія, которое они нанесутъ этимъ Данилову, останавливало ихъ.

Понятное дѣло, что тому, кто ѣдетъ въ Америку, никакихъ, собственно, уроковъ готовить не къ чему, и время, потраченное на такой трудъ, считалось компаніей погибшимъ временемъ.

Обстоятельства помогали Тёмѣ въ этомъ отношеніи. Мать его родила еще одного сына, и выслушиваніе уроковъ было оставлено. Слѣдующая треть, послѣдняя передъ экзаменами, была весьма печальна по результатамъ: единица, два, законъ Божій—три, по естественной—пять, поведеніе—и то „хорошаго“, вмѣсто обычнаго отличнаго. На Карташева махнули въ гимназіи рукой, какъ на ученика, который остается на второй годъ.

Тёма благоразумно утаилъ отъ домашнихъ отмѣтки. Такъ какъ требовалась расписка, то онъ, какъ могъ, и расписался за родителей, что отмѣтки они видѣли. При этомъ благоразумно подписалъ: „по случаю болѣзни, за мать, сестра З. Карташева“. Дома, на вопросъ матери объ отмѣткахъ, онъ отдѣлывался обычнымъ отвѣтомъ, произносимымъ какимъ-то слишкомъ ужъ равнодушнымъ и безпечнымъ голосомъ:

— Не получалъ еще.

— Отчего жъ такъ затянулось?

— Не знаю, — отвѣчалъ Тёма и спѣшилъ заговорить о чемъ-нибудь другомъ.

— Тёма, скажи правду,—пристала разъ къ нему мать,—въ чемъ дѣло? Не можетъ быть, чтобъ до сихъ поръ не было отмѣтокъ?

— Нѣтъ, мама.

— Смотри, Тёма, я вотъ встану и поѣду сама.

Тёма пожалъ плечами и ничего не отвѣтилъ: чего, дескать, пристала къ человѣку, который уже давно мысленно въ Америкѣ?

Друзья назначили свой отъѣздъ на четвертый день Пасхи. Такъ было рѣшено съ цѣлью не отравлять роднымъ Пасху.

Заграничный пароходъ отходилъ въ шесть часовъ вечера. Рѣшено было тронуться въ путь въ четыре.

Тёма, стараясь соблюдать равнодушный видъ, бросая украдкой растроганные взгляды кругомъ, незамѣтно юркнулъ въ калитку и пустился къ гавани.

Даниловъ уже озабоченно бѣгалъ отъ дома къ лодкѣ.

Тёма заглянулъ внутрь ихъ общей красавицы—бѣлой съ синей каемкой лодки, съ девизомъ „Впередъ“, и увидѣлъ тамъ всякіе кульки.

— Ѣда,—озабоченно объяснилъ Даниловъ.—Гдѣ же Касицкій?

Наконецъ показался и Касицкій съ какой-то паршивой собачонкой.

— Да брось!—нетерпѣливо проговорилъ Даниловъ.

Касицкій съ сожалѣніемъ выпустилъ собаку.

— Ну, готово! Ѣдемъ.,

Тёма съ замираніемъ сердца прыгнулъ въ лодку и сѣлъ на весло.

„Неужели навсегда?“—пронеслось у него въ головѣ и мучительно-сладко гдѣ-то далеко-далеко замерло.

Касицкій сѣлъ на другое весло, Даниловъ—на руль.

— Отдай!—сухо скомандовалъ Даниловъ матросу.

Матросъ бросилъ веревку, которую держалъ въ рукѣ, и оттолкнулъ лодку.

— Навались!

Тёма и Касицкій взмахнули веслами. Вода быстро, торопливо, гулко заговорила у борта лодки.

— Навались!

Гребцы сильно налегли. Лодка помчалась по гладкой поверхности гавани. У выхода она ловко вильнула подъ носомъ входившаго парохода и, выскочивъ на зыбкую, неровную поверхность открытаго моря, точно затанцовала по мелкимъ волнамъ.

— Нордъ-остъ!—кратко замѣтилъ Даниловъ.

Весенній холодный вѣтеръ срывалъ съ веселъ воду и разносилъ брызги.

— Навались!

Весла, ровно и мѣрно стуча въ уключинахъ, на нѣсколько мгновеній погружались въ воду и снова сверкали на солнцѣ, ловкимъ движеніемъ гребцовъ, обращенныя параллельно къ водѣ.

Отъѣхавъ версты двѣ, гребцы, по командѣ Данилова, подняли весла и сняли шапки съ вспотѣвшихъ головъ.

— Чортъ, пить хочется,—сказалъ Касицкій и, перегнувшись, зачерпнулъ двумя руками морской воды и хлебнулъ глотокъ.

То же самое продѣлалъ и Тёма.

— Навались!

Опять мѣрно застучали весла, и лодка снова весело и легко начала рѣзать набѣгавшія волны.

Вѣтеръ свѣжѣлъ.

— Къ вечеру разыграется,—замѣтилъ Даниловъ.

— О-го, рветъ,—отвѣтилъ Касицкій, надвигая чуть-было не сорвавшуюся въ море шапку.

— Экая красота!—проговорилъ немного погодя Даниловъ, любуясь небомъ и моремъ.—Посмотрите на солнце, какъ насѣдаютъ тучи! Точно рядомъ день и ночь. Тамъ все темное и грозное, а сюда, къ городу—ясное, тихое, спокойное.

Касицкій и Тёма сосредоточенно молчали.

Тёма скользнулъ глазами по сверкавшему вдали городу, по спокойному, ясному берегу, и сердце его тоскливо сжалось: что-то теперь дѣлаютъ мать, отецъ, сестры? Можетъ-быть, весело сидятъ на террасѣ, пьютъ чай и не знаютъ, какой ударъ приготовилъ опъ имъ. Тёма испуганно оглянулся, точно проснулся отъ какого-то тяжелаго сна.

— Что, можетъ, назадъ пойдемъ, Карташевъ?—спросилъ спокойно Даниловъ, наблюдая его.

„Назадъ?!“—радостно рванулось-было сердце Тёмы къ матери. А мечты объ Америкѣ, а гимназія, экзамены, неизбѣжный провалъ...

Тёма отрицательно мотнулъ головой и угрюмо, молча налегъ на весло.

— Пароходъ!—крикнулъ Касицкій.

Изъ гавани, выпуская клубы чернаго дыма, показался громадный заграничный пароходъ.

— Пойдемъ потихоньку навстрѣчу.

Лодка сдѣлала красивый полукругъ и медленно пошла навстрѣчу.

Пароходъ приближался. Уже можно было разобрать толпу пассажировъ на палубѣ.

„Черезъ нѣсколько минутъ мы уже будемъ между ними“,—мелькнуло у каждаго изъ друзей.

— Пора!

Все было наготовѣ.

Согласно законамъ аварій, Касицкій выстрѣлилъ два раза изъ револьвера, а Даниловъ выбросилъ спеціально приготовленный для этого случая бѣлый флагъ, навязанный на длинный шестъ.

Тяжелое чудовище летѣло совсѣмъ близко, высоко задравъ свои могучіе борты, и гулъ машины явственно отдался въ ушахъ бѣглецовъ, обдавъ ихъ запахомъ пара и перегорѣлаго масла.

Лодку закачало во всѣ стороны.

Ура! Ихъ замѣтили. Цѣлый ворохъ бѣлыхъ платковъ замахалъ имъ съ палубы. Но что̀ же это! Зачѣмъ они не останавливаются?

— Стрѣляй еще! Маши платкомъ.

Друзья стрѣляли, махали и кричали, какъ могли.

Увы! Пароходъ ужъ былъ далеко и все больше и больше прибавлялъ ходу.

Разочарованіе было полное.

— Они думали, — проговорилъ огорченно Тёма, — что мы имъ хорошей дороги желаемъ.

— Я говорилъ, что все это ерунда,—сказалъ Касицкій, бросая въ лодку револьверъ.—Ну кто, въ самомъ дѣлѣ, насъ возьметъ? Кто для насъ остановится?!

Уныло, хотя и быстро, было возвращеніе обратно.

Нордъ-остъ былъ попутный.

— Надо обдумать...—началъ-было Даниловъ.

— Ерунда! Ни въ какую Америку я больше не поѣду,—сказалъ Касицкій, когда лодка пристала къ берегу.—Все это чушь.

— Ну, вотъ ужъ и чушь,—отвѣтилъ сконфуженно Даниловъ.

— Да, конечно, чушь, и пора понять это.

Тёма грустно слушалъ, задумчиво смотря вдаль—вслѣдъ такъ коварно измѣнившему пароходу.

— Надо обдумать...

— Какъ выдержать экзамены, — фыркнулъ Касицкій—и, нахлобучивъ шапку, пожавъ наскоро руки друзьямъ, быстро пошелъ въ городъ.

— Духомъ упалъ. Все еще можно поправить,—грустно докончилъ Даниловъ.

— Прощай,—отвѣтилъ Тёма и, пожавъ товарищу руку, тоже побрелъ домой.

Да, не выгорѣла Америка! Съ одной стороны, конечно, пріятно опять увидѣть мать, отца, сестеръ, братьевъ, съ которыми думалъ уже никогда, можетъ-быть, не встрѣтиться, но, съ другой стороны, тяжело и тоскливо вставали экзамены, почти неизбѣжный провалъ, все то, съ чѣмъ, казалось, было уже навсегда покончено.

— Да, жаль,—а хорошій было-придумали выходъ.

И Тёма отъ души вздохнулъ.

Когда послѣ Пасхи въ первый разъ собрались въ классъ, все уже перемололось, и Касицкій не удержался, чтобы въ веселыхъ краскахъ не передать о неудавшейся затѣѣ. Тёма весело помогалъ ему, а Даниловъ только снисходительно слушалъ.

Всѣ смѣялись и прозвали Данилова, Касицкаго и Тёму „американцами“.

XI.

Экзамены.

Подошли и экзамены.

Несмотря на то, что Тёма не пропускалъ ни одной церкви безъ того, чтобы не перекреститься, не лѣнился за кварталъ обходить встрѣчнаго батюшку или, въ крайнемъ случаѣ, при встрѣчѣ хватался за лѣвое ухо и скороговоркой говорилъ: „Чуръ, чуръ—не меня!“, или усердно на томъ же мѣстѣ перекручивался три раза, — дѣло однако плохо подвигалось впередъ.

Дома тѣмъ не менѣе Тёма продолжалъ взятый раньше тонъ.

— Выдержалъ?

— Выдержалъ.

— Сколько поставили?
— Не знаю, отмѣтокъ не показываютъ.
— Откуда жъ ты знаешь, что выдержалъ?
— Отвѣчалъ хорошо...
— Ну, сколько же, ты думаешь, тебѣ все-таки поставили?
— Я безъ ошибки отвѣчалъ..
— Значитъ, пять?
— Пять?—недоумѣвалъ Тёма.

Экзамены кончились. Тёма пришелъ съ послѣдняго экзамена.

— Ну?
— Кончилъ.

Опять отвѣтъ поразилъ мать какою-то неопредѣленностью.

— Выдержалъ?
— Да...
— Значитъ, перешелъ?
— Вѣрно...
— Да когда же узнать-то можно?
— Завтра,—сказали.

Назавтра Тёма принесъ неожиданную новость, что онъ срѣзался по тремъ предметамъ, что передержку даютъ только по двумъ, но если особенно просить, то разрѣшатъ и по тремъ. Это-то послѣднее обстоятельство и вынудило его открыть свои карты, такъ какъ просить должны были родители.

Тёма не могъ вынести пристальнаго, презрительнаго взгляда матери, устремленнаго на него, и смотрѣлъ куда-то въ бокъ.

Томительное молчаніе продолжалось довольно долго.

— Негодяй! — проговорила наконецъ мать, толкнувъ ладонью Тёму по лбу.

Тёма ждалъ, конечно, сцены гнѣва, неудовольствія, упрековъ, но такого выраженія презрѣнія онъ не предусмотрѣлъ, и тѣмъ обиднѣе оно ему показалось. Онъ сидѣлъ въ столовой и чувствовалъ себя очень скверно. Съ одной стороны, онъ не могъ не сознавать, что все его поведеніе было достаточно пошло; но, съ другой стороны, онъ считалъ себя уже слишкомъ оскорбленнымъ. Обиднѣе всего было то, что на драпировку въ благородное негодованіе у него не хватало матеріала, и, кромѣ фигуры жалкаго обманщика, ничего изъ себя и кроить нельзя было. А между тѣмъ какое-то раздраженіе и тупая злость разбирали его и искали выхода. Отецъ пришелъ. Ему уже сказала мать.

— Болванъ! — проговорилъ съ тѣмъ же оттѣнкомъ пренебреженія отецъ.—Въ кузнецы отдамъ...

Тёма молча высунулъ ему вдогонку языкъ и подумалъ: „Ни капельки не испугался“. Тонъ отца еще больше опо-

шлилъ передъ нимъ его собственное положеніе. Нѣтъ! Рѣшительно ничего нѣтъ, за что бы уцѣпиться и почувствовать себя хоть чуточку не такъ пошло и гадко! И вдругъ свѣтлая мысль мелькнула въ головѣ Тёмы: отчего бы ему не умереть?! Ему даже какъ-то весело стало отъ мысли, какой эффектъ произвело бы это. Вдругъ приходятъ, а онъ мертвый лежитъ. Вотъ тогда и сердись, сколько хочешь! Конечно, онъ виноватъ, — онъ понималъ это очень хорошо, — но онъ умретъ и этимъ вполнѣ искупитъ свою вину. И это, конечно, поймутъ и отецъ и мать, и это будетъ для нихъ вѣчнымъ укоромъ! Онъ отомститъ имъ! Ему ни капли ихъ не жалко,—сами виноваты! Тёма точно снова почувствовалъ презрительный шлепокъ матери по лбу. Злое, недоброе чувство съ новой силой зашевелилось въ его сердцѣ. Онъ злорадно остановилъ глаза на коробкѣ спичекъ и подумалъ, что такая смерть была бы очень хороша, потому что будетъ не сразу, и онъ успѣетъ еще насладиться чувствомъ удовлетвореннаго торжества при видѣ горя отца и матери. Онъ занялся вопросомъ, сколько надо принять спичекъ, чтобы покончить съ собой? Всю коробку? Это, пожалуй, будетъ слишкомъ много: онъ быстро умретъ, а ему хотѣлось бы подольше полюбоваться. Половину? Тоже, пожалуй, много. Тёма остановился почему-то на 20-ти головкахъ. Рѣшивъ это, онъ сдѣлалъ маленькій антрактъ, такъ какъ, когда вопросъ о количествѣ былъ выясненъ, рѣшимость его значительно ослабѣла. Онъ въ первый разъ серьезно вникъ въ положеніе вещей и почувствовалъ непреодолимый ужасъ къ смерти. Это было рѣшающее мгновеніе, послѣ котораго, успокоенный какимъ-то подавленнымъ сознаніемъ, что дѣло не будетъ доведено до конца, онъ протянулъ руку къ спичкамъ, отобралъ горсть ихъ и началъ потихоньку, держа руки подъ столомъ, осторожно обламывать головки. Онъ дѣлалъ это очень осторожно, зная, что спичка можетъ вспыхнуть въ рукѣ, а это иногда кончается антоновымъ огнемъ. Наломавъ, Тёма аккуратно собралъ головки въ кучку и нѣкоторое время съ большимъ удовольствіемъ любовался ими въ сознаніи, что ихъ проглотитъ кто угодно, но только не онъ. Онъ взялъ одну головку и попробовалъ на языкъ: какая гадость!

— Съ водой развѣ?!

Тёма потянулся за графиномъ и налилъ себѣ четверть стакана Это много для одного глотка. Тёма всталъ, на цыпочкахъ вышелъ въ переднюю и, чтобъ не дѣлать шума, выплеснулъ часть воды на стѣну. Затѣмъ онъ вернулся назадъ и остановился въ нерѣшительности. Несмотря на то, что онъ

зналъ, что это шутка, его стало охватывать какое-то странное волненіе. Онъ чувствовалъ, что въ его рѣшимости не глотать спичекъ стала показываться какая-то странная брешь: почему и, въ самомъ дѣлѣ, не проглотить? Въ немъ уже не было увѣренности, что онъ не сдѣлаетъ этого. Съ нимъ что то происходило, чего онъ ясно не сознавалъ. Онъ, если можно такъ сказать, пересталъ чувствовать себя, какъ будто былъ кто-то другой, а не онъ. Это наводило на него какой-то невыразимый ужасъ. Этотъ ужасъ все усиливался и толкалъ его. Рука автоматично протянулась къ головкамъ и всыпала ихъ въ стаканъ. „Неужели я выпью?!“ — думалъ онъ, поднимая дрожащей рукою стаканъ къ побѣлѣвшимъ губамъ. Мысли вихремъ завертѣлись въ его головѣ. „Зачѣмъ? Развѣ я не виноватъ дѣйствительно? Я, конечно, виноватъ. Развѣ я хочу нанести такое горе людямъ, для которыхъ такъ дорога моя жизнь? Боже сохрани! Я люблю ихъ...“

— Артемій Николаевичъ, что̀ вы дѣлаете?—закричала Таня не своимъ голосомъ.

У Тёмы мелькнула только одна мысль, чтобы Таня не успѣла вырвать стаканъ. Судорожнымъ мгновеннымъ движеніемъ онъ опрокинулъ содержимое въ ротъ... Онъ остановился съ широко раскрытыми, безумными отъ ужаса глазами.

— Батюшки! —завопила рѣжущимъ, полнымъ отчаянія голосомъ Таня, стремглавъ бросаясь къ кабинету. — Баринъ... баринъ!..

Голосъ ея обрывался какими-то воплями:

— Артемій... Николаичъ... отравились!!

Отецъ бросился въ столовую и остановился, пораженный идіотскимъ лицомъ сына.

— Молока!

Таня бросилась къ буфету.

Тёма сдѣлалъ слабое усиліе и отрицательно качнулъ головой.

— Пей, негодяй, или я расшибу твою мерзкую башку объ стѣну! — закричалъ неистово отецъ, схвативъ сына за воротникъ мундира.

Онъ такъ сильно сжималъ, что Тёма, чтобъ дышать, долженъ былъ наклониться, вытянуть шею и, въ такомъ положеніи, жалкій, растерянный, началъ пить молоко.

— Что̀ такое?!—вбѣжала мать.

— Ничего, — отвѣтилъ взбѣшеннымъ, пренебрежительнымъ голосомъ отецъ:—фокусами занимается.

Узнавъ, въ чемъ дѣло, мать безъ силъ опустилась на стулъ.

— Ты хотѣлъ отравиться?!

Въ этомъ вопросѣ было столько отчаянной горечи, столько

тоски, столько чего-то такого, что Тёма вдругъ почувствовалъ себя какъ бы оторваннымъ отъ прежняго Тёмы, любящаго, нѣжнаго, и его охватило жгучее, непреодолимое желаніе во что бы то ни стало, сейчасъ же, сію секунду снова быть прежнимъ мягкимъ, любящимъ Тёмой. Онъ стремглавъ бросился къ матери, схватилъ ея руки, крѣпко сжалъ своими и голосомъ, доходящимъ до рева, сталъ просить:

— Мама, непремѣнно прости меня! Я буду прежній, но забудь все! Ради Бога, забудь!

— Все, все забыла, все простила! — проговорила испуганная мать.

— Мама, голубка, не плачь, — ревѣлъ Тёма, дрожа, какъ въ лихорадкѣ.

— Пей молоко, пей молоко!—твердила растерянно, испуганно мать, не замѣчая, какъ слезы лились у нея по щекамъ.

— Мама, не бойся ничего! Ничего не бойся! Я пью, я уже три стакана выпилъ. Мама, это пустяки, вотъ смотри, всѣ головки остались въ стаканѣ. Я знаю, сколько ихъ было... Я знаю... Разъ, два, три...

Тёма судорожно считалъ головки, хотя передъ нимъ была одна сплошная, сгустившаяся масса, тянувшаяся со дна стакана къ его краямъ...

— Четырнадцать! Всѣ! Больше не было,—я ничего не выпилъ... Я еще одинъ стаканъ выпью молока...

— Боже мой, скорѣй за докторомъ!

— Мама, не надо!

— Надо, мой милый, надо!

Отецъ, возмущенный всей этой сценой, не выдержалъ и, плюнувъ, ушелъ въ кабинетъ.

— Милая мама, пусть онъ идетъ, я не могу тебѣ сказать, что̀ я пережилъ, но если бы ты меня не простила, я не знаю... я еще бы разъ... Ахъ, мама, мнѣ такъ хорошо, какъ будто я снова родился. Я знаю, мама, что долженъ искупить передъ тобою свою вину, и знаю, что искуплю, оттого мнѣ такъ легко и весело. Милая, дорогая мама, поѣзжай къ ректору и попроси его,—я выдержу передержку, я знаю, что выдержу, потому что я знаю, что я способный и могу учиться.

Тёма, не переставая, все говорилъ, говорилъ и все цѣловалъ руки матери. Мать молча тихо плакала. Плакала и Таня, сидя тутъ же на стулѣ.

— Не плачь, мама, не плачь,—повторялъ Тёма.—Таня, не надо плакать.

Исключительныя обстоятельства выбили всѣхъ изъ колеи. Тёма совершенно не испытывалъ той обычной, усвоенной ма-

неры отношенія сына къ матери, младшаго къ старшему, которая существовала обыкновенно. Точно передъ нимъ сидѣлъ его товарищъ, и Таня была товарищъ, и обѣ онѣ и онъ попали неожиданно въ какую-то бѣду, изъ которой онъ, Тёма, знаетъ, что выведетъ ихъ, но только надо торопиться.

— Поѣдешь, мама, къ директору? — нервно, судорожно спрашивалъ онъ.

— Поѣду, милый, поѣду.

— Непремѣнно поѣзжай. Я еще стаканъ молока выпью. Пять стакановъ, больше не надо, а то поносъ сдѣлается. Поносъ очень нехорошо.

Мысли Тёмы быстро перескакивали съ одного предмета на другой; онъ говорилъ ихъ вслухъ, и, чѣмъ больше говорилъ, тѣмъ больше ему хотѣлось говорить и тѣмъ удовлетвореннѣе онъ себя чувствовалъ.

Мать со страхомъ слушала его, боясь этой безконечной потребности говорить, съ тоской ожидая доктора. Всѣ ея попытки остановить сына были безполезны, онъ быстро перебивалъ ее:

— Ничего, мама, ничего, пожалуйста, не безпокойся.

И снова начинался безконечный разговоръ.

Вошли дѣти, гулявшія въ саду. Тёма бросился къ нимъ и, сказавъ: „вамъ нельзя тутъ быть“,—заперъ передъ ними дверь.

Наконецъ пріѣхалъ докторъ, осмотрѣлъ, выслушалъ Тёму, потребовалъ бумаги, перо, чернила, написалъ рецептъ и, успокоивъ всѣхъ, остался ждать лѣкарства. У Тёмы начало жечь внутри.

— Пустяки,—проговорилъ докторъ:—сейчасъ пройдетъ.

Когда принесли лѣкарство, докторъ молча, тяжело сопя, приготовилъ въ двухъ рюмкахъ растворы и сказалъ, обращаясь къ Тёмѣ:

— Ну, теперь закусите вотъ этимъ всѣ ваши разговоры. Отлично! Теперь вотъ это! Ну, теперь можете продолжать.

Тёма снова началъ, но черезъ нѣсколько минутъ онъ какъ-то сразу раскисъ и вяло оборвалъ себя:

— Мама, я спать хочу.

Его сейчасъ же уложили, и, подъ вліяніемъ порошковъ, онъ заснулъ крѣпкимъ дѣтскимъ сномъ.

На другой день Тёма былъ внѣ всякой опасности и, хотя ощущалъ нѣкоторую слабость и боль въ животѣ, но чувствовалъ себя прекрасно, былъ веселъ и съ нетерпѣніемъ гналъ мать къ директору. Только при появленіи отца онъ умолкалъ, и было что-то такое въ глазахъ сына, отъ чего отецъ скорѣе уходилъ къ себѣ въ кабинетъ. Пріѣхалъ докторъ, и мать, оставивъ Тёму на его попеченіи, уѣхала къ директору.

— Я сяду заниматься, чтобъ не терять времени,—заявилъ Тёма.

— Вотъ и отлично,—отвѣтилъ докторъ.

Тёма забралъ книги и отправился въ маленькую комнатку, а докторъ ушелъ въ кабинетъ къ старику Карташеву.

Когда разговоръ коснулся текущихъ событій, генералъ не утерпѣлъ, чтобы не пожаловаться на жену за неправильное воспитаніе сына.

— Да, неровно немножко...—проговорилъ докторъ, какъ-то нехотя. — Вѣкъ такой... Вы однако съ сыномъ-то все-таки помягче, а то вѣдь можно и совсѣмъ свихнуть мальчугана... Нервы у него не вашего времени...

— Пустяки, весь онъ въ меня...

— Можетъ, въ васъ онъ... да ужъ... однимъ словомъ, надо сдерживать себя.

— Пропалъ мальчикъ, — съ отчаяніемъ въ голосѣ произнесъ отецъ.

Докторъ добродушно усмѣхнулся.

— Славный мальчикъ, — замѣтилъ онъ и забарабанилъ пальцами по столу.

— Эхъ!—махнулъ огорченно отецъ и зашагалъ угрюмо по комнатѣ.

Пріѣхала мать съ радостнымъ лицомъ.

— Разрѣшилъ?—спросилъ Тёма, выскакивая съ латинской грамматикой. Мама, я вотъ уже сколько прошелъ!

Недѣля промелькнула для Тёмы незамѣтно. Онъ не могъ оторваться отъ книгъ. Въ голову, строчка за строчкой, вкладывались страницы книги, какъ въ какой-то мѣшокъ Иногда онъ закрывалъ глаза и мысленно пробѣгалъ пройденное, и все въ систематическомъ порядкѣ рельефно и выпукло проносилось передъ нимъ. Довольный опытомъ, Тёма съ новымъ жаромъ продолжалъ занятія. Передержка была по русскому, латинскому и географіи, но уже она сидѣла вся въ головѣ. Иногда онъ звалъ сестру и говорилъ ей:

— Экзаменуй меня.

Зина добросовѣстно начинала спрашивать, и Тёма безъ запинки отвѣчалъ съ малѣйшими деталями. Въ награду Зина говорила огорченно:

— Стыдно съ такими способностями такъ лѣниться.

— Я на будущій годъ буду отлично заниматься, сяду на первую скамейку и буду первымъ ученикомъ.

— Ну да...

— Хочешь пари?

— Не хочу.

— Ага, знаешь, что могу!

— Конечно, можешь—да не будешь.

— Буду, если Маня меня будетъ любить.

Зина засмѣялась.

— Будетъ любить?

— Не знаю... если заслужишь.

— А я знаю, что она меня любитъ!

— И неправда.

— А зачѣмъ не смотришь? А я знаю, что̀ она тебѣ говорила въ бесѣдкѣ.

— Ну, что̀?

— Не скажу.

— А я скажу, если хочешь: она говорила, что ты ей надоѣлъ.

Тёма озадаченно посмотрѣлъ на Зину и потомъ весело закричалъ:

— Неправда, неправда! А зачѣмъ она мнѣ сказала, что любитъ Жучку, потому что это моя собака?

— А ты и уши развѣсилъ.

— Ага,—торжествовалъ Тёма.—Передай ей, когда увидишь, что я влюбленъ въ нее и хочу жениться на ней.

— Скажите, пожалуйста! Такъ и пойдетъ она за тебя.

— А почему не пойдетъ?

— Такъ...

Въ день экзамена Таня разбудила Тёму на зарѣ, и онъ, забравшись въ бесѣдку, всѣ три предмета еще разъ бѣгло просмотрѣлъ. Отъ волненія онъ не могъ ничего ѣсть и, едва выпивъ стаканъ чаю, поѣхалъ съ неизмѣннымъ Еремѣемъ въ гимназію. Директоръ присутствовалъ при всѣхъ трехъ экзаменахъ. Тёма отвѣчалъ безъ запинки.

По исхудалому, тонкому, вытянутому лицу Тёмы видно было, что не даромъ дались ему его знанія.

Директоръ молча слушалъ, всматривался въ мягкіе, горящіе внутреннимъ огнемъ глаза Тёмы, и въ первый разъ почувствовалъ къ нему какое-то сожалѣніе.

По окончаніи послѣдняго экзамена онъ погладилъ его по головѣ и проговорилъ:

— Отличныя способности. Могли бы быть украшеніемъ гимназіи. Будете учиться?

— Буду,—прошепталъ, вспыхнувъ, Тёма.

— Ну, ступайте домой и передайте вашей матушкѣ, что вы перешли въ третій классъ.

Счастливый Тёма выскочилъ, какъ бомба, изъ гимназіи.

— Еремѣй, я перешелъ! Всѣ экзамены выдержалъ, все безъ запинки отвѣчалъ.

— Слава Богу,—заерзалъ, облегченно вздыхая, Еремѣй.—Чтобъ оны вси тые екзамены сказылысь!—разразился онъ неожиданной рѣчью.—Дай Богъ, щобъ ихъ вси ужъ покончали да въ офицеры бъ васъ произвели, щобъ вы, якъ папа вашъ, енераломъ булы.

Выговоривъ такую длинную тираду, Еремѣй успокоился и впалъ въ свое обычное, спокойное состояніе.

Тёма мысленно усмѣхнулся его пожеланіямъ и, усѣвшись поудобнѣе въ экипажъ, беззаботно отдался своему праздничному настроенію.

— Ну?..—встрѣтила его мать у калитки.

— Выдержалъ.

— Слава Богу,—и мать медленно перекрестилась.—Перекрестись и ты, Тёма.

Но Тёмѣ показалось вдругъ обиднымъ креститься: за что? Онъ столько уже крестился и всегда, пока не сталъ учиться, рѣзался.

— Я не буду креститься,—буркнулъ обиженный Тёма.

— Тёма, ты серьезно хочешь вогнать меня въ могилу?—спросила его холодно мать.

Тёма молча снялъ шапку и перекрестился.

— Ахъ, какой глупый мальчикъ! Если ты и занимался и, благодаря этому и своимъ способностямъ, выдержалъ, такъ кто же тебѣ все далъ? Стыдно! Глупый мальчикъ!

Но ужъ эта нотація была сдѣлана такимъ ласкающимъ голосомъ, что Тёма, какъ ни желалъ изобразить изъ себя обиженнаго, не удержался и распустилъ губы въ довольную, глупую улыбку.

„Да, ужъ такой возрастъ!“—подумала мать и, ласково притянувъ Тёму, поцѣловала его въ голову. Мальчикъ почувствовалъ себя тепло и хорошо и, поймавъ руку матери, горячо ее поцѣловалъ.

— Ну, зайди къ папѣ и обрадуй его... ласково, какъ ты умѣешь, когда захочешь.

Окрыленный, Тёма вошелъ въ кабинетъ и въ одинъ залпъ проговорилъ:

— Милый папа, я перешелъ въ третій классъ.

— Умница,—отвѣтилъ отецъ и поцѣловалъ сына въ лобъ.

Тёма, тоже съ чувствомъ, поцѣловалъ у него руку и съ облегченнымъ сердцемъ направился въ столовую.

Онъ съ наслажденіемъ увидѣлъ чисто сервированный столъ, самоваръ, свой собственный сливочникъ, большую двойную просфору—его любимое лакомство къ чаю. Мать налила сама въ граненый стаканъ прозрачнаго, немного крѣпкаго, какъ

онъ любилъ, горячаго чаю. Онъ влилъ въ стаканъ весь сливочникъ, разломилъ просфору и съ наслажденіемъ откусилъ, какой только могъ, большой кусокъ.

Зина, потягиваясь и улыбаясь, вышла изъ маленькой комнаты.

— Ну?—спросила она.

Но Тёма не удостоилъ ее отвѣтомъ.

— Выдержалъ, выдержалъ,—проговорила весело мать.

Напившись чаю, Тёма, хотя и нехотя, но передалъ все, не пропустивъ и словъ директора.

Мать съ наслажденіемъ слушала сына, облокотившись на столъ.

Въ эту минуту, если бы кто захотѣлъ написать характерное выраженіе человѣка, живущаго чужой жизнью, — лицо Аглаиды Васильевны было бы высоко-благородной моделью. Да, она уже не жила своей жизнью, и все и вся ея заключалось въ нихъ, въ этихъ подчасъ и неблагодарныхъ, подчасъ и лѣнивыхъ, но всегда милыхъ и дорогихъ сердцу дѣтяхъ. Да и кто же, кромѣ нея, пожалѣетъ ихъ? Кому нуженъ испошленный мальчишка, и въ комъ его глупая, самодовольная улыбка вызоветъ не раздраженіе, а желаніе именно въ такой невыгодный для него моментъ пожалѣть и приласкать его?

— Добрый человѣкъ директоръ, — задумчиво произнесла Аглаида Васильевна, прислушиваясь къ словамъ сына.

Тёма кончилъ и безъ мысли задумался.

„Хорошо, — пронеслось въ его головѣ.—А что было недѣлю тому назадъ?!“

Тёма вздрогнулъ: неужели это былъ онъ?! Нѣтъ, не онъ! Вотъ теперь, это онъ.

И Тёма ласково, любящими глазами смотрѣлъ на мать.

XII.

Отецъ.

Сильный организмъ Николая Семеновича Карташева началъ измѣнять ему. Ничего какъ будто не перемѣнилось: та же прямая фигура, то же николаевское лицо съ усами и маленькими, узенькими бакенбардами, тотъ же проборъ съ боку, съ прической волосъ къ вискамъ,—но подъ этой сохранившейся оболочкой чувствовалось, что это какъ-то уже не тотъ человѣкъ. Онъ сталъ мягче, ласковѣе и чаще искалъ общества своей семьи.

Тёму особенно трогала перемѣна въ отцѣ, потому что съ нимъ отецъ былъ всегда строже и суровѣе, чѣмъ съ другими.

Но, при всемъ добромъ желаніи съ обѣихъ сторонъ, сближеніе отца съ сыномъ очень туго подвигалось впередъ.

— Ну, что твое море?—спросилъ Тёму какъ-то отецъ во время вечерняго чая, за которымъ, кромѣ семьи, скромно и конфузливо сидѣлъ учитель музыки—молодой худосочный господинъ.

— Да что море?—огорченно замѣтила мать:—гребутъ до изнеможенія,—вчера восемь часовъ не вставали съ веселъ... Ѣздятъ въ бурю и кончатъ тѣмъ, что утонутъ въ своемъ морѣ.

— Я въ этомъ отношеніи фаталистъ,—сказалъ отецъ, исчезая въ клубахъ дыма.—Двумъ смертямъ не бывать, а одной—какъ ни вертись, все равно—не миновать. За дѣломъ-то, пожалуй, и пріятнѣе умереть, чѣмъ такъ сидѣть да дожидаться смерти.

Глаза Тёмы сверкнули на отца.

— Ну, пожалуйста,—обратилась мать къ сыну:—сначала дѣло свое сдѣлай, какъ папа, курсъ кончи, обзаведись семьей.

— Я никогда не женюсь,—отвѣтилъ Тёма.—Моряку нельзя жениться, у моряка жена—море.

Онъ съ удовольствіемъ потянулся,

— Даниловъ тоже, конечно, не женится?—спросила Зина.

— Конечно, не женится,—мы съ нимъ будемъ всегда вмѣстѣ на одномъ кораблѣ.

— Вмѣстѣ и командовать будете, конечно?—пошутилъ отецъ.

Отецъ былъ въ духѣ.

Тёма, пригнувшись къ столу такъ, что только торчала его голова, отвѣтилъ весело, сконфуженно улыбаясь:

— Н-у, командовать...

— Не надѣешься?—быстро, немного пренебрежительно спросилъ отецъ и, затянувшись, проговорилъ:

— А не надѣешься—и командовать никогда не будешь... По поводу фатализма...—обратился онъ къ учителю музыки.—Въ нашей военной службѣ, да и во всякой службѣ, не фаталистъ не можетъ сдѣлать карьеры... Подъ Германштадтомъ нашъ полкъ,—отецъ бросилъ взглядъ на сына,—стоялъ на лѣвомъ флангѣ. Я тогда былъ еще командиромъ эскадрона, а командиромъ полка мой же дядя былъ. Я считался непокорнымъ офицеромъ. Никакого непокорства не было, но раздражали нелѣпыя распоряженія. Ну-съ... Такъ вотъ. Сижу я на своемъ Чортѣ...

— Папина лошадь,—подсказала мать.

— И говорю офицерамъ... А такъ, съ косогора намъ вся картина, какъ на ладони, видна: стоитъ въ долинѣ авангардомъ каре венгерцевъ, человѣкъ тысяча. два орудія при нихъ, а за ними остальной таборъ—тысячъ четырнадцать. Съ этой стороны по косогору наши войска. Я и говорю: „вотъ, сбить бы съ позиціи это каре да подъ ихъ прикрытіемъ и двинуть впередъ,—безъ одного выстрѣла подобрались бы". Командиръ и говоритъ: „тутъ цѣлый полкъ перебьешь, пока до этого каре доберешься только". Заспорилъ я съ нимъ, что съ однимъ своимъ эскадрономъ собью каре... конечно, въ сущности, какое жъ это войско было? Пушки дрянныя, ружья... да и войско-то: сапожникъ, шарманщикъ, франтъ... такъ, сбродъ. А наши вѣдь николаевскіе. Дядя и говоритъ: „Э, сумасшедшій человѣкъ! Мелешь чепуху, потому что еще пороху, какъ слѣдуетъ, не нюхалъ, а послать тебя, такъ тогда бы и узналъ"... Какъ будто отрѣзалъ! Подлетаетъ адъютантъ главнокомандующаго и передаетъ приказаніе выслать эскадронъ противъ каре. Я, долго не думая, и говорю дядѣ на ухо: „Ну, дядя, выбирай: или дай мнѣ возможность дѣломъ смыть твои слова съ моей чести, или я долженъ буду выбрать другой какой-нибудь способъ искать удовлетворенія"... Говорю, а самъ и бровью не моргну. А дядя ужъ былъ семейный,—какъ стоянка, сейчасъ женѣ письма... Дѣти ужъ были,—какая тамъ дуэль! Покосился онъ на меня въ родѣ того, что̀ за чортъ такой къ нему привязался, плюнулъ и говоритъ, обращаясь къ офицерамъ: „А что̀, господа, признаёте за нимъ право итти въ атаку?" Непріятно, конечно: всякому хочется, ну, дѣйствительно, такъ ловко вышло, что право-то за мной. „Ну, говоритъ, будемъ любоваться, какъ ты умудришься смерти въ глотку влѣзть да вылѣзть оттуда. Кстати, ужъ скажи—куда и на сорокоустъ отдать: вѣдь, кромѣ меня, за тебя-то, бѣшенаго, и молиться некому".

Отецъ усмѣхнулся и нѣсколько разъ энергично затянулся. Тёма такъ и замеръ на своемъ мѣстѣ.

Раскуривъ трубку, отецъ боковымъ взглядомъ посмотрѣлъ на сына и продолжалъ:

— А молиться-то за меня, и въ самомъ дѣлѣ, некому было: я сиротой росъ... Ну-съ... Подскакалъ я къ своему эскадрону: „Ребята! Милость намъ—въ атаку! Живы будемъ, отъ царя награда, а отъ меня хоть залейся водкой!"—Хоть чорту въ зубы веди!.. Скомандовалъ я, и стали мы заходить... А такъ: оврагъ кончался, и этакій холмикъ стоялъ въ долинѣ,—я и хотѣлъ-было за нимъ выстроить эскадронъ и тогда, уже

сразу развернутымъ фронтомъ, ударить на каре. Тутъ какъ тутъ, смотрю—проклятая рѣчушка,—не замѣтилъ, надо бы правой стороной оврага спускаться... Дрянь, сажени три, а топкая. Сунулся одинъ, увязъ—ужъ по лошади пролѣзъ назадъ... Нечего дѣлать, пришлось итти до мостика и ужъ въ открытомъ мѣстѣ переходить рѣчку: мостикъ жиденькій, только-только одному пройти съ лошадью. Замѣтили... Сейчасъ же, конечно, огонь открыли... Въ движеніи, на ходу не чувствуешь какъ-то этой тоски смерти: ну, свалится лошадь, сорвется человѣкъ съ сѣдла—не слышно. А тутъ упадетъ и стонетъ. Вижу, у солдатиковъ ужъ духъ не тотъ... Ну, и самому-таки и жутко и неловко: какъ-никакъ, виноватъ. Нечаянно зло сдѣлаешь, пустое, и то мучитъ, а здѣсь вѣдь жизнь человѣческая; тутъ, тамъ пятнадцать человѣкъ уложили, пока переходили,—все на твою совѣсть. Повернулся я къ солдатамъ: смотрятъ покорно, конечно, а тоже вѣдь все понимаютъ. Такъ какъ-то вырвалось: „Ну, братцы, виноватъ,—оплошалъ! Живъ буду—заслужу, а теперь не выдавайте!“

Отецъ затянулся.

— Встрепенулись... „Отцомъ былъ,—не выдадимъ!“ Конечно, николаевскія времена: съ человѣкомъ, какъ со скотомъ... Ласку цѣнили... Ну, и меня, конечно, тронуло. Да и минута вѣдь какая же! Можетъ, и самъ уже стоишь передъ своимъ смертнымъ часомъ... Прямо—отецъ, а это твои дѣти: и не то, чтобы жаль, а такъ какъ-то, вотъ за каждаго самаго послѣдняго солдата, какъ за самаго родного, вотъ сейчасъ всю душу свою положить готовъ. И у всѣхъ такое же чувство... вотъ какое только послѣ причастія бываетъ... Нѣтъ, сильнѣе! Ну вотъ, точно вдругъ само небо раскрылось и самъ Господь благословилъ насъ и далъ намъ одно тѣло, одну душу и сказалъ: идите. Куда и страхъ дѣвался! Подъ огнемъ, а какъ на плацу построились. И картина же, дѣйствительно! Уланы... Одинъ къ одному,—красавцы на подборъ!.. Чепраки малиновые... Лошади вороныя... Солнце блеститъ, въ небѣ ни тучки... 25 іюля... Наши войска какъ на ладони... Эхъ!! Нѣтъ ужъ того, что̀ было, теперь, нѣтъ и не будетъ. Впереди смерть, адъ... тысячи ружей въ упоръ, десять смертей на одного, а на душѣ, какъ тронулись, точно прямо въ рай летѣть собрался.

Отецъ остановился и опять нѣсколько разъ затянулся.

— Ну-съ, такъ вотъ... Тронулись мы... Собралъ я своего Чорта и сталъ выпускать понемногу. А Чортомъ я называлъ свою лошадь оттого, что не выносила она, когда ее между

ушами трогали, сразу освирѣпѣетъ: стѣна не стѣна, огонь не огонь,—однимъ словомъ, чортъ! А такъ—первая лошадь. И ужъ сколько мнѣ говорили. сломишь голову,—жаль разстаться, хоть ты что... Ну-съ, такъ вотъ... Стали забирать кони... шибче, шибче.... Маршъ-маршъ, въ карьеръ!.. И—ить!.. Весь эскадронъ, какъ одинъ человѣкъ... только земля дрожитъ... пики на перевѣсъ... Лошадь врастяжку, точно на мѣстѣ стоишь... А тамъ ждутъ... Да хоть бы стрѣлялъ... Ждетъ... Въ упоръ хочетъ... Смотритъ: глаза видно!.. Тошно, прямо тошно: бей, не томи! Пли!! Все перевернуло сразу... эскадронъ, какъ вкопанный! Пыль... лошади... люди... Каша. „Впередъ!!“ Ни съ мѣста. Такъ секунда... Назадъ?! Сѣрая шинель?! Позоръ?! А мои ужъ поворачиваютъ коней... „Ребята, что жъ вы!?“ И не смотрятъ. Э-эхъ!.. За сердце схватило!.. „П-а-длецы!“ Да какъ хвачу межъ ушей своего Чорта...

Нѣсколько мгновеній длилось молчаніе.

— Ужъ и не помню... Такъ вихрь какой-то... Весь эскадронъ за мной, какъ одинъ человѣкъ: врѣзались, опрокинули, смяли... Бойня, настоящая бойня пошла... прямо бунчуками,—перевернетъ пику, да бунчукомъ, какъ барановъ, по головѣ и лупитъ. Люди!.. Что люди?! Лошади остервенѣли; вотъ гдѣ настоящій ужасъ былъ: прижметъ уши, оскалитъ зубы, изовьетъ шею, вопьется въ тѣло и рванетъ подъ себя.

Отецъ замолчалъ и потонулъ въ облакахъ дыма.

Молчаніе длилось очень долго.

— А ты самъ, папа, много убилъ?—спросила Зина.

— Никого,—отвѣтилъ, усмѣхнувшись, отецъ.—У меня и сабля не была отточена. Да и сабля-то... Такъ, ковырялка. Никита, мой денщикъ, шельма, бывало, все ею въ самоварѣ ковырялся.

— Папа, а какъ же ты Чорта удержалъ?—спохватилась вдругъ аккуратная Зина.

— Да ужъ не я его удержалъ... Кто-то другой... Пуля ему угодила: мнѣ назначалась, а онъ мотнулся, ему прямо въ лобъ и влѣпилась. Упалъ онъ и прижалъ мнѣ ногу... ну, а вѣдь давятъ, бьютъ, рѣжутъ... только я было на локоть, чтобы рвануться, смотрю, прямо въ меня дуло торчитъ! Глянулъ: батюшки, смерть,—цѣлитъ какая-то образина! Ну, ужъ тутъ я... вторую жизнь прожилъ... а вѣдь всего какая-нибудь секунда... Смотрю: а ужъ Бондарчукъ, унтеръ-офицеръ—пьяница, шельма, а молодецъ, въ плечахъ сажень косая,—бунчукомъ по башкѣ его... и не пикнулъ... И что значитъ страхъ! Рожей мнѣ показался невообразимой, а какъ посмотрѣлъ на него, когда ужъ онъ упалъ: шляпа откинулась,

лежитъ мальчикъ лѣтъ 15-ти не больше, ребенокъ! Раскидалъ ручонки, точно въ небо смотритъ... лицо тихое, спокойное... Господи! Вотъ ужъ насмотрѣлся... Ночью что̀ было: не могу заснуть. Стоятъ передъ глазами:.. Бондарчукъ, котораго сейчасъ же послѣ того, какъ онъ спасъ меня, свалили, стоитъ: глаза стеклянные, посинѣлъ,—стоитъ и смотритъ, смотритъ прямо въ глаза! Тьфу ты! А въ ушахъ: ая-яй! ая-яй! Открою глаза, зажгу свѣчку, выкурю папироску, успокоюсь, потушу... опять потянулись: венгерецъ—весь въ крови съ разорваннымъ лицомъ лѣзетъ изъ-подъ лошади, солдатикъ Иванчукъ, пуля въ животъ попала, скрутился калачикомъ, смотритъ на меня, качаетъ головой и воетъ; лошадь съ выпущенными потрохами тянется на четверенькахъ, а головой такъ и ищетъ туда и сюда, а глаза... ну, ей-Богу же, какъ у человѣка. А какъ дойдетъ опять до Бондарчука, встанетъ и стоитъ: ну, хоть ты, что̀ хочешь, дѣлай! Смѣшно, а вѣдь хоть плачь! Вдругъ слышу, Никита.

„— Ваше благородіе, ваше благородіе, чи вы спите? Тебѣ чего?—спрашиваю.

„— Бондарчукъ воскресъ.

„— Тьфу ты, чортъ! Я думалъ, что съ ума сойду. Дѣйствительно: и такъ не знаешь, куда дѣваться, а тутъ еще такой сюрпризъ! Бросился я, какъ былъ. А такъ саженяхъ въ ста положили всѣхъ убитыхъ рядышкомъ. Смотрю, дѣйствительно идетъ Бондарчукъ; весь эскадронъ ужъ выскочилъ; всѣ любили его—пьяница, а балагуръ-товарищъ.

„— Ты что̀ жъ это, съ того свѣта? — спрашиваю.

„— Такъ точно, ваше благородіе.“

„На радостяхъ и я пошутилъ:

„— Ты зачѣмъ же, говорю, назадъ пришелъ? — А онъ, мерзавецъ, вытянулся, руку къ козырьку, да самымъ этакъ заковыристымъ голосомъ: „Опохмелиться, ваше благородіе, пришелъ: тамъ не даютъ!“

„Ну, тутъ ужъ и я и солдаты прыснули. Что̀ жъ оказалось! Онъ, подлецъ, на случай атаки съ собой въ манерку водки взялъ; пока оврагомъ спускались, онъ и нализался. А пьянаго только царапни вѣдь; онъ сейчасъ, какъ мертвый, свалится. А проснется, встанетъ, какъ ни въ чемъ не бывало“.

— Ну что̀ жъ, далъ, папа, на водку ему?—спросила Зина.

— Водки-то всѣмъ далъ... А Бондарчуку, какъ возвратились, на стоянкѣ, послѣ похода, 1000 рублей ассигнаціями далъ... только не ему ужъ, а женѣ.

— Доволенъ былъ?

— Надо думать,—отвѣтилъ отецъ, вставая и уходя къ себѣ.

Однажды, вскорѣ послѣ описаннаго разсказа, Николай Семеновичъ почувствовалъ себя такъ нехорошо, что долженъ былъ слечь въ кровать,—слечь и ужъ больше не вставать. Походы, раны, ревматизмъ—сдѣлали свое дѣло.

Теперь по наружному виду это ужъ былъ не прежній Николай Семеновичъ. Безъ мундира, въ ночной рубахѣ, съ безсильно опущенною на подушку головой, укрытый одѣяломъ, изъ-подъ котораго сквозило исхудавшее тѣло. Николай Семеновичъ глядѣлъ такимъ слабымъ, безпомощнымъ.

Эта безпомощность щемила сердце и вызывала невольныя слезы.

Иногда, не выдержавъ, Тёма спѣшилъ выйти изъ комнаты отца. путаясь на ходу съ маленькимъ девятилѣтнимъ Сержикомъ.

— Чего тебѣ?!—выскочивъ за дверь, спрашивалъ Тёма, всматриваясь сквозь слезы въ Сержика.

Блѣдное, растерянное лицо Сержика смотрѣло въ лицо Тёмы, и дрогнувшій голосъ дѣлилъ съ нимъ общее горе:

— Жалко папу!

„Жалко папу“—вотъ ясная, отчетливая фраза, которая болью охватывала сердца дѣтей, которая, какъ рычажокъ, заставляла сбѣгаться въ морщинки ихъ лица, трогала клапанъ слезъ и вызывала жалобный, тихій писк тоски и безпомощности.

— Тише, тише,—шопотомъ и жестами останавливалъ Тёма и свои и Сержика слезы, и вмѣстѣ съ Сержикомъ, который судорожно удерживался, толкаясь головой въ брата, они спѣшили куда-нибудь поскорѣе выбраться подальше, гдѣ не было бъ слышно ихъ слезъ.

Однажды, придя изъ гимназіи, Тёма по лицамъ всѣхъ увидѣлъ и догадался, что что-то отрашное ужъ гдѣ-то близко. Наскоро поѣвъ, Тёма на носкахъ пошелъ къ кабинету отца. Онъ осторожно нажалъ дверь и вошелъ.

Отецъ лежалъ и задумчиво, загадочно смотрѣлъ передъ собою.

Тёму потянуло къ отцу, ему хотѣлось подойти, обнять его, высказать, какъ онъ его любитъ, но привычка брала свое,—онъ не могъ побѣдить чувства неловкости, стѣсненія и ограничился тѣмъ, что осторожно присѣлъ у постели отца.

Отецъ остановилъ на немъ глаза и молча, ласково смотрѣлъ на сына. Онъ видѣлъ и понималъ, что происходило въ его душѣ.

— Ну что̀, Тёма?— проговорилъ онъ мягкимъ, снисходительнымъ тономъ.

Сынъ поднялъ голову, его глаза сверкнули желаніемъ отвѣтить отцу какъ-нибудь ласково, горячо, но слова не шли на языкъ.

„Холодный я“,—подумалъ тоскливо Тёма.

Отецъ и это понялъ и, вздохнувъ, какъ-то загадочно-тепло проговорилъ:

— Живи, Тёма.

— Вмѣстѣ, папа, будемъ жить.

— Нѣтъ ужъ... пора мнѣ собираться...— И, помолчавъ, прибавилъ:—въ дальнюю дорогу.

Воцарилось тяжелое, томительное молчаніе. И отецъ и сынъ жили каждый своимъ. Отецъ весь погрузился въ прошлое. Сынъ мучился сложнымъ чувствомъ къ отцу и неумѣніемъ его высказать.

Глаза отца смотрѣли куда-то вдаль долгимъ, какимъ-то преобразившимся, яснымъ взглядомъ, полнымъ мысли и чувства всей долгой пережитой жизни.

Такъ глубокой осенью, когда солнце давно уже исчезло въ непроглядномъ, сѣромъ небѣ, когда глазъ повсюду уже освоился съ однообразнымъ, оголеннымъ, унылымъ видомъ, вдругъ подъ вечеръ ворвется въ окно снопъ ярко-красныхъ лучей и, скользя, заиграетъ на полу, на стѣнахъ, тоскливо напомнивъ о прожитомъ лѣтѣ.

— Жилъ, какъ могъ,—тихо, какъ бы самъ съ собой, заговорилъ отецъ...—Все позади... И ты будешь жить... узнаешь много... а кончишь тѣмъ же: будешь, какъ я, лежать да дожидаться смерти... Тебѣ труднѣе будетъ, жизнь все сложнѣе дѣлается. Что̀ еще вчера хорошо было, сегодня ужъ не годится... Мы росли въ военномъ мундирѣ, и вся наша жизнь въ немъ сосредоточивалась. Мы относились къ нему, какъ къ святынѣ, онъ былъ наша честь, наша слава и гордость. Мы любили родину, царя... Теперь другія времена... Бывало, я помню, маленькимъ еще былъ, идетъ генералъ,—дрожишь—Богъ идетъ, а теперь идешь, такъ,—писаришка какой-то прошелъ. Молокососъ натянетъ плэдъ, задереть голову и смотритъ на тебя въ свои очки такъ, какъ будто ужъ онъ міръ завоевалъ... Обидно умирать въ чужой обстановкѣ... А впрочемъ, общая это судьба... И ты то же самое переживешь, когда тебя перестанутъ понимать, отыскивая однѣ пошлыя и смѣшныя стороны... Вездѣ онѣ есть... Одно, Тёма... Если...

Отецъ поднялся и уставилъ холодные глаза въ сына.

— Если ты когда-нибудь пойдешь противъ царя, я прокляну тебя изъ гроба...

Разговоръ кончился.

Въ нѣмомъ молчаніи, съ широко раскрытыми глазами сидѣлъ Тёма, прижавшись къ стѣнкѣ кровати...

Начинались новые приступы болѣзни. Отецъ сказалъ, что желаетъ отдохнуть и остаться одинъ.

Вечеромъ умирающему какъ будто стало легче. Онъ ласково перекрестилъ всѣхъ дѣтей, мягко удержалъ на мгновеніе руку сына, когда тотъ по привычкѣ взялъ его руку, чтобъ поднести къ губамъ, тихо сжалъ, привѣтливо заглянувъ сыну въ глаза, и проговорилъ спокойно, точно любуясь:

— Молодой хозяинъ.

Потрясенный непривычной лаской, Тёма зарыдалъ и, припавъ къ отцу, осыпалъ его лицо горячими, страстными поцѣлуями.

Въ комнатѣ все стихло, и только глухо, тоскливо отдавалось рыданіе осиротѣвшей семьи.

Не выдержалъ и отецъ... волна теплой, согрѣтой жизни неудержимо пахнула и охватила его... Дрогнуло неподвижное, спокойное лицо, и непривычныя слезы тихо закапали на подушку... Когда всѣ успокоились и молча уставились опять въ отца—на преображенномъ лицѣ его, точно изъ отворенной двери, горѣла уже заря новой, невѣдомой жизни. Спокойный, немного строгій, но отъ глубины сердца сознательный взглядъ точно мѣрялъ ту неизмѣримую бездну, которая открывалась между нимъ, умирающимъ, и остающимися въ живыхъ, между тѣмъ свѣтлымъ, безконечнымъ и вѣчнымъ, куда онъ уходилъ, и страстнымъ, бурливымъ, подвижнымъ и измѣнчивымъ, что̀ оставлялъ на землѣ. Голосомъ, уже звучавшимъ на рубежѣ двухъ міровъ, онъ тихо прошепталъ, осѣняя всѣхъ крестомъ:

— Благословляю... живите...

Въ половинѣ ночи весь домъ поднялся на ноги.

Началась агонія...

Тихо прижавшись къ своимъ кроваткамъ, сидѣли дѣти съ широко раскрытыми глазами, въ тоскливомъ ожиданіи прочесть на каждомъ новомъ появлявшемся лицѣ о чемъ-то страшномъ, ужасномъ, неотвратимомъ и неизбѣжномъ.

Къ разсвѣту отца не стало.

Вмѣсто него, на возвышеніи въ гостиной, въ массѣ бѣлаго, въ блескѣ свѣчей, утопало что-то, передъ чѣмъ, недоумѣвая, замирало все живое, что-то вѣчное и тлѣнное, и близкое и чужое, и дорогое и страшное, вызывая одно только опредѣленное ощущеніе, что общаго между этимъ чѣмъ-то и тѣмъ, кто жилъ въ этой оболочкѣ—ничего нѣтъ. Тотъ

папа, суровый и строгій, но добрый и честный, тотъ живой папа, съ которымъ связана была вся жизнь, который чувствовался во всемъ и вездѣ, который проникалъ во всѣ фибры существованія,—не могъ оставаться въ этомъ нѣмомъ, неподвижномъ „чемъ-то“. Онъ оторвался отъ этого, ушелъ куда-то, и вотъ-вотъ опять войдетъ, сядетъ, закуритъ свою трубку и, веселый, довольный, опять заговоритъ о походахъ, товарищахъ, сраженіяхъ...

Ярко горятъ и колеблются свѣчи, сверкаетъ катафалкъ и вся длинная, нарядная процессія; жжетъ солнце; сквозь духоту и пыль мостовой пробивается ароматъ молодой весны, маня въ поле на мягкую, свѣжую мураву, говоря о всѣхъ радостяхъ жизни, а изъ-подъ катафалка безмолвно и грозно несется дыханіе смерти, безжизненно мотается голова, протяжно разносится погребальное пѣніе, звучитъ и льется торжественный погребальный маршъ, то тоскливо надрывающій сердце, то напоминающій о томъ, что скоро скроется навсегда въ тѣсной могилѣ дорогое и близкое сердцу, то примиряющій, говорящій о вѣчности, о смертномъ часѣ, неизбѣжномъ для каждаго пришедшаго на землю. А слезы льются, льются по лицу молодого Карташева. жаль отца, жаль живущихъ, жаль жизни. Хочется ласки, любви,—любить мать, людей, любить міръ со всѣмъ его хорошимъ и дурнымъ, хочется жизнью своею, какъ этимъ яснымъ, свѣтлымъ днемъ, пронестись по землѣ и, совершивъ опредѣленное, скрыться, исчезнуть, растаять въ ясной лазури небесъ...

1892.

ГИМНАЗИСТЫ.

Изъ семейной хроники.

I.

Отъѣздъ старыхъ друзей въ морской корпусъ.

Однажды осенью, когда на дворѣ уже пахло морозомъ, а въ классахъ весело играло солнце и было тепло и уютно, ученики шестого класса, пользуясь отсутствіемъ не пришедшаго учителя словесности, по обыкновенію, разбились на группы и, тѣсно прижимаясь другъ къ другу, вели всякіе разговоры.

Оживленнѣе другихъ была и наиболѣе къ себѣ привлекала учениковъ та группа, въ центрѣ которой сидѣли Корневъ, некрасивый, съ заплывшими глазками, бѣлобрысый гимназистъ, и Рыльскій, небольшой, чистенькій, съ самоувѣреннымъ лицомъ, съ насмѣшливыми сѣрыми глазами, въ pince-nez на широкой тесемкѣ, которую онъ то и дѣло небрежно закладывалъ за ухо.

Семеновъ, съ простымъ, невыразительнымъ лицомъ, весь въ веснушкахъ, въ аккуратно застегнутомъ на всѣ пуговицы и опрятномъ мундирѣ, смотрѣлъ въ упоръ своими упрямыми глазами на эти движенія Рыльскаго и испытывалъ непріятное ощущеніе человѣка, передъ которымъ творится что-нибудь такое, что хотя и не понутру ему, но на что, волей-неволей, приходится смотрѣть и терпѣть.

Это безсознательное выраженіе сказывалось во всей собранной фигурѣ Семенова, въ его упрямомъ наклоненіи головы, въ манерѣ говорить голосомъ авторитетнымъ и увѣреннымъ.

Рѣчь шла о предстоящей войнѣ. Корневъ и Рыльскій нѣсколько разъ ловко прошлись насчетъ Семенова и еще болѣе

раздражили его. Разговоръ оборвался. Корневъ замолчалъ и, грызя, по обыкновенію, ногти, бросалъ направо и налѣво разсѣянные взгляды на окружавшихъ его товарищей. Онъ уже нѣсколько разъ скользнулъ взглядомъ по фигурѣ Семенова и наконецъ проговорилъ, обращаясь къ нему:

— Если бъ и не зналъ я, что отецъ твой военный, то можно угадать это по твоей осанкѣ.

Семеновъ удовлетворенно, но въ то же время выжидательно оправился, и лицо его приняло еще болѣе официальное и важное выраженіе.

— Полковникъ?—спросилъ Корневъ.

Семеновъ кивнулъ головой.

— Я видѣлъ его... Денщиковъ бьетъ?

— Если виноватъ, спуску не дастъ.

— Вотъ этакъ, — сказалъ Корневъ и, скорчивъ свирѣпую физіономію, идіотски скосивъ глаза, сунулъ кулакомъ въ воздухъ.

Всѣ разсмѣялись.

— Ты, конечно, тоже будешь военный?—спросилъ Рыльскій.

— Объ этомъ еще рано теперь говорить, — отвѣтилъ, еще болѣе надувшись, Семеновъ.

— Дѣло тятькино,—разсмѣялся Рыльскій.

Семеновъ злобно покосился на него и сдержанно отвѣтилъ:

— Что жъ дѣлать? Настолько еще неразвитъ, что признаю власть отца.

— Понятно, — съ комичной серьезностью поддержалъ его Рыльскій и опять разсмѣялся.

— Настолько глупъ, что въ Бога вѣрю... Терпѣть не могу поляковъ за ихъ чванливое нахальство.

— Это къ прежнему счету,—продолжалъ тѣмъ же тономъ Рыльскій:—нѣмцевъ не терплю за ихъ возмутительное высокомѣріе, французовъ—за ихъ пустое легкомысліе...

— Собственно, это очень характерно,—вмѣшался Корневъ:—ты, значитъ, всѣ націи, кромѣ русской, не любишь?

— Вовсе нѣтъ.

— Ну, кого же ты любишь?

Семеновъ подумалъ.

— Испанцевъ,—отвѣтилъ онъ.

— Ты видѣлъ хоть одного испанца? — спросилъ Корневъ такъ, что всѣ разсмѣялись.

— Я и Америки не видѣлъ... По-твоему, значитъ, чего не видѣлъ, о томъ и говорить нельзя?

— Ну хорошо, за что ты собственно испанцевъ любишь?

— За бой быковъ,—заговорилъ Рыльскій: — за учрежденіе ордена іезуитовъ...

— Іезуиты ужъ это ваше польское дѣло... По-моему, каждый полякъ іезуитъ.

— По-моему? — вспыхнулъ Рыльскій. — А по-моему, ты самодовольная свинья, которая, вмѣсто того, чтобъ думать, гордишься тѣмъ, что думать не хочешь.

— А ты...—началъ-было Семеновъ, но въ это время дверь отворилась, и въ классъ вошелъ инспекторъ.

Всѣ встали и быстро оправились.

Бритое, широкое лицо инспектора на этотъ разъ не было такимъ деревяннымъ, какъ обыкновенно. Даже и въ голосѣ его, сухомъ и трескучемъ, теперь отдавались какія-то незнакомыя, располагавшія къ себѣ нотки. Да и дѣло, по которому пришелъ инспекторъ, выходило изъ ряда вонъ. Въ его рукахъ былъ печатный листъ съ приглашеніемъ желающихъ поступить въ морской корпусъ.

Сообщивъ условія поступленія, инспекторъ ушелъ, а классъ превратился въ улей, набитый всполошившимися пчелами.

Всѣ говорили, всѣ волновались, всѣхъ охватило пріятное чувство сознанія, что они ужъ не дѣти и могутъ располагать собою, какъ хотятъ. Конечно, это былъ, въ сущности, только обманъ чувствъ, — у каждаго были родители, но объ этомъ какъ-то не хотѣлось думать, особенно Карташеву, и онъ такъ же рѣшительно, какъ и его друзья Касицкій и Даниловъ, заявилъ о своемъ твердомъ и непреклонномъ намѣреніи тоже ѣхать въ корпусъ.

Волненіе улеглось, больше желающихъ не оказалось, и товарищи смотрѣли на нераздѣльную тройку, какъ на что-то уже отрѣзанное отъ нихъ.

Одни относились къ отъѣзжавшимъ съ симпатіей и даже съ завистью, и это льстило тройкѣ, другіе, въ родѣ Корнева, не сочувствовали.

Корневъ, грызя свои ногти, заявилъ, что не находитъ въ карьерѣ моряка ничего привлекательнаго.

— Еще бы тебѣ находить въ ней какую-нибудь прелесть, когда тебя и въ лодкѣ укачиваетъ,—сказалъ пренебрежительно Касицкій.

Корневъ покраснѣлъ и отвѣтилъ:

— Я-то ужъ, конечно, какой морякъ, но, если бъ меня и не укачивало, я все-таки не избралъ бы карьеры моряка.

— Почему?

— Потому что не вижу никакой разницы между любымъ армейскимъ офицеромъ и морякомъ: та же безсмысленная жизнь.

— Почему безсмысленная? — огрызнулся Семеновъ.

— Да потому, что все, въ концѣ концовъ, сводится: на-а плечо! На краулъ!.. Да ей-Богу! Ну что собственно, какую цѣль вы преслѣдуете? Ну, будете ѣздить на пароходѣ, будете лупить линьками матросовъ и въ то же время любоваться моремъ. Трогательная идиллія, чушь съ масломъ, такая же безсмысленная жизнь, какъ жизнь любого юнкера.

Даниловъ схватился съ Корневымъ.

Доводы Данилова сводились къ прелестямъ морской жизни, прелестямъ борьбы съ моремъ.

— Собственно,—возражалъ Корневъ,—какой въ этой прелести, въ сущности, смыслъ: побѣда?—ну, побѣдилъ сегодня съ тѣмъ, что завтра оно уже побѣждено? Нѣтъ, завтра опять побѣждай, и послѣзавтра, и до тысячи разъ. Въ концѣ концовъ, вся жизнь сведется къ счету рейсовъ—однимъ больше, однимъ меньше...

Доводы Корнева сильно охладили отношенія учениковъ къ собиравшейся къ отъѣзду тройкѣ.

Карташеву тоже какъ-то въ иномъ освѣщеніи представился корпусъ.

Тѣмъ не менѣе друзья попрощались, выходя изъ гимназіи, съ твердымъ намѣреніемъ ѣхать въ корпусъ.

Карташевъ пришелъ домой и къ концу обѣда приступилъ къ переговорамъ съ матерью.

Мать со страхомъ прислушивалась къ словамъ сына, но дѣлала спокойное лицо и ласково смотрѣла, пока онъ, глотая красный сочный арбузъ, разсказывалъ ей о вызовѣ желающихъ поступить въ корпусъ и о рѣшеніи его, Данилова и Касицкаго.

— Поѣзжай...—проговорила мать серьезнымъ, грустнымъ голосомъ, когда онъ кончилъ.

Она вздохнула.

— Я мечтала о другой карьерѣ, думала, что мой сынъ принесетъ мнѣ университетскій дипломъ... Жаль, что не исполнила папинаго желанія, когда тебѣ было десять лѣтъ, и сразу не отдала въ корпусъ.

— Въ корпусъ, чтобъ выйти офицеромъ, я самъ бы не пошелъ. Морякъ и сухопутный офицеръ—громадная разница.

— Нѣтъ, ужъ хоть не обманывай себя: никакой разницы нѣтъ.

Наступило молчаніе. Карташева невольно поразило сходство взглядовъ матери и Корнева. Насколько Корневъ при этомъ возвысился въ его глазахъ, настолько же себя онъ почувствовалъ какъ-то униженнымъ передъ Корневымъ.

— Дѣлай, какъ хочешь,—продолжала, помолчавъ, мать.—Я думала, что ты поможешь мнѣ по хозяйству безъ папы. Дѣлай, какъ хочешь.

Аглаида Васильевна встала разстроенная и вышла изъ столовой.

Карташевъ не ожидалъ такого конца.

— По-моему, Тёма, это глупость, — сказала его разсудительная сестра Зина.—У мамы здоровье слабое, ты, старшій въ домѣ, бросишь семью, уѣдешь въ корпусъ... а кто жъ здѣсь будетъ ходить въ наемный дворъ, какъ мы останемся безъ мужчины?

— Я что жъ, по-твоему, такъ и буду всю жизнь около васъ торчать?—спросилъ съ досадой Карташевъ.

— Да мнѣ-то ты ни капельки не нуженъ, — поѣзжай хоть сейчасъ и куда тебѣ угодно.

И Зина ушла.

Карташевъ чувствовалъ себя окончательно сбитымъ съ позиціи: морской корпусъ, еще такъ недавно казавшійся дѣломъ рѣшеннымъ, отодвинулся куда-то далеко-далеко.

Наташа, вторая сестра, съ любовью и грустью смотрѣла на брата.

— Ты когда, Тёма, поѣдешь? — спросила она, стараясь скрыть волновавшія ее чувства подъ маской простого любопытства.

Тёма заглянулъ въ глаза сестры.

— Никуда я не поѣду, — отвѣтилъ онъ, вздохнувъ, и, вставъ, направился въ кабинетъ.

Тамъ онъ шагалъ въ сознаніи принесенной имъ жертвы. Можетъ-быть, для жертвы его видъ былъ слишкомъ спокоенъ, но тѣмъ не менѣе это не мѣшало ему считать себя жертвой, и ему казалось, что онъ сразу точно выросъ на нѣсколько лѣтъ. Онъ легъ на диванъ, заложилъ за голову руки и задумался о томъ, что жизнь не такая простая и легкая вещь, какой она кажется по наружному виду.

Такъ и уснулъ онъ, думая все о томъ же.

II.

Новые друзья и враги.

Тѣмъ и кончился вопросъ о корпусѣ. Даниловъ и Касицкій уѣхали, и Карташевъ разстался съ друзьями, съ которыми три года прожилъ душа въ душу.

Новое время—новыя птицы, новыя птицы—новыя пѣсни. Новыя отношенія, странныя и запутанныя, на какой-то новой почвѣ завязывались между Карташевымъ, Корневымъ и другими.

Это уже не была дружба, похожая на дружбу съ Ивано-

вымъ, основанная на обоюдной любви. Не было это похоже и на сближеніе съ Касицкимъ и Даниловымъ, гдѣ связью была общая ихъ любовь къ морю.

Сближеніе съ Корневымъ было удовлетвореніемъ какой-то другой потребности. Лично Корнева Карташевъ не то, что не любилъ, но чувствовалъ къ нему какое-то враждебное, раздраженное, доходящее до зависти чувство, и все-таки его тянуло къ Корневу. Не было большаго для него удовольствія, какъ схватиться съ нимъ на словахъ и какъ-нибудь порѣзче оборвать его. Но какъ ни казалось легкимъ съ перваго взгляда это дѣло, тѣмъ не менѣе выходило всегда какъ-то такъ, что онъ не обрывалъ Корнева, а, наоборотъ, онъ отъ Корнева получалъ очень непріятный отпоръ.

Въ своей компаніи съ Даниловымъ и Касицкимъ относительно Корнева у нихъ давно былъ рѣшенъ вопросъ, что Корневъ, хотя и баба, хотя и боится моря, но не глупый и, въ сущности, добрый малый.

Когда друзья уѣхали, Карташевъ на первыхъ порахъ по отношенію къ Корневу старался удержаться на этой позиціи. Иногда въ спорѣ, чувствуя, что почва уходитъ изъ-подъ ногъ, Карташевъ говорилъ:

— Послушай, Корневъ, ты добрый, въ сущности, малый, но эта твоя бабья черта...

— Я очень тебѣ благодаренъ за снисхожденіе,—сухо перебивалъ его Корневъ,—но оставь его для тѣхъ, кто въ немъ нуждается.

Тогда Карташевъ, уязвленный саркастическимъ тономъ Корнева, распалялся и начиналъ ругаться. Но и это плохо помогало и удовлетворенія Карташеву не приносило. И не только не приносило, но мучило и искало выхода. Выходило какъ-то такъ, что все, что̀ ни скажетъ онъ, все не то, всегда Корневъ ловко, искусно сейчасъ же собьетъ его съ позиціи.

Карташевъ началъ впадать даже въ уныніе.

„Что̀ жъ, я глупъ, значитъ? Глупѣе его?“—думалъ онъ, и его гордость не мирилась съ такимъ выводомъ.

Они спорили рѣшительно обо всемъ. Началось съ религіи. Сперва Карташевъ былъ горячимъ защитникомъ ея, но постепенно онъ сталъ дѣлать уступки.

— Не понимаю, — говорилъ разъ Корневъ, грызя свои ногти. — Или ты признаёшь, или не признаёшь: середины нѣтъ. Говори прямо, вѣрующій ты?

— Въ извѣстномъ смыслѣ, да, — отвѣтилъ уклончиво Карташевъ.

— Что̀ это за отвѣтъ? Вѣрующій, значитъ... Съ этого бы

и началъ. А въ такомъ случаѣ, о чемъ тогда съ тобой разговаривать?!

— Ты переврешь всякое мое слово и воображаешь, что это очень остроумно.

— А это не умно и не остроумно,—вставилъ саркастически Рыльскій.

Рыльскій держалъ себя какъ-то пренебрежительно по отношенію къ Карташеву, какъ, впрочемъ, и къ громадному большинству класса.

Вставка Рыльскаго такъ взбѣсила Карташева, что онъ покраснѣлъ, какъ ракъ, и выругался:

— Болванъ!

Рыльскій поднялъ высоко брови и спокойно, насмѣшливо сказалъ:

— Вотъ теперь окончательно убѣдилъ: молодецъ!

Карташевъ открылъ-было ротъ, но вдругъ, круто повернувшись, пошелъ и сѣлъ на свое мѣсто.

— Что, кончилъ уже? — окликнулъ его тѣмъ же тономъ Рыльскій.

— Съ такой свиньей, какъ ты, говорить не стоитъ, — отвѣтилъ Карташевъ.

— Ну, конечно...

— Постой...—перебилъ Рыльскаго Корневъ и, обращаясь къ Карташеву, проговорилъ:

— Ну хорошо: ты говоришь, что я перевираю твои слова, такъ сдѣлай милость, объясни, какъ же понимать тебя?

— Я не могу спорить, когда одинъ перевираетъ, а другой гороховаго шута изъ себя корчитъ.

Рыльскій открылъ-было ротъ для отвѣта.

— Молчи...—потребовалъ Корневъ.

Рыльскій замолчалъ и только разсмѣялся.

— Ну, вотъ онъ молчитъ. Я тоже вовсе не желаю заниматься перевираніемъ твоихъ словъ. Ты сказалъ, что ты вѣрующій въ извѣстномъ смыслѣ. Я понялъ это такъ, что ты все-таки вѣрующій. Выходитъ, я перевралъ: такъ объясни.

Если бы въ классѣ были только Корневъ и Рыльскій, Карташевъ, вѣроятно, такъ и отказался бы отъ дальнѣйшаго диспута; но тутъ было много другихъ, и всѣ ждали съ интересомъ, что скажетъ теперь Карташевъ. Въ числѣ этихъ другихъ многіе любили Карташева, вѣрили въ его способность отбиться отъ Корнева, и Карташевъ, скрѣпя сердце, началъ:

— Я признаю религію, какъ вещь... какъ вещь, которая связываетъ меня съ моимъ дѣтствомъ, какъ вещь, которая дорога моимъ роднымъ...

Рыльскій, повернувшійся-было въ полъ-оборота, когда Карташевъ началъ говорить, весело покосился на Корнева, отвернулся спиной къ Карташеву, махнулъ рукой и уткнулся въ книгу.

— Значитъ, ты сознательно обманываешь себя и родныхъ? Выходитъ, что тебя связываетъ съ ними ложь. Такая связь не стоитъ того, чтобы за нее держаться.

— А тебѣ развѣ не доставляетъ удовольствія на Пасху не спать ночь?

— Никакого...

— Вретъ,—замѣтилъ Семеновъ, упрямо наклоняя голову.

— Да наконецъ это уже другая почва... удовольствіе... И въ снѣжки играть удовольствіе, да не пойдешь же!

— А отчего мнѣ не итти, если мнѣ этого хочется?

— Ну, иди,—отвѣтилъ Корневъ.—Снѣгъ скоро выпадетъ. Вонъ товарищи уже ждутъ.

Корневъ показалъ въ окно на толпу уличныхъ ребятишекъ.

Карташевъ тоже посмотрѣлъ и разсмѣялся.

— Рыло,—сказалъ добродушно Корневъ.

Впрочемъ, такимъ мирнымъ образомъ споры рѣдко кончались.

— Ты ему напрасно спускаешь,—брюзжалъ Семеновъ Карташеву, когда они, по окончаніи уроковъ, шли домой,

— Я вовсе не спускаю.

— Ну-у, спускаешь... Въ прошломъ году, помнишь, какъ оттрепалъ его, а теперь ужъ самъ говоришь: „въ извѣстномъ смыслѣ...“

— Послушай, нельзя же, дѣйствительно, со всѣмъ соглашаться...

Карташевъ разсѣянно скользнулъ взглядомъ по проходившей дамѣ, по прилавку, заваленному грушами, персиками, виноградомъ, молодыми орѣхами въ зеленой скорлупѣ, втянулъ въ себя ароматъ этихъ плодовъ и договорилъ:

— Я вѣрю... но не могу же я, напримѣръ, представить себѣ небо иначе, какъ оно есть, т.-е. не простымъ воздухомъ.

И Семеновъ и Карташевъ, какъ бы для большей наглядности, подняли глаза въ прозрачную синеву осенняго неба. Съ неба ихъ взглядъ упалъ на залитую солнцемъ улицу, скользнулъ туда, гдѣ ярко синѣло безконечное море, теперь прохладное, спокойное, уснувшее въ своемъ неподвижномъ величіи.

Друзья остановились на перекресткѣ, откуда Карташеву надо было сворачивать домой.

— Я провожу тебя,—предложилъ Карташевъ.

И пріятели отправились дальше. Они шли, и то сходились такъ, что плечи ихъ касались другъ друга, то расходились, разсѣянно мимоходомъ глазѣя на выставленныя въ окнахъ магазиновъ вещи.

— Конечно, есть въ природѣ,—продолжалъ Карташевъ,— что-то непонятное, недоступное нашему уму... Я былъ бы слишкомъ глупъ, если бы не признавалъ того, что̀ признавали люди, можетъ-быть, въ тысячу разъ умнѣе какого-нибудь Корнева или Рыльскаго.

— Терпѣть не могу этого Рыльскаго,—перебилъ Семеновъ, упрямо наклонивъ голову.

— И моя душа къ нему не лежитъ, — согласился Карташевъ.—У Корнева есть все-таки...

— Да я тебѣ скажу, что Корневъ просто подъ вліяніемъ Рыльскаго.

— Ты думаешь?

— Увѣренъ... Просто самъ разобраться не можетъ, а Рыльскаго боится: все, что̀ тотъ ему наговоритъ, то и повторяетъ.

— Нѣтъ, положимъ, Корневъ и самъ по себѣ неглупый малый.

Семеновъ сжалъ какъ-то губы и произнесъ сухо:

— По-моему, просто фразеръ.

— Да фразеры-то они оба.

— Ты посмотри, они обо всемъ берутся разсуждать. Ну что̀ жъ, въ самомъ дѣлѣ, можемъ мы, дѣйствительно, обо всемъ имѣть правильное понятіе?.. Что̀, въ сущности, ихъ разсужденіе? Мальчишество.

— Конечно, мальчишество.

— И я тебѣ скажу, опасное мальчишество, которое можетъ привести ни больше ни меньше, какъ къ исключенію... Это вѣдь все не ихнее... изъ книжекъ разныхъ... Рыльскій изъ воды сухимъ выйдетъ, а Корневъ, какъ дуракъ, попадется. Вотъ отчего я и не могу считать Корнева умнымъ человѣкомъ... Самое лучшее—подальше отъ нихъ, — закончилъ Семеновъ.

Онъ оправился, какъ-то особенно выставилъ грудь, надулся и раскланялся съ проѣзжавшимъ на извозчикѣ военнымъ.

— Плацъ-адъютантъ,—объяснилъ онъ Карташеву.

И оба оглянулись и смотрѣли, какъ ѣхалъ на извозчикѣ плацъ-адъютантъ въ полной формѣ, съ наброшеннымъ поверхъ мундира форменнымъ пальто.

— Глупая у нихъ форма,—сказалъ Семеновъ:—такъ что-то среднее—не то кавалерія, не то пѣхота: не разберешь.

Друзья прошли еще одну улицу.

— Ну, мнѣ ужъ пора,—остановился Карташевъ.

— Еще черезъ мостъ.

И они пошли черезъ мостъ.

— Я бы тебя проводилъ, — сказалъ Семеновъ, смотря на часы,—да опоздаю къ обѣду... Отецъ насчетъ этого формалистъ... Да и дѣйствительно... Ну, прощай.

Друзья попрощались у послѣдняго поворота, откуда виднѣлся желтый съ мезониномъ домъ-особнякъ, гдѣ жила семья Семенова. Семеновъ и направился къ нему спѣшной дѣловой походкой, а Карташевъ лѣниво побрелъ назадъ, щурясь отъ солнца и представляя себѣ, какъ Семеновъ торопливо взбѣжитъ по узкой лѣстницѣ въ мезонинъ, положитъ тамъ ранецъ, умоется, расчешетъ передъ зеркаломъ волосы, а денщикъ почиститъ его щеткой. Затѣмъ онъ быстро спустится внизъ; пройдетъ большой пустой залъ и войдетъ въ столовую, гдѣ уже собралось все семейство, и глава его, худой, съ суровымъ лицомъ полковникъ, въ разстегнутомъ кителѣ, въ синихъ штанахъ, молча шагаетъ своими сухими ногами по комнатѣ. Семеновъ подойдетъ, съ выправкой шаркнетъ ножкой, наклонится и поцѣлуетъ жилистую руку отца, произнося безличнымъ тономъ:

— Здравствуйте, папаша.

Затѣмъ подойдетъ къ худой, съ нѣкоторой претензіей одѣтой дамѣ, небрежно подхватитъ ея руку, поднесетъ къ губамъ, покровительственно нагнется, поцѣлуетъ ее въ губы, заглянетъ въ ея добрые усталые глаза и скажетъ:

— Здравствуй, мамаша, какъ себя чувствуешь?

На младшихъ братьевъ, Борю и Петю, Семеновъ вскользь только взглянетъ и пойдетъ къ своему мѣсту, потому что отецъ, посмотрѣвъ на часы, уже берется за свой стулъ.

За обѣдомъ всегда кто-нибудь изъ полковыхъ, разговоръ по чину, а послѣ обѣда обязательная часовая пильня на скрипкѣ. Семеновъ самъ уже знаетъ, торопливо благодаритъ и спѣшитъ наверхъ. Оттопыривъ губы, онъ аккуратно вынимаетъ изъ ящика скрипку, достаетъ смычокъ, долго настраиваетъ, прислушиваясь, весь сосредоточенный, съ поднятыми бровями, и, кончивъ скучную, но пріятную по своимъ результатамъ работу, становится въ позицію, вытягиваетъ руку со смычкомъ, прицѣливается глазами въ ноты, склоняетъ голову, и по дому несется твердый однообразный звукъ низкихъ и высокихъ нотъ громкой скрипки. А тамъ, въ кабинетѣ сидитъ сухой полковникъ, куритъ, смотритъ въ окно, однимъ ухомъ слушаетъ полкового, а другимъ—твердые от-

четливые звуки нравящагося ему своей опредѣленностью инструмента.

Эта — хорошо знакомая Карташеву — картина ярко рисуется ему, пока онъ въ блескѣ веселаго безоблачнаго дня идетъ домой, и ему завидной дѣлается эта налаженная систематическая жизнь... Жизнь его родныхъ и онъ самъ представляются ему чѣмъ-то разбросавшимся, несобраннымъ. Книги его, почти не связанныя, то и дѣло скользятъ въ рукахъ, въ головѣ бродитъ мысль и перескакиваетъ отъ Семенова къ Берендѣ, тоже скрипачу, игравшему, въ контрастъ съ Семеновымъ, такъ мягко и мелодично. Онъ вспоминаетъ Корнева, Рыльскаго, вспоминаетъ опасенія Семенова, его охватываетъ какой-то страхъ за ихъ судьбу, но послѣдній совѣтъ Семенова „подальше отъ нихъ“ производитъ на него какъ разъ обратное дѣйствіе, и его тянетъ къ нимъ, и онъ даже какъ-то мирится съ непріятною внѣшностью Корнева и Рыльскаго; миритъ его, главнымъ образомъ, то, что это они говорятъ не свое, что не предъ ними, Корневымъ и Рыльскимъ, приходится преклоняться, а предъ тѣмъ, чему и они поклоняются сами. А предъ тѣмъ, чему даже Корневъ и Рыльскій поклоняются, предъ тѣмъ и никому не обидно...

„Все-таки они умные и умнѣе Семенова“,—закончилъ Карташевъ свои размышленія.

И даже нетерпимая внѣшность ихъ, рѣзкія выходки, и тѣ освѣтились иначе:

„Просто мальчишки,—узнали, да и не говорятъ откуда, а вотъ если бъ я первый узналъ, сни бы не знали, что̀ говорить. Все-таки я умный: они по книжкамъ, а я безъ книжекъ, и то совсѣмъ почти имъ не поддаюсь“.

Весь классъ разбился на двѣ неравныя партіи: Корнева, немногочисленную, и партію Карташева.

Группа Корнева сблизилась между собой и внѣ гимназіи,—ходили другъ къ другу въ гости, но такъ, впрочемъ, что съ семействами не имѣли никакого соприкосновенія. Обыкновенно компанія собиралась въ комнатѣ товарища,—тамъ курили, читали, туда приносили имъ чай. Если собраніе было болѣе обыкновеннаго, имъ уступались иногда и парадныя комнаты, показывались на мгновеніе родные и уходили, сопровождаемые благодарственными взглядами молодежи. Что̀ могло быть пріятнѣе, какъ чувствовать себя совершенно свободными отъ необходимости чинно сидѣть, чинно говорить? Какое удовольствіе испытывала компанія, когда дверь затворялась за непрошеннымъ взрослымъ членомъ семьи! Корневъ

дастъ сейчасъ, бывало, козла. Рыльскій поправитъ свой шнурокъ отъ pince-nez и снисходительно пуститъ: „ха-ха!“ Дарсье, потомокъ изящныхъ французовъ, оглянется съ комичной миной, подберетъ фалды и бултыхнется на диванъ.

— Послушай, французъ,—скажетъ Корневъ,—сегодня тебѣ спать не дадутъ.

— Откуда ты взялъ, что я буду спать?—фыркалъ Дарсье, поплотнѣе умащиваясь.

Корневъ нѣкоторое время добродушно разсматривалъ Дарсье и произносилъ съ какимъ-то пренебрежительнымъ снисхожденіемъ:

— Рыло.

— Самъ ты...— такъ же добродушно огрызался французъ.

— Что̀ съ нимъ церемониться?—говорилъ Рыльскій, обращаясь къ Дарсье. — Вотъ тебѣ постановленіе коммуны: если ты не повторишь послѣдней фразы, когда остановятся, то каждый разъ съ тебя томъ Писарева.

— Ну...—размахивая руками, подскакивалъ Долба: — давай, братъ, деньги, по крайней мѣрѣ, безъ всякой помѣхи спать будешь.

— Дурачье,—смѣялся вмѣстѣ со всѣми Дарсье:—не дамъ.

— Тѣмъ хуже для тебя...

— Хорошо, хорошо... — кивалъ головой Дарсье:— посмотримъ еще.

Начиналось чтеніе; и въ то время, какъ всѣ слушали съ напряженнымъ вниманіемъ, Дарсье напрасно изнемогалъ въ непосильной борьбѣ: что-то лѣзло на глаза, закрывало ихъ, и Дарсье кончалъ тѣмъ, что сладко засыпалъ крѣпкимъ чуткимъ сномъ. Очень чуткимъ. Чуть остановятся, ужъ Дарсье зналъ, въ чемъ дѣло, и еще не проснувшись, лѣниво повторялъ послѣднюю фразу.

А Рыльскій дѣлалъ жестъ и продолжалъ читать.

— А кто слишкомъ склоненъ къ Яни, того больно бьютъ по пяткамъ... Дарсье, повтори.

Дарсье вскакивалъ и быстро повторялъ, и отъ сумасшедшаго хохота дрожали стекла, потому что Яни—и богъ земли и въ то же время фамилія красавицы-гимназистки, къ которой неравнодушно французское сердце Дарсье. Вся фраза выдумана Рыльскимъ безъ всякой связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ чтеніемъ спеціально для Дарсье.

— Ну, такъ хоть это запомни хорошенько... — наставительно говорилъ Рыльскій.

И снова шло чтеніе, а затѣмъ споры, разсужденія. Подымались разные вопросы, рѣшались. Это рѣшающее значеніе

обыкновенно принадлежало Корневу и Рыльскому. Иногда выдвигался Долба—здоровый ученикъ изъ крестьянъ въ прыщахъ, съ краснымъ лицомъ, съ прямыми черными волосами и широкимъ большимъ лбомъ.

— Лбина-то у тебя здоровенная...—говорилъ Корневъ, внимательно всматриваясь въ Долбу.

— Быкъ,—отвѣчалъ Долба и, разставя ноги, смѣялся мелкимъ дѣланнымъ смѣхомъ.

Только глазамъ было не до смѣха, и они внимательно, пытливо всматривались въ собесѣдника.

Корневъ грызнетъ, бывало, ноготь, подумаетъ и проговоритъ:

— На Бокля похожъ.

Долба вспыхнетъ, смѣряетъ четвертью свой лобъ, скажетъ „ну“ и опять разсмѣется.

— Способная бестія...—замѣтитъ опять Корневъ не то раздумчиво, не то съ какою-то завистью.

— Дуракъ я,—отвѣтитъ Долба, потомъ заглянетъ въ глаза Корневу и, пригнувшись, разсмѣется своимъ мелкимъ смѣхомъ.

— Да что ты все смѣешься?

— Дуракъ,—отвѣтитъ уклончиво Долба.

— Глаза хитрые...

— Мужицкіе глаза.

— Положительно загадочная натура, — высказывалъ свое мнѣніе Корневъ въ отсутствіи Долбы и задумывался.

— Рисуется немного... но талантливый, подлецъ, — соглашался Рыльскій.

Многочисленная партія Карташева была полной противоположностью партіи Корнева. Все это были люди, которые ничего не читали, ничѣмъ не интересовались, ни о чемъ не помышляли, кромѣ ближайшихъ интересовъ дня. Они ходили въ гимназію, лѣниво учили уроки и въ свободное отъ занятій время скучали и томились.

Корневъ съ компаніей язвили ихъ, вышучивали, донимали и осмѣивали все то, что въ ихъ глазахъ казалось неприкосновеннымъ.

Карташевъ былъ представителемъ своей партіи. Случилось это какъ-то само собой. Карташевъ усердно отстаивалъ тѣхъ, кто попадалъ на острые зубы противной партіи; онъ обладалъ даромъ слова, находчивостью въ спорахъ; онъ наконецъ былъ добръ и не могъ выносить безсердечія партіи Корнева ко всѣмъ тѣмъ, кто или стоялъ ниже ихъ въ умственномъ отношеніи, или не раздѣлялъ ихъ взглядовъ.

Начнетъ, бывало, Корневъ безъ церемоніи ругать кого-ни-

будь, а Карташевъ чувствуетъ такое униженіе, какъ будто его самого ругаютъ. Выругается Корневъ и примется за чтеніе.

— Я не понимаю этого удовольствія,—заговоритъ Карташевъ, скрѣпя сердце:—говоритъ человѣку въ глаза „идіотъ“.

— А я не понимаю удовольствія съ идіотами компанію водить,—отвѣтитъ небрежно Корневъ и примется за свои ногти, продолжая читать.

— Если бъ даже и идіотъ онъ былъ, что жъ, онъ поумнѣетъ оттого, что его назовутъ идіотомъ?

Корневъ молчитъ, погрузившись въ чтеніе.

— Если не поумнѣетъ, то отстанетъ,—броситъ за него Рыльскій.

— Или въ морду дастъ!—пуститъ съ своего мѣста Семеновъ.

— Испугалъ!

— А вотъ назови меня...

Рыльскій весело смѣялся.

— Ну, а если два человѣка назовутъ тебя идіотомъ, тоже въ морду дашь?

— Дамъ, конечно.

— Ну, а три?..

— Хоть десять.

Корневъ отрывается отъ чтенія и говоритъ мягкимъ, ласковымъ голосомъ:

— Если бы ты встрѣтилъ непріятелей, мой другъ, ты что бы сдѣлалъ?—Онъ дѣлаетъ свирѣпое лицо.—Прикололъ бы, ваше превосходительство.—А если бы ты десять непріятелей встрѣтилъ?—Прикололъ бы!—Мой другъ, развѣ ты можешь десять человѣкъ приколоть? Подумай хорошенько.—Такъ точно, не могу.

Корневъ мѣняетъ тонъ и говоритъ наставительно:

— Солдатъ, и тотъ понялъ.

— Такъ вѣдь то солдатъ,—поясняетъ Рыльскій,—а онъ сынъ полковника... Вотъ погоди, подрастетъ онъ, одинъ всю Европу приколетъ.

— Ахъ, какъ остроумно!—говоритъ Семеновъ.

Въ числѣ карташевской партіи, между прочимъ, были Вервицкій и Берендя. Они сидѣли на одной скамейкѣ и дружили, хотя по виду дружба ихъ была очень оригинальна: друзья постоянно ссорились.

Вервицкій былъ блондинъ, съ голубыми глазами, съ круг-

лымъ лицомъ, съ грубымъ сиплымъ голосомъ, сутуловатый, съ широкими плечами.

Берендя, или „Діогенъ“, какъ называлъ его язвительно Вервицкій, худой, высокій, ходилъ, подгибая колѣнки, имѣлъ длинную, всегда впередъ вытянутую шею, какое-то не то удивленное, не то довольное лицо, носилъ длинные волосы, которые то и дѣло оправлялъ рукой, имѣлъ желто-карiе лучистые глаза и говорилъ такъ, что трудно было что-нибудь разобрать.

Главнымъ недостаткомъ Беренди Вервицкій считалъ его глупость. Онъ этимъ и донималъ своего друга.

Надо отдать справедливость, Вервицкій умѣлъ подчеркнуть глупость друга. Когда онъ, бывало, вытянувъ шею, подгибая колѣнки, шелъ, стараясь изобразить Берендю, классъ умиралъ отъ смѣха. Въ мастерской передачѣ Вервицкаго такъ ясно было, что Берендя дѣйствительно глупъ. А еще яснѣе это было, когда Берендя вступалъ въ споръ.

Ротъ только откроетъ Берендя, а ужъ Вервицкій упрется на локоть, уставится въ друга и съ наслажденіемъ слушаетъ. Берендя съ какой-то особой манерой откинется, вытянетъ длинныя ноги и, устремивъ въ пространство свои лучистые глаза, начнетъ, поматывая головой, длинную рѣчь. Слушаетъ Вервицкій, слушаетъ и начнетъ самъ поматывать головой, потомъ скоситъ немного глаза, на манеръ Беренди что-то зашепчетъ себѣ подъ носъ и кончитъ тѣмъ, что и самъ расхохочется, и въ публикѣ вызоветъ смѣхъ.

Сбитый съ позиціи Берендя обрывался и бормоталъ:

— Мнѣ кажется, странно, право, такое отношеніе...

Остальное исчезало въ какой-то совершенно непонятной воркотнѣ и въ поматываніи головой.

— Дуракъ ты, дуракъ, — говорилъ въ отвѣтъ Вервицкій, съ искреннимъ сокрушеніемъ качая головой.—И всегда будешь дуракъ, хоть сто лѣтъ живи... Вотъ такъ и будешь все мотать головой, на кладбище повезутъ, и то мотать будешь, а о чемъ,—такъ и не разберетъ никто.

— Ну что жъ, это очень грустно,—говорилъ Берендя.

— А ты думаешь—весело? — перебивалъ своимъ сиплымъ голосомъ Вервицкій.

— Очень грустно... очень грустно...—твердилъ Берендя.

— Тьфу! Противно слушать... не только слушать, смотрѣть.

— Очень грустно... очень грустно...

— И думаетъ, что очень умную вещь говоритъ.

Такія стычки не мѣшали однако друзьямъ вмѣстѣ готовить трудные уроки, ходить другъ къ другу въ гости, побѣ-

рять свои тайны и понимать другъ въ другѣ то сокровенное, что̀ ускользало отъ наблюденія толпы, но что̀ было въ нихъ и искало сочувствія.

Бывало, излившись другъ передъ другомъ, друзья ложились вмѣстѣ на одну кровать, въ загородной квартирѣ Беренди, въ домѣ мѣщанки, у которой Беренда снималъ комнату со столомъ и самоваромъ за двѣнадцать рублей въ мѣсяцъ. Беренда то начиналъ острить на свой счетъ, и тогда друзья хохотали до слезъ. А то вставалъ, вынималъ скрипку и, смотря своими лучистыми глазами въ зеленые обои своей комнаты, начиналъ играть. Чувствительный Вервицкій присаживался къ окну, подпиралъ подбородокъ рукой и задумчиво смотрѣлъ въ окно.

Время летѣло, скучный урокъ лежалъ нетронутымъ, наступали сумерки, темная ночь охватывала небо и землю, охватывала душу сладкой истомой, и было такъ хорошо, такъ сладко и такъ жаль чего-то.

А на другой день разсердится, бывало, Вервицкій и безцеремонно начнетъ предъ всѣмъ классомъ черпать доводы о глупости Беренди изъ тѣхъ же сокровенныхъ сообщеній, которыя дѣлалъ ему пріятель наканунѣ. Вспыхнетъ, бывало, покраснѣетъ Беренда и забормочетъ, заикаясь, что-то себѣ подъ носъ.

А Вервицкаго еще больше подмываетъ:

— Ба-ба-ба! Ба-ба-ба! Пошелъ пилить! Ты говори прямо: я навралъ? Ты не говорилъ?

И какъ ни отдѣлывался Беренда, а въ концѣ концовъ, поматывая головой и пощипывая свою пробивающуюся бородку, едва внятно лепеталъ:

— Ну, говорилъ...

— А зачѣмъ же ты сразу забормоталъ такъ, какъ будто я самъ все выдумалъ? Вотъ это и подлость у тебя, что ты все: туда-сюда... туда-сюда... какъ змѣя головой, когда ужъ ей некуда дѣваться...

И Вервицкій впивался въ друга, а другъ, подъ неотразимыми доводами, только молчалъ, продолжая поматывать головой.

— Что̀?! Замолчалъ!!

Кличку „Діогена“ Беренда получилъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ:

— Мы изучаемъ Діогена,—однажды философствовалъ онъ,—и говоримъ, что онъ мудрецъ. Но если я полѣзу въ бочку, буду со свѣчой искать человѣка... меня, по крайней мѣрѣ, посадятъ въ сумасшедшій домъ.

— И посадятъ когда-нибудь,—увѣренно отвѣтилъ Вервиц-

кій.—Ты, знаешь, напоминаешь мнѣ метафизика изъ басни. Ты хочешь непремѣнно своимъ умомъ до всего дойти, а ума-то и не хватаетъ: и выходитъ—веревка вервіе простое...

— По-позволь...

— Не позволю: надоѣлъ и убирайся къ чорту.

— Какъ угодно... я только хотѣлъ сказать, что ту-ту-тутъ не ладно... кто-нибудь изъ насъ дуракъ: или Діогенъ, или мы...

— Ты дуракъ.

— Я утѣшаю себя, что явись вотъ передъ тобой сейчасъ Діогенъ,—тебѣ ничего не осталось бы, какъ и его назвать дуракомъ.

— Ну, хорошо. Теперь, когда я захочу тебя выругать дуракомъ, я буду тебѣ говорить: „Діогенъ“. Хорошо?

— Мнѣ очень пріятно будетъ...

— Ну, и мнѣ пріятно будетъ.

Такъ и осталась за Берендей кличка „Діогенъ“.

Выдавались иногда дни, когда между партіями Корнева и Карташева водворялся родъ перемирія. Тогда Корневъ и Карташевъ гочно сбрасывали свои боевые доспѣхи и чувствовали какое-то особенное влеченіе другъ къ другу.

Одинъ изъ такихъ дней подходилъ къ концу. Послѣдній урокъ былъ математика. Оставалось четверть часа до звонка. Учитель математики, маленькій, съ бѣлымъ лицомъ и движеніями, напоминавшими заведенную куклу, кончилъ объясненіе и сѣлъ за столъ. Онъ наклонилъ голову къ журналу, понюхалъ фамиліи всѣхъ учениковъ и произнесъ голосомъ, отъ котораго заранѣе становилось страшно:

— Корневъ.

Корневъ поблѣднѣлъ и, перекосивъ, по обыкновенію, лицо, пошелъ къ доскѣ.

Математика не давалась ему. Въ этомъ отношеніи перевѣсъ былъ на сторонѣ Карташева, который, хотя и не дѣлалъ ничего, но все-таки держался на спасительной тройкѣ. Корневъ пытался доказывать теорему голосомъ человѣка, который твердо убѣжденъ, что онъ ничего не докажетъ, да и не дадутъ ему доказать.

— Возьмемъ треугольникъ ABC и наложимъ на треугольникъ DEF такъ, чтобы точка A упала въ точку D.

Учитель слушалъ и въ то же время внимательно, съ любопытствомъ бѣгалъ глазами по лицамъ учениковъ.

Яковлевъ, первый ученикъ, молча поднялъ брови, Рыльскій досадливо опустилъ глаза. Долба съ сожалѣніемъ смот-

рѣлъ въ сторону, а одинъ ученикъ, Славскій, не утерпѣлъ и даже искренно чмокнулъ губами.

— Какъ же вы это сдѣлаете, чтобъ точка А попала въ точку D?—спросилъ учитель, смотря въ тоже время въ лица учениковъ.

— Наложу такъ...

Наступила пауза. Учитель вытянулъ шею и внушительно-сухо сказалъ:

— У васъ, Корневъ, выраженія совершенно не математическія.

— Я не способенъ къ математикѣ,—отвѣтилъ Корневъ, и раздраженное огорченіе зазвучало въ его голосѣ.

Учитель не ожидалъ такого отвѣта и, недоумѣвая, обратился къ нему:

— Ну, такъ оставьте гимназію...

— Я себѣ избралъ спеціальность, въ которой математика ни при чемъ..

— Меня ни капли не интересуетъ, какую вы спеціальность себѣ избрали, но васъ должно интересовать, я думаю, то, что я вамъ скажу: если вы не будете знать математики, то вамъ придется отказаться отъ всякой спеціальности.

— А если я не способенъ?..

— Нечего и лѣзть...

По коридору уже несся звонокъ. Учитель собралъ тетради, пытливо заглянулъ въ глаза Корневу и, сухо поклонившись классу, вышелъ своей походкой заведенной куклы.

— Охота тебѣ съ нимъ вступать въ пререканія? — обратился къ нему съ упрекомъ Рыльскій.

— Да вѣдь пристаетъ...

— Ну, и чортъ съ нимъ. Человѣкъ мстительный, требовательный, только создашь такія отношенія...

— Чортъ его знаетъ, обидно стало; я, главное, знаю, чего ему хочется: чтобъ я сказалъ, что вотъ будемъ вращать до тѣхъ поръ, пока вершина А совпадетъ съ вершиной D...

Рыльскій, Долба и Дарсье удивленно смотрѣли на Корнева.

— Если зналъ, зачѣмъ же ты не сказалъ?

— Да когда же я въ этомъ смысла не вижу.

— Ну, ужъ это...—махнулъ рукой Рыльскій и засмѣялся.

Разсмѣялся и Долба.

— Нѣтъ, ты ужъ того...

— Ну, какой смыслъ, объясни?!—вспыхнулъ Корневъ.

— Да никакого,—сухо смѣрилъ его глазами Рыльскій,—а экзамена не выдержишь...

— Ну, и чортъ съ нимъ...

— Развѣ,—проговорилъ пренебрежительно Рыльскій.

— Я, собственно, совершенно согласенъ съ Корневымъ,— вмѣшался Карташевъ: — не все ли равно сказать: будемъ вращать или наложимъ.

— Ну, и говорите на здоровье... Станьте вотъ передъ этой стѣнкой и пробивайте ее головой.

— Эка мудрецъ какой, подумаешь, — возразилъ Корневъ, раздумчиво грызя ногти.

— Вотъ тебѣ и мудрецъ... Вечеромъ у тебя?

— Приходите...

Дальше всѣхъ по одной и той же дорогѣ было Семенову, Карташеву и Корневу.

Когда они дошли до перекрестка, съ котораго расходились дороги, Корневъ обратился къ Карташеву:

— Тебѣ вѣдь все равно, пойдемъ со мной.

Карташевъ обыкновенно ходилъ съ Семеновымъ, но сегодня его тянуло къ Корневу, и онъ, не смотря на Семенова, сказалъ:

— Хорошо.

— Идешь? — спросилъ отрывисто Семеновъ, протягивая руку, и сухо добавилъ:

— Ну, прощай.

Карташевъ постарался сжать ему какъ можно сильнѣе руку, но Семеновъ, не взглянувъ на него, попрощался съ Корневымъ и быстро пошелъ по улицѣ, маршируя въ своемъ долгополомъ пальто, выпячивая грудь и выпрямляясь, точно проглотилъ аршинъ.

— Вылитый отецъ, — замѣтилъ Корневъ, наблюдая его вслѣдъ.—Даже присѣдаетъ такъ, хотя воображаетъ, вѣроятно, что маршируетъ на славу.

Карташевъ ничего не отвѣтилъ, и оба шли молча.

— Послушай,—началъ Корневъ,—я тебя, откровенно сказать, не понимаю. Вѣдь не можешь же ты не понимать, что вся та компанія, которой ты окружилъ себя, ниже тебя? Я не понимаю, какое удовольствіе можно находить въ общеніи съ людьми, ниже тебя стоящими? Вѣдь отъ такого общества поглупѣть только можно... Вѣдь не можешь же ты не понимать, что они глупѣе тебя?

Корневъ остановился и ждалъ отвѣта. Карташевъ молчалъ.

— Я положительно не могу понять этого,—повторилъ Корневъ.

Карташевъ самъ не зналъ, что отвѣтить Корневу. Согласиться, что его друзья глупѣе его, ему не позволяла совѣсть, а вмѣстѣ съ тѣмъ слова Корнева пріятно льстили его самолюбію.

— А я тебя не понимаю,—мягко заговорилъ Карташевъ,— твоей, да и всѣхъ васъ рѣзкости со всѣми тѣми, кого вы считаете ниже себя...

— Напримѣръ?

— Да вотъ, хотя съ Вервицкимъ, Берендей, Мурскимъ.

— Послушай, да вѣдь это же окончательные дураки.

— Но чѣмъ же они виноваты? А между тѣмъ они такъ же страдаютъ, какъ и другіе. Ты бросишь ему дурака и думать забылъ, а онъ мучится.

— Ну, ужъ и мучится.

— И какъ еще!.. Да я тебѣ откровенно скажу про себя: другой разъ вы мнѣ наговорите такого, что положительно втупикъ станешь: можетъ, дѣйствительно, дуракъ... Тоска такая нападаетъ, что, кажется, легъ бы и умеръ.

— Да и никогда тебя дуракомъ и не называлъ никто; говорили, что ты... ну, не читаешь ничего... Вѣдь это жъ вѣрно?

— Собственно, видишь ли, я читаю и много читалъ, но все это какъ-то не систематично.

Корневъ усиленно грызъ ногти.

— Писарева читалъ?—спросилъ онъ тихо, точно нехотя.

— И Писемскаго читалъ.

— Не Писемскаго, а Писарева. Писемскій беллетристъ, а Писаревъ критикъ и публицистъ.

„Беллетристъ“, „публицистъ“—все слова, въ первый разъ касавшіяся уха Карташева. Его бросило въ жаръ, ему сдѣлалось стыдно, и ужъ онъ открылъ ротъ, чтобы сказать, что и Писарева читалъ, какъ вдругъ передумалъ и грустно признался:

— Нѣтъ, не читалъ.

Искренній тонъ Карташева тронулъ Корнева.

— Если хочешь, зайдемъ—я дамъ тебѣ.

— Съ удовольствіемъ,—согласился Карташевъ, догадываясь, что Писаревъ и былъ тотъ источникъ, который вдохновлялъ Корнева и его друзей.

— Странная вещь,—говорилъ между тѣмъ Корневъ.—Говорятъ, твоя мать такая умная и развитая женщина и не познакомила тебя съ писателями, безъ знанія которыхъ труднѣе обойтись образованному человѣку, чѣмъ безъ классическаго сухаря...

— Моя мать тоже противъ классическаго образованія. Я теперь вспоминаю, она мнѣ Писарева даже предлагала, но я самъ, откровенно говоря, все какъ-то откладывалъ.

— Не могла жъ она не читать... Вы какіе журналы получаете?

— Мы, собственно, никакихъ не получаемъ.

— Вѣдь вы богатые люди?

Карташевъ рѣшительно не зналъ, богатая женщина его мать или нѣтъ, и скорѣе даже былъ склоненъ думать, что никакого богатства у нихъ нѣтъ, потому что и домъ и имѣніе были заложены, но отвѣтилъ:

— Кажется, у матери есть средства.

— У насъ ничего нѣтъ. Только вотъ что̀ батька заработаетъ. Мой отецъ въ таможнѣ. Но хотя тамъ *можно*, онъ ничего не беретъ,—это я знаю потому, что у насъ, кромѣ двухъ выигрышныхъ билетовъ, ничего нѣтъ. Родитель молчитъ, но мать у меня изъ мѣщанокъ, жалуется и не разъ показывала.

Голосъ Корнева звучалъ какой-то ироніей, и Карташеву непріятно было, что онъ такъ отзывается о своей матери.

Они подошли къ высокому бѣлому дому, въ которомъ помѣщалась женская гимназія, какъ разъ въ то время, когда оттуда выходили гимназистки.

Въ самой густой толпѣ ученицъ, куда, какъ-то ничего не замѣчая, затесались Карташевъ и Корневъ, Корнева окрикнула стройная гимназистка лѣтъ пятнадцати.

— Вася!—проговорила она, сверкнула своими небольшими острыми глазками и весело разсмѣялась.

— А-а!—отвѣтилъ небрежно Корневъ.—Наше вамъ.

— Ну, довольно, довольно...

— Сестрица,—отрекомендовалъ пренебрежительно Корневъ, обращаясь къ Карташеву.

— Вотъ я мамѣ скажу, какой ты невѣжа,—отвѣтила гимназистка, вспыхнувъ и покраснѣвъ до волосъ.—Развѣ такъ знакомятъ?

Карташевъ залюбовался румянцемъ дѣвушки и, встрѣтившись съ ней глазами, сконфуженно снялъ шапку.

— Ахъ, скажите, пожалуйста!—прежнимъ тономъ сказалъ Корневъ.—Ну, познакомьтесь... Сестра... Карташевъ...

— У васъ есть сестра?

И едва Карташевъ успѣлъ отвѣтить, она засыпала его вопросами: такъ же ли онъ грубъ со своими сестрами? Такъ же ли отъ него мало толку? Такъ же ли онъ никуда съ ними ходить не хочетъ, и такіе же ли у него друзья, которые все читаютъ какія-то дурацкія книжки и никого знать не хотятъ?

— Поѣхали,—сказалъ Корневъ и сталъ грызть ногти.

Карташевъ, идя съ сестрой Корнева, сдѣлалъ новое открытіе, а именно, что онъ образцовый братъ, хотя Зина и не скупилась ему на упреки. Принявъ это къ свѣдѣнію, онъ

сталъ выгораживать, какъ могъ, своего товарища и увѣрять, что все это ей только кажется.

— Пожалуйста, не трудись,—перебилъ его Корневъ.—Все, что она говоритъ, одна чистая правда, но дѣло въ томъ, что я не желаю быть другимъ...

— Видите, какой онъ...

И, посмотрѣвъ на брата, топнувъ ногой, прибавила:

— У-у, противный!

Она отвернулась. Карташевъ смотрѣлъ на ея каштановые, небрежной волной выбившіеся волосы, такъ мягко оттѣнявшіе нѣжную кожу ея бѣлой шеи. Огонь пробѣгалъ по немъ, и онъ страстно думалъ, что, если бы у него была такая сестра, онъ молился бы на нее Богу.

Она встрѣтила его взглядъ, и онъ испугался, какъ бы она не прочла его мыслей. Но она не только не прочла, но смотрѣла на него ласково и шла совсѣмъ близко около него. Отъ мысли ли, что она ничего не замѣтила, отъ чего ли другого, но Карташевъ чувствовалъ себя какъ-то особенно хорошо и легко. Маня, еще три года назадъ овладѣвшая его фантазіей, сразу стушевалась передъ этой ослѣпительной, мягкой, женственной дѣвушкой.

Что Маня? Что онъ, собственно, любилъ въ ней?—думалъ онъ и радовался, что Маня таетъ тамъ гдѣ-то въ его сердцѣ и уступаетъ свое мѣсто чему-то болѣе жгучему и опредѣленному, чѣмъ какая-та заоблачная идиллія. Маня, которую онъ, вѣроятно, и не увидитъ больше, а эта шла рядомъ съ нимъ, и онъ чувствовалъ ее такъ, словно ступала она не по мостовой, а прямо по его сердцу.

Они вошли въ калитку небольшого, чистаго, обсаженнаго акаціями двора, прошли дворъ и въ углу его, между скамьями, пробрались къ подъѣзду.

Изъ маленькой передней виднѣлась гостиная, большая, но невысокая комната, вправо изъ передней дверь вела въ комнату Корнева, а влѣво была дверь въ домашнія комнаты. Корневъ, раздѣвшись, указывая рукой, проговорилъ:

— Милости просимъ...

Карташевъ, неловко оправлявшій свой испачканный мундиръ и растрепанные волосы, только-что было-собирался шагнуть въ комнату Корнева, какъ изъ лѣвой двери вышла маленькая сморщенная женщина, въ которой Карташевъ сейчасъ же узналъ мать Корнева.

— А-а,—произнесъ Корневъ,—ну вотъ... маменька, еще мой товарищъ, Карташевъ.

— Очень пріятно, очень пріятно... Я вашего батюшку ви-

дала, бывало, въ соборѣ въ царскіе дни... въ орденахъ... Вашъ-то батюшка меня-то ужъ, конечно, можетъ, и не видѣлъ... Куда ужъ намъ! Мы люди маленькіе...

— Ахъ, маменька, ужъ вы начинаете,—вспыхнула сестра Корнева.

Мать Корнева какъ-то испуганно поджала губы, морщин сбѣжались на ея лицѣ, и она огорченно отвѣтила:

— Что жъ, нельзя и родъ свой вспомянуть?

— Все это не важно,—перебилъ Корневъ.—Родъ вашъ отличный, и никто отъ него и не думаетъ отказываться, а ежели бы вотъ къ тому же кофейку, такъ и ручку даже можно поцѣловать.

— Охъ, ты, мой голубчикъ!—проговорила мать и, обратившись къ Карташеву, весело спросила:—Ну, видали вы кого лучше?—и, сдѣлавъ добродушно-лукавое лицо истой хохлушки, она подняла руку по направленію къ сыну.

Карташевъ, какъ очарованный, смотрѣлъ на эту обворожившую его простоту и готовъ былъ, если бъ не стыдно только было, поцѣловать эту сморщенную, маленькую, добрую женщину.

— Да ей Богу же поцѣлую,—сказала мать Корнева и, обнявъ Карташева, поцѣловала его въ лобъ.

Карташевъ такъ покраснѣлъ, что покраснѣли и мать и сестра, которая даже захлопала въ ладоши.

— Это мой!—говорила мать, положивъ руку на плечо Карташеву.—Тихъ усихъ соби бери, а цій такій же дурень, якъ ты. Хотъ ему голову всунь, не откуситъ.

Подали кофе, и, несмотря на неоднократныя попытки Корнева, Карташевъ такъ и не уединился съ нимъ, а все время оставался съ его семьей. Только передъ самымъ уходомъ онъ зашелъ къ нему въ комнату и взялъ два тома Писарева.

— Довольно покамѣстъ, прочтешь, еще дамъ.

— Ну, отлично.

— Смотрите же, приходите,—сверкнула ему своими жгучими глазами сестра.—И не къ Васѣ, а къ намъ.

— Къ намъ, къ намъ,—кричала вдогонку мать.

Карташевъ блаженно улыбался, поворачивался и, энергично срывая съ головы шапку, все кланялся и кланялся.

— Вотъ, Вася, первый твой товарищъ, который, дѣйствительно, симпатичный,—рѣшительно сказала сестра.

— Да, онъ ничего себѣ,—согласился Корневъ.

— У него сердце, какъ на ладонцѣ, ото другъ, а твой Долба только и глядитъ, якъ тый вивкъ по сторонамъ... Рыльскій важный: кто его знае, що тамъ въ середкѣ у него.

— И красивые глаза у него...
— Влюбись, тебѣ недолго.
— Да ужъ скорѣе, чѣмъ въ твоего Рыльскаго.
И сестра сдѣлала капризную, пренебрежительную гримасу.
— Ну, ну, дѣточки... раночки, раночки.

А Карташевъ шелъ, точно волна его несла: онъ думалъ о сестрѣ Корнева, цѣловалъ ея волосы, шею, называлъ умень-шительными именами и сильнѣе прижималъ къ своему боку два томика Писарева. Все было хорошо—и новое знаком-ство, и сестра Корнева, и Писаревъ. Сегодня же онъ постиг-нетъ премудрость, уже у него этотъ ключъ знанія того, что даетъ такую силу словамъ Корнева. И опять его мысли возвращались къ сестрѣ Корнева, и опять она смотрѣла на него, и онъ весь замиралъ подъ охватывающимъ его волне-ніемъ.

Ахъ, если бъ волшебной силой можно было разорвать всѣ путы, броситься къ ней и сказать: „Я люблю тебя, я твой до конца жизни! Видѣть тебя, смотрѣть въ твои глаза, цѣло-вать твои волосы, вотъ все счастье, вся радость моей жизни“.

Карташевъ вспомнилъ, какъ она переходила дорогу, вспо-мнилъ маленькій слѣдъ, отпечатлѣвшійся на землѣ отъ ея но-венькой резиновой калоши, и его къ слѣду ея потянуло такъ, что онъ самъ не зналъ, что̀ сильнѣе отпечатлѣлось въ его сердцѣ,—этотъ ли слѣдъ, или вся она, отнынѣ царица и мучительница его сердца.

III.

Мать и товарищи.

Дома Карташевъ умолчалъ и о Писаревѣ и о семействѣ Корнева. Пообѣдавъ, онъ заперся у себя въ комнатѣ и, завалившись на кровать, принялся за Писарева.

Раньше какъ-то онъ нѣсколько разъ принимался было за Бѣлинскаго, но тотъ никакого интереса въ немъ не вызы-валъ. Во-первыхъ, непонятно было, во-вторыхъ—все критика такихъ сочиненій, о которыхъ онъ не слыхалъ, а когда спра-шивалъ мать, то она говорила, что книги эти вышли уже изъ употребленія. Такъ ничего и не вышло изъ этого чтенія. Съ Писаревымъ дѣло пошло совсѣмъ иначе: на каждомъ шагу попадались знакомыя уже въ рѣчахъ корневской ком-паніи мысли, да и Писаревъ усвоялся гораздо легче, чѣмъ Бѣлинскій.

Когда Карташевъ вышелъ къ чаю, онъ ужъ чувствовалъ

себя точно другимъ человѣкомъ, точно вотъ одно платье сняли, а другое надѣли.

Принимался за Писарева, онъ уже рѣшилъ сдѣлаться его послѣдователемъ. Но когда началъ читать, то къ своему удовольствію убѣдился, что и въ тайникахъ души онъ раздѣляетъ его мнѣнія. Все было такъ ясно, такъ просто, что оставалось только запомнить получше—и конецъ. Карташевъ вообще не отличался усидчивостью, но Писаревъ захватилъ его. Мѣста, поражавшія его особенно, онъ перечитывалъ даже по два раза и повторялъ ихъ себѣ, отрываясь отъ книги. Ему доставляла особенно наслажденіе эта вдругъ появившаяся въ немъ усидчивость.

Иногда онъ наталкивался на что-нибудь, съ чѣмъ не соглашался, и рѣшилъ обратить на это вниманіе Корнева.

„Что жъ, что не согласенъ? Самъ Писаревъ говоритъ, что не желаетъ слѣпыхъ послѣдователей“.

Карташевъ чувствовалъ даже удовольствіе отъ мысли, что онъ не согласенъ съ Писаревымъ.

„Навѣрно, Корневу это будетъ непріятно“, — думалъ онъ.

На другой день, подъ предлогомъ нездоровья, онъ не пошелъ въ гимназію, слѣдующій день былъ воскресенье, а когда въ понедѣльникъ онъ наконецъ отправился въ классъ, то ужъ оба томика Писарева были исправно прочитаны.

Отъ матери не скрылось усиленное чтеніе сына, и она, войдя къ нему въ кабинетъ, нѣкоторое время смущенно разсматривала книгу.

Карташевъ внимательно наблюдалъ ее.

— Ты читала?— спросилъ онъ.

— Откуда ты взялъ?—спросила, въ свою очередь, мать.

— У товарища одного, Корнева.

— Читала,— сказала мать и задумалась.—Я хотѣла, чтобъ ты позже познакомился съ этой книгой.

— Я и такъ почти единственный въ классѣ, который не читалъ Писарева. Я думаю, и тебѣ непріятно, чтобъ твой сынъ, какъ дуракъ, мигалъ и хлопалъ глазами, когда другіе говорятъ умныя вещи...

— Мнѣ, конечно, это непріятно, но мнѣ еще непріятнѣе было бы, если бъ мой сынъ, какъ дуракъ, повторялъ чужія слова и мысли, не будучи въ силахъ самъ критически къ нимъ отнестись.

Карташевъ, ничего не говоря, подошелъ къ своему столу и взялъ исписанный листъ бумаги.

— Прочти... это тебѣ покажетъ, умѣю ли я критически относиться къ тому, что читаю.

— Это что?

— Это выписаны мѣста, съ которыми я не согласенъ.

Замѣтки были въ родѣ слѣдующаго:

„Я не могу согласиться насчетъ музыки, — онъ любилъ сигары, а я музыку“.

Мать подавила улыбку и проговорила:

— Читай.

— Знаешь, Корневъ сказалъ: „какъ это у тебя такая умная и развитая мать, и до сихъ поръ не дала тебѣ Писарева“.

Карташевъ любовался исподтишка смущеніемъ матери и ждалъ ея отвѣта.

— Корневу мать дала?

— Нѣтъ... у Корнева мать простая совсѣмъ.

— Ты видѣлъ ее?

— Я вотъ заходилъ, когда книги бралъ у него.

— Кто жъ у него еще?

— Сестра есть.

— Большая?

— Лѣтъ пятнадцати, вѣрно.

— Учится?

— Да, въ гимназіи. Мы ее и встрѣтили возлѣ гимназіи, когда шли... Вотъ Зина жалуется на меня, а посмотрѣла бы на Корнева...

— Что жъ, онъ обижаетъ сестру?

— Не обижаетъ, а воли ей надъ собой не даетъ.

— А надъ тобой кто жъ волю даетъ?

— Ну-у...

— Что жъ, Корневъ и къ тебѣ станетъ ходить, или ты только къ нему?

Карташевъ сдвинулъ брови.

— Я его не звалъ.

— Въ обществѣ, по крайней мѣрѣ, принято, что разъ ты бываешь, то и у тебя должны бывать.

— Какое жъ мы общество?

— Да ужъ разъ вамъ дѣло до Писарева, значитъ, вы взрослые.

— Писареву все равно, будутъ ли люди соблюдать разныя такія житейскія церемоніи, или нѣтъ,—усмѣхнулся Карташевъ.

— Вотъ ты какъ! Ну, а все-таки я бы тебя попросила,— пока ты у меня въ домѣ,—бывать только у тѣхъ, кто и тобой не пренебрегаетъ.

— Да за что же ему мной пренебрегать?

— А въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же онъ къ тебѣ не идетъ? Ты ужъ не маленькій и долженъ понимать, что самолюбіе

выше всего: разъ позволишь себѣ наступить на ногу—и конецъ,—на тебя всегда будутъ сверху внизъ смотрѣть.

— Да я увѣренъ, что онъ и придетъ ко мнѣ.

— Посмотримъ.

Послѣ первыхъ двухъ томовъ Писарева Карташевъ прочелъ еще нѣсколько другихъ, заглянулъ въ Добролюбова, просмаковалъ введеніе Бокля, читалъ Щапова и запомнилъ, что первичное племя, населявшее Россію, было курганное и черепъ имѣло субликоцефалическій.

Отношенія Корнева и Карташева измѣнились: хотя споры не прекращались и носили на себѣ все тотъ же страстный, жгучій характеръ, но въ отношенія вкралось равенство. Карташева стала приглашать партія Корнева на свои вечера: Карташевъ потянулъ за собой и свою компанію. Даже Семеновъ примирился, бывалъ на чтеніяхъ и убѣдился, что тамъ не происходитъ ничего, за что могло бы послѣдовать исключеніе кого бы то ни было изъ гимназіи.

Берендя тоже съ жаромъ и страстностью набросился на чтеніе и постепенно пріобрѣлъ нѣкоторое уваженіе въ кружкѣ, какъ человѣкъ начитанный, съ громадной памятью, какъ ходячая энциклопедія всевозможныхъ знаній.

Иногда, если у компаніи хватало терпѣнія, его дослушивали до конца, и тогда изъ тумана высокопарныхъ словъ выплывала какая-нибудь оригинальная, обобщенная и обоснованная мысль.

Корневъ тогда задумывался, грызъ ногти и пытливо заглядывалъ ему въ глаза, пока высокій Берендя, въ позѣ танцора, подымаясь еще выше на носки и осторожно прижимая руки къ груди, спѣшно выкладывалъ передъ всѣми свои соображенія.

Только въ глазахъ Вервицкаго Берендя сохранилъ свой прежній видъ дурня и растеряхи въ практической жизни. Впрочемъ, такимъ онъ и былъ въ общежитейскихъ отношеніяхъ: былъ на счету у начальства неспособнымъ, имѣлъ плохія отмѣтки, по математикѣ изъ двойки не вылѣзалъ и только по исторіи имѣлъ круглую пятерку. Исторію, и особенно русскую, онъ любилъ до болѣзни. Обладая громадною памятью, онъ помнилъ всѣ года и перечиталъ массу историческихъ русскихъ книгъ.

Барометръ товарищескихъ отношеній — Долба — снисходительно трепалъ Берендю по плечу и добродушно говорилъ:

— Бокль не Бокль, а дай же, Боже, щобъ наше теля да вивка съило.

Аглаида Васильевна добилась наконецъ своего. Однажды Карташевъ послѣ долгихъ колебаній (онъ все боялся, что не захотятъ къ нему прійти) пригласилъ къ себѣ Корнева, Рыльскаго, Долбу и прежнихъ своихъ пріятелей Семенова, Вервицкаго и Берендю.

Прежніе пріятели уже собрались и пили вечерній чай за большимъ семейнымъ столомъ, когда раздался звонокъ, и въ переднюю ввалились вновь прибывшіе. Они раздѣвались, переглядывались между собою и громко перебрасывались словами.

Рыльскій, прежде чѣмъ войти, вынулъ чистенькій гребешочекъ, причесалъ имъ свои и безъ того гладкіе, мягкіе, золотистые волосы, оправилъ pince-nez, весело покосился на замѣчаніе Корнева: „хорошъ“, проговорилъ: „рыло“, и первый вошелъ въ гостиную. Увидѣвъ общество въ другой комнатѣ, онъ увѣренно направился туда.

За нимъ вошелъ Корневъ, невозможно перекосивъ лицо и съ какимъ-то особенно глубокомысленнымъ, сосредоточеннымъ видомъ.

Сзади всѣхъ, покачиваясь, съ оттѣнкомъ какого-то пренебреженія и въ то же время конфузливости, шелъ Долба, потирая руки и ежась, точно ему было холодно.

Карташевъ вышелъ въ гостиную навстрѣчу гостямъ и сконфуженно пожалъ имъ руки. Нѣсколько мгновеній онъ стоялъ передъ своими гостями, а гости стояли передъ нимъ, не зная, что̀ съ собою дѣлать.

— Тёма, веди своихъ гостей въ столовую!—выручила мать.

Раскланиваясь передъ Аглаидой Васильевной, Рыльскій шаркнулъ, наклонилъ голову и, вѣжливо еще разъ поклонившись, пожалъ протянутую ему руку. Корневъ слилъ все въ одномъ поклонѣ, сжалъ крѣпко руку, низко наклонилъ голову и еще больше перекосилъ лицо. Долба размашисто наклонился и послѣ ложатія, поднимая голову, энергично тряхнулъ волосами, и они, разлетѣвшись вѣеромъ, опять улеглись на свои мѣста.

— Очень пріятно, очень рада, господа, познакомиться,— говорила Аглаида Васильевна, привѣтливо и внимательно окидывая взглядомъ гостей.

Карташевъ въ это время весь превратился въ зрѣніе и, по своей впечатлительности, не замѣчалъ, какъ онъ и самъ кланялся, когда представлялись его товарищи.

— Ты, чѣмъ кланяться, представь-ка лучше сестрѣ,— посовѣтовалъ добродушно Рыльскій, смотрѣвшій въ это время на сестру Карташева въ нерѣшительномъ ожиданіи, когда его представятъ.

Зинаида Николаевна весело разсмѣялась, Рыльскій тоже,— и все сразу получило какой-то непринужденный, свободный характеръ.

Рыльскій сѣлъ возлѣ Зинаиды Николаевны, смѣялся, острилъ; ему помогалъ Семеновъ. Корневъ завелъ серьезный разговоръ съ Аглаидой Васильевной. Долба разговаривалъ съ Карташевымъ, Вервицкій и Берендя молча слушали.

Зинаида Николаевна, уже семнадцатилѣтняя барышня, въ послѣднемъ классѣ гимназіи, ожидавшая гостей брата съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ, раскраснѣлась, разговорилась, и мать съ удовольствіемъ подмѣтила въ своей дочери способность и занимать гостей и умѣть нравиться безъ всякихъ шокирующихъ манеръ. Все въ ней было просто до скромности, но какъ-то естественно-изящно: поворотъ головы, смущенье, манера опускать глаза — все удовлетворяло требовательную Аглаиду Васильевну. Зато Тёма оставлялъ желать многаго: онъ конфузился, разбрасывался, не зная, что̀ дѣлать со своими руками, и невыносимо горбился.

Корневъ еще хуже горбился. Зато Рыльскій держалъ себя безукоризненно. Его поклоны и манеры обворожили всѣхъ. Долба производилъ какое-то болѣзненное впечатлѣніе желаніемъ чѣмъ-нибудь, какъ-нибудь выдвинуться. У Семенова была видна домашняя дрессировка. Вервицкій и Берендя были для Аглаиды Васильевны старые знакомые медвѣжата.

Общество перешло въ гостиную. Аглаида Васильевна, пропустивъ всѣхъ, мысленно опредѣляла мѣсто своего сына въ обществѣ его товарищей.

Зинаида Николаевна сѣла за рояль, Семеновъ принялся открывать свою скрипку. Рыльскій сталъ возлѣ рояля, Корневъ и Долба съ кислой физіономіей ходили вдоль оконъ и посматривали по сторонамъ. Корневъ жалѣлъ, что пришелъ и теряетъ вечеръ въ неинтересной для него обстановкѣ.

Аглаида Васильевна ушла и возвратилась, держа за руку Наташу.

Стройная пятнадцатилѣтняя Наташа, вся разгорѣвшись, смотрѣла своими глубокими большими глазами такъ, какъ смотрятъ въ пятнадцать лѣтъ на такое крупное событіе, какъ первое знакомство съ такимъ большимъ обществомъ. Она какъ-то и довѣрчиво, и неувѣренно, и робко протягивала свою изящную ручку гостямъ. Ея густые волосы были заплетены въ одну толстую косу сзади.

Появленіе ея было встрѣчено общимъ удовольствіемъ: она сразу произвела впечатлѣніе. Корневъ впился въ нее глазами

и энергично принялся за свои ногти. Лучистые глаза Беренди стали еще лучистѣе.

Зина мелькомъ окинула сестру, гостей, и удовольствіе пробѣжало по ея лицу. Ей былъ пріятенъ и эффектный выходъ сестры, и можетъ-быть, и то, что Семеновъ и Рыльскій остались при ней. Это она почувствовала сразу по свойству женской натуры. Почувствовала это и мать и, оставивъ дочь возлѣ Корнева, принялась за Долбу.

Долба горячо и увѣренно говорилъ съ ней о притѣсненіяхъ урядниковъ въ деревнѣ. Аглаида Васильевна никогда не предполагала, чтобы урядники были такимъ зломъ. У нея у самой имѣніе... Онъ самъ откуда? Недалеко отъ ея имѣнія? Вотъ какъ! Очень пріятно. Лѣтомъ, она надѣется...

— Очень пріятно, — говорилъ Долба, смѣялся и шаркалъ ногами.

Только онъ вѣдь медвѣдь, простой деревенскій медвѣдь, онъ боится быть скучнымъ, неинтереснымъ гостемъ.

Аглаида Васильевна на мгновеніе опустила глаза, легкая усмѣшка пробѣжала по ея лицу, она посмотрѣла на сына и заговорила о томъ, какъ быстро идетъ время и какъ странно ей видѣть такимъ большимъ своего сына. Онъ совсѣмъ почти большой, шутка сказать, черезъ какихъ-нибудь два года уже въ университетѣ. Долба слушалъ, смотрѣлъ на Аглаиду Васильевну и весело думалъ: — „ловкая баба“.

Семеновъ устроился, наладился, вытянулъ руку, и по залѣ понеслись твердые звуки скрипки вперемежку съ мягкой, мелодичной игрой Зинаиды Николаевны.

— Хорошо Зинаида Николаевна играетъ, — похвалилъ Рыльскій.

Зинаида Николаевна вспыхнула, а Семеновъ сосредоточенно кивнулъ головой, продолжая выводить ровные твердые звуки.

— А вы играете?—спросилъ Корневъ, заглядывая въ глаза Наташи.

— Плохо, — робко, обжигая взглядомъ, отвѣтила Наташа такъ, какъ будто просила извиненія у Корнева.

Корневъ опять принялся за ногти и чувствовалъ себя особенно хорошо.

Вечеръ прошелъ незамѣтно и оживленно. Аглаида Васильевна съ большимъ тактомъ сумѣла позаботиться о томъ, чтобы никому не было скучно; было и свободно, но въ то же время чувствовалась какая-то незамѣтная, хотя и пріятная рука.

Съ пріѣздомъ послѣдняго гостя, Дарсье, сразу очаровавшаго всѣхъ непринужденностью своихъ изящныхъ манеръ, совершенно неожиданно вечеръ закончился танцами: танцо-

вали Дарсье, Рыльскій и Семеновъ. Даже танцовали мазурку, причемъ Рыльскій прошелся такъ, что вызвалъ общій восторгъ.

Наташа сперва не хотѣла танцовать.

— Отчего же?—иронически убѣждалъ ее Корневъ.—Вамъ это необходимо... Вотъ года черезъ три начнете выѣзжать, тамъ... ну, какъ все это водится.

— Я не люблю танцевъ,—отвѣчала Наташа,—и никогда выѣзжать не буду.

— Вотъ какъ... отчего жъ это?

— Такъ... не люблю...

Но, въ концѣ концовъ, и Наташа пошла танцовать.

Ея тоненькая, стройная фигурка двигалась неувѣренно по залѣ, торопливо забѣгая впередъ, а Корневъ смотрѣлъ на нее и сосредоточеннѣе обыкновеннаго грызъ свои ногти.

— Н-да...—протянулъ онъ разсѣянно, когда Наташа опять сѣла возлѣ него.

— Что̀ да?—спросила она.

— Ничего,—нехотя отвѣтилъ Корневъ.

Помолчавъ, онъ сказалъ:

— Я все вотъ хотѣлъ понять, въ чемъ тутъ удовольствіе въ танцахъ... Я, собственно, не противъ движеній еще болѣе дикихъ, но... это удобно на воздухѣ гдѣ-нибудь, лѣтомъ... знаете, находитъ вотъ этакое настроеніе шестимѣсячнаго теленка... видали, можетъ, какъ, поднявши хвостъ... Кажется, я употребляю выраженія, непринятыя въ порядочномъ обществѣ...

— Что̀ тутъ непринятаго?

— Тѣмъ лучше въ такомъ случаѣ... Такъ вотъ и я иногда бываю въ такомъ настроеніи...

— Бываетъ, бываетъ,—вмѣшался Долба,—и тогда мы его привязываемъ на веревку и бьемъ.

Долба показалъ, какъ они бьютъ, и залился своимъ мелкимъ смѣхомъ. Но, замѣтивъ, что Корневу что-то не понравилось, онъ смутился и дѣловымъ и въ то же время фамильярнымъ голосомъ спросилъ:

— Послушай, братъ, не пора ли намъ и убираться?

— Рано еще,—вскинула глазами Наташа на Корнева.

— Да что̀ тебѣ,—отвѣтилъ Корневъ:—сидишь и сиди.

— Ну что̀ жъ: кутить такъ кутить...

Корневъ не жалѣлъ больше о потерянномъ вечерѣ.

Уже когда собирались расходиться, Беренди вдругъ выразилъ желаніе сыграть на скрипкѣ и сыгралъ такъ, что Корневъ шепнулъ Долбѣ:

— Ну, если бъ теперь луна да лѣто: тутъ бы всѣ и пропали...

На обратномъ пути всѣ были подъ обаяніемъ проведеннаго вечера.

— Да вѣдь маменька-то, чортъ побери, — кричалъ Долба: — старшая сестра: глаза-то, глаза. Ахъ, чортъ... глаза у нихъ у всѣхъ...

— Ахъ, умная баба, — говорилъ Корневъ. — Ну, баба...

— Да-да... — соглашался Рыльскій. — Нашъ-то подъ каблучкомъ.

— Та-а-кая тюря!

И Долба, присѣдая, залился своимъ мелкимъ смѣхомъ. Ему вторилъ веселый молодой хохотъ остальной компаніи и далеко разносился по сонным улицамъ города.

У Карташевыхъ долго еще сидѣли въ этотъ вечеръ. Въ гостиной продолжали горѣть лампы подъ абажурами, мягко оттѣняя обстановку. Зина, Наташа и Тёма сидѣли, полные ощущеній вечера и гостей, которые еще чувствовались въ комнатахъ.

Зина хвалила Рыльскаго, его манеру, его находчивость, остроуміе; Наташѣ нравился Корневъ и даже его манера грызть ногти. Тёмѣ нравилось все, и онъ жадно ловилъ всякій отзывъ о своихъ товарищахъ.

— У Дарсье и Рыльскаго больше другихъ видно вліяніе порядочной семьи, — говорила Аглаида Васильевна.

Карташевъ слушалъ, и въ первый разъ съ этой стороны освѣщались предъ нимъ его товарищи: до сихъ поръ мѣрило было другое, и между ними всѣми всегда выдвигался и царилъ Корневъ.

— У Семенова натянутость нѣкоторая, — продолжала Аглаида Васильевна.

— Мама, ты замѣтила, какъ Семеновъ ходитъ? — быстро спросила Наташа и, немного разставивъ руки, вывернувъ носки внутрь, она пошла, вся поглощенная стараніемъ добросовѣстно представить себѣ въ этотъ моментъ Семенова.

— А твой Корневъ вотъ такъ грызетъ ногти! — и Зина каррикатурно сгорбилась въ три погибели, изображая Корнева.

Наташа внимательно, съ какой-то тревогой слѣдила за Зиной и вдругъ, весело разсмѣявшись, откидывая свою косу, сказала:

— Нѣтъ, не похоже...

Она рѣшительно остановилась.

— Вотъ...

Она немного согнулась, уставила глаза въ одну точку и

раздумчиво поднесла свой маленькій ноготокъ къ губамъ: Корневъ, какъ живой, появился между разговаривавшими.

Зина вскрикнула: „Ахъ, какъ похоже!“. Наташа весело разсмѣялась и сразу сбросила съ себя маску.

— Надо, Тёма, стараться держать себя лучше, — сказала Аглаида Васильевна: — ты страшно горбишься... Могъ бы быть эффектнѣе всѣхъ своихъ товарищей.

— Вѣдь Тёма, если бъ хорошо держался, былъ бы очень представительный... — подтвердила Зина. — Что жъ, правду сказать, онъ очень красивъ: глаза, носъ, волосы...

Тёма конфузливо горбился, слушалъ съ удовольствіемъ и въ то же время непріятно морщился.

— Ну, что ты, Тёма, точно маленькій, право... — замѣтила Зина. — Но все это у тебя, какъ начнешь горбиться, точно пропадаетъ куда-то... Глаза дѣлаются просительными, точно вотъ-вотъ копеечку попросишь...

Зина разсмѣялась. Тёма всталъ и заходилъ по комнатѣ. Онъ мелькомъ взглянулъ на себя въ зеркало, отвернулся, пошелъ въ другую сторону, незамѣтно выпрямился и, направившись снова къ зеркалу, мелькомъ заглянулъ въ него.

— А какъ ловко танцовать съ Рыльскимъ! — воскликнула Зина. — Не чувствуешь совсѣмъ...

— А съ Семеновымъ я все сбивалась, — сказала Наташа.

— Семенову непремѣнно надо отъ двери начинать. Онъ ничего-себѣ танцуетъ... съ нимъ удобно... только ему надо начать... Дарсье отлично танцуетъ.

— У тебя очень милая манера, — бросила мать Зинѣ.

— Наташа тоже очень хорошо танцуетъ, — похвалила Зина, — только немножко забѣгаетъ...

— Я совсѣмъ не умѣю, — отвѣтила Наташа, покраснѣвъ.

— Нѣтъ, ты очень мило, только торопиться не надо... Ты какъ-то всегда прежде кавалера начинаешь... Вотъ, Тёма, не хотѣлъ учиться танцовать, — закончила Зина, обращаясь къ брату, — а теперь бы тоже танцовалъ, какъ Рыльскій.

— А ты бы могъ хорошо танцовать, — сказала Аглаида Васильевна.

У Тёмы въ воображеніи представился онъ самъ, танцующій, какъ Рыльскій: онъ даже почувствовалъ его pince-nez на своемъ носу, оправился и усмѣхнулся.

— Вотъ ты въ эту минуту на Рыльскаго былъ похожъ, — воскликнула Зина и предложила: — Давай, Тёма, я тебя сейчасъ выучу польку. Мама, играй.

И неожиданно, подъ музыку Аглаиды Васильевны, началась дрессировка молодого медвѣжонка.

— Разъ, два, три, разъ, два, три! — отсчитывала Зина, приподнявъ кончикъ платья и продѣлывая передъ Тёмой па польки.

Тёма конфузливо и добросовѣстно подпрыгивалъ. Наташа, сидя на диванѣ, смотрѣла на брата, и въ ея глазахъ отражались и его конфузливость, и жалость къ нему, и какое-то раздумье, а Зина только изрѣдка улыбалась, рѣшительно поворачивая брата за плечи, и приговаривала:

— Ну, ты, медвѣжонокъ!

— Ой, ой, ой! Четверть перваго: спать, спать! — заявила Аглаида Васильевна, поднявшись со стула, и, осторожно опустивъ крышку рояля, потушила свѣчи.

Жизнь шла своимъ чередомъ. Компанія ходила въ классъ, кое-какъ готовила свои уроки, собиралась другъ у друга и усиленно читала, то вмѣстѣ, то каждый порознь.

Карташевъ не отставалъ отъ другихъ. Если для Корнева чтеніе было врожденною потребностью въ силу желанія осмыслить себѣ окружающую жизнь, — то для Карташева чтеніе явилось единственнымъ путемъ выйти изъ того тяжелаго положенія „неуча“, въ какомъ онъ себя чувствовалъ.

Какой-нибудь Яковлевъ, первый ученикъ, ничего тоже не читалъ, былъ тоже „неучъ“, но Яковлевъ, во-первыхъ, обладалъ способностью скрывать свое невѣжество, а во-вторыхъ, его пассивная натура и не толкала его никуда. Онъ стоялъ у того окошечка, которое прорубали ему другіе, и никуда его больше и не тянуло. Страстная натура Карташева, напротивъ, толкала его такъ, что нерѣдко дѣйствія его получали совершенно непроизвольный характеръ. Съ такой натурой, съ потребностью дѣйствовать, создавать или разрушать — плохо живется полуобразованнымъ людямъ: demi-instruit — double sot, — говорятъ французы, и Карташевъ достаточно получилъ ударовъ на свою долю отъ корневской компаніи, чтобъ не стремиться страстно, въ свою очередь, выйти изъ потемокъ, окружавшихъ его. Конечно, и читая, по множеству вопросовъ онъ былъ еще, можетъ-быть, въ бо́льшемъ туманѣ, чѣмъ раньше, но онъ уже зналъ, что онъ въ туманѣ, зналъ путь, какъ выбираться ему понемногу изъ этого тумана. Кое-что ужъ было и освѣщено. Онъ съ удовольствіемъ жалъ руку простого человѣка, и сознаніе равенства не гнело его, какъ когда-то, а доставляло наслажденіе и гордость. Онъ не хотѣлъ носить больше цвѣтныхъ галстуковъ, брать съ туалета матери одеколонъ, чтобъ надушиться, мечтать о лакированныхъ ботинкахъ. Ему даже доставляло

теперь особенное удовольствіе неряшество въ костюмѣ. Онъ съ восторгомъ прислушивался, когда Корневъ, считая его своимъ уже, дружески хлопалъ его по плечу и говорилъ за него на упрекъ его матери:

— Куда намъ съ суконнымъ рыломъ!

Карташевъ въ эту минуту былъ бы очень радъ имѣть самое настоящее суконное рыло, чтобъ только не походить на какого-нибудь франтоватаго Неручева, ихъ сосѣда по имѣнію.

Компанія послѣ описаннаго вечера, какъ ни весело провела время, избѣгала подъ разными предлогами собираться въ домѣ Аглаиды Васильевны. Аглаиду Васильевну это огорчало, огорчало и Карташева, но онъ шелъ туда, куда шли всѣ.

— Нѣтъ, я не сочувствую вашимъ вечерамъ, — говорила Аглаида Васильевна: — учишься ты плохо, для семьи сталъ чужимъ человѣкомъ.

— Чѣмъ же я чужой? — спрашивалъ Карташевъ.

— Всѣмъ... Прежде ты былъ любящимъ, простымъ мальчикомъ, теперь ты чужой... ищешь недостатки у сестеръ.

— Гдѣ же я ихъ ищу?

— Ты нападаешь на сестеръ, смѣешься надъ ихъ радостями.

— Я вовсе не смѣюсь, но если Зина видитъ свою радость въ какомъ-нибудь платьѣ, то мнѣ, конечно, смѣшно.

— А въ чемъ же ей видѣть радость? Она учитъ уроки, идетъ первой и полное право имѣетъ радоваться новому платью.

Карташевъ слушалъ, и въ душѣ ему было жаль Зины. Въ самомъ дѣлѣ: пусть радуется своему платью, если оно радуетъ ее. Но за платьемъ шло что-нибудь другое, за этимъ опять свое, и вся сѣть условныхъ приличій снова охватывала и оплетала Карташева до тѣхъ поръ, пока онъ не возставалъ.

— У тебя все принято, не принято, — горячо говорилъ онъ сестрѣ, — точно міръ отъ этого развалится, а все это ерунда, ерунда, ерунда... яйца выѣденнаго не стоитъ. Корнева ни о чемъ этомъ не думаетъ, а дай Богъ, чтобъ всѣ такія были.

— О-о-о! Мама! Что онъ говоритъ?! — всплескивала руками Зина.

— Чѣмъ же Корнева такъ хороша? — спрашивала Аглаида Васильевна. — Учится хорошо?

— Что жъ учится? Я и не знаю, какъ она учится.

— Да плохо учится, — съ сердцемъ пояснила Зина.

— Тѣмъ лучше, — пренебрежительно пожималъ плечами Карташевъ.

— Гдѣ же предѣлъ этого лучше? — спрашивала Аглаида Васильевна: — быть за неспособность выгнанной изъ гимназіи?

— Это крайность: надо учиться середка на половинку.

— Значитъ, твоя Корнева середка на половинку, — вставляла Зина: — ни рыба ни мясо, ни теплое ни холодное — фи, гадость!

— Да это никакого отношенія не имѣетъ ни къ холодному ни къ теплому.

— Очень много имѣетъ, мой милый, — говорила Аглаида Васильевна. — Я себѣ представляю такую картину: учитель вызываетъ: Корнева! — Корнева выходитъ.—Отвѣчайте! — Я не знаю урока. — Корнева идетъ на мѣсто. Лицо у нея при этомъ сіяетъ. Во всякомъ случаѣ, вѣроятно, довольное, пошлое. Нѣтъ достоинства!

Аглаида Васильевна говоритъ выразительно, и Карташеву непріятно и тяжело: мать сумѣла въ его глазахъ унизить Корневу.

— Она много читаетъ? — продолжаетъ мать.

— Ничего она не читаетъ.

— И не читаетъ даже...

Аглаида Васильевна вздохнула.

— По-моему, — грустно говоритъ она, — твоя Корнева пустенькая дѣвчонка, къ которой только потому нельзя относиться строго, что некому указать ей на ея пустоту.

Карташевъ понимаетъ, на что намекаетъ мать, и, скрѣпя сердце, принимаетъ вызовъ.

— У нея мать есть.

— Перестань, Тёма, говорить глупости, — авторитетно останавливаетъ мать. — Ея мать такая же неграмотная, какъ наша Таня. Я сегодня тебѣ одѣну Таню, и она будетъ такая же, какъ и мать Корнева. Она, можетъ-быть, очень хорошая женщина, но и эта самая Таня при всѣхъ своихъ достоинствахъ все-таки имѣетъ недостатки своей среды, и вліяніе ея на свою дочь не можетъ быть безслѣднымъ. Надо умѣть различать порядочную, воспитанную семью отъ другой. Не для того дается образованіе, чтобъ, въ концѣ концовъ, смѣшать въ кашу все то, что въ тебя вложено поколѣніями.

— Какими поколѣніями? Всѣ отъ Адама.

— Нѣтъ, ты умышленно самъ себя обманываешь; твои понятія о чести тоньше, чѣмъ у Еремѣя. Для него недоступно то, что понятно тебѣ.

— Потому что я образованнѣе.

— Потому что ты воспитаннѣе... Образованіе — одно, а воспитаніе—другое.

Пока Карташевъ задумывался передъ этими новыми барьерами, Аглаида Васильевна продолжала:

— Тёма, ты на скользкомъ пути, и если твои мозги сами не будутъ работать, то никто тебѣ не поможетъ. Можно выйти пустоцвѣтомъ, можно дать людямъ обильную жатву... Только ты самъ и можешь помочь себѣ, и тебѣ больше, чѣмъ кому-нибудь, грѣхъ: у тебя семья такая, какой другой ты не найдешь. Если въ ней ты не почерпнешь силъ для разумной жизни, то нигдѣ и никто ихъ не дастъ тебѣ.

— Есть что-то выше семьи: общественная жизнь.

— Общественная жизнь, мой милый, это залъ, а семья— это тѣ камни, изъ которыхъ сложенъ этотъ залъ.

Карташевъ прислушивался къ такимъ разговорамъ матери, какъ удаляющійся путникъ слушаетъ звонъ роднаго колокола. Онъ звенитъ и будитъ душу, но путникъ идетъ своей дорогой.

Карташеву и самому теперь пріятно было, что не у него собирается компанія. Онъ любилъ мать, сестеръ, признавалъ всѣ ихъ достоинства, но душа его рвалась туда, гдѣ весело и беззаботно авторитетная для самихъ себя компанія жила жизнью, какой хотѣла жить. Утромъ гимназія, послѣ обѣда уроки, а вечеромъ собранія. Не для пьянства, не для кутежа, а для чтенія. Аглаида Васильевна, скрѣпя сердце, отпускала сына.

Карташевъ уже разъ навсегда завоевалъ себѣ это право.

— Я не могу жить, чувствуя себя ниже другихъ,—сказалъ онъ матери съ силой и выразительностью:—а если меня заставятъ жить иной жизнью, то я сдѣлаюсь негодяемъ: я разобью свою жизнь...

— Пожалуйста, не запугивай, потому что я не изъ пугливыхъ!

Но тѣмъ не менѣе съ тѣхъ поръ Карташевъ, уходя изъ дому, только заявлялъ:

— Мама, я иду къ Корневу.

И Аглаида Васильевна обыкновенно съ непріятнымъ ощущеніемъ только кивала головой.

IV.

Гимназія.

Въ гимназіи было веселѣе, чѣмъ дома, хотя гнетъ и требованія гимназіи были тяжелѣе, чѣмъ требованія семьи. Но

тамъ жизнь шла на людяхъ. Въ семьѣ каждаго интересъ былъ только его, а тамъ гимназія связывала интересы всѣхъ. Дома борьба шла глазъ на глазъ, и интереса въ ней было мало: всѣ новаторы, каждый порознь, въ своей семьѣ чувствовали свое безсиліе; въ гимназіи чувствовалось такое же безсиліе, но тутъ работа шла сообща, былъ полный просторъ критики, и никому не дороги были тѣ, кого разбирали. Тутъ можно было безъ оглядки, чтобъ не задѣть больного чувства того или другого изъ компаніи, примѣривать тотъ теоретическій масштабъ, который постепенно вырабатывала себѣ компанія.

Съ точки зрѣнія этого масштаба и относилась компанія ко всѣмъ явленіямъ гимназической жизни и ко всѣмъ тѣмъ, кто представлялъ собою начальство гимназіи.

Съ этой точки зрѣнія одни заслуживали вниманія, другіе уваженія, третьи ненависти и четвертые наконецъ не заслуживали ничего, кромѣ пренебреженія. Къ послѣднимъ относились всѣ тѣ, у которыхъ въ головѣ, кромѣ механическихъ своихъ обязанностей, ничего другого не было. Ихъ называли „амфибіями“. Добрая амфибія—надзиратель Иванъ Ивановичъ, мстительная амфибія — учитель математики; не добрыя и не злыя: инспекторъ, учителя иностранныхъ языковъ, задумчивые и мечтательные, въ цвѣтныхъ галстукахъ, гладко причесанные. Они, казалось, сами сознавали свое убожество, и только на экзаменахъ ихъ фигуры обрисовывались на мгновеніе рельефнѣе, чтобъ затѣмъ снова исчезнуть съ горизонта до слѣдующаго экзамена. Все того же директора любили и уважали, хотя и считали его горячкой, способнымъ сгоряча надѣлать много безтактностей. Но какъ-то не обижались на него въ такія минуты и охотно забывали его рѣзкости. Центромъ вниманія компаніи были четверо: учитель латинскаго языка въ младшихъ классахъ Хлоповъ, учитель латинскаго языка въ ихъ классѣ Дмитрій Петровичъ Воздвиженскій, учитель словесности Митрофанъ Семеновичъ Козарскій и учитель исторіи Леонидъ Николаевичъ Шатровъ.

Молодого учителя латинскаго языка Хлопова, преподававшаго въ низшихъ классахъ, не любили всѣ въ гимназіи. Не было большаго удовольствія у старшеклассниковъ, какъ толкнуть нечаянно этого учителя и бросить ему презрительно: „виноватъ“, или подарить его соотвѣтственнымъ взглядомъ. А когда онъ пробѣгалъ торопливо по коридору, красный, въ синихъ очкахъ, съ устремленнымъ впередъ взглядомъ, то всѣ, стоя у дверей своего класса, старались смотрѣть на него какъ

можно нахальнѣе, и даже самый тихій первый ученикъ Яковлевъ, раздувая ноздри, говорилъ, не стѣсняясь, услышатъ его или нѣтъ:

— Это онъ красный оттого, что насосался кровью своихъ жертвъ.

А маленькія жертвы, плача и обгоняя другъ друга послѣ каждаго урока, высыпали за нимъ въ коридоръ и напрасно молили о пощадѣ.

Насытившійся единицами и двойками учитель только водилъ своими опьяненными глазами и спѣшилъ, не говоря ни одного слова, скрыться въ учительскую.

Нельзя сказать, чтобъ это былъ злой человѣкъ, но вниманіемъ его пользовались исключительно оторопѣлые, и по мѣрѣ того, какъ эти жертвы подъ его опекой пугались все больше и больше, Хлоповъ дѣлался все нѣжнѣе къ нимъ. И тѣ, въ свою очередь, благоговѣли передъ нимъ и въ порывѣ экстаза цѣловали ему руки. Хлоповъ и между учителями не пользовался симпатіей, и кто изъ учениковъ заглядывалъ во время рекреаціи въ щелку учительской, всегда видѣлъ его одиноко бѣгающимъ изъ угла въ уголъ, съ краснымъ возбужденнымъ лицомъ, съ видомъ обиженнаго человѣка.

Онъ говорилъ быстро и слегка заикаясь. Несмотря на молодость, у него уже было порядочно отвислое брюшко.

Маленькія жертвы, умѣвшія плакать передъ нимъ и цѣловать его руки, за глаза, пораженныя, вѣроятно, несоотвѣтственностью его брюшка, называли его „беременной сукой“.

Въ общемъ это былъ тиранъ—убѣжденный и самолюбивый, про котораго разсказывали, что на юбилеѣ Каткова, когда того качали, онъ такъ подвернулся, что Катковъ очутился сидящимъ на его спинѣ. Такъ и звали его поэтому въ старшихъ классахъ: Катковскій оселъ.

Учитель словесности, Митрофанъ Семеновичъ Козарскій, былъ маленькій мрачный человѣкъ со всѣми признаками злой чахотки. На головѣ у него была цѣлая куча нечесанныхъ, спутанныхъ курчавыхъ волосъ, въ которые онъ то и дѣло желчно запускалъ свою маленькую, съ пальцами врозь, руку. Онъ всегда носилъ темныя дымчатыя очки, и только изрѣдка, когда снималъ ихъ, чтобы протереть, ученики видѣли маленькіе сѣрые, злые, какъ у цѣпной собаки, глаза. Онъ и рычалъ какъ-то по-собачьи. Трудно было заставить его улыбнуться, но, когда онъ улыбался, еще труднѣе было признать это за улыбку, точно кто насильно растягивалъ ему ротъ, а онъ всѣми силами этому противился. Ученики хотя и боялись

его и зубрили исправно разныя древнія славянскія красоты, но и пытались заигрывать съ нимъ.

Такое заигрываніе рѣдко сходило даромъ.

Однажды, какъ только кончилась перекличка, Карташевъ, считавшій своею обязанностью во всемъ сомнѣваться, что, впрочемъ, выходило у него немного насильственно, всталъ и рѣшительнымъ, взволнованнымъ голосомъ обратился къ учителю.

— Митрофанъ Семеновичъ! Для меня непонятно одно обстоятельство въ жизни Антонія и Ѳеодосія.

— Какое-съ?—сухо насторожился учитель.

— Я боюсь спросить васъ, такъ оно несообразно.

— Говорите-съ.

Козарскій нервно подперъ рукою подбородокъ и впился въ Карташева.

Карташевъ поблѣднѣлъ и, не сводя съ него глазъ, высказалъ, хотя и путанно, но въ одинъ залпъ, свои подозрѣнія въ томъ, что въ назначеніи боярина Ѳедора было пристрастіе.

По мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, брови учителя подымались все выше и выше. Карташеву казалось, что на него смотрятъ не очки, а темныя впадины чьихъ-то глазъ, страшныхъ и таинственныхъ. Ему вдругъ сдѣлалось жутко отъ своихъ собственныхъ словъ. Онъ ужъ радъ былъ бы и не говорить ихъ, но все было сказано, и Карташевъ, замолчавъ, подавленный, растерянный, глупымъ, испуганнымъ взглядомъ продолжалъ смотрѣть въ страшныя очки. А учитель все молчалъ, все смотрѣлъ, и только ядовитая гримаса сильнѣе кривила его губы.

Густой румянецъ залилъ щеки Карташева, и мучительный стыдъ охватилъ его. Наконецъ Митрофанъ Семеновичъ заговорилъ тихо, размѣренно, и слова его закапали, какъ кипятокъ, на голову Карташева:

— До какой гадости... до какой пошлости можетъ довести человѣка желанье вѣчно оригинальничать...

Классъ завертѣлся въ глазахъ Карташева. Половина словъ пролетѣла мимо, но довольно было и тѣхъ, которыя попали въ его уши. Ноги его подкосились, и онъ сѣлъ, наполовину не сознавая себя. Учитель нервно, желчно закашлялся и схватился своей маленькой, растопыренной рукой за впалую грудь. Когда припадокъ прошелъ, онъ долго молча ходилъ по классу.

— Въ свое время въ университетѣ съ вами подробно коснутся того печальнаго явленія въ нашей литературѣ, которое вызвало и вызываетъ такое шутовское отношеніе къ жизни.

Намекъ былъ слишкомъ ясенъ и слишкомъ обиднымъ показался для Корнева.

— Исторія намъ говоритъ,—не утерпѣлъ онъ, блѣднѣя и подымаясь съ перекосившимся лицомъ,—что многое изъ того, что̀ современникамъ казалось шутовскимъ и не стоящимъ вниманія, въ дѣйствительности оказывалось совсѣмъ другимъ.

— Ну-съ, а это не окажется, — круто повернулъ къ нему свои темныя очки учитель.—И не окажется по тому по самому, что это—исторія, а не передержка. Ну-съ, во всякомъ случаѣ, это не современная тема. Что̀ задано?

Учитель погрузился въ книгу, но сейчасъ же оторвался и снова заговорилъ:

— Мальчишеству нѣтъ мѣста въ исторіи. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ жившій поэтъ для пониманія требуетъ знанія эпохи, а не выдергиванья его изъ нея и привлеченія въ качествѣ подсудимаго на скамью современности.

— Но стихи этого поэта: „Подите прочь“ мы, современники, учимъ на память...

Митрофанъ Семеновичъ высоко поднялъ брови, оскалилъ зубы и молча смотрѣлъ, какъ скелетъ въ синихъ очкахъ, на Корнева.

— Да-съ, учите... должны учить... и если не будете знать, получите единицу... И не вашей-съ компетенціи это дѣло.

— Можетъ-быть,—вмѣшался Долба,—мы не компетентны, но хотимъ быть компетентными.

— Ну-съ, Дарсье!—вызвалъ учитель.

Долба встрѣтился глазами съ Рыльскимъ и пренебрежительно потупился.

Когда урокъ кончился, Карташевъ сконфуженно поднялся и вытянулся.

— Что̀, братъ, отбрилъ тебя? — добродушно хлопнулъ его по плечу Долба.

— Отбрилъ,—неловко усмѣхнулся Карташевъ: — чортъ съ нимъ.

— Да не сто̀итъ съ нимъ и спорить,—согласился Корневъ.—Что̀ жъ это за пріемы?—неграмотные, мальчишки... А если бы только его грамотой ограничивались, такъ были бы грамотные?

— Положимъ... — началъ-было своимъ обычнымъ авторитетнымъ тономъ Семеновъ.

— Пожалуйста, не клади,—весело перебилъ его Рыльскій,—потому что положишь и не подымешь.

Учитель исторіи Леонидъ Николаевичъ Шатровъ давно завоевалъ себѣ популярность между учениками.

Онъ поступилъ учителемъ въ гимназію какъ разъ въ тотъ годъ, когда описываемая компанія перешла въ третій классъ.

И своей молодостью, и мягкими пріемами, и тѣмъ одухотвореннымъ, что̀ такъ тянетъ къ себѣ молодыя, нетронутыя сердца, Леонидъ Николаевичъ постепенно привлекъ къ себѣ всѣхъ, такъ что въ старшихъ классахъ ученики относились къ нему и съ уваженіемъ и съ любовью. Одно огорчало ихъ, что Леонидъ Николаевичъ славянофилъ, хотя и не „квасной“, какъ пояснялъ Корневъ, а съ конфедераціей славянскихъ племенъ съ Константинополемъ во главѣ. Это смягчало нѣсколько тяжесть его вины, но все-таки компанія становилась втупикъ: не могъ же онъ не читать Писарева, а если читалъ, то неужели же онъ такъ ограниченъ, что не понялъ его? Какъ бы то ни было, но ему извиняли даже славянофильство, и урокъ его всегда ожидался съ особымъ удовольствіемъ.

Появленіе его неказистой фигуры, съ большимъ широкимъ лбомъ, длинными прямыми волосами, которые онъ то и дѣло закладывалъ за ухо, съ умными мягкими карими глазами, всегда какъ-то особенно возбуждало учениковъ.

И его „пытали“. То книжку Писарева нечаянно забудутъ на столѣ, то кто-нибудь пуститъ вскользь на тему изъ области общихъ вопросовъ, а то выскажетъ и связное соображеніе. Учитель выслушаетъ, усмѣхнется, пожметъ плечами и скажетъ:

— Сократитесь, почтеннѣйшій!

А то замѣтитъ:

— Экіе еще ребята!

И такъ скажетъ загадочно, что ученики не знаютъ, радоваться имъ или печалиться, что они еще ребята.

Леонидъ Николаевичъ очень любилъ свой предметъ. Любя, онъ заставлялъ и соприкасавшихся съ нимъ любить то, что̀ любилъ самъ.

Въ тотъ урокъ, когда онъ, сдѣлавъ перекличку, скромно подымался и, закладывая прядь волосъ за ухо, говорилъ, спускаясь со своего возвышенія: „Я сегодня буду разсказывать“—классъ превращался въ слухъ и готовъ былъ слушать его всѣ пять уроковъ подъ рядъ. И не только слушали, но и аккуратно записывали всѣ его выводы и обобщенія.

Манера говорить у Леонида Николаевича была какая-то особенная, захватывавшая. То, расхаживая по классу, увлеченный, онъ группировалъ факты, для большей наглядности точно хватая рукой ихъ въ кулакъ своей другой руки, то переходилъ къ выводамъ, и точно вынималъ ихъ изъ зажатаго кулака взамѣнъ тѣхъ фактовъ, которые положилъ туда. И всегда получался ясный и логичный выводъ, строго обоснованный.

Въ рамкахъ научной постановки вопроса, болѣе широкой, чѣмъ программа гимназическаго курса, ученики чувствовали себя и удовлетворенными и польщенными. Леонидъ Николаевичъ пользовался этимъ и организовалъ добровольную работу. Онъ предлагалъ темы, и желающіе брались, руководствуясь указанными имъ источниками и своими, если боялись односторонняго освѣщенія вопроса.

Такъ, въ шестомъ классѣ одну тему „Конфедерація славянскихъ племенъ въ удѣльный періодъ“ долго никто не хотѣлъ брать. Рѣшился наконецъ Берендя, выговоривъ себѣ право, что, если, послѣ знакомства съ указаннымъ учителемъ главнымъ источникомъ, Костомаровымъ, постановка вопроса ему не понравится, то онъ воленъ прійти и къ другому выводу.

— Обоснованному?—спросилъ Леонидъ Николаевичъ.

— Ко-конечно,—прижалъ Берендя свои пальцы къ груди и поднялся, по обыкновенію, на носки.

Однажды Леонидъ Николаевичъ пришелъ въ классъ, противъ обыкновенія, разстроенный и огорченный.

Новый попечитель, осмотрѣвъ гимназію, остался недоволенъ нѣкоторой распущенностью учениковъ и недостаточностью фактическихъ знаній.

Между другими былъ вызванъ къ попечителю и Леонидъ Николаевичъ, и прямо съ объясненія, очевидно, неблагопріятнаго для него, онъ пришелъ въ классъ.

Ученики не сразу замѣтили скверное расположеніе духа учителя.

Сдѣлавъ перекличку, Леонидъ Николаевичъ вызвалъ Семенова.

Ученики надѣялись, что сегодняшній урокъ пройдетъ въ разсказѣ.

Разочарованіе было непріятное, и всѣ со скучными лицами слушали отвѣтъ Семенова.

Семеновъ тянулъ и старался выѣхать на общихъ мѣстахъ.

Леонидъ Николаевичъ, наклонивъ голову. слушалъ, скучный, съ болѣзненнымъ лицомъ.

— Годъ?—спросилъ онъ, замѣтивъ, что Семеновъ уклонился отъ указанія года.

Семеновъ сказалъ первый, подвернувшійся ему на языкъ, и совралъ, конечно.

— Храбро, но георгіевскаго креста не получите,—замѣтилъ полу-раздраженно, полу-шутя Леонидъ Николаевичъ.

— Онъ его получитъ при взятіи Константинополя,—вставилъ Рыльскій.

Леонидъ Николаевичъ нахмурился и опустилъ глаза.

— Никогда не получитъ,—задорно отозвался Карташевъ со своего мѣста:—потому что федерація славянскихъ племенъ съ Константинополемъ во главѣ—неосуществимая ерунда.

— Вы, почтеннѣйшій, сократитесь,—сказалъ Леонидъ Николаевичъ, поднимая на Карташева загорѣвшіеся глаза.

Карташевъ сконфузился и замолчалъ, но Корневъ вступился за Карташева. Онъ проговорилъ язвительно и ѣдко:

— Хорошій способъ полемизировать!

Леонидъ Николаевичъ побагровѣлъ, и жилы палились на его вискахъ. Нѣкоторое время длилось молчаніе.

— Корневъ, станьте безъ мѣста.

Съ третьяго класса Леонидъ Николаевичъ никого не подвергалъ такому унизительному наказанію.

Корневъ поблѣднѣлъ, и лицо его перекосилось.

Гробовое молчаніе воцарилось въ классѣ.

— Я не стану,—отвѣтилъ замогильнымъ голосомъ Корневъ, приподымаясь съ мѣста.

Опять все смолкло. Что-то страшное надвинулось и вотъ-вотъ должно было воплотиться въ какой-то непоправимый фактъ. Всѣ напряженно ждали. Леонидъ Николаевичъ молчалъ.

— Въ такомъ случаѣ прошу васъ выйти изъ класса,— проговорилъ онъ, не поднимая глазъ.

Точно камень свалился съ плечъ у каждаго.

— Я не считаю себя виноватымъ,—заговорилъ Корневъ.— Можетъ-быть, я ошибаюсь, но мнѣ кажется, что я не сказалъ ничего такого, чего бы вы не разрѣшили мнѣ сказать въ другое время. Но если вы признаёте меня виноватымъ, то я пойду...

Корневъ началъ пробираться къ выходу.

— Начертите карту древней Греціи,—вдругъ сказалъ ему Леонидъ Николаевичъ, указывая на доску, когда Корневъ проходилъ мимо него.

Вмѣсто наказанія, Корневъ принялся вырисовывать на доскѣ заданное.

— Карташевъ! Причины и поводъ крестовыхъ походовъ.

Это была благодарная тема.

Карташевъ по Гизо изложилъ обстоятельно причины и поводъ крестовыхъ походовъ.

Леонидъ Николаевичъ слушалъ, и, по мѣрѣ того, какъ говорилъ Карташевъ, съ лица его сбѣгало напряженное, неудовлетворенное чувство.

Карташевъ хорошо владѣлъ рѣчью и нарисовалъ яркую

картину безвыходнаго экономическаго положенія Европы, какъ результатъ произвола, насилія и нежеланія своевольныхъ вассаловъ считаться съ назрѣвшими нуждами народа... Приведя нѣсколько примѣровъ обострившихся до крайности отношеній между высшимъ и низшимъ сословіями, онъ перешелъ къ практической сторонѣ дѣла: къ поводу и дальнѣйшему изложенію событій.

Леонидъ Николаевичъ слушалъ оживленную рѣчь Карташева, смотрѣлъ въ его возбужденно-горѣвшіе глаза отъ гордаго сознанія осмысленности и толковости своего отвѣта,— слушалъ, и имъ овладѣвало чувство, можетъ-быть, схожее съ тѣмъ, какое испытываетъ хорошій наѣздникъ, обучая горячую молодую лошадь и чуя въ ней ходъ, который въ будущемъ прославитъ и лошадь и его.

— Ну-съ, прекрасно, — съ чувствомъ замѣтилъ Леонидъ Николаевичъ,—довольно. Рыльскій, экономическое состояніе Франціи при Людовикѣ XIV.

Въ рѣчи Рыльскаго не было тѣхъ яркихъ красокъ и переливовъ, какими красиво сверкала рѣчь Карташева. Онъ говорилъ сухо, сжато, часто обрывалъ свои періоды звукомъ „э“, вообще говорилъ съ нѣкоторымъ усиліемъ. Но въ группировкѣ фактовъ, въ наслоеніи ихъ чувствовалась какая-то серьезная дѣловитость, и впечатлѣніе картины получалось не такое, можетъ-быть, художественное, какъ у Карташева, но болѣе сильное, бьющее фактами и цифрами.

Леонидъ Николаевичъ слушалъ, и чувство удовлетворенія и въ то же время какой-то тоски свѣтилось въ его глазахъ.

— Кончилъ,—заявилъ Корневъ.

Леонидъ Николаевичъ повернулся, быстро осмотрѣлъ исписанную имъ доску и сказалъ:

— Благодарю васъ... садитесь.

Совершенно особаго рода отношенія существовали между учениками и учителемъ латинскаго языка, Дмитріемъ Петровичемъ Воздвиженскимъ.

Это былъ уже не молодой, съ сильной просѣдью, красноносый человѣкъ, сутуловатый и сгорбленный, съ голубыми глазами цвѣта нѣжнаго весенняго неба, составлявшими рѣзкій контрастъ съ угреватымъ лицомъ и щетинистыми, коротко подстриженными на щекахъ и бородѣ волосами. Эти волосы торчали грязной сѣдоватой щетиной, а большіе усы шевелились, какъ у таракана. Вообще „Митя“ былъ неказистъ съ виду, часто приходилъ въ классъ выпивши и обладалъ способностью дѣйствовать на своихъ учениковъ такъ, что тѣ

сразу превращались въ первоклассниковъ-мальчишекъ. И Писаревъ, и Шелгуновъ, и Щаповъ, и Бокль, и Дарвинъ сразу забывались на тѣ часы, когда бывали уроки латинскаго языка.

Никому не было дѣла до политическихъ убѣжденій „Мити“, но много было дѣла до его краснаго большого носа, маленькихъ сѣрыхъ глазъ, которые по временамъ вдругъ дѣлались очень большими, до его сутуловатой фигуры.

Еще издали замѣтившій его идущимъ по коридору влеталъ въ классъ съ радостнымъ крикомъ:—Идутъ!!

Въ отвѣтъ раздавался дружный ревъ сорока голосовъ. Подымалось вавилонское столпотвореніе; всякій по-своему, какъ хотѣлъ, спѣшилъ выразить свою радость: ревѣли по-медвѣжьи, лаяли по-собачьи, кричали пѣтухами, билъ барабанъ. Отъ избытка чувствъ, вскакивали на скамьи, становились на голову, лупили другъ друга по спинамъ, жали масло.

Въ дверяхъ показывалась фигура учителя, и все мгновенно стихало, а затѣмъ, въ тактъ его походкѣ, всѣ тихо, дружно приговаривали:

— Идутъ, идутъ, идутъ...

Когда онъ всходилъ на каѳедру и останавливался вдругъ у стола, всѣ вразъ отрывочно вскрикивали:

— Пришли!

А когда онъ опускался на стулъ, всѣ дружно кричали:

— И сѣли!

Водворялось выжидательное молчаніе. Нужно было выяснить вопросъ: пьянъ Митя, или нѣтъ?

Учитель принималъ суровую физіономію и начиналъ щуриться. Это былъ хорошій признакъ, и классъ радостно, но нерѣшительно шепталъ:

— Щурится.

Вдругъ онъ широко раскрывалъ глаза. Сомнѣнія не было:

— Выкатилъ!!—раздавался залпъ всего класса.

Начиналась потѣха.

Но учитель не всегда бывалъ пьянъ, и тогда при входѣ онъ сразу обрывалъ учениковъ, говоря скучнымъ и разочарованнымъ голосомъ:

— Довольно.

— Довольно,—отвѣчалъ ему классъ и такъ же, какъ онъ, махалъ ручкой.

Затѣмъ слѣдовало относительное успокоеніе, такъ какъ учитель, хотя и былъ близорукъ, но такъ зналъ голоса, что, какъ бы ученики ихъ ни мѣняли, всегда безошибочно угадывалъ виновника.

— Семеновъ, запишу, — отвѣчалъ онъ обыкновенно на какой-нибудь крикъ совы.

Если Семеновъ не унимался, то учитель и записывалъ его на лоскуткѣ бумажки, причемъ говорилъ:

— Дайте мнѣ клочокъ бумажки,—я васъ запишу.

А классъ на всѣ лады повторялъ:

— Дайте мнѣ клочокъ бумажки,—я васъ запишу.

И всѣ наперерывъ спѣшили подать ему требуемое съ тою разницею, что, если онъ былъ трезвъ, то подавали бумагу, а если пьянъ, то несли, что̀ могли: книги, шапки, перья—однимъ словомъ—все, только не бумагу.

Услыхали ученики, что учитель получилъ чинъ статскаго совѣтника. Въ ближайшій урокъ никто его иначе не называлъ, какъ „Ваше превосходительство“, причемъ каждый разъ, какъ онъ собирался что-нибудь сказать, дежурный обращался къ классу и испуганнымъ шопотомъ говорилъ:

— Тс!.. Его превосходительство хотятъ говорить.

Извѣстіе, что Митя—женихъ, вызвало въ ученикахъ еще большій восторгъ. Это извѣстіе пришло какъ разъ передъ его урокомъ. Даже невозмутимый Яковлевъ, первый ученикъ, и тотъ поддался.

Рыльскій согнулъ немного колѣнки, сгорбился, надулъ лицо и, приставивъ палецъ къ губамъ, тихо, медленно, какъ надувшійся индюкъ, сталъ ходить, изображая Митю и приговаривая низкимъ басомъ:

— Женихъ.

— Господа, надо почтить Митю,—предложилъ Долба.

— Надо, надо!

— Почтить Митю!

— Почтить!—подхватили со всѣхъ сторонъ и съ жаромъ приступили къ обсужденію программы празднества.

Рѣшено было избрать депутацію, которая бы передала учителю поздравленія класса. Выбрали Яковлева, Долбу, Рыльскаго и Берендю. Карташева забраковали по той причинѣ, что онъ не выдержитъ и все дѣло испортитъ. Все было готово, когда въ концѣ коридора появилась знакомая сутуловатая фигура учителя.

Долгополый форменный сюртукъ ниже колѣнъ, конусомъ внизъ какіе-то казацкіе штаны, свертокъ подъ мышкой, густые волосы, щетина на щекахъ, колючая борода, торчащіе усы и вся нахохлившаяся фигура учителя производила впечатлѣніе помятаго послѣ драки пѣтуха. Когда онъ вошелъ, всѣ чинно встали, и въ классѣ воцарилась мертвая тишина.

Всѣхъ такъ и подмывало рявкнуть, потому что Митя былъ

интереснѣе обыкновеннаго. Онъ шелъ, нацѣлившись, прямо къ столу, неровно, быстро, стараясь соблюсти и достоинство и стремительность въ достиженіи цѣли, шелъ такъ, точно боролся съ невидимыми препятствіями, боролся, одолѣвалъ и побѣдоносно подвигался впередъ.

Было очевидно, что на завтракѣ успѣли усердно поздравить жениха.

Лицо его было краснѣе обыкновеннаго: угри, налитый красный носъ такъ и блестѣли.

— Просто, хоть воду жми,—весело, громко замѣтилъ Долба, ложимая плечами.

Учитель усиленно заморгалъ, на мгновеніе задумался, уставившись въ окно, и проговорилъ:

— Садитесь.

— Не можемъ, — отвѣтилъ ему классъ почтительнымъ шопотомъ.

Митя опять задумался, выкатилъ глаза, замигалъ и повторилъ:

— Пустое, садитесь.

Тихій стонъ умирающихъ отъ нестершимыхъ судорогъ смѣха сорока человѣкъ пронесся по классу.

Съ заднихъ скамеекъ поднялись четыре выборныхъ для поздравленія депутата. Всѣ они шли, каждый отдѣльно, по четыремъ проходамъ къ учительскому мѣсту чинно и торжественно.

Учитель щурился, они шли, а классъ, замирая, наблюдалъ.

Лучше другихъ былъ Яковлевъ. Онъ священнодѣйствовалъ. На его лицѣ было написано такое величественное, несокрушимое достоинство, такое серьезное проникновеніе своей ролью, и въ то же время такъ коварно раздувались его ноздри, что безъ смѣха на него нельзя было смотрѣть.

У Долбы получалось нѣчто неестественное, натянутое желаніе разодолжить. Рыльскій хотѣлъ быть и актеромъ и зрителемъ, къ своей роли относился недостаточно серьезно. Долговязый Берендя шагалъ слишкомъ невдохновенно своей обычной походкой человѣка, котораго то и дѣло толкаютъ въ шею.

Когда депутаты вышли впередъ скамеекъ, они остановились, выровнялись въ одну линію и всѣ вразъ, круто повернувшись лицомъ къ классу, низко поклонились товарищамъ. Классъ чинно и торжественно отвѣтилъ своимъ уполномоченнымъ такимъ же поклономъ.

Митя попрежнему только щурился на всѣ эти загадочныя дѣйствія и внимательно наблюдалъ то кланявшихся депутатовъ, то отвѣчавшихъ имъ товарищей

Откланявшись классу, депутаты, по два въ рядъ другъ противъ друга, поклонились одинъ другому сперва прямо, а затѣмъ накрестъ.

Новымъ маневромъ депутаты, четыре въ рядъ, стояли уже передъ учителемъ и низко, почтительно кланялись ему въ поясъ. Приходилось волей-неволей выйти изъ роли наблюдателя.

Учитель сдѣлалъ какое-то движеніе, среднее между поклономъ и кивкомъ головы, какъ бы говорившее: „Ну, положимъ... что жъ дальше?“

Яковлевъ, слегка прокашлявшись, раздувая ноздри, началъ:

— Дмитрій Петровичъ! Товарищи поручили намъ благодарить васъ за честь, которую вы оказали одному изъ нашихъ товарищей, вступая съ нимъ въ родство. Классъ счастливъ, узнавъ о вашемъ бракѣ, и преподноситъ вамъ свои искреннія поздравленія.

— О, да, искреннія и самыя сердечныя поздравленія!— пробасилъ кто-то.

— Кви, кви!—пронеслось по классу.

— Дмитрій Петровичъ!—говорилъ Яковлевъ, почтительно наклоняясь къ учителю и раздувая ноздри.

Учитель, успѣвшій и выкатить и прищуриться, задумался и, махнувъ, по обыкновенію, ручкой, произнесъ своимъ обычнымъ голосомъ:

— Пустое.

— Что, собственно, пустое?—почтительно спросилъ Яковлевъ.

— Все пустое.

— То-есть какъ? Дѣло идетъ о бракѣ... о счастьѣ двухъ нѣжно любящихъ другъ друга...

— Его носъ любящій,—сорвался чей-то голосъ.

Классъ завылъ.

— Господа, я не могу...—сказалъ Яковлевъ, уже захлебываясь отъ смѣха...—Вы мнѣ мѣшаете...

Онъ зажалъ ротъ и не то заплакалъ, не то засмѣялся.

Началось что-то совсѣмъ выходящее изъ ряда обыкновеннаго. Точно бѣшеный вихрь, пропитанный пьяными парами, ворвался въ классъ. Вскакивали, взвизгивали, били другъ друга. Толпа ошалѣвала. Карташевъ, точно обезумѣвшій, сорвался съ мѣста и подлетѣлъ къ учителю.

Учитель прищурился на него.

— Что вамъ угодно?

Меньше всего могъ отвѣтить Карташевъ, чего ему было угодно. Что-то подпирало ему бока; горло судорожно сжима-

лось, хотѣлось выкинуть что-нибудь такое, чтобъ и онъ и другіе сразу лопнули отъ смѣха.

— Мнѣ угодно...

Какая-то молнія пронизала Карташева.

— Жениться...—взвизгнулъ онъ, не помня себя, и присѣлъ къ полу.

Отвѣтъ Карташева окончательно выбилъ учениковъ изъ колеи. Уже не стѣсняясь, забывъ о присутствіи учителя, весь классъ охватился безумiемъ Карташева.

— О-ой! На-а-длецъ!—стоналъ Корневъ, вскакивая и снова падая на скамью.

Учитель совсѣмъ ошалѣлъ.

— Вы кто?—всматриваясь, спросилъ онъ Карташева.

На секунду Карташевъ, приподнявшись, попытался-было вдуматься въ серьезность и отвѣтственность своего положенія. Но слишкомъ ужъ расходилась пьяная поверхность неудержимаго веселья. Новая ея волна захлестнула благоразумный порывъ, и, охваченный этой волной съ новымъ подмывающимъ чувствомъ отвѣтственности, Карташевъ съ какимъ-то безшабашнымъ отчаяніемъ взвизгнулъ:

— Я частный приставъ.

Дикій вопль, ревъ пронесся въ отвѣтъ по классу.

Учитель всталъ и заговорилъ вдругъ голосомъ, сразу отрезвившимъ всѣхъ:

— Стыдитесь!

И, быстро захвативъ свой свертокъ, онъ вышелъ изъ класса.

Сразу оборвалось веселье, и всѣ смотрѣли другъ на друга, точно послѣ крушенія бѣшено разлетѣвшагося поѣзда.

Первое движеніе было чувство страха, что Митя пошелъ жаловаться.

Но пришелъ Иванъ Ивановичъ и на невинный вопросъ Долбы о Дмитріи Петровичѣ отвѣтилъ:

— Заболѣлъ... домой ушелъ.

Значитъ, не пожаловался. Всѣхъ охватило вдругъ раскаяніе. Набросились на Карташева, стали упрекать его, что онъ вѣчно пересолитъ, что онъ испортилъ дѣло. Карташевъ припялся-было оправдываться, передавать свои ощущенія, какъ это все нечаянно вышло. Обвиняемый началъ самымъ серьезнымъ тономъ, но, охваченный вдругъ наплывомъ воспоминаній, кончилъ тѣмъ, что и самъ онъ и всѣ его судьи попàдали на скамьи и зафыркали.

— Тише, господа, тише,—остановилъ Иванъ Ивановичъ, выходя изъ своей задумчивости.

Урока два послѣ этого въ классѣ царило образцовое молчаніе, да и учитель приходилъ трезвымъ. Но потомъ Митя пришелъ опять выпивши и, по обыкновенію, выкативъ глаза, лукаво спросилъ, улыбаясь:

— Что̀ жъ такъ тихо, господа?

На это ему сначала рявкнули, а затѣмъ запѣли серенаду на мотивъ, спеціально для него сочиненный:

Воспѣть тебя, о, носъ чухонскій,
Въ полночный часъ дерзаю я:
И синь ты, носъ, какъ сводъ небесный,
И алъ, какъ алая заря!

„И синь“, „и алъ“ съ какимъ-то меланхоличнымъ воплемъ подхватывалъ на разные голоса весь классъ.

Митя внимательно выслушалъ и снисходительно произнесъ:

— Не такъ громко.

Конечно, никто его не послушалъ, и все пошло по-старому.

Чего только ни предпринимало гимназическое начальство, чтобъ водворить надлежащій порядокъ на урокахъ Дмитрія Петровича: оставляло безъ обѣда и въ розницу и всѣмъ классомъ, ставило единицы за поведеніе и даже временно исключило одного, но ничто не помогало.

Было только одно средство прекратить безпорядокъ на урокахъ Дмитрія Петровича: это удалить его. Но Дмитрію Петровичу оставалось до пенсіи всего два года, и были причины, почему всѣ хотѣли помочь этому человѣку какъ-нибудь дотянуть до конца всю службу. Когда случалось кому-нибудь изъ товарищей Дмитрія Петровича слушать восторженные разсказы учениковъ о продѣлкахъ на его урокахъ, вмѣсто веселаго смѣха, учитель говорилъ съ горечью:

— Эхъ, господа, если бъ вы знали этого человѣка... Это была звѣзда между нами.

Жизнь Дмитрія Петровича начиналась при счастливыхъ условіяхъ. Онъ былъ уже магистромъ, собирался жениться, какъ вдругъ за что-то попалъ въ крѣпость. Черезъ три года онъ вышелъ оттуда. Невѣста его уже была замужемъ за другимъ; онъ долго не могъ получить никакого занятія. Прежніе его покровители отъ него отвернулись. Онъ началъ пить и принялъ единственное мѣсто, какое соглашались ему дать: мѣсто учителя латинскаго языка.

— Слабый человѣкъ,—говорили о немъ всѣ въ одинъ голосъ,—но прекрасной души и прекрасныхъ правилъ.

Въ кругу тѣхъ, кто приходился ему по душѣ, Дмитрій Петровичъ былъ другимъ человѣкомъ, съ громаднымъ запа-

сомъ знаній, остроумнымъ, незлобивымъ, съ яснымъ взглядомъ на жизнь европейски образованнаго человѣка. Но для учениковъ онъ былъ только Митя, старый, пьяный Митя, который терпѣливо и весело позволялъ издѣваться надъ собой сколько кому было угодно.

V.

Журналъ.

Когда классы послѣ вакацій только-что начинались, Рождество казалось такимъ далекимъ маякомъ среди однообразнаго сѣраго моря гимназической жизни.

Но вотъ и Рождество: завтра сочельникъ и елка. Вѣтеръ гонитъ холодный снѣгъ по пустыннымъ улицамъ и распахиваетъ холодное форменное пальто Карташева, который одинъ, не въ обычной компаніи, спѣшитъ домой съ послѣдняго урока. Какъ быстро пролетѣло время! Гдѣ Даниловъ и Касицкій теперь? Море замерзло, вѣроятно. Давно, съ тѣхъ поръ, какъ уѣхали друзья, не видалъ его Карташевъ.

Какъ перемѣнилось все съ тѣхъ поръ. Совсѣмъ другая обстановка. А Корнева? Неужели онъ влюбленъ? Да, влюбленъ безумно, и чего бы онъ ни далъ, чтобъ быть всегда съ ней, чтобъ имѣть право смотрѣть смѣло ей въ глаза и говорить ей о своей любви. Нѣтъ, никогда не оскорбитъ онъ ее своимъ признаніемъ, но онъ знаетъ, что любитъ, и любитъ ее. А можетъ-быть, и она его любитъ?! Иногда она такъ заглядываетъ въ глаза, что такъ и хочется схватить, обнять... Жарко Карташеву среди снѣжной мятели: полурасстегнуто пальто, и какъ во снѣ шагаетъ онъ по знакомымъ улицамъ. Давно ужъ онъ ходитъ по нимъ. И лѣто и зиму шагаетъ. Какая-нибудь радостная мысль въ головѣ свяжется съ домомъ, на который упадетъ его взглядъ, и этотъ домъ и потомъ будитъ память. И мысль эта забудется, а домъ все чѣмъ-то притягиваетъ къ себѣ. Вотъ на этомъ углу онъ какъ-то встрѣтилъ ее, и она кивнула ему и улыбнулась такъ, какъ будто вдругъ обрадовалась. Зачѣмъ онъ тогда не подошелъ къ ней? Она оглянулась еще разъ издали; сердце его замерло и заныло и рванулось къ ней, но онъ испугался, что она вдругъ догадается, зачѣмъ онъ стоитъ, и онъ быстро пошелъ съ озабоченнымъ лицомъ. Ну, а если бъ она и догадалась, что онъ любитъ ее? О, это была бы, конечно, такая дерзость, которую ни она, никто не простилъ бы ему. Узнали бы всѣ, отказали отъ дома, а Корневъ какими глазами посмотрѣлъ бы на него? Нѣтъ, не надо! И такъ хо-

рошо: любить въ своемъ сердцѣ. Карташевъ оглянулся. Да, вотъ и Рождество, двѣ недѣли никакихъ уроковъ, на душѣ и пустота и удовольствіе праздника. Онъ всегда любилъ Рождество, и память связывала въ одно и елку, и подарки, и ароматъ апельсиновъ, и кутью, и тихій вечеръ, и груду лакомствъ. А тамъ на кухнѣ колядуютъ. Они приходятъ оттуда со своими незатѣйливыми лакомствами: орѣхи, рожки, винныя ягоды; имъ дарятъ платья, вещи.

Такъ шло всегда, сколько онъ помнитъ себя. Въ яркихъ огняхъ елки и камина, сейчасъ же послѣ ужина, опять вдругъ вспомнится любимая кутья, и онъ весело бѣжитъ и возвращается съ полной тарелкой, садится противъ камина и ѣстъ. Наташа, его поклонница, крикнетъ: „и я“. За ней Сережа, Маня, Ася, и всѣ опять тутъ съ тарелками кутьи. Не выдержитъ и Зина. Всѣмъ весело и смѣшно, и мать, нарядная, довольная, ласково смотритъ на нихъ. Что̀ ему въ этомъ году подарятъ?—подумалъ Карташевъ, звоня у подъѣзда.

На другой день вечеромъ ему подарили фунтъ табаку и табачницу. И хотя онъ давно уже потихоньку курилъ, но теперь, получивши подарокъ, онъ долго еще не рѣшался закурить при матери. И когда закурилъ, то съ серьезнымъ, озабоченнымъ лицомъ сейчасъ же сѣлъ за подаренныя Сережѣ сказки и началъ внимательно читать ихъ. Мать улыбалась, смотрѣла на него и, вставъ, молча подошла къ нему и поцѣловала его въ голову. Онъ смущенно поцѣловалъ ей руку и опять поспѣшно уткнулся въ книгу. Кругомъ было обычное возбужденіе и радость всѣхъ, а онъ думалъ:

„Что-то теперь дѣлаетъ компанія?“

Какъ разъ въ это время раздался звонокъ, и скоро въ передней послышались топанье ногъ и веселый, увѣренный голосъ Корнева:

— Эй, кто въ Бога вѣруетъ, можно колядовать?

Раздался смѣхъ остальныхъ: Рыльскаго и Долбы.

Карташевъ обрадовался товарищамъ, точно вѣчность не видался съ ними. Онъ бросился въ переднюю. Гости вошли. Аглаида Васильевна ласково встрѣтила ихъ.

— Вотъ это мило съ вашей стороны.

— Ну, и отлично,—сказалъ Корневъ.—А мы такъ думали, думали, да и рѣшили къ вамъ.

— Пожалуйста,—подсунулъ Карташевъ свой табакъ гостямъ.

— Это что̀?! Разрѣшеніе? Поздравляю!

— Вѣдь мы, надо вамъ знать, съ третьяго класса куримъ.

Корневъ добродушно подмигнулъ Аглаидѣ Васильевнѣ, принимаясь за папироску.

— Очень жаль.

— Да, конечно, очень, очень жаль... А-а, наше вамъ...

Вошли Зина и Наташа. Хотѣли-было играть на роялѣ, но Аглаида Васильевна по случаю поста не позволила.

— Что жъ мы дѣлать будемъ?—спросилъ Корневъ.

— Такъ сидите, вотъ чаю напьетесь...

— Мы всегда въ этотъ вечеръ Гоголя или Диккенса читаемъ,—сказала Наташа.

И, подумавъ, она прибавила:

— Давайте Гоголя читать.

— Ну что жъ, Гоголя, такъ Гоголя,—согласился Корневъ.

— Вы его заставьте,—сказалъ Долба:—онъ такъ читаетъ, что вы лопнете отъ смѣха.

— Ну, какое тамъ чтеніе!—сконфузился Корневъ.

Но его заставили, и онъ читалъ такъ, что и Аглаида Васильевна вытирала слезы отъ смѣха.

Сидѣли, слушали и въ то же время щелкали орѣхи, финташки, миндаль. Потомъ подали чай. Карташевъ разошелся на скользкомъ вопросѣ о религіи, и дѣло дошло до маленькаго скандала.

— Для чего, собственно, совершенство?—разсуждалъ, какъ равноправный и взрослый, Карташевъ.—Всякое совершенство тѣмъ совершеннѣе увидитъ зло и придетъ въ отчаянье, отчаянье—порокъ. А если оно равнодушно, то это вдвое порокъ... Безчувственное...

— Тёма! Какъ ни непріятно, а я должна тебя попросить замолчать.

Карташевъ сконфуженно уткнулся въ свой стаканъ.

— Это что жъ, цензура?—спросилъ Корневъ.

— Да, цензура,—отвѣтила твердо Аглаида Васильевна.

Рыльскій пригнулся къ сластямъ и рылся въ нихъ.

— Цензура достигаетъ цѣли?—спросилъ онъ, ни къ кому не обращаясь.

— Да, вполнѣ,—сухо отвѣтила Аглаида Васильевна.

— Гм...

Рыльскій поднялъ голову, скользнулъ взглядомъ по лицамъ товарищей и, сдѣлавъ серьезное лицо, опустилъ глаза.

Карташевъ обидѣлся на мать, посидѣлъ немного и, вставъ, ушелъ къ себѣ въ комнату.

Разговоръ и оживленіе оборвались.

Когда окончили чай, гости одинъ за другимъ тоже направились въ комнату Карташева.

— Ты что̀ лежишь?—спросилъ его Корневъ.

— Такъ,—нехотя отвѣтилъ Карташевъ.

— Эхъ-хе-хе, покурить, что ли? Эхъ, табакъ тамъ оставили!

Карташевъ позвалъ Таню и приказалъ принести табакъ. Посидѣли еще, и Рыльскій предложилъ:

— А не пойти ли намъ къ Дарсье?

— Такъ что̀?—встрепенулся Долба.

— Ну, останемся,—сказалъ Карташевъ.

— Идемъ,—уговаривалъ Корневъ.

Карташеву и самому хотѣлось.

— Неловко передъ матерью.

— Ну пойди, выдумай ей что-нибудь,—сказалъ Рыльскій:—не тебя учить.

— Вотъ что̀,—предложилъ Долба:—мы скажемъ ей, что мы по очереди рѣшили сегодня всѣхъ обойти... были у васъ, и теперь къ Дарсье... Ты вотъ что̀... ты брось дуться... Мы теперь опять пойдемъ, какъ ни въ чемъ не бывало, въ гостиную, и ты иди, а немного погодя мы и поведемъ линію.

Черезъ полчаса компанія, продѣлавъ, что̀ задумала, и захвативъ Карташева, уже шагала къ Дарсье. Аглаиду Васильевну уговорили даже отпустить его ночевать къ Дарсье, такъ какъ всѣ рѣшили тамъ остаться.

— Надо вотъ что̀,—говорилъ Рыльскій, отворачиваясь отъ вѣтра: — надо, чтобъ Дарсье послалъ за Берендей и Вервицкимъ.

— У! Непремѣнно! Чортъ побери, устроимъ ночное бдѣніе!—воскликнулъ Корневъ.

— А можетъ, онъ спитъ, подлецъ?—спросилъ Долба.

— Кто, Дарсье? Нашелъ дурака! Онъ спитъ только во время чтенья.

У Дарсье любили собираться. Онъ хотя жилъ за городомъ, но въ его распоряженіи былъ цѣлый домъ, прекрасно меблированный. Въ другомъ домѣ, рядомъ, жила его семья, которая въ изобиліи снабжала его гостей всякой ѣдой, не исключая и водки. Компанія любила пройтись по маленькой, а Берендя постоянно обнаруживалъ склонность повторить. При появленіи водки онъ оживлялся, желтые глаза его весело лучились, онъ возбужденно поматывалъ головой, говорилъ, острилъ и на эти короткія мгновенія дѣлался душой компаніи. Вервицкій не упускалъ случая упрекнуть друга, предсказывая ему будущность пьяницы, но тотъ, весело прищѣливаясь глазами въ него, загадочно говорилъ, поднося къ губамъ вторую рюмку:

— Дуракъ ты.

— Ну, уноси, уноси! — командовалъ Вервицкій,—и веселая, франтоватая прислуга уносила на большихъ серебряныхъ подносахъ граненые графинчики съ водкой.

Такія закуски и чай со всевозможными сортами острыхъ сыровъ и вкусныхъ печеній подавались обыкновенно, когда компанія, начитавшись, утомлялась и начинала чувствовать какую-то пустоту внутри.

Этотъ моментъ всегда ловко угадывалъ Дарсье.

— А не закусить ли, чортъ возьми!—вскакивалъ обыкновенно онъ первый, выходя сразу изъ того летаргическаго состоянія, въ какое впадалъ при чтеніи.

Это воззваніе къ ѣдѣ всегда было такъ весело, такой искрой пробѣгало по остальнымъ, что чтеніе бросалось, и всѣ спѣшили только полнѣе отдаться пріятному удовлетворенію своего голоднаго желудка.

Дарсье въ описываемый вечеръ былъ на половинѣ своихъ родныхъ, гдѣ на импровизированномъ балу усердно танцовалъ со своими кузинами.

Компанія не любила общества Дарсье. Это все были красивыя, затянутыя барышни и безукоризненные франты кавалеры. Ихъ встрѣчала компанія на главной улицѣ въ часы гулянья въ цилиндрахъ и цвѣтныхъ перчаткахъ, и при встрѣчѣ съ ними пренебрежительно фыркала.

Дарсье выскочилъ къ товарищамъ и радостно, пожимая имъ руку, говорилъ:

— Чортъ, откуда вы? Идемъ къ матери.

Но всѣ наотрѣзъ отказались, какъ онъ ни уговаривалъ.

— Если ты занятъ, мы уйдемъ,—сказалъ наконецъ Корневъ.

— Кой чортъ, занятъ! Ну хорошо... подождите... я только пойду... скажу гостямъ, что... что̀ имъ сказать? Постой! Я скажу, что умираетъ... Корневъ, товарищъ... пріѣхали за мной.

— Ну, валяй,—махнулъ рукой Корневъ.

Черезъ нѣсколько минутъ Дарсье вернулся.

— Ну что̀?

— Плачутъ.

— Послушай, надо за Берендей и Вервицкимъ послать.

— Непремѣнно.

— Эй, ты, французъ,—крикнулъ ему вдогонку Рыльскій:—ты не забудь, что мы того... голодные.

Черезъ часъ на столѣ стояла обычная закуска и выпивка, и холодные еще съ мороза Вервицкій и Берендя уже закусывали.

Долба, разставивъ ноги, энергично жевалъ кусокъ сочнаго балыка и говорилъ вперемежку съ ѣдой:

— Господа... Давайте на праздникахъ свой журналъ затѣмъ?

Это была неожиданная, но эффектная мысль. Долба пригнулся къ новому куску балыка. Корневъ торопливо проглотилъ кусокъ и усиленно принялся за свои ногти. Рыльскій молча внимательно ѣлъ. Задумался и Карташевъ, больше о томъ, что вотъ-де какая простая мысль, а ни разу не пришла ему въ голову. Онъ точно искалъ глазами, не найдется ли и на его долю что-нибудь и простое, и новенькое, и эффектное.

Берендя былъ весь поглощенъ заботой выпить третью рюмку и къ предложенію Долбы отнесся какъ-то равнодушно.

Вервицкій отозвался первый.

— Что жъ,—одобрилъ онъ,—это хорошо.

— Рыло,—сказалъ Корневъ: — съ такой рожей говоритъ, точно у него милліонъ доводовъ сейчасъ посыплется. Ну, почему хорошо?

Всѣ разсмѣялись.

Но у Вервицкаго было больше основаній сочувствовать, чѣмъ можно было предполагать. Къ общему удивленію, оказалось, что онъ давно уже пописываетъ. Для начала Вервицкій даже предложилъ свой разсказъ подъ заглавіемъ „Дворникъ“.

— Ти-ти-ти, писатель...

Берендя въ исключительныя минуты лишался дара слова.

— Ти-ти-ти... — передразнилъ его Вервицкій. — Терпѣть не могу... Чего тутъ удивляться? Что ты дуракъ, такъ, думаешь, и всѣ дураки?

— Вотъ такъ штука!—продолжалъ Берендя, незамѣтно протягивая руку за третьей рюмкой:—кто бы могъ думать?

— Вотъ, ей-Богу, дуракъ,—волновался Вервицкій.

— Смотри, смотри,—показалъ Долба на Берендю.

Но Берендя ужъ быстрымъ движеніемъ успѣлъ опрокинуть въ ротъ рюмку.

— Ахъ, ты, подлецъ!

И въ то время, какъ Вервицкій тузилъ Берендю, Берендя, весело пригнувшись, выбиралъ на столѣ, чѣмъ бы заѣсть.

— Такъ ты писатель!—продолжалъ онъ и опять потянулся къ графину.

— Убирай водку!—рѣшительно скомандовалъ Вервицкій.—Горькая пьяница, пропойца! Дрянь, тряпка!

— Господа, давайте его качать!—предложилъ вдругъ Берендя и залился подмывающимъ смѣхомъ.

— Да ну васъ къ чорту,—запротестовалъ Долба:—давайте, какъ слѣдуетъ, обсуждать дѣло.

Мысль о журналѣ была одобрена. Не откладывая въ долгій ящикъ, тутъ же былъ избранъ редакторомъ Долба. Во-первыхъ, потому, что ему первому пришла эта мысль; во-вторыхъ, и главнымъ образомъ, потому, что на немъ мирились всѣ. Если бы, напримѣръ, выбрать Корнева — Карташеву обидно. Выбрать Карташева было тоже неудобно. Карташевъ попрежнему нѣтъ-нѣтъ и выпалитъ что-нибудь такое, что̀ совсѣмъ не согласовалось съ общимъ тономъ; такъ, онъ стоялъ за независимость убѣжденій, и эта независимость въ концѣ концовъ сводилась, по мнѣнію партіи Корнева, къ тому, чтобы имѣть право поменьше читать и побольше рубить съ плеча, побольше говорить того, что̀ только взбредетъ въ голову. Рыльскій не годился въ редакторы опять по другимъ причинамъ. Онъ имѣлъ одну слабость, которую не раздѣлялъ даже Корневъ: былъ слишкомъ полякъ. Это вызывало постоянныя столкновенія съ Семеновымъ, Вервицкимъ и даже съ Карташевымъ.

Былъ выясненъ и матеріальный вопросъ. Необходимыя средства получались равномѣрнымъ распредѣленіемъ расходовъ между участниками. Главный расходъ заключался въ бумагѣ и перепискѣ статей. Въ виду ограниченности средствъ, рѣшено было издавать журналъ въ двухъ экземплярахъ, изъ которыхъ одинъ переходилъ бы изъ рукъ въ руки по мѣрѣ прочтенія, причемъ право держать у себя журналъ ограничивалось сутками. Были намѣчены и отдѣлы: беллетристическій, политико-экономическій, историческій, научный, критика и фельетонъ съ картинками изъ общественной жизни.

Вервицкій взялъ на себя поставку беллетристическихъ произведеній, Долба взялся за фельетонъ, по историческому отдѣлу вызвались двое: Рыльскій и Берендя. Рыльскій взялъ тему: соціальныя причины, вызвавшія отпаденіе Малороссіи отъ Польши. Берендя остановился сперва на темѣ изъ русской исторіи: доказать исторически, что русская раса идетъ общечеловѣческимъ путемъ въ дѣлѣ прогресса. Статья имѣла цѣлью нанести окончательный и рѣшительный ударъ славянофиламъ вообще и учителю исторіи, Леониду Николаевичу Шатрову—въ частности.

На праздникахъ нѣсколько разъ собирались по поводу журнала. Генеральное совѣщаніе было назначено у Долбы.

Карташевъ по дорогѣ зашелъ за Корневымъ, и если бы не Корневъ, то онъ такъ бы и остался тамъ.

— Послушайте, Карташевъ,—выскочила на крыльцо сестра Корнева,—приходите послѣ Долбы къ намъ чай пить.

Карташевъ покраснѣлъ отъ счастья до корней волосъ и го-

лосомъ, ясно говорившимъ, что развѣ смерть помѣшаетъ прійти, отвѣтилъ:

— Приду.

— Пораньше.

— Какъ только кончится. Кончится скоро... Уходите, а то простудитесь.

И, заглянувъ еще разъ вглубь смотрѣвшихъ на него издали глазокъ, онъ, скрѣпя сердце, пошелъ чинно рядомъ съ Корневымъ.

Долбу пріятели застали сидящимъ за своимъ столомъ и погруженнымъ въ какія-то глубокомысленныя соображенія. Онъ разсѣянно пожалъ имъ руки, толкнулъ небрежно лежавшую передъ нимъ рукопись Вервицкаго и проговорилъ озабоченно:

— Чортъ его знаетъ... Для перваго номера и такую неудачную штуку...

— Плохо?—спросилъ Корневъ.

— Почему дворникъ,—размышлялъ Долба, — а не точильщикъ или водовозъ...

Онъ пожалъ плечами.

— Фартукъ развѣ... Ничего типичнаго: ни быта, ни идеи... Такъ какія-то дѣтскія картинки... Ну вотъ...

Долба взялъ рукопись и прочелъ наудачу:

„Семенъ любилъ послѣ обѣда со своимъ другомъ посидѣть на завалинкѣ, гдѣ-нибудь на улицѣ такъ, чтобъ былъ виденъ заходъ солнца. Если при этомъ друзья бывали выпивши, а это случалось нерѣдко, они тихо мурлыкали себѣ подъ носъ какую-нибудь однообразную пѣснь и меланхолично провожали глазами опускавшееся на покой солнце...“

— И дальше описаніе заходящаго солнца... третье по счету.

— Да, не завлекательно,—сказалъ раздумчиво Корневъ.

— И вдобавокъ неграмотно, какъ только можетъ быть...

Долба засмѣялся своимъ мелкимъ смѣхомъ.

— Покажи.

Корневъ взялъ рукопись и сталъ разсматривать ее.

— Неважное блюдо, — сказалъ онъ, возвращая назадъ рукопись.

Долба взялъ опять рукопись, уставился въ нее, пожалъ плечами и проговорилъ:

— Ну, чортъ съ нимъ!

Онъ схватилъ карандашъ и написалъ подъ заглавіемъ: „Патологическій очеркъ“.

— Валяй. По крайней мѣрѣ, редакцію ни къ чему не обязываетъ.

— Собственно, почему же патологическій?

— Да потому, что поручиться за то, что не можетъ быть такой Семенъ дворникомъ, особенно когда всѣ мы его знаемъ и видимъ каждый разъ, когда приходимъ къ автору,—Долба фыркнулъ, — нельзя, а съ другой стороны, и не типъ это... Очевидно, патологическій очеркъ!

— Да, конечно,—согласился Корневъ.

— По крайней мѣрѣ, рамка литературная.

Долба отложилъ рукопись Вервицкаго въ сторону и, придвинувъ слегка исписанный листокъ, скромно проговорилъ, всматриваясь въ глаза Корневу и Карташеву:

— Я свой фельетонъ началъ уже...

— А... началъ... интересно послушать.

— Очень интересно,—насторожился Карташевъ.

— Да не важно... такъ, черновикъ.

— Ну, да ужъ тамъ видно будетъ. Читай.

Долба смущенно разсмѣялся, растрепалъ свои волосы, мгновеніе помолчалъ и началъ:

— Фельетонъ... Картинки общественной жизни...

„Все идетъ по-старому отъ начала времени по предопредѣленному пути“...

— Ты что жъ, не признаёшь, что путь этотъ измѣнялся и способенъ впредь измѣняться?

— Да, пожалуй, это не совсѣмъ удачный оборотъ... Да это, впрочемъ, для начала... надо жъ съ чего-нибудь... Какъ-то это начало все равно, что вотъ въ купаньи: раздѣлся... попробуешь лѣзть въ воду... одной ногой, другой... такъ, этакъ... все неловко—пока наконецъ соберешься съ силами: бултыхъ сразу...

— Конечно.

— Ну-съ... „Все такъ же мчится на своемъ рысакѣ счастливый собственникъ и меньше всего думаетъ о томъ, что есть милліоны людей, которые позавидовали бы не то, что его жизни—жизни кучера его, жизни рысака, и даже жизни его экипажа, который пріѣдетъ, и его поставятъ въ крытый сарай, а милліоны и такого сарая не имѣютъ. Что жъ? Экипажъ можетъ испортиться, а непромокаемый плащъ—человѣческая кожа —не боится, какъ извѣстно, ни дождя ни вѣтра“.

Долба оторвался и, разсмѣявшись, уставился въ слушателей.

— Ничего...—сказалъ Корневъ.

Карташевъ былъ занятъ вопросомъ: могъ ли бы онъ такъ написать? И, подавленный мастерствомъ пера Долбы, онъ похвалилъ:

— Очень, очень хорошо.

— Развѣ?—спросилъ Долба и весело разсмѣялся.

— Ну, валяй, валяй... Любитъ, чтобъ хвалили... — замѣтилъ недовольно Корневъ.

— Ну вотъ... Ну ладно...

„А между тѣмъ вторая тысяча лѣтъ истекаетъ съ того великаго момента, когда на землѣ раздались вѣчныя слова братства, равенства и свободы“...

Корневъ усиленно загрызъ ногти и перебилъ автора:

— Здѣсь нѣкоторымъ образомъ игра ума...

— Ну, такъ вѣдь я ужъ, конечно, такъ, чтобъ посильнѣе...

Дверь отворилась, и вошли Вервицкій и Берендя.

Долба положилъ свою рукопись и, здороваясь съ пришедшими, заявилъ Вервицкому:

— Твоя завтра въ наборъ... смотри.

Вервицкій посмотрѣлъ, увидѣлъ надпись, внимательно прочелъ и повторилъ съ нѣкоторымъ вопросомъ въ голосѣ:

— Патологическій?

— Значитъ, если буквально, — пояснялъ Долба, — болѣзненный.

— Чѣмъ же болѣзненный?—немного огорчился Вервицкій.

Всѣ разсмѣялись.

Берендя принялся объяснять ему.

Но Вервицкому не понравилось его объясненіе, и онъ нетерпѣливо перебилъ его:

— Ти-ти-ти... терпѣть не могу, когда ты лѣзешь не въ свое дѣло, берешься за то, чего самъ не понимаешь.

— Но... позволь, почему я не понимаю?

— Да, не понимаешь—и конецъ. Объясни,—обратился онъ къ Корневу.

Корневъ объяснилъ, стараясь облечь все въ такую форму, чтобъ не задѣть самолюбіе Вервицкаго.

Вервицкій стоялъ, засунувъ руки въ карманы, разставилъ ноги и слушалъ, смотря внимательно въ полъ.

Въ передачѣ Корнева ничего обиднаго для его авторскаго самолюбія не оказалось, и онъ проговорилъ удовлетворенно:

— Теперь понимаю... А то, ти-ти-ти, ти-ти-ти, и ни черта.

— Я... я... тебѣ то же самое говорилъ съ тою разницею, что не принялъ твоего самолюбія, что ли...

— Ерунда,—перебилъ его Вервицкій:—опять ерунда...

— Да... да... какая же ерунда?

И Берендя нѣжно приложилъ пальцы къ своей груди.

— А вотъ такая,—отвѣтилъ упрямо Вервицкій.

— Ты... ты... сердишься, Гораній, значитъ, ты неправъ,— сказалъ Берендя.

Вервицкій передразнилъ его и заключилъ:

— Выдернетъ ни къ селу ни къ городу и радъ.

Затѣмъ, не удостаивая больше вниманіемъ своего друга, онъ обратился къ Долбѣ:

— Ты, что̀ жъ, уже читалъ мое сочиненіе?

— Прочелъ.

— Ну, что̀, какъ?

Несмотря на грубоватую рѣшительность, въ голосѣ Вервицкаго слышались тайная тревога и страхъ.

— Да вѣдь что̀ жъ? Небольшая вещица... Да ничего.

— Я вѣдь ее такъ, между прочимъ, и написалъ, — объяснилъ Вервицкій.—Ну, ничего, такъ ничего: и то добре, и то въ шмакъ... Э, и ты написалъ. Ну, покажи, покажи...

Въ это время пришли Семеновъ и Рыльскій.

Вервицкій, схвативъ рукопись Долбы, усѣлся къ окну и принялся читать ее съ такимъ рѣшительнымъ и вдумчивымъ видомъ, съ какимъ только когда-либо авторъ читалъ новую вещь своего собрата.

Началось обсужденіе темъ.

— Ты на чемъ же остановился?—обратился Долба къ Карташеву, когда до него дошла очередь.

— Я, собственно, еще ни на чемъ не остановился.

— Что-нибудь историческое? — посмотрѣлъ Долба на Корнева.

— Отчего, собственно, историческое? — насторожился Карташевъ.

— Ну, что̀ хочешь...

— Научное развѣ что-нибудь, — нерѣшительно произнесъ Карташевъ.

— Что̀ жъ изъ научнаго?—спросилъ Корневъ.—Я думаю, этотъ отдѣлъ намъ не по плечу... Какую научную статью мы можемъ написать?

— Отчего жъ? — сказалъ Долба. — Популяризацію, напримѣръ, Фохта, Молешота, Бюхнера.

— Ихъ въ русскомъ переводѣ нѣтъ: по Писареву развѣ.

— Ну, это ужъ будетъ популяризація популяризаціи, — отвѣтилъ огорченно Карташевъ.

— Я беру на себя,—заявилъ Корневъ,—отдѣлъ критики... собственно, конечно, не критики, а сжатое изложеніе и нѣкоторыя соображенія по части текущей литературы.

— Ну что̀ жъ, отлично... Это красивый отдѣлъ, и у тебя выйдетъ. Ну, останавливайся и ты на чемъ-нибудь.

— Нѣтъ, я ничего не буду писать,—сказалъ Карташевъ, отчего-то вдругъ обидѣвшись.

— Да ты чего? Ну, пиши научное...

— Нѣтъ, да я... нѣтъ.

— Послушай: да ты, можетъ-быть, критическій отдѣлъ хотѣлъ... такъ бери, пожалуйста.

— Нѣтъ, нѣтъ.

— Да пиши... Вѣдь въ критическомъ отдѣлѣ могутъ и двое работать. Собственно даже, я думаю, для большаго интереса можно и полемику устроить; одинъ написалъ, а кто-нибудь, можетъ-быть, возражать станетъ.

— Это хорошо,—повеселѣлъ Карташевъ...—Ну, такъ вотъ ты и пиши, а я тебѣ возражать въ слѣдующемъ номерѣ буду...

— Да, можетъ, и не придется?

— Навѣрно, придется.

Всѣ разсмѣялись.

— А теперь я вотъ что возьму,—продолжалъ Карташевъ.—Я напишу о вредѣ классическаго образованія.

— Съ какой стороны?

— Со всѣхъ... Во-первыхъ, теоретически докажу.

— То-то теоретически,—вставилъ Рыльскій,—а то практически...

Всѣ разсмѣялись...

— Ты напиши,—далъ совѣтъ Корневъ,—что практически неудобно классическое образованіе въ томъ отношеніи, что есть иногда опасность умереть отъ смѣха. И знаешь: маленькую иллюстрацію къ этому... Картинки...

Карташеву было обидно, что его тему вышучиваютъ.

— Шутить такъ шутить, а серьезно говорить—такъ и давайте. Одно дѣло—нашъ Дмитрій Петровичъ... ничего общаго здѣсь нѣтъ съ общей постановкой классическаго образованія.

— Да нѣтъ... тема благодарная,—согласился Корневъ.

Но, какъ онъ ни старался проговорить это серьезно, въ голосѣ его чувствовалась подозрительная нотка, и Рыльскій подхватилъ ее.

— И я тебѣ совѣтую, когда ужъ все тамъ изложишь, что хочешь, привести, какъ послѣдній аргументъ, такой: изъ всѣхъ временъ только у самихъ классиковъ не было классиковъ, а между тѣмъ они-то и являются идеаломъ.

— Сирѣчь, — перебилъ Долба, — надо, двигаясь впередъ, стать передомъ не къ заду...

— Я ничего не буду писать,—обидѣлся окончательно Карташевъ.

Бросили шутки, и всѣ начали урезонивать его.

— Да ничего не хочу,—упрямо твердилъ онъ. — Не буду Вышутили, вышутили и пиши. Не буду.

— Послушай, ну, что ты, въ самомъ дѣлѣ... Ну что жъ, нельзя, значитъ, пошутить? Далай-Лама ты, что ли?

— Не Далай-Лама...

Карташевъ, какъ ни былъ обиженъ, но не могъ не разсмѣяться тому, что не могъ выговорить: Далай-Лама.

— Рыло ты,—сказалъ Корневъ, добродушно путая густые волосы Карташева, который послѣ своего невольнаго смѣха сидѣлъ съ глупой физіономіей, напрасно стараясь придать ей обиженный видъ.

— Ну, кто серьезно вышучивалъ? Глупо же... Прекрасная тема, вполнѣ современная, назрѣвшая.

— Можетъ вѣдь такъ, братецъ мой, выйти, — замѣтилъ серьезно Семеновъ: — такъ напишешь, что и классическое-то образованіе все къ чорту отмѣнятъ.

Какъ ни удерживалась компанія отъ смѣха, чтобы еще больше не огорчить Карташева, но силъ не хватило, и всѣ опять расхохотались.

— Дурачье,—проговорилъ, фыркая, Карташевъ.

— Ну, послушай, — сказалъ Рыльскій. — Брось къ чорту, да и бери, что ли... Мнѣ пора... Я долженъ итти сегодня съ родными.

Карташевъ вспомнилъ про свое обѣщаніе сестрѣ Корнева, ея приглашеніе и, окончательно развеселившись, согласился:

— Ну, хорошо, чортъ съ вами.

— А Дарсье такъ и не пріѣхалъ.

— Врешь, пріѣхалъ,—отвѣтилъ вошедшій Дарсье, по обыкновенію одѣтый съ иголочки.

— Ну, а ты что берешь?

— Ему отдѣлъ модъ завести,—предложилъ Рыльскій.

И, пока всѣ смѣялись, Дарсье добродушно повторялъ:

— Свиньи... Право, свиньи...

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, ты что берешь?

— Въ сущности, я вѣдь совсѣмъ не владѣю перомъ.

— Не будь скроменъ, — вставилъ Рыльскій: — ни перомъ ни языкомъ.

Дарсье сконфуженно провелъ рукой по своему лицу:

— Не злоупотребляю, можетъ-быть.

— Ого? — отвѣтилъ Рыльскій и запустилъ руку въ кудрявую шевелюру Дарсье.

— Ну, ужъ это пожалуйста. — Дарсье отшатнулся. — Языкомъ мели, что хочешь, а рукамъ воли не давай. Знаешь пословицу: jeu des mains, jeu des vilains.

— По-русски это выходитъ,—перевелъ Долба, смѣясь своимъ смѣхомъ:—у всякаго человѣка свой гоноръ есть

Однажды Карташевъ, взволнованный, пришелъ изъ класса домой, наскоро пообѣдалъ и заперся въ кабинетѣ.

Лежа на диванѣ, онъ держалъ только-что вышедшій гимназическій журналъ и читалъ съ наслажденіемъ свою статью, переписанную четкимъ, крупнымъ почеркомъ. Карташеву казалось, что это не онъ писалъ: такъ плавно и гладко читалось теперь написанное.

Онъ прочелъ залпомъ. Ему не захотѣлось больше ничьихъ статей читать, и съ журналомъ въ рукахъ, торжествующій и смущенный, онъ пришелъ въ столовую, гдѣ сидѣла Аглаида Васильевна съ дѣтьми. Зина пытливо вскинула глаза на брата, остановилась на мгновеніе на его тетради и проговорила тѣмъ разочарованнымъ голосомъ, когда впередъ уже знаешь, въ чемъ дѣло.

— А-а, журналъ...

— Покажи,—протянула руку Аглаида Васильевна.

Карташевъ далъ ей журналъ и съ довольной гримасой небрежно сѣлъ на стулъ у стола.

Аглаида Васильевна перелистывала довольно толстую тетрадь и, остановившись на статьѣ сына, начала ее читать.

— Мама, читай громко,—потребовала Зина.

Карташевъ напряженно слѣдилъ за ней глазами все время, пока она читала. Иногда она улыбалась, и тогда онъ вскакивалъ и смотрѣлъ въ журналъ: чему именно улыбается мать.

Когда она кончила, онъ впился въ нее глазами. Мать нѣкоторое время молчала и наконецъ сказала съ усмѣшкой:

— Глупенькій ты.

Карташевъ не ожидалъ такого отношенія. Онъ покраснѣлъ и смутился. Онъ спросилъ, стараясь быть равнодушнымъ:

— Тебѣ не нравится?

Мать недоумѣвающе пожала плечами:

— Нѣ-ѣтъ... ничего...

Какая-то непривычная сухость тона еще тяжелѣе задѣла Карташева.

Мать начала читать слѣдующую статью Корнева: „Нѣчто о художественномъ“.

— У него очень логически развивается мысль,—замѣтила она мимоходомъ и опять сосредоточенно погрузилась въ чтеніе.

Кончивъ, она вскользь окинула взглядомъ сына и, задумавшись, смотрѣла въ окно. Карташеву казалось, что она думала въ это время о томъ, что Корневъ написалъ прекрасную статью, а онъ, ея сынъ, написалъ бездарную, плохую, и ей стыдно теперь за него. Сердце Карташева тоскливо

сжалось. Онъ сидѣлъ смущенный, растерянный, и весь былъ охваченъ мыслью, какъ бы хоть не замѣтили и не угадали его душевнаго состоянія. Никто ничего не замѣтилъ: мать встала и вышла изъ комнаты. Зина, тоже вдругъ потерявъ интересъ къ его журналу, продолжала заниматься. Карташевъ посидѣлъ еще и, незамѣтно захвативъ журналъ, ушелъ съ нимъ къ себѣ.

Тамъ онъ бросилъ журналъ на столъ, а самъ, улегшись на диванѣ, долго лежалъ съ открытыми неподвижными глазами, заложивъ руки за голову.

— Ну что жъ, — подавленно произнесъ онъ вслухъ: — не буду больше никогда писать—и конецъ.

И въ гимназіи говорили о статьяхъ Корнева, Долбы, Беренди, но о Карташевѣ всѣ молчали. Онъ видѣлъ это, и больное чувство мучило его каждый разъ, когда рѣчь заходила о журналѣ. Онъ старался дѣлать равнодушное лицо и давалъ себѣ всевозможныя клятвы никогда не брать пера въ руки. Но часто по вечерамъ, когда уже всѣ расходились спать, онъ садился за письменный столъ и подолгу сидѣлъ надъ бѣлымъ листомъ бумаги. Иногда онъ пробовалъ писать, не думая, что подвернется, и страница-другая увлекали его, но, перечитавъ написанное, онъ, испуганно оглядываясь, уничтожалъ рукопись.

VI.

Вервицкій и Беренда.

Однажды Вервицкій и Беренда возвращались вмѣстѣ изъ гостей.

Друзья шли молча.

— А не любитъ меня Корневъ за то, что я ему правду-матку рѣжу,—проговорилъ Вервицкій.

— Да ты когда рѣзалъ?

— Да всегда.

Друзья опять замолчали.

— Зайдешь, что ли? — пригласилъ Вервицкій, подходя къ воротамъ своего дома.

— А можно?

— Только долго не сиди и впередъ уговоръ: больше двухъ папиросъ не дамъ.

— А къ чаю хлѣбъ будетъ?

— Этого сколько хочешь: тятькинъ.

Друзья, низко пригнувшись, вошли въ калитку, прошли подъ освѣщенными окнами верхняго этажа, причемъ Беренда

для чего-то даже пошелъ на цыпочкахъ; затѣмъ свернули въ маленькій темный проходъ и стали осторожно спускаться по крутой лѣстницѣ.

— Ой!—споткнулся Берендя и ухватился за плечо Вервицкаго.

— Да ну!.. Пусти, — отвѣтилъ своимъ грубоватымъ, сиплымъ голосомъ Вервицкій и отворилъ дверь въ низкую комнату, освѣщенную висячей лампой. Онъ быстрымъ пытливымъ взглядомъ обвелъ комнату и сейчасъ же что-то замѣтилъ.

— Ну, теперь поймалъ подлецовъ.

Онъ всталъ на табуретъ, досталъ съ полки ящикъ съ табакомъ и внимательно, долго смотрѣлъ въ него. На лицѣ его было удовлетвореніе отъ искусно выполненнаго плана и огорченіе о погибшей безвозвратно горсти табаку. Его охватила злоба, онъ началъ браниться и наконецъ, крикнувъ:— „Отцу скажу!“—выскочилъ изъ комнаты.

Берендя какъ-то весь съежился во время этой сцены и только, когда Вервицкій ушелъ, онъ облегченно вздохнулъ. Разсѣянно скрутивъ папиросу, онъ осторожно усѣлся на стулъ и, смотря въ окно, сталъ пускать густые клубы дыма.

Сверху донесся сперва голосъ Вервицкаго, затѣмъ рѣзкій, громкій отца, затѣмъ визгъ братьевъ.

— За уши деретъ,—мелькнуло въ головѣ Беренди, и онъ испуганно раскрылъ глаза и насторожился.

Дверь быстро отворилась, и вошелъ Вервицкій. Онъ остановился, непріятно огорченный клубами дыма.

— Начадилъ ужъ, — обратился онъ ворчливо къ другу.

Но, замѣтивъ при этомъ и неимовѣрно толстую папиросу, онъ окончательно взбѣсился:

— Ты бы ужъ изъ всего табаку сдѣлалъ!

— Если тебѣ обидно, я назадъ положу.

— Обидно, что табакъ переводишь. Хотя бы затягивался.— Вервицкій отворилъ форточку.

— Сядь хоть около форточки, чтобъ дымъ выходилъ.

– Изволь, — согласился Берендя.

Наступило молчаніе.

— Ну что̀, имъ уши надралъ отецъ?

— Конечно, надралъ, — ворчливо отвѣтилъ Вервицкій. — Подлецы, каждый разъ. А я откуда возьму? Отецъ вотъ даетъ рубль въ мѣсяцъ—и изворачивайся на него.

— Да тебѣ на что при всемъ готовомъ?

— На что? Да вотъ табакъ.

— Глупости!

— Глупости, когда чужой, а купи его.

— Куренье вредно.

— Зачѣмъ же куришь?

— Я вѣдь только, если угостятъ.

— А я вотъ не могу... Не на что купить — лучше курить не буду, а чужого не попрошу.

— Послушай, я вотъ получу деньги, подарю тебѣ полфунта.

— Слышали.

— Право, подарю... А давно не высылали: хозяйка, того и гляди, выгонитъ... Чай вышелъ...

— Приходи ко мнѣ чай пить. Идешь въ гимназію—зашелъ, вечеромъ зашелъ: напился и пошелъ.

— Я вѣдь, собственно, не любитель чаю. У меня въ библіотекѣ полтора рубля есть... могъ бы.

— Ну, ужъ я этого не понимаю.

Принесли чай, и друзья жадно набросились на ѣду.

Наѣвшись, напившись, Берендя улегся на кровать, причемъ Вервицкій, подобрѣвъ, добродушно проговорилъ: „постой“, и подостлалъ подъ ноги Берендѣ, чтобъ не запачкать одѣяло, пальто гостя, а самъ, усѣвшись къ окну, взялъ гитару и, куря и смакуя, началъ тихо наигрывать малороссійскіе мотивы. По низкой комнатѣ въ облакахъ дыма понеслись жалобные прерывающіеся звуки. Подъ нихъ Вервицкій мечталъ о своей будущей литературной славѣ, о Зиночкѣ Карташевой, а Берендя лежалъ и не хотѣлъ ни о чемъ думать. На первомъ планѣ у него стоялъ вопросъ о деньгахъ и о причинѣ ихъ невысылки, хорошо извѣстной ему: вѣроятно, отецъ опять запилъ, и съ этимъ вмѣстѣ рисовалась ему вся тяжелая домашняя обстановка чиновника съ грошовымъ жалованьемъ, громадной семьей, да къ тому же пьющаго запоемъ.

Наигравшись, Вервицкій тоже пожелалъ поваляться на кровати и, слегка толкнувъ друга, сказавъ: „пусти“, улегся рядомъ съ Берендей.

Онъ продолжалъ плавать въ волнахъ своей будущей славы, той славы, которую всю безъ остатка онъ сложитъ къ ногамъ Зиночки.

Берендѣ хотѣлось говорить. Все то, что̀ въ данный моментъ парализовало его мыслительныя способности, просилось на языкъ.

— Ты знаешь, мой отецъ запоемъ пьетъ,—проговорилъ онъ.

— Гм!—отвѣтилъ неопредѣленно Вервицкій.

— Собственно, если разсказать все — чортъ знаетъ, вѣдь это какой трагизмъ, въ сущности... Онъ вѣдь когда напьется... ночью...

Берендя понизилъ голосъ и широко открылъ свои желтые глаза.

— Отецъ, пьяный, въ одной рубахѣ, качается и бѣжитъ за нами по комнатамъ, а мы съ матерью всѣ отъ него... кричимъ...

— Послушай,—перебилъ его Вервицкій:—ты не обижайся: я тебѣ совѣтъ дамъ,—никогда не разсказывай этого, потому что дѣлу ты этимъ не поможешь, а самъ выходишь въ какомъ-то несимпатичномъ свѣтѣ...

— Да я никогда никому и не говорю, — испуганно успокоилъ друга Берендя.

— И не надо говорить.

Друзья опять замолчали.

Мысли Вервицкаго получили другое направленіе. Онъ думалъ о своемъ другѣ, о томъ, что онъ не то, что дуракъ, а такъ, чортъ его знаетъ что̀, безъ всякаго такого умѣнья все это такъ дѣлать, чтобы выходило по-людски. Ему жалко стало своего обездоленнаго друга, ему даже захотѣлось какъ-нибудь смягчить свое рѣзкое замѣчаніе, которое онъ сказалъ отъ добраго сердца для его же пользы. Онъ сталъ уже придумывать что-нибудь, но въ это время его вдругъ точно что̀ кольнуло въ сердце, онъ быстро схватился за отвислый карманъ своей старой, изъ отцовской передѣланной жилетки и, пощупавъ тяжелые серебряные часы, удачно купленные на толкучкѣ за 4 рубля, вынулъ ихъ, приподнялся на локоть къ свѣту, сперва скользнулъ взглядомъ съ удовольствіемъ по крышкѣ, затѣмъ, нажавъ пружину, посмотрѣлъ, который часъ, и, свистнувъ, проговорилъ:

— Э-ге-ге-ге! Десятаго двадцать минутъ... Иди, иди, — добродушно обратился онъ къ Берендѣ: — я еще ничего не готовилъ.

— О!—встревожился Берендя:—и мнѣ тоже вѣдь надо.

Онъ одѣлся, скрутивъ на дорогу еще одну папироску, третью по счету, предварительно спросивъ:

— Можно?

— Ну, да крути, да не разбрасывай хотя,—отвѣтилъ Вервицкій.

И, пока Берендя крутилъ, поглядывая въ то же время добродушно-лукаво на Вервицкаго, что вотъ, дескать, не въ счетъ, послѣдній съ добродушно-разочарованной миной слѣдилъ за неумѣлымъ крученьемъ Берендей папироски и за исчезавшимъ въ папироскѣ табакомъ. Ему жаль было не табаку, а все того же Берендю, который и этой мелочью, и неумѣньемъ крутить, и посягательствомъ на эту третью па-

пироску такъ характерно обрисовывался въ глазахъ молодого писателя.

— Да, мелочи рисуютъ людей, — вздохнулъ Вервицкій, когда Берендя уже скрылся за дверью. И онъ продолжалъ стоять въ той же позѣ и все такъ же смотрѣть съ высоты своего умственнаго пьедестала на ушедшаго Берендю. И такимъ маленькимъ и жалкимъ казался ему его другъ и все дѣлался меньше, пока не превратился наконецъ въ какую-то точку и не слился съ длиннымъ лучомъ свѣчки, на которую такъ долго, не мигая, засмотрѣлся Вервицкій,—такъ долго, что у него наконецъ заболѣли глаза. Онъ усиленно сжалъ вѣки, а когда открылъ, то ужъ передъ нимъ не было ни Берендi, ни литературной славы, ни Зиночки: передъ нимъ стоялъ его бѣлый некрашеный столъ, а на немъ лежалъ ранецъ съ учебными тетрадями. „Наука горька, но плодъ ея сладокъ“, и Вервицкій рѣшительно, ни о чемъ больше не думая, потянулся за ранцемъ.

А Берендя шелъ, волоча свои длинныя ноги, по пустымъ спящимъ улицамъ; желтоватые глаза его безцѣльно смотрѣли впередъ, и онъ машинально все дымилъ своей папироской, пока она не искурилась до того, что начала не на шутку жечь ему пальцы.

— А чортъ съ тобой,—проворчалъ онъ, на мгновеніе отвлекшись отъ своего созерцательнаго настроенія и бросая окурокъ.

Затѣмъ онъ опять погрузился въ свое состояніе и вышелъ изъ него только тогда, когда гдѣ-то вблизи раздался сиплый, пьяный голосъ человѣка, который, очевидно, разговаривалъ самъ съ собой.

Дѣйствіе уже происходило за городомъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ большой темный бульваръ отдѣлялъ собственно городъ отъ предмѣстья.

Берендя сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и наткнулся на сидѣвшаго на скамьѣ какого-то громаднаго верзилу.

— Ты... ты что̀ кричишь? — спросилъ Берендя, немного смущенно пятясь отъ верзилы.

— А ты что̀?—проговорилъ сиплый голосъ, и, вдругъ поднявшись, верзила быстро схватилъ Берендю за горло.

— Давай денегъ!

„Задушитъ!“—судорожно, мучительно мелькнуло въ головѣ Берендi, и, метнувшись, онъ прохрипѣлъ страннымъ, не то просящимъ, не то раздраженнымъ голосомъ:

— Да пусти же!

— Давай деньги!

— Нѣтъ же! — съ горечью отвѣтилъ Берендя. — Я гимназистъ... Какія у меня деньги?

— Зачѣмъ же ты шляешься по ночамъ? — смущенно пробормоталъ верзила, опуская руки.

— Я занимался у товарища и домой иду... Нарочно ходилъ къ товарищу, чтобъ хоть 20 копеекъ достать... чаю, сахару нѣтъ.

— Дуракъ же ты...

— Ну что жъ... — поматывая, по обыкновенію, головой, отвѣтилъ Берендя.

Онъ остановился и подумалъ: „въ сущности, добрый человѣкъ“.

— Ну спасибо, что отпустилъ,—нерѣшительно проговорилъ онъ и протянулъ руку верзилѣ. — Я Берендя.

— Петръ Семеновичъ,—угрюмо отрекомендовался верзила.

— Милости просимъ ко мнѣ... Я живу на Почтовой, въ домѣ Терениной.

„Чортъ его знаетъ, зачѣмъ я его въ гости зову“, — подумалъ Берендя.

— Приду, — лаконически отвѣтилъ верзила и вдругъ, засунувъ руку въ карманъ, вынулъ оттуда два двугривенныхъ и, протягивая Берендѣ, сказалъ:

— Ты ходилъ за деньгами — на.

Берендя мгновеніе колебался.

— Отдашь.

— Спасибо, Петръ Семеновичъ, какъ бы только васъ это не стѣснило.

— Не безпокойтесь.

— Слушайте, Петръ Семеновичъ, въ такомъ случаѣ и вы дайте мнѣ свой адресъ: я скоро получу деньги.

— Въ любомъ кабакѣ спросите.

Верзила указалъ наискосокъ бульвара.

— Утромъ въ то время, какъ въ гимназію ходите, я почти всегда тамъ.

Берендя еще разъ поблагодарилъ, пожалъ руку и добродушно замѣтилъ, уходя:

— А вы мнѣ, Петръ Семеновичъ, таки-помяли шею.

— Да ужъ... извините... — угрюмо отвѣтилъ верзила, съ опущенной головой исчезая въ кустахъ бульвара.

„Что за чортъ!“—думалъ Берендя, шагая дальше съ 40 копейками въ карманѣ, помятой шеей и съ неяснымъ впечатлѣніемъ отъ всей этой неожиданной встрѣчи, — надо посмотрѣть, не въ крови ли деньги?“

Войдя въ улицу, онъ подошелъ къ фонарю и внимательно осмотрѣлъ оба двугривенныхъ. Деньги оказались чистыми.

Берендя усмѣхнулся, спряталъ ихъ въ карманъ и пошелъ дальше.

Вернувшись домой, онъ долго ходилъ по своей комнаткѣ, все обдумывая свою неожиданную встрѣчу. Въ общемъ она оставила въ немъ какое-то пріятное впечатлѣніе отъ поставленнаго по существу вопроса.

„Онъ человѣкъ, я человѣкъ“,—и Берендя останавливался, смотрѣлъ своими лучистыми глазами впередъ, пожималъ плечами, усмѣхался и говорилъ:—„Вотъ, чортъ побери!“

Съ общепринятой точки зрѣнія, тѣмъ не менѣе, дѣло выходило изъ ряда вонъ, и Берендя не зналъ, на чемъ остановиться: считать ли себя правымъ, что пригласилъ этого бродягу къ себѣ и не только пригласилъ, но и взялъ у него деньги, или смотрѣть на себя чуть ли не какъ на участника этого бродяги. Имъ овладѣвало по временамъ брезгливое чувство, и онъ повторялъ свое „чортъ возьми“ уже съ раздраженіемъ и рѣшалъ, что обо всемъ этомъ не слѣдуетъ никому, а ужъ тѣмъ болѣе Вервицкому, и заикаться. Но опять, продолжая рыться въ своихъ ощущеніяхъ, онъ наталкивался на что-то другое, передъ чѣмъ все условное отодвигалось на задній планъ, а впереди стоялъ только человѣкъ...

„Во времена классиковъ,—иронизировалъ самъ съ собою Берендя,—какой-нибудь Діогенъ...“

Берендя вспомнилъ сегодняшнюю тему Карташева и раздраженно усмѣхнулся.

„Только и учишь весь этотъ классическій міръ для того, чтобы не смѣть и думать о той классической простотѣ и ясности существа вещей, какая была. Съ какимъ-нибудь пропойцей, можетъ-быть, разбойникомъ, я, мальчишка, договариваюсь въ два слова до человѣческаго, а въ взросломъ обществѣ этотъ человѣкъ доходитъ до пропойства, до потери человѣческаго“.

Берендя плюнулъ и подумалъ:

„Я очень радъ, что и пригласилъ его и деньги принялъ“.

Берендя съ удовольствіемъ ощупалъ пальцами деньги и подумалъ:

„А не дурно бы что-нибудь съѣсть да рюмочку водки...“

Онъ осторожно подошелъ къ двери, пріотворилъ ее и долго стоялъ, всматриваясь въ темноту и прислушиваясь. Но все было тихо, всѣ спали, и Берендя, затворивъ опять дверь, возвратился къ себѣ. Онъ нерѣшительно остановился передъ учебниками, отошелъ отъ нихъ, приблизился-было къ скрипкѣ, но, вспомнивъ, что всѣ спятъ уже, онъ и скрипку оставилъ и, взявъ книгу, повалился съ ней на кровать.

Онъ читалъ до тѣхъ поръ, пока весь керосинъ не сгорѣлъ въ лампѣ, пока слабый разсвѣтъ не заглянулъ въ окна, и только тогда, наскоро раздѣвшись, онъ легъ на кровать. Но долго еще ворочался, чутко прислушиваясь къ шороху, къ каждому скрипу, переживая непріятное ощущеніе не то страха, не то какого-то нервнаго переутомленія. Даже засыпая, онъ постоянно вздрагивалъ всѣмъ тѣломъ, и ему казалось, что онъ все падаетъ съ размаху, все срывается стремительно въ какую-то пропасть. Наконецъ онъ заснулъ нервнымъ, тревожнымъ сномъ, мечась по кровати и отчаянно скрипя зубами.

Этотъ скрипъ на друга его Вервицкаго всегда наводилъ паническій ужасъ и былъ еще лишней причиной относиться пренебрежительно къ Берендѣ, считая его какимъ-то недодѣлкомъ.

VII.

Пропойцы.

— Ну-съ! Такъ какъ же?—обхвативъ за руки Берендю, какъ-то въ классѣ во время рекреаціи, остановилъ послѣдняго Долба.

Берендя, притиснутый Долбой къ стѣнѣ, смотрѣлъ на него и вдругъ рѣшилъ подѣлиться съ нимъ своимъ секретомъ.

— П...послушай, — началъ онъ таинственно: —вотъ, чо... чортъ возьми, у меня есть два знакомыхъ...

— Какихъ знакомыхъ?

— Пропойцы.

Берендя фыркнулъ.

— Какіе пропойцы?

— Одинъ техникъ, другой учитель...

Берендя разсказалъ Долбѣ о своей фантастической встрѣчѣ и знакомствѣ съ Петромъ Семеновичемъ и его товарищемъ, Василіемъ Ивановичемъ, котораго вскорѣ привелъ къ Берендѣ Петръ Семеновичъ.

— И...интересный типъ... умные,—кричалъ Берендя.

— Ну?!

— Во...вотъ тебѣ крестъ... Чортъ знаетъ, что такое!

— И сошелся съ ними?

— Да... да, сошелся...

Берендя, какъ-то пригнувшись и показывая свои гнилые зубы, всматривался нерѣшительно въ Долбу. Долба смотрѣлъ на него нѣкоторое время и наконецъ залился своимъ мелкимъ смѣхомъ.

— Ахъ, чортъ!—трясъ онъ головой, и трудно было сказать,

что̀ означалъ его смѣхъ: сочувствіе Берендѣ, удивленіе или презрѣніе къ нему.

Смѣхъ Долбы такъ долго продолжался, что Корневъ, сидѣвшій въ это время за какой-то книгой и усердно обгрызавшій свои ногти, оторвался и лѣниво окрикнулъ его, не поворачиваясь:

— Ну, чего тамъ?

Долба въ отвѣтъ еще энергичнѣе разсыпался своимъ мелкимъ смѣхомъ, покраснѣлъ и усиленно трясъ головой. Корневъ бросилъ книгу и, подойдя къ нему и Берендѣ, проговорилъ:

— Ну?

Между смѣхомъ Долба передалъ о знакомствѣ Беренди съ пропойцами.

— Ну?—переспросилъ Корневъ, когда кончилъ Долба.

— Ну, и ничего, — отвѣтилъ немного уже смущенный Долба.

— Чему же ты смѣешься!

— Отчего мнѣ не смѣяться?

— Рыло!

— За...замѣчательно интересный народъ,—приложилъ Берендя свои пальцы къ груди.

— Гм!—протянулъ раздумчиво Корневъ.

— Посмотрѣть бы ихъ надо?—не то совѣтуясь, не то совѣтуя, предложилъ Долба.

— Ихъ, что̀ жъ, за деньги показываютъ? — спросилъ Корневъ.

— За...зачѣмъ?—не понялъ Берендя остроты:—такъ прямо и... приходите.

Посмотрѣть новыхъ знакомыхъ Беренди собрались: Корневъ, Рыльскій, Долба, Карташевъ. Корневъ привелъ къ Берендѣ и своего двоюроднаго брата Моисеенко, студента университета. Къ Моисеенко и Корневъ и вся компанія относились съ уваженіемъ.

Моисеенко былъ простой съ виду, вдумчивый и серьезный, весь поглощенный своими мыслями человѣкъ. Казалось, не было книги, которой бы онъ не прочелъ. На все, что̀ для компаніи представлялось неяснымъ, у Моисеенко всегда были опредѣленныя и точныя разъясненія. Онъ охотно давалъ ихъ, ставилъ ни во что свою эрудицію и поэтому пользовался въ кружкѣ Корнева авторитетомъ. Можно было спорить съ Корневымъ, съ Рыльскимъ и Долбою, но съ Моисеенко не спорилъ никто̀, и когда молчавшій до того Моисеенко начиналъ

говорить, то всѣ споры сами собой кончались. Для компаніи это былъ тотъ же Писаревъ, Бокль, Дарвинъ, съ тою разницею, что тѣ были далеки, бывали не всегда понятны, а этотъ былъ близокъ и понятенъ.

Съ виду, впрочемъ, никакого поклоненія или почитанія не было,—относились даже какъ будто пренебрежительно.

Отношенія Беренди къ пропойцамъ были очень своеобразныя. Они брали у него деньги, изрѣдка заглядывали въ его квартиру, а то встрѣчались съ нимъ въ той части бульвара, гдѣ онъ жилъ.

Берендя уже зналъ ихъ исторію, выслушивалъ терпѣливо проклятія Петра Семеновича по адресу своихъ враговъ и блаженный лепетъ товарища его Василія Ивановича:

— Вы умный, хорошій, вы честный, вы очень умный...

— Чѣ-ѣмъ я умный?—растерянно говорилъ Берендя.

— Вы скромный и умный... Вы поняли жизнь лучше насъ... Вамъ жить.

— Разслюнявился,—обрывалъ его Петръ Семеновичъ.— Умъ тоже нашелъ... Вамъ сколько лѣтъ?—обращался онъ пренебрежительно къ Берендѣ.

— Семнадцать.

— Семнадцать,—у васъ на губахъ молоко не обсохло еще, а въ ваши годы я ужъ въ морду залѣпилъ профессору... Подлецъ, хоть бы пожаловался... ей-Богу! „Я, говоритъ, семейный человѣкъ, не губите меня“.

— Ахъ, Петръ Семеновичъ, я какъ подумаю... какой т лантъ въ васъ погибъ...

Берендя тоже былъ склоненъ видѣть въ Петрѣ Семеновичѣ что-то выдающееся. На смотринахъ Корневъ усиленно грызъ ногти и пытливо всматривался въ странныхъ знакомыхъ Беренди. Василій Ивановичъ, по обыкновенію, во всѣ глаза смотрѣлъ въ какомъ-то ошалѣломъ восторгѣ на всѣхъ. Петръ Семеновичъ угрюмо ежился и старался подавить всѣхъ своимъ презрѣніемъ.

Моисеенко молча внимательно наблюдалъ ихъ, изрѣдка задавая вопросы и опять продолжая слушать.

Когда пріятели ушли, Корневъ раздумчиво замѣтилъ:

— У этого... Василія Ивановича, что ли?—что-то жалкое. А тотъ, другой, очевидно, совсѣмъ потерялъ всякій образъ человѣческій... Во всякомъ случаѣ... я не знаю... интереснаго мало... а впрочемъ...

Корневъ сосредоточенно принялся за свои ногти.

—Es ist eine alte Geschichte,
Die bleibt doch immer neu,
Und wem sie just passiret,
Dem bricht das Herz entzwei,—

продекламировалъ Долба и лѣниво улегся на кровать.

Корневъ всталъ, подошелъ и, сказавъ: „пусти“, легъ рядомъ съ нимъ.

Долба приподнялся на локоть и, разсматривая широкое, блѣдное лицо Корнева, машинально оправлялъ свободной рукой его густые волосы.

— Въ сущности, если такъ вдуматься,—говорилъ Корневъ,—собственно, вѣдь страшная вещь жизнь... Все какъ будто идетъ себѣ шагъ за шагомъ, а чѣмъ кончается... Можетъ-быть, и между нами...

— Ничего не можетъ быть подобнаго,—рѣшительно проговорилъ Моисеенко, вставая и подходя къ окну.

Онъ стоялъ спиной, смотрѣлъ въ далекую перспективу улицы и говорилъ тѣмъ охватывающимъ живымъ голосомъ, какимъ говорятъ нервные, убѣжденные люди.

— Почва, на которой они поломали себѣ ноги,—я знаю ихъ исторію,—безыдейность. При такомъ условіи, чѣмъ лучше человѣкъ, чѣмъ больше въ немъ силъ, тѣмъ скорѣе онъ разобьется. Ну, пароходъ съ сильной машиной безъ компаса и картъ на полномъ ходу... Отчасти, конечно, они жертвы безвременья... Жизнь нашего поколѣнія начинается при иныхъ условіяхъ: цѣли ясно намѣчены, и пути обозначились... Періодъ броженія, процессъ оклассованія, конечно, неизбѣженъ.

— Какъ ты сказалъ?—спросилъ Корневъ.

— Оклассованія... тотъ процессъ, что̀ на Западѣ уже заканчивается. Періодъ чистой идеи... ну, хоть эпохи конца прошлаго столѣтія во Франціи... смѣняется періодомъ приспособленія этой идеи къ жизни... Классы общества вступаютъ въ свои права, и, въ силу того или другого вліянія класса, идея видоизмѣняется, идетъ процессъ борьбы, она или обуржуазивается, или въ болѣе чистомъ видѣ проникаетъ въ жизнь. Являются люди теоріи... практическіе дѣятели, рядомъ уступокъ проводящіе по частямъ свою идею. Запутаться въ этомъ, хотя и сложномъ, но ясномъ процессѣ теперь можно только при неразвитости; нѣтъ, конечно, выполненія того, что̀ выработала человѣческая мысль лучшаго, но разборка идетъ, и той каши понятій, того сумбура искусственныхъ потемокъ, которыя губятъ, уже нѣтъ. А слѣдовательно и мѣста отчаянію нѣтъ и быть не можетъ. То-есть, конечно, жизнь всегда можетъ разбиться при преслѣдованіи личныхъ эгоистическихъ

цѣлей: хотѣлъ быть сановитымъ — не выгорѣло, хотѣлъ устроить свое состояніе—лопнуло все. Такихъ и жалѣть нечего,—вольно же выбирать то временное счастье, которое всякая роковая случайность жизни шутя и легко можетъ вырвать и разбить въ дребезги! Есть другое счастье на землѣ... истинное и единственное... счастье, заключающееся въ самосознаніи, кто ты и что ты, въ идеѣ, въ той жизни для другихъ, въ той сферѣ, которая недоступна ни грязнымъ рукамъ проходимца ни роковымъ случайностямъ. Способность жертвовать собою для блага другихъ присуща натурѣ человѣка: не глуши ее, и она явится такимъ источникомъ счастья, съ которымъ развѣ сравнится то эфемерное, которое подъ своей красивой скорлупой таитъ только постоянную необходимость заглушать въ себѣ гордость сознанія своего человѣческаго чувства. Всю жизнь здѣсь дрожи непрерывно передъ рискомъ потерять все, всю жизнь вынужденный роковою послѣдовательностью быть зломъ. Въ альтруистической жизни совершенно обратное; ты не нуждаешься во лжи и фальши, потому что для тебя нуженъ минимумъ: десятирублевый сюртукъ такъ же хорошъ, какъ и сторублевый, одна комната для тебя то же, что для другого нѣсколько этажей. Въ этомъ страшная сила и преимущество: тебѣ нечего терять. Другое преимущество въ томъ, что въ то время, какъ одни только и заняты тѣмъ, что для тебя совершенно не нужно, ты все свое время употребляешь на положительную работу—уничтоженіе зла, приведеніемъ его шагъ за шагомъ къ самосознанію. Какъ бы ни была скромна твоя роль, тебѣ тѣмъ удобнѣе это. Ученый—ты разъясняешь людямъ незыблемые законы человѣческаго благополучія; ты; вмѣсто пальца, приставленнаго ко лбу, силой вещей заставляешь, указывая промахи, считаться съ знаніемъ. Практическій дѣятель ты, ну, хоть сторожъ желѣзнодорожной будки, но, разъ твой умственный микроскопъ умѣетъ работать, ты наблюдаешь и изучаешь великій міръ, одинаковый въ своихъ проявленіяхъ и въ каплѣ воды и въ океанѣ. Причины, почему въ одной деревнѣ плохо живется, необходимы для пониманія общихъ причинъ упадка, какъ слагаемыя нужны для общей суммы. Однимъ словомъ, жизнь людей альтруистическихъ—будущая жизнь всего человѣчества; внѣшность имъ не нужна, единеніе ихъ основано не на количествѣ платьевъ, не на цвѣтѣ подкладки, не на всемъ томъ, во что могутъ нарядить человѣка, какъ куклу, чужія деньги и чужія руки, не на наивной гордости не сознающихъ своей роли, а на счастьѣ имѣть возможность сознавать свое человѣческое достоинство, на сознаніи, что это

достоинство возмутится одною мыслью, что ты надѣнешь, можетъ-быть, и золотыя, но унизительныя цѣпи преступнаго раба. Чудная басня Лафонтена: голодный, но свободный гражданинъ. Здѣсь, въ этомъ обществѣ одно тебѣ необходимо: знаніе и самосознаніе, т.-е. надлежащее развитіе. Стòитъ потрудиться, потому что, во-первыхъ, и трудъ благородный и результатъ труда—счастье жизни. Духовное счастье: жизнь отнять его не можетъ. Великое преимущество! У людей времени Петра Семеновича было то неудобство, что не было общества такихъ людей, т.-е. оно было, конечно, но не многочисленное, не распространенное... Теперь такихъ людей вездѣ встрѣтишь и найдешь, а въ веселой компаніи и кусокъ честно заработаннаго чернаго хлѣба съѣшь съ бòльшимъ наслажденіемъ, чѣмъ какіе-нибудь трюфели богатаго ресторана въ обществѣ людей, узнающихъ другъ друга только по мѣткамъ портныхъ, а перепутай портной мѣтки—и все пропало... Какое жъ это счастье? Счастье улицы... достояніе любого проходимца... грошъ ему цѣна!

— Ну и бритва языкъ,—сказалъ Долба и, тряхнувъ головой, весело разсмѣялся.

Моисеенко, въ разговорѣ разсѣянно переходившій отъ окна къ столу, перебравшій и перетрогавшій, кажется, всѣ вещи по пути, остановился, посмотрѣлъ на всѣхъ, точно соображая, гдѣ онъ и какъ попалъ сюда, озабоченно сдвинулъ брови и, суетливо застегивая свой пиджакъ, взялся за шапку.

— Куда? Постой!—удерживалъ Корневъ.

— Ку-куда вы?—спросилъ, въ свою очередь, Берендя, поднимаясь.

— Нужно на урокъ.

Моисеенко торопливо попрощался со всѣми и вышелъ.

За Моисеенко разошлись и другіе.

На перекресткѣ Рыльскій и Долба ушли въ одну сторону, а Корневъ, Карташевъ и Берендя стояли въ раздумьѣ, что̀ предпринять и куда итти.

— Идемъ на бульваръ,—предложилъ Берендя.—Тамъ увидимъ, навѣрно, и моихъ гостей.

Всѣ трое пошли.

Петръ Семеновичъ и Василій Ивановичъ, дѣйствительно, сидѣли на скамьѣ боковой аллеи бульвара.

Было тихо и уютно.

Вдали съ щемящею грустью сумерекъ неподвижно застыла далекая готическая церковь; засыпавшій въ мартовскомъ вечерѣ бульваръ; розовыя полосы мягкаго влажнаго весенняго заката, когда бѣлыя сочныя облака такъ свободно купаются

въ нѣжной и блѣдной вечерней лазури небесъ. Кругомъ никого не было.

— Мо-ожно присѣсть?—спросилъ Берендя.

— Садитесь, садитесь,—заволновался Василій Ивановичъ, съ какимъ-то восторгомъ и счастьемъ осматривая подошедшихъ.

Василій Ивановичъ чувствовалъ себя уютно и заглядывалъ вопросительно-счастливо имъ въ глаза.

Въ Карташевѣ непріятное брезгливое чувство къ расплывшемуся заискивающему Василію Ивановичу подавлялось сознаніемъ необходимости отвѣчать ему чѣмъ-нибудь ласковымъ. Но онъ не могъ отдѣлаться въ душѣ отъ тяжелаго брезгливаго ощущенія: что-то точно насильно забиралось въ него въ образѣ этихъ заискивающихъ, жалобно смотрящихъ голубыхъ глазъ пропившагося человѣка въ грязномъ костюмѣ, въ оборванныхъ рукавахъ, изъ-подъ которыхъ выглядывало темное отъ грязи бѣлье. Онъ чувствовалъ, что не можетъ и оттолкнуть этого ласковаго взгляда, и мѣста ему нѣтъ въ его душѣ. Даже радость Василія Ивановича была ему непріятна и отталкивала отъ себя чѣмъ-то грязнымъ и нечистоплотнымъ. Ему вспомнилась Жучка въ тотъ моментъ, когда, вытащенная изъ колодца, она съ размаху бросилась и лизнула его, грязная, прямо въ губы. И это воспоминаніе, невольная параллель Жучки съ этимъ оборванцемъ смутила его укоромъ совѣсти и прогнала все непріятное. Онъ, какъ могъ, ласково кивнулъ Василію Ивановичу головой.

Василій Ивановичъ напряженно, точно ожидавшій этого, вспыхнулъ, и его лицо освѣтилось такимъ мягкимъ свѣтомъ счастья, отъ котораго весело и легко стало Карташеву.

— Мы вотъ съ Василіемъ Ивановичемъ о васъ толковали, — проговорилъ Петръ Семеновичъ. — Онъ видитъ, по своему обыкновенію, въ васъ что-то особенное... ерунда все это... вы не больше тростника... трахъ—и ничего нѣтъ... такъ голыми руками васъ всѣхъ переломаешь, какъ хочешь, а жизнь... Надо жизнь знать, что̀ за зловредная это штука... Какъ въ пѣснѣ гдѣ-то: „На смѣхъ людямъ породыла васъ маты“.

— Ахъ, Петръ Семеновичъ,—страшно заволновался Василій Ивановичъ: — зачѣмъ же... разбивать надежды... Не вѣрьте ему... Жизнь трудна, но есть выходъ... и, можетъ-быть, такъ прелестна, такъ хороша...

Василій Ивановичъ судорожно забралъ воздухъ въ себя и замеръ. Слезы одна за другой закапали по его лицу.

— Ну, что̀ вы, ей-Богу, Василій Ивановичъ... Люди подумаютъ, водка въ васъ плачетъ...

Карташевъ передалъ матери о своемъ новомъ знакомствѣ. Аглаида Васильевна насторожилась.

— Если людямъ нѣтъ выхода, — говорилъ сынъ, — что жъ имъ остается дѣлать? Не измѣнять же своимъ убѣжденіямъ? Во времена язычества какой-нибудь анахоретъ уносилъ свою идею въ пустыню, къ звѣрямъ, и оттуда міръ она завоевывала.

— Уносилъ съ водкой?—спрашивала Аглаида Васильевна.

— Ну да... ну, такъ они и не знаменитости какія-нибудь... Просто честные люди.

— Перестань, Тёма, глупости говорить... Честные люди — не нашедшіе себѣ другого занятія, какъ хватать ночью за горло, просить милостыню и пропивать чужія деньги въ кабакахъ!

— А у него очень оригинальная теорія: онъ говоритъ, что стоилъ бы людямъ гораздо дороже, если бъ онъ дѣлалъ то, что другіе...

— Онъ пьянъ, можетъ говорить, что угодно, но ты, кажется, не пьешь?

— Не пью.

— Стыдно, Тёма, быть такимъ наивнымъ. Къ чему же и образованіе тогда, если ты не можешь разобраться, гдѣ истина и гдѣ бредъ опустившагося пьяницы.

— Вѣдь я не защищаю его. Я говорю, что есть нѣкоторая правда...

— Должно быть снисхожденіе, но правды нѣтъ. Слишкомъ святая вещь правда, чтобъ она не нашла себѣ другого мѣста, какъ кабакъ.

— Теперь нашла, а прежде могла и не найти... Крѣпостной сидѣлъ въ кабакѣ, а съ нимъ и правда сидѣла. Правда бѣжала въ Сѣчь, а Сѣчь была, въ сущности, что жъ, какъ не разбойничій кабакъ? Собственно, я бы такъ даже поставилъ вопросъ: въ кабакѣ всегда сидитъ та правда, до которой люди еще не додумались...

Карташевъ, сказавъ это, самъ удивился и прибавилъ:

— А знаешь, мама, это очень тонкая мысль.

Аглаида Васильевна улыбнулась.

— Нѣкоторая доля правды есть, конечно.

— А если есть, то и знакомство съ такими людьми полезно,—поймалъ сынъ.

— Но эту правду, не исковерканную, ты можешь и въ жизни наблюдать.

— Ну-у, въ жизни!.. Все равно, что въ книгѣ искать неизвѣстную страницу... а тутъ уже знаешь, гдѣ искать.

— По-твоему, значитъ, наука въ кабакъ должна перейти?

— Не въ кабакъ...

— Ты же самъ говорилъ о закрытіи кабаковъ?

— Ну да, конечно...

— Что̀ конечно?

— Ну, значитъ, что, можетъ-быть, и слишкомъ прямолинейно думать, что закрылъ кабакъ и конецъ злу... Болѣе сложно выходитъ...

— Вотъ въ этой сложности и сила. Было бы очень просто иначе: пошелъ въ кабакъ и все узналъ. Чтобъ понять эту сложность, и учатся люди.

— А собственно, жизнь, какъ подумаешь, очень сложная исторія... глу-у-бокая... дна не достанешь...

— Сколько знанія пріобрѣтешь, столько и достанешь.

— Какого знанія?

— Да хоть какого-нибудь.

— Латинской грамматикой не достанешь.

Карташевъ вздохнулъ.

— Шесть часовъ въ недѣлю: четвертая часть времени куда пропадаетъ. А еще греческій прибавятъ. Я вотъ въ своей статьѣ все это высчитываю... А то, что̀ въ это время могъ бы узнать полезнаго, а то, что потупѣешь отъ непроизводительной работы!.. Дай, я тебѣ въ пищу стружки буду подкладывать, развѣ не испорчу тебѣ желудокъ? Ужасно обидно...

— Не такъ ужъ ужасно...

— Тебѣ не такъ, а вотъ когда сидишь за этой грамматикой проклятой, такъ обидно, такъ унизительно себя чувствуешь, какъ будто... если бъ въ какомъ-нибудь обществѣ вдругъ тебя на колѣни поставили.

— Скажите, пожалуйста!.. Величайшіе умы учили латинскій языкъ, и это не помѣшало имъ сдѣлаться великими и не унизило ихъ, а васъ унижаетъ.

— Величайшіе умы!.. Они наряжались въ туфли, наряжались въ парики, пудрились... Ну, а я все это продѣлаю?.. У нихъ сознанія не было, а у насъ есть сознаніе безполезности, у всѣхъ есть, а дѣлаемъ... точно на зло... на̀, вотъ тебѣ...

— Ну, ужъ это совсѣмъ глупости начинаешь говорить.

— Вовсе не глупости, — возразилъ Карташевъ, все болѣе увлекаясь своимъ молодымъ задоромъ.—Въ эпоху Возрожденія латынь понадобилась потому, что своего ничего не было. Теперь своего столько, что вся наука древняго міра въ моемъ каблукѣ помѣстится, а собственно та безтолковая грамматика, которую мы зубримъ, совсѣмъ безсмысленная ерунда, которую

одинаково не знаемъ ни мы, ни сами древніе, ни учителя... Шутовской предметъ, котораго уважать нельзя, нельзя уважать и того, кто берется выдавать его за что-то серьезное... Выходитъ обманъ, фальшь, униженіе... обидное униженіе... Такъ иногда взялъ бы да пустилъ этой грамматикой въ чей-нибудь деревянный лобъ.

— Ахъ, какъ мило! Ты его въ лобъ, онъ тебя въ носъ: доказали. Нѣтъ ужъ, милый!—вспыхнула Аглаида Васильевна:—когда дѣло до рукъ доходитъ, тогда конецъ всему: и правъ будешь—одинъ останешься, и друзья отвернутся, если у тебя другихъ доводовъ нѣтъ.

— Сколько угодно есть...

— А если есть, то при чемъ тутъ руки?

— Досада...

— Досада? Это ужъ личное чувство, а съ личнымъ никто и считаться не станетъ. Все личное только унизитъ и погубитъ: вотъ какъ этотъ спившійся техникъ.

— А его товарищъ совершенно обратное.

— Середину нужно... такъ... пониманіе жизни; а разъ понимаешь—твое *я* и потонетъ, и воли рукамъ незачѣмъ давать... Такъ же унизительно, какъ то непроизводительное зубреніе грамматики, о которомъ ты говоришь.

— Такъ, значитъ, зло такъ пусть и будетъ, а ты смотри да радуйся?

— Мелодраматическихъ злодѣевъ нѣтъ, мой милый... Сознательно одно зло всѣ не могутъ дѣлать... Если ты чувствуешь въ себѣ призваніе видѣть зло тамъ, гдѣ другіе видятъ добро, такъ и имѣй терпѣніе выяснить это, представить тому неопровержимыя данныя.

— А если ихъ знать не хотятъ?

— Что жъ, знать не хотятъ? Сила не въ тѣхъ, кто знать не хочетъ, а сила въ твоей истинѣ. Ты самъ анахоретовъ приводилъ... Я тебѣ Христа приведу... Не унизилъ же Онъ Свою истину участіемъ рукъ, наоборотъ, унизились тѣ, кто Его распяли... И люди оцѣнили, поклонились Распятому... Двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ величайшій дѣятель человѣчества показалъ единственный путь проведенія въ жизнь своихъ идеаловъ: самъ прими страданія за нихъ, если убѣжденъ, но волоса не тронь неубѣжденнаго; не смѣй унижать свою истину потому только, что ты малодушенъ.

— Значитъ, все-таки сложа руки и сиди: тебѣ будутъ плевать въ глаза, а ты будешь говорить—Божья роса?

— И въ Христа плевали.

— Такъ то жъ Христосъ.

— Вотъ-вотъ, и идея Его—достояніе міра.
— Нѣтъ, это все въ теоріи хорошо, а на практикѣ не дится.
— Именно... Повѣрь, эта мысль была еще яснѣе такому же актику, какъ ты, который стоялъ на Голгоѳѣ въ моментъ спятія Христа.
— По-вашему, французская революція не должна была ть?
— По-моему, французская революція не убѣдила современковъ, сколько ни рѣзали,—черезъ десять лѣтъ уже сидѣлъ полеонъ.
— Но теперь все-таки ясно людямъ все...
— Но неясно вотъ что: можетъ-быть, истины эти, при спространеніи знанія, сами собой прошли бы въ жизнь...
— А теперь навѣрно прошли.
— И ученіе Христа прошло.
Карташевъ напряженно уставился въ мать.
— Ученію Христа помогло небо, а здѣсь умъ человѣческій...
— Провелъ истины Христа,—докончила мать.
— Я что-то не помню тамъ патера съ распятіемъ...
— Ну, объ этомъ довольно...

VIII.

Экзамены.

Прошла Пасха. Начались переходные экзамены изъ шестого седьмой. На экзаменѣ исторіи съ Карташевымъ случился андалъ. Было задано на письменную тему—причины кровыхъ походовъ. Успѣхъ былъ обезпеченъ, но Карташеву хотѣлось отличиться, и онъ, разложивъ на колѣняхъ конпектъ, началъ списывать съ него. Директоръ, увидѣвъ его, сталъ и подошелъ къ Карташеву.
— Это что-съ?
— Я хотѣлъ по Гизо.
Директоръ пересматривалъ общую тетрадь Карташева, гдѣ ли и полезныя замѣтки и фигуры голыхъ женщинъ, а арташевъ, смущенный и сконфуженный, стоялъ передъ нимъ.
— Стыдитесь!—вспыхнулъ вдругъ, какъ порохъ, директоръ.
Тетрадь полетѣла въ уголъ залы, а за ней и всѣ мысли арташева. Мало того, что директоръ швырнулъ тетрадь, нъ приказалъ Карташеву поднять ее.
Карташевъ чувствовалъ, что директоръ не имѣлъ права акъ поступать, и въ душѣ шевелилась мысль сказать ему го, но другая мысль о томъ, что его за это исключатъ,

заставила Карташева съ помертвѣлымъ лицомъ покорно пойти и поднять свою тетрадь. Это былъ ударъ самолюбію, и если бы Карташеву сказали впередъ, что онъ такъ поступитъ,—онъ, навѣрно, обидѣлся бы. А теперь обижаться ему не на кого было, онъ исполнилъ, по его мнѣнію, лакейскую обязанность и испытывалъ своеобразное удовлетвореніе, хоть и унизился, а остался цѣлымъ и невредимымъ.

Онъ, конечно, чувствовалъ себя оскорбленнымъ и, отвѣчая, не смотрѣлъ на директора, но это былъ такой ничтожный протестъ, который и самого Карташева не удовлетворилъ.

Онъ получилъ по пяти и за устный и за письменный отвѣтъ. На письменный ему задали новую тему, и такъ какъ онъ ея не зналъ, то опять смошенничалъ, принявъ на этотъ разъ большія предосторожности. Послѣднее обстоятельство давало злое удовлетвореніе, но въ общемъ, возвращаясь съ экзамена, онъ хотѣлъ, чтобы весь экзаменъ этотъ былъ только сномъ, о которомъ можно было бы, проснувшись, забыть.

Конечно, было благоразумно съ его стороны, что онъ не сдѣлалъ скандала: выгнали бы — и только, а теперь все обошлось благополучно и получилъ даже двѣ пятерки. Корневъ получилъ четыре, Рыльскій три, но Долба тоже получилъ двѣ пятерки. Съ Долбой директоръ былъ очень любезенъ и даже смѣялся по поводу чего-то, а Долба держалъ себя увѣренно, развязно и, кончивъ, такъ равнодушно тряхнулъ волосами, какъ бы говорилъ: „иначе и быть не могло“.

„Хорошо ему,—думалъ Карташевъ:—а случись это съ нимъ, и онъ бы, навѣрно, поднялъ тетрадь, и Корневъ, и Рыльскій, и всѣ“.

Карташевъ чувствовалъ себя скверно: точно уменьшился вдругъ ростомъ.

„Все равно, день, два, а тамъ и забудется,—думалъ онъ,—а пятерки останутся... Чортъ съ нимъ, и съ директоромъ, и со всей этой исторіей. Я, что ли, виноватъ? На его душѣ грѣхъ... Эхъ, перелетѣть бы куда-нибудь къ счастливымъ людямъ, гдѣ радость въ томъ, что сознаютъ свое достоинство, гдѣ молодость ярка и сильна, гдѣ люди ищутъ удовлетворенія не въ униженіи другихъ, а въ уваженіи въ этихъ другихъ такого же человѣка, какъ они... Да, да, гдѣ эта счастливая страна?“

И Карташевъ напряженно и нехотя зѣвалъ и гналъ отъ себя безполезныя скучныя мысли. Что-то продолжало сосать сердце, и вечеромъ въ ароматномъ садикѣ, на дворѣ у Корневыхъ, гдѣ всѣ уже знали, конечно, про скандалъ, онъ сидѣлъ, стараясь быть естественнымъ, и Маня Корнева спрашивала его:

— Что̀ съ вами?

Онъ слышалъ насмѣшку въ ея голосѣ, чудилось ему пре-ебреженіе и сожалѣніе со стороны Рыльскаго, Долбы и даже Корнева. Онъ ужъ не любилъ въ эту минуту Маню, онъ ичего не хотѣлъ, его тянуло домой, и, когда онъ шелъ по емнымъ улицамъ и вспоминалъ, какъ любезна была Корнева ъ Рыльскимъ, онъ шепталъ:

„А чортъ съ тобой!.. Ну и кокетничай со своимъ Рыль-кимъ... Съ кѣмъ хочешь... Чортъ съ вами со всѣми!“

Съ этого вечера послѣ экзамена по исторіи, когда Корнева окетничала съ Рыльскимъ, все перемѣнилось въ ихъ отно-ненiяхъ. Прежняя близость сразу исчезла, и Карташевъ увствовалъ, что онъ вдругъ сталъ чужимъ для нея. Только ать Корнева попрежнему ласково гладила его по головѣ и аже нѣжнѣе обыкновеннаго говорила ему:

— Голубчикъ ты мой!

Но дочь ея, смотрѣвшая прежде съ удовольствіемъ, когда ать ласкала Карташева, теперь равнодушно говорила:

— Ну, мама, ужъ пошла...

И она смѣялась своимъ естественнымъ, веселымъ и безза-отнымъ смѣхомъ, отъ котораго, казалось, все смѣялось, прибавляла уже серьезно, съ ноткой пренебрежительнаго раздраженія:

— Да ей-Богу же смѣшно.

Карташевъ ежился и робко смотрѣлъ на Корневу: куда дѣвалась та прежняя Маня, съ которой такъ легко и весело му было? Только съ Рыльскимъ она была прежняя. Теперь Карташевъ еще сильнѣй любилъ ее и съ непередаваемой олью видѣлъ, какъ пылкая, увлекающаяся Маня все больше интересовывалась Рыльскимъ и смотрѣла на него такъ асково, какъ никогда не смотрѣла на Карташева. А Рыль-кій, равнодушный и веселый, такъ смотрѣлъ на Маню, акъ никогда бы себѣ не позволилъ Карташевъ. Это было тѣшеніемъ для Карташева, и иногда онъ спрашивалъ Се-менова:

— Какъ ты думаешь, Рыльскій можетъ сдѣлать подлость?

— Какую?—переспрашивалъ Семеновъ и дѣлался сразу серьезнымъ и строгимъ.

— Вообще подлость?

Семеновъ нѣсколько мгновеній думалъ и безъ снисхожденія утверждалъ, наклоняя, по обыкновенію, голову:

— Можетъ.

— Я тоже думаю.

— Можетъ,—повторялъ убѣжденно Семеновъ.

IX.

Семья Корнева.

Экзамены кончились. У Карташева и Корнева была осенью передержка по-латыни. Это ихъ мало печалило, а Карташева даже радовало, что онъ въ компаніи съ Корневымъ срѣзался. Эта передержка сблизила ихъ. Вообще, съ тѣхъ поръ, какъ его сестра охладѣла къ Карташеву, Корневъ сталъ къ послѣднему болѣе расположеннымъ, а отъ Рыльскаго, напротивъ, какъ будто отдалился. Что до Карташева, то онъ искренно полюбилъ Корнева и горячо звалъ его ѣхать къ матери въ деревню. Звала его и Аглаида Васильевна, но Корневъ тянулъ и не рѣшался. Отчасти мать Корнева, Анна Степановна, была противъ разлуки съ сыномъ, когда и безъ того черезъ годъ предстояла разлука, такъ какъ сынъ собирался въ Петербургъ, въ медико-хирургическую академію. Отчасти не рѣшался Корневъ ѣхать и просто потому, что какъ-то странно было такъ сразу бросить налаженную обстановку и ѣхать въ совершенно чужую семью: какъ примутъ его, какъ отнесутся при болѣе близкомъ знакомствѣ. Онъ зналъ, что пользовался въ семьѣ Карташева нѣкоторымъ престижемъ, былъ увѣренъ даже, что престижъ этотъ былъ больше того, на какой онъ имѣлъ право разсчитывать, и тѣмъ болѣе боялся за этотъ престижъ. Съ другой сторочы, его завлекала незнакомая ему совершенно деревенская жизнь. Онъ тянулъ съ рѣшеніемъ и пока отдавался пріятному ничегонедѣланію наступившихъ вакацій; ходилъ въ гости, принималъ у себя, валялся по диванамъ съ книжкой въ рукахъ. Въ открытыя окна врывался веселый звонкій шумъ лѣтней улицы; мягкій вѣтерокъ игралъ волосами, шелестилъ листами книги и радостно шепталъ, что впереди цѣлый рядъ беззаботныхъ, свободныхъ отъ занятій дней.

Корневъ, сколько помнилъ себя, всегда помнилъ все ту же обстановку. Та же квартира, веселая, чистая, съ невысокими комнатами, мебель въ бѣлыхъ чехлахъ, солнце, канарейки, тиканье всевозможныхъ часовъ въ разныхъ комнатахъ. Тотъ же порядокъ, заведенный и установленный разъ навсегда. Отсутствіе роскоши, во всемъ солидная прочность, начиная съ мебели и кончая бѣльемъ, всегда безукоризненно чистымъ, безъ модныхъ фасоновъ, но съ основательными внутренними достоинствами. Роскошь допускалась только въ двухъ вещахъ: въ винѣ и сигарахъ. То и другое получалось непосредственно,

минуя пошлины, и вслѣдствіе этого стоило сравнительно дешево. Отецъ Корнева, Павелъ Васильевичъ, любилъ побаловать себя и своихъ друзей, или, какъ онъ называлъ ихъ, собутыльниковъ, и хорошимъ виномъ и сигарами.

Въ домѣ Корневыхъ гости рѣдко показывались. Появляясь же, сразу принимались за ѣду и питье. Жена Павла Васильевича, Анна Степановна, не то дичилась, не то боялась друзей мужа, скрывая, впрочемъ, и то и другое подъ маской любезной гостепріимной хозяйки, кормила ихъ разными вкусными блюдами простой кухни,—гости ѣли, пили и хвалили хозяйку, когда она заглядывала къ нимъ въ столовую.

— Анна Степановна!.. Милѣйшая!.. По божеской и человѣческой совѣсти, такого пирога, какъ вашъ, нѣтъ нигдѣ во всемъ городѣ, хоть повѣсьте меня,—гремѣлъ обыкновенно главный запѣвала компаніи, Александръ Ивановичъ Злобецкій, громадная туша на высокихъ разставленныхъ ногахъ.

— Такъ когда-нибудь и уйдемъ увси отъ васъ безъ языка; бо проглотымо, истинно говорю, проглотымо... Да поддержите... чи вже проглотылы?—обращался Александръ Ивановичъ къ остальной молчавшей компаніи.

— И самъ назвонишь,—отвѣчалъ равнодушно чиновникъ таможни, Иванъ Николаевичъ Пономаренко, съ оплывшимъ блѣднымъ лицомъ, маленькими черными, непокорными глазами.—Добре подвѣсили, слава Богу, языкъ... какъ только влѣзли на такую колокольню!

— Возможно ли терпѣть сіе оскорбленіе? — спрашиваю я васъ, любезная наша хозяйка, Анна Степановна... Пожалуйте ручку...

— Эхъ! Юбочникъ.

— Что-о?—завидно...

— Кушайте, кушайте на здоровье,—говорила Анна Степановна, робко пятясь къ двери, и, еще разъ окинувъ взоромъ столъ съ ѣдой, тарелками и винами, спѣшила изъ накуренной комнаты въ кухню пополнить исчезнувшее со стола.

— Вотъ кому счастье Господь Богъ послалъ,—говорилъ ей вслѣдъ Александръ Ивановичъ и кивалъ на хозяина.—Давай мѣняться на мою фуру-муру... двухъ сестеръ въ придачу дамъ.

— Терпи, терпи,—пренебрежительно утѣшалъ его Пономаренко:—въ рай попадешь.

— Да брешешь же, не попаду: въ раю мученики, а дурней и оттуда гонятъ.

— Бачилы прокляты очи, що покупалы: ижты жъ, хоть повылазты.

— О, отозвався казакъ! Та не ѣшьте жъ бо, а пійты.

И Александръ Ивановичъ запѣвалъ излюбленную пѣсню.

Въ кухню къ Аннѣ Степановнѣ доносилось нестройное громкое пѣніе:

А кто пье, тому наливайте,
Кто не пье, тому не давайте,
А мы будемъ пить
И горилку лить
И за насъ
И за васъ
И за неньку
Стареньку,
Що навчила пи-и-ть,
Го-о-рилочку лы-ы-ть.

Пьяные голоса одинъ за другимъ замирали надъ послѣднимъ протяжнымъ аккордомъ.

Анна Степановна слушала, уставившись въ блюдо, на которое накладывалось новое кушанье, и была довольна, что рядъ комнатъ отдѣлялъ ее отъ пировавшихъ. Еще болѣе радовалась этому, когда домъ вздрагивалъ отъ взрывовъ сильнаго смѣха или когда несся по комнатамъ громкій, горячій говоръ, шумъ, а то и крики. Анна Степановна только тревожно оглядывалась на двери, боясь, что вотъ-вотъ и сюда кто-нибудь заберется.

На разсвѣтѣ, заплетаясь, компанія удалялась наконецъ во-свояси, и громадный „самъ“, какъ она называла мужа, бритый, молчаливый, стараясь сохранить свою обычную величественную осанку, поджавъ губы, мрачный, не смотря на нее, направлялся, лавируя, въ свою спальню. Анна Степановна легко вздыхала и, разбитая, измученная, но успокоенная, плелась по комнатамъ, тушила лампы и наконецъ ложилась, долго еще растирая свои отекшія отъ непрерывнаго стоянія больныя ноги.

По мѣрѣ того, какъ подрастали дѣти, характеръ кутежей и самый составъ компаніи немного измѣнялся. Устраивался родъ вечеровъ, и до ужина все шло чинно.

Подъ аккомпанементъ дочери то solo, то хоромъ распѣвались разныя пѣсни и главнымъ образомъ малороссійскія: „Гей ты, казаче Софроне“, „Заплакала Украина“. Ихъ запѣвалъ смуглый, съ длинными черными усами, увѣренный въ себѣ регентъ соборной церкви, подъ магическимъ взглядомъ черныхъ глазъ котораго Маня Корнева чувствовала себя какъ-то особенно хорошо.

А то вдругъ безъ музыки затягивалъ Александръ Ивановичъ:

Ей кажутъ: встань раненько,
Причешися чопурненько;
Она встаты не хоче,
Якъ та видьма, все цокоче.

И, кончивъ, онъ обнималъ молодого Корнева и весело говорилъ:

— Такъ-то-сь, мой почтеннѣйшій... Всѣ бабы вѣдьмы, и нѣтъ ни единой, у которой хотя бы такой малесенькій хвистикъ не торчалъ. По опыту докладываю вамъ...

— Вотъ какъ,—отвѣчалъ Корневъ, ежась и понижая свой голосъ до баса.

— Повѣрьте опытному человѣку... и сладкое забвеніе отъ сей горькой истины сокрыто на днѣ сихъ сосудовъ... во исполненіе реченнаго: и изъ горькаго выйдетъ сладкое... а потому предлагаю...

— Не пью.

— Напрасно... Чему же учатъ васъ въ такомъ случаѣ?

— Ерундѣ больше.

— О, отозвався казакъ... Будьте жъ здоровеньки...

Въ обыкновенное время жизнь въ домѣ Корневыхъ протекала однообразно и монотонно. „Самъ“ ходилъ на службу, а возвратившись, обѣдалъ, надѣвалъ халатъ, и его громадная фигура въ халатѣ казалась еще больше въ невысокихъ комнатахъ.

Иногда онъ заглядывалъ въ общія комнаты, загадочно смотрѣлъ, поджималъ губы и испускалъ не то мычанье, не то вздохъ, не то нѣсколько нотъ какого-то ему одному извѣстнаго мотива и опять уходилъ къ себѣ.

Проводивъ съ утра дѣтей въ гимназіи, мужа на службу, Анна Степановна принималась за хозяйство. Горничная прибирала комнаты,—она помогала ей. Вытирала съ добродушной, энергичной гримасой пыль, вытирала зеркала тряпочкой, смоченной въ водкѣ, разговаривала съ горничной, разспрашивая ее о ея прежней жизни, о родныхъ, вникала во всѣ подробности ея прежней жизни, докапывалась до противорѣчій и, смотря по впечатлѣнію, или привязывалась къ ней, или начинала ее мягко, но неуклонно такъ выводить на свѣжую воду, что горничная отказывалась отъ мѣста. Насколько часто мѣнялись горничныя (можетъ-быть, здѣсь дѣйствовала и ревность: Павелъ Васильевичъ старыхъ горничныхъ не терпѣлъ), настолько кухарки жили долго. Возрастъ здѣсь не игралъ роли, и кухарки всегда у Анны Степановны были пожилыя. Нѣсколько лѣтъ уже жила старая, но веселая кухарка Марина,

большая сплетница, въ честность которой Анна Степановна вѣрила, какъ въ свою. Съ Мариной Анна Степановна отдыхала душой и всегда съ удовольствіемъ ждала ея возвращенія съ базара. Марина проворно раскладывала на большой чистый столъ принесенную провизію: свѣжую красную говядину, бѣлый хлѣбъ, морковь, кочаны капусты, бублики; Анна Степановна съ удовольствіемъ подсаживалась поближе, вдыхала въ себя свѣжій ароматъ отъ провизіи, помогала кухаркѣ и внимательно слушала, переспрашивая, разныя городскія новости. И Анна Степановна знала всегда все: и какой обѣдъ у Карташевыхъ, и какая родня у Рыльскаго, и кто изъ ея знакомыхъ къ кому чаще ходитъ,—все передавала кухарка, что̀ успѣвала узнавать на базарѣ отъ своихъ подругъ. И все складывала въ себя и тщательно берегла Анна Степановна. Запасъ этихъ свѣдѣній помогалъ ей разбираться въ сложныхъ отношеніяхъ незнакомаго ей общества. Разговаривая съ нею, ея добрыя знакомыя и не подозрѣвали, что она каждый день приподнимаетъ ту таинственную завѣсу ихъ домашней жизни, которую обыкновенно стараются такъ тщательно закрывать отъ непосвященныхъ глазъ. Изъ-за этой запрещенной завѣсы Анна Степановна видѣла большею частью совсѣмъ другихъ людей, чѣмъ тѣ, какими желали изобразить себя эти люди. Добрый радѣтель о чужихъ бѣдахъ выходилъ прижимистымъ, сухимъ, несправедливымъ эгоистомъ; краснорѣчивая дама съ бѣгающими глазками, такъ ищущими общаго сочувствія, пользовалась общею ненавистью прислуги за свой несносный черствый характеръ. И это постоянное двойное освѣщеніе, подъ которымъ Анна Степановна видѣла людей, въ связи съ природной чуткостью, дѣлало то, что она никогда не ошибалась въ своихъ симпатіяхъ и всегда говорила и дѣйствовала навѣрняка.

Сознательно или безсознательно, но признавалъ это и всегда сосредоточенно-величественный и загадочно-молчаливый мужъ ея и молодой, считавшій себя далекимъ отъ ея вліянія, сынъ. Въ этомъ отношеніи она имѣла несомнѣнное вліяніе въ семьѣ и тѣмъ болѣе сильное, чѣмъ меньше оно сознавалось и ею и семьей. Въ остальномъ, въ глазахъ сына, она была маменькой, которую онъ любилъ и старался забыть и ея неразвитость и ея мѣщанское званіе, которое невольно, но часто подчеркивалось въ обществѣ. Но дочери оно доставляло много мучительнаго. Оно вносило раздраженіе, можетъ-быть, и зависть въ сношенія ея съ подругами и вліяло на выборъ подругъ. Мѣщанство матери было самымъ больнымъ мѣстомъ дочери, и неосторожный намекъ въ этомъ смыслѣ заливалъ ея щеки, шею и уши яркимъ румянцемъ. Къ чести Маръи

Павловны, надо сказать, что она не то, что стыдилась за мать, а просто раздражалась и обижалась. Что думалъ „самъ“, этого никто не зналъ, не знала и Анна Степановна. Понимая всѣхъ своихъ знакомыхъ, она съ совершеннымъ недоумѣніемъ останавливалась передъ своимъ мужемъ. Извѣстный инстинктъ подсказывалъ ей, конечно, манеру обращенія, но, сильный и вѣрный съ другими, инстинктъ дѣйствовалъ здѣсь робко, наугадъ и часто невпопадъ. Существовало что-то, въ чемъ такъ и не могла разобраться Анна Степановна. И это безсознательно мучило ее и заставляло напряженно рыться въ прошломъ, въ безполезномъ усиліи найти затерянное начало; все съ самаго начала такимъ было, сразу какъ-то потерялась руководящая нить, съ самой первой встрѣчи.

Покончивъ со всякими дѣлами по хозяйству, надѣвъ большія черепаховыя очки, Анна Степановна садилась гдѣ-нибудь въ залитой солнцемъ комнаткѣ, гдѣ особенно звонко заливались канарейки, за починку и штопанье стараго бѣлья и часто отдавалась воспоминаніямъ объ этой первой встрѣчѣ.

Да, двадцать лѣтъ прошло, точно вотъ вчера все это было. Все, какъ живое, стояло передъ глазами.

Пошла она въ соборъ и надѣла, какъ сейчасъ помнитъ, синенькое съ бѣлыми звѣздочками платье. На самой груди была маленькая вырѣзка и въ ней крестикъ маленькій серебряный, позолоченный, на бархатной ленточкѣ. Стоитъ она въ церкви, молится; ужъ къ кресту пошли, ужъ идутъ мимо нея назадъ; только и она было-собралась двинуться, какъ вдругъ... Анна Степановна опускала работу при воспоминаніи, какъ это случилось. Стоитъ передъ ней молодой человѣкъ, высокій, въ синемъ воротникѣ, въ золотыхъ пуговицахъ: волосы этакъ короткіе, причесанные назадъ, свѣтлые; глаза голубые такъ насквозь и смотрятъ... И вдругъ... крестится, наклоняется да прямо въ крестикъ, что въ прорѣзѣ у нея на груди, губами... Завертѣлось все въ глазахъ: и страшно, и стыдно, и вотъ точно волю всю ея отнялъ,—а слезы такъ и льются по щекамъ. Взялъ онъ ее подъ руку и повелъ изъ церкви. Очнулась ужъ въ какой-то улицѣ. Спрашиваетъ ее:

— Вы гдѣ живете?

Глянула она на него, вспомнила и говоритъ:

— За что же вы это меня на всю жизнь опорочили?

— Простите... ради Бога, простите...

А самъ идетъ все да говоритъ что-то...

Разливаются канарейки, льются ихъ трели, лежитъ на колѣняхъ работа, а Анна Степановна все смотритъ и смотритъ куда-то вдаль.

Двадцать лѣтъ пронеслось... Все такой же онъ: веселый—называетъ ее: Анна Степановна; сердитый—скажетъ: „сударыня“, подожметъ губы—туча тучей. Такъ и упадетъ ея сердце, и жизнь не въ жизнь, ходитъ, шепчетъ себѣ: „закатилось мое солнышко“, да вздыхаетъ. А Боже сохрани при немъ вздохнуть! Какъ услышитъ его шаги, сама себя испугаетъ—идетъ, идетъ! И приметъ спокойный видъ. Пройдетъ онъ,—смотритъ ему вслѣдъ, смотритъ потухшимъ, непонимающимъ взглядомъ.

Павелъ Васильевичъ и съ дѣтьми былъ чужой. Больше другихъ разрѣшалось дочери; разрѣшалось, или она сама себѣ разрѣшила: не боялась она какъ-то его угрюмаго вида даже и тогда, когда денегъ приходилось просить.

Сынъ относился къ отцу съ какой-то смѣсью страха, непониманія и того характернаго недружелюбія, которое всегда является результатомъ далекихъ отношеній отца къ дѣтямъ. Недружелюбіе это было не по существу,—въ какомъ-то отвлеченіи его не существовало, но отъ этого текущія отношенія не были ближе. Въ этомъ отвлеченіи сынъ, въ общемъ, уважалъ отца. Отъ матери онъ узналъ исторію ихъ брака, зналъ нѣкоторыя подробности изъ его жизни, дававшія ясное представленіе о томъ, что его отецъ былъ, по крайней мѣрѣ прежде (теперь онъ молчалъ), человѣкомъ чуткимъ къ высшимъ потребностямъ жизни. Объ этомъ же говорила громадная библіотека отца, которую сынъ оцѣнилъ, начавъ серьезное чтеніе. Уважалъ онъ отца и за отсутствіе всякой рисовки. Нѣкоторое сочувствіе отца къ его развитію сынъ угадывалъ, но въ рѣдкія минуты бесѣды на эту тему отецъ высказывался такъ опредѣленно и категорично, что чувствовалось, что всякій споръ съ нимъ былъ совершенно безполезенъ. Вообще Корневъ считалъ, что отецъ—существующій фактъ, который надо принимать такъ, какъ онъ есть, ничего здѣсь не перемѣнишь, и лучшее, чтобы не раздражать и не раздражаться—это избѣгать съ нимъ всякихъ лишнихъ разговоровъ, не идущихъ къ дѣлу. А дѣловые разговоры всегда были коротки и лаконичны: „выдержалъ“, „срѣзался“ и въ очень рѣдкихъ случаяхъ: „папенька, позвольте денегъ“.

X.

Пикникъ.

Наташа Карташева, державшая экзаменъ въ казенную гимназію въ тотъ же классъ, гдѣ была и Корнева, познакомилась такимъ образомъ съ Маней и, по настоянію братьевъ,

онѣ обѣ познакомились и домами между собой. Зина Карташева держала себя въ сторонѣ отъ подругъ Наташи. Мѣсяцъ тому назадъ она кончила курсъ въ частной гимназіи и теперь была уже на правахъ взрослой барышни. Съ товарищами брата у нея тоже было мало общаго.

Зинаида Николаевна кончила ученье, выходила, такъ сказать, уже на дорогу жизни, а компаніи предстояло еще столько же, если не больше, учиться; ходили къ тому же слухи о восьмомъ классѣ, о греческомъ языкѣ, о какомъ-то циркулярѣ попечителя. Все это занимало и интересовало компанію, но все это уже не интересовало Зинаиды Николаевны: напротивъ, товарищи брата въ ея глазахъ еще больше превращались въ мальчиковъ. Компанія чувствовала это отношеніе къ себѣ Зинаиды Николаевны и понемногу, затаивъ недовольство, стала отдаляться отъ нея. Зинаида Николаевна и довольна была отдѣлаться отъ мальчишекъ, и въ то же время чувствовала пустоту: ученье кончилось, новая жизнь не сложилась. Не было даже подходящаго кружка знакомыхъ, гдѣ общность интересовъ связывала бы ее съ этимъ кружкомъ. Она бывала у нѣсколькихъ подругъ, эти подруги бывали у нея, но все это было какъ-то не „по-большому“, не налажено и, главное, не интересно; не было даже настоящихъ кавалеровъ, взрослыхъ, окончившихъ курсъ, интересныхъ, если не считать одного судебнаго слѣдователя да брата одной подруги, молодого учителя гимназіи Логинова, котораго Зинаида Николаевна маленькой дѣвочкой встрѣчала, бывало, въ церкви въ гимназическомъ мундирѣ. Оба эти кавалера у Аглаиды Васильевны въ домѣ не бывали, и встрѣчалась съ ними Зинаида Николаевна или у подруги, или на бульварѣ, куда на прогулку ее и подругъ провожали эти кавалеры.

Компанія, шляясь и наталкиваясь на Зинаиду Николаевну и ея общество, размашисто, не безъ ироніи, раскланивалась съ ней и пускала по ея адресу, въ отсутствіи Карташева, остроты, смыслъ которыхъ былъ тотъ, что „Зинаида Николаевна теперь стали большія, имъ нужно женихов, и они, мальчишки, для нихъ больше не интересны“.

— Ну, и скатерью дорога,—говорилъ Корневъ,—на здоровье! Хотя, не въ обиду будь сказано, господинъ слѣдователь имѣетъ видъ голоднаго галчонка, а господинъ учитель былъ извѣстенъ своей глупостью еще въ тотъ періодъ, когда впервые узналъ, откуда у него ноги растутъ.

Зинаида Николаевна точно чувствовала, что̀ означали эти боковые довольные взгляды, которыми компанія, проходя

мимо, дарила ее и ея общество, краснѣла и испытывала непріятное, немного враждебное чувство къ друзьямъ брата.

— Гм, гм!—говорилъ Долба, оглядываясь на приличной дистанціи на проходившее общество Зинаиды Николаевны.—На трехъ барышень двухъ кавалеровъ маловато.

— Дежурство устроятъ,—отвѣчалъ Рыльскій, поправляя свой шнурокъ.

Что̀ до Наташи, то она училась и не думала еще о томъ времени, когда ея сверстники превратятся вдругъ въ мальчишекъ. Теперь эти мальчишки и ее и Корневу очень интересовали; какъ-то незамѣтно, само собой происходило обоюдное сближеніе, и Наташа и компанія въ обществѣ другъ друга чувствовали себя легко и свободно. Иногда даже при Наташѣ прохаживались насчетъ ея старшей сестры, иногда подымался серьезный разговоръ на тему, что̀ значитъ, собственно „кончила курсъ“.

Окончаніе экзаменовъ рѣшено было отпраздновать пикникомъ. Такъ какъ слѣдующее послѣ экзаменовъ воскресенье совпало къ тому же съ днемъ рожденія Корнева, то и постановили: обѣдать у Корневыхъ и сейчасъ же послѣ обѣда ѣхать на лодкахъ на дачу къ подругѣ Корневой—Горенко. Наташа, сошедшаяся быстро съ Горенко, тоже участвовала со всѣми и въ обѣдѣ и въ пикникѣ.

Въ воскресенье съ утра, по обыкновенію, вся семья Корневыхъ (за исключеніемъ Анны Степановны, болѣвшей ногами) отправилась въ соборъ.

Какъ-то давно уже Павелъ Васильевичъ коснулся разъ навсегда этого вопроса по поводу высказаннаго сыномъ взгляда на религію.

— М-м-м...—протянулъ Павелъ Васильевичъ, сжавъ губы, и уставился, точно задумался, въ полъ. Такъ онъ стоялъ долго и наконецъ, рѣшительно поднявъ голову, произнесъ:

— Да-съ...

И опять задумался.

— Вотъ что̀...

Павелъ Васильевичъ сдѣлалъ еще одну паузу, собралъ губы и заговорилъ, свободно модулируя свой голосъ:

— Тамъ какъ угодно... Все человѣчество... величайшіе умы... Ну-съ, все равно... это меня не касается... Но у васъ есть сестра...

Павелъ Васильевичъ въ торжественныхъ случаяхъ говорилъ своимъ домочадцамъ „вы“. Онъ еще разъ сжалъ губы и кончилъ:

— Я желалъ бы, чтобъ формальности были соблюдаемы.

Ту же мысль Аглаида Васильевна своему сыну высказала такъ:

— Тамъ, вѣришь ли ты или не вѣришь, мнѣ рѣшительно все равно. Я вѣрю, что, когда надо будетъ, Господь пожалѣетъ меня и сдѣлаетъ тебя вѣрующимъ; но вотъ чего я не могу позволить—это касаться сестеръ. „Горе соблазнившему единаго отъ малыхъ сихъ“... помнишь? Ни люди ни Богъ не простятъ. И въ церковь извольте ходить.

Такимъ образомъ и Корневъ и Карташевъ ходили въ церковь. Ходила, впрочемъ, и остальная компанія и даже католикъ Рыльскій, потому что въ церкви можно было встрѣтить всѣхъ: Аглаиду Васильевну съ дочерьми, сестру Корнева, подругъ и ея, и Зининыхъ, и Наташиныхъ.

День былъ настоящій лѣтній, такъ и тянуло куда-нибудь подальше отъ душнаго города. Городъ со своими нарядными звонкими улицами, панелями въ тѣни акацій, съ бѣлыми маркизами, съ красивымъ тѣнистымъ бульваромъ, съ сверкавшимъ тамъ, внизу синимъ моремъ, залитый яркимъ солнцемъ,—точно спалъ въ неподвижномъ воздухѣ.

Въ соборѣ шла обѣдня. Было прохладно и просторно. Рѣдкіе шаги по каменному полу собора звонкимъ эхомъ отдавались въ ушахъ. Надъ головами въ высокомъ куполѣ, точно живыя, двигались волны ладана и таяли тамъ, вверху, въ неподвижныхъ золотыхъ лучахъ солнца. По церкви, вибрируя, неслись и мягкіе, дрожащіе звуки протодьяконскаго баса, и стройное пѣніе архіерейскихъ пѣвчихъ. Въ раскрытыя окна заглядывалъ веселый праздничный день, тихій, неподвижный, точно заглянулъ и притихъ, проникнутый торжественной службой. По временамъ лишь вдругъ врывался звонкій трескъ мостовой, или мягко шумѣла въ окнахъ молодая, вся въ бѣломъ цвѣту, листва акацій.

У алтаря, съ лѣвой стороны, ближе къ рѣшеткѣ, стояла Аглаида Васильевна, спокойная, сосредоточенная, внимательная къ службѣ; Зинаида Николаевна, сдержанная, строгая; Наташа, усталая, разсѣянная; Анна Петровна Горенко, съ живыми синими глазами, которые быстро, пытливо, въ контрастъ съ безмятежными большими глазами Наташи, всматривались во все окружающее. Подальше стоялъ громадный „самъ“—Павелъ Васильевичъ Корневъ, съ плотно сжатыми губами, со сложенными на животѣ руками, иногда вдругъ всѣмъ туловищемъ поворачивавшійся назадъ и смотрѣвшій куда-то вдаль надъ головами молящихся. Позади него стояла Маня Корнева съ дочерью хозяина того дома, гдѣ жили Кор-

невы, нарядной, красивой, безцвѣтной дѣвушкой. Еще дальше въ легкихъ парусиновыхъ костюмахъ, облокотившись о колонны, стояли Корнѣвъ и Карташевъ.

Карташева мучила все та же мысль о Манѣ Корневой. Сердце его тоскливо ныло. Онъ то смотрѣлъ, задумавшись, впередъ, то, убѣгая отъ своихъ непріятныхъ мыслей, исчезалъ взглядомъ въ окнѣ, слѣдя, какъ нѣжный воздухъ въ немъ млѣлъ, рябилъ и уносился мелкими струйками вверхъ въ прозрачное небо. Тамъ, въ голубой дали, точно купался высоко-высоко орелъ. Счастливый орелъ! Ему нѣтъ преградъ: онъ прилетѣлъ изъ степей, видитъ теперь синее море и опять улетитъ назадъ въ степи... куда захочетъ: можетъ-быть, въ Крымъ, на Кавказъ... увидитъ горы... снѣгъ на нихъ... полетитъ въ другія степи, ровныя, гладкія, съ болотистой рѣкой, высокими камышами, низкимъ небомъ... Завываетъ камышъ, качается надъ рѣкой. Мутная рѣка бѣжитъ мимо: камышъ машетъ ей вслѣдъ, точно хочетъ догнать ее и не можетъ... Маня Корнева—чужая ему и любитъ Рыльскаго... Близко стоитъ она, какъ и прежде, а чужая... Ея желтенькое барежевое платье... тоже чужое... Въ окно свѣжая волна воздуха несетъ ароматъ моря, жасмина, акацій и мучительно проникаетъ въ сердце. Нѣтъ, не чужая!—шепчетъ, точно проситъ чей-то голосъ... Чужая! чужая! чужая! — упрямо твердитъ другой... А въ головѣ точно поетъ кто-то тоскливо и сладко:

Любилъ я васъ сердцемъ
И любилъ душою,
Вы же, какъ младенцемъ,
Забавлялись мною.
Вы не понимали
Ни моихъ страданій...

Не понимала!.. Слезы сверкали въ глазахъ Карташева. Эхъ, забыть бы все и улетѣть туда въ окно, гдѣ бѣлая акація тонетъ въ нѣжномъ голубомъ небѣ, гдѣ орелъ черной точкой только виднѣется уже тамъ, вдали. Глупая его любовь, глупый онъ самъ... слава Богу, никто не знаетъ о его любви и никогда не узнаетъ... и она, что любилъ онъ ее... Наташа повернулась и смотритъ на него, точно задумалась, жаль ей его. Неужели угадала? Нѣтъ, слава Богу, не угадала, не угадала, перевела спокойно глаза на Корнева и смотритъ такъ, какъ будто и его о чемъ-то спрашиваетъ. Счастливая Наташа! Не мучится. И Анна Петровна оглянулась и смотритъ на него ласково, внимательно... синіе-синіе глаза, зубки бѣлые, думаетъ что-то и кусаетъ губы... губы маленькія, красивыя. Покраснѣла и отвернулась. Можетъ-быть, онъ не-

ловко посмотрѣлъ?.. Отчего ему всегда кажется, что онъ вдругъ сдѣлаетъ когда-нибудь что-то такое, чего ужъ и поправить нельзя будетъ?.. Разсѣяннымъ не надо быть, надо постоянно думать.

Карташевъ стряхнулъ съ себя мысли и повернулся къ алтарю: затворялись царскія врата, пѣвчіе тѣснѣе обступили смуглаго регента съ черными усами, въ разстегнутомъ сюртукѣ; подумалъ про него, что ему жарко; замеръ на мгновеніе надъ поднявшимся вверхъ камертономъ и окончательно пришелъ въ себя, когда воздухъ дрогнулъ, и полились, и зазвенѣли, и загудѣли трескучіе залпы торжественнаго: „Тебѣ Бога хвалимъ“.

„Скоро конецъ“,—подумалъ Карташевъ и устало посмотрѣлъ назадъ.

Онъ весело встрепенулся: пробирались Семеновъ, Долба и Рыльскій. Корневъ, какой-то праздничный, настоящій именинникъ, причесанный съ боковымъ проборомъ свѣтлыхъ густыхъ волосъ, тоже повернулся, и изъ монгольскихъ припухшихъ прорѣзовъ смотрѣли его сѣро-зеленые пытливые глаза.

Семеновъ шелъ впереди, выпятивъ грудь, съ сіяющимъ выраженіемъ своего краснаго въ веснушкахъ лица. Онъ былъ доволенъ собой: успѣлъ отстоять обѣдню съ родными и попалъ вò-время въ соборъ. Изъ-за Семенова выглядывали большіе каріе глаза Долбы, а изъ-за Долбы смотрѣло беззаботно-веселое, насмѣшливое лицо Рыльскаго. Онъ съ какимъ-то затаеннымъ любопытствомъ и нѣкоторымъ страхомъ косился по сторонамъ, точно вотъ-вотъ узнаютъ, что онъ католикъ, догадаются, зачѣмъ онъ пришелъ, и вдругъ выведутъ его изъ церкви. Онъ усиленно обмахивалъ свою грудь какимъ-то полу-католическимъ, полу-православнымъ крестомъ и еще веселѣе поглядывалъ впередъ, гдѣ стояла знакомая публика.

Приблизившись, Семеновъ въ упоръ нажалъ на Карташева и, сохраняя свой надутый видъ, толкнулъ его слегка въ бокъ кулакомъ. Корнева повернулась, весело скользнула глазами по прибывшимъ, на мгновеніе остановилась на Рыльскомъ и, отвернувшись, уставилась въ золотое сіяніе надъ алтаремъ.

Компанія оживленно зашушукала, послышался сдержанный тихій смѣхъ. Корнева, опять повернувшись и сдвинувъ брови, старалась строго смотрѣть на шумѣвшихъ. Въ отвѣтъ Рыльскій быстро закрестился, закланялся, не спуская съ нея глазъ. Она тоже смотрѣла на него своими влажными карими глазками и уже не строго, но съ какою-то вызывающею пренебрежительною гримасою смотрѣла ему въ глаза, на кре-

стившуюся руку и опять въ глаза. Что-то точно кольнуло ее въ сердце, въ глазахъ ея сверкнулъ огонекъ, и, не выдержавъ, она отвернулась къ алтарю. Только видны были ея красныя ушки да аккуратно высоко вверхъ подобранные волосы. Карташевъ видѣлъ все. Не было сомнѣнія. Растерянный, сконфуженный, онъ старался забыть и о Корневой и о Рыльскомъ, старался думать о постороннемъ и былъ радъ, когда служба кончилась и всѣ начали здороваться между собою. Онъ тоже потянулся, поздоровался съ Маней, торопливо избѣгая ея взгляда, подошелъ къ Наташѣ и Горенко.

— Пріѣзжайте же сегодня съ сестрой къ намъ на дачу, — сказала Анна Петровна ласково.

Карташевъ разсѣянно поклонился.

— У насъ хорошо: море близко, купанье отличное, вечеромъ такая прелесть... такъ бы и не ложился спать.

— Ахъ, какъ жалко, что мы ѣдемъ въ деревню! — съ огорченіемъ сказала Наташа: — я такъ люблю море.

— Въ деревнѣ тоже хорошо, — упавшимъ голосомъ отвѣтилъ Карташевъ, грустно слѣдя, какъ Корнева пошла къ выходу.

— Послушай, — дернулъ его Семеновъ. — Марья Павловна поручила тебѣ сказать, чтобы ты пришелъ на бульваръ, когда проводишь сестеръ.

Карташевъ вспыхнулъ, а Семеновъ, попрощавшись, быстро зашагалъ вдогонку за скрывшимися Корневой, Рыльскимъ и Долбой.

— Вы къ намъ въ деревню пріѣзжайте, — повеселѣлъ вдругъ Карташевъ, обращаясь къ Аннѣ Петровнѣ.

— Я не могу: у меня братъ больной.

Она встревоженно отвела глаза, безъ интереса скользнула ими по проходящимъ и начала прощаться. Наташа крѣпко поцѣловалась съ нею.

— Ахъ, какъ я ее люблю! — говорила Наташа брату, идя съ нимъ изъ церкви. — Она ужасно гордая... не гордая, а самолюбивая... и добрая: все готова отдать... Какъ она любитъ брата! Братъ тоже симпатичный... Жаль его! — онъ, навѣрно, умретъ: у него чахотка.

— Она очень симпатичная, — согласился Карташевъ.

— Сегодня какъ разъ восемнадцать лѣтъ, — говорила Аглаида Васильевна, сходя съ паперти и ровняясь съ сыномъ, — какъ мы переѣхали изъ Петербурга сюда. Я еще маленькой мечтала всегда о югѣ, и мнѣ кажется, если бъ мнѣ пришлось возвратиться въ Петербургъ, я умерла бы тамъ... Безъ солнца, безъ воздуха, безъ моря нельзя жить...

Она вошла въ аллею.

— А я люблю сѣверъ, зиму, — отвѣтилъ сынъ.

— Ни того ни другого ты не видалъ. А если придется тебѣ жить на сѣверѣ, ты никогда его не будешь любить: сѣверъ — блѣдная тѣнь юга, слабая копія плохими красками... А особенно ты... Когда я ждала тебя на свѣтъ, я по цѣлымъ часамъ просиживала на берегу моря, читала Вальтеръ-Скотта, „Консуэло“ Жоржъ-Зандъ, Диккенса, постоянно смотрѣла на портретъ Пушкина... Цѣлую галлерею портретовъ устроила.

— Ну, ни на Пушкина, ни на Диккенса, ни на Вальтеръ-Скотта я, кажется, не похожъ.

— Мальчикъ ты еще...

— Не совсѣмъ я мальчикъ, — отвѣтилъ сынъ, косясь на свои пробивающіеся усы.

— Для меня всегда мальчикъ.

— Удобная позиція, — усмѣхнулся онъ: — по крайней мѣрѣ, надежды никогда не потеряете, что изъ меня выйдетъ что-нибудь.

Мать улыбалась и удовлетворенно провожала глазами обгонявшихъ ихъ пѣшеходовъ.

Подходя къ дому, Карташевъ нетерпѣливо прибавлялъ ходу.

— Тёма совсѣмъ уже пересталъ дома сидѣть,—сказала Зина.

Карташевъ покосился на мать.

— Налюбуемся еще другъ на друга за лѣто въ деревнѣ, — отвѣтилъ онъ угрюмо.

— А пока Маней... Спѣши... — пренебрежительно кончила Зина.

Тёма почувствовалъ какой-то намекъ на Рыльскаго, сверкнулъ глазами, но, овладѣвъ собой, принялъ равнодушно-спокойный видъ.

— Я не мѣшаюсь въ твои дѣла, — прошу и въ мои не мѣшаться.

— Во-первыхъ, у меня никакихъ дѣлъ нѣтъ, — обидѣлась Зина.

— Очень жаль.

— Ну, ужъ это не твое дѣло.

— Тёма, Зина, что̀ это такое? — вмѣшалась Аглаида Васильевна.— Право, чѣмъ больше вы растете, тѣмъ у васъ хуже манеры.

— Я никогда съ Тёмой больше не буду разговаривать. Онъ каждое мое слово перевираетъ.

— Да и не разговаривай, пожалуйста. Воображаетъ, что кончила курсъ...

— Стыдно, Тёма, — оборвала Аглаида Васильевна. И, по-

низивъ голосъ, хотя Зина и ушла, Аглаида Васильевна добавила: — сестра курсъ кончила: вмѣсто того, чтобъ сдѣлать ей что-нибудь пріятное, ты точно такой же чужой ей, какъ какой-нибудь Долба, который только и радъ, когда подмѣтитъ что-нибудь... Стыдно. Въ этомъ отношеніи съ Корнева бери примѣръ, никогда противъ сестры...

— Ну, ужъ и никогда.

— Никогда... Такъ пошутитъ, но онъ любитъ и, смотри, какъ горой встанетъ, чуть что̀... Кстати, что̀ жъ онъ, ѣдетъ?

— Онъ хочетъ... мать, кажется... поѣдетъ!

— Мы во вторникъ вещи отправляемъ.

— Я сегодня спрошу его... Наташа, не опоздай къ Корневымъ.

Мать вошла въ домъ, а Карташевъ пошелъ назадъ, разстроенный и огорченный. Дойдя до перекрестка, онъ остановился, подумалъ и, вмѣсто бульвара, повернулъ къ квартирѣ Корневыхъ.

Зина, уйдя отъ брата, вошла первой въ гостиную, остановилась посреди комнаты спиной къ входившей Наташѣ и проговорила:

— Тёма — дуракъ: не видитъ, что его Корнева по уши влюблена въ Рыльскаго... Никакого самолюбія нѣтъ. Рыльскій такъ ухаживаетъ явно...

— Рыльскій же въ тебя влюбленъ,—пустила булавку сестра.

— Что̀ жъ изъ этого? Можно ухаживать за кѣмъ угодно. Да мнѣ рѣшительно, впрочемъ, все равно, въ кого влюбленъ Рыльскій. Мальчишка.

— А ты что̀ за маменька?

— Я сегодня выйду замужъ, у меня черезъ годъ дѣти, а онъ мальчишка...

— Тоже можетъ жениться... Сынъ Акима такихъ же лѣтъ, а собирается же жениться.

Сестра такъ возмутилась, что даже не сразу отвѣтила.

— Какія ты глупости говоришь!

— Почему глупости?

— Да потому, что глупости. Тамъ животная жизнь, а имъ надо учиться и учиться.

— Въ такомъ случаѣ выходитъ, что ты старше ихъ только тѣмъ, что перестала учиться.

Зина, вмѣсто отвѣта, сѣла на стулъ и, какъ была въ шляпѣ, расплакалась.

Наташа смущенно смотрѣла на сестру.

— Я вовсе тебя не хотѣла обидѣть, — растерянно проговорила она.

— Да я вовсе не оттого и плачу, — отвѣтила Зина, вытирая слезы и отворачиваясь къ окну. — Лѣзутъ, лѣзутъ... пристаютъ... Точно преступленіе какое сдѣлала, что курсъ кончила... Я въ монастырь уйду...

— Зачѣмъ же въ монастырь?—растерялась совсѣмъ Наташа.

Зина не отвѣтила и, вытеревъ слезы, смотрѣла своими черными строгими глазами на улицу, по которой одинъ за другимъ мчались нарядные экипажи, уносившіе сидѣвшихъ на нихъ на дачи.

Вошла Аглаида Васильевна, оглянула дочерей, поцѣловала выскочившихъ къ ней Маню и Асю, спросила, гдѣ Сережа, скользнула взглядомъ по Зинѣ, подошла къ ней и, обнявъ ея голову двумя руками, наклонилась и, ласково поцѣловавъ ее, проговорила:

— Умница моя.

Зина молча поцѣловала руку матери.

— Все придетъ въ свое время...

Аглаида Васильевна точно подслушала разговоръ сестеръ.

— И я въ твои годы, когда кончила курсъ, также не знала, что̀ съ собой дѣлать. Всѣ идутъ одной и той же дорогой: только кажется, что съ нами вотъ именно и происходитъ что-то особенное... Вотъ пріѣдемъ изъ деревни, я знакомства возобновлю...

— Да я и не хочу ихъ, — огорченно перебила дочь.

— Ну, не хочешь, ложу въ театръ возьмемъ... Къ тетѣ въ Петербургъ поѣдешь... Только не плачь: это портитъ цвѣтъ лица, будешь блѣдная, со вздутыми глазами. Ты, что̀ жъ, поѣдешь сегодня на дачу къ Елищевымъ?

— Кажется, поѣду.

— Если бы Тёма былъ свободенъ, — сказала мать, — ему бы тоже поѣхать надо было.

— Страшно занятъ, — не утерпѣла Зина: — для всѣхъ время есть, кромѣ сестеръ.

— Рожденье Корнева, — заступилась Наташа.

— Съ сестрой за брата отпразднуетъ...

— Ну, ну, — замѣтила Аглаида Васильевна, — ужъ ты сегодня расходилась.

— Вы, мама, всегда за Тёму заступаетесь...

— Ахъ, скажите, пожалуйста, — разсмѣялась Аглаида Васильевна, гладя волосы дочери, — вы, кажется, и до мамы добираетесь.

Зина встала и горячо поцѣловала мать.

— Надо, дѣтки, мягче относиться другъ къ другу, — говорила мать, цѣлуя, въ свою очередь, дочь.

Павелъ Васильевичъ Корневъ шелъ отъ обѣдни, выступая по улицѣ какъ-то бокомъ, размахивая правой рукой такъ же свободно, какъ будто онъ шагалъ не по улицѣ, а по своему кабинету. Онъ сдвинулъ легкую соломенную шляпу на затылокъ, отдувался, пускалъ свое „фу“ и по временамъ обмахивался большимъ полотнянымъ платкомъ, который за два конца держалъ въ правой рукѣ.

Обгоняя его, прошли его сынъ и племянникъ, студентъ мѣстнаго университета. Оба шли возбужденно и быстро.

Корневъ сосредоточенно слушалъ и, по обыкновенію, обгрызалъ свои и безъ того обглоданные ногти.

— Я прочиталъ твою статью, — говорилъ студентъ. — Видишь ли... Да брось, — нетерпѣливо ударилъ онъ по рукѣ Корнева... — Скверная привычка какая... Главное, хочешь быть медикомъ: трупное зараженіе готово.

— Скверная привычка, — отвѣтилъ вскользь Корневъ и принялся опять за ногти.

— Да... такъ вотъ я говорю, — поймалъ свою мысль студентъ, всматриваясь большими близорукими глазами въ проходившаго господина. — Если смотрѣть на жизнь, какъ на удовольствіе, тогда, конечно, отчего и не прикрасить ее для большаго еще, что ли, удовольствія... Но если жизнь...

Студентъ поискалъ глазами, оглянулся для чего-то назадъ и, точно поймавъ нужное слово, продолжалъ:

— Но, если жизнь серьезный трудъ, рѣшеніе весьма важной задачи, на которую полагается весьма ограниченное время, именно наша жизнь, время, изъ котораго мы не имѣемъ права терять ни одной секунды...

Студентъ на мгновеніе нервно открылъ глаза, еще разъ оглянулся.

— Тогда все то, что̀ понимается подъ словомъ художественно...

— Понятно,— озабоченно произнесъ Корневъ, прибавляя шагу.

Они почти бѣжали по улицѣ. Опередивъ немного Корнева, ухвативъ его за пуговицу парусиноваго пиджака, студентъ продолжалъ:

— Не только потеря времени, но и вредъ!

Послѣднее слово крикнулъ онъ на всю улицу.

— И вотъ почему! Человѣкъ съ самой серьезной физіономіей говоритъ:

Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
Въ заботахъ суетнаго свѣта
Онъ малодушно погруженъ.

Мнѣ представляется такая картина: сидитъ чучело съ длинными волосами, сидитъ и ждетъ, пока его потребуютъ и поволочутъ въ широкошумныя дубравы. А такъ какъ сидѣть скучно, то онъ и погружается малодушно и дѣлается между сынами земли самымъ ничтожнымъ... Вотъ къ чему это приводитъ: патентъ на бездѣльничанье. Напрягся и потекъ, потекъ и изнемогъ. Та же мысль, только красивѣе передана. А въ погонѣ за этой красотой гибнетъ знаніе. Человѣкъ, вмѣсто того, чтобы учиться и съ живымъ знаніемъ, какъ анатомъ со скальпелемъ, итти въ жизнь, развертывать ее не въ фотографическомъ изображеніи, въ какомъ мы ее и безъ того всѣ видимъ, но осмыслить не можемъ, а въ систематичномъ изложеніи постоянно накопляющагося, неотразимаго вывода, — человѣкъ сидитъ болваномъ и ждетъ, пока его идіотъ Аполлонъ потащитъ въ широкошумныя дубравы... пакость! Ужъ если этакому болвану охота время свое тратить, такъ и пусть его, ну, а читать его ерунду прямо ужъ преступленіе... Въ этомъ и зло этого принципа искусства для искусства.

— Да, конечно...

— А вотъ ты въ своей статьѣ и не подчеркнулъ этого... Есть и еще очень скверная сторона здѣсь. Художественная форма очень капризная вещь: удается не то, что̀ хочешь, а то, что̀ выходитъ: ведетъ, слѣдовательно, форма, а не суть. И еще художественно ты можешь воспроизвести то, что̀ видѣлъ, положимъ, но то, что̀ ты слышалъ, напримѣръ, тебѣ не удается облечь въ художественныя формы,—ты бросаешь, а между тѣмъ, можетъ-быть, слышанное по содержанію гораздо важнѣе наблюденнаго. Опять содержаніе гибнетъ изъ-за формы. А между тѣмъ жизнь не форма, и за каждое предпочтеніе формы передъ сутью приходится дорого платить. Вся задача людей, все ихъ развитіе сосредоточено на томъ, чтобы по возможности расширить формы жизни—это мѣрило цивилизаціи: у китайца подъ формой все протухло, тина, болото... у американца жизнь бьетъ ключомъ. Больше можно сказать: форма — мѣрило силы народной, и преобладаніе ея надъ сутью—безсиліе народа. Литература и должна разбивать эти мѣшающія жить формы. И что̀ жъ? Она же сама, этотъ, такъ сказать, тарань рутины самъ превратился въ такую рутину, что современному русскому живому, умному человѣку, не обладающему этой формой, приходится не раскрывши, что̀ называется, рта, являться и сходить съ подмостковъ жизни... А между тѣмъ это живое слово необходимо. Въ прежнее время безъ пара, электричества, безъ этихъ страшныхъ рычаговъ цивилизаціи тамъ, можетъ-быть,

и можно было дожидаться сочетанія и содержанія и формы, а теперь... когда выпячиваетъ и съ боковъ и снизу... когда чуть не караулъ въ пору кричать, сидѣть и ждать златокудраго Аполлона можетъ только какая-нибудь Коробочка или идіотъ, довольный тѣмъ, что онъ освободилъ себя отъ обязанности давать отчетъ за свои благоглупости. Наше время машинъ и механики, время прозы, ремесленное время, время усиленной грязной работы съ засученными рукавами, время ума, а не время тонкостей маркизовъ и помпадуршъ, и литература должна быть на высотѣ. Не форма ея задача, а простымъ человѣческимъ языкомъ объясненіе смысла этой работы, направленіе къ цѣли, ободреніе работниковъ, подготовка и воспитаніе этихъ работниковъ, которые полюбили бы свою работу, умѣли бы умирать за нее, а не придумывать разныя отговорки въ пользу сытаго брюха... „семья, семья...“ Такъ не женись, чортъ тебя побери, если нельзя найти другой семьи!

— Видишь ты, я указалъ...

— Блѣдно! Это должно выпятиться такъ, чтобы слова изъ бумаги лѣзли.

— Да, пожалуй...

Послѣднюю фразу Корневъ проговорилъ уже во дворѣ, въ томъ углу его, гдѣ стоялъ столъ, застланный чистой скатертью. Онъ снялъ фуражку и, положивъ ее на столъ, самъ сѣлъ въ кресло.

— Самъ идетъ?—спросила озабоченно Анна Степановна, показавшаяся въ дверяхъ.

— Идетъ,—разсѣянно отвѣтилъ сынъ.—Зайдетъ, вѣроятно, къ пріятелю своему Жану.—Корневъ раздраженно кончилъ:—Да что вы, маменька, пугаете сами себя; точно, въ самомъ дѣлѣ, звѣрь какой идетъ. Человѣкъ никогда вамъ рѣзкаго слова не сказалъ, а вы его боитесь, точно вотъ онъ схватитъ сейчасъ палку и пойдетъ бить посуду.

— Охъ, боюсь,—отвѣтила Анна Степановна и, комично сморщившись, посмотрѣла на сына и племянника и весело разсмѣялась.—До смерти боюсь... Такъ затрепыхается, заколотится въ серединѣ, ноги подкосятся... Ей-Богу!

Калитка скрипнула, и вошелъ Карташевъ.

— О-о! Мой!—просіяла Анна Степановна и, когда Карташевъ подошелъ, она обняла его и, подмигивая, говорила:

— Ось якъ.

Карташевъ присѣлъ къ столу и былъ радъ, когда на него перестали обращать вниманіе. Облокотившись на локоть, онъ подъ разговоръ Корнева съ братомъ задумался, и его сердце

тревожно билось, что Корнева теперь съ Рыльскимъ и, вѣроятно, не скоро заглянетъ сюда: лучше было бы пойти прямо на бульваръ. Можетъ-быть, она обрадовалась бы его приходу. Карташевъ вздохнулъ.

— Охъ, тяжко жить!—ласково замѣтила Анна Степановна, кладя руку на мягкіе волнистые волосы Карташева.

Корневъ уже нѣсколько разъ поглядывалъ на пріятеля. За послѣднее время онъ начиналъ чувствовать какую-то особенную симпатію къ Карташеву.

— Ты что̀ это, въ самомъ дѣлѣ?—спросилъ онъ.

— Усталъ,—отвѣтилъ смущенно Карташевъ и, отгоняя отъ себя свои мысли, спросилъ:

— Ну что̀? Рѣшилъ ѣхать съ нами?

— Куда это?—поинтересовался двоюродный братъ Корнева.

— Къ нимъ... въ деревню,—отвѣтилъ Корневъ.

— Ты что̀ жъ, ѣдешь?

Корневъ озабоченно посмотрѣлъ на мать. Анна Степановна только вздохнула.

— Не рѣшилъ еще.

— Отчего же тебѣ не ѣхать? — спросилъ его братъ. — Деревня...

Но Карташевъ перебилъ его:

— Въ деревнѣ такъ интересно.

Студентъ ждалъ, что̀ онъ еще скажетъ.

— Наши хохлы такіе симпатичные, оригинальные... Когда узна̀ешь ихъ—ихъ нельзя не полюбить. А степи наши... Сначала онѣ никакого впечатлѣнія не производятъ, но постепенно такъ привязываешься къ нимъ, какъ къ человѣку. Знаешь, этотъ просторъ, одиночество степи... и ты одинъ...

„Одинъ!“—охватило Карташева съ щемящей болью и сильнѣе потянуло въ степь.

Онъ вздохнулъ всей грудью.

— А осенью въ степи!.. Небо синее-синее... воздухъ прозрачный, неподвижный... видно на десятки верстъ: только скирды, да гдѣ-нибудь стадо овецъ, да орелъ на скирдѣ... спокойно... тихо... такъ и кажется, что степь спитъ... дышитъ...

— Не храпитъ? — добродушно улыбнулся Корневъ и посмотрѣлъ на брата. Карташевъ сконфуженно провелъ рукой по лицу и тоже улыбнулся.

— Смѣйся, а если бы поѣхалъ...

— Въ деревнѣ есть что̀ посмотрѣть,—сосредоточенно, избѣгая Карташева, заговорилъ студентъ.—Какъ разворачиваютъ „Отечественныя Записки“ эту деревню... Успенскій, Златовратскій—какая прелесть!

— Немножко скучно только,—вставилъ Корневъ.—У Успенскаго и Златовратскаго хоть талантливо, а у другихъ ужъ такъ сѣро..

— Ну, можно ли такъ говорить? — вспыхнулъ студентъ. — Тебѣ сѣро читать, а имъ жить въ этомъ сѣромъ надо. Что жъ, оно само посвѣтлѣетъ, если мы отъ него отворачиваться станемъ? Развѣ удовольствія искать въ такомъ чтеніи? Матеріалъ здѣсь важенъ, и всякій хорошъ, лишь бы вѣрный былъ. Въ этомъ отношеніи „Отечественныя Записки“ и ставятъ вопросъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ я выше говорилъ, — никакой формы не надо, суть давай, потому что рѣчь здѣсь идетъ о рѣшеніи самой насущной въ жизни государства задачи. Здѣсь нечего разводить эстетику: нужно знаніе... Для человѣка съ хорошими мозгами въ деревнѣ первая пища.

— Да нѣтъ... что жъ? Я, собственно, поѣхалъ бы,—согласился Корневъ и покосился на вошедшую мать.

Анна Степановна покачала головой.

— Да ужъ поѣзжай, — вздохнула она и, обратившись къ Карташеву, спросила:

— Гдѣ-то моя коза? Вы не бачили часомъ?

Сердце Карташева екнуло, и онъ отвѣтилъ, стараясь придать своему голосу свободный тонъ:

— Она на бульваръ ушла.

— Вертитъ тому Рыльскому голову, — покачала головой Анна Степановна.—И въ кого она уродилась?

— Не въ васъ?—спросилъ племянникъ.

— Не знаю, я и молодой не була...

Анна Степановна скользнула взглядомъ по сыну и закончила:

— Такъ сразу на своего наскочила.

— А за нимъ ужъ и весь свѣтъ пропалъ?

Анна Степановна только подняла подбородокъ и добродушно махнула рукой.

Корнева съ Рыльскимъ возвращались съ бульвара, пропустивъ далеко впередъ Семенова съ хозяйской дочкой. Долба еще на бульварѣ отсталъ, встрѣтивъ какого-то знакомаго.

— Слушайте, Рыльскій, какъ вамъ нравится Аглаида Васильевна?—спрашивала своего спутника Корнева.

— Умная баба, ловко за носъ водитъ своего сына.

— Знаете, я не понимаю Карташева: въ немъ какая-то смѣсь взрослаго и мальчика.

— Я думаю, въ этомъ и выражается ея вліяніе: она давитъ его и умомъ и сильнымъ характеромъ.

Корнева весело разсмѣялась и проговорила;

— Посмотрите на Семенова, какъ онъ таетъ.

Смѣялась ли Корнева, сердилась—все у нея выходило неожиданно, всегда искренно и непринужденно.

Рыльскій взглянулъ на Семенова и усмѣхнулся.

— Семеновъ!—позвала Корнева.

Семеновъ оглянулся, сразу собрался и дѣловито зашагалъ къ отставшимъ.

— Вамъ нравится ваша дама? — тихо спросила Корнева, когда онъ подошелъ къ ней.

— Вотъ дурища!—весело, по секрету сообщилъ Семеновъ.

Всѣ трое фыркнули.

— Я...

— Идите, идите...

Семеновъ зашагалъ назадъ къ своей дамѣ.

Корнева и Рыльскій опять пошли вдвоемъ.

— Слушайте, отчего мнѣ такъ весело? А вамъ весело?

Рыльскій отвѣтилъ сначала глазами и потомъ прибавилъ:

— Весело.

Корнева пытливо заглянула въ его глаза и произнесла съ набѣжавшимъ вдругъ огорченіемъ:

— Мнѣ все кажется, что вы шутите, а на самомъ дѣлѣ думаете совсѣмъ другое,

— Я говорю, что̀ думаю.

Корнева наблюдала Рыльскаго. Рыльскій дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ, и серьезно провожалъ глазами встрѣчавшихся гуляющихъ.

— Отчего, когда я хочу на васъ сердиться, —я не могу? Пожалуйста, не думайте: я ужасно чувствую вашу самонадѣянность и презрѣнье ко всѣмъ. Иногда такъ разсержусь, вотъ взяла бы васъ и побила.

Она разсмѣялась.

— А посмотрю на васъ... и пропадетъ. Вѣдь это нехорошо... правда?

— Что̀ нехорошо?—спросилъ Рыльскій.

Они вошли подъ тѣнь акацій.

На нихъ пахнуло сильнымъ ароматомъ цвѣтовъ.

— Ахъ, какъ хорошо пахнетъ,—сказала Корнева.

Рыльскій подпрыгнулъ и сорвалъ бѣлую кисть цвѣтка.

— Дайте...

Она оглянулась и, пропустивъ свидѣтелей, прикрѣпила цвѣтокъ у себя на груди. Она прикрѣпляла и смотрѣла на цвѣтокъ, а Рыльскій смотрѣлъ на нее, пока ихъ взгляды не встрѣтились, и въ ея душѣ загорѣлось вдругъ что-то. Она закрыла и открыла глаза. Ея сердце сжалось такъ, будто онъ,

этотъ красавецъ съ золотистыми волосами и сѣрыми глазами, сжалъ ее въ своихъ объятіяхъ.

Она пошла дальше, потерявъ ощущеніе всего; что-то веселое, легкое точно уносило ее на своихъ крыльяхъ.

— Ахъ, я хотѣла бы... — вздохнула она всей грудью и замерла.

Нѣтъ, нельзя передать ему, что хотѣла бы она унестись съ нимъ вмѣстѣ далеко-далеко... въ волшебную сторону вѣчной молодости... Хотѣла бы вѣчно смотрѣть въ его глаза, вѣчно гладить и цѣловать золотистые волосы.

— Нѣтъ, ничего я не хочу... Я хотѣла бы только, чтобы вѣчно продолжалась эта прогулка...

Но они уже стояли у зеленой калитки ихъ дома. Сквозь ажурную рѣшетку увидала она брата, спину уныло облокотившагося о столъ Карташева и, оглянувшись назадъ, произнесла упавшимъ голосомъ:

— Уже?

Эхо повторило ея вздохъ въ веселомъ днѣ, въ залитой солнцемъ улицѣ, и понесло назадъ въ ароматную тѣнь бѣлыхъ акацій, въ безмятежное синее море, въ искристый воздухъ яркаго лѣтняго дня...

Послѣ обѣда компанія отправилась кататься на лодкахъ. Поѣхалъ и Моисеенко, соблазненный заѣздомъ на дачу Горенко, съ которой онъ былъ знакомъ и которой интересовался. По поводу приглашенія дочери хозяина Корневъ былозапротестовалъ, но Семеновъ энергично обратился къ нему:

— Ты молчи... понимаешь?

Такъ какъ Семенова поддержала Корнева, то Корневъ только рукой махнулъ.

Вервицкій тоже ѣхалъ и, сбѣгавъ домой, захватилъ на всякій случай съ собой гитару и удочки. А Берендя принесъ скрипку.

Въ гавани Вервицкій, вынувъ изъ кармана карандашъ и книжку, какъ признанный уже писатель, приготовился записывать свои путевыя впечатлѣнія.

Это очень занимало и веселило компанію, пока приготовляли лодки.

— Ты что же будешь записывать?—спросилъ Долба.

— Такъ, что придется.

— А ужъ написалъ что-нибудь?

— Чистая...

Наняли двѣ лодки, такъ какъ одной, достаточно помѣстительной, не оказалось. Вопросъ — кто гдѣ сядетъ — рѣшился

какъ-то самъ собой. Карташевъ, избѣгая Корневой, какъ только она вступила въ лодку, прыгнулъ въ другую, за нимъ прыгнула Наташа, за ней Корневъ, а за Корневымъ Моисеенко.

— Ну-съ, держитесь, только и видѣли насъ! — крикнулъ весело Долба со своей лодки.

Карташевъ сдѣлалъ презрительную гримасу. Какъ опытный морякъ, онъ сразу увидѣлъ, что ихъ лодка ходче и парусъ больше. Но, чтобъ найти себѣ въ чемъ-нибудь утѣшеніе, онъ взялъ рифы, вслѣдствіе чего лодка Долбы обогнала его. Карташевъ самъ сидѣлъ на рулѣ.

— Не подвезти ли?—раскланялись изъ первой лодки.

Карташевъ молча злорадно посмотрѣлъ, волнуясь отъ нетерпѣнія. Пропустивъ первую лодку, выѣхавъ уже въ море, онъ съ отданными рифами, съ подтянутыми кливеромъ и фокашкотами направилъ лодку въ сторону отъ ѣхавшихъ впереди. Лодка понеслась стрѣлой, сильно накренившись на лѣвый бокъ, только не черпая воду, ныряя и описывая громадный полукругъ.

— Куда это они? — спросила Корнева, сидѣвшая рядомъ съ Рыльскимъ.

Лодка Карташева на мгновеніе качнулась, круто стала противъ вѣтра, болтнулись паруса, и уже правымъ галсомъ понеслась наперерѣзъ второй лодкѣ.

— А красиво,—замѣтилъ Вервицкій.

— Записывай скорѣй,—крикнулъ Рыльскій.

Лодка неслась и была совсѣмъ близко. Шумъ воды, точно кипѣвшей у ея носа, угрожающе усиливался.

— Что жъ это они, прямо на насъ?—взволновался Вервицкій.

Онъ схватился за бортъ и принялся дѣлать отчаянные взмахи рукой, долженствовавшіе указать Карташеву истинный путь.

— Да ей-Богу, онъ опроки.

Лодка Карташева пронеслась у самаго носа ихъ лодки, то, что называется у моряковъ: носъ обрѣзала.

— Ну, разошелся Карташевъ,—сердился Рыльскій:—онъ теперь не успокоится, пока или насъ, или ихъ не перетопитъ.

— Ей-Богу, шалый какой-то, — сказалъ Долба:—не можетъ, какъ люди.

— Ну его къ чорту, поѣдемъ, господа, назадъ,—предложилъ Семеновъ.

Карташевъ уже успѣлъ повернуть свою лодку и опять рѣзалъ воду, направляясь на противниковъ.

— Послушай, мы не потопимъ другъ друга?—спросилъ Корневъ.

— Ну!.. Я вѣдь собаку съѣлъ...

— Ну, съѣлъ, такъ съѣлъ,—согласился Корневъ и, оставивъ всякую заботу, продолжалъ разговоръ съ Наташею и братомъ.

Разговоръ вертѣлся на Горенко. Говорила больше Наташа, а кавалеры слушали: Моисеенко—потому, что рѣчь шла о Горенко, Корневъ—потому, что говорила Наташа.

Карташевъ, почти налетѣвъ опять на лодку, круто повернулъ-было, чтобы плыть рядомъ, но не разсчиталъ разстоянія, и кончилось тѣмъ, что чужимъ парусомъ чуть-было не выбросило Семенова въ воду.

Семеновъ, взбѣшенный, еще блѣдный отъ избѣгнутой опасности, властно закричалъ Карташеву.

— Сумасшедшій ты... Отнимите отъ него руль!

И Семеновъ, красный, рѣшительный, своими маленькими горящими, какъ угли, глазами впился въ Карташева. На мгновенье всѣ поддались его командѣ. Только Наташа, сконфуженная, улыбалась и ласково смотрѣла на брата.

— Ну, ты, отецъ командиръ, сокращайся,—пренебрежительно крикнулъ Корневъ Семенову:—не утопили... Чего пѣтушишься?

— Садись, садись,—дернулъ Семенова Долба.

— Да это чортъ знаетъ что̀ такое,—волновался Семеновъ, усаживаясь: — сумасшедшее нахальство какое-то... Надоѣло жить—топи себя...

Намекъ Семенова вызвалъ улыбку у всѣхъ. Семеновъ успокоился.

Только Берендя ничего не понялъ и, довольный, что все благополучно кончилось, пробормоталъ:

— Чо-чортъ побери... если бы опрокинули, я... я утонулъ бы.

Онъ такъ глубокомысленно и серьезно вникъ въ миновавшую опасность, лучистые глаза его такъ раскрылись и уставились, что всѣ покатились со смѣху.

— Ти... ти... ти... отчего жъ бы ты утонулъ?—спросилъ Вервицкій.

— Ду...дуракъ,—обидѣлся Берендя:—я плавать не умѣю.

И лодка опять задрожала отъ смѣха.

Неудача Карташева кончилась тѣмъ, что онъ долженъ былъ уступить руль лодочнику-греку, который, воспользовавшись удобнымъ моментомъ и чувствуя за собой большинство, рѣшительно отнялъ у него руль.

Окончательно развѣнчанный, Карташевъ съ горя полѣзъ на носъ и, устроившись тамъ за кливеромъ такъ, чтобы его никто не видѣлъ, придумывалъ планъ мести всѣмъ: коварной измѣнницѣ и отнынѣ своему заклятому врагу Рыльскому, и Семенову, и даже лодочнику. Относительно Мани у него ужъ не было никакихъ сомнѣній: теперь *они* сидѣли рядомъ, и это убѣждало его, что онъ въ отставкѣ.

Было изъ-за чего залѣзть за парусъ, страдать, сознавая глупость страданія, и поздно жалѣть, что поѣхалъ.

На лодкѣ, гдѣ сидѣла Корнева, послышалось пѣніе. Пѣлъ Долба. Его пріятный, сильный и характерный голосъ хохла мелодично несся по водѣ.

Всѣ притихли и отдались очарованію пѣнія и тихаго безмятежнаго вечера. Было часовъ восемь. Вѣтеръ совсѣмъ стихалъ. Солнце садилось и золотило своими лучами синюю даль моря. Море точно вздыхало отъ избытка безмятежнаго покоя. И воздухъ, и море, и небо тамъ, на далекомъ западѣ, точно засыпàли, утомленные сладкимъ сномъ. Западъ, какъ загорѣлся, такъ и горѣлъ, залитый огненной массой. Только ближе къ горизонту, точно зажатый, сквозилъ клочокъ прозрачнаго золотисто-зеленаго неба, точно входъ туда, за предѣлы земли.

Корневъ засмотрѣлся въ эту точку. Неожиданной волной вдругъ хлынуло на него далекое прошлое. Точно какія-то таинственныя двери этого далекаго, милаго дѣтства вдругъ отворились въ этомъ клочкѣ золотисто-зеленаго неба и мягко звали въ свою вѣчную даль. Прильнувъ къ стеклу окна своей дѣтской, онъ, опять мальчикъ, смотритъ на это заходящее солнце, смотритъ на садъ, на цѣлый лѣсъ другихъ садовъ. Далеко за ними ярко горятъ въ заходящихъ лучахъ òкна какой-то башни. Чтò это за башня? Кто въ ней живетъ? Давно зашло солнце, потухли окна волшебной башни, едва догораетъ розовая полоска на далекомъ западѣ, а онъ все не можетъ оторваться отъ чарующаго вида. Уже соннаго укладываетъ его няня въ кровать, но и въ кровати долго еще мучитъ онъ свою старую няню трудными для нея вопросами, куда дѣлась башня и куда солнце ушло, и чтò за полоска тамъ далеко-далеко такъ тоскливо свѣтится въ надвигающейся темной, пока еще прозрачной въ вечернемъ сумракѣ ночи.

И старушка-няня, какъ умѣетъ, отвѣчаетъ на трудные для нея вопросы: солнце спать ушло, полоска оттого, что солнышко дверь забыло затворить, принцессу заколдовалъ злой волшебникъ и посадилъ въ башню. Онъ вырастетъ, убьетъ

волшебника и уѣдетъ съ принцессой въ ту сторону, куда ушло солнышко, гдѣ такъ хорошо, что и сказать нельзя. Теперь и не помнитъ онъ, и что̀ это за башня, и гдѣ это все было, и няни уже нѣтъ. А стоитъ, какъ живая; будто стоитъ тамъ за дверьми его вѣчной дѣтской, тихо возится и ждетъ, когда онъ приведетъ къ ней заколдованную принцессу.

Корневъ вдругъ очнулся, недовольно сдвинулъ брови и покосился на своего двоюроднаго брата.

Вѣтеръ совсѣмъ стихъ. Паруса сердито хлопнули и опустились. Лодочники перебросились между собою нѣсколькими греческими фразами и стали убирать паруса. Карташеву хотѣлось принять участіе въ уборкѣ, но онъ былъ сердитъ на лодочника. Онъ равнодушнымъ, недружелюбнымъ взглядомъ наблюдалъ, какъ тотъ возился, и не двинулъ пальцемъ. Когда лодочникъ, забравшись на носъ, задѣвалъ его, онъ брезгливо, такъ, что лодочникъ замѣчалъ, сторонился отъ его загорѣлыхъ, засученныхъ рукъ, отъ его черной бороды, обвѣтренныхъ глазъ и красной фески.

Долба продолжалъ пѣть.

Когда онъ кончилъ, Берендя замѣтилъ:

— За...замѣчательно мелодичны малороссійскія пѣсни.

— Типично... именно съ оттѣнками хохла,—поддержалъ Рыльскій.

— Что̀?—спросилъ его съ подъѣхавшей въ это время лодки Корневъ.

Лодки поѣхали рядомъ.

— Я говорю, типично поетъ онъ.

— Да,—согласился Корневъ.

— И голосъ у васъ выразительный какой,—сказала Наташа.—Спойте еще.

— Еще? Что̀ жъ еще? Я принимаю похвалу только оттѣнку. Наши пѣсни только тотъ споетъ такъ... чтобъ передать душу хохлацкую... а наша душа въ степи, въ тоскѣ по степи, когда ея нѣтъ... въ удали казацкой... въ любви,—есть дивчина, любитъ ее, сколько пуститъ,—нѣтъ,—потопитъ свое горе и душу безъ думки, съ размаху, такъ, — только чтобъ духъ захватило въ славномъ дѣлѣ... Спѣть такъ можетъ только тотъ, кто росъ въ степи, кто кормился въ ней подпаскомъ, плакалъ, когда били его, радовался, когда дивчина-сердце по той степи шла да свѣтилась на свѣтъ Божій. О! такой запоетъ про степь: запоетъ, якъ про мамку свою рыдну, затоскуетъ и заплачетъ, какъ про дивчину, отъ которой оторвали люди, а сердце не забыло...

Ой, мамо. мамо,
Сердце не божае,
Кого разъ полюбитъ,
Съ тѣмъ и помирае.

Онъ оборвался и раздраженно проговорилъ:

— Это не та хохлуша поетъ, что̀ полурусскій костюмъ надѣла да и думаетъ, что она хохлуша. Это не въ три яруса перевязанная кацапка поетъ, которой хоть въ очи наплюй... кисель какой-то... тѣсто: облѣпитъ своего мужа такъ, что и застрялъ и скисъ... Это поетъ дивчина, безъ которой и Сѣчи и воли не было бы у казака... та, которая не боится искать, а ужъ „знайдетъ“, такъ сумѣетъ взять то, что̀ ей Богъ, а не люди дали, спрашивать не станетъ... дастъ свое счастье, кому захочетъ.

— Ну, однако жена Тараса Бульбы не похожа на ту, которая тебѣ снится,—замѣтилъ Корневъ.

— Мнѣ или Гоголю снится? Была бы Сѣчь, если бъ бабы не гоняли ихъ туда? Вся исторія наша не съ бою? А кацапы все киселемъ: закиселили татаръ, закиселили французовъ... Та-а-расъ!.. Посмотрѣлъ бы я на твоего Тараса, если бъ ему русская трехъярусная попалась.

— Слушайте, Долба, я хохлушка?—спросила Корнева.

Долба поднялъ голову и, облокотившись локтями о колѣни, ловя губой свои подстриженные усы, смотрѣлъ ей въ глаза и загадочно щурился.

Корнева не выдержала. Въ глазахъ ея мелькнуло что-то.

— Вѣдьма!—быстро наклонился къ ней Долба и залился веселымъ смѣхомъ.

— Благодарю,—обидѣлась Корнева.

— Нѣтъ, такъ сразу нельзя отвѣтить... Вы знаете, у насъ, у хохловъ, какъ паробки дивчатъ узнаютъ: кохаются. Кохаются... Воля полная... у насъ дѣвушка до свадьбы совершенно вольная, и критики на нее нѣтъ: хочетъ съ однимъ жартуется, съ другимъ,—пока не подберутся другъ къ другу.

— Что̀ жъ, это развратъ...—замѣтилъ Семеновъ.

— Нѣтъ, разврата нѣтъ: воля. Развратъ, гдѣ воли нѣтъ, а здѣсь воля полная... И дѣло до разврата не доходитъ.

— Ну...—кивнулъ головой Семеновъ.

— Подъ уставъ не подходитъ,—въ тонъ ему сказалъ Рыльскій.

— Подъ уставъ нравственности не подходитъ,—отвѣтилъ съ удареніемъ Семеновъ и уставился въ глаза Рыльскому.

Рыльскій понялъ, на что хотѣлъ намекнуть Семеновъ и спросилъ, слегка прищуриваясь:

— Чувствуешь себя хорошо?

— Очень хорошо.

— Ну, и проповѣдуй своей невѣстѣ...

— Я надѣюсь, что моя невѣста сама это будетъ знать,— отвѣтилъ многозначительно Семеновъ.

Наступило общее неловкое молчаніе.

— Описать тебѣ твою невѣсту?—предложилъ Долба Семенову.

— Опиши,—вызывающе протянулъ Семеновъ.

— Красивая,—началъ Долба, отсчитывая по пальцамъ:— конечно, съ хорошими манерами, словомъ, то, что̀ называется воспитанная.

— Надѣюсь.

— Будете играть: ты на скрипкѣ, она на роялѣ.

— Обязательно.

— Ну, что̀ жъ еще? По утрамъ станете играть, подъ вечеръ гулять ходить будете... Ты будешь затягиваться съ двойнымъ наслажденіемъ противъ теперешняго и будешь ей все объяснять: „Вотъ это, моя милая, хорошій человѣкъ, а это дурной, а по сторонамъ, когда я говорю, не смотри, а то я обижусь. А если я обижусь, я не скрипку, а тебя пилить стану. А если ты не образумишься, я тебя попру своимъ презрѣньемъ и понятіемъ о чувствѣ собственнаго достоинства вообще и о томъ, что̀ такое порядочная, воспитанная женщина въ особенности“...

— Ну, потрудитесь теперь свою невѣсту описать.

— Моя? Моя будетъ или изъ деревни, или одного со мной ума и развитія, которую бы учить не пришлось, потому что все равно не научишь, а самъ засосешься въ ея киселѣ. Ну, вольная будетъ, умная...

— Всѣ умныхъ возьмутъ, а дуры куда же дѣнутся?—спросилъ Вервицкій.

Долба весело посмотрѣлъ на него.

— Выбирать-то мы съ тобой будемъ...

— Ну что̀ же? Кому жъ нибудь все-таки достанется глупая,—сказалъ Вервицкій.

Долба оглянулъ всѣхъ и отвѣтилъ, почесывая затылокъ:

— Не сообразилъ. Ты что̀ не пишешь?

— Не пишется,—пожалъ плечами Вервицкій.

Всѣ разсмѣялись, и даже Карташевъ не удержался, фыркнулъ за парусомъ.

На горѣ изъ-за сада показалась дача Горенки. Лодки пристали къ мягкому песчанистому берегу.

Пока соображали, какъ подтянуться къ сухому мѣсту, Долба, проговоривъ:

— Эхъ, вы!—прыгнулъ и по колѣни въ водѣ потащилъ за канатъ лодку.

— Постой, и я,—предложилъ-было Берендя.

Но, пока онъ собирался, носы лодокъ уже лежали на сухомъ берегу.

Одинъ за другимъ попрыгали всѣ, за исключеніемъ Карташева.

— Обидѣлся,—тихо махнулъ рукой Рыльскій.

Еще подождали, и наконецъ Долба спросилъ Карташева:

— Ты что̀ жъ?

— Я не пойду,—отвѣтилъ Карташевъ.

— Пойдемъ, Тёма,—попросила-было сестра.

— Не пойду,—отрѣзалъ Карташевъ и отвернулся.

Переглянулись всѣ и стали медленно подниматься въ гору.

— Что̀ съ нимъ сегодня?—спросила Корнева.

Рыльскій молча пожалъ плечами.

— Ну что̀ жъ? Не хочетъ, и Богъ съ нимъ,—сказалъ Семеновъ.

Карташевъ лежалъ въ лодкѣ такъ плотно, точно приросъ, злорадно провожая глазами исчезавшую между деревьями компанію.

Горенко сидѣла на ступенькахъ террасы и, увидѣвъ многочисленное общество, пошла къ нимъ навстрѣчу.

— Наташа!—радостно бросилась она.

Она быстро поцѣловала Наташу, посмотрѣла на дорожку, откуда пришли всѣ, и спросила:

— А братъ твой?

— Капризничаетъ... въ лодкѣ лежитъ,—отвѣтила Корнева.

— Просто не въ духѣ,—сказала Наташа: — съ утра онъ еще... тамъ дома у него вышла одна исторія непріятная.

По лицу Горенки пробѣжала тѣнь.

— Что̀ жъ, онъ боится, что при видѣ меня ему еще непріятнѣе станетъ?

Анна Петровна обиженно улыбнулась, пожала плечами и повернулась къ остальнымъ:

— Милости просимъ на террасу.

Моисеенко какъ поздоровался, такъ и стоялъ, продолжая смотрѣть на нее.

— Вы какъ попали?—спросила его Горенко.

— Только подъ однимъ условіемъ и поѣхалъ, чтобы къ вамъ на дачу,—выдала его Корнева.

Горенко покраснѣла и, по привычкѣ кусая губы, пошла за другими рядомъ съ Моисеенко.

— Какъ братъ?

— Ничего... сегодня лучше.

Манера говорить Анны Петровны была оригинальная и своеобразная: она отвѣчала не сразу, какъ будто ее отдѣляла отъ говорившаго какая-то изолирующая среда, звукъ чрезъ которую проходилъ не сразу, а нужно было время. Иногда казалось, что она не слышала, но проходило время, и она отвѣчала такъ, какъ будто отвѣчала себѣ, но могли слушать и другіе. Эта манера на Моисеенко дѣйствовала въ смыслѣ усиленія того особеннаго и впечатлѣнія, и уваженія, и обаянія, какое онъ чувствовалъ къ ней.

Братъ Горенко, Сергѣй Петровичъ, стройный, худой, съ темнымъ лицомъ, тусклыми черными небольшими глазами, съ черной, окаймлявшей лицо бородкой, смотрѣлъ подавленно, вопросительно протягивалъ свою сухую руку и старался привѣтливо улыбаться.

— Любуетесь?—спросилъ его Долба и показалъ на море.

Часть берега скрывалась за садомъ, но дальше былъ открытый видъ, и ничто не мѣшало взгляду сразу охватить и потонуть въ безбрежной, точно позолоченной морской глади. Только въ лѣвомъ углу террасы сквозь деревья просвѣчивалъ обрывистый берегъ съ торчавшими изъ воды острыми камнями, поросшими длинной морской травой. Каждый разъ, какъ волна плескала о камни, трава эта, какъ вѣеромъ, расплывалась по ней. Въ то время, когда вездѣ царила мертвая тишина, были неподвижны и воздухъ, и море, и садъ, въ томъ уголкѣ все продолжало бурлить, все несло какой-то шумъ и постоянно привлекало къ себѣ тревожные взгляды больного. Но опять онъ обращался къ далекому горизонту, гдѣ все въ яркомъ огнѣ лучей точно застыло въ неподвижномъ покоѣ, и опять стихалъ и удовлетворенно, безъ мысли, смотрѣлъ въ пространство.

— Мы не стѣсняемъ? — спросилъ Анну Петровну тихо студентъ.

— Нѣтъ, нѣтъ... Сейчасъ чай будемъ пить.

Наташа была не въ духѣ.

Корневъ грызъ ногти и старался дать себѣ отчетъ, что онъ чувствуетъ къ Наташѣ: ему нравились ея глаза, ея волосы, фигура, но не было цѣльнаго впечатлѣнія: захватывающаго интереса. И онъ еще пытливѣе заглядывалъ въ ея черные глаза и еще озабоченнѣе грызъ ногти.

„А можетъ-быть, просто я ей не интересенъ? Это само собой разумѣется,—спѣшилъ онъ себѣ отвѣтить,—но и съ остальными она такая же“.

Только при братѣ она оживлялась, и тогда Корневъ чув-

ствовалъ ее сильнѣе. Зато въ отсутствіи его она вся была предъ нимъ налицо, и это доставляло ему и тайное удовольствіе и огорченіе. Сидитъ, бывало, за урокомъ и вспомнитъ вдругъ ее: на мгновеніе потонетъ въ воспоминаніяхъ, спохватится и гонитъ ихъ отъ себя, и послѣ этого еще противнѣе ему „таянье“, какъ онъ называлъ ухаживанье Семенова. Въ такія минуты нѣжныхъ воспоминаній ему казалось, что и онъ не лучше Семенова—такой же, унынie наводящій своимъ ухаживающимъ видомъ, донъ-жуанъ.

— Вы какъ будто не въ духѣ?—спросилъ Моисеенко Анну Петровну.

Она окинула взглядомъ гостей, покусала губы и отвѣтила сама себѣ:

— Семь человѣкъ, бабушка восьмая... — И, повернувшись къ Моисеенко, сказавъ: — Да, мнѣ немножко не по себѣ,— ушла съ террасы.

Начали накрывать на столъ, пришла бабушка, старая, сгорбленная, маленькая и почти глухая. Это была единственная родственница Горенко.

Въ ожиданіи чая, компанія сидѣла, вяло перебрасываясь фразами.

— Слушайте, странная эта Горенко какая-то, вы не находите?—наклонилась Корнева къ уху Долбы.

Долба кивнулъ головой.

— Зачѣмъ мы пріѣхали?

Долба отвѣтилъ молчаливымъ пожатіемъ плечъ.

— Наташа, что жъ твой братъ? Такъ и будетъ тамъ сидѣть? Я пошлю за нимъ Машу...—вошла Горенко.

— Не придетъ,—вздохнула Наташа.

— Я пошлю все-таки.

Молодая горничная нашла Карташева все тамъ же въ лодкѣ. Онъ съ изысканной вѣжливостью, но безповоротно заявилъ ей, что чувствуетъ себя не совсѣмъ хорошо и потому прійти не можетъ.

— Барышня будетъ очень жалѣть, если вы не придете.

— Мнѣ самому очень жаль...

Карташевъ не лгалъ: вечеръ такъ тихо догоралъ, такъ золотилось море, съ такимъ сожалѣніемъ выглядывало въ послѣдній разъ, исчезая, солнце, что сердце Карташева невольно тоскливо сжималось отъ мысли, что онъ обреченъ въ такой вечеръ на такую непріятную роль.

И горничной его было жаль. Она все стояла и наконецъ проговорила, ласково смотря на него:

— Можетъ, пойдете?

— Нѣтъ, благодарю васъ, право же, не могу...

Горничная ушла, но почему-то ее брало все раздумье, такъ ли ужъ онъ боленъ, что и до террасы не дойдетъ.

На поворотѣ она еще разъ оглянулась, постояла и, приподнявъ одной рукой платье, тихо стала подниматься въ гору.

Карташева пріятно тронуло вниманіе горничной. Онъ съ удовольствіемъ переживалъ ощущеніе взгляда ея ласковыхъ глазъ.

Прибѣжала Наташа, узнавъ, что онъ боленъ.

— Тёма, ты боленъ? Что съ тобой?

Надо было хорошо врать.

— Просто меня укачало и теперь тошнитъ.

— Тебя никогда не укачивало!

— Я и самъ не знаю... я думаю, оттого, что я лежалъ...

Карташевъ съ наслажденіемъ видѣлъ, что Наташа начинаетъ вѣрить, и думалъ съ удовольствіемъ въ то же время, что его, хоть вверхъ ногами поставь, и то не укачаетъ.

— Можетъ, домой поѣдемъ?

— Напротивъ, я и боленъ оттого, что закачало: я радъ такъ полежать...

Наташа повѣрила и ушла успокоенная.

Солнце сѣло, быстро надвигались сумерки, поднималась свѣжесть съ моря и съ сада, распустилось масличное дерево и разлило свой чудный и сильный ароматъ. На горизонтѣ медленно выплыла луна: большая, нѣжная, точно какой-то прозрачный шаръ. Первые лучи ея скользнули въ полумракѣ, и, какъ въ зеркалѣ, отразились: и потемнѣвшее море, и загоравшіяся въ небѣ звѣзды, и смолкнувшій берегъ. Въ деревьяхъ мелькнулъ огонекъ и заблестѣли окна дачи. Блескъ отъ нихъ проникалъ до берега и слабо отражался въ водѣ.

Всѣ жалѣли Карташева и удивлялись, какъ это укачало его. Подали чай. Понемногу всѣ освоились съ обстановкой и ужъ не чувствовали себя такъ неуютно. Долба смѣшилъ всѣхъ своими мокрыми ногами и наконецъ ушелъ на кухню сушить ихъ. Вервицкій, напившись чаю, что-то записалъ въ книжку и пошелъ, какъ ни удерживали его, ловить рыбу.

— Это мое правило: что назначилъ—выполнить; не надо было назначать...

И онъ такъ пожалъ плечами, такъ убѣжденно посмотрѣлъ на всѣхъ, что ясно было, что онъ во всякомъ случаѣ пойдетъ ловить рыбу.

Корнева хотѣла-было хитростью удержать его.

— Вы играть хотѣли на гитарѣ?

Онъ только съ сожалѣніемъ развелъ передъ ней руками:

та, которой принадлежитъ его гитара, не здѣсь, и гитара не измѣнитъ ея памяти. Это была, и это знали всѣ — Зина Карташева.

— Ну, и идите, намъ Берендя сыграетъ.

— По крайней мѣрѣ, сыграетъ! — подзадорилъ Рыльскій ему вслѣдъ.

— На здоровье, — равнодушно отвѣтилъ изъ сада голосъ Вервицкаго.

Полились звуки мягкой, нѣжной игры Беренди.

На сердцѣ у Карташева становится спокойнѣе, тише: ароматъ берега, огни въ саду, глухой шумъ моря, блескъ луны, музыка — вытѣсняли оттуда всю будничную прозу дѣйствительности, неся взамѣнъ жгучее очарованіе волшебнаго вечера.

Если бъ не было стыдно, онъ даже пошелъ бы наверхъ; но онъ не пошелъ и слышалъ, какъ послѣ скрипки зашумѣли стулья и по ступенькамъ раздались шаги... Онъ пожалѣлъ, что такъ скоро кончалось все и поѣдутъ назадъ. Но назадъ не поѣхали, вышли на берегъ и пошли налѣво. Двѣ фигуры повернули къ нему, еще двѣ пошли-было и отстали.

— Здравствуйте, Артемій Николаевичъ,—сказала ему Горенко грустнымъ, ласковымъ голосомъ.

— Здравствуйте,—отвѣтилъ съ удовольствіемъ Карташевъ изъ своей засады.

— И поздороваться не хотите.

— Тёма, Нина ни къ кому другому не пришла бы первая.

— Что ты говоришь, Наташа?

Наташа сконфузилась и все, что нашла сдѣлать — это крѣпко поцѣловала подругу.

Горенко разсмѣялась и проговорила:

— Ну, хорошо, я пришла... хотя я очень, очень обидѣлась, что вы не захотѣли даже...

Но Карташевъ уже карабкался изъ своей засады и за шумомъ и трескомъ своихъ прыжковъ не слышалъ конца.

— Тёма, можетъ-быть, тебѣ лучше немножко... пойдемъ съ нами,—попросила Наташа.

— Если вамъ будетъ нехорошо, мы васъ подъ руки поведемъ.

— Я попробую,—произнесъ смущенно Карташевъ, придавая голосу искренній тонъ.

— Ведутъ! — закричалъ Долба, когда подходилъ Карташевъ, и всѣ весело бросились къ нему.

Карташевъ шелъ и улыбался.

— Слушайте, Карташевъ, скажите правду: на кого вы сердитесь?—спросила Корнева.

— Я ни на кого не сержусь...

— На меня?

— А ужъ на васъ во всякомъ случаѣ нѣтъ.

— Врешь, сердишься,—настаивалъ Долба:—на кого-нибудь сердишься. Говори: мы сейчасъ того бить будемъ.

— Я и самъ могу.

— Ну такъ бей,—сказалъ Семеновъ, подставляя спину.

— Чего мнѣ бить тебя?

— Миръ значитъ?—ну, давай руку... Послушай, мы идемъ гулять.

— Я съ Карташевымъ пойду, — заявила Корнева. — Не мѣшайте намъ... у меня съ нимъ дѣло...

Корнева увлекала Карташева впередъ.

— Слушайте, Карташевъ, ничего по мнѣ не замѣтно?

Карташевъ на законномъ основаніи поднялъ на нее глаза, увидя опять ту, которая такъ мучила его, и произнесъ, подавляя волненіе:

— Ничего.

— Ничего? — спросила она, и на него посыпались знакомыя искры.—Ничего?! Сказать вамъ?!

Карташевъ опять поднялъ глаза, опять увидѣлъ ее совсѣмъ, совсѣмъ близко, почувствовалъ одуряющій ароматъ масличнаго дерева, и въ сердце его начало тревожно закрадываться предположеніе, сладкое, страшное, мучительное

— Сказать?! — тревожно, замирая, повторяла Корнева, не спуская съ него глазъ.

— Говорите...—прошепталъ онъ.

— Я невѣста Рыльскаго...

Такъ отчетливо отпечатлѣлись дорожка и кусты отъ нея, а ниже деревья, и лучъ луны, и сухой ароматъ сада, и ея бѣлая рука... Ему вдругъ показалось, что это мертвая рука, и стало жутко.

— Что жъ вы молчите?

— Я поздравляю васъ... Я очень радъ и за Рыльскаго.

— Слушайте, какъ по-вашему, Рыльскій хорошій человѣкъ?

— Очень хорошій... Я очень люблю и уважаю Рыльскаго.

— Слушайте... онъ мнѣ позволилъ сказать вамъ...

— Я ему очень благодаренъ..

— Только—это се-е-кретъ.

Карташевъ вздохнулъ всей грудью.

— Я никогда его никому не скажу...

Корнева улыбнулась.

— По крайней мѣрѣ, до свадьбы... Слушайте... Я васъ

очень люблю... Больше всѣхъ товарищей вашихъ... Скажите мнѣ: я не опрометчиво поступила?

— Немножко рано, но и то... нѣтъ, ничего: Рыльскій очень серьезный человѣкъ.

Сзади подошелъ Рыльскій и сконфуженно спросилъ:

— Я вамъ не помѣшаю... о чемъ?

— Я говорю, что радъ за Марью Павловну и тебя... со всякимъ другимъ это было бы рано, но ты, если ужъ говорить откровенно, и серьезнѣе и умнѣе насъ всѣхъ.

Карташевъ горячо сжалъ руку взволнованнаго Рыльскаго и быстро пошелъ назадъ.

— Карташевъ, — ласково, мягко позвалъ Рыльскій: — никому, пожалуйста.

— Будь спокоенъ.

Они еще разъ пожали другъ другу руки, и Карташевъ возвратился къ отставшимъ. Но вдругъ онъ бросился въ сторону и сталъ въ кусты.

Мимо прошелъ Семеновъ со своей дамой, Наташа и Рыльскій съ Берендей, Горенко со студентомъ и Долбой.

Когда всѣ ушли, онъ облегченно вздохнулъ и тихо вернулся назадъ. У него не было уже ни гнѣва ни раздраженія: ему просто хотѣлось быть одному.

Высоко взошла луна на небѣ, когда наконецъ стали собираться домой.

Изъ тѣни вынырнула встревоженная фигура долговязаго Беренди и снова исчезла въ кустахъ.

— Что̀ за чортъ—сбился я? О!

Передъ нимъ стоялъ Карташевъ.

— С...слушай, гдѣ я?—спросилъ Берендя.—-Я потерялъ ихъ.

— Идемъ къ лодкѣ...

Они вышли на дорожку.

Корневъ и Наташа отстали, сбились и напрасно искали остальныхъ по залитому луной саду. Какая-то особая тревога охватывала ихъ въ этомъ неподвижномъ, свѣтломъ, точно мертвомъ или очарованномъ саду.

— Тьфу! чортъ! — обрадовался Корневъ, наткнувшись на Карташева и Берендю.—Гдѣ жъ остальные?

— Мы сами ихъ ищемъ.

— Кричать надо, — и Корневъ, приложивъ руки ко рту, закричалъ.

Всѣ притихли и ждали. Прошло нѣсколько секундъ, пока пришелъ назадъ далекій отвѣтъ.

— Вонъ куда ихъ занесло,—замѣтилъ Корневъ.

— Ѣ-хать по-ра-а!

— Иде-емъ!

— Это Долба оретъ.

Одинъ за другимъ сбѣгали къ берегу со своими проворными тѣнями маленькія фигурки и останавливались въ нѣмомъ очарованіи. Серебромъ заливались море и берегъ. Свѣтлая полоса рѣзала воду, сливалась на горизонтѣ, дрожала и мигала въ яркомъ блескѣ луны. Млѣлъ воздухъ, пропитанный наркотическимъ запахомъ жасмина и масличнаго дерева. Охваченное нѣгой и страстью, море напрасно сдерживало свое тяжелое дыханіе. Волна за волною ночного прибоя подкатывалась къ отлогому мокрому берегу и съ безсильнымъ вздохомъ падала въ объятія жгучей волшебной ночи.

Корневъ первый пришелъ въ себя.

— Ну, ѣдемъ... Я чувствую, что или я поглупѣлъ, или всѣ остальные поумнѣли.

— Всѣ поглупѣли... чо-чортъ возьми!—весело воскликнулъ Берендя...

И, обратившись къ подходившему Вервицкому, онъ еще веселѣе закричалъ:

— Те...теперь пиши насъ: мы всѣ поглупѣли.

XI.

Дорога.

Черезъ недѣлю послѣ дня рожденія Корнева Карташевы отправились въ деревню. Съ ними ѣхалъ и Корневъ.

Поѣздъ отходилъ въ шесть часовъ вечера.

Аккуратная Аглаида Васильевна забралась на вокзалъ за часъ до отхода. Корневъ, Наташа и Карташевъ пошли гулять на площадь, а Аглаида Васильевна съ остальной семьей сидѣла на платформѣ въ тѣни искусственной ограды изъ цвѣтовъ.

Въ пустую залу перваго класса вошелъ господинъ лѣтъ тридцати пяти, самоувѣренный, съ непріятной заносчивой манерой, и, заглянувъ въ противоположное зеркало, устало, раздраженно опустился въ кресло. Отразились вызывающіе, съ морщинками уже, черные глаза, маленькая изъ сѣраго шелка шапочка, черная, слегка полысѣвшая на самомъ подбородкѣ, на двѣ стороны расчесанная борода, подержаная фигура, въ легкомъ, хорошаго покроя платьѣ, въ свѣтлыхъ съ застежками ботинкахъ. Несмотря на изящный костюмъ, претензію и фатоватость даже, солнце и вѣтеръ степей положили на лицо господина свою властную печать. Особенно пострадалъ носъ: покраснѣлъ и лупился. Это подчеркивало мелкіе слѣды того уже надвигавшагося возраста, который у нѣкоторыхъ можно сравнить

съ непріятнымъ пробужденіемъ послѣ веселаго вечера, гдѣ всего было довольно: и вина, и женщинъ, и проигранныхъ денегъ.

Увидавъ вошедшую Аглаиду Васильевну, господинъ съ установленной любезностью тѣхъ свѣтскихъ отношеній, когда нельзя избѣгнуть встрѣчи, и отсутствіе общихъ интересовъ дѣлаетъ эту встрѣчу скучной и не интересной,—подошелъ къ Аглаидѣ Васильевнѣ.

Аглаида Васильевна сдержанно, почти сухо поздоровалась съ нимъ и огорченно подумала, что придется ѣхать, вмѣсто третьяго класса, во второмъ.

Возвратившіеся Корневъ, Наташа и Карташевъ нашли Аглаиду Васильевну и Зину въ обществѣ этого господина.

— Это кто?—спросилъ Корневъ, отходя съ Карташевымъ.

— Неручевъ,—отвѣтилъ Карташевъ,—нашъ сосѣдъ: страшный богачъ, но запутался такъ, что, вѣроятно, все съ молотка пойдетъ.

— На здоровье,—проговорилъ равнодушно Корневъ.

Узнавъ, что рѣшено ѣхать во второмъ классѣ, Корневъ сморщился и сказалъ Карташеву:

— А твоя мать пропитана все-таки всей этой ерундой въ значительной степени.

Карташевъ не любилъ критиковать мать и, промолчавъ, пошелъ хлопотать насчетъ багажа.

Раздался третій звонокъ, и поѣздъ тронулся. Онъ медленно извивался въ предмѣстьяхъ и дачахъ города, и, только завидѣвъ открытую степь, онъ, точно увлекшись развернувшеюся далью, весело помчался впередъ, разбрасывая по воздуху клочья пара. Оторванные бѣлые клочья медленно таяли въ свѣжѣвшемъ небѣ. Садившееся солнце, скрывшееся-было за садами, опять выглянуло и заиграло на стѣнкахъ вагона.

Черезъ окно отъ того, въ которое смотрѣли Корневъ и Карташевъ, выглядывала Наташа, жадно подставившая свое лицо встрѣчному вѣтру.

Соскучившись смотрѣть, Корневъ отвернулся отъ степи и покосился, нѣтъ ли мѣста возлѣ Наташи.

Наташа, точно угадавъ, вышла изъ отдѣленія, гдѣ сидѣли Аглаида Васильевна и Зина, и прошла къ свободному окну.

Корневъ нерѣшительно потянулся за ней и сѣлъ возлѣ на скамью.

— Вы тоже любите степь?—спросилъ онъ.

— Люблю,—весело отвѣтила Наташа.

— А вы во многомъ похожи на брата.

— Я очень рада,—отвѣтила Наташа, стоя бокомъ къ окну и смотря впередъ.

Вѣтеръ игралъ ея небрежно расчесанными волосами, выбивалъ ихъ и наконецъ такъ разсыпалъ, что Наташа распустила свои волосы совсѣмъ, чтобъ собрать поплотнѣе.

Въ этой ажурной рамкѣ волосъ въ косыхъ лучахъ солнца еще рельефнѣе свѣтились ея черные большіе глаза и манили къ себѣ Корнева своей, какъ ему казалось, бездонной глубиной.

Она съ трудомъ справлялась съ волосами и смотрѣла на Корнева такъ, какъ смотрятъ, когда безъ зеркала заматываютъ тамъ, гдѣ-то сзади, косу: непринужденно и внимательно къ своей работѣ. Въ разсѣянности она даже наклонилась немного къ Корневу и, казалось, озабоченно всматривалась въ него. Корневъ чувствовалъ ея близость, ея безмятежное спокойствіе, и его охватывала беззаботная удовлетворенность молодого туриста въ пріятномъ обществѣ расположенныхъ къ нему людей.

Корневъ въ первый разъ выѣзжалъ изъ города; въ первый разъ онъ былъ въ обстановкѣ, въ которой не чувствовалась та проза гимназіи, то неудовлетворенное чувство не то тревоги, не то отвѣтственности за что-то, которое такъ хорошо знакомо всякому гимназисту. Не было риска встрѣтить начальство врасплохъ, не было въ головѣ завтрашнихъ уроковъ и полученной единицы. Въ первый разъ все это выпустило на волю свою жертву и осталось въ исчезнувшемъ большомъ городѣ. Даже и удовольствіе свободнаго чтенія въ деревнѣ уступило теперь мѣсто потребности полнаго безпредѣльнаго отдыха.

Кончивъ съ волосами, Наташа опять повернулась къ окну, ставъ такъ, чтобы не мѣшать Корневу.

На Корнева изъ-за Наташи въ яркихъ переливахъ заходящаго солнца смотрѣла безпредѣльная догорающая степь. Легкій ароматный воздухъ полей становился еще легче и сильнѣе охватывалъ нѣжнымъ, душистымъ запахомъ свѣжаго сѣна. Въ неподвижномъ воздухѣ, въ стихающемъ днѣ только шумъ поѣзда нарушалъ общій покой, задумчиво сливаясь въ однообразный, далеко кругомъ разносившійся гулъ. Солнце точно втягивало въ себя свои длинные, скользившіе по степи лучи и собирало ихъ вокругъ себя въ яркомъ безъ боли сіяніи. Только ядро раскаленно сверкало, и рельефнѣе отсвѣчивалъ какой-то тамъ, за горизонтомъ, океанъ свѣта и безмятежной дали. Потянулись въ ту даль и перламутровыя съ золотымъ отливомъ тучки, и степь, и самъ поѣздъ, казалось, мчался туда, чтобы вмѣстѣ съ размаху потонуть и исчезнуть въ невѣдомой дали.

Наташа стояла, облокотившись, смотрѣла и отдавалась той пріятной щемящей задумчивости, какая охватываетъ подъ вечеръ у открытаго окна въ быстро несущемся поѣздѣ, когда глазъ такъ легко скользитъ по полямъ, когда такъ жаль чего-то и такъ тянетъ туда, гдѣ прихотливо вьется въ золотистомъ морѣ желтѣющихъ хлѣбовъ дорожка, гдѣ высоко надъ ней черной точкой въ огнѣ заходящаго солнца замеръ и бьется въ истомѣ отшельникъ степей—дикій копчикъ.

Карташевъ засмотрѣлся, и мысли улетали въ открытое окно и неслись то къ поспѣвавшему хлѣбу, то къ скирдамъ, то къ свѣжей пашнѣ съ сѣдыми быками, лѣниво ползущими по бороздѣ. И вдругъ вспомнилась ему прошлогодняя исторія съ Одаркой въ деревнѣ, и сердце его тоскливо-пріятно екнуло. Какъ-то въ полдень въ саду, на берегу пруда, въ самой чащѣ густо сплетеннаго вишняка, въ ажурной тѣни его тонкихъ вѣтвей, въ неподвижномъ, млѣющемъ ароматомъ темныхъ вишенъ воздухѣ,—лежалъ онъ съ книгой въ рукахъ и читалъ. И все такъ ярко отпечатлѣлось въ памяти: онъ вдругъ поднялъ голову и увидѣлъ шедшую въ бродъ по пруду стройную красавицу, гибкую, какъ змѣйка, казавшуюся ему всегда какимъ-то видѣніемъ неба—молодую Одарку. Такъ и замерли въ немъ навѣки: сверкавшій прудъ, Одарка, ея небольшое лицо, миндальные глаза, куча каштановыхъ волосъ, небрежной волной обмотанныхъ вокругъ головы, безмятежный взглядъ по сторонамъ, круги по водѣ и бѣлое тѣло Одарки, такъ ярко сверкавшее надъ прозрачной водой. А онъ, прильнувшій, затаившій дыханіе, святотатственно смотритъ... И вдругъ трескъ... Одарка видитъ его, держитъ въ рукахъ свое платье, не знаетъ, на что рѣшиться, и съ стыдливой мольбой смотритъ на него своими мягкими затуманившимися глазами. Покорный, онъ идетъ прочь, но его тянетъ назадъ, къ ней; онъ раздумываетъ, боретъ порывъ, а сильная волна страсти снова охватываетъ его. Но Одарка уже мелькаетъ между деревьями, и онъ остается, неудовлетворенный, одинъ со своими жгучими ощущеніями. Растерянный, ищущій, онъ идетъ назадъ, туда, гдѣ за минуту такъ ярко искрился прудъ, гдѣ шла Одарка, гдѣ нѣжно и сильно кто-то пѣлъ чудную пѣснь, гдѣ такимъ жгучимъ огнемъ разливался по тѣлу пьянящій ароматъ темныхъ вишенъ... Но ужъ тамъ пусто, только прудъ равнодушно мигаетъ, да комаръ поетъ надъ ухомъ свою назойливую, скучную пѣснь.

Что-то связало съ тѣхъ поръ его съ Одаркой, и при встрѣчѣ съ ней загорался и далеко въ ея затуманенные глаза проникалъ его ищущій взглядъ. И теперь, при воспоминаніи,

охватило его ощущеніе взгляда красавицы Одарки, и сердце сильнѣе забилось предчувствіемъ скораго свиданія. Онъ тяжело вздохнулъ и высунулся изъ окна.

Потянуло какою-то свѣжею сыростью: словно дождемъ запахло. Послѣдніе лучи, короткіе и красные, сиротливо скользили, прощаясь со степью. Степь задумывалась и заволакивалась, точно волнами дыма, обманчивымъ просвѣтомъ сумерекъ. Сильнѣй пахнуло ароматомъ полей, и въ небѣ уже сверкнула и, точно испуганная своимъ раннимъ появленіемъ, опять скрылась первая звѣзда. Вторая, третья—и задрожали въ темной синевѣ яркія трепещущія звѣзды.

Карташевъ подсѣлъ къ Корневу.

— Туда, дальше... когда ночи темнѣе будутъ, мы станемъ ѣздить на ночевки въ степь... прямо въ полѣ... костеръ, на немъ котелъ съ галушками, палочки такія, заостренныя... Покамѣстъ варится, ляжешь у костра и лежишь...—закроешь глаза,—и вдругъ пахнетъ въ лицо свѣжимъ вѣтеркомъ; откроешь—темно... пламя отъ костра высоко-высоко уйдетъ вверхъ и качается тамъ, а ночь такъ и хватаетъ его со всѣхъ сторонъ: точно живая, точно тѣни какія ищутъ чего-то... Вдругъ крикнетъ чайка, и встрепенется все: зашуршитъ, затрещатъ кузнечики и потянетъ свѣжимъ сѣномъ.

— И теперь пахнетъ сѣномъ,— сказала Наташа, жадно вдохнувъ въ себя ночной ароматъ свѣжей степи.

Карташевъ за Наташей выглянулъ въ окно. Въ темномъ небѣ широкой рѣкой разлился блестящій Млечный Путь, и отъ яркихъ звѣздъ его еще темнѣе кажется въ степи. Точно вспугнутый, быстрѣе убѣгаетъ поѣздъ впередъ, разсыпая свой огненный слѣдъ въ мягкой ночи. Какъ будто смотритъ что-то оттуда изъ темной степи. Точно тѣни былыхъ хозяевъ глядятъ въ яркія окна вагоновъ на невѣдомыхъ, въ странномъ сочетаніи громаднаго общества несущихся мимо путниковъ.

На горизонтѣ показалось зарево, и заспорили Зина съ братомъ—гдѣ горитъ. Долго спорили; третью деревню, уступая, назвалъ Карташевъ, когда вдругъ весело вскрикнулъ:

— Луна!

Красно-дымчатое зарево мало-по-малу собиралось въ знакомыя очертанія. Уже блестящій, неправильный шаръ поднялся и освѣтилъ вокругъ себя мягкую, прозрачную синеву неба. Выше поднялся онъ, и первые лучи встревоженно убѣжали въ темную степь—туда, гдѣ вдругъ выглянула блѣдная травка, сверкнулъ бугорокъ и показались изъ мрака неподвижныя, темныя скирды.

Неручевъ сидѣлъ въ своемъ купэ перваго класса и за-

думчиво смотрѣлъ въ окно. Вспоминалась вчерашняя ночь въ мягкомъ будуарѣ съ открытыми окнами на бульваръ, съ ароматомъ этой ночи въ блескѣ моря и въ шумѣ цвѣтущихъ акацій. Вспоминалась вся недѣля сутолоки въ городѣ и необходимость скоро опять ѣхать въ городъ за деньгами.

Природа, какъ самый тонкій врагъ, заманивала туманными надеждами, втягивала въ громадные посѣвы и безбожно обманывала.

Думалъ онъ лѣтъ десять тому назадъ, оставляя службу въ богатомъ полку, похозяйничать и возвратиться въ столицу богатымъ, независимымъ помѣщикомъ. Думалъ повести какую-то дѣловую жизнь въ деревнѣ. Думалъ избавиться на время отъ пріятнаго, но разорительнаго общества дорогихъ товарищей. И ничего не вышло: нашелъ товарищей, самъ же создалъ разоряющую его и ихъ обстановку... Непріятное что-то надвигалось и было близко.

Неручевъ раздраженно тряхнулъ головой и внимательнѣе засмотрѣлся въ окно.

Утомилась степь и спитъ неподвижно въ сіяніи лунныхъ лучей, спятъ и лучи въ сонной травѣ. Неподвижный, вдали такъ отчетливо обрисовался чьей-то заботливой рукой сдвинутый въ кучу лѣсокъ. Прогудѣлъ поѣздъ, сверкнула рѣчка и отразила въ себѣ далекую луну.

— Высь!—радостно встрепенулся Карташевъ.

„Высь“ магической силой охватила молодыхъ, задремавшихъ-было путешественниковъ.

Высоко въ небо забралась маленькая луна и льетъ свой волшебный свѣтъ на высокую колокольню, неподвижныя бѣлыя хаты, на постоялый дворъ, въ которомъ запрягаютъ экипажи пріѣхавшихъ съ поѣздомъ господъ.

Неручевъ предложилъ свой экипажъ, и Зина съ Аглаидой Васильевной ѣдутъ съ нимъ.

Наташа въ тепломъ пальто, охваченная дремотой и свѣжестью ночи, жмется и ждетъ знакомой коляски съ Николаемъ на козлахъ.

Изъ-подъ темныхъ длинныхъ навѣсовъ уже несется сонный голосъ Николая:

— Впередъ!

Топчутся лошади, и съ гуломъ выѣзжаютъ на площадь два экипажа.

Фыркаютъ кони, бѣгутъ въ ровной степи, и кажется Наташѣ, что кружится степь и бѣгутъ лошади какъ-то назадъ, а высокая луна надѣла бѣлый саванъ и тоже бѣжитъ у нея за плечами и вотъ-вотъ хочетъ обхватить ее... Вскрикнула

Наташа и открыла глаза. Встрепенулся и Корневъ и смотритъ испуганно на нее, стараясь съ просонокъ разобраться, гдѣ онъ и что съ ними.

Только на разсвѣтѣ, точно въ панорамѣ, вдругъ показалась сверху вся Высь.

Было время, бушевала здѣсь вольная запорожская жизнь. Но давно ужъ это было. Точно послѣ осѣвшей отъ дождя пыли, спитъ на зарѣ ясная, спокойная, умытая своей казацкой стариной далекая Высь со своими бѣлыми хатами, вишневыми садочками, съ колокольнями на далекомъ горизонтѣ. Изъ густого сада уже сквозитъ красная крыша господскаго дома, выглядываетъ мезонинъ съ крыльцомъ въ ту сторону, гдѣ за прудомъ лентой сверкаетъ въ густыхъ камышахъ Высь. Пока еще неподвижно смотритъ въ воду камышъ, пока еще спитъ село и точно задумались его бѣлыя хаты, пока господскій домъ пустыми окнами глядитъ въ зеркальную поверхность розоваго отъ зари пруда,—осторожно выплываютъ изъ камыша на гладкую рѣчку то дикая утка съ выводками, то ныркн, а то и пара сѣрыхъ гусей. Охъ! Раньше ихъ забрался и стоитъ истуканомъ съ ружьемъ Кононъ. Стоитъ терпѣливо съ засученными штанами по колѣна въ водѣ и только поводитъ своими ястребиными черными глазами. Холодно. Дрожь такъ и хватаетъ, но станетъ тепло, когда прогремитъ по рѣкѣ выстрѣлъ и закружится подстрѣленный гусь на прозрачной водѣ. Нѣтъ, не поспѣетъ новый зарядъ вдогонку за другимъ, улетѣвшимъ. Ужъ тонетъ онъ въ розовой дали и несется все дальше въ далекую степь — туда, гдѣ ждетъ его тихій прудокъ, гдѣ дикія дрохфы пасутся да одинокія скирды стоятъ, гдѣ зоркимъ сторожемъ станетъ отовсюду стеречь его вольная степь.

Ужъ всталъ старый-старый отецъ Даніилъ, вышелъ на крыльцо и смотритъ на рѣчку. Дивчата съ ведрами потянулись. Одарка назадъ идетъ и низко кланяется. Кононъ съ убитымъ гусемъ плетется по пригорку. Пыль поднялась за рѣкой: погнали пастухи коровъ. Весело играетъ рожокъ, и ужъ потянулись волы съ возами въ поле.

Тихо въ господскомъ домѣ. Чуть-чуть качаются шторы открытыхъ оконъ. Чрезъ рѣшетчатый заборъ уже видны въ аллеѣ подъѣзжающіе экипажи. Свернувшись клубочкомъ, сладко спитъ у воротъ старый сторожъ Грицко и не слышитъ, какъ надъ нимъ жуютъ удила усталые кони и ломятся въ запертыя ворота.

— Куда васъ черти несутъ!—разсердился вдругъ Николай, подбирая выпавшія какъ-то возжи.—Тпру, скаженые! Отворяй!

На другой день послѣ пріѣзда въ деревню Корневъ проснулся, когда еще Карташевъ, раскинувшись, сладко спалъ съ раскрытымъ ртомъ.

Онъ оглянулся: угловая невысокая, но большая комната была оклеена цвѣтными обоями съ рисункомъ сѣрыхъ кораблей и красныхъ китайскихъ матросовъ. Мягкая старая мебель—большой диванъ, круглый столъ, нѣсколько стульевъ. Корневъ напряженно искалъ глазами чего-нибудь, что̀ помогло бы ему скорѣе получить впечатлѣніе деревни. Все было старое, самое обыкновенное, но въ то же время чувствовалось во всемъ и что-то особенное. Какъ-то спокойнѣе здѣсь стояла мебель возлѣ этихъ кораблей — этотъ диванъ стоялъ такъ, можетъ-быть, уже десятки лѣтъ; эта картина, изображавшая какихъ-то разряженныхъ охотниковъ въпарикахъ, тоже говорила о чемъ-то безконечно-далекомъ; висѣлъ масляный портретъ какого-то мужчины со строгимъ профилемъ, длиннымъ носомъ, черными глазами и косичкой, въ однобортномъ мундирѣ съ краснымъ воротникомъ и не густыми черными волосами, которымъ художникъ, видимо, хотѣлъ придать пышность. Подъ портретомъ — разныя сабли: и длинныя и короткія, а въ серединѣ — громадная мѣдная. Портретъ какого-нибудь прадѣда, который здѣсь жилъ когда-то, ходилъ по этому дому, былъ въ этой комнатѣ. Домъ былъ старый, со множествомъ низкихъ комнатъ.

Помѣщеніе молодыхъ людей находилось въ лѣвой сторонѣ, на самомъ краю, и отдѣлялось отъ остального дома коротким крытымъ коридоромъ. Проходя вчера, Корневъ видѣлъ множество дверей. Карташевъ показалъ рукой на одну изъ нихъ и пояснилъ:

— Бывшая капелла моего прадѣда.

— Онъ развѣ католикъ былъ?—спросилъ Корневъ.

— Нѣтъ, православный, но такъ какъ-то—неопредѣленно... Вѣроятно, увлекался католицизмомъ. Знаю, что былъ франкъ-массонъ.

Теперь Корневъ посмотрѣлъ внимательно на портретъ.

„Не этотъ, — подумалъ онъ: — у этого въ лицѣ никакой мысли! Вѣроятно, рубилъ себѣ направо и налѣво въ полной увѣренности, что это и есть самая суть жизни“.

Корневъ пренебрежительно отвернулся и сталъ смотрѣть въ окна. Они выходили въ глухую часть сада. Въ голубомъ, безоблачномъ небѣ неподвижно вырисовывались деревья, точно уснувшія въ ясномъ утрѣ. У самаго окна прижался кустъ сирени, заглядывая и словно прося впустить его. Корневу хотѣлось отворить окно, но хотѣлось и лежать,—и онъ былъ

въ раздумьѣ, когда дверь тихо скрипнула, и въ ней появилась высохшая фигура Степана, старика, который еще при старомъ баринѣ состоялъ въ господской дворнѣ, — по его словамъ, былъ первымъ у него „лакеемъ“.

Какъ бы то ни было, въ глазахъ деревни Степанъ пользовался безспорнымъ авторитетомъ, который онъ еще больше поддерживалъ всякимъ враньемъ про себя. Въ сущности, это было безобидное существо, и зимой, когда господа жили въ городѣ, онъ отлично мирился съ простой деревенской жизнью: былъ хорошимъ семьяниномъ, любилъ общество своихъ сверстниковъ, усердно молился Богу и помогалъ сыну по хозяйству. Но съ пріѣздомъ на лѣто господъ на него находила, какъ говорили крестьяне, „фанаберія“, нападалъ „гецъ“, — онъ дѣлался заносчивъ, суетливъ и безтолковъ. Особенно онъ любилъ показать себя передъ появлявшимися въ усадьбѣ мужиками. Въ такіе моменты, стоя на черномъ крыльцѣ, онъ кричалъ о чемъ-нибудь въ кухню такъ громко, что и на деревнѣ слышно было. Никто, впрочемъ, не смущался этими криками. Кучеръ Николай такъ же равнодушно сплевывалъ, продолжая обдумывать важный вопросъ — не направиться ли ему теперь черезъ пробитую дорожку „по пидъ яблонями“ въ шинокъ на деревню; поваръ Тихонъ—прекрасный поваръ и горькій пьяница, тихій и невозмутимый — правда, робко съеживался при крикѣ Степана, но сейчасъ же успокаивался и, поглядывая осторожно въ окно, тоже мечталъ о томъ времени, когда, исполнивъ свои обязанности, онъ уйдетъ въ шинокъ, гдѣ промѣняетъ всю принесенную имъ провизію на дорогую его сердцу водку.

Степанъ продолжалъ стоять у дверей и радостно смотрѣлъ на Корнева. Корневъ не сразу сообразилъ — кто это, такъ какъ вчера Степанъ проспалъ пріѣздъ господъ.

— Прикажете умываться?—почтительно спросилъ Степанъ.

Корневу, въ сущности, не хотѣлось еще вставать, но, чувствуя неловкость передъ Степаномъ, онъ сказалъ: „хорошо“, и поднялся съ кровати.

Степанъ усердно бросился помогать ему, насильно напяливалъ носки, надѣвалъ ему сапоги и даже подхватилъ Корнева, чтобы помочь ему встать. Корневъ стѣсненно терпѣлъ все, но, когда Степанъ усомнился даже, способенъ ли онъ самъ встать „на ножки“, Корневъ возмутился и рѣшительно проговорилъ:

— Какъ васъ зовутъ?

— Что-съ?

Степанъ отъ старости сталъ глохнуть.

— Какъ васъ зовутъ?

— А-а... Степанъ, сударь.

— Такъ вотъ, Степанъ, у меня такія же руки, такія же ноги, какъ и у васъ, да къ тому же и помоложе вашихъ... Я могу и сапоги надѣть и встать, и привыкъ самъ все это дѣлать. Вы мнѣ только умыться дайте.

— Слушаю-съ, сударь... пожалуйте!—и Степанъ осторожно прислонилъ свою руку къ двери, въ которую проходилъ Корневъ, чтобы, въ случаѣ возможности ушиба, ударъ смягчился объ его старую, морщинистую руку.

„Чучело какое-то!“—подумалъ Корневъ, сразу недружелюбно расположившійся къ старому Степану.

Обрядъ умыванья у отвореннаго окна совершался съ такой предупредительностью со стороны Степана, что Корневъ, кое-какъ умывшись, хотя съ дороги и запылился, поспѣшилъ убраться поскорѣе въ свою комнату. Но отъ Степана не такъ легко было отдѣлаться. Счастливый, что дорвался наконецъ до исполненія своихъ обязанностей, онъ не выпускалъ свою жертву ни на мгновеніе. Увидѣвъ, что Карташевъ уже открылъ глаза и молча наблюдаетъ всю сцену, Корневъ проговорилъ вполголоса:

— Что это за чучело? Я не понимаю, что за охота держать такихъ идоловъ?

Степанъ, съ выраженіемъ въ своихъ старыхъ глазахъ веселаго щенка, ожидающаго чего-то, повелъ глазами въ ту сторону, куда теперь смотрѣлъ Корневъ, и, увидѣвъ, что Карташевъ глядитъ, суетливо-радостно кинулся къ своему барину.

— Убирайся!—разсмѣялся Карташевъ, пряча руки:—такъ поцѣлуй!

Степанъ, всхлипывая отъ восторга, повторялъ: „баринъ мой милый“,—и трижды поцѣловался съ Карташевымъ.

Корневъ раздраженно слѣдилъ глазами за Степаномъ.

— Все ли живеньки, здоровы? Еремѣй Андреевичъ какъ?

— Ѣдетъ.

— И Татьяна Ивановна здоровы?

— И она здорова.

— Слава тебѣ, Господи! Сподобилъ еще Господь послужить своимъ господамъ... Эхъ! И Орликъ же,—съ новымъ приливомъ восторга произнесъ Степанъ:—просто удила грызетъ.

Карташевъ весело разсмѣялся.

— Орликъ—моя лошадь,—пояснилъ онъ.

— Бѣда, сударь: играетъ, вотъ такъ и играетъ... Вся деревня высыпетъ... Николай его проѣзживаетъ.

— Онъ льстецъ, къ тому жъ лукавый царедворецъ, — замѣтилъ Корневъ, раздумчиво принимаясь за ногти.

— Просто, шутъ гороховый.

— Такъ точно, — отвѣтилъ съ наслажденіемъ Степанъ, не разслышавъ словъ.

Карташевъ, а за нимъ и Корневъ фыркнули, а счастливый Степанъ съ восторгомъ и умиленіемъ смотрѣлъ то на того, то на другого.

— Это мой другъ, — сказалъ ему Карташевъ.

— Такъ, такъ!.. Дружки, значитъ, будете, — кивнулъ Степанъ и вздохнулъ.

— Чай сюда прикажете? или на балконъ?

— На балконъ.

— Слушаю-съ.

Друзья черезъ коридоръ прошли въ домъ. Карташевъ повелъ Корнева окружнымъ путемъ — черезъ цѣлый рядъ комнатъ. Все стояло на своихъ мѣстахъ, висѣли картины, портреты, и все еще больше усиливало впечатлѣніе чего-то стараго, давно налаженнаго. Во всѣхъ этихъ комнатахъ, и голубыхъ, и синихъ, и красныхъ, особенно въ тѣхъ, гдѣ сохранилась масляная окраска стѣнъ, на всей этой мебели,—и старинной и болѣе новой, — важно застывшей на своихъ мѣстахъ, нѣкогда сидѣли другіе люди, разговаривали, волновались, курили изъ своихъ длинныхъ чубуковъ. Слѣдъ ихъ здѣсь, тѣнь ихъ — глазами неподвижныхъ портретовъ провожаетъ уже новыхъ хозяевъ. Эти портреты какъ бы говорятъ: „мы терпѣливо ждали другихъ; — дождемся и васъ, и ваши дѣла и жизнь, какъ и наши, станутъ достояніемъ другихъ“.

— Собственно, у васъ очень богатая обстановка, — замѣтилъ Корневъ.

Карташеву было это пріятно, и онъ, отворивъ дверь на балконъ, сказалъ:

— А вотъ и садъ.

Передъ террасой былъ разбитъ разнообразный цвѣтникъ. Дальше шелъ садъ, и между ближайшими стволами деревьевъ заманчиво мелькала большая аллея съ желтымъ пескомъ.

„Здѣсь ходила Наташа, Аглаида Васильевна, Зина“,—думалъ Корневъ и жадно искалъ неуловимыхъ слѣдовъ, связывавшихъ и этотъ садъ и этотъ балконъ съ обитателями, съ милымъ образомъ Наташи, которая его тянула къ себѣ такъ мягко и сильно, безъ всякихъ порывовъ, тянула, какъ тянетъ къ чему-то близкому, что въ отвлеченномъ, окристаллизованномъ видѣ, потерявъ всѣ недостатки, сосредоточиваетъ въ себѣ всю прелесть родного чувства. Онъ безсознательно на-

:лаждался безмятежнымъ утромъ, потонувшимъ въ глубокомъ небѣ, неподвижностью сада, избыткомъ воздуха, его ароматомъ и свѣжестью. Въ густой тѣни террасы было еще свѣжѣе. На столѣ сверкали скатерть, стаканы и пока пустой подносъ отъ самовара. Раскорякой, держа далеко отъ себя самоваръ, старыми ногами по боковой аллейкѣ уже шелъ Степанъ и, поставивъ самоваръ, опять ушелъ—за печеньемъ. Въ дверяхъ показалась только-что вставшая, только-что умытая, съ немного заспанными глазами, Наташа и весело щурилась на ясное утро, на стоявшихъ Корнева и брата, безсознательно умываясь еще разъ свѣжимъ воздухомъ.

Корневъ оглянулся, и въ этой простой обстановкѣ яркаго утра деревни Наташа показалась ему еще свѣжѣе, еще чище во всей своей несознаваемой чистотѣ, чѣмъ когда бы то ни было.

— Здравствуйте,—произнесъ онъ, и въ голосѣ его звучало чувство удовольствія и радости, то чувство, которое онъ обыкновенно старался скрывать, а теперь хотѣлъ дѣлиться имъ съ Наташей и со всѣми окружающими. Онъ смотрѣлъ, лаская Наташу глазами. Наташа, почувствовавъ это, лѣниво отвѣтила, маскируя смущеніе: „здравствуйте“,— и сѣла на первый стулъ.

— Хорошо у васъ,— сказалъ Корневъ.— Я представлялъ себѣ деревню, но у васъ совсѣмъ особенная, оригинальная обстановка: на каждомъ шагу каждая мелочь будитъ воспоминанія, и кажется, что я самъ здѣсь уже былъ, когда-то видѣлъ все это...

Наташа ласково кивнула головой, смотря прищурившись то на него, то въ садъ сквозь деревья.

— Теперь понимаешь, отчего мы такъ любимъ деревню?— спросилъ Карташевъ.

— Что жъ тутъ понимать? Мой другъ, здѣсь вопросъ денегъ—и, если онѣ есть, можно любить все.

— Ну, пустяки: я бы и въ хатѣ съ удовольствіемъ жилъ и наслаждался деревней.

— И я,— рѣшительно согласилась Наташа.

Корневъ молча посмотрѣлъ на Наташу, на Карташева и о чемъ-то задумался. Самоваръ продолжалъ кипѣть, пустой чайникъ стоялъ, но никто не думалъ о заваркѣ. Возвратившійся съ печеньемъ Степанъ поставилъ его на столъ и бросился цѣловать руки Наташѣ.

— Здравствуйте, здравствуйте!—быстро и весело говорила она, пряча свои руки.

Степанъ огорчился, что не пришлось поцѣловать ручку

барышни. Чувствуя себя лишнимъ, онъ, постоявъ нѣсколько мгновеній, медленно съ опущенной головой пошелъ за уголъ.

— Тихона работа,—сказалъ Карташевъ, задумчиво смотря на лепешки. — Папины любимыя.

— Вещи переживаютъ людей, — замѣтилъ Корневъ и, помолчавъ, прибавилъ: — но онъ настоящій кондитеръ, вашъ поваръ.

— Ахъ, какой онъ симпатичный!—воскликнула Наташа.— Пойдемъ къ нему... пока тутъ чай заварятъ... Жаль только, что пьетъ. Впрочемъ, говорятъ, онъ бросилъ.

Всѣ трое спустились въ аллею. Корневъ вдыхалъ въ себя мягкій ароматъ цвѣтовъ, сада, деревни, чего-то новаго, сильнаго и свѣжаго, и ему казалось, что никогда онъ такъ легко и свободно не шелъ, какъ сегодня въ этомъ безмятежномъ нарядномъ уголкѣ природы, по этой аллеѣ съ кустами жасмина, вдоль бѣлой стѣны дома, возлѣ этой бочки для стока воды. Все находило мѣсто въ открытомъ для впечатлѣній сердцѣ Корнева. Между деревьевъ показались постройки: длинный бѣлый флигель, другой подъ угломъ, каретникъ, сарай, большой чистый дворъ. Съ крыльца бокового флигеля выжидательно, съ чувствомъ собственнаго достоинства, спускалась фигура мужчины, лѣтъ тридцати, загорѣлая, отчего еще рельефнѣе сверкали его синіе глаза и бѣлые бѣлки. Изъ-подъ стертой шапки его выбивались русые волосы, отъ тяжелыхъ, высокихъ сапогъ сильно пахло ворванью, отъ чего точно дѣлалось жарче среди этого яснаго утра. Карташевъ, замѣтивъ его, быстро пошелъ навстрѣчу. Тогда и онъ прибавилъ шагу. Это былъ управляющій имѣньемъ Кононъ Львовичъ Могильный. Привязанная верховая лошадь съ опущенной головой и усталымъ видомъ говорила, что ея хозяинъ уже много сегодня ѣздилъ.

— Уже успѣли въ полѣ быть? — спросила Наташа.

Кононъ Львовичъ только небрежно махнулъ рукой.

— Вы, вѣроятно, и не ложились послѣ нашего пріѣзда?

— Я вставалъ уже...

— Мы къ Тихону идемъ.

— А-а... А я въ поле.

Они еще постояли, посмотрѣли, какъ онъ сѣлъ, стреноженнымъ галопомъ пустилъ лошадь, и пошли въ кухню.

Тихонъ, съ длинной бородой и большой лысиной, спокойно возился у своего стола.

— Здравствуйте, Тихонъ! — привѣтствовала его Наташа.

Тихонъ сдержанно повернулся и, рукой придерживая свою лысину, почтительно поклонился.

— Все ли живеньки, здоровы?—спросилъ онъ съ блѣдной улыбкой больного человѣка.

— Спасибо,—ты какъ поживаешь?

— Живемъ,—односложно, съ легкимъ вздохомъ отвѣтилъ онъ.

И еще рѣзче этотъ вздохъ обнаружилъ перемѣну въ Тихонѣ. Когда-то это красивое лицо невольно останавливало на себѣ вниманіе выраженіемъ особаго благородства и осмысленности. Только пьянымъ оно мѣнялось: опускалось, и глаза смотрѣли воспаленно и дико. Изъ-за пьянства его и въ городѣ не держали. Когда въ такія минуты его тащили къ исполненію его обязанностей, онъ упирался и грозно кричалъ: „пусти! убью!“. Но Кононъ шепталъ ему что-то веселое на ухо, и мрачное сопротивленіе смѣнялось веселымъ порывомъ. Онъ стремительно бросался впередъ, обгоняя даже своихъ временныхъ тюремщиковъ, и кричалъ: „впередъ, наша!“. Но въ воротахъ усадьбы коварный Кононъ бросалъ два презрительныхъ слова: „дурный сказывся“ — и Тихонъ сразу стихалъ и ужъ покорно шелъ въ кухню. Долго пьянство не имѣло никакого вліянія на здоровый организмъ Тихона, но теперь желтое лицо его осунулось, начало проваливаться носъ потерялъ свою форму. Только глаза Тихона смотрѣли попрежнему. Было въ нихъ что-то угрюмое и напряженное и что-то дѣтски-чистое, грустное и безпомощное, что̀ тоскливо хватало за сердце. Незадолго до пріѣзда господъ Тихонъ бросилъ пить, но это еще рѣзче обнажило разрушеніе. На деревнѣ только головами качали.

— Не жилецъ,—съ пророческимъ видомъ шептала высокая костлявая Домаха.

Кучеръ Николай, въ ожиданіи выхода господъ, стоялъ у конюшни въ красной новой рубахѣ, подпоясанной тонкимъ пояскомъ, въ широкихъ плисовыхъ шароварахъ. Онъ курилъ трубку, старался какъ можно равнодушнѣе сплевывать и дѣлался удовлетвореннѣе каждый разъ, когда взглядъ его падалъ на щегольскіе сапоги бутылкой.

— Николай, выведи Орлика! — крикнулъ Карташевъ, появляясь изъ кухни.

Николай молча кивнулъ головой. Онъ даже дверь притворилъ за собой, какъ бы желая дать понять, что господамъ не слѣдъ шататься по конюшнямъ. Но нетерпѣливый Карташевъ, а за нимъ Наташа и Корневъ вошли слѣдомъ за Николаемъ въ темную, грязную конюшню.

— Ты тутъ съ прошлаго года такъ и не чистилъ?—хотѣлъ было спросить Карташевъ, но удержался, треснулъ по дорогѣ Бѣлаго и сердито крикнулъ:

— Ну, ты!

Бѣлый энергично переступилъ на другую сторону и, снова повернувши морду, тряхнулъ ею такъ, какъ бы говорилъ: „Это мы видѣли... а дальше что?“

— У-у! — потрепалъ его Карташевъ.

Бѣлый внимательно насторожился и настойчиво, увѣренно продолжалъ смотрѣть Карташеву прямо въ глаза. Карташевъ не вытерпѣлъ и полѣзъ къ нему въ стойло. Бѣлый, вздрагивая, слабо заржалъ и еще энергичнѣе, вплоть уже, обнюхивалъ Карташева. Карташевъ подставилъ ему ладонь: Бѣлый быстро заерзалъ губами по ладони и сердито фыркнулъ.

— Даромъ что скотина, тоже понимаетъ,—философски замѣтилъ Николай.

— Принеси хлѣба.

Николай повернулся, прошелъ ровно столько, чтобы казать свою фигуру во дворѣ, и закричалъ:

— Несите сюда, кто тамъ, шматокъ чернаго хлѣба съ солью.

Эта русская фигура, напускная важность и простота хохлацкой рѣчи не вязались между собой и производили смѣшное впечатлѣніе неудавшагося, преждевременно разоблаченнаго маскарада. Корневъ съ пренебрежительнымъ любопытствомъ слѣдилъ за Николаемъ. Тотъ это чувствовалъ и конфузился. Хлѣбъ принесла Одарка. Принимая его, Карташевъ встрѣтился съ ея ласковыми, спокойными глазами. Что-то сжало его сердце, сверкнуло радостно и отдалось въ глазахъ вспыхнувшей вдругъ Одарки. Она быстро опустила голову и поспѣшно вышла изъ конюшни.

— Ахъ, какая красавица! — вырвалось у Корнева.

— Правда, красавица? — спросила Наташа и, весело выглянувъ во дворъ, вернула Одарку.

Наташа стояла съ лукавой усмѣшкой, пока сконфуженная дѣвушка, съ опущенными глазами, точно зная, зачѣмъ ее зовутъ, медленно приближалась къ ней.

— Что же вы, Одарка, не здороваетесь?—спросила Наташа.

Красавица вскинула своими темными глазами, и румянецъ залилъ ея щеки. Она сконфуженно разсмѣялась, сверкнула своими бѣлыми мелкими зубами и, проговоривъ: „здравствуйте, барышня“, нагнулась къ рукѣ.

— Такъ поцѣлуемся,—и Наташа крѣпко, энергично обняла Одарку.

Случайно такъ вышло, что въ моментъ поцѣлуя темные глаза Одарки вдругъ смѣло и глубоко на мгновеніе потонули въ глазахъ Карташева—и все: и конюшня, и Бѣлый, и Корневъ съ Наташей скрылись куда-то, была одна Одарка, ея

головка, взглядъ, подарившій его порывомъ восторга. Онъ чувствовалъ, что опять любитъ Одарку, и мелькнувшая вдругъ мысль: что, если бъ крестьянка Одарка сдѣлалась его женой, обожгла его сильно и сладко. Такъ и будетъ: ей онъ посвятитъ себя, ей, прекрасной дочери своего народа!.. Бѣлый напрасно безпокойно поворачивался во всѣ стороны, приспособляясь какъ-нибудь выхватить заманчивый кусокъ, который замеръ въ протянутой рукѣ Карташева. Кусокъ и совсѣмъ исчезъ, потому что Карташевъ съ нимъ вмѣстѣ вылѣзъ изъ стойла и стремительно бросился къ Одаркѣ.

— А со мной?

— Та вже здравствуйте,—разсмѣялась Одарка и закрылась рукой.

— Нѣтъ, поцѣлуемся.

Карташевъ порывисто обнялъ рукой талію Одарки и поцѣловалъ ее прямо въ ея мягкій, открывшійся слегка ротикъ. Изъ-подъ полуопущенныхъ вѣкъ сверкнулъ на него замерзшій, испуганный взглядъ Одарки, и, вырвавшись, она уже хотѣла-было скрыться, какъ Корневъ энергично заявилъ и свои права:

— Что жъ, и со мной надо; я—другъ его.

Корневъ показалъ на Карташева.

Одарка посмотрѣла на Наташу и, мягко разсмѣявшись, съ жестомъ стыдливости проговорила:

— Ой, лышеньки жъ мои!

Наташа только развела руками, и Одарка поцѣловалась съ Корневымъ.

Посреди двора стоялъ Кононъ и внимательно наблюдалъ всю сцену.

— Добре нацилувалась?—пренебрежительно бросилъ онъ Одаркѣ, когда та проходила мимо него.

— Одчепись,—отвѣтила она и смущенно, отвернувши свое раскраснѣвшееся лицо, прошла въ людскую. Кононъ молча, съ плохо скрытымъ чувствомъ злобы, смотрѣлъ ей сперва въ лицо, затѣмъ вслѣдъ и наконецъ тихо, раздраженно покачалъ головой, когда Одарка скрылась. Онъ долго еще смотрѣлъ на захлопнувшуюся за ней дверь и отвелъ глаза только тогда, когда изъ конюшни вышли панычи съ барышней, а за ними Николай, ведя въ поводу Орлика. Тогда онъ угрюмо подошелъ ближе и, заложивъ руки въ широкій поясъ холщевыхъ толстыхъ штановъ, сталъ вызывающе-пытливо наблюдать за дѣйствующими лицами.

Орликъ—вороная, средняго роста лошадка, съ сухой красивой головкой, съ синеватымъ отливомъ большихъ глазъ, на

тонкихъ стройныхъ ножкахъ,—стоялъ неподвижной картинкой, изогнувъ немного шею и настороживъ свои веселыя ушки.

— Пусти его!—крикнулъ Карташевъ.

Николай выпустилъ одной рукой поводъ и трусливо отскочилъ, схватившись обѣими руками за другой конецъ повода. Орликъ началъ выдѣлывать всевозможные прыжки.

— Ты на немъ ѣздишь?—недовѣрчиво спросилъ Корневъ.

— Ѣзжу,—совралъ съ гордостью Карташевъ, хотя только всего разъ и пробовалъ проѣхаться въ прошломъ году, да и то шагомъ, по двору.

Соврамъ, Карташевъ задумался и проговорилъ:

— Собственно, настоящая ѣзда только въ этомъ году будетъ, а въ прошломъ только такъ.

— Совралъ, значитъ?

— Нѣтъ, я ужъ садился на него... Николай, садился я?

— Сколько разъ!

— Ну, положимъ, одинъ разъ,— добродушно поправилъ Карташевъ,—да и то шагомъ,—прибавилъ онъ, помолчавъ, и облегченно разсмѣялся.

— Рыло!—усмѣхнулся Корневъ.

Замѣтивъ вдругъ, что Орликъ хромаетъ, Карташевъ огорченно спросилъ.

— Онъ хромаетъ?

— Заступилъ... тѣсно... лошадь молодая...

— Мокрецъ,— пренебрежительно оборвалъ Кононъ: — отъ сырости.

— Дѣйствительно, что сырость...

— Здравствуй, Кононъ!—поздоровался Карташевъ, замѣтивъ его.

— Здоровеньки булы,—неопредѣленно отвѣтилъ тотъ, небрежно кивнувъ головой.

Корневъ на послѣднее замѣчаніе Николая пробурчалъ себѣ: „шутъ“, и внимательно впился въ Конона. Кононъ произвелъ на него благопріятное впечатлѣніе.

— Это нашъ охотникъ,—пояснилъ Карташевъ.

— Теперь вже плугатарь,—презрительно махнулъ рукой Кононъ,—буде охотничуваты... Сегодня назначили въ поле...

— А кто же охотникъ?

Кононъ равнодушно пожалъ плечами.

— Та нема никакого.

— Отчего?

— Доволи вже,—неопредѣленно-насмѣшливо произнесъ онъ, съ какимъ-то небрежнымъ раздраженіемъ смотря мимо Карташева.

Карташеву были одинаково непонятны и раздраженіе Конона и его отвѣты. Безсознательно какъ-то онъ сказалъ:

— Я съ тобой и не поцѣловался.

Кононъ, покачиваясь, молча подошелъ, снялъ большую соломенную шляпу, вытеръ своимъ толстымъ рукавомъ губы и приготовился къ поцѣлую. Его черные волосы плотно прилегали ко лбу, черные ястребиные глаза смотрѣли твердо; тонкій красивый носъ, сжатый характерный ротъ и маленькая черная пушистая бородка дѣлали его лицо очень красивымъ, но вызывающимъ и дерзкимъ. Карташевъ три раза поцѣловался, и на мгновеніе по лицу Конона пробѣжала тѣнь удовлетвореннаго примиренія, но она сейчасъ же исчезла, когда въ дверяхъ кухни показалась Одарка и, облокотившись о косякъ, стала смотрѣть на группу у конюшни. Кононъ, встрѣтившись съ ней, сердито отвернулся, а Карташевъ, напротивъ, во всѣ глаза сталъ глядѣть на Одарку. Та только плотнѣе прижималась къ двери и робко изрѣдка вскидывала глаза на Карташева. Карташеву хотѣлось, чтобъ она такъ же смѣло и открыто смотрѣла на него, какъ онъ на нее,— такъ хотѣлось, что онъ готовъ былъ сейчасъ же объявить тутъ же, что любитъ Одарку. Но онъ не объявилъ: Наташа напомнила о чаѣ, и всѣ трое ушли.

Во дворѣ остался Николай, о чемъ-то разговаривая съ Конономъ, въ окно выглядывалъ безжизненный Тихонъ, и, облокотившись о косякъ, продолжала стоять Одарка.

Николай повелъ Орлика въ конюшню, а Кононъ, не смотря на Одарку, пошелъ по знакомой дорожкѣ черезъ садъ на деревню. Скрылся и Тихонъ, только Одарка все продолжала стоять и смотрѣть раздумчиво вслѣдъ ушедшему Конону. Чуяло или нѣтъ ея сердце, что въ душу паныча она забросила новую искру любви?.. Ея дорога была уже опредѣлена—съ Конономъ она уже „жартовалась“, и осенью назначена была ихъ свадьба. Дѣло стояло только за деньгами, за урожаемъ. И урожай обѣщалъ быть обильнымъ. А тамъ, послѣ свадьбы, хата „съ краю села“, вишневый садочекъ, пара воловъ и... прощай вольная жизнь!..

Одарка повела своими робкими глазами, подавила вздохъ и пошла назадъ въ людскую кухню исполнять свои обязанности судомойки.

Карташевъ нѣкоторое время обдумывалъ, что̀ сказала бы мать, если бъ онъ, дѣйствительно, подвелъ къ ней Одарку, какъ свою невѣсту. Это было такъ ни съ чѣмъ несообразно, что онъ даже и представить себѣ не могъ—какъ бы это онъ сдѣлалъ? Да и нельзя сдѣлать: это ясно. Тѣмъ не менѣе

онъ сейчасъ же послѣ чая уединился, въ надеждѣ встрѣтить опять на дорожкѣ Одарку...

Наташа увела Корнева въ садъ,—показать ему свое любимое мѣсто.

Съ большой аллеи они повернули на дорожку розъ, которыя цвѣли и наполняли воздухъ своимъ ароматомъ, затѣмъ свернули на едва примѣтную тропинку въ кустахъ крыжовника и смородины. Подъ этими кустами земля была влажная, и Наташа, останавливаясь осмотрѣть ягоды на кустахъ, оставляла на ней маленькій слѣдъ своей ножки. Добравшись до конца сада, они начали осторожно пробираться въ густой поросли орѣшника.

— Далеко же ваше мѣсто,—замѣтилъ Корневъ.

— Сейчасъ... вотъ...

Наташа остановилась и смотрѣла впередъ. На ея лицѣ застыла не то улыбка, не то гримаса, она слегка открыла ротъ; это выраженіе не шло къ ней, но вызывало въ Корневѣ какое-то особое чувство сожалѣнія.

Изъ заброшеннаго уголка сада, въ близкомъ разстояніи открывался видъ на старую церковь села. Дальше за ней выглядывалъ уголокъ далекой степи. Легкій вѣтерокъ точно манилъ въ нее—тихую, спокойную, безпредѣльную. Въ густой зелени ограды рельефнѣе выдѣлялась сѣрая деревянная колокольня, ея подгнившія ступени, темный крестъ. Колокольня шла уступами, расширяющимися книзу, и ихъ поддерживали цѣлый рядъ старыхъ, мохомъ обросшихъ деревянныхъ колоннъ. Въ уступахъ были вырѣзаны ряды маленькихъ окошечекъ—пустыхъ, безъ стеколъ, рамъ. Отъ церкви вѣяло стариной, пустотой времени, окошечки смотрѣли своими темными покосившимися отверстіями неподвижно-задумчиво. Въ общемъ, въ тишинѣ лѣтняго дня здѣсь было уютно, царилъ безмятежный покой, и весь видъ точно разсказывалъ какую-то забытую простую, пріятную и грустную исторію.

— У васъ здѣсь есть лучше этого виды,—сказалъ Корневъ,—здѣсь колокольня мѣшаетъ.

— Этотъ видъ мнѣ больше всѣхъ нравится.

— Отчего?

— Я не знаю... Иногда мнѣ кажется, что я пойду въ монастырь... Можетъ-быть, отъ этого...

— Васъ тянетъ?

— Я люблю монастырь: такъ мнѣ кажется... Мама говоритъ: если она умретъ и мы не выйдемъ замужъ, чтобы шли подъ старость въ монастырь.

— Зачѣмъ же въ монастырь?

— Да, конечно, это только такъ... Кто теперь идетъ въ монастырь!

— И слава Богу... Мало ли живого дѣла.

— Ну-у... На всякое дѣло нужны люди... Богу тоже нужны...

— Нѣтъ, оставьте,— испуганно перебилъ Корневъ.—На землѣ мы нужны землѣ.

— Развѣ не то же самое?

— Какъ то же самое? Есть живая работа: общество погрязло въ развратѣ прошлаго, въ эгоизмѣ, масса зла кругомъ... предразсудки... неправда... Что здѣсь поможетъ монастырь, формы котораго вѣками налажены, установлены и съ міромъ ничего общаго не имѣютъ? Можетъ-быть, и было время монастырей, но каждому времени свое: стоитъ ли появляться на свѣтъ, чтобы повторять дѣла другихъ. Нѣтъ, это и думать бросьте, Наталья Николаевна, это такъ обидно...

— Да я такъ только,—уклончиво усмѣхнулась Наташа:— конечно, не пойду въ монастырь.

— И говорите это съ грустью...

— Оставьте.

— Потому что люблю...

— Ну, да не пойду, сказала вамъ... А все-таки люблю.

Наташа упрямо, по-дѣтски разсмѣялась и заглянула въ глаза Корневу. Корневъ сосредоточенно принялся за ногти.

— Ну, не пойду, не пойду!..

— И отлично.

— Ну, и бросьте ногти.

— Вы, можетъ-быть, думаете, что я разсердился?—спросилъ Корневъ.

— Вы, когда принимаетесь за ногти, то или думаете, или сердитесь.

— Нѣтъ... я думалъ... Вы мнѣ такъ ясно вдругъ представились, вонъ у тѣхъ ступенекъ, на колѣняхъ, въ монашескомъ костюмѣ... съ бѣлымъ, подвязаннымъ платкомъ... Я, въ сущности, впечатлительный ужасно... Ну, вотъ и задумался: какая можетъ быть ваша судьба въ жизни...

— Ну?

— Не знаю, не могу ничего сказать...

Корневъ помолчалъ и огорченно прибавилъ:

— Вѣроятно, выйдете замужъ... Аглаида Васильевна подыщетъ вамъ жениха... важнаго...

— Никогда,—разсмѣялась Наташа:—мама никогда насъ не будетъ стѣснять въ выборѣ,—не она, а я буду искать. Все это, впрочемъ, глупости... Наши, вѣрно, ужъ встали; пойдемте къ нимъ. А послѣ чаю, если хотите, будемъ читать вслухъ.

— Пожалуй.
— Вальтеръ-Скотта?
— Ну что жъ, Вальтеръ-Скотта... А что?
— „Айвенго“.
— Вы развѣ не читали?
— Нѣтъ еще. Я мало читала.
— Я тоже не читалъ...
Оба весело разсмѣялись.

Когда Наташа и Корневъ пришли, Аглаида Васильевна уже сидѣла за чайнымъ столомъ.

Прищурившись на подходившихъ, она тихо, добродушно сказала Зинѣ:

— У моей Наташи отвратительный вкусъ.

Зина оторвалась отъ книги, вскользь посмотрѣла на праздничное лицо Корнева, и ей вдругъ стало жаль его. Она отвѣтила:

— Здѣсь вкусъ не играетъ никакой роли.

— Пожалуйте,—предупредительно встрѣтилъ Корнева Степанъ, подавая ему стулъ.

— Очень вамъ благодаренъ,—расшаркался передъ нимъ Корневъ. И, когда всѣ разсмѣялись, онъ прибавилъ полушутя, полу-раздраженно:

— Онъ на меня производитъ, знаете, такое же впечатлѣніе, какъ и ваши картины... Мнѣ все кажется, что онъ выскочилъ изъ какой-то рамки и бѣгаетъ, пока его не усадятъ назадъ. Я рѣшилъ отучивать его отъ любезностей двойной любезностью.

Наташа не могла видѣть безъ смѣха, какъ Корневъ приводилъ въ исполненіе свой планъ. Это смѣшило всѣхъ. Корневъ раздраженными глазами стерегъ Степана и чуть что— самъ спѣшилъ ему на помощь.—„Степанъ, блюдечко дай“... и Корневъ стремительно бросался къ блюдечку, расшаркивался передъ озадаченнымъ Степаномъ и подавалъ, кому слѣдовало, блюдечко. Наташа уже прямо плакала отъ смѣха. По временамъ она поднимала голову, и Корневъ спѣшилъ выкинуть какую-нибудь новую штуку. Онъ расшалился до того, что, когда Степанъ все-таки успѣлъ ему что-то подать, вскочилъ и протянулъ ему руку. Степанъ сперва опѣшилъ, затѣмъ бросился цѣловать руку.

— Не надо,—съ комическимъ достоинствомъ отвѣтилъ Корневъ, ограничившись пожатіемъ.

— Онъ вамъ протянетъ когда-нибудь руку при гостяхъ,— замѣтила Аглаида Васильевна.

— Что жъ? Повѣрьте, съ удовольствіемъ пожму.

— Ну, я хотѣла бы посмотрѣть.

— Да могу васъ увѣрить... да накажи меня Богъ... да лопни мои глаза...

Сама Аглаида Васильевна не могла удержаться отъ смѣха.

— Мнѣ нечего и спрашивать, какъ вамъ понравилась деревня,—обратилась она къ Корневу.

— Совершенно справедливо,—отвѣтилъ онъ: — я никогда еще себя такимъ теленкомъ не чувствовалъ.

Онъ сдѣлалъ нѣсколько туровъ по террасѣ и запѣлъ:

Невольно къ этимъ грустнымъ берегамъ
Меня влечетъ невѣдомая сила.

Онъ пѣлъ вѣрно и въ высшей степени выразительно.

— У васъ прекрасный голосъ,—похвалила Зина.

— Откуда это?—спросила Наташа.

— Есть такая опера „Русалка“... слова Пушкина.

— Пропойте все.

— Съ удовольствіемъ, если нравится.

Оказалось, Корневъ зналъ много романсовъ и арій.

Вмѣсто чтенія, все время до обѣда прошло въ пѣніи, причемъ то Зина, то Наташа аккомпанировали Корневу. Онъ и самъ игралъ съ удовольствіемъ, хотя медленно разбиралъ ноты. Въ антрактахъ онъ не оставлялъ своихъ комичныхъ выходокъ, и Степанъ представлялъ для него въ этомъ отношеніи неизсякаемый источникъ.

— У васъ большой юмористическій талантъ,—замѣтила Аглаида Васильевна.

— Мнѣ говорили, что я могъ бы сдѣлать карьеру на этомъ поприщѣ.

— Отчего же вы не дѣлаете?—спросила Наташа.

— Отчего вы въ монастырь не идете?—повернулся къ ней Корневъ и, увидя вспыхнувшее лицо Наташи, быстро проговорилъ уже серьезно:

— Въ монастырь... въ оперу... всѣхъ насъ, навѣрное, куда-нибудь тянетъ, но всѣ идутъ одной дорогой: наше время ремесленное, да и дѣло наше маленькое, и мы маленькіе—нечего и соваться съ суконнымъ рыломъ въ калачный рядъ.

— При чемъ тутъ это,—возмутилась Зина,—если у васъ есть талантъ.

— Талантъ положительно есть,—поддержала ее Аглаида Васильевна,—но, конечно, сперва надо сдѣлать свое прямое дѣло.

— Э-э!—перебила Зина:—такъ и пойдетъ шагъ за шагомъ...

— Я согласна съ Зиной,—сказала Наташа.

— И я согласна,—присоединилась Маня.

Тринадцатилѣтняя Маня произнесла это серьезно, как взрослая. Зинѣ рѣзнуло ухо, и она замѣтила:

— Ты еще, Маня, слишкомъ мала, чтобы высказывать свое мнѣніе о такихъ вещахъ.

— Отчего мнѣ не высказывать?

Маня сдѣлала спокойно-пренебрежительное движеніе плеч чами. Она смотрѣла, наклонивъ голову, своими круглыми как кой-то красивой птицы глазами, и на ея тоненькомъ и блѣдн номъ лицѣ играло что-то вызывающее и дразнящее.

— Оттого, что тебѣ тринадцать лѣтъ.

— Мнѣ будетъ и больше,—отвѣтила Маня и, властно тряхнувъ головой, разсмѣялась.

Ея смѣхъ выходилъ какимъ-то звукомъ „кар“, легкимъ гортаннымъ, мягкимъ и веселымъ.

— Вы замѣтили,—обратился Корневъ къ Аглаидѣ Васильевнѣ,—какъ смѣется Марья Николаевна? И пріятно и вмѣстѣ съ тѣмъ непріятно: этотъ несимпатичный гортанный звукъ напоминаетъ какую-то птицу... Какую птицу?

— Ворону,—отвѣтила Аглаида Васильевна.

— Совершенно вѣрно...

— Ха-ха-ха! Маня, благодари!

— „Кар!“

— Но такъ же, какъ вотъ иногда уродъ напоминаетъ красавицу... Я вотъ такъ похожъ на свою мать.

— Ну, нечего скромничать.

— Да я вовсе не скромничаю. Но если бы я не сознавалъ, кто я и что̀ я, то заслуживалъ бы презрѣнія...—съ комичнымъ достоинствомъ произнесъ Корневъ и затѣмъ сильно и выразительно запѣлъ:

Гей, выводите, та и выводите
Та на ту высоку могылу,
А съ тыи могылы
Видна вся Вкраина.

— Нѣтъ, положительно, я никогда себя такъ не чувствовалъ, какъ у васъ.

— Это высшая любезность хозяйкамъ,—улыбнулась Аглаида Васильевна.

— Это не любезность, это правда,—рѣзко перебилъ Корневъ.

— Тѣмъ пріятнѣе... Но гдѣ пропадаетъ Тёма?

— Я его видѣла въ саду, а потомъ не знаю, куда онъ дѣлъ,—отвѣтила Маня.

— Онъ ушелъ къ батюшкѣ,—сказалъ, входя и конфузливо садясь, Сережа.

— Ахъ, кстати, покажите мнѣ капеллу вашего прапрадѣдушки.

— Только пра,—сказала Зина.

Всѣ пошли въ капеллу.

Въ низкой длинной комнатѣ возвышался у противоположной стѣны помостъ, стоялъ тяжелый четырехугольный столъ, мѣсто образовъ — распятія, и русскія и католическія, и въ центрѣ другихъ большое, темное, съ очень большимъ выпуклымъ изображеніемъ черепа. Въ разноцвѣтныя окна пробивался свѣтъ, блѣдно играя на всѣхъ предметахъ. На подставкѣ лежала бархатная малиновая шапочка.

— Ничего особеннаго, — резюмировалъ свои впечатлѣнія Корневъ, останавливаясь передъ изображеніемъ Мадонны. Это было изображеніе прекрасной женщины съ золотистыми волосами и глазами почти круглыми, необыкновенно выразительными: что-то было доброе, ласковое, своеобразное въ этихъ глазахъ, во всемъ лицѣ и позѣ.

— Вотъ Марья Николаевна!—воскликнулъ Корневъ.

— Правда, похожа?—спросила Зина.

— Поразительно.

— Это портретъ прабабушки... Она умерла молодой... Прадѣдушка гдѣ-то въ Италіи заказалъ этотъ портретъ.

— Замѣчательная работа!

— Говорятъ, замѣчательная.

— А вотъ и мы всѣ,—обратила вниманіе Корнева Наташа на другую картину, гдѣ былъ изображенъ Христосъ, благословляющій дѣтей. Въ числѣ дѣтей были всѣ дѣти Аглаиды Васильевны. Наташа, маленькая, стояла лицомъ къ зрителю, вбокъ къ Христу, и смотрѣла въ упоръ своими большими черными глазами.

Корневъ чрезвычайно долго всматривался.

— У васъ всегда были большіе черные глаза,—произнесъ онъ.

— Вы очень наблюдательны,—прошлась на его счетъ Зина.

Надъ картиной было кругомъ написано: „Если не будете, какъ дѣти, —не войдете въ Царство Небесное“.

— Въ какомъ смыслѣ?—спросилъ Корневъ Аглаиду Васильевну.

— Въ самомъ прямомъ.

— Отличительная черта дѣтей,—проговорилъ Корневъ, при
нимаясь за ногти и косясь на Аглаиду Васильевну,—их
прямоугольная логика.

— Чистая,—вставила Аглаида Васильевна.

— Конечно.

Къ обѣду пришелъ Карташевъ.

— Ну, что̀ отецъ Даніилъ?

— Ничего.

— Вотъ отъ него всегда такія свѣдѣнія,—замѣтила Зина

— Ну, пойди сама,—огрызнулся Карташевъ.

— Конечно, пойду.

— Онъ самъ придетъ послѣ обѣда,—сказалъ Карташевъ

— Постарѣлъ?—спросила Аглаида Васильевна.

— Нѣтъ, все такой же.

— А я все-таки на вашемъ мѣстѣ сдѣлалась бы акте
ромъ,—заговорила Маня, садясь противъ Корнева.

— Ну, вотъ ты такъ и сдѣлай, — усмѣхнулась Зина:— Кстати, у тебя голосъ, кажется, будетъ,—поступай въ оперу

— Если будетъ, то и поступлю.

— Только если первоклассный,—прибавила Аглаида Ва
сильевна.

— Первокласснымъ у всѣхъ быть не можетъ,—вмѣшался Корневъ.

— Въ такомъ случаѣ незачѣмъ и поступать.

— А я все-таки поступлю.

— Даже если мама противъ?

— А если мнѣ хочется?

— Очень грустно въ такомъ случаѣ.

Корневъ скорчилъ Манѣ гримасу. Маня заглянула ему въ лицо, какъ бы ища отвѣта.

— Я бы подождала, пока всѣ умрутъ.

— Ну, тогда дѣлайте, что̀ хотите, только на могилу ко мнѣ не ходить...

— А я приду,—сказала Маня, лукаво и въ то же время просительно глядя на мать, такъ что Аглаида Васильевна ласково усмѣхнулась.

— Дурочка ты...

— Гм! Гм!—заерзалъ Корневъ.

Маня весело смотрѣла на него.

— Вотъ никогда не думала, чтобы вы были такой весе
лый,—сказала Зина.

— Мнѣ теперь кажется, что я всегда такой.

— Вы всегда вотъ какой...

Зина исподлобья посмотрѣла, грызя ногти.

— Нѣтъ, это ужъ Наташа пусть представитъ,—сказала Аглаида Васильевна:—она замѣчательно васъ копируетъ.

— Вотъ какъ... много чести!.. не зналъ... Пожалуйста...

— Я не умѣю.

— Ну... пожалуйста... умоляю... на колѣняхъ прошу.

Корневъ закончилъ отчаянной рожей.

— Кар!—передразнилъ онъ Маню.

— У васъ хорошій „подражательный талантъ“,—кивнула ему Наташа.

— Вы похожи, говорите, на вашу маму?—спросила Маня и, поднявъ головку, лукаво ждала отвѣта.

— И это въ 13 лѣтъ!—воскликнулъ Корневъ.—О, благодарю Тебя, Создатель, что къ ея времени я ужъ буду старикомъ.

— Къ ея времени вы начнете только жить,—улыбнулась Аглаида Васильевна.

— А теперь позвольте узнать, что̀ мы дѣлаемъ?

— А теперь вы только скользите по поверхности жизни.

— Какъ водяные пауки,—вставила Зина.

— Понимаю,—отвѣтилъ Корневъ и, повернувшись къ Манѣ, сказалъ:—во всякомъ случаѣ, вы замѣчательно оригинальная... И что-то мнѣ напоминаете... я никакъ не могу выразить... Вы видали картины Рубенса, Рембрандта... Я одинаково не видалъ ни одной картины ни того ни другого, но это все равно... А вотъ это „кар“ я ужъ окончательно не знаю, чему приписать.

— Воронѣ же,—напомнила Зина.

— Да вѣдь оказалось, что ворона такъ же похожа на Марью Николаевну, какъ я на мать... Такъ, если не ошибаюсь? Я скорѣе бы сравнилъ вотъ... есть такой инструментъ... я его тоже никогда не видалъ... Я, кажется, начинаю совсѣмъ ужъ чушь нести...

Степанъ поднесъ Корневу блюдо съ пирожнымъ.

— Благодарю покорно... Дай Богъ вамъ и вашимъ дѣткамъ много лѣтъ здравствовать.

Корневъ вскочилъ и раскланялся передъ Степаномъ.

— И вамъ, сударь, дай Богъ... милостивую хозяйку, такъ чтобъ, какъ наши барышни, красавица была, да и дѣтокъ кучу.

— Мой другъ, это... это... благодарю... Позвольте мнѣ съ вами облобызаться?!

Корневъ вытеръ салфеткою ротъ и торжественно расцѣловался со Степаномъ.

Степанъ принялъ это за чистую монету и, довольный, удовлетворенный, понесъ блюдо дальше. Лицо Степана было такъ серьезно и торжественно, что было неловко и смѣяться. Всѣ наклонили головы, чтобъ спрятать свои улыбки.

— А вѣдь наступятъ когда-нибудь такія отношенія,—заговорилъ Карташевъ.

— Въ раю такой Степанъ, можетъ-быть, выше насъ съ тобой, мой другъ, займетъ мѣсто, — убѣжденно произнесла Аглаида Васильевна.

— На этомъ основаніи нельзя ли ему предложить маленькій уголокъ за этимъ столомъ?—сказалъ Корневъ.

— Здѣсь нельзя,—твердо отвѣтила Аглаида Васильевна.

— Маленькая, какъ будто, непрямолинейность... Я вспомнилъ надпись въ капеллѣ.

— Вы, конечно, знаете, откуда эта надпись? Ну, тамъ же: „рабы, повинуйтеся господамъ своимъ“.

— Рабовъ уже нѣтъ, теперешній рабъ имѣетъ въ карманѣ деньги и завтра самъ будетъ имѣть рабовъ.

— И будетъ...

— Чему же, въ такомъ случаѣ, повиноваться?—огрызнулся Карташевъ.—Капиталу?

— И радъ... Выберите лучше другую тему...

— Отчего же? И эта интересна,—настаивалъ сынъ.

Изъ-за стола встали.

— Интересная, но не для меня.

Карташевъ продолжалъ упорствовать.

— Тёма, а если я не хочу?—уже сухо спросила Аглаида Васильевна.

Карташевъ насмѣшливо поклонился.

— Позвольте, я его выведу,—предложилъ Корневъ, замиая надвигающуюся размолвку.—Зинаида Николаевна, сыграйте намъ маршъ.

И подъ звуки марша Корневъ увелъ упиравшагося Карташева.

— Ну, иди...—ласково не то понуждалъ, не то уговаривалъ онъ пріятеля.

Пройдя нѣсколько комнатъ, Корневъ воскликнулъ:

— О, Господи! Я лопну, такъ наѣлся,—и съ размаху упалъ въ кресло.

Вошелъ Сережа и, стоя у двери, смотрѣлъ на брата и Корнева.

— Что вы, молодой человѣкъ, конфузитесь все?—спросилъ Корневъ, подходя и встряхивая Сережу за его худенькія руки.

— Я не конфужусь.

— Вы вотъ берите примѣръ съ этого нахала... Право.

Корневъ показалъ на Карташева. Карташевъ, снова повеселѣвшій, проговорилъ: „Бери примѣръ!“ — подпрыгнулъ и упалъ на диванъ.

— Вотъ такъ?—спросилъ Корневъ, падая на другой диванъ.

Онъ поднялся, посмотрѣлъ на Карташева и, весело разсмѣявшись, опять откинулся на спину и заболталъ ногами.

— Очень мило!—произнесла Маня, заглядывая и скрываясь.

— Mille pardons...

— Я буду спать,—сказалъ Карташевъ...

— Неужели будешь?—живо спросилъ Корневъ.

Карташевъ не отвѣтилъ.

— А я чѣмъ хуже?

Корневъ повернулся на бокъ и закрылъ глаза. Черезъ нѣсколько минутъ оба уже спали.

— Спятъ,—осторожно заглянула Маня. За ней заглянули Наташа и Сережа.

— Спятъ,—прошептала Наташа, входя на цыпочкахъ на террасу.

— Надо ставни закрыть,—сказала Аглаида Васильевна.—Сережа, позови Степана... Очень симпатичный Корневъ и деликатный, несмотря на кажущуюся рѣзкость.

— Очень деликатный,—согласилась Зина:—это въ городѣ, въ компаніи Рыльскаго, Долбы...

— Онъ всегда былъ деликатный,—горячо вступилась Наташа.—Онъ замѣчательно отзывчивый, остроумный...

Зина улыбнулась и закрылась книгой.

— Пожалуйста, не думай... я вовсе въ него не влюблена.

— Я вовсе ничего не думала...

— Дѣти,—остановила Аглаида Васильевна,—пожалуйста, безъ этихъ ужасныхъ мѣщанскихъ словъ: „влюблена“. Кто въ ваши годы бываетъ влюбленъ?

— Конечно, — согласилась Наташа: — симпатичный человѣкъ, и я очень рада, что онъ гоститъ... Степанъ, осторожно закрой у папиной комнаты ставни—они въ голубой... Не стучи.

Степанъ для меньшаго шума пошелъ на цыпочкахъ. Маня, перегнувшись, весело его наблюдала.

— Некрасивый Корневъ,—проговорила она:—вотъ Рыльскій красивый.

Корневъ проснулся первый и не сразу сообразилъ, гдѣ онъ. Въ щели пробивались уже низкіе лучи солнца и густой, золотистой пылью играли полосами по дивану и стѣнамъ: виднѣлся кусочекъ голубого неба и весело манилъ къ себѣ. Корневъ съ удовольствіемъ потянулся, оглядывая въ полумракѣ уже знакомую обстановку голубой диванной.

— Ты... чортъ... спишь?

Карташевъ открылъ глаза.

— Не сплю, дьяволъ.

— Мнѣ кажется, что я здѣсь ужъ сто лѣтъ безвыѣздно живу. Тебѣ не кажется?.. Квасу бы.

— Крикни.

Корневъ помолчалъ и вдругъ заоралъ:

— Дьяволы, квасу!

— Слушаю-съ,—отвѣтилъ за дверью Степанъ.

— О!—разсмѣялся Корневъ и даже поднялся. Потомъ опять легъ.

Когда Степанъ принесъ квасъ, Корневъ сѣлъ на диванъ, взялъ стаканъ, выпилъ залпомъ и крякнулъ. Онъ облокотился руками о колѣни и такъ остался.

— Еще прикажете?

— Нѣтъ, спасибо.

Но такъ какъ Степанъ все еще стоялъ въ ожиданіи, то Корневъ громко, немного раздраженно повторилъ:

— Спасибо... не хочу.

Степанъ ушелъ, а Корневъ продолжалъ сидѣть въ той же позѣ, наблюдая съ интересомъ самого себя: дѣйствительно ли онъ ни о чемъ не думаетъ?

— Окончательное бревно... ни одной мысли... И чортъ съ ними!—Онъ величественно поднялся, наскоро оправилъ костюмъ и, съ засунутыми въ карманы руками, съ откинутой головой, напѣвая что-то себѣ подъ носъ, пошелъ по комнатамъ. Въ миніатюрѣ это былъ теперь вылитый портретъ своего отца. Онъ нашелъ Зинаиду Николаевну въ одной изъ комнатъ въ углу, въ удобномъ кожаномъ креслѣ.

— Читать изволите?—освѣдомился какъ-то небрежно Корневъ.

— Да,—отвѣтила Зина.

— Что-съ?

— Жоржъ-Зандъ: „Орасъ“.

— Такъ-съ... Не читалъ.

— Выспались?

— Какъ быкъ... Pardon за выраженье... Сегодня въ голову все особенныя какія-то лѣзутъ...

— Вы никогда не стѣснялись, кажется, въ выраженіяхъ.

— Вы думаете? Тѣмъ лучше... Нѣтъ, я окончательно въ акомъ-то опалѣломъ состояніи. Мнѣ кажется, что все это ое, что я здѣсь вѣчно жилъ, и въ моемъ распоряженіи и изнь и смерть или, по крайней мѣрѣ, тысяча душъ. Это ного или мало?

— Не знаю.

— У вашей маменьки сколько было?

— Не знаю.

Корневъ подумалъ.

— Вы не находите, что я какъ будто поглупѣлъ?

Зина разсмѣялась.

— Не знаю.

— Вы, кажется, тоже находитесь въ какомъ-то особенномъ состояніи незнанія. Нѣтъ, я теперь положительно убѣждаюсь, что я поглупѣлъ. Тѣмъ лучше: глупцамъ принадлежатъ радости жизни... Это я сказалъ или великій философъ? Съ точки зрѣнія высшей философіи, еще вопросъ открытый: кто менѣе геніаленъ—глубочайшій философъ съ вопросами, которыхъ не рѣшитъ, или величайшій глупецъ, который не думаетъ о нихъ... Это шекспировская глубина, или я олухъ Царя Небеснаго.

— Это со сна,—разсмѣялась Зина.

— Сосна? Не олухъ, а сосна... Гм!

— Вы въ какомъ-то особенномъ ударѣ...

— Да, я кончу тѣмъ, если буду продолжать такъ, что выйду изъ гимназіи и поступлю въ полкъ.

— Прекрасная карьера!

— Я такъ и думалъ. Не смѣю бо́льше утруждать вашего превосходительства... Pardon, я думалъ, что я уже въ полку вашего супруга... Знаете, амфилада комнатъ... Аглаида Васильевна что̀ изволитъ дѣлать?

— На балконѣ съ батюшкой.

— Говоря простымъ жаргономъ,—„съ попомъ“... Наталья Николаевна?

— Въ саду.

— Честь имѣю.

Корневъ съ заложенными руками попелъ дальше.

— Я положительно чувствую себя, какъ дома,—оглянулся онъ въ дверяхъ.

— И отлично,—отвѣтила Зина.

— Очень радъ...

— У насъ есть,—вернулся Корневъ,—одинъ родственникъ, старичокъ. Онъ сошелъ съ ума, т.-е. не съ ума, а забылъ всѣхъ. Придетъ къ нему дочь: „здравствуйте, папаша“.—

„Позвольте узнать: съ кѣмъ имѣю честь говорить?“—„Я ваша дочь“.—„Очень радъ... а ваша мамаша кто?“

Зина положила книгу на колѣни, откинулась въ кресло и тихо, беззвучно смѣялась.

— Я пойду знакомиться съ батюшкой: „очень радъ, а ваша мамаша кто?“

Зина пошла за нимъ. Выйдя на балконъ, Корневъ нѣсколько мгновеній стоялъ и смотрѣлъ на батюшку и Аглаиду Васильевну.

— Товарищъ моего сына.

— Очень радъ,—проговорилъ Корневъ и покосился на Зину.

Та едва удержалась отъ смѣха и поспѣшила скрыться въ комнаты.

Отецъ Даніилъ, маленькій, съ косичкой, съ большимъ вздернутымъ носомъ и грубымъ крестьянскимъ лицомъ, осторожно придерживая кресло, почтительно поздоровался съ Корневымъ.

— Выспались?—спросила Аглаида Васильевна.

— Благодарю васъ, — отвѣтилъ величественно Корневъ и, засунувъ руки, сталъ спускаться по ступенькамъ въ садъ.

Онъ шелъ, мурлыкая какую-то пѣсню, и безсознательно отдавался прелести чуднаго вечера. Сквозь деревья вырывались брызги послѣднихъ лучей и, казалось, осыпали садъ облаками золотой пыли. Гдѣ-то хлопалъ бичъ, несся чей-то голосъ, мычалъ возвращавшійся скотъ, а еще дальше, гдѣ-то въ степи, замирала тихая, нѣжная, полная грусти и мелодіи, малороссійская пѣсня. Корневъ подошелъ къ пруду и долго смотрѣлъ вдаль на греблю, на поникшія ветлы, на золотую поверхность пруда и отраженное съ бѣлыми облаками небо, вдыхалъ въ себя съ новой силой поднимавшійся ароматъ сада, тотъ особенный ароматъ смолистаго, стараго, густо поросшаго сада, который смѣшивался теперь съ сухимъ ароматомъ далекой степи. Корневъ опустилъ голову на грудь и задумался; какія-то неясныя, сладкія думы неслись легко, ласкали душу и рисовали жизнь въ какой-то сказочной, волшебной перспективѣ. Идеалы жизни вставали въ чудныхъ, красивыхъ образахъ и манили къ себѣ. Корневъ поднялъ голову и, точно проснувшись, оглянулся. Онъ не отдавалъ себѣ отчета: онъ положительно забылся въ какомъ-то очарованіи... Онъ ли это? Могъ ли онъ думать, что съ нимъ можетъ произойти что-либо подобное? Можетъ-быть, онъ способенъ теперь читать и стихи Фета? Что это: недостаточная способность смертнаго или высшій порывъ человѣческаго организма?

„Какая ерунда“, — подумалъ Корневъ, проведя рукой по лицу.

Между деревьями на скамеечкѣ сидѣла Наташа, и Корневъ только теперь замѣтилъ ее. При видѣ Наташи новая волна радости охватила его.

— Я не замѣтилъ васъ,—сказалъ онъ.

— А я видѣла и знаю, о чемъ вы думали.

— Я не думалъ... я стоялъ...

— И наслаждались природой.

Наташа сидѣла, облокотившись о дерево, и въ рамкѣ зеркальнаго пруда, въ огнѣ заходящаго солнца казалась какимъ-то воздушнымъ видѣніемъ.

— Да, откровенно говоря, я совсѣмъ охваченъ, очарованъ, подавленъ... и просто нѣтъ меня. Хочу чувствовать и не могу. Думаю и какъ будто не я это думаю... такъ кто-то, гдѣ-то... Нѣтъ, положительно, такого чувства я еще не переживалъ. Знаете, въ воспоминаніи и поѣздка наша кажется мнѣ какимъ-то сплошнымъ очарованіемъ: мнѣ кажется, я Богъ знаетъ когда уже уѣхалъ изъ города. Нѣтъ, надо Тёму сюда. Онъ тамъ спитъ и пропускаетъ прелесть...

— Засыпающаго дня?

— Да... засыпающаго подъ какую-то тихую, особенную, непрерывную музыку какого-то полнаго безъ конца оркестра. Вы замѣчаете? Еще немножко, и я начну стихами говорить.

— Ведите Тёму.

Карташевъ, проснувшись, лежалъ и думалъ объ Одаркѣ. Она ему приснилась, и взглядъ ея глазъ онъ еще ощущалъ въ душѣ. Изъ гостиной доносилась музыка Мани, игравшей „La donna e mobile“. Онъ вспомнилъ, какъ, бывало, въ дѣтствѣ, сидя на окнѣ, подъ вечеръ, любилъ слушать шарманку, игравшую эту арію: кусокъ сыра былъ такъ вкусенъ, и такъ нѣжно-тоскливо замирала послѣдняя нота въ гаснувшемъ днѣ... Онъ всталъ, вышелъ въ другую комнату и, наткнувшись на открытую книгу о Данте, увидѣлъ стихи, присѣлъ и началъ читать. Ему понравились двѣ строчки, и онъ, сидя же, ихъ выучилъ. Еще одни были длинные стихи, они тоже пришлись ему по вкусу, и онъ принялся за нихъ.

— Ты не спишь? Я думалъ, ты спишь,—сказалъ, входя, Корневъ.—Идемъ на прудъ. Ты, какъ поэтъ, совсѣмъ ошалѣешь.

— Какой я поэтъ?—обидѣлся Карташевъ.

— Ну, брось... Я совсѣмъ въ какомъ-то особенномъ состояніи. Ничего подобнаго я не видалъ... Дѣйствительно, природа имѣетъ свою неизъяснимую прелесть.

— Природа... а любовь?

— Рыло!

Когда они пришли на прудъ, солнце уже сѣло, и весь западъ горѣлъ прозрачнымъ, краснымъ огнемъ. Въ этомъ огнѣ, въ красномъ просвѣтѣ, деревья точно замерли. Съ пруда слетѣла позолота, но пурпуръ запада еще фантастичнѣе отражался въ зеркальной поверхности. Легкая дымка подымавшагося тумана смѣшалась съ отраженіемъ, сливалась съ окружавшими предметами и придавала имъ ту таинственную прелесть, когда дѣйствительность уже сливается съ прихотливыми и нѣжными узорами фантазіи. Карташевъ потянулъ въ себя всей грудью воздухъ и какими-то пьяными глазами смотрѣлъ вокругъ. Одарка чувствовалась въ каждомъ штрихѣ.

Онъ началъ декламировать только-что выученные итальянскіе стихи.

— Такъ и есть: сразу на разныхъ языкахъ началъ,—сказалъ Корневъ.—Ну, переведи.

— „Я такъ устроенъ, что пишу, когда меня вдохновляетъ любовь; смотря по тому, что̀ она диктуетъ внутри меня самого, я то и повторяю“.

— Откуда это?

— Изъ Данте.

— Ты развѣ знаешь итальянскій языкъ?

— Я не знаю его, но я знаю, что это мой девизъ въ жизни.

— Но у Данте,—сказала съ грустью Наташа,—была только одна Беатриче.

— У него будетъ ихъ двѣсти!—махнулъ рукой Корневъ.

— Двѣсти?!—спросилъ Карташевъ.—Ахъ, чортъ возьми! Мефистофель, ты долженъ быть здѣсь. Ты въ этомъ огнѣ. Ты зажигаешь кровь очарованьемъ. И жги! Давай мнѣ все, что̀ можетъ дать жизнь, и, чортъ съ тобой, плачу тебѣ вѣчностью!

— Безумный Тёма,—произнесла, подымаясь въ какомъ-то ужасѣ, Наташа, точно Мефистофель уже стоялъ передъ ея братомъ.

— О, да! да!—весело закричалъ Карташевъ.—Одно мгновеніе безъ удержу, чтобъ все охватить, всю жизнь, все постигнуть, и къ чорту ее, какъ негодную больше дрянь!

Корневъ не могъ не отнестись критически:

— Такъ для чего тебѣ это мгновенье? для личныхъ цѣлей?

Въ кустахъ, по дорогѣ въ деревню, вдругъ мелькнула Одарка. Сердце Карташева замерло въ истомѣ.

— Но любить все-таки нужно?—загадочный, счастливый, сверкнулъ онъ глазами:—если любовь въ сердцѣ—міръ побѣжденъ!

— Любовь, любовь! — недовольно замѣтила, появляясь, Аглаида Васильевна:—вы, господа, совсѣмъ опьянѣли.

— Какія глупости тутъ Тёма говорилъ, если бъ ты знала,— сказала Наташа:—совсѣмъ съ ума сошелъ!

Взглядъ Карташева ушелъ въ небо и остановился на горѣвшемъ облакѣ.

— Мама, смотри въ небо: вонъ левъ держитъ въ зубахъ какую-то дѣвушку... вонъ таетъ, расходится... корона... гробъ... Это моя судьба! Женщины! Въ нихъ царство и смерть, ужасная смерть... смерть искупленья. Согласенъ! Смерть, какую только можетъ выдумать человѣческая фантазія...

— Тёма, глупости!—прикрикнула Аглаида Васильевна.

— Да, да! Я долженъ погибнуть, иначе изъ меня ничего не выйдетъ.

— Онъ совсѣмъ съ ума сходитъ,—любуясь братомъ, замѣтила Наташа.

— Дай пульсъ,—серьезно сказалъ Корневъ и, сдѣлавъ озабоченный видъ, сталъ щупать пульсъ.

— Поздно!—вырвался Карташевъ и, скрываясь за деревьями въ прозрачной темнотѣ краснаго зарева, закричалъ:

— Сатана ужъ со мной, и я подписываю договоръ.

— Тёма!—раздался грозный окликъ Аглаиды Васильевны.

— Ха-ха-ха!—отвѣтилъ Тёма смѣхомъ Мефистофеля.

— Ха-ха-ха!—уже дальше и глуше пронеслось.

— Ха-ха-ха!—возбужденно и глухо замерло въ саду.

Карташевъ остановился и оглянулся. Что-то особенное было въ воздухѣ, деревья тѣснѣе сводили свои вершины; едва горѣло гдѣ-то тамъ, въ темной безднѣ, и казалось отверстіемъ въ преисподнюю. Сумерки смѣнялись быстро разливавшейся темнотой. Что-то уходило или подходило, что-то беззвучно, таинственно пряталось въ темнотѣ неподвижныхъ кустовъ, въ непроницаемой тѣни деревьевъ. Звонко трещали кузнечики, ярко мигали свѣтляки, что-то трогало лицо... Подкравшаяся ароматная ночь сразу охватила своими жгучими объятіями, влила тревогу и истому, и возбужденный Карташевъ прошепталъ:

— Ну что жъ, если я люблю?

Онъ побѣжалъ дальше. Тревога разливалась по его тѣлу. Онъ чувствовалъ робость отъ встрѣчи и твердилъ, замирая:

— Надо, надо, потомъ будетъ хорошо,—и бѣжалъ дальше.

Въ темнотѣ обрисовалась фигура Одарки. Собравъ остатки мужества, онъ догналъ и обнялъ ее. Одарка испуганно рванулась. Онъ смутился, вторично поймалъ ее и взволнованно произнесъ:

— Одарка, хочешь быть моей женой?

— Пустыть, панычику!—вырываясь, рѣзко отвѣтила Одарка.

— Хочешь?—уже испуганно спросилъ Карташевъ.

— Панычику, пустыть!—настойчиво повторяла Одарка.

Карташеву начинало казаться, что это не онъ стоитъ и обнимаетъ Одарку, и не Одарка, а что-то грубое, чужое, съ скверно пахнувшимъ къ тому же платьемъ.

Онъ тоскливо-стѣсненно заговорилъ:

— Одарка, я люблю тебя... Одарка, ты... ты, Одарка... ты хохлуша и я хохолъ... я буду тебя такъ любить... Хочешь?!

— Ой, панычику, пустыть... Кононъ зобачитъ...

— Кононъ? зачѣмъ Кононъ? онъ твой женихъ?

— Та вжежъ...

— Я не зналъ,—растерялся Карташевъ:—а ты?.. ты любишь его?

Одарка опустила глаза.

— А вжежъ люблю,—отвѣтила она тихо, въ недоумѣніи поднимая плечо.

Карташевъ почувствовалъ себя въ роли Донъ-Кихота. Онъ быстро проговорилъ:

— Ну, любишь, такъ что жъ тутъ? Ты скажи Конону, что я не зналъ.

— Та я ему ничего казати не буду. Пустыть, панычику.

Карташевъ обидѣлся.

— Нѣтъ, скажи,—я не зналъ... Что жъ, если любишь. А я тебя все-таки буду всю жизнь любить.

— Пустыть, панычику.

Карташеву было жаль выпускать Одарку.

— Можно тебя еще разъ поцѣловать?

— Ой, боюсь, панычику.

Карташевъ выпустилъ Одарку.

— Ну, иди...

Одарка ушла и даже не оглянулась, а онъ остался.

— Какъ это все глупо вышло,—громко вздохнулъ онъ.

Онъ подождалъ, пока затихли шаги Одарки, и медленно пошелъ по дорожкѣ...

— Ну, начинайте.

Корневъ пересталъ пѣть и покорно заговорилъ:

— Горю, горю пень.

— Зачѣмъ горишь?

— Тебя хочу.

— Не „тебя“, а „поймать хочу“.

— Поймать хочу.

— Кого?

— **Тебя самого.**

— Вы никогда такъ не поймаете!

— Да, — раздумчиво согласился Корневъ, возвращаясь одинъ.

— Ну, становитесь опять.

Корневъ снова запѣлъ.

— Да вы хотите играть?

— Обязательно.

— Тёма, будемъ въ горѣлки?—закричала Наташа, увидѣвъ фигуру брата на террасѣ.

— Не хочется,—отвѣтилъ Карташевъ, садясь въ тѣни террасы.

— У Тёмы всегда контрасты,—раздался недовольный голосъ Зины.

Къ Карташеву подошла Аглаида Васильевна.

— Тёма, какъ можно такія глупости говорить,—съ мягкимъ упрекомъ сказала она.

— Я шутилъ же,—устало, безъ возбужденія отвѣтилъ Карташевъ.

— И шутить такими вещами не надо. У меня просто сердце сжалось. Такой глупый мальчикъ. Я такъ и вижу тебя въ жизни... такъ самъ бѣду на себя и накличешь.

Мать ласково гладила голову сына. Карташевъ, пригнувъ шею, молча смотрѣлъ въ садъ. Аглаида Васильевна постояла еще и ушла въ гостиную. Мягкіе звуки рояля понеслись въ открытыя окна въ садъ и сливались тамъ въ одно съ живой, возбужденной ночью, съ волнами свѣта изъ оконъ. Карташевъ подсѣлъ къ окну и, увидѣвъ на немъ стихотворенія Алексѣя Толстого, машинально раскрылъ на переводѣ изъ Гейне:

Расписаны были кулисы пестро,
Я такъ декламировалъ страстно,
И мантіи блескъ, и на шляпѣ перо,
И чувства—все было прекрасно.

* * *

Но вотъ, хоть ужъ сбросилъ я это тряпье,
Хоть нѣтъ театральнаго хламу,
Доселѣ болитъ еще сердце мое,
Какъ будто играю я драму!

Карташевъ оставилъ книгу и упорно, задумчиво смотрѣлъ въ садъ.

— Отчего я вообразилъ, что Одарка меня любитъ?! Схватилъ... грубо... набросился. Какъ все это грубо и пошло!

Онъ всталъ. Его потянуло къ письменному столу.

Онъ ушелъ къ себѣ въ комнату. На зеленомъ съ пятнами

столѣ мирно горѣла лампа подъ абажуромъ, что-то точно махало изъ темнаго окна, было чисто, тихо и свѣтло. Онъ сѣлъ въ кресло передъ столомъ и, полный нахлынувшихъ ощущеній, съ карандашомъ въ рукахъ и бѣлой бумагой передъ собой, задумался, съ чего начать. Онъ нерѣшительно грызъ карандашъ. Осторожно, точно дѣлая преступленіе, написалъ онъ первую строчку. Немного погодя онъ уже ожесточенно то писалъ, то смотрѣлъ впередъ, отыскивая риѳмы. Потомъ, зачеркнувъ все, онъ задумался и сразу написалъ:

Сердце рвется на просторъ,
Сердце ищетъ дѣла,
А живешь, какъ жалкій воръ,
Глупо и несмѣло.

Онъ прочелъ и оборвалъ самъ себя:

— Глупо! И стихи плохіе, и, собственно, какой просторъ и какое дѣло? За Одаркой ухаживать?

Онъ самъ себѣ въ эту минуту напомнилъ свою мать и еще строже заглянулъ въ свою душу: „фальшь!“—повторилъ онъ и, зачеркнувъ, написалъ:

Фальшивый, жалкій человѣкъ...

Опять зачеркнулъ и вновь написалъ:

Промчался жалкій вѣкъ безсилья,—

но, заслышавъ шаги Корнева, онъ поспѣшно скомкалъ все написанное и выбросилъ въ окно.

— Ты что тутъ?

— Да такъ... хотѣлъ-было...

— О-о-й!

Карташевъ тоже разсмѣялся.

— Ужинать-съ пожалуйте,—заглянулъ Степанъ.

— Эхъ, здорово засну,—сладко зѣвнулъ Корневъ, идя за Карташевымъ въ столовую.

Дни шли за днями въ пріятномъ ничегонедѣланьи, въ ѣдѣ, прогулкахъ по саду, пѣніи и изрѣдка, когда все надоѣдало, чтеніи вслухъ. Иногда ѣздили въ поле, устраивались кавалькады. Корневъ сперва энергично отказывался, но потомъ сдался и даже увлекся верховой ѣздой. Онъ выбралъ себѣ совершенно простую лошадь „Буланку“ и былъ счастливъ, когда Буланка, послѣ энергичныхъ и комическихъ понуканій, пускалась въ галопъ. Тогда онъ, подпрыгивая и направо и налѣво, взадъ и впередъ, работая локтями, побѣдоносно смот-

рѣлъ вокругъ и предоставлялъ смѣяться надъ собой желающимъ, сколько имъ было угодно. Если вѣтеръ срывалъ его шляпу, онъ подвязывалъ ее носовымъ платкомъ, отчего горбившаяся его фигура дѣлалась похожей на фигуру бабы. И это его нимало не смущало.

— Смѣшно? — спрашивалъ онъ небрежно и обращался къ своей лошади не то съ приказаніемъ, не то съ сомнѣніемъ: „Но-о!“,—а когда убѣждался, что Буланка и на этотъ разъ была такъ же глупа, онъ ожесточенно ударялъ ее плетью и уже властно кричалъ:

— Но, животное!

Они ѣздили на сѣнокосъ и пашню. Иногда Карташевъ принимался экзаменовать Корнева и спрашивалъ его, какой тотъ или другой хлѣбъ. Корневъ путался и постоянно становился втупикъ. Когда ему надоѣдало, стоя передъ полемъ, напрасно ломать голову, онъ кончалъ:

— Ну, и убирайся къ чорту! Такъ и напиши въ своемъ сочиненіи, что я, восемнадцатилѣтній болванъ, не только не знаю, гдѣ и что̀, и какой это хлѣбъ, но если бъ ты сталъ божиться, что жареныя булки растутъ прямо на деревѣ, то и то повѣрю.

— Не жареныя, а печеныя,—поправляли его.

— Ну, хоть вареныя... Что̀, въ самомъ дѣлѣ, пристали?!

Однажды, проснувшись послѣ обѣда, Корневъ, грызя ногти, сказалъ Карташеву.

— Послушай... Сколько времени мы ужъ въ деревнѣ, а, собственно, я почти еще никакого представленія о деревенской жизни не имѣю. У насъ какъ-то удивительно изолированно устроена жизнь отъ всей остальной деревенской обстановки.

— Общая помѣщичья. Ты напрасно не хочешь къ батюшкѣ ходить,—онъ ближе къ деревнѣ,—отвѣтилъ Карташевъ.

— Такъ что̀ жъ? Я, собственно, по принципу, а то отчего же? Пойдемъ хоть сегодня.

Но въ этотъ день посѣщеніе отца Даніила не состоялось: пріѣхалъ Неручевъ и провелъ весь вечеръ. Сперва его чистый, даже щеголеватый видъ, немного заносчивая манера оттолкнули-было Корнева, но жажда впечатлѣній заставила его насторожиться.

— Пожалуйста, господа, — успѣла предупредить Аглаида Васильевна: — не травите моего Неручева: помните, что онъ гость.

Неручевъ держалъ себя съ достоинствомъ, но вѣжливо, и охотно вступалъ въ разговоръ. Корневъ старался подбирать нейтральныя темы—разспрашивалъ объ урожаяхъ, о хозяйствѣ,

о крестьянахъ. Неручевъ говорилъ съ видимымъ знаніемъ дѣла, жаловался на отсутствіе иниціативы, указалъ на многочисленные опыты въ своей деревнѣ. Коснувшись крестьянъ, онъ отмѣтилъ, какъ главное зло—отсутствіе образованія.

— Это совсѣмъ культурный человѣкъ,—изумился Корневъ, когда уѣхалъ Неручевъ.

— Его отецъ былъ замѣчательный человѣкъ,— замѣтила Аглаида Васильевна, вскользь бросивъ взглядъ на Зину.

— Съ виду это—хлыщъ, — сказалъ Корневъ. И, раздумчиво принимаясь за ногти, онъ докончилъ, пожавъ плечами:— Какъ можно иногда ошибиться.

Неручевъ, уѣзжая, настоятельно звалъ осмотрѣть его усадьбу, въ которой много было старинныхъ рѣдкостей.

Въ условленный день Аглаида Васильевна, Зина, Корневъ и Карташевъ поѣхали къ нему въ колясѣ четверкой.

Это была очень большая, нарядная усадьба въ чугунной высокой оградѣ. Двухъэтажный дворецъ раскинулся посреди двора, и, огибая зеленый кругъ, дорога заканчивалась у такого подъѣзда съ зеркальными окнами, какимъ могъ бы щеголять любой барскій домъ-особнякъ въ Петербургѣ. Навстрѣчу высыпалъ цѣлый штатъ прислуги: тутъ были и лакеи въ штиблетахъ, синихъ фракахъ съ большими металлическими пуговицами съ графскими гербами, и лакеи просто въ черныхъ фракахъ, горничныя въ чепчикахъ и просто босыя дѣвки. Неручевъ въ своей богатой обстановкѣ произвелъ еще болѣе сильное впечатлѣніе дѣльнаго барина, умѣющаго соединить любовь къ роскоши съ дѣловитостью, не уступающей даже крестьянской: онъ говорилъ, что самъ умѣетъ и плугъ починить и плотника поймать на всякой плутнѣ, а что̀ касается хозяйства, то онъ въ курсѣ всѣхъ мелочей и ведетъ все самъ. Корневъ даже съ удовольствіемъ пожалъ ему на прощанье руку, совершенно подкупленный главнымъ образомъ тѣмъ, что Неручевъ постоянно отзывался о крестьянахъ съ симпатіей. Вскользь даже какъ-то выяснилось, что Неручевъ имъ уступаетъ все за полцѣны.

— У васъ тоже такъ? — спросилъ Корневъ, когда они возвращались домой.

— Я не знаю,—отвѣтилъ Карташевъ.

— Но отчего же онъ разоряется?

— Неурожаи... Но въ этомъ году онъ совершенно поправилъ свои дѣла—отвѣтила Аглаида Васильевна.

— Онъ ничего... красивый,—сказалъ Корневъ и покосился на Зину. Аглаида Васильевна сдѣлала суровое лицо и молча, строго смотрѣла въ поле. Корневъ сконфуженно замолчалъ.

Зина едва примѣтно улыбнулась и загадочно-довольно смотрѣла куда-то вдаль.

Корневъ грызъ ногти, посматривая мелькомъ на Зину, старался уяснить, — нравится ли ей Неручевъ, и представлялъ ее въ роли madame Неручевой. Онъ съ любопытствомъ искалъ въ ея лицѣ, глазахъ, чего-нибудь такого, что̀ помогло бы ему разобраться Зина знала, о чемъ думаетъ Корневъ, ее разбиралъ смѣхъ, и она, въ свою очередь, также его наблюдала, но не подавала и виду.

XIII.

Отцу Даніилу 84 года. Дни за днями идутъ, проносятся годы въ вихряхъ зимнихъ мятелей, ароматѣ бузины, полевыхъ цвѣтовъ, темныхъ вишенъ тѣнистаго садика, а въ маленькихъ, съ запахомъ васильковъ и другихъ пахучихъ травъ, комнатахъ отца Даніила все то же. Все такой же и отецъ Даніилъ: выдуло его вѣтромъ, выжгло солнцемъ, загаръ такъ и не сходилъ съ лица, какъ и запахъ васильковъ не оставляетъ его. Старая рука потемнѣла и высохла.

Привыкли къ нему крестьяне: безъ него и праздникъ не въ праздникъ и жнитво не въ жнитво. Возьметъ въ руки колосъ, разотретъ, сдуетъ съ зерна шелуху, отставитъ ладонь и смотритъ и дивчата и паробки притихли, слѣдятъ съ открытыми глазами и ртомъ, какъ смотритъ старый попъ, а съ нимъ и всѣ его 84 года, видавшіе всякіе хлѣба на своемъ вѣку, еще при отцахъ ихъ и дѣдахъ, а то и прадѣдахъ. Вся вѣчность для нихъ въ этомъ высохшемъ попѣ, и черезъ него одного ихъ связь со всѣмъ, что̀ отдѣляетъ ихъ степи, ихъ Высь, ихъ деревню отъ всего остального, что̀ есть и на землѣ и на небѣ. И не только того, что̀ есть, но что̀ и было. Никто такъ, какъ отецъ Даніилъ, не сумѣетъ вспомнить и разсказать, что̀ и какъ было.

Помнилъ онъ время, когда возъ съ солью и волами стоилъ два рубля, помнилъ, когда солдаты еще пудрили мукой свои косы, помнилъ времена Гайдамачины и самъ угощалъ знаменитыхъ когда-то въ околоткѣ разбойниковъ: Калиша, Явтуха и Перистрила. Даромъ, что безбородые еще были, а вся округа дрожала отъ одного ихъ имени, и не чета имъ теперешняя мелкота, хоть бы и тотъ самый Кононъ. Помнилъ все отецъ Даніилъ и умѣлъ разсказывать о старинѣ, о томъ, что̀ было, что̀ въ землю ушло, — какъ говорилъ онъ, — изъ чего, какъ изъ корней цвѣтетъ и зеленѣетъ веселая жизнь.

Не одни крестьяне любили слушать стараго лѣтописца: собирались издалека послушать его. Бывало, мятель злится

и крутитъ и стучитъ въ маленькія окна его дома, а въ домикѣ тепло и уютно. Накормитъ отецъ Даніилъ своихъ гостей, чѣмъ Богъ послалъ—варениками со сметаной, молочной лапшой, а то еще и борщомъ съ уткой, съ кусками прозрачнаго варенаго сала, и поведетъ ихъ спать въ отведенную для нихъ комнату.

Тутъ ужъ чиниться не передъ кѣмъ, да чинись не чинись—всѣмъ одна честь: всѣмъ сѣна довольно, всѣ на полу въ рядъ, а батюшка у порога. Передъ нимъ каганецъ, а въ каганцѣ сало, въ салѣ фитиль. Сидитъ батюшка, оправляетъ горящій фитиль, — сальныя свѣчки еще роскошью тогда были, — тискаетъ сало и говоритъ о томъ, что было. Облокотившись на локти, гости нюхаютъ то ароматное сѣно, то копоть каганца, и слушаютъ. Какой-нибудь молодой городской франтъ забудетъ и про красный галстукъ свой и про барышень, которыя въ церкви такъ охорашивались да бросали на него ласковые взгляды. Качается неровное пламя, падаетъ на старое лицо батьки, на его косичку, падаетъ на слушателей, заглядываетъ въ темные уголки, точно ищетъ испуганныхъ слѣдовъ того, о чемъ разсказываетъ неказистый старый попъ. И въ сѣняхъ слушатели: паробки и дивчата, хоть и лузгаютъ сѣмечки. Изрѣдка батюшка прикрикнетъ въ ихъ сторону: „цыцъ, вы!“, и продолжаетъ свой разсказъ.

Начнетъ, бывало, еще съ Запорожской Сѣчи, когда ключомъ била жизнь и волнами доходила и до Выси. О томъ ему еще дѣдъ передавалъ. Самъ же онъ пришелъ на Высь какъ разъ тогда, когда прадѣдъ Аглаиды Васильевны, изъ Черногоріи, въ началѣ нынѣшняго столѣтія получилъ это помѣстье въ даръ и выстроилъ всю эту усадьбу, которая и сейчасъ стоитъ.

— Вотъ дѣтками Аглаиды Васильевны и кончится проклятіе. Только перваго изъ ихъ роду и не видѣлъ я, того полковника, что бѣду накликалъ на весь родъ. А было такъ дѣло. Въ турецкую кампанію 1772 г. штурмовали въ Болгаріи одинъ греческій монастырь. Ужъ Господь его знаетъ, какъ, изъ-за чего, только монастырь не сдавался, да и полковникъ тоже крутоватъ былъ... Отлички, можетъ, хотѣлъ, а то просто огненный воинъ былъ: разгорѣлся, и дѣло до штурма дошло. Ну что же?—монастырь не крѣпость и монахи не воины—въ развалину весь монастырь обратилъ. А все-таки еще не взялъ, бо ночь пришла. Ну, до свѣту отложили дѣло. Готовится войско. Не спятъ. Ночь темная, хоть глазъ выколи. Пялятъ часовые глаза. Ну, что же? смотри не смотри—развалины, развалины и стоятъ, только что сумно: оно, конечно,

сказать—святыня... только вотъ въ полночь вдругъ звонъ,—тихій, жалостливый, какъ по покойнику... И звонъ съ часовни идетъ, а часовни уже нѣтъ—развалили... Пѣніе погребальное... Ближе да ближе. Не про смертное сердце то пѣніе бываетъ. Не доведи его никому Господь услышать. Еще ближе—огонь показался, факелы, а тутъ и процессія—въ саванахъ... идутъ да поютъ... Услышалъ и полковникъ, выскочилъ, хотѣлъ-было скомандовать, да нѣтъ... посильнѣй хозяинъ сыскался... такъ и остался, будто пришибли его. Прошла процессія на стѣны. И слышатъ воины, чей-то голосъ проклятіе читаетъ войску всему и полковнику, а ему и съ потомствомъ до шестого поколѣнія. Кончилъ голосъ, и все пропало. Нѣтъ ни монаховъ ни процессіи... опять темно. Развалины однѣ. Повскакали воины, поглядѣли другъ на дружку: не то было, не то видѣнье какое... Утромъ на приступъ—никого... точно провалились куда монахи. Обыскали весь монастырь, въ пещеру спустились... глядятъ: лежатъ въ саванѣ въ рядъ монахи, и всѣ покойники. Вотъ оно; и славы нѣтъ и душу загубили. Такъ съ похода никто и не вернулся, а того полковника турки захватили и на колъ посадили. То первый былъ...

„Второй-отъ, той, что домъ тый состроилъ, крутой же, скупой былъ. Такъ шелъ слухъ, что только-только не повѣсили его въ милиціи. Деньги, бывало, въ лѣсу держалъ. Каждый годъ ужъ въ страстную пятницу ѣдетъ новую кучу зарывать... Разъ этакъ копалъ онъ, а тутъ откуда взялся воронъ, да прямо надъ нимъ и закаркай. Поднялъ онъ голову, воронъ на вѣткѣ сидитъ, смотритъ въ него человѣчьими глазами, машетъ ему крыльями. Такъ онъ и обмеръ, домой пріѣхалъ уже безъ языка—и свалился, а черезъ три дня и Богу душу отдалъ. Только ужъ передъ самой смертью опамятовался, языка нѣтъ... Потыкалъ, потыкалъ пальцемъ межъ тремя пальцами въ другую руку: дескать, межъ трехъ деревьевъ деньги въ лѣсу, да гдѣ же ихъ сыщешь? Вездѣ во всемъ лѣсу все три дерева“.

— А какъ узнали, что воронъ надъ нимъ каркалъ, когда онъ безъ языка пріѣхалъ?

Старый батюшка не любилъ перерывовъ...

— Я говорю, что знаю... какъ, да какъ... не слѣдствіе съ меня снимаешь...

„У этого, что вотъ померъ, сынъ въ гвардіи былъ, женатый, тоже полковникъ. Пріѣзжалъ на похороны. Молодецъ, высокій, усъ черный, длинный, глазъ черный, одна природа у всѣхъ. Такъ черезъ годъ, не больше, слышимъ, трахъ! застрѣлился... неизвѣстно съ чего. Отъ него четверо осталось

дѣтей: сынъ да дочь, да сынъ еще, да вотъ мать Аглаиды Васильевны. Эти вотъ сынъ да дочь съ матерью въ этомъ домѣ жили Мать-то, Господь его знаетъ, не то больная... слабость ли въ ней къ дѣтямъ была... Видная изъ себя, глаза голубые... вотъ какъ вижу. Придворная дама. Войдешь: не знаешь, куда и косичку свою сунуть отъ робости — такъ съ виду царица, а обходительная... И дѣтки-то, а-ахъ! и сынъ и дочка красоты удивительной: она въ мать, онъ въ отца. Жили они въ дѣтствѣ особнякомъ другъ отъ друга: обоихъ гдѣ-то тамъ у французовъ образовали. Съѣхались тутъ ужъ, въ деревнѣ эти-то двое... не наглядятся другъ на друга... за руку ходятъ, говорятъ, говорятъ, по-французски все.. по саду ходятъ Въ степь верхомъ... она по-дамски бокомъ, а онъ на этакомъ корытцѣ сидитъ... просто такъ вотъ, какъ ладонь, и маленькое.. Хорошо ѣздили, твердо въ сѣдлѣ сидѣли, даромъ что вотъ какъ и удержаться не за что И лошаденка у него была — аргамакъ породой, ушки стриженыя, картинка лошадь а нравомъ — дьяволъ... никто, кромѣ него, и не подумай сѣсть. А онъ вскочитъ, и не знаешь, на кого и смотрѣть. у коня глаза загорятся и пойдетъ подъ нимъ выдѣлывать штуки, а онъ качается въ сѣдлѣ, словно приросъ... вотъ будто игрушки имъ обоимъ... сердце радуютъ другъ другу, а ужъ чего? на моихъ глазахъ берейтора этотъ аргамакъ сбилъ, такъ просто, съ одного маху... берейтора! А этому и горя мало. А на сестрѣ лица нѣтъ: смотритъ, не оторвется...

„Ну, и досмотрѣлись! Что ужъ тамъ было, не знаю. Однимъ словомъ, гадость этакая вышла, и кончилось тѣмъ, что она въ прудѣ утопилась, а онъ на нижней аллеѣ въ саду, у самаго колодца, на деревѣ удавился. И мать тутъ же въ этотъ день за ними скончалась. Кто сердце, говорилъ, разорвалось у нея съ горя, а кто прямо, что у нея ядъ во флакончикѣ былъ приготовленъ. Темное дѣло... Все-таки ее похоронили по обряду, а тѣхъ двухъ такъ въ одномъ гробѣ у дороги и зарыли... потомъ ужъ часовню поставили... Разсказываютъ въ народѣ... ужъ, конечно, выдумываютъ, несогласное съ религіей... ну, да ужъ и говорить не приходится объ этомъ, да и знать доподлинно, какъ и что, никто не можетъ: думаемъ мы человѣческимъ умомъ и такъ и этакъ, а помремъ, все по-иному, конечно, выходитъ...

„И мать Аглаиды Васильевны — это другая дочка — тоже такъ пропала, съ мужемъ развелась... дочка тутъ, эта самая Аглаида Васильевна, родилась. Мать-то ея еще изъ первыхъ въ губерніи была... Государя въ этомъ самомъ домѣ прини-

мала. Когда умерла, такъ за комодомъ, ужъ не скоро, брильянтъ вотъ съ орѣхъ сыскали. А братъ ея, дядя Аглаиды Васильевны, померъ ужъ вотъ въ Балайхурѣ, верстъ пятьдесятъ отсюда жилъ: это прежде все ихъ же земли были... грани тамъ городами означались. Страшное богатство было! Этотъ вотъ Антонъ, что̀ въ Балайхурѣ, несмѣтно же былъ богатъ и хозяинъ хорошій. Бывало, все толковалъ, что корень зла всякаго—ученье... человѣкъ, дескать, выучится и самъ не знаетъ, чего и хочетъ... Въ родѣ того, что умъ за разумъ зашелъ у него... такъ онъ дѣтямъ своимъ никакого образованія и не далъ, только что грамотѣ... Господи, съ этакимъ богатствомъ... только-только свою фамилію подписать могли. При этомъ говоритъ, богатому и безъ ученья можно прожить. А вѣдь наука не простой головой удумана,—можно сказать, всѣ націи, всѣ народы другъ передъ дружкой вытягиваются... Ему одному облегченіе пришло... Ну что̀ жъ? Твоя воля на все... А дѣтей у него всѣхъ восемнадцать человѣкъ было, да незаконныхъ всякихъ еще... Всѣхъ поровну подѣлили. Отъ этихъ опять пошли.. Сейчасъ въ одной деревнѣ ихъ человѣкъ пятьдесятъ. Богатство, что̀ было, растрясли, осталась земля только, и ту въ залогъ пустили. Тутъ воля подошла, и вовсе осѣли... И народъ! Ни господа ни мужики: развратъ пошелъ, содомъ и гоморра... мерзость запустѣнія... Простой мужикъ передъ нимъ, какъ земля отъ неба, отличается. А все ужъ какъ наладились, такъ и пошли: обманъ, сутяжничество, зависть да развратъ... Тьфу, прости Господи... Такъ иной разъ думаешь: какъ-то теперь Антонъ Ивановичъ съ того свѣта на дѣло своихъ рукъ глядитъ... А може, и не думаетъ: надѣлалъ дѣлъ, а ужъ тутъ, какъ знаешь, такъ и расхлебывай... И расхлебать-то, главное, нельзя“.

— Ну, а у Аглаиды Васильевны слава тебѣ Господи, кажется, покамѣстъ?..

— Срокъ-то еще не вышелъ... Сама вѣдь она, положимъ, ой-ой, баба умная. А вѣдь и то сказать: прежняго нѣтъ ужъ. Только вотъ Благодатная. А Божій Дарикъ, Арсеньевка—все вѣдь у чужихъ людей. А земли какія были! Помню, бывало...

И пойдетъ батюшка разсказывать, что̀ онъ помнитъ. Слушаютъ гости, слушаютъ и сами не замѣтятъ, какъ заснутъ и захрапятъ такъ, что и себя перестанетъ батюшка слышать.

Посмотритъ онъ потухшими глазами, вздохнетъ и самъ пойдетъ на-боковую. Вспомнитъ, что не долго ужъ и ему скрипѣть на бѣломъ свѣтѣ, что скоро останется онъ вотъ такъ же одинъ въ своей пустой могилѣ, и заворчитъ:

— Эхъ-хе-хе... такъ-то вотъ живемъ и все думаемъ, что

по нашей волѣ все такъ и этакъ сходится — все умно... А какъ станутъ люди разбирать послѣ тебя, — что̀ къ чему — тутъ-то и помянутъ тебя, умнаго, вотъ не лучше, какъ Антона Ивановича... Прости, Господи!

Корневъ и Карташевъ стали часто заходить къ отцу Даніилу и, сидя за маленькимъ чайнымъ столомъ съ веселымъ самоварчикомъ въ густо поросшемъ саду, любили слушать интересные разсказы старика. Разсказчикъ вскользь касался прошлаго семьи Карташевыхъ и останавливался только на свѣтлыхъ воспоминаніяхъ, но о сосѣдяхъ говорилъ все, что̀ зналъ.

Разсказывалъ объ отцѣ Неручева, котораго крѣпостнымъ былъ поваръ Тихонъ, разсказывалъ, отчего у Тихона лысина образовалась.

— Тамъ у нихъ въ усадьбѣ есть такая приступочка со двора, какъ разъ подъ окнами столовой. Вотъ, какъ обѣдъ начнутъ подавать, бывало, Тихонъ ужъ и стоитъ на своемъ эшафотѣ: борщъ тамъ или супъ испортилъ—прямо на голову. А то и на конюшню сведутъ...

Корневъ грызъ ногти, внимательно слушалъ и осторожно подбирался съ вопросами къ батюшкѣ, желая выяснить то, что̀ его интересовало.

— Что̀ жъ, — говорилъ онъ небрежно-равнодушнымъ голосомъ,—конечно, если виноватъ, такъ нельзя и безъ наказанія... Но это все-таки былъ уважаемый человѣкъ?

— Уважаемый, пока жилъ. Можно сказать, первое лицо былъ на всю губернію: ужъ что̀ онъ скажетъ, — такъ ужъ законъ. Тамъ это насчетъ порядку, какъ съ народомъ, насчетъ строгостей... Или въ проповѣди... ну, какъ-нибудь не тѣмъ словомъ обмолвишься—и слушать больше не станетъ: уйдетъ изъ церкви. И жди отъ архіерея... Фальшивый былъ человѣкъ. И вотъ какое дѣло: и мужики у него такіе же вышли— на словахъ одно, а въ дѣлѣ все фальшь. Хуже теперь его мужиковъ нѣтъ, — пьяницы, воры, ну, просто постыдный народъ...

Однажды Корневъ пришелъ одинъ.

— Ну, а теперешній Неручевъ?—спросилъ онъ.

— Да и теперешній хоть... Тоже фальшивый человѣкъ... Только та и разница, что тотъ жмотъ, скупой былъ, а этотъ пыль въ нось пускаетъ, покамѣстъ все не распылитъ.

— Онъ хвалится.

— Да вѣдь за похвальбу денегъ не платятъ. Кто себѣ врагъ? Не по словамъ, какъ говорится, а по дѣламъ.

— Онъ говорилъ, что за полцѣны все отдаетъ крестьянамъ?

Отецъ Даніилъ пренебрежительно махнулъ рукой:

— Пустое!.. Школу бы хоть устроилъ. Тутъ вотъ только Деланкуръ, что о крестьянахъ позаботился: школу имъ устроилъ, больницу, для младенцевъ покой устроилъ, когда въ лѣтнее время бабы въ полѣ... А остальные такъ потерялись... По нынѣшнему времени прижаться надо: кто тратилъ рубль—25 копеекъ тратить надо, а они—все какъ шло у нихъ, такъ и идетъ. Ну, ужъ тутъ какой конецъ?

— И много разорилось?

— А кто остался? Конца-краю нѣтъ разоренью...

— Кому же земля переходитъ?

— Да такъ—съ торговъ купцамъ... больше того нѣмцы скупаютъ. Ну, этимъ ужъ что̀ въ руки попало, то пропало...

Разъ Карташевъ спросилъ о. Даніила:

— А нами мужики довольны?

Но отецъ Даніилъ уклонился отъ прямого отвѣта:

— Да вѣдь какъ сказать, — на всѣхъ и солнышко не угодитъ.

У Карташева зарождалось какое-то смутное безпокойство насчетъ того, что не все такъ хорошо, какъ это кажется съ виду, въ отношеніяхъ крестьянъ къ нимъ. Но попытки уяснить себѣ не приводили ни къ чему; все было такъ, какъ было, и какъ могло бы быть иначе—ни ему ни Корневу не представлялось. Что „идеала“ нѣтъ—ясно, конечно, съ перваго взгляда: не было не только больницы, но и школы, хотя въ деревнѣ считалось 250 дворовъ. Аглаида Васильевна уклонялась отъ прямыхъ отвѣтовъ на такіе вопросы, но какъ-то, разсердившись и улучивъ минуту, когда была одна съ сыномъ, замѣтила раздраженно:

— Тёма, ты точно въ гости пріѣхалъ: наивничаешь передъ Корневымъ о школѣ и словно не знаешь моихъ дѣлъ. Для школы нужно въ годъ не меньше 500 рублей. Я могу ихъ дать, отказавъ кому-нибудь изъ васъ въ образованіи,—такъ выбери, пожалуйста, кому же именно? Или мнѣ прикажешь отказаться отъ того, что̀ я себѣ позволяю?

Карташевъ зналъ, что мать всегда и во всемъ себѣ отказывала: онъ зналъ, что она почти ничего себѣ не дѣлала изъ туалета, разнообразя и подновляя богатый запасъ молодости. Ея шуба съ очень дорогимъ мѣхомъ чернобурыхъ лисицъ давно уже требовала перемѣны бархата, и дѣти часто къ ней приставали насчетъ этого, но Аглаида Васильевна и слышать не хотѣла. Она перестала даже держать лошадей въ городѣ и такимъ образомъ отказывала себѣ въ послѣднемъ удоволь-

ствіи. Карташеву было непріятно, что онъ неосторожно затронулъ больное мѣсто. Онъ поспѣшно проговорилъ, искренно и горячо:

— Тебѣ, конечно, гдѣ же... Но отчего же земство?.. О чемъ оно думаетъ?

— И земство не всесильно... Расходъ земства кому-нибудь тоже надо нести на себѣ... Все это не такъ просто. Вотъ подыметесь повыше, Богъ дастъ,—тогда и увидите то, что теперь безъ перспективы и связи мозолитъ ваши глаза.

Попробовали Корневъ и Карташевъ за Конона Львовича браться по интересовавшимъ ихъ вопросамъ, но также немногаго добились. По мнѣнію Конона Львовича, мужики —это такой народъ, которому, хоть все отдай, и все мало будетъ,—народъ неблагодарный, завистливый, враждебный. Все это, понятно, надо имъ дѣлать, все, что можно, но неблагодарность — это фактъ. И онъ приводилъ примѣры. Кононъ Львовичъ говорилъ тономъ человѣка не заинтересованнаго, которому ни потерять ни выиграть нечего. Отецъ Даніилъ, по его мнѣнію, человѣкъ „себѣ на умѣ“, хитрый и умѣетъ выводить свою линію, и это тоже, конечно, понятно· его судьба зависитъ отъ крестьянъ, оттого онъ имъ и мирволитъ, но, въ сущности, только ловко эксплоатируетъ ихъ невѣжество. Тонъ Могильнаго былъ авторитетный и независимый Такъ же независимо онъ держалъ себя и съ Аглаидой Васильевной. Честность его, дѣловитость были на виду. Все это дѣйствовало, вызывало сомнѣнія, а факты ставили окончательно втупикъ. Узнавъ, какъ отецъ Даніилъ говорилъ объ отцѣ Неручева, Аглаида Васильевна доказывала, что отецъ Даніилъ, простонапросто, наклеветалъ на Неручева.

— Это былъ человѣкъ идеи, замѣчательныхъ способностей и, внѣ всякаго сомнѣнія, если бы посвятилъ себя государственной дѣятельности,—онъ выдвинулся бы не только между современниками, но и въ исторіи занялъ бы одно изъ самыхъ первыхъ мѣстъ. А что онъ былъ человѣкъ своего времени, то и вы оба не послѣднее слово принесли съ собой на землю.

— Но вѣдь онъ былъ и противъ освобожденія крестьянъ даже?—возразилъ Корневъ.

— Великимъ людямъ свойственны и заблужденія великія.

— Собственныя заблужденія — я согласенъ. Но если эти заблужденія—хламъ вѣковъ, изъ котораго сильный умъ не можетъ выбраться даже тогда, когда малые переползли черезъ нихъ, то это не великій умъ. Какой же это государственный человѣкъ? Фальшивый человѣкъ, который изъ своихъ личныхъ расчетовъ поддерживалъ несправедливое положеніе

вещей, подтверждая его не наукой человѣческой жизни, не лучшими стремленіями человѣческой натуры, не религіей наконецъ, а просто пальцемъ, приставленнымъ ко лбу. гнуснымъ насиліемъ Такой человѣкъ можетъ имѣть только значеніе Аракчеева,—пока живетъ. Это не государственный человѣкъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, господа, — вы противорѣчите сами себѣ: вы говорите о пальцѣ, приставленномъ ко лбу, а сами ничего, кромѣ этого пальца, пока не имѣете. Государство вамъ представляется очень простой машиной.

— Напротивъ, очень сложной—никто и не думаетъ браться за нее, но судить объ искусствѣ управленія можетъ всякій.

— Но не гимназистъ Не было съ сотворенія міра еще государства, гдѣ бы рѣшителями и судьями являлись юноши. И прежде, чѣмъ такой юноша станетъ судьей, онъ долженъ научиться уважать то, что собирается принять въ свои руки: этимъ онъ обезпечиваетъ, въ свою очередь, уваженіе и къ себѣ своихъ преемниковъ.

— Обезпечиваетъ рутину,—отвѣтилъ Корневъ.—Впрочемъ, конечно, все это сложно...

Корневъ принялся за свои ногти.

— Но, возвращаясь къ частному случаю, къ Неручеву, мнѣ кажется, что правильнѣе всего остановиться на томъ, что это былъ эгоистъ, фальшивый и не прозорливый.

— Вотъ, почти ничего не зная о человѣкѣ, вы подписали ему приговоръ. Такъ и съ вами поступятъ въ жизни: „аще какою мѣрою мѣрите, такой и вамъ отмѣрится“... Я, по крайней мѣрѣ, говорю вамъ, что имя старика Неручева одно изъ самыхъ уважаемыхъ именъ нашей губерніи, и если оно не стало общерусскимъ, то причиной этого только его увлеченія въ молодости,—онъ былъ декабристъ и въ свое время былъ, можетъ-быть, стремительнѣе и прямолинейнѣе васъ.

— Остается пожалѣть,—вздохнулъ Корневъ,—что такимъ и не остался.

— Вотъ вы и останьтесь.

— Несомнѣнно... выбора быть не можетъ изъ двухъ положеній: Аракчеева и...

— Ну, и отлично... Но по поводу вашихъ будущихъ исканій источниковъ, изъ которыхъ вы станете черпать свои свѣдѣнія, я вамъ дамъ совѣтъ: дѣло въ томъ, что источниковъ въ чистомъ видѣ, т.-е. дистиллированной воды, не бываетъ въ природѣ. Во всякой есть своя подмѣсь, и ее, по крайней мѣрѣ, знать надо. Въ источникѣ отца Даніила два недостатка и даже три: это человѣкъ, котораго горизонтъ—

эта деревня, не развитой, онъ въ силу вещей немного сплетникъ, потому что у него нѣтъ никакихъ интересовъ и онъ живетъ чужими, а такъ какъ только свои дѣла знаешь точно, въ чужихъ же всегда будетъ неточность, то все сводится къ случайной, сплошь да рядомъ, сплетнѣ, безнаказанно гуляющей по свѣту...

— А зачѣмъ же устраивать такія потемки, чтобы было все не ясно: разъ его дѣло честное и въ интересахъ другихъ, то, казалось бы, чѣмъ больше гласности, тѣмъ лучше. Иначе одно изъ двухъ: или человѣкъ, дѣйствительно, даромъ терпитъ, или же дѣлаетъ гадости, еще изображая изъ себя нѣкоторымъ образомъ непонятаго героя...

— Все это фразы... Какая тутъ гласность въ частной жизни? Газету ему, что ли, издавать для васъ? Все оттого, что слишкомъ прямолинейно судите... Наконецъ у отца Даніила есть еще недостатокъ, съ которымъ надо считаться. Это общій недостатокъ нашего духовенства: они не крестьяне, они не дворяне и одинаково, какъ люди, чужды тому и другому сословію. И третій недостатокъ, о которомъ особенно тяжело говорить: отецъ Даніилъ алченъ... Вы можете провѣрить это у любого крестьянина.

Факты алчности при взиманіи за требы были налицо: крестьяне охотно дѣлились ими съ Корневымъ и Карташевымъ. Самъ отецъ Даніилъ отдалился вдругъ отъ нихъ, сталъ сдержаннѣе, уклонялся отъ разсказовъ и только угрюмо смотрѣлъ, когда они появлялись въ его маленькомъ домикѣ. Въ концѣ концовъ, мало-по-малу, въ глазахъ Корнева и Карташева отецъ Даніилъ превратился въ обыкновеннаго стараго жаднаго попа, со смертью котораго округа избавится отъ хорошо присосавшейся піявки. Они больше не интересовались ни имъ ни его разсказами.

XIV.

Всѣ попытки Корнева ознакомиться съ положеніемъ крестьянъ сводились какъ-то сами собой къ нулю. Усадьба, хотя и была вблизи деревни, но вся жизнь ея такъ разнилась отъ остальной деревенской, что общаго ничего не было. Случайныя встрѣчи съ крестьянами и разговоры съ ними были безцвѣтны и несодержательны. Вскользь высказываемое иногда крестьянами неудовольствіе, по обыкновенію намеками, не понималось молодыми людьми и всегда оставляло впечатлѣніе какой-то мелочи. Это было понятно: разговоры крестьянъ съ Корневымъ и Карташевымъ, которые не имѣли даже элементарныхъ свѣдѣній о томъ, что такое крестьянская жизнь, вы-

ходили разговоромъ на двухъ разныхъ языкахъ. Переводчикомъ здѣсь являлся Кононъ Львовичъ, и какъ будто подтверждалось, что крестьяне, дѣйствительно, народъ тяжелый и, въ сущности, сами не знаютъ, чего хотятъ.

— Вѣрно, сударь, вѣрно,—вмѣшался какъ-то въ разговоръ Степанъ, поймавъ кое-что изъ словъ Корнева съ Карташевымъ. — Народъ необразованный, самъ себя не понимаетъ. Вотъ этакъ все бы мутить да дурью голову забивать. А какъ вотъ и послѣднее отберутъ, вотъ тогда и научатся благодарить да добромъ поминать.

Изъ молодыхъ крестьянъ двое особенно останавливали на себѣ вниманіе: Кононъ и Петръ. Кононъ слылъ за безпокойнаго и даже бунтовщика. Онъ всегда былъ недоволенъ и всегда находилъ поводы ворчать. Это былъ bête noire Конона Львовича, хотя управляющій, въ общемъ, и старался относиться къ своему тезкѣ добродушно. Но онъ часто говорилъ, что даже и его долготерпѣнію придетъ конецъ:

— Просто сладу нѣтъ: одинъ, а всѣхъ мутитъ.

Петръ былъ полной противоположностью Кононцу. Одинъ его видъ уже дѣйствовалъ успокоительно: это былъ большой, хорошо сложенный блондинъ съ свѣтлыми глазами, которыми онъ весело и мягко щурился на свѣтъ Божій. Все было, по его мнѣнію, хорошо, а что и случалось нехорошаго, то всегда было скоропреходяще, и тамъ, гдѣ-то за этимъ дурнымъ, уже должно быть, навѣрное, и хорошее. Кононъ видѣлъ только отрицательныя стороны, ихъ и искалъ. Петръ видѣлъ одни положительныя и точно не замѣчалъ отрицательныхъ мелочей жизни. Петръ былъ общій любимецъ, и Кононъ Львовичъ выставлялъ его, какъ образецъ и человѣка и рабочаго. Если нужно было успокоить рабочихъ, примирить ихъ—никто лучше Петра не умѣлъ это сдѣлать. И всегда безкорыстно — отъ одного только разговора съ Конономъ Львовичемъ. Объяснить ему, растолкуетъ,—смотришь, большинство уже съ Петромъ, а безпокойное меньшинство съ Конономъ. Несмотря на такую противоположность, Кононъ и Петръ были друзьями и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ Петръ былъ свободенъ отъ вліянія Конона Львовича, дѣйствовали сообща. Въ бесѣдахъ Корнева и Карташева съ двумя паробками — Конономъ и Петромъ— Кононъ въ концѣ концовъ съ вѣчными претензіями и жалобами надоѣлъ, да исполненіе его просьбъ было и непосильно для Корнева и Карташева. Пока еще шла рѣчь о табакѣ, о бутылкѣ водки, до тѣхъ поръ, такъ или иначе, они могли помогать ему, но чѣмъ дальше въ лѣсъ—тѣмъ больше дровъ, и Корневъ съ Карташевымъ терялись, видя, что, собственно,

требованіямъ Конона конца не будетъ. Кононъ, въ свою очередь, убѣдившись въ безсиліи молодыхъ людей, сталъ относиться къ нимъ съ какимъ-то раздраженіемъ. Обращался съ ними безъ церемоніи, особенно съ Карташевымъ. Самолюбіе Карташева страдало, и однажды, когда Кононъ вдругъ рѣзко перешелъ съ нимъ на ты, Карташевъ не выдержалъ и, возмущенный, отвѣтилъ:

— Ну, ты, Кононъ, совсѣмъ ужъ свинья, и я съ тобой больше не буду разговаривать, потому что ты забываешься.

Кононъ молча тряхнулъ головой и погналъ дальше своихъ воловъ такъ, какъ будто ничего и не случилось, а Карташевъ, сконфуженный, остался и старался не смотрѣть на Корнева. Послѣдній тоже изъ чувства деликатности старался не смотрѣть на пріятеля и даже проговорилъ:

— Нѣтъ, таки порядочный нахалъ.

XV.

Однажды утромъ Степанъ таинственно сообщилъ друзьямъ, что въ степи у Конона Львовича неспокойно. Корневъ и Карташевъ сейчасъ же, безъ чаю, верхомъ уѣхали въ степь, пока Аглаида Васильевна еще спала. Изъ двѣнадцати плуговъ ходило только три, въ томъ числѣ и Петръ,—остальные, выпряженные, безпомощно валялись по бороздамъ. На стану толпа рабочихъ всякихъ сроковъ угрюмо стояла возлѣ возовъ и равнодушно смотрѣла на приближавшихся паничей. Тутъ же около нихъ былъ и Кононъ Львовичъ. Онъ былъ на ногахъ, держалъ въ поводу свою верховую лошадь и съ какимъ-то сконфуженнымъ видомъ пошелъ навстрѣчу пріѣхавшимъ. Карташевъ почувствовалъ себя хозяиномъ и озабоченно спросилъ:

— Въ чемъ дѣло?

— Кононъ все...—отвѣтилъ управляющій, разводя руками.— И пища не хороша, и хлѣбъ никуда не годится, и плата мала, однимъ словомъ, забилъ себѣ въ голову... На васъ указываетъ, что вы ему что-то говорили.

— Мы?—Карташевъ смущенно оглянулся на Корнева.

— Кажется, ничего не говорили,—отвѣтилъ Корневъ.

— Да вѣдь это, знаете, народъ. ему одного слова довольно, чтобъ онъ себѣ чортъ знаетъ что̀ вообразилъ... Вы лучше всего уѣзжайте, чтобъ еще больше ихъ не дразнить, а я ужъ самъ тутъ справлюсь...

— Но опасности нѣтъ?

— Какая же опасность? Ну, не захотятъ,—пускай идутъ на всѣ четыре стороны: другихъ возьмемъ.

— Можетъ-быть, дѣйствительно, провизія не хороша?— угрюмо спросилъ, поглядывая исподлобья, Корневъ.

Кононъ Львовичъ повернулся и крикнулъ:

— Андрей, принеси хлѣбъ, сало, пшено.

Немного погодя изъ табора вышелъ Андрей, а за нимъ невдалекѣ и Кононъ. Оба шли безъ шапокъ. Андрей пришелъ и подалъ паничамъ черный хлѣбъ. Кононъ Львовичъ отломилъ, самъ попробовалъ и передалъ молодымъ людямъ.

— Какой же еще хлѣбъ?!

Корневъ и Карташевъ попробовали и сдѣлали неопредѣленныя физіономіи. кажется, хорошъ?

— Хиба жъ такой хлибъ можно исты?—спросилъ Кононъ, впиваясь своими ястребиными глазами въ Корнева.

— Хлѣбъ, дѣйствительно, кажется, какъ будто...

Корневу очень хотѣлось поддержать Конона.

— Якъ тисто,—подсказалъ Кононъ:—мокрый.

Кононъ Львовичъ равнодушно молчалъ.

— Андрей, ты для меня изъ дому не захватилъ хлѣба?

— Та взявъ.

— Принеси.

Андрей принесъ.

— Вотъ этотъ самый хлѣбъ сегодня къ столу Аглаиды Васильевны подадутъ,—сказалъ Кононъ Львовичъ.

— До хлиба жъ то що подадутъ?—спросилъ Кононъ.—Якъ не работать, то й тымъ хлибомъ живъ буде чиловікъ.

— Ну, ступай,—приказалъ ему рѣзко Кононъ Львовичъ.

— Оттакъ, — кивнулъ головой Кононъ и повернулъ къ табору.

— Работать не будемъ, — раздраженно крикнулъ онъ уже издали.

— Гусь, — проговорилъ Кононъ Львовичъ, мотнувъ головой.—Уѣзжайте! Когда увидятъ, что уѣхали, поймутъ, что надѣяться не на что. Весь секретъ тутъ въ томъ, что поднялась цѣна на базарѣ за работу.

— Такъ отчего же и не прибавить?

— А понизились бы цѣны? Они бы не согласились на сбавку.

— Ну, отъ базара до базара.

— Ну, безъ людей какъ разъ и останемся.

Корневъ и Карташевъ уѣхали.

Часа черезъ два явился въ усадьбу и Кононъ Львовичъ. Трое, въ томъ числѣ Кононъ, взяли расчетъ, остальные стали на работу.

— Въ сущности, этотъ крестьянскій вопросъ какой-то без-

конечный,—разсуждалъ Корневъ.—Рѣшить его по существу? Итти на компромиссъ? На какомъ предѣлѣ остановиться?.. Для меня, по крайней мѣрѣ, нѣтъ сомнѣнія, что Кононъ по существу правъ. Съ другой стороны, тоже нѣтъ сомнѣнія, что полумѣрами его не удовлетворишь. Съ точки зрѣнія порядка, можетъ-быть, и надо удалить Конона, но несомнѣнно, что во французскомъ парламентѣ какой-нибудь крайній лѣвый засѣдаетъ на своемъ крайнемъ стулѣ и только и знаетъ, что протестуетъ—и ничего: ему принадлежитъ будущее, правому тамъ какому-нибудь прошлое, центру настоящее, всѣмъ есть мѣсто.

Разговоръ шелъ за завтракомъ, за которымъ сидѣлъ и Кононъ Львовичъ. Онъ съ любопытствомъ слушалъ и посматривалъ на Аглаиду Васильевну.

— Ну, вотъ и отлично,—отвѣчала сдержанно Аглаида Васильевна:—это и есть самое главное, и вы теперь видите, какъ легко вызвать въ народѣ ложныя надежды, удовлетворить которыя не въ вашей власти. Крестьяне—дѣти... прямолинейны, и въ разговорѣ съ ними нуженъ тотъ же пріемъ, что̀ съ дѣтьми. Иначе вы имъ дадите въ руки оружіе, которымъ они себѣ же нанесутъ вредъ.

— Оружіе, въ силу вещей, и безъ того у нихъ въ рукахъ: за деньги ли, въ аренду ли, такъ или иначе, земля и трудъ, то, чѣмъ и мы и они кормимся—у нихъ.

— Это по-вашему...

— По-моему, — торопливо смягчился Корневъ, видя, что Аглаида Васильевна начинаетъ уже сердиться,—здѣсь такое столкновеніе разныхъ интересовъ, что пока можно только постигнуть бездну, но рѣшить вопросъ...

— На сегодня онъ рѣшенъ,—сказала Аглаида Васильевна такимъ тономъ, что Корневъ, чтобъ не раздражать ее больше, замолчалъ.

Ночью сгорѣла только-что сметанная скирда.

— Однако!—произнесъ Корневъ и принялся за ногти.

Конона и слѣдъ простылъ. Аглаида Васильевна была сильно взволнована.

— Я тебя серьезно, Тёма, прошу,—сказала она, позвавъ сына на свою половину,—оставить всякія общенія съ мужиками: вы можете себѣ здѣсь хоть весь міръ вверхъ ногами ставить, но ты видишь уже послѣдствія вашихъ неосторожныхъ разговоровъ. Полторы тысячи рублей въ этомъ году дохода уже нѣтъ. Эта скирда предназначалась для приданаго Зины.

— Какое же приданое, когда у нея и жениха-то еще нѣтъ?

— Ты до глупости доходишь со своими вѣчными разсужденіями,—я больна отъ нихъ. Пойми же наконецъ, что они несносны! Ты просто глупѣешь отъ этого вѣчнаго напряженія обо всемъ разсуждать, разсуждать во что бы то ни стало. Пойми же наконецъ, что нѣтъ несноснѣе, нѣтъ отвратительнѣе, нѣтъ пошлѣе наконецъ человѣка, всю жизнь изощряющагося надъ безплодными рѣшеніями вопросовъ. Корневъ хоть за чужой счетъ это дѣлаетъ, а ты вѣдь прямо за счетъ своей матери, сестеръ... Эгоистъ! Уходи! Я не хочу тебя видѣть.

Голосъ Аглаиды Васильевны дрожалъ. Она огорченно смотрѣла вслѣдъ своему растерянно уходившему сыну. Ей и жаль было его и досадно.

— Теорія, теорія... основанная прежде всего на томъ, чтобъ для спасенія чужихъ — своихъ самыхъ близкихъ губить. Отвратительный эгоизмъ.

И, несмотря на то, что Аглаида Васильевна была теперь совершенно одна и некому ей было возражать, она еще страстнѣе повторяла, какъ бы настаивая предъ самой собой:

— Отвратительная теорія! Эгоистическая, грубая, несущая съ собой подрывъ всего... Нѣтъ, нѣтъ, Богъ съ нимъ, съ такимъ развитіемъ!

Чтобъ успокоиться, она взяла лежавшее на столѣ Евангеліе, сѣла въ кресло и начала перелистывать книгу. Она открыла главу 19 отъ Матѳея о богатомъ юношѣ: „Іисусъ сказалъ ему: „если хочешь быть совершеннымъ, пойди, продай имѣніе свое и раздай нищимъ; и будешь имѣть сокровище на небесахъ; и приходи и слѣдуй за мной“. Услышавъ слово сіе, юноша отошелъ съ печалью, потому что у него было большое имѣніе“. Аглаида Васильевна вздохнула, откинула нѣсколько страницъ и прочла изъ главы 15 Матѳея: „Лицемѣры! Хорошо пророчествовалъ о васъ Исаія, говоря: приближаются ко Мнѣ люди сіи устами своими и чтутъ Меня языкомъ; сердце же ихъ далеко отстоитъ отъ Меня... Всякое растеніе, которое не Отецъ Мой Небесный насадилъ, искоренится; оставьте ихъ; они слѣпые вожди слѣпыхъ; а если слѣпой ведетъ слѣпого, то оба упадутъ въ яму“. Она еще откинула нѣсколько страницъ назадъ и прочла изъ главы 10: „Не берите съ собой ни золота, ни серебра, ни мѣди въ поясы свои, ни сумы на дорогу, ни двухъ одеждъ, ни обуви, ни посоха. Ибо трудящійся достоинъ пропитанія... И враги человѣку домашніе его. Кто любитъ отца или мать болѣе, нежели Меня, не достоинъ Меня... И кто не беретъ креста своего и слѣдуетъ за Мной, тотъ не достоинъ Меня. Сберегшій душу свою потеряетъ ее“.

Подъ впечатлѣніемъ послѣднихъ событій и постоянныхъ разговоровъ съ сыномъ и Корневымъ, Аглаида Васильевна, тысячу разъ читавшая всѣ эти листы, на этотъ разъ читала ихъ съ особеннымъ, все усиливавшимся впечатлѣніемъ искренно вѣрующей женщины.

„Судьбы Божіи неисповѣдимы... конечно, въ будущихъ вѣкахъ человѣческой жизни“,—думала Аглаида Васильевна.

И вдругъ у нея мелькнула мысль, что, можетъ-быть, настоящее уже есть начало этихъ вѣковъ. Точно поднятая какой-то посторонней силой она встала и долго, потрясенная, смотрѣла на святой образъ скорбно Поникшаго предъ грѣхами міра.

— Господи, Ты милостивъ! — воскликнула она съ глубокой вѣрой. — Если Ты, Всемогущій, во власти Котораго однимъ помысломъ уничтожить міръ и міры міровъ, пославъ Своего Единороднаго Сына, не возложилъ на Него исполненіе Твоихъ Завѣтовъ, а только предначерталъ, то и отъ насъ, ничтожныхъ, отстрани чашу сію: непосильна она... Нѣтъ, непосильна, — убѣжденно повторила она уже самой себѣ.

Вошла Таня и, остановившись у дверей, тихо плакала.

— Что тебѣ? — спросила Аглаида Васильевна.

— Дядя заболѣлъ.

Тихонъ былъ братъ матери Тани. Онъ же и воспиталъ ее, когда она осталась бездомной сироткой. Таня любила его и теряла въ немъ послѣдняго близкаго человѣка.

— Заболѣлъ? — спросила озабоченно Аглаида Васильевна.

— Сейчасъ понесли изъ кухни. Ой, Боже жъ мой!

— Третій припадокъ... да, — безсильно проговорила Аглаида Васильевна.

Таня громко застонала и стала качаться, утираясь передникомъ. Съ нея сразу слетѣлъ городской лоскъ.

— Полно, полно, — успокаивала Аглаида Васильевна и горячо поцѣловала Таню въ лобъ. — Ну, что жъ дѣлать! Я тебѣ такая же родная... была и всегда буду.

Таня, вытирая слезы, поцѣловала руку Аглаиды Васильевны.

— Иди къ нему... Одарка пусть за тебя побудетъ въ комнатахъ.

Таня ушла. Вошла Наташа и не то сконфуженно, не то устало присѣла.

— И Одарка плачетъ! — махнула она рукой.

— Съ гой что?

— Кононъ пропалъ...

— Ну! — сдѣлала рѣзкій жестъ Аглаида Васильевна.

— Я знала, что Тихонъ умретъ, — скривила Наташа лицо въ свою обычную гримасу боли.

— О, Господи, какъ я не люблю, когда ты каркаешь.

Наташа съ самаго дѣтства составила себѣ репутацію Кассандры. На этотъ разъ Аглаидѣ Васильевнѣ былъ непріятнѣе обыкновеннаго этотъ даръ Наташи

— Чѣмъ я виновата, — усмѣхнулась Наташа. — Снилось мнѣ, что я умерла...

— Долго жить будешь.

— Да я-то буду... Я всѣхъ переживу.

— Ты, въ самомъ дѣлѣ, Наташа, воображаешь себя провидящей!

— Да вѣдь это помимо меня: я не успѣла еще и подумать, а уже сказала.

— Это можно развить въ себѣ до опасныхъ размѣровъ. Не хочу слушать твоего сна.

— Какъ хочешь, — лѣниво усмѣхнулась Наташа.

— Ну, что же? — спросила Аглаида Васильевна, помолчавъ.

— Умерла и иду по тому свѣту... Какая-то гостиная... обыкновенная сѣрая мебель, люди какіе-то... Я все иду, отворила дверь... Три двери: одна посрединѣ въ углубленьи, и прямо въ нее красный огонь падаетъ, а двѣ поменьше по бокамъ... И такой яркій красный свѣтъ отъ фонаря прямо туда въ углубленье... Я иду и знаю, что въ какую дверь попаду, отъ того и вся судьба зависитъ, и иду прямо въ среднюю. Отворила, никого... тихо... Я подумала: вотъ здѣсь уже настоящій конецъ жизни. Вдругъ вижу: подходитъ кто-то ко мнѣ и спрашиваетъ: „куда ты идешь?“ И опять я знаю, что отъ этого вопроса все зависитъ: въ рай я попаду или въ адъ. А этотъ, который спрашивалъ, наклонился и смотритъ на меня. И я не знаю — чортъ онъ или ангелъ. И мнѣ хочется любить его и боюсь... и плачу. А онъ такъ ласково на меня смотритъ. „О чемъ ты плачешь?“ Я говорю: „не знаю“. Онъ наклонился ко мнѣ и спрашиваетъ: „хочешь сюда?..“ Это мы вчера Жанну д'Аркъ читали, и все это перепуталось... Я говорю: „хочу“. Онъ отдернулъ занавѣску, и я вижу, пропасть народу сидитъ на скамейкахъ... Я стала на колѣни, скрестила руки и стою. Вдругъ встаетъ Тихонъ и говоритъ: „я знаю ее — это юродивая“.

Аглаида Васильевна мелькомъ взглянула на дочь и опять отвела глаза.

— Я стою и думаю: какая же я юродивая? А Тихонъ смотритъ мнѣ строго въ глаза... И я смотрю и думаю: если

я скажу, что я не юродивая — Тихонъ пропалъ; скажу я, что юродивая — я пропала... И не знаю, что мнѣ дѣлать... Стою, стою... кто-то говоритъ: „нѣтъ, это не Жанна д'Аркъ"... и вдругъ я куда-то провалилась. Провалилась и лежу тихо. И кто-то прямо мнѣ на ухо: „Тихонъ умеръ". Я открыла глаза — утро.

Наташа вздохнула и уставилась глазами въ окно.

— Это мы вчера говорили, читали, все это перемѣшалось...

— Все это оттого, — сказала Аглаида Васильевна, — что вы долго по ночамъ засиживаетесь. Я тебѣ запрещаю позже 11 часовъ сидѣть. Вмѣсто того, чтобы за лѣто поправить здоровье, — ты посмотри, на что ты стала похожа... Да мнѣ и не нравятся всѣ ваши разговоры: вы слишкомъ дѣти еще, чтобы вмѣшиваться въ дѣла, въ которыхъ вы ничего не понимаете. Корневъ разыгрываетъ изъ себя большого и не замѣчаетъ, что только смѣшонъ со своими претензіями.

— Онъ безъ всякихъ претензій.

— Не онъ, а ты безъ всякой критической способности... Надо пріучаться разбирать людей, потому что нѣтъ отвратительнѣе и глупѣе человѣка, который ходитъ съ добровольно закрытыми глазами.

Наташа напряженно слушала. По ея лицу разлилось выраженіе недоумѣнія и огорченія.

— Дѣти, которыя въ пороховомъ складѣ бѣгаютъ съ огнемъ въ рукахъ и радуются... Полутора тысячъ въ этомъ году нѣтъ... Откуда я ихъ возьму? Осенью въ банкъ... въ городъ... Зина не-сегодня-завтра невѣста... Откуда же я возьму... А имъ точно праздникъ...

Голосъ Аглаиды Васильевны оборвался. Наташа бросилась къ ней и стала горячо цѣловать ей руки и лицо.

— Я знаю, знаю... что всѣ вы любящіе, но, пока доберешься до вашего сердца...

Аглаида Васильевна проглотила новыя слезы.

— Сегодня Тёма стоитъ передо мной: точно я ему самая чужая... Глупый мальчикъ... Позови его...

XVI.

Какъ-то черезъ нѣсколько дней, подъ вечеръ, отъ умирающаго Тихона прислали за Аглаидой Васильевной. Она пошла съ сыномъ. Карташевъ шелъ задумчивый, съ какой-то пустотой въ головѣ и сердцѣ. Въ бѣлой хаткѣ съ желтой печкой, желтымъ поломъ, лежалъ подъ образами Тихонъ. Отецъ Даніилъ торопливо и угрюмо свертывалъ у окна дары.

— Позволилъ себѣ обезпокоить для успокоенія умираю-

щаго, — сказалъ онъ, угрюмо подходя къ Аглаидѣ Васильевнѣ.

— Благословите, отецъ, — отвѣтила она и, когда священникъ сдѣлалъ крестъ, приложилась къ его старой рукѣ. Отецъ Даніилъ болѣе мягко проговорилъ, понижая голосъ:

— Желаетъ повиниться передъ вами... Прощайте ненавидящимъ васъ...

У ногъ Тихона стояла испуганная Таня съ заплаканными глазами, подпершись рукой.

— Лишніе свидѣтели, удалитесь, — распорядился о. Даніилъ.

Карташевъ нерѣшительно стоялъ, когда Аглаида Васильевна, подойдя къ Тихону, поманила сына. Тихонъ сдѣлалъ движеніе, какъ бы желая освободиться или распустить что-то, сжимавшее его шею. Послѣ этого движенія онъ долго и неподвижно смотрѣлъ въ глаза Аглаидѣ Васильевнѣ.

— Ты хотѣлъ мнѣ что-то сказать? — спросила она, наклоняясь къ умирающему.

— Хотѣлъ,—мучительно-тихо прохрипѣлъ Тихонъ. Аглаида Васильевна поняла, что ему трудно говорить.

— О Танѣ не заботься: она всю жизнь у насъ жила, и я не оставлю ея.

— Одна, — прошепталъ Тихонъ.

— Знаю... знаю, что негодяй обманулъ ее...

Тихонъ тоскливо кивнулъ головой.

— Знаю, что сынъ есть. Буду и о немъ заботиться...

Аглаида Васильевна выпрямилась и опять наклонилась.

— Будь спокоенъ: Господь слышитъ нашъ разговоръ.

Она опять выпрямилась и какъ бы не то утверждала выраженіемъ лица, не то спрашивала: все? Тихонъ мучительно поднималъ на нее глаза

— Грѣшенъ, — прошепталъ онъ.

— Всѣ мы грѣшны, — наклонилась опять Аглаида Васильевна.

— За добродѣтель вашу... окаянный... — судорожно заметался Тихонъ, — сжегъ...

Глаза Тихона съ ужасомъ раскрылись и застыли на Аглаидѣ Васильевнѣ. Она не то отшатнулась, не то поднялась, чтобы лучше сообразить.

— Скирду сжегъ? — спросила она жестко.

Аглаида Васильевна, обводя сына ледянымъ взоромъ, смотрѣла въ окно.

— Что тебя побудило? — Она съ отвращеніемъ скользнула взглядомъ по жалкому лицу Тихона.

Воцарилось напряженное молчаніе. Тихонъ мучительно пе-

реводилъ глаза съ потолка на полъ и на стѣны. Карташевъ съежился и испуганно смотрѣлъ на мать. „Прощайте ненавидящимъ васъ“ — пронеслось въ головѣ Аглаиды Васильевны, и горячій огонь боли и протеста загорѣлся въ ея глазахъ.

— Дьяволъ, — прошепталъ Тихонъ: — всю жизнь смущалъ...

Тихонъ тоскливо заметался и рвалъ воротъ рубахи Его желтая волосатая грудь, впалый потный животъ обнажились.

„Умираетъ!“ — мелькнуло въ головѣ Аглаиды Васильевны.

— Прощаю тебя... и пусть и Господь тебя проститъ.

Тихонъ сдѣлалъ нетерпѣливую, судорожную, мучительную гримасу.

— Говори за мной: не яко Іуда, но яко разбойникъ...

Тихонъ рванулся, глаза его выпятились и замерли на Аглаидѣ Васильевнѣ.

— Умеръ, — оборвала Аглаида Васильевна.

Таня съ неестественнымъ воплемъ бросилась къ трупу.

Мать и сынъ возвращались домой.

Карташевъ въ первый разъ измѣнилъ своему обыкновенію не критиковать матери.

— Это была какъ будто совершенно чужая для меня женщина, — говорилъ онъ Корневу, лежа съ нимъ въ своей комнатѣ. — Ужасно странное и тяжелое впечатлѣніе.. Какая гадость, въ сущности, весь этотъ матеріальный вопросъ: мать и добрая, и честная, и любящая... И его страхъ; кажется, чего бояться человѣку? Все кончено, а точно вотъ прокуроръ пріѣхалъ... Одарка! — высунулся Карташевъ изъ окна, увидѣвъ Одарку. — Кононъ ни въ чемъ не виноватъ... Тихонъ признался... Умеръ уже...

Одарка остановилась на мгновенье, подняла на Карташева глаза, опять опустила и тихо пошла. Но, пройдя немного, она остановилась, опять вскинула глазами на Карташева и, скрывъ охватившую ее радость, преодолѣвая стыдливость, спросила:

— А чи то жъ правда, панычику?

— Правда... я самъ слышалъ.

Одарка ушла, а Карташевъ долго смотрѣлъ ей вслѣдъ. Корневъ лежалъ и усиленнѣе обыкновеннаго грызъ свои ногти. Карташевъ тоже раскисъ и уныло, безцѣльно смотрѣлъ въ пространство.

— Мы черезъ недѣлю въ городъ ѣдемъ, — заглянула Маня.

Корневъ и Карташевъ вскочили.

— Вотъ какъ! — изумился Корневъ.

— Это вы виноваты, — тихо, съ упрекомъ бросила ему, убѣгая, Маня.

— Вотъ какъ! — повторилъ, нахохлившись, Корневъ.

— Экую чушь Маня говоритъ, — сказалъ Карташевъ. — Я сейчасъ узнàю, въ чемъ дѣло.

— Не ходи къ мамѣ, — остановила Зина. — Мама разстроена.

— Правда, что черезъ недѣлю мы ѣдемъ? Отчего?

— Оттого... Мама говорила, — и отъ интонаціи сестры Карташеву сдѣлалось вдругъ жутко, — что вы съ Корневымъ, въ концѣ концовъ, что-нибудь такое сдѣлаете, что совсѣмъ ее скомпрометируете.

— Какія глупости! — съ непонятной для него самого тревогой сказалъ Карташевъ.

— Вотъ и глупости...

— Ѣдемъ? — спросилъ, подходя, Корневъ.

— Ѣдемъ, — отвѣтила Зина.

— Ну, и тѣмъ лучше, — махнулъ рукой Корневъ. — Какая же причина?

— Мама хочетъ нѣсколько морскихъ ваннъ взять.

— Н-да...

— Это Маня ему сказала, что онъ причина отъѣзда, — сказалъ Карташевъ.

— Какія глупости!

Корневъ пытливо впился въ Зину.

— Она пошутила...

— Нѣтъ, да, конечно, это ерунда, — поддержалъ Карташевъ: — мать такъ любитъ тебя.

— Навѣрно ерунда: я ужъ тамъ была...

— Мнѣ самому странно, что я могъ навлечь гнѣвъ... я, кажется...

— Ахъ, какая эта Маня! И выдумаетъ же... Постойте, я сейчасъ ее приведу...

— Да нѣтъ, зачѣмъ...

Но Зина ушла и возвратилась назадъ съ Маней. Корневъ уже издалека услышалъ ея „кар“.

— Ну? — говорила, входя, Зина, обращаясь къ Манѣ.

— Я жъ вамъ сказала, что изъ-за васъ.

Маня, вытянувъ шейку, заглянула весело въ глаза Корнева.

— Ну что̀ жъ... очень жаль... — развелъ онъ руками, и въ голосѣ его зазвучало искреннее огорченіе.

— Маня, что̀ же ты дѣлаешь? — разсердилась Зина.

— Ну что̀ жъ я могу тутъ, когда и мнѣ тоже жаль, — отвѣтила Маня и убѣжала.

— Капризничаетъ... на нее какъ найдетъ.

— Нѣтъ, да я вѣдь не вѣрю...

Часа черезъ два на дорожкѣ въ саду Корневу попалась Маня съ заплаканными глазами и быстро скрылась...

Черезъ недѣлю — за три недѣли до назначеннаго раньше срока — въ лунную, яркую ночь длинный рядъ экипажей, повозокъ, тарантасовъ двигался въ ровной степи, поспѣвая къ поѣзду.

Корневъ и Карташевъ добровольными изгнанниками ѣхали въ тарантасѣ, въ ворохѣ свѣжаго сѣна.

Звенитъ и побрякиваетъ тарантасъ, летитъ пыль изъ-подъ высокихъ колесъ, садится на лицо, шею и спину, садится на сѣно, забивается вглубь его и пыльнымъ сухимъ ароматомъ щекочетъ ноздри; тянетъ въ степь, и рисуется она въ послѣдній разъ неподвижной, безмолвной, приникшей къ дорогѣ: собралась вся и смотритъ, задумчивая, вслѣдъ убѣгающимъ экипажамъ.

Теплымъ ласкаетъ золотая луна и далекую степь и дорогу. Дремлетъ высокій тополь и смотритъ въ край пыльной дороги; скрипятъ его старые корни и поютъ старыя пѣсни. Разгоняя тоску, запѣлъ и Корневъ:

Гей, выводите, та и выводите
Тай на ту высоку могилу...

И Карташевъ затянулъ.

— Можно къ вамъ? — тоскливо просится Наташа изъ передняго экипажа.

— Можно, — кричитъ Корневъ.

Лошади остановились, и Корневъ хлопнулъ Карташева по плечу.

— Эхъ, Тёмка, не тужи.

XVII.

Карташевы пріѣхали въ городъ въ самую жаркую пору — въ концѣ іюля, въ самый полдень.

Жестокое солнце юга, казалось, сожгло весь воздухъ, распалило камень мостовыхъ и домовъ, залило все своими ослѣпительными лучами, и въ зноѣ, духотѣ и грохотѣ только далекая яркая синева моря дразнила прохладой, покоемъ и манила къ себѣ.

Всѣ были не въ духѣ, уныло ѣхали съ вокзала, смотрѣли по сторонамъ и по спинамъ пыльныхъ парусинныхъ армяковъ извозчиковъ читали всю скучную исторію городского лѣта.

Карташевъ, прищурившись, кое-какъ сидя на передней скамейкѣ, смотрѣлъ въ море, и все то смутное, что связывало

его и съ городомъ и съ гимназіей, проносилось безъ образовъ, щемило, тревожило сердце чѣмъ-то непріятнымъ, неспокойнымъ, суля въ то же время и новое, что-то неизвѣданное еще. Карташевъ пригнулъ голову и вздохнулъ всей грудью, — была деревня, теперь городъ: куда-то тянетъ, а на душѣ пусто и скучно.

Аглаида Васильевна давно уже не жила въ собственномъ домѣ. Домъ этотъ былъ отдаленъ отъ центра города, гдѣ сосредоточивались всѣ учебныя заведенія, да и страшно было ей, одной женщинѣ, безъ взрослаго мужчины, жить въ такой глуши. Поэтому она его сдавала, а сама нанимала квартиру въ центрѣ города. Но въ этомъ году, такъ какъ городская квартира ремонтировалась, а свой домъ пустовалъ, она рѣшила провести конецъ лѣта въ своемъ собственномъ домѣ.

Со смерти отца почти никто не заглядывалъ въ свой домъ, и теперь, войдя, всѣ были живо охвачены прошлымъ. Казалось, ничего не перемѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ они всѣ дѣтьми жили здѣсь. Вотъ дѣтская, здѣсь стояли ихъ кроватки, маленькая комната — Тёминъ карцеръ и комната ихъ занятій. Кабинетъ все такой же непривѣтливый, большой и мрачный. Рука времени коснулась всего, — разсохлись двери, выцвѣли полы и краска стѣнъ, и шаги такъ глухо и тоскливо отдаются въ домѣ. Вотъ темная передняя и лѣстница въ кухню. Рисуется въ воображеніи выглядывающая оттуда фигура толстой Настасьи и изъ-за нея рябое толстое лицо Іоськи. Настасья умерла, Іоська въ ученьи, постоянно убѣгаетъ, его ловятъ и бьютъ. Терраса и садъ запущенный, рѣдкій и пыльный. Горка... какая маленькая она, и бесѣдка на ней, въ воспоминаніи такая нарядная, высокая, теперь покосилась, выцвѣла, и добраться до нея всего нѣсколько шаговъ по откосу. А вотъ вдоль глухой стѣны длиннаго сарая виноградъ, и даже кое-гдѣ грозди чауса, а вотъ и кладбищенская стѣна и тотъ глухой уголъ со старымъ колодцемъ, который такъ часто снился во снѣ и всегда казался тогда такимъ безконечнымъ и путаннымъ мѣстомъ. Теперь это все какъ на ладони, и однимъ взглядомъ охватывается вся прожитая жизнь. Тамъ, за этой стѣной вѣчнымъ сномъ спитъ папа: добрый, но сѣкъ, и память рвется на этомъ: пусто и скучно. Таня идетъ... Ничего въ ней не перемѣнилось... Нѣтъ, измѣнилось: Таня мать. Это такъ странно, такъ не вяжется съ спокойной, уравновѣшенной Таней... Что тамъ у нея въ душѣ? Если бъ онъ вдругъ заглянулъ ей въ душу, въ тотъ таинственный міръ ея, который такъ искусно скрываетъ она отъ глазъ постороннихъ. Какъ жаль, что случилось съ

ней все это. Если бъ она моложе была, онъ кончилъ бы курсъ, женился на ней и уѣхалъ бы съ ней туда, гдѣ ихъ никто не знаетъ...

„Не женился бы“, — пронеслась непріятная мысль, упершаяся во всевозможныя препятствія его житейской обстановки, и взамѣнъ этой мысли мелькнула другая, жутко охватившая его: устроиться на время жизни въ этомъ домѣ въ отдаленномъ кабинетѣ отца. Онъ не захотѣлъ останавливаться на этой мысли и безъ цѣли пошелъ дальше.

Онъ забрался въ кабинетъ и попробовалъ почитать; взялъ какую-то книгу, легъ на диванъ и началъ читать.

„Посвящая свой журналъ гражданской жизни, наукѣ и искусству, Берне прямо заявляетъ читателю, что не будетъ слѣдовать примѣру такъ называемыхъ умѣренныхъ писателей, которые вѣчно боятся называть вещи по именамъ, осторожно стараясь проходить даже между гнилыми яйцами. Безстрастія объективизма при обсужденіи тѣхъ золъ, на какія ему придется наталкиваться, онъ не обѣщаетъ. Нельзя требовать отъ писателя, чтобъ онъ безъ ненависти и любви, возносясь надъ тучами эгоизма, слышалъ грозу подъ собой“.

Карташевъ опустилъ книгу и задумался надъ тѣмъ, что, въ сущности, жизнь глупая и скучная штука. И еще глупѣе и скучнѣе становится, когда читаешь такія книги, въ которыхъ куда-то зовутъ, на какую-то другую жизнь, а кончишь читать, и точно съ неба спустился: никакой такой другой жизни и въ заводѣ нѣтъ, — идетъ, какъ идетъ, и вся такъ день за днемъ...

Карташевъ нетерпѣливо перевернулся къ спинкѣ дивана и сталъ смотрѣть въ упоръ на клеенчатую обивку.

„Если бъ я выросъ гдѣ-нибудь въ совершенно особенной обстановкѣ... ну, хоть нашли бы меня гдѣ-нибудь на дорогѣ... я бы тогда былъ свободенъ: что захотѣлъ бы — то и сдѣлалъ“. Онъ сталъ мечтать о томъ, что бы онъ сдѣлалъ: поселился бы въ деревнѣ, оставилъ бы себѣ кусокъ земли, остальную бы отдалъ крестьянамъ. Онъ подумалъ, что у него, бобыля, тогда бы и земли не было... Ну, положимъ, меня какой-нибудь богачъ нашелъ и оставилъ мнѣ.

— Тёма, мама спрашиваетъ, ты въ какой комнатѣ хочешь устроиться? — спросила, заглянувъ, Зина.

— Въ какой комнатѣ? — протянулъ Карташевъ. — Здѣсь въ кабинетѣ.

— Кабинетъ для дѣвочекъ.

— Въ такомъ случаѣ гдѣ жъ? — вспыхнулъ Карташевъ, угадывая назначенную ему маленькую комнату съ един-

ственнымъ выходомъ въ столовую, куда выходила и спальня матери.

— Въ маленькой или въ бывшей дѣтской — тогда Сережа съ тобой будетъ.

— Я съ Сережей не хочу.

— Значитъ, въ маленькой.

— Я въ бесѣдкѣ буду.

— Тёма, ну что̀ ты ребенка изъ себя разыгрываешь?

Карташевъ молча закрылъ глаза.

— Тёма? — нетерпѣливо спросила Зина.

— Ну, подохните вы всѣ.

— Тёма?!

Это было такъ неожиданно, такъ грубо и оскорбительно, что Зина только поспѣшно затворила дверь и, униженная, оскорбленная, ушла къ матери.

— Тёма съ ума сошелъ,—растерянно проговорила она.— Я его спрашиваю, гдѣ онъ хочетъ, чтобъ была его комната, а онъ...

Голосъ Зины вдругъ дрогнулъ.

— Служанкамъ такъ не говорятъ.

Она совсѣмъ оборвалась, отвернулась къ окну, и слезы закапали по ея щекамъ.

Долго билась съ ней Аглаида Васильевна, пока наконецъ Зина разсказала, въ чемъ дѣло. Аглаида Васильевна была такъ же поражена, такъ же ничего не поняла, какъ и ея дочь. Ей ясно было одно: Тёма дѣлался совсѣмъ непохожимъ на прежняго Тёму. У нея давно накипѣло, и давно она подбиралась къ сыну.

— Я никогда себѣ не прощу, что пригласила Ковнева въ деревню... Тёма совершенно отбился отъ рукъ.

Глаза Аглаиды Васильевны гнѣвно сверкнули.

— Посмотримъ!

Она нѣсколько разъ прошла по столовой, вошла въ гостиную и, тамъ сдѣлавъ нѣсколько туровъ, отправилась къ сыну.

Карташевъ лежалъ и тупо ждалъ. Онъ зналъ, что даромъ ему это не пройдетъ, и злость охватывала его.

Вошла Аглаида Васильевна, чужая и неприступная.

— Ты съ ума сошелъ?

— Нѣтъ,—пренебрежительно и равнодушно отвѣтилъ Карташевъ.

Аглаида Васильевна смѣрила сына глазами.

— Я имѣла несчастье воспитать какого-то урода... Сію секунду вонъ изъ моего дома...

— И уйду,—фыркнулъ Карташевъ.

— Такъ вотъ какъ,—задыхаясь, произнесла Аглаида Васильевна.

Она стояла возмущенная, пораженная, и въ то же время какой-то страхъ охватывалъ ее.

Карташева больше всего смутилъ этотъ страхъ: онъ и самъ испугался вдругъ себя и заговорилъ мягко и горячо:

— Мама, можетъ-быть, вы не сознаёте сами, но вѣдь вы же, дѣйствительно, хватаете меня такъ за горло, что я дышать не могу... Вѣдь эта маленькая комната ни больше ни меньше, какъ контроль... Вѣдь я же мужчина...

— Что̀ такое?! Это еще что̀? Какой ты мужчина? Да нѣтъ, ты, дѣйствительно, боленъ? Дай голову.

Аглаида Васильевна приложила руку къ его лбу.

— Не боленъ я... Тоскливо отъ всей этой комедіи,—проговорилъ Карташевъ.

Аглаида Васильевна опять приняла свой неприступный видъ.

— Послушай, Тёма, это все такъ ужасно... Такъ не похоже на тебя, что... или я должна все забыть сейчасъ же, или это никогда не забудется.

„Никогда“ рѣзко треснуло въ воздухѣ.

— Ты сейчасъ попросишь у Зины прощенья...

— Я у Зины не попрошу. За что?

— За что?

Аглаида Васильевна смотрѣла съ распущенной гримасой и раздраженно качала головой.

„Какая противная!“—подумалъ Карташевъ и отвернулся.

— Ну, такъ вонъ!

— Уйду!!—заревѣлъ вдругъ Карташевъ и, схвативъ со стола шапку, выскочилъ сперва въ переднюю, а оттуда во дворъ и на улицу.

Злоба, ненависть, униженіе, гнѣвъ душили его. Ему хотѣлось кричать, ругаться, онъ убѣгалъ отъ самого себя и только рычалъ по временамъ, издавая какой-то лошадиный звукъ. Какими-то волнами ходила по немъ злость и, когда подступала къ горлу, онъ чувствовалъ потребность бить, колотить, визжать и кусаться. Въ одинъ изъ такихъ приступовъ онъ изо всей силы впился зубами въ свою руку. Часа черезъ два все прошло, и Карташевъ почувствовалъ желаніе покончить со всей этой глупой исторіей. Глупо было все: и онъ, и мать, и вся жизнь дурацкая и глупая, но при упрямствѣ все могло выйти еще глупѣе. Въ такихъ случаяхъ требовалось быстрое раскаянье. Мысль о томъ, что онъ могъ бы, дѣйствительно, уйти изъ дома и жить хоть уроками, что ли, едва шевель-

нулась въ его мозгу: куда онъ пойдетъ и что онъ безъ обстановки семьи!

„Уѣду себѣ въ Петербургъ по окончаніи гимназіи—и Богъ съ ними“.

Съ стѣсненнымъ сердцемъ, сконфуженный и подавленный, юркнулъ онъ въ калитку, спросилъ вскользь, не смотря на встрѣтившуюся Маню, „гдѣ мама?“, и пошелъ, по ея указанію, въ бесѣдку.

Произошла одна изъ тѣхъ сценъ, которыя такъ ненавидѣлъ Карташевъ. Потупивъ глаза, угрюмо, но въ то же время стараясь придать голосу какую-то искренность, съ сознаніемъ своего униженія и презрѣнія одинаково и къ себѣ и къ матери, пробурчалъ:

— Мама, я больше не буду.

— Нѣтъ, теперь уже поздно.

Несмотря на всю рѣшительность этого „поздно“, Карташевъ зналъ отлично, что это „поздно“ ни больше ни меньше, какъ звукъ пустой. Зналъ, что послѣ этого „поздно“ начнется нотація и будетъ продолжаться цѣлый часъ.

Онъ стоялъ, слушалъ и презрительно щурился отъ разнаго рода громкихъ словъ, въ родѣ: „ты мнѣ не сынъ“, „я не желаю такого сына“—всѣхъ словъ, которыя существа вещей измѣнить не могутъ и обладаютъ обоюдоострымъ свойствомъ.

Мать говорила, не щадя краснорѣчія, и, конечно, меньше всего подозрѣвала, что сынъ ея въ это время сравнивалъ ее со старикомъ Неручевымъ. Когда послѣ нотаціи, по обыкновенію, онъ поцѣловалъ ея руку, онъ опять подумалъ: „такъ и Неручеву цѣловали руку“.

Онъ вышелъ изъ бесѣдки, раздраженно усмѣхнулся своему сравненію и медленно пошелъ въ отведенную ему маленькую комнату.

Ни одного намека не было сдѣлано со стороны матери, но сынъ былъ убѣжденъ въ томъ, что понималъ истинный смыслъ дѣйствій матери: она боялась, отпустивъ его въ кабинетъ, за его годы и за его сближеніе съ Таней.

Оба окна маленькой комнаты были открыты и выходили на террасу.

Карташевъ сидѣлъ на своей кровати, смотрѣлъ на эти окна, понималъ ихъ смыслъ, и никогда Таня не была такъ близка къ нему, какъ въ это мгновенье. Сближеніе теперь казалось не такъ недосягаемо; въ оскорбленномъ самолюбіи, въ мести кому-то за что-то искалось оправданіе, поводъ, кровь загоралась; подвигались сумерки, а съ ними и мысль о Танѣ принимала все болѣе и болѣе рельефный образъ. Ка-

залось, она здѣсь возлѣ него, и ужъ не униженіе и не месть, а тѣло семнадцатилѣтняго юноши предъявляло свои права.

Какой-то стонъ вдругъ вырвался изъ его груди, смутившій всѣхъ сидѣвшихъ въ столовой, и все опять стихло, а Карташевъ, затаивъ дыханіе, лежалъ, уткнувшись въ подушку, не смѣя ни шевелиться ни дышать.

Карташевъ такъ и заснулъ въ тотъ вечеръ, не раздѣваясь, и проснулся только утромъ. Переодѣвшись и напившись чаю, онъ рѣшилъ отправиться къ Корневу.

— Сережа,—крикнулъ онъ уже въ калиткѣ,—скажи мамѣ, что я пошелъ къ Корневу заниматься латинскимъ.

— Мама уже встала,—отвѣтилъ-было Сережа.

— Не встала,—увѣренно сказалъ Карташевъ и захлопнулъ за собой калитку.

У Корневыхъ все было по-старому. Въ дверяхъ беззвучно показалась Анна Степановна, сдѣлала свою добродушную гримасу и, проговоривъ свое „о!“, стояла и ждала, когда Карташевъ сброситъ пальто и подойдетъ къ ней.

— Вася, Маня,—крикнула она.

— А-а!—басомъ привѣтствовалъ Корневъ, появляясь изъ кабинета отца и на ходу застегивая свой пиджакъ:—милости просимъ.

Онъ съ удовольствіемъ пожалъ руку Карташеву, указалъ ему на кресло и самъ сѣлъ.

Выскочила Маня и, вспыхнувъ, радостно поздоровалась съ Карташевымъ.

Маня загорѣла, похудѣла и казалась еще привлекательнѣе.

— Ну, что̀, какъ?—спросилъ Корневъ.

— Слушайте, Карташевъ, отчего вы такъ рано пріѣхали въ городъ?—перебила Маня.

Карташевъ вопросительно посмотрѣлъ на Корнева.

— Ерунда все это,—сказалъ Корневъ:—знаешь вѣдь...

— Бунтовщики?—весело, понижая голосъ, спросила Маня.

Карташевъ разсмѣялся.

— Ерунда,—повторилъ Корневъ и принялся за ногти.

— Спасибо, что съ полиціей не доставили,—сдержанно вздохнула Анна Степановна, присаживаясь на стулъ.

Она посмотрѣла на Карташева, на сына, покачала головой, вздохнула и сказала:

— Голубчики мои, ученіе опять, латынь, да то, да другое, и Господь его зна, що такое, поки не выкрутятъ, не выкрутятъ все,—она слѣлала энергичный жестъ и махнула рукой.

— Ну-съ, какъ твои? Наталья Николаевна?

— Васенька изволили, кажется, найти прочное помѣщеніе своему сердцу?—разсмѣялась Маня.

— Манечка изволятъ, кажется, глупости съ утра говорить?— отвѣтилъ, покраснѣвъ, братъ.

Онъ всталъ, лѣниво, съ удовольствіемъ потянулся и, встряхнувшись, сказалъ:

— Ерунда все это... Черезъ двѣ недѣли переэкзаменовка— вы это чувствуете?

— Будемъ вмѣстѣ готовиться,—предложилъ Карташевъ.

— Съ удовольствіемъ.

— Скажи лучше—будемъ вмѣстѣ ничего не дѣлать,—разсмѣялась Маня.

— Напрасно: я съ сегодняшняго дня готовъ, такъ и дома сказалъ, что иду заниматься.

— Иначе бы не пустили?—спросила Маня.

Карташевъ небрежно проговорилъ:

— Ахъ, прошло то время золотое...

— Большой теперь?

— Слава гебѣ, Господи!

— Впрочемъ, слышала, курить разрѣшили? Вы съ какого класса начали?

— Съ третьяго.

— И Вася тоже?

— И Вася тоже.

Маня махнула рукой.

— Слушайте, Карташевъ, идемъ купаться.

— Съ удовольствіемъ... Хотя, собственно, я не взялъ съ собой денегъ...

— У насъ билеты есть въ купальню.

— Ты пойдешь?—обратилась она къ брату.

Корневъ подумалъ и спросилъ Карташева:

— Вѣдь воротишься?

— Слушайте, Карташевъ, вы обѣдаете у насъ, а вечеромъ мы къ вамъ.

— Отлично.

— Накомандовала, — добродушно произнесла, появляясь, Анна Степановна вслѣдъ убѣжавшей дочери:—куда?

— Теперь купаться,—отвѣтилъ Карташевъ, стоя съ фуражкой въ рукахъ въ ожиданіи Мани,—а потомъ къ вамъ обѣдать.

— Голубчикъ мой,—и Анна Степановна, обнявъ ладонями голову Карташева, поцѣловала его въ лобъ.

— Ну, ужъ мама не можетъ. Идемъ,—крикнула Маня, сверкнувъ весело, возбужденно на Карташева глазами.

Они опять шли по звонкимъ улицамъ въ трескѣ и духотѣ города, искали тѣни, щурились отъ яркихъ лучей и съ удовольствіемъ осматривали и встрѣчавшихся прохожихъ, и домá, и другъ друга.

— Я получила письмо отъ Рыльскаго...

Ничего новаго она ему не сообщила, и Рыльскій былъ гдѣ-то далеко, а Маня, возбужденная, довольная его обществомъ, шла рядомъ съ нимъ.

Они запрыгали по ступенькамъ широкой громадной лѣстницы бульвара и точно уже купались въ открывшемся просторѣ воздуха и моря.

Спустившись, они пошли вдоль пыльнаго сѣраго зданія. Скрылось море на мгновеніе и опять сверкнуло ужъ вплоть съ гаванями, съ лѣсомъ мачтъ, съ палатками купаленъ, съ бѣлыми рядами сохнущихъ простынь, съ ароматомъ моря.

— Вы мнѣ скажете правду?

— Скажу.

— Въ кого вы влюбились въ это лѣто?

— Хотѣлъ влюбиться, но она ужъ невѣста.

— Развѣ можно здѣсь хотѣть или не хотѣть.

— Можно,—безпечно отвѣтилъ Карташевъ.

— Нѣтъ, нельзя, Карташевъ. Вы были когда-нибудь влюблены?

— Я съ трехъ началъ влюбляться.

Изъ-за простынь вдругъ появилась фигура учителя математики съ его походкой заведенной куклы, съ его обычнымъ строгимъ взглядомъ темныхъ глазъ.

Карташевъ быстро, смущенно поклонился и, когда онъ прошелъ, спросилъ съ веселой тревогой Маню:

— Какъ вы думаете, слышалъ онъ?

Они оба разсмѣялись, онъ еще разъ оглянулся и сказалъ:

— Я думаю—онъ хотѣлъ бы быть на моемъ мѣстѣ.

— Въ какомъ смыслѣ?

— Гм... гм...—усмѣхнулся Карташевъ.

Они стояли на перекресткѣ подмостковъ, откуда расходились дорожки въ женское и мужское отдѣленія.

— Ну?

— Здравствуйте, — пренебрежительно, какъ бы зная, что такъ и будетъ, поздоровалась Зина, выходя изъ купальни. За нею шли Наташа, Маня и толстая кубышка Ася.

Зина поцѣловалась съ Корневой, а Наташа, добродушно прищурившись, спросила брата:

— Нашелъ?

— Что нашелъ?—спросила Корнева и покраснѣла.

Зина только кивнула головой, Наташа, смѣясь, поцѣловалась съ Корневой...

— Маня какъ выросла... похорошѣла,—съ какимъ-то оттѣнкомъ зависти замѣтила Корнева.—Мы вечеромъ сегодня къ вамъ хотѣли...

— Отлично,—отвѣтила Наташа и, обратившись къ брату, лукаво спросила:

— Ты тоже вечеромъ?

Зина только молча кивнула головой, какъ бы говоря: объ этомъ и спрашивать нечего.

— Вы однѣ?—спросилъ Карташевъ.

— Мама теплыя ванны береть.

— Что значитъ „нашелъ“?—спросила Корнева, когда прошли сестры Карташева.

Карташевъ только посмотрѣлъ на нее и, ничего не отвѣчая, улыбаясь, пошелъ по подмосткамъ въ свое отдѣленіе. Онъ шелъ и оглядывался, пока не столкнулся съ Сережей.

— Наши вышли?—спросилъ Сережа и, увидѣвъ исчезавшихъ за угломъ сестеръ, опрометью, озабоченно подбирая на ходу простыню, побѣжалъ за ними.

— Здравствуйте, Сережа,—окликнула его Маня Корнева.

Сережа только теперь ее замѣтилъ, вдругъ вспомнилъ что-то, какъ-то испуганно, смущенно поклонился и еще быстрѣе побѣжалъ.

— Въ гимназію поступаетъ,—крикнулъ Карташевъ.

— Что значитъ „нашелъ“?—повторила Корнева, исчезая въ купальнѣ.

Карташевъ шелъ, заглядывая въ номера; выбравъ свободный, вошелъ и затворилъ разсохнувшуюся, сколоченную изъ тонкихъ досокъ дверь. На него пахнуло сыростью и запахомъ гніющаго въ морѣ дерева. Сквозь рѣдкій полъ, тамъ внизу, безпокойно билась зажатая въ столбахъ купальни зеленопрозрачная волна. Ему вспомнился вдругъ вчерашній вечеръ, и непріятное чувство охватило его. Онъ быстро раздѣлся, обернулся до половины простыней и вышелъ на площадку. Онъ ходилъ по жаркимъ доскамъ площадки со слѣдами мокрыхъ ногъ на ней и разсматривалъ пальцы своихъ ногъ, распилывшихся на доскахъ. Онъ взобрался на самый край помоста двухсаженной высоты, съ котораго прыгали любители въ море, и сталъ смотрѣть въ женскую купальню, стараясь угадать между множествомъ бѣлыхъ рубашекъ Маню. Мимо него пробѣжалъ и съ разбѣгу кто-то бросился въ воду. Вода закипѣла, покрылась пѣной, и въ глубинѣ ея сверкнуло бѣлое тѣло, быстро выбиравшееся на поверхность.

— Здравствуйте,—прыгайте,—крикнулъ ему прыгнувшій, оказавшійся выпущеннымъ въ этомъ году въ студенты Шишко.

Шишко, толстый, съ черной стриженой головой, держалъ себя всегда насторожѣ и въ то же время какъ-то снисходительно.

Карташевъ прикрутилъ къ стойкѣ простыню, разбѣжался и тоже прыгнулъ.

— Вы перешли?—спросилъ Шишко, уплывая впередъ отъ Карташева.

— Передержка по-латыни, — отвѣтилъ, догоняя его, Карташевъ.

— Ну, это пустяки.

— Конечно.

— Говорятъ, восьмой классъ вамъ на шею посадятъ.

— Врядъ ли это коснется насъ,—спокойно отвѣтилъ Карташевъ.

— Говорятъ, и васъ коснется.

Шишко говорилъ съ какимъ-то непріятнымъ намекомъ въ голосѣ.

— Вы откуда слышали?—встревоженно спросилъ Карташевъ и поплылъ наотмашь, вслѣдствіе чего быстро догналъ Шишко.

Карташевъ плавалъ легко и быстро. Онъ плылъ быстро, и часть туловища его такъ выдвигалась изъ воды, что, казалось, стоило сдѣлать еще одно небольшое усиліе, и онъ пойдетъ по водѣ. Шишко плылъ грузно, по-жабьи, и только черная стриженая голова его торчала изъ воды. Онъ пренебрежительно фыркалъ на эту воду, которая заливала его ротъ, такъ фыркалъ, какъ будто эта вода позволяла себѣ какія-то непріятныя шутки съ нимъ, окончившимъ курсъ гимназіи и уже принятымъ безъ экзамена въ университетъ. Карташевъ, поровнявшись, во всѣ глаза съ завистью и тревогой смотрѣлъ на него: онъ хотѣлъ бы въ это мгновенье быть на его мѣстѣ: плыть такъ же грузно, фыркать и сознавать въ то же время, что онъ студентъ. Ахъ, подъ какой-то особенной планетой онъ родился, и даже это сладкозвучное имя „студентъ“, наперекоръ всему существовавшему порядку вещей, для него уже вотъ-вотъ готово еще куда-то отдалиться.

— Учитель математики мнѣ сказалъ.

Учитель математики! Да, въ его взглядѣ былъ этотъ отвѣтъ. Учитель математики съ нимъ говорилъ,—они стояли гдѣ-нибудь на площадкѣ купальни, говорилъ, какъ съ равнымъ, а на него этотъ учитель едва взглянулъ, и если при этомъ онъ еще слышалъ его слова... И восьмой классъ...

Шишко повернулъ назадъ, опрокинулся на спину и, лѣниво, безпечно упираясь ногами въ воду, поплылъ къ лѣст-

пицѣ: счастливый, безпечный Шишко! Есть на свѣтѣ и счастье и доля, не у него, Карташева, только! Господи, неужели же еще два года этой прозы и тоски гимназической? Этого обязательнаго сознанія своего мальчишества?

Карташевъ далеко уплылъ въ открытое море, и какой-то точкой мелькала его фигура въ блескѣ солнца и моря.

Онъ спохватился, что его ждетъ Корнева, и быстро поплылъ назадъ. Его все давила какая-то неволя.

„Въ чемъ мнѣ неволя?—старался разобраться онъ.—Вотъ этотъ моментъ я свободный человѣкъ. Эхъ, хорошо, если бы вдругъ судорога схватила: пошелъ бы на дно ключомъ и сладко уснулъ“.

Карташевъ мысленно измѣрилъ глубину подъ собой, ярко представилъ картину послѣдняго мгновенія и быстрѣе, безъ мысли, поплылъ къ берегу.

Когда онъ подплылъ къ лѣстницѣ, Шишко, уже одѣтый въ легкій франтоватый костюмъ, уходилъ, снисходительно, даже ласковымъ голосомъ крикнувъ ему:

— Прощайте.

— Прощайте,—отвѣтилъ ему Карташевъ такимъ тономъ, что Шишко остановился, подождалъ, пока Карташевъ поднялся, и протянулъ ему руку.

— Прощайте,—привѣтливо повторили они оба, и Карташевъ, торопливо обтираясь въ своемъ темномъ и сыромъ номерѣ, думалъ: „хорошій человѣкъ Шишко“.

— Что значитъ „нашелъ“?—настойчиво повторила Корнева, выходя изъ купальни и обращаясь къ ожидавшему ее Карташеву.

Съ мокрыми еще волосами, въ бареженомъ платьѣ, сквозь которое слегка сквозили ея бѣлоснѣжныя плечи и руки, Корнева была ослѣпительно свѣжа.

Такъ свѣжа, что Карташевъ не могъ безъ какой-то особенной боли смотрѣть въ ея влажные, блестящіе такой же свѣжестью глаза.

Корнева чувствовала свою власть надъ Карташевымъ, испытывала удовольствіе сознанія, жажду опредѣленія предѣловъ этой власти, и настойчиво повторяла, идя съ нимъ:

— Я хочу знать, что значитъ „нашелъ“... Нечего, нечего отвиливать: говорите прямо и сейчасъ... Карташевъ...

— Откуда я знаю...

— Карташевъ... я хочу... слышите? Не хотите?

— Я не знаю...

— Вы не хотите сдѣлать мнѣ пріятное

— Все, что хотите... Хотите, головой внизъ брошусь?

Карташевъ показалъ внизъ, по откосу бульварной лѣстницы.

— Противный! Не хочу съ вами говорить... Голубчикъ, Карташевъ... скажите...

— Хотите, головой внизъ брошусь?

— Уходите...

— Ну, откуда же я знаю...

— Не знаете? Честное слово?

— Не знаю,—избѣгая взгляда, уклоняясь отъ честнаго слова, говорилъ Карташевъ.

А Кораева все властнѣе смотрѣла на него, не сводя своихъ разгорѣвшихся глазъ, и, обжигая его, повторяла:

— Противный, противный, противный!

Карташевъ точно хмелѣлъ подъ ея взглядомъ. Какая-то горячая волна, огонь какой-то врывался изнутри, охватывалъ и жегъ. Было хорошо, глаза глубже проникали въ ея глаза, хотѣлось еще лучшаго до безумія, до боли, до крика.

Карташевъ вдругъ стремительно сжалъ свою прокушенную руку и мучительно сморщился отъ боли.

— Что съ вами?

Онъ натянуто, сконфуженно улыбнулся.

— У васъ такое лицо было... я боюсь васъ.

— Не бойтесь,—угрюмо вздохнулъ Карташевъ:—дураковъ никто не боится.

— Дураковъ?

— Вотъ такихъ дураковъ, какъ я.

— Я ничего не понимаю.

— Если бы вы хоть что-нибудь поняли,—только бы меня и видѣли...

Онъ сдѣлалъ неопредѣленное движеніе рукой.

— Какой вы странный...

— Иногда мнѣ хочется самого себя по зубамъ... по зубамъ.

— Да за что?

— Да вотъ такъ... за то, что я тряпка, дрянь, трусъ...

— Да что съ вами?

— Меня отецъ всегда называлъ тряпкой... Я кончу тѣмъ, что пойду въ монахи.

Корнева удивленно посмотрѣла на него.

— Слушайте, Карташевъ, это какой-то пунктъ помѣшательства всей вашей семьи...

Карташевъ вспыхнулъ и покраснѣлъ.

— Если бы я попалъ въ монахи, меня бы на третій день оттуда выгнали... Глупости все это,—кончу вотъ гимназію, удеру, только и видѣли меня... Я не люблю... Я никогда не люблю... Все здѣсь нехорошо, нехорошо...

Въ голосѣ его задрожали слезы, и онъ огорченно замолчалъ. Корнева, удивленная, притихшая, шла и смотрѣла на него.

— Я никогда васъ такимъ откровеннымъ не видала... У васъ у всѣхъ въ семьѣ есть какая-то гордость... даже вы вотъ нараспашку, а всегда молчите... а все-таки я всегда догадывалась, что у васъ, навѣрно, не все такъ хорошо, какъ кажется.

Карташевъ нерѣшительно смотрѣлъ передъ собой: ему было непріятно отъ своей откровенности и хотѣлось продолжать.

— Вы читали Гулливера, когда его лилипуты привязали за каждый волосъ? Вотъ и мнѣ кажется, что я такъ привязанъ. Покамѣстъ лежишь спокойно—не больно, а только поворотишься какъ-нибудь...

Карташевъ сдвинулъ брови,—на верху бульварной лѣстницы онъ разглядѣлъ фигуру поджидавшаго его брата Сережи.

— Ну, знаете, я думаю, Агланда Васильевна не лилипутъ.

Карташевъ, поровнявшійся въ это время съ Сережей, не отвѣчая, подошелъ къ брату.

Сережа приподнялся и на ухо тихо сказалъ:

— Мама тебя зоветъ.

— Гдѣ мама?—спросилъ тоже тихо старшій братъ.

— Тамъ, въ боковой аллеѣ.

— Хорошо,—громко отвѣтилъ Карташевъ и, подходя къ Корневой, озабоченно проговорилъ:

— Сегодня мнѣ надо съ матерью по дѣламъ.

— Обѣдать у насъ, значитъ, не будете?

— Нѣтъ,—съ сожалѣніемъ отвѣтилъ Карташевъ и, подумавъ, прибавилъ:

— Я ужъ подъ вечеръ, можетъ-быть... вмѣстѣ пойдемъ къ намъ.

— Куда жъ вы?

— Мать тутъ... у однихъ знакомыхъ.

— Прощайте.

Карташеву послышалось обидное сожалѣніе къ нему, и, недовольный еще больше собой за свою болтовню, сконфуженный, онъ зашагалъ въ обратную сторону отъ того мѣста, гдѣ сидѣла мать. Только когда Корнева скрылась за угломъ и не могла больше его видѣть, онъ повернулъ назадъ и пошелъ къ группѣ въ боковой аллеѣ, состоявшей изъ матери и сестеръ. Онъ шелъ, чувствуя и какую-то вину передъ матерью, чувствуя и какое-то раздраженіе; шелъ неудовле-

творенный и въ то же время усиленно работалъ надъ собой, гналъ всѣ мысли и старался принять спокойный, равнодушный видъ.

XVIII.

Берендя все лѣто провелъ въ городѣ. Онъ стоически переносилъ утомительную духоту города и, высокій, лучезарный въ своихъ длинныхъ волосахъ, съ подгибающимися колѣнками, съ уставленнымъ въ пространство взглядомъ своихъ желтовато-коричневыхъ глазъ, въ самую жару ежедневно отправлялся на урокъ въ противоположную часть города. Онъ точно не замѣчалъ палящихъ лучей, раскаленной улицы и, занятый высшими соображеніями, шагалъ никогда не справляясь съ тѣневой стороной: такимъ пустякамъ мѣста не было въ томъ мірѣ, гдѣ витали его мысли. Если иногда прозаично въ разгарѣ своего полета онъ наталкивался вдругъ то на ручную тачку торговки, то на вертляваго еврейчика въ своемъ упрощенномъ костюмѣ: штаны, жилетка съ хвостикомъ сзади отъ рубахи, то говорилъ при этомъ свое обычное. „О, чортъ возьми“, а если вдогонку ему неслось. „долговязый“, „желтоглазый“, то онъ прибавлялъ только шагу и, когда ругань стихала, опять уносился въ свой міръ.

Какъ истый философъ, Берендя старался проникнуть въ суть вещей и искалъ радикальныхъ рѣшеній. Сегодня онъ ломалъ голову подъ впечатлѣніемъ прочитаннаго по вопросамъ образованія и воспитанія. По его мнѣнію, существующее образованіе было слишкомъ расплывчато, безсодержательно, мало приспособлено къ пониманію живыхъ условій жизни и, вообще, больше заботилось о томъ, чтобы побольше набросать подъ ноги разныхъ препятствій къ достиженію цѣли—быть разумнымъ, самосознающимъ себя существомъ, чѣмъ стремилось къ этой цѣли. Обходя щекотливый вопросъ о вредѣ и пользѣ такихъ предметовъ, какъ, напримѣръ, древніе языки, Берендя разсуждалъ такъ: жизнь показываетъ намъ, что изъ тысячи обучающихся этой премудрости одинъ, можетъ-быть, превращаетъ предметы эти въ дѣйствительное орудіе, съ помощью котораго, роясь въ архивахъ отлетѣвшей жизни, провѣряетъ, выуживаетъ тамъ то, что̀ еще можно выудить. Для остальныхъ изученіе этихъ предметовъ можетъ имѣть значеніе только въ смыслѣ развитія памяти. Но классики не имѣли классиковъ, надъ которыми могли бы упражняться въ развитіи памяти: какъ ее ни развивай, всего не запомнишь,—для этого книги и существуютъ, и гораздо важнѣе другая способность человѣка: анализъ, критическое от-

ношеніе къ жизни и себѣ, самосознаніе. Память у всякаго человѣка есть, была и будетъ,—реалистъ и безъ латыни обладаетъ памятью, а правильной работы мысли, если она нужна (а нужна,—думалъ Берендя), безъ развитія ужъ никакъ не получишь.

Такимъ образомъ, не оскорбляя любителей древности, языки древніе являются, во всякомъ случаѣ, только спеціальнымъ знаніемъ и могутъ быть только ничтожнымъ подспорьемъ въ развитіи второстепенной способности человѣка.

Къ такимъ же спеціальнымъ знаніямъ Берендя относилъ и алгебру, геометрію и тригонометрію. Въ общеобразовательный курсъ, по его мнѣнію, должны были входить только самыя общія понятія объ этихъ предметахъ. Общеобразовательное заведеніе, думалъ Берендя, должно ограничиваться всего пятью классами, и пятнадцати лѣтъ юноша выбираетъ себѣ уже спеціальное занятіе, на которое Берендя опредѣлялъ пять лѣтъ. Свыше двадцати лѣтъ уже необязательно прохожденіе ученыхъ степеней, которыя составляютъ принадлежность исключительно уже ученаго міра.

На-завтра Берендя такъ же упрощенно дебатировалъ какой-нибудь вопросъ общественныхъ отношеній. И здѣсь все было просто и ясно, и оставалось только удивляться, почему люди все вертятся вокругъ да около и никакъ не желаютъ увидѣть то, что̀ при доброй волѣ не требовало бы и доказательствъ. Къ этому вопросу любилъ часто возвращаться Берендя и жадно читалъ всѣ книги на такую тему. Читалъ и добросовѣстно, съ любовью конспектировалъ, стараясь записывать поражавшія его мысли словами самого автора. Его радовало то, что его апріорные выводы совпадали и съ тѣмъ, что̀ онъ читалъ. Онъ разсуждалъ такъ: съ каждымъ отдѣльнымъ человѣкомъ всегда можно договориться до истины, и понятія о добрѣ и злѣ у большинства однозначащія, а между тѣмъ жизнь такъ слагается, что торжествуетъ далеко не всегда добро,—напротивъ, какъ разъ злое и господствуетъ. И въ этомъ господствѣ воля и сознаніе отдѣльнаго лица всегда безсильно уступятъ общему положенію дѣлъ. Сила, значитъ, не въ этомъ отдѣльномъ лицѣ, а въ тѣхъ условіяхъ общественной жизни, которыя, какъ хомутъ, не дадутъ своротить ни вправо ни влѣво. Отъ этого хомута все и зависитъ. Гдѣ-нибудь въ Турціи жизнь глохнетъ, потому что общественная форма жизни тамъ не хомутъ, а петля, мертвая петля, задыхаясь въ которой, люди безсильно бьются.

И глаза Беренди широко раскрывались, точно видѣлъ онъ передъ собою всѣхъ этихъ бьющихся и задыхающихся въ петлѣ турокъ.

Беренда жилъ отшельникомъ, и единственныя лица, съ которыми онъ довольно часто встрѣчался въ теченіе лѣта, были его пріятели-пропойцы—Петръ Семеновичъ и Василій Ивановичъ. Беренда любилъ дѣлиться съ ними своими мыслями. Василій Ивановичъ только блаженно смотрѣлъ, кивалъ головой и, если водки не было, засыпалъ. Петръ Семеновичъ, смотря по тому, была или нѣтъ водка, благодушно или раздраженно возражалъ.

— Суть въ томъ, — говорилъ онъ наставительно, — что человѣкъ по существу сволочь. Какой вы ему хомутъ ни придумывайте, не безпокойтесь, онъ тоже придумаетъ, какъ свалить на шею ближняго всю тяготу.

— Но... но...—возражалъ Беренда, прижимая убѣжденно по два пальца отъ каждой руки къ своей груди,—изъ этого не слѣдуетъ, что петля лучше хомута.

Петръ Семеновичъ только пренебрежительно махалъ рукой и отворачивался.

— Я... я... хочу сказать, что въ... одномъ самоусовершенствованіи т...толку нѣтъ... что... что жъ, усовершенствуешься... и на столбъ садиться?

Петръ Семеновичъ не удостаивалъ даже отвѣта и грузно кивалъ только головой.

— Ахъ, Петръ Семеновичъ! — просыпался на мгновеніе Василій Ивановичъ.

— Не... не знаю,—поматывая головой, съ снисходительнымъ самодовольствомъ говорилъ Беренда.

Иногда подъ вечеръ, на знакомомъ бульварѣ, если бывали деньги (главнымъ образомъ у Беренди), разговоръ пріятелей кончался выпивкой. Петръ Семеновичъ приносилъ полштофъ водки, хлѣба, свѣжихъ огурцовъ. Огурцы такъ вкусно хрустѣли на зубахъ, хлѣбъ казался ароматнѣе на свѣжемъ воздухѣ, и водка разливалась внутри такъ тепло и пріятно.

Беренда испытывалъ особое удовлетвореніе отъ сознанія, что теорія у него не расходится съ практикой. Онъ разсуждалъ: жизнь сводится къ борьбѣ. Всякій, кто пришелъ на землю, пришелъ не для удовольствія, а для труда. Есть трудъ производительный — это альтруистическій трудъ, и трудъ вредный — трудъ эгоиста, который думаетъ только о своемъ личномъ благѣ да о благѣ своихъ кровныхъ. Къ такого сорта людямъ Беренда относился съ обиднымъ пренебреженіемъ. Избавляло этихъ людей отъ чувства обиды только то обстоятельство, что они и не догадывались о существованіи презирающаго ихъ философа Беренди, а Беренда и подавно не искалъ ихъ общества.

Для успѣшной альтруистической борьбы, по мнѣнію Беренди, совпадавшему съ мнѣніемъ Моисеенко, необходимы были два оружія: одно—развитіе, т.-е. правильное пониманіе арены борьбы—съ кѣмъ именно надо бороться и какъ, другое оружіе—возможная независимость борца отъ общества. Первое оружіе пріобрѣтается путемъ работы надъ своимъ развитіемъ, второе—трудомъ въ смыслѣ заработка нужныхъ для жизни средствъ.

Чтобы не тратить на это много времени, нужно пріучать ограничивать свои потребности minimum'омъ. Чѣмъ меньше ихъ, тѣмъ независимѣе человѣкъ и тѣмъ справедливѣе его жизнь передъ остальнымъ обездоленнымъ человѣчествомъ. Матеріальныя лишенія съ избыткомъ окупаются конечною цѣлью, и чѣмъ она грандіознѣе, тѣмъ слаще тотъ черствый кусокъ, который онъ добровольно беретъ себѣ. Урокъ избавлялъ его отъ этой самой обидной и постыдной матеріальной зависимости. Трудъ чтенія былъ для него не трудомъ, а неисчерпаемымъ наслажденіемъ.

Уравновѣшенный, счастливый своей лѣтней жизнью въ этомъ отношеніи—въ другихъ отношеніяхъ Беренда былъ недоволенъ собой. Онъ пріучился со своими пріятелями пить водку. Онъ не разъ давалъ себѣ обѣщаніе бросить и не выдерживалъ. Въ сущности, выпивалъ онъ рюмку, двѣ, но онъ былъ наслѣдственный алкоголикъ, да и самый процессъ питья въ обществѣ опустившихся людей тяготилъ его.

Было еще одно обстоятельство, которое вдругъ какимъ-то темнымъ пятномъ выросло на лучезарномъ небосклонѣ Беренди. Напротивъ дома Беренди проживала нѣкая молодая дѣвушка, по имени Фроська. Фроська служила въ богатомъ мѣщанскомъ домѣ въ роли исполнительницы всевозможныхъ черныхъ работъ. Жирная, грязная, съ нечесаной косой и сальнымъ слѣдомъ отъ нея на спинѣ всегда грязной кофты, съ правильнымъ, но безцвѣтнымъ лицомъ, Фроська показалась Берендѣ чудомъ красоты: въ нѣкоторомъ родѣ брильянтомъ въ плохой оправѣ. Его, философа, человѣка существа, оправа эта не смущала, а, напротивъ, сильнѣе тянула. Фроська любила подъ вечеръ постоять у забора, грызя сѣмечки,— Беренда любилъ играть подъ вечеръ на скрипкѣ у окна, смотрѣлъ на Фроську и, наигравшись, отправлялся на бульваръ. Проходя опять, онъ смотрѣлъ на Фроську, иногда оглядывался и послѣ этого долго еще самодовольно улыбался, поматывая головой. Однажды онъ рѣшился сказать ей: „здравствуйте“. Въ другой разъ онъ спросилъ ее:

— Вы что̀ жъ не гуляете?

И такъ какъ Фроська только молча смотрѣла на него своими ничего не выражавшими глазами, то онъ такъ и ушелъ, не дождавшись отвѣта.

Какъ-то разъ онъ былъ смѣлѣе и, остановившись, проговорилъ, заикаясь:

— С...слушайте, вы приходите на бульваръ.

Она не пришла, и онъ обидѣлся.

Но тѣмъ не менѣе, на другой день, нервно пощипывая свою рѣдкую пробивавшуюся бородку, онъ спросилъ, бодрясь:

— Вы что жъ не пришли?

Такъ продолжалось, пока наконецъ Фроська не явилась на свиданіе. Первое время оба терялись и рѣшительно не знали, что говорить и дѣлать на этихъ свиданіяхъ. Наконецъ, послѣ цѣлаго ряда скучныхъ и безплодныхъ свиданій, Беренди обнялъ и поцѣловалъ Фроську, ощутилъ при этомъ ѣдкій запахъ коровьяго масла, которымъ предметъ его смазывалъ свои волосы, ощутилъ сознаніе, которое выразилъ вслухъ по ея уходѣ словами:

— Чо...чортъ возьми, какъ это глупо!

Онъ старался найти въ себѣ какое-нибудь чувство къ Фроськѣ и ничего не находилъ. Тѣмъ не менѣе свиданія продолжались. Сперва онъ пытался-было и ее увлечь на высокій путь своихъ идеаловъ но Фроська наотрѣзъ отказалась и отъ идеаловъ и отъ обученія грамотѣ. Все, въ концѣ концовъ, свелось къ деньгамъ. Фроська и здѣсь обнаружила полное равнодушіе и, если бы не старанія самого Беренди, она, вѣроятно, и не заикнулась бы о деньгахъ. Но, разъ давали ей, она брала равнодушно и прятала ихъ. Фроська и пріятели запутывали все больше денежныя дѣла Беренди, и, извиняя пріятелей, Беренди начиналъ чувствовать охлажденіе къ Фроськѣ.

Въ день пріѣзда Корнева и Карташева Беренди шелъ на свиданіе съ непріятнымъ предчувствіемъ, что Фроськѣ, по прежнимъ расчетамъ, сегодня надо дать денегъ.

Свѣтлая, точно съ зеленоватымъ проблескомъ, въ чистомъ прозрачномъ голубомъ небѣ, луна свѣтила, какъ днемъ, заливала тихія пыльныя улицы предмѣстья и томила своей неподвижностью. Беренди шелъ, его длинная тѣнь вытянулась черезъ улицу, взобралась на стѣну противоположнаго дома и оттуда точно высматривала его. Еще издали онъ замѣтилъ въ густой тѣни забора знакомую фигуру Фроськи, и сердце его непріятно сжалось.

Увидя Беренди, Фроська, всегда деревянная, равнодушная и покорная, дождавшись, когда онъ подошелъ, круто дернула

плечами, отвернулась, приподняла передникъ и поднесла его къ глазамъ съ явнымъ намѣреніемъ заплакать.

„Хочетъ плакать“,—подумалъ Берендя.

И, дѣйствительно, вдругъ услыхалъ тихія всхлипыванья Фроськи Фроська стояла, согнувшись, и плакала.

Берендя наклонился и тихо, испуганно спросилъ:

— С...слушай, ты что?

Но Фроська молчала, продолжала плакать, только голова ея все энергичнѣе отрывалась и опять припадала къ переднику.

Берендя еще тоскливѣе и испуганнѣе спросилъ:

— Ты... ты что?

Онъ почувствовалъ не то потребность, не то необходимость обнять ее, коснулся губами ея шеи и, повторяя мысленно свое „чортъ возьми“, въ третій разъ повторилъ:

— Ну-ну, слушай же—говори!

Изъ-подъ передника донесся наконецъ лаконическій отвѣтъ:

— Ну да!

И это требовательное „ну да“ и энергичное движеніе плеча охватило Берендю какимъ-то новымъ предчувствіемъ и страхомъ.

— Что?—спросилъ онъ, и мурашки забѣгали по его спинѣ.

— Тяжелая! — вдругъ раздраженно, цинично взвизгнула Фроська.

— О!? Тяжелая?!

Берендя не понялъ истиннаго смысла ея возгласа, но ужасъ тѣмъ не менѣе еще сильнѣе охватилъ его.

Когда наконецъ Фроська нетерпѣливо и съ отвращеніемъ объяснила ему, что значитъ тяжелая, Берендя растерянно произнесъ:

— Ну что жъ?!

— Ну да! — взвизгнула Фроська и раздраженнѣе стала плакать.

Берендя стоялъ и не зналъ, что ему теперь дѣлать.

— С...слушай, я вѣдь не зналъ же, — тоскливо проговорилъ онъ.

Фроська долго плакала. Берендѣ стало жаль ее. Онъ обнялъ ее и сталъ утѣшать, онъ заставилъ ее поднять голову и посмотрѣть себѣ въ глаза. Обычный безцвѣтный, безучастный взглядъ Фроськи скользнулъ по немъ и уставился апатично въ пространство. Берендя еще цѣловалъ ее и наконецъ расшевелилъ деревянную Фроську, вызвавъ въ ней какую-то тѣнь не то отзывчивости, не то способности говорить. Фроська рѣшительно заявила, что хочетъ итти къ знахаркѣ, и требовала 10 рублей. Берендя отдалъ все, что у него было—семь рублей, а остальные обѣщалъ принести завтра.

Онъ былъ радъ прекращенію свиданья и поспѣшилъ уйти съ чувствомъ какого-то страха, что вотъ-вотъ догонитъ его Фроська и не позволитъ даже и уйти.

Но Фроська и не думала его догонять. Она все такъ же деревянно и задумчиво стояла подъ заборомъ, а изъ-за угла къ ней медленно подходила стройная, худая фигура юноши въ матросскомъ костюмѣ. Если бы Берендя догадался оглянуться или подслушать, онъ узналъ бы много интереснаго. Но Берендя уже скрывался за угломъ со своей походкой подталкиваемаго въ шею человѣка и меньше всего думалъ о томъ, чтобы оглянуться.

Фроська и подошедшій тоже мало думали о долговязомъ желтоглазѣ.

Человѣкъ въ матросскомъ платьѣ былъ не кто иной, какъ братъ Гераськи, Яшка, другъ дѣтства Карташева. Яшка давно уже отбился отъ рукъ семьи, нѣкоторое время пропадалъ безъ вѣсти (говорили, что онъ сидѣлъ даже въ тюрьмѣ, ему же приписывали участіе въ разныхъ мелкихъ кражахъ) и вдругъ опять появился матросомъ одного изъ заграничныхъ пароходовъ. Отецъ его, Иванъ, успѣлъ умереть. Гераська давно правилъ домомъ, женился, и жена Ивана такъ же робко и покорно смотрѣла теперь въ глаза невѣстки и сына, какъ, бывало, смотрѣла въ глаза своего серьезнаго, строгаго и въ пьяномъ видѣ буйнаго мужа. Блуднаго сына приняли сдержанно.

Яшка дѣлалъ видъ, что ничего не замѣчаетъ, и только бѣглый, неспокойный взглядъ его одного глаза какъ-то непріятно и смутно говорилъ, что много грязнаго, циничнаго и порочнаго успѣлъ уже осадить въ его душѣ потокъ жизни.

Сближеніе съ Фроськой произошло случайно, въ силу того обстоятельства, что Гераська, жившій теперь невдалекѣ отъ Беренди, взялся сдѣлать мѣщанамъ, у которыхъ жила Фроська, шкапъ. Когда шкапъ съ потайнымъ ящикомъ былъ готовъ, онъ съ Яшкой отнесъ его хозяевамъ, и Яшка впервые увидѣлъ Фроську и плѣнилъ ее. Яшка, какъ тонкій знатокъ человѣческой души, сразу понялъ, что Фроська для него находка, и по пословицѣ—дарому коню въ зубы не смотрятъ—завладѣлъ ею. Фроська безпрекословно исполняла всѣ его требованія и тащила все, что̀ могла, у своихъ хозяевъ для своего жестокаго и требовательнаго повелителя. Тонкій, худой Яшка гвоздемъ засѣлъ въ ея сердцѣ: сердце болѣло и шло на муки. Яшка рѣшилъ утилизировать и слабость Беренди: по его настоянію, Фроська ходила на свиданія и полученныя деньги отдавала Яшкѣ. И теперь, по замыслу все того же Яшки, Фроська стояла въ смутномъ раздумьѣ съ семью ру-

блями въ рукахъ. Фактъ ея болѣзни былъ налицо, такимъ же фактомъ было и то, что Яшка завтра уходитъ въ море, откуда, кто знаетъ, вернется или не вернется онъ. Онъ, конечно, обѣщалъ жениться, но Фроська уже знала настолько своего возлюбленнаго, что угадывала истину. Угадывала и тѣмъ не менѣе вѣрила или хотѣла вѣрить. Понимала она и то, что не дай она ему эти семь рублей, и поминай какъ звали Яшку. Отдастъ—останется и безъ Яшки и безъ денегъ.

Яшка отлично понималъ, какой процессъ происходилъ въ душѣ Фроськи, и разсыпался мелкимъ бѣсомъ. Фроська давно уже утѣшилась мыслью, что „долговязый“ принесетъ еще три рубля тогда, какъ коршунъ Яшка будетъ уже въ морѣ, и на эти три рубля она устроитъ свое дѣло. Не отдавала же она еще денегъ только потому, что любо было слушать Яшку, а дастъ—перестанетъ говорить и уйдетъ. И долго еще Яшка, охваченный краснорѣчіемъ, возбуждаясь видомъ денегъ, говорилъ ей о диковинахъ моря, о большихъ городахъ, гдѣ живутъ турки, ходятъ въ чалмахъ и халатахъ, держатъ по сотнѣ женъ.

Какъ-то сами собой перешли деньги въ искусныя руки Яшки, и не замѣтила она и опомнилась, когда Яшка уже былъ далеко.

— Яшка!—позвала она тоскливо.

— Чего?—нехотя подошелъ опять Яшка.

— Что жъ ты мнѣ скажешь?

— Сказалъ... пріѣду—женюсь...

— Обманешь?!

— Что мнѣ обманывать? Сказалъ—сдѣлаю.

Яшка безпечно, нетерпѣливо почесалъ затылокъ и опять тихо пошелъ.

— Когда пріѣдешь?!

— Черезъ два мѣсяца въ аккуратѣ,—повернулся Яшка и, энергично сдвинувъ свою матросскую шапку, запагалъ и скрылся за угломъ.

Въ сонной улицѣ, въ блескѣ луны, въ ароматѣ пыльнаго, застывшаго вдоль забора бурьяна понеслась разгульно-разбитная пѣсня Яшки:

Несчастлива та дивчина,
Что полюбитъ морика;
Морякъ въѣдетъ въ сине море
Да и больше ничего.

А Фроська все стояла, ухвативъ изъ всей силы своими здоровыми руками стойку забора, и слушала, застывъ въ тупой

тоскѣ, и смотрѣла въ упоръ вдаль, и ненависть и любовь рвали ея жирное сердце. Яшка, этотъ вертлявый гвоздь, выдергивался изъ этого сердца, ничего нельзя было перемѣнить, а взамѣнъ осталась она одна, тяжелая, на муки знахарки, и страхъ этихъ мукъ сильнѣе сжималъ ея сердце. Вспомнилась контрастомъ другая фигура — долговязой глисты, желтоглазника, который, какъ наклонится къ ней да пахнетъ на нее, то такъ и перевернетъ ей все сердце Фроська вдругъ тоскливо заревѣла и, бросивъ стойку, плакала и надрывалась отъ слезъ. Не слышали этихъ слезъ ни Яшка ни Беренда...

Послѣ обѣда Беренда обыкновенно принимался за чтеніе. Онъ устроилъ себѣ во дворѣ у забора родъ бесѣдки изъ простынь. Черезъ нѣсколько дней послѣ описаннаго, въ ворохѣ сѣна, въ одной рубахѣ, окруженный книгами съ тетрадью и карандашомъ въ рукахъ, Беренда лежалъ въ своей бесѣдкѣ, читалъ и выписывалъ въ тетрадь интересныя для него мѣста. Онъ былъ разсѣянъ, мысль часто отрывалась къ Фроськѣ, и онъ вдругъ огорченно задумывался.

„Если быть послѣдовательнымъ, надо жениться. Но что̀ такое Фроська? Какая она мнѣ пара? Это кусокъ мяса и только... овца. На овцѣ развѣ можно жениться? У него можетъ быть общее развѣ съ ея ребенкомъ, и въ отношеніи этого ребенка есть его обязательства, а какія обязательства могутъ быть къ Фроськѣ? Добровольное сближеніе, случайность положенія. Дать ей выходъ только изъ этой случайности... Онъ далъ его... Вѣдь это, въ сущности, гадость, а не выходъ. Нѣтъ, надо удержать ее... Надо“.

Смутное сознаніе шевельнулось, что это „надо“, какъ и большинство житейскихъ „надо“, останется тамъ гдѣ-то, въ эмпиреяхъ, а жизнь пойдетъ своимъ чередомъ.

Онъ опять погрузился въ чтеніе.

„А что̀, собственно, мѣшаетъ мнѣ это „надо“ выполнить? Положимъ, я женюсь... мнѣ 19 лѣтъ. Надо бросить гимназію? Ну что̀ жъ, буду жить своимъ трудомъ. Ну что̀ жъ? 30 рублей въ мѣсяцъ. Это одному, а съ Фроськой? Но что̀ я буду съ ней дѣлать?! Что̀ такое, въ сущности, „надо“ и гдѣ масштабъ этого „надо“? Общеходячій! Та петля, которая, въ концѣ концовъ, удушитъ его? Если даже съ точки зрѣнія естественной взять вопросъ вырожденія рода... Какой онъ отецъ, когда уже самъ онъ отравленный алкоголикъ? Нѣтъ сомнѣнія, что онъ будетъ такимъ же пьяницей, какъ и отецъ его... Съ той разницей, что въ свободныя минуты онъ будетъ продолжать свою

альтруистическую работу, а отецъ затягивается въ петлю. Съ Фроськой эта петля будетъ еще ужаснѣе!“

Онъ опять прогналъ всѣ свои мысли и сосредоточился на чтеніи.

„Въ сущности, я же не люблю ея?!“ — мелькнуло и холодомъ ужаса охватило Берендю.

„А что общаго между мной и ребенкомъ?! Что общаго между ней и моимъ ребенкомъ?! Ребенокъ не мой и не ея“.

Платонъ правъ... Платонъ?! Онъ и Платонъ, ихъ мысли сошлись. Мысли великаго будущаго! Берендя такъ и замеръ надъ раскрытой книгой, облокотившись на локоть, со взглядомъ, устремленнымъ въ дыру старой простыни...

— О-о-ой! — взвылъ Корневъ, присѣдая у входа.

Изъ-за Корнева выглядывало веселое лицо Карташева.

Фигура Беренди въ ворохѣ сѣна, книги, оригинальный навѣсъ, взглядъ Беренди—глубокомысленнаго, невозмутимо созерцающаго основы будущаго міра философа,—отъ всего этого вѣяло такой своеобразной новизной и свѣжестью, такъ отвлекало отъ прозы дѣйствительности, что Корневъ и Карташевъ забыли и о восьмомъ классѣ и о скукѣ, которую несли-было Берендѣ, и испытывали только одну радость свиданія съ „Діогеномъ“. Было смѣшно видѣть Берендю въ такой обстановкѣ, было пріятно его увидѣть, было просто весело быть опять всѣмъ втроемъ вмѣстѣ.

Послѣ бурнаго здорованья, Берендя усадилъ товарищей на скамью и, точно отыскивая, чѣмъ бы ихъ угостить, схватилъ свою тетрадь и, проговоривъ: „с...слушайте“, началъ читать. Товарищи пытались-было перебить его, но Берендя упорно продолжалъ свое чтеніе, и Корневъ съ Карташевымъ терпѣливо слушали.

„Въ аскетическихъ письмахъ Гоголя все тотъ же духъ, побуждавшій нѣкогда сибирскихъ раскольниковъ сжигать себя. Эти люди имѣли въ себѣ всѣ качества души, которыми нѣкогда прославляли себя и спасали отечество отъ варваровъ и Муцій Сцевола, и Децій Мусъ, и всѣ страдальцы новой цивилизаціи. Увы! Не сибирскихъ аскетовъ, не Гоголя вина, что они схватились за ложныя средства: saeculi vitia non hominis,—пороки эпохи, а не человѣка. И пока не измѣнятся понятія и привычки общества, едва ли удастся кому бы то ни было при всѣхъ возможныхъ анализахъ собственной души измѣнить тѣ привычки, которыя поддерживаются требованіями общества, обстановкой нашей жизни, и отказаться отъ дурныхъ привычекъ, господствующихъ въ обществѣ, увы, точно такъ же нельзя, какъ и нарушить хорошія привычки, утвердившіяся въ обществѣ.

„Итакъ, лучше всего не въ себѣ, а въ общихъ условіяхъ жизни искать, чѣмъ, какими обстоятельствами и отношеніями порождены и поддерживаются пороки. И пока эти обстоятельства и отношенія, порождающія пороки, существуютъ, до тѣхъ поръ безсильны единицы: на долю толпы достается тупая прозябательная жизнь, а на долю единицъ страданія. И чѣмъ выше эти единицы, тѣмъ ужаснѣе ихъ конецъ. Легокъ и веселъ былъ характеръ Пушкина, а ужъ на тридцатомъ году изнемогаетъ онъ нравственно и умираетъ черезъ нѣсколько лѣтъ. Помянемъ и Лермонтова:

За все, за все тебя благодарю я:
За жаръ души, растраченной въ пустыхъ,
За все, чѣмъ я обманутъ въ жизни былъ.

„Кольцовъ:

Въ душѣ страсти огонь
Разгорался не разъ,
Но въ безплодной тоскѣ
Онъ сгорѣлъ и погасъ.
Жизнь! Зачѣмъ же собой
Обольщаешь меня?
Если бъ силу Богъ далъ,
Я разбилъ бы тебя.

„Не вспомнимъ ли и Полежаева, который,

Не расцвѣтши, отцвѣлъ
Въ утрѣ пасмурныхъ дней.

„Долго бы вспоминать всѣхъ: кого ни вспомнишь изъ сильныхъ душою людей, всѣ они годятся въ этотъ списокъ. Невозможно сомнѣваться въ томъ, что и Гоголь уморилъ себя, по свидѣтельству доктора А. В. Тарасенкова Не вина Гоголя въ томъ, къ тридцатымъ годамъ, послѣ бурнаго возбужденія молодежи возвышенными идеями — наступала реакція, столь обычная въ русской жизни. Нельзя было услышать въ кругу молодежи ни одного изъ тѣхъ громкихъ словъ, надъ которыми такъ легко смѣяться, но безъ увлеченія которыми бѣдно и пусто сердце юноши, а взрослаго человѣка — пуста и прозаична жизнь. Пусть живетъ, кто можетъ, такой жизнью, но не будемъ клеймить тѣхъ, кто не можетъ. Не могъ и Гоголь. Его конецъ былъ тѣмъ ужаснѣе, чѣмъ колоссальнѣе была сила его натуры.

„Миръ тебѣ! Во тьмѣ Эреба
Ты своею силой палъ...“

Корневъ во время чтенія бралъ съ полу то ту, то другую книгу. Тутъ были и Берне, и Гейне, и журналы прежнихъ годовъ, и журналы послѣднихъ дней.

— Что̀ это ты читалъ?—спросилъ Корневъ, перелистывая Гёте.

— Брось-б-брось, — горячо заговорилъ Беренда, увидя въ рукахъ Корнева Гёте: — ж-жилъ въ самую тяжелую эпоху страданій своего народа и... и... не отозвался ни однимъ звукомъ. Лучшую эпоху ф...французовъ называетъ п...печальной ошибкой...

— О-о-ой!—надрываясь отъ смѣха, стоналъ Корневъ.—Да что̀ ты читалъ?

— В...выписки дѣлаю, — лучше запоминается.

Корневъ взялъ въ руку увѣсистую тетрадь Беренди.

— Это все лѣтомъ? Здорово работалъ.

Корневъ съ завистью посмотрѣлъ на Беренду и принялся сосредоточенно за ногти.

— Чай есть?—спросилъ Карташевъ.

Беренда, удовлетворенно слѣдивший за Корневымъ, возвращенный Карташевымъ къ дѣйствительности, смущенно отвѣтилъ:

— Чо...чортъ возьми! Какъ разъ всѣ деньги вышли.

— Идемъ къ намъ, — предложилъ Карташевъ.

— О?! — нерѣшительно произнесъ Беренда.

— Конечно, — подтвердилъ Корневъ.

Беренда на мгновеніе задумался и, замотавъ головой, проговорилъ:

— Что̀ жъ? идемъ.

— Ну, такъ идемъ, — всталъ Корневъ.

— Постой, отчего вы такъ рано пріѣхали изъ деревни?

Карташевъ покосился на Корнева и опять сѣлъ.

— Такъ, ерунда, — раздумчиво сказалъ Корневъ.

Корневъ, щадя самолюбіе Карташева, передалъ вкратцѣ событія въ деревнѣ.

— Т...ты говорилъ съ матерью? — спросилъ по окончаніи Беренда.

Карташеву было тяжело и непріятно.

— Что жъ ей скажешь? — скажетъ: мальчишка...

Наступило молчаніе.

Беренда опустилъ голову и машинально смотрѣлъ въ свою тетрадь.

— С...слушай, я не пойду къ тебѣ.

— Идемъ, — тоскливо и быстро позвалъ Карташевъ.

— Идемъ, — поддержалъ и Корневъ.

— Е-ей-Богу, не пойду...

— Ну, что̀ за ерунда!

Карташевъ обидѣлся.

— А какъ ты думаешь, с...сознаётъ она?

— Ну, да брось, одѣвайся. — настаивалъ Корневъ.

Берендя въ нерѣшительности смотрѣлъ на Карташева. Не хотѣлось ему обидѣть и Карташева, не хотѣлось и встрѣчаться съ Аглаидой Васильевной, тянуло къ книгамъ и жаль было терять время.

— Нѣтъ, ей-Богу... Я лучше въ другой разъ...

— Ну, такъ какъ же? — спросилъ Корневъ, смотря на Карташева.

Карташевъ, видимо, обидѣлся.

— Ну, чо...чортъ съ тобой, идемъ.

— Нѣтъ, конечно, это свинство,—началъ было Карташевъ и наклонилъ голову.

— Да брось,—перебилъ его Корневъ:—идетъ... Ну, одѣвайся.

— С...слушай, у меня ничего нѣтъ... в...вотъ только...

Берендя взялъ со скамьи грязный пиджакъ.

— Ну, и отлично.

Берендя добродушно усмѣхнулся и не безъ ѣдкости спросилъ:

— М...можетъ-быть, она прикажетъ меня вывести?

Карташевъ совсѣмъ обидѣлся.

— Ишь, какой ты сталъ!—хлопнулъ Берендю Корневъ по плечу.

Всѣ трое вышли.

На улицѣ царила пустота сумерекъ.

Берендя шелъ съ Корневымъ впереди, а Карташевъ плелся поодаль. Корневъ какъ-то вдругъ не то забылъ о Карташевѣ, не то потерялъ къ нему интересъ. Напротивъ, Берендя привлекалъ его къ себѣ, и онъ повелъ съ нимъ оживленный разговоръ.

Берендѣ было пріятно это вниманіе, онъ съ достоинствомъ п алъ свою бородку и энергичнѣе обыкновеннаго поматывалъ головой.

Несомнѣнно,—говорилъ, шагая, Корневъ:—полный разладъ между теоріей и практикой... Въ деревнѣ это какъ-то особенно рельефно—это раздѣленіе труда, о которомъ кто-то сказалъ, что одни сѣютъ пшеницу, а другіе ѣдятъ ее. Съ одной стороны, конечно...

Корневъ пренебрежительно махнулъ рукой.

— А впрочемъ... Съ одной стороны, нельзя не признаться, а съ другой — нельзя не сознаться... и, въ концѣ концовъ, теорія и практика вотъ какъ стоятъ другъ противъ друга.

Онъ показалъ пальцами, поставивъ ихъ одинъ противъ

другого, какъ столкъ теорія и практика, и махнулъ пренебрежительно рукой.

— Придетъ, конечно, время, — сказалъ онъ, помолчавъ.

— Н...не для всѣхъ. Персамъ, напримѣръ, просто не по средствамъ будетъ ужъ догнать... И...исторія показываетъ намъ что и прежде упущенное время не навертывалось... И тутъ работаетъ уже п...просто экономическій законъ... неизбѣжный. П...подъ защиту болѣе сильнаго н...нужда поставитъ Бухара...

— Движеніе, конечно, есть.

— Достаточность этого движенія кѣмъ опредѣляется? Доброй волей убѣжденнаго, что оно достаточно?

— Типичное, въ сущности, время,—раздумчиво заговорилъ опять Корневъ.—Съ одной стороны, будто и правы его мать и мой почтеннѣйшій родитель. Кто мы? Мальчишки... А съ другой, вѣдь это все вопросы, поднятые людьми такого ума, передъ которыми и мой батюшка и его мать... А вѣдь апломбъ какой! Ну, мой-то хоть мычитъ только, а возьми его мать? Послушаешь — вдохновенье, убѣжденность... а въ сущности, одно сплошное недомысліе или, еще хуже, фарисейство... Прямо понимаетъ и морочитъ... себя, конечно. А Неручевъ ужъ просто наглецъ: вретъ безъ зазрѣнія совѣсти прямо въ глаза: знаетъ, что вретъ, и глазомъ не моргнетъ.

— Кто это Неручевъ?

— Одинъ сосѣдъ Карташева.

Корневъ сосредоточенно принялся опять за свои ногти.

— Ерунда, — сказалъ онъ пренебрежительно.

— К...корабль безъ якоря Р...работа безъ устоевъ... Кучка возится, строитъ, а... а пришла волна м...мрака, и...и все къ чорту, к...колесо бѣлки. Нѣтъ фундамента о...образованія д...достаточнаго, чтобъ противостоять н...напору этой волны... И...и покамѣстъ такъ будетъ, изъ бездны м...мрака вылѣзетъ еще с...столько охотниковъ...

Берендя шелъ, какъ палка, подгибалъ колѣнки, смотрѣлъ своими лучистыми глазами твердо и непреклонно передъ собой, спокойно, равномѣрно все гладилъ свою бородку, и только похолодѣвшіе пальцы его рукъ нервно дрожали, да сильнѣе разлилась мертвенная желтизна отъ глазъ къ щекамъ.

Нѣкоторое время оба шли молча.

— Восьмой классъ...—проговорилъ Корневъ.

Съ лица Беренди слетѣло все вдохновенье. Это былъ опять прежній испуганный, растерявшійся Берендя.

— Врешь?!—замирая, спросилъ онъ.

— Да вотъ...

Корневъ лѣниво остановился и мотнулъ на подходившаго Карташева. Карташевъ началъ-было нехотя, но злоба дня захватила, и пріятели горячо и возбужденно заговорили на жгучую тему.

Они незамѣтно вошли въ отворенную калитку карташевскаго дома и черезъ дворъ прошли прямо на террасу.

— Можетъ, все это еще только слухъ,—сказалъ Корневъ, отгоняя непріятныя мысли.

Въ сумеркахъ мелодично раздавалась игра Наташи. Корневъ сдѣлалъ жестъ, и всѣ трое на цыпочкахъ пошли по террасѣ, чтобъ не услышала Наташа. Они тихо усѣлись на ступенькахъ и молча слушали. Наташа импровизировала по обыкновенію. Ея импровизацію особенно любилъ Корневъ и называлъ ее въ шутку Шубертомъ. Мягкіе, нѣжные, тоскующіе звуки лились непрерывно, незамѣтно охватывали и уносили.

Вечеръ, смѣнившій жаркій день, пока точно не рѣшался еще вступить въ свои права. Было пыльно и душно. Но въ небѣ уже лила свой обманчивый прозрачный свѣтъ задумчивая луна. Въ неподвижномъ воздухѣ застыли утомленныя въ безмолвномъ ожиданіи ночной свѣжести деревья. Только намѣтились блѣдныя тѣни; скоро сгустятся онѣ и темными полосами рельефнѣе отсвѣтятъ яркость луны. Въ воздухѣ, въ саду было пусто, и только нѣжная музыка наполняла эту пустоту какой-то непередаваемой прелестью. Звуки, какъ волны, мягко и сильно уносили въ міръ грёзъ, и дума вольная купалась въ просторѣ лѣтняго вечера.

Наташа кончила и, разсѣянно пригнувшись къ роялю, задумчиво засмотрѣлась въ окно. Аплодисменты слушателей съ террасы вывели ее изъ задумчивости. Она встала, вышла на террасу, весело поздоровалась и заявила:

— А мамы и Зины нѣтъ дома.

— Это, конечно, очень грустно,—пренебрежительно отвѣтилъ Корневъ:—но, такъ и быть, могутъ подольше на этотъ разъ не являться.

— Ну, пожалуйста,—махнула рукой Наташа и, присѣвъ на ступеньку, заглядывая въ небо и въ садъ, сказала:

— Скоро потянетъ прохладой.

— А пока положительно дышать нечѣмъ,—отвѣтилъ Корневъ, присаживаясь около нея.

Сѣли Беренда и Карташевъ. Карташевъ крикнулъ:

— Таня!

Въ лунномъ освѣщеніи въ окнѣ показалась Таня.

— Мы чаю хотимъ.

Таня ушла, а они всѣ четверо продолжали все тотъ же разговоръ, тихій, неспѣшный. Наташа отстаивала мать и все старалась придумать что-нибудь такое, чтобы и мать справдать, и признать правильною постановку брата и его товарищей.

— Оставьте,—пренебрежительно говорилъ Корневъ:—все это одно безплодное толченіе воды выходитъ: и невинность соблюсти и капиталъ пріобрѣсти. Это ведетъ только къ отупѣнію. Ставьте прямо вопросъ: гдѣ правда?

— Правда, конечно, у васъ.

— Ну, такъ въ чемъ же дѣло?

— Сразу нельзя.

— Почему нельзя?

— Ничего сразу не дѣлается.

— Значитъ, сложить руки и ждать?—спросилъ Карташевъ.

— Жди!—отвѣтила Наташа.

— Ну, такъ я лучше себѣ голову объ стѣну разобью.

— Какой же толкъ изъ этого?

— А какой толкъ сидѣть сложа руки? У меня двѣ жизни? Я не могу и не хочу ждать.

— Все равно, не разобьешь же себѣ голову: будешь ждать.

— Ну, такъ еще хуже будетъ: другіе разобьютъ.

— Никто не разобьетъ,—махнула рукой Наташа.—Такъ и проживешь.

— Я, собственно, не понимаю, что̀ вы хотите сказать,—вмѣшался Корневъ.

— Хочу сказать, что жизнь идетъ, какъ идетъ, и ничего перемѣнить нельзя.

— Но однакоже мы видимъ, что мѣняютъ.

— Мѣняютъ, да не у насъ.

— Что̀ жъ, мы изъ другого тѣста сдѣланы?

— А вотъ и изъ другого.

— Ну, оставьте,—досадливо проговорилъ Корневъ.—Пусть какая-нибудь отупѣлая скотина или тамъ изъ разныхъ подлыхъ расчетовъ доказываютъ, что̀ тамъ хотятъ, но не давайте себя, по крайней мѣрѣ, вводить въ обманъ.

— Не знаю...—начала Наташа, но оборвалась и замолчала.

Берендя слушалъ, смотрѣлъ на разговаривавшихъ и теперь, когда всѣ замолчали, поматывалъ головой, собираясь что-то сказать.

— Ну, да довольно объ этомъ,—предупредилъ, не замѣтивъ его намѣренія, Корневъ:—дураковъ не убавишь въ Россіи, а на умныхъ тоску наведешь. Манечка, сюда!—хлопнулъ онъ рукой по террасѣ подходившей Манѣ.

Маня посмотрѣла, подумала, сѣла возлѣ Корнева и сказала:

— А мама не позволяетъ называть меня Манечкой.

— Пустяки,—авторитетно произнесъ Корневъ.—Манечка вы—и все тутъ.

— Ну, хорошо, спросимъ у мамы.

— Совершенно лишнее. Надо стараться пріучаться своими мозгами вертѣть: мама завтра умретъ, что жъ вы станете дѣлать тогда?

— Какія вы глупости говорите.

— Умница, Маня,—поддержала Наташа.

— Яблоко отъ яблони...

— Ну, отлично,—перебила Наташа.

— Вовсе не отлично.

— Если вамъ говорятъ отлично, такъ, значитъ, отлично,—настойчиво сказала Маня.

Разговоръ незамѣтно перешелъ въ область метафизики, и Берендя сталъ развивать свою оригинальную теорію безконечности. Онъ говорилъ, что въ мірѣ существуютъ три безконечности, три кита, на которыхъ держится міръ: время, пространство и матерія. Изъ безконечности времени и пространства онъ довольно туманно выводилъ безконечность матеріи. Скромный Берендя предпослалъ своей теоріи предупрежденіе, что, въ сущности, эта теорія не его, и начало ея относится къ временамъ египетскихъ мудрецовъ. Всѣ слушали, у всѣхъ мелькали свои мысли. У Наташи мелькала веселая мысль, что Берендя со своей теоріей и сконфуженнымъ видомъ, со своими раскрытыми желтоватыми, напряженно въ нее уставленными глазами, самъ египетскій мудрецъ. Ей было смѣшно, она смотрѣла въ глаза Беренди весело и ласково и, давно ничего не слушая, постоянно кивала ему головой, давая тѣмъ понять, что ей ясно все, что онъ говоритъ.

Корневъ разсѣянно грызъ ногти, не слушалъ Беренди, о чемъ-то думалъ и, только встрѣчаясь глазами съ Маней, дѣлалъ ей вдругъ строгое лицо. Маня, какъ молодой котенокъ, наклоняла въ такія мгновенія головку и всматривалась загадочно въ глаза Корнева.

— Да-а,—протянулъ вдругъ ни съ того ни съ сего Корневъ.

И, когда Берендя уставился на него въ ожиданіи возраженія и всѣ повернулись къ нему, онъ смутился и скороговоркой проговорилъ:

— Конечно, конечно.

— Что конечно?—спросила Наташа, давясь отъ разбиравшаго ее смѣха.

И всѣ, смотря на Корнева, и самъ смущенный Корнеевъ начали смѣяться. Разговоръ о метафизикѣ оборвался, потому что Корневъ послѣ смѣха, махнувъ рукой, рѣшилъ:

— Брось ты къ чорту всю эту безконечность, не все ли тамъ равно; конечно, безконечно,—факты налицо: я существую и вторично я не буду существовать. Тѣмъ хуже, чортъ возьми, если все, кромѣ меня, безконечно.

— А вотъ и мама звонитъ!—воскликнула Маня и побѣжала навстрѣчу матери.

Когда раздался звонокъ, всѣмъ стало жаль нарушенной уютности. Наташа встала. На ея лицѣ было ясно написано это сожалѣніе и въ то же время сознаніе незаконности такого чувства.

XIX.

Волновалось общество, волновалась печать, шли горячіе дебаты за и противъ классическаго образованія. Родители и ученики съ страстнымъ вниманіемъ слѣдили за ходомъ этой борьбы. Реформа семидесятыхъ годовъ положила конецъ этой борьбѣ. Образованіе въ классическихъ гимназіяхъ было признано недостаточнымъ: вводился восьмой классъ и аттестатъ зрѣлости. Увеличеніе программы шло исключительно за счетъ классическихъ языковъ: удваивалось число уроковъ латинскаго, вводился другой древній языкъ—греческій, равнозначащій по важности съ первымъ.

Введены были второстепенные классы гимнастики, пѣнія и даже танцы. Послѣднее ужъ была личная идея новаго директора, или, вѣрнѣе, жены директора, женщины свѣтской, съ претензіями. Непривычный глазъ странно освоился съ скромной фигурой офицера на гимназическомъ дворѣ. Ученики маршировали, строились въ ряды, по командѣ присѣдали и продѣлывали разнаго рода артикулы.

Соборный регентъ, темный, съ черными хохлацкими усами, съ черными безъ блеска глазами, въ рекреаціонномъ залѣ стѣсненно обводилъ взглядомъ своихъ новыхъ учениковъ. Разочарованное лицо его ясно говорило, что никогда искусство этой насмѣшливой и вольной толпы учениковъ не сравнится съ строго выдрессированной школой его соборныхъ пѣвчихъ. Изъ маленькихъ больше подавали надежды: серебряный дискантъ Сережи Карташева звенѣлъ по залѣ, и онъ смотрѣлъ съ такимъ выраженіемъ своихъ усердныхъ глазъ на регента, какому позавидовалъ бы любой изъ настоящихъ пѣвцовъ его хора. Регентъ не могъ равнодушно видѣть этого усердія Сережи, гладилъ его по головѣ и предсказывалъ хо-

рошую будущность его голосу. Появился снова представитель хореографическаго искусства, старый учитель танцевъ m-r Дорнъ, гигантъ во фракѣ, съ рябымъ облѣзлымъ лицомъ, въ золотыхъ очкахъ, съ широкой и длинной ступней своихъ гуттаперчевыхъ ногъ. Онъ шелъ по знакомой лѣстницѣ, въ знакомую залу такъ же, какъ, бывало, ходилъ, когда въ коридорахъ, вмѣсто теперешнихъ серебряныхъ галуновъ, мелькали красные воротники полныхъ пансіонеровъ. Прежній директоръ подалъ въ отставку: одни говорили—по собственному желанію, другіе—вслѣдствіе недоразумѣній съ попечителемъ. Одно время носился по городу упорный слухъ, что, напротивъ, попечитель уйдетъ. Но попечитель остался и энергичнѣе прежняго исполнялъ свои обязанности. Большой, съ торчащими ушами, онъ часто появлялся въ гимназіи и, ходя по коридору, внимательно всматривался своими близорукими глазами въ учениковъ. Новый директоръ—пожилой уже, плотный, съ маленькими масляными глазами, длинной бородой и тонкимъ носомъ, съ виду простой и добродушный, довѣрчиво-почтительный съ попечителемъ, который, въ свою очередь, дружески то и дѣло бралъ его подъ руку—неразлучной тѣнью слѣдовалъ за своимъ начальствомъ, держалъ себя пренебрежительно-далеко съ учениками и такъ же, какъ попечитель, съ одними учителями былъ хорошъ, другихъ едва удостаивалъ вниманія.

— Что, онъ былъ преподавателемъ? — спрашивалъ раздумчиво Корневъ, стоя у дверей коридора и слѣдя за исчезавшимъ у себя въ квартирѣ директоромъ.

— Вѣроятно, былъ,—отвѣчалъ, встряхиваясь и засовывая руки въ карманы, Долба:—собственно, спеціальность его, какъ говоритъ нашъ Иванъ Ивановичъ—администрація...

— Охъ, Иванъ Ивановичъ!—махнулъ рукой Корневъ.

Иванъ Ивановичъ былъ назначенъ воспитателемъ седьмого класса: на его обязанности лежало навѣщать учениковъ на ихъ квартирахъ, слѣдить за жизнью ихъ, за соблюденіемъ формы, стрижкой волосъ, бритьемъ бороды, ношеніемъ ранцевъ. Конфузливый, деликатный, Иванъ Ивановичъ исполнялъ все по инструкціи, являлся на домъ къ ученикамъ, смотрѣлъ такъ, точно просилъ прощенія, и спѣшилъ уйти, говоря уже въ дверяхъ скороговоркой и конфузясь:

— Господа, пожалуйста,—книжки ненужныя на виду... пожалуйста, не держите.

— Будьте спокойны, Иванъ Иваповичъ... да вѣдь мы же...

— Пожалуйста...

Въ общемъ компанія довольно индифферентно относилась

къ новымъ порядкамъ. Несмотря на всѣ Сциллы и Харибды, которыя вырастали кругомъ—ученикамъ седьмого класса не изъ-за чего было приходить въ уныніе: передержка по-латыни прошла благополучно. „Митя“, съ назначеніемъ новаго директора, увольнялся въ отставку и на прощаніе былъ снисходительнѣе обыкновеннаго, пропустивъ на передержкѣ всѣхъ.

Восьмой классъ тоже оказался не такимъ страшнымъ: всѣ, кто получитъ за годъ и на экзаменахъ четыре, будутъ избавлены отъ него. Являлась надежда на снисхожденіе, да и время было не упущено, чтобъ засѣсть, какъ слѣдуетъ. Ясно намѣченная, уже близкая цѣль, жажда въ этомъ же году вырваться изъ начинавшихъ дѣлаться цѣпкими объятій гимназіи—придавала энергію и бодрость. Даже латынь, скандовка, грамматика и переводы классиковъ, съ ускользавшимъ всегда смысломъ, представляли свой своеобразный вкусъ—сладкаго конца какой-то утомительно-скучной работы.

Пылъ, впрочемъ, скоро прошелъ, и все пошло по-старому: скучно и безсодержательно.

Вмѣсто смѣтныхъ четверокъ и пятерокъ, въ журналѣ мелькали больше тройки вперемежку съ двойками и даже единицами.

Особенно много такихъ единицъ расплодилось въ журналѣ новаго учителя латинскаго языка, бывшаго преподавателя младшихъ классовъ. Новый учитель, молодой, стремительный, съ напряженнымъ взглядомъ и несимпатичнымъ лицомъ, рвалъ, металъ и не могъ примириться съ колоссальнымъ незнаніемъ учениковъ седьмого класса.

Онъ злорадно, гдѣ только могъ, трубилъ объ этомъ незнаніи, возмущался и чувствовалъ себя въ роли полководца, получившаго, вмѣсто выдрессированной арміи, какихъ-то нищихъ духомъ сорванцовъ. Возмутительнѣе всего было то, что ученики не только не раздѣляли съ нимъ его пыла, но проявляли, напротивъ, обидный скептицизмъ насчетъ того, что дѣйствительно ли такъ ужасно то, что они ничего не знаютъ. Въ обоюдныя отношенія учениковъ съ учителемъ все больше и больше стало проникать раздраженіе.

— Te te doctum hominum esse...—ты... ты ученый человѣкъ,—носясь съ книгой по классу, выкрикивалъ бойко учитель.

— Сука беременная,—шепталъ Корневъ своему сосѣду Рыльскому.

Рыльскій, сосредоточенно вычерчивавшій въ это время пѣтушка, только выше подымалъ брови и усерднѣе надавливалъ карандашомъ.

— Господа, я попрошу васъ разговоры во время уроковъ оставить... При вашемъ знаніи учениковъ второго класса... Карташевъ, куда вы?

— У меня животъ болитъ.

— Странно... мнѣ кажется, вамъ слѣдовало бы все-таки спросить разрѣшеніе.

— У насъ не спрашивали прежде.

— Странно.

Карташевъ все-таки уходилъ, а учитель, красный отъ досады, раздраженно сдвигалъ брови и еще азартнѣе впивался въ слѣдующую фразу книги.

— Ларіо, прошу васъ продолжать.

Ларіо, второгодникъ, былъ весь поглощенъ опереткой и меньше всего думалъ о латыни.

— Я сегодня не могу,—вставалъ Ларіо и садился.

— Странно. Въ такомъ случаѣ я вамъ поставлю единицу.

Ларіо молча изъявлялъ согласіе, и учитель ставилъ единицу, опять краснѣлъ, молчалъ и говорилъ:

— Господа... я долженъ васъ предупредить, что лица, не желающія заниматься, останутся въ восьмомъ классѣ...

Но угрозы какъ-то не дѣйствовали.

Часто послѣ уроковъ ученики наблюдали, какъ онъ, вырвавшись въ коридоръ и примѣтивъ директора, бросался къ нему и, идя рядомъ съ равнодушно-величественнымъ директоромъ, начиналъ ему что-то горячо докладывать.

Директоръ пренебрежительно слушалъ, бросалъ два-три слова и уходилъ отъ учителя.

Учитель, красный и потный отъ волненія, спѣшилъ такъ же усердно назадъ подъ перекрестными насмѣшливыми взглядами учениковъ.

— Возмутительнѣе всего,—говорилъ Корневъ,—что человѣку всего 23 года... Откуда могъ вырасти этакій грибъ?

— Ну-ну...—насмѣшливо кивалъ головой Рыльскій.

— Грибы всегда найдутся,—отвѣчалъ Долба:—только поищи.

Корневъ молча принимался за свои ноти.

Однажды учитель, приносившій съ собой всегда какую-нибудь новинку, явился въ классъ и, сдѣлавъ перекличку, сдержанно заявилъ ученикамъ, что онъ составилъ списокъ класса по степени ихъ успѣховъ.

— Я васъ не буду утруждать чтеніемъ его всего.

Учитель нервно порылся въ портфелѣ, досталъ списокъ и прочелъ:

— Послѣдними Ларіо и Карташевъ... Я долго сомнѣвался,

кому отдать пальму первенства, и рѣшилъ такъ: господинъ Ларіо предпослѣдній, потому что ничего не знаетъ, господинъ Карташевъ послѣдній, потому что ничего не знаетъ и грубъ.

Учитель побагровѣлъ, ноздри его раздулись, и онъ такъ спѣшно сталъ прятать свой списокъ, точно боялся, что его кто-нибудь отниметъ.

— Эка, круглый!—усмѣхнулся Рыльскій.

— Есть недостатки болѣе неисправимые,—отвѣтилъ вызывающе Карташевъ:—глупость...

— Вы такъ думаете?—быстро поднялся учитель:—такъ я васъ попрошу отнести эту записку къ директору.

Карташевъ подумалъ и отвѣтилъ:

— Я вамъ не обязанъ записокъ носить... Для этого сторожа есть...

— Хорошо-съ, я и самъ отнесу... А впрочемъ, для такихъ пустяковъ не стòитъ прерывать урокъ...

Учитель нервно спряталъ записку въ карманъ и продолжалъ урокъ.

— Придумаетъ же, — пренебрежительно, поднявъ плечи, проговорилъ послѣ урока Рыльскій...

— Это какъ въ доброе старое время записки крѣпостные въ полицію носили... Принесетъ—его и выпорютъ.

— Карташевъ къ директору,—мелькнулъ въ дверяхъ долговязый Иванъ Ивановичъ.—Въ учительской,—меланхолично указалъ онъ.

Карташевъ, отправляясь, вошелъ въ пріемную. Изъ накуренной учительской съ папироской въ зубахъ вышелъ къ нему директоръ. Директоръ шелъ не спѣша, насѣдая всѣмъ туловищемъ на толстыя ноги, и спокойнымъ взглядомъ мѣрялъ Карташева.

Леонидъ Николаевичъ, вошедшій въ это время изъ коридора, скучный, равнодушный, мелькомъ посмотрѣлъ на Карташева, скользнулъ взглядомъ по директору и, не мѣняя равнодушно-усталаго вида, прошелъ въ учительскую.

— Вылетѣть вонъ захотѣлось?—равнодушно, просто спросилъ директоръ.

Онъ сдѣлалъ небрежную паузу и прибавилъ:

— Что жъ, и вылетите...

Это было сказано такимъ простымъ голосомъ, что Карташевъ ни на мгновеніе не усомнился, что такъ и будетъ.

— Ваше превосходительство...

Карташевъ зналъ, что директоръ требуетъ такого обращенія, но надѣялся, что никогда не придется ему именно такъ

величать новаго директора; теперь же не только проговорилъ: „ваше превосходительство“, но проговорилъ такъ мягко и нѣжно, какъ только могъ.

— Что жъ „ваше превосходительство“?..—спокойно спросилъ директоръ, ожидая, что еще скажетъ Карташевъ.

— Я очень сожалѣю, если оскорбилъ учителя... но онъ слишкомъ не щадитъ самолюбія...

— А оно, очевидно, велико у васъ, такъ велико, что по спискамъ вы оказались послѣднимъ; дѣйствительно, задѣлъ самолюбіе...

Директоръ брезгливо ждалъ отвѣта.

Карташевъ потупился и молчалъ.

— Я думаю, что мы можемъ договориться съ вами съ двухъ словъ: первая жалоба учителя—и васъ не будетъ въ гимназіи. Понятно?

— Понятно,—прошепталъ Карташевъ.

— Ну, и маршъ!

— Что? что?—посыпалось на Карташева, когда онъ вошелъ въ классъ.

— Ничего, — пожалъ плечами Карташевъ, — сказалъ, что выгонитъ.

Карташевъ сѣлъ и безучастно задумался. Хорошаго было мало: если не выгонятъ, то срѣжутъ; и, несмотря на это сознаніе, онъ чувствовалъ какую-то роковую неспособность переломить себя и засѣсть за эту проклятую латынь.

Другой приговоренный, Ларіо, былъ, напротивъ, веселъ и безпеченъ: онъ напѣвалъ изъ оперетки и съ трескомъ передавалъ содержаніе пикантныхъ мѣстъ ея.

— Да-съ,—многозначительно протянулъ Корневъ, косясь на Карташева:—вы все-таки, господа, того... ухо востро держите... вы тоже, signor Ларіо... Смотри: опять застрянешь.

Онъ любовно, добродушно хлопнулъ по плечу Ларіо.

Ларіо нетерпѣливо дернулъ плечомъ.

— Начхать...

— Эхъ, ты...

— Да, ужъ вотъ такой, какъ есть: что люблю, то люблю,— чего не люблю—извините...

Ларіо сдѣлалъ комичный жестъ и, скорчивъ отчаянную физіономію, крикнулъ, бодрясь:

— Кто со мной въ оперетку?

— Да брось ты свою оперетку,—отвѣчалъ лѣниво Корневъ.

— Вася, не фальшивь! Говоришь не то, что думаешь: дай себѣ отчетъ. Стой! Зачѣмъ бросить?

— Развратъ же...

— То-есть въ чемъ?

— Ну, точно не знаешь? Чуть не голыя выходятъ на сцену...

— Врешь... Выходятъ въ древнихъ костюмахъ. Чѣмъ же бѣдненькая Еленочка виновата, что тогда такъ ходили... Постой... Ты классикъ? Ну, и долженъ ей сочувствовать. Да наконецъ отчего же и не посмотрѣть это самое декольте? Я не знаю, какъ ты, а я вò какой корпуленціи и въ монахи не собираюсь.

Ларіо конфузливо щурился и, маскируя неловкость, пускалъ низкія ноты: „хо-хо-хо!“

— Рыло,—задумчиво хлопалъ его по брюху Корневъ въ то время, какъ компанія смотрѣла на Ларіо съ какимъ-то неопредѣленнымъ любопытствомъ.

— Вотъ-те и рыло... Мнѣ, батюшка, жена самонастоящая и то въ пору, а ты рыло.

— Пожалуй, и отъ двухъ не откажешься,—весело подсказалъ Долба.

— Чортъ съ ними, давай и двѣ.

— Дѣйствительно, въ сущности...—говорилъ Корневъ, любуясь сформированной широкоплечей фигурой Ларіо.

Ларіо быстро поворачивался, хлопалъ себя наотмашь и спрашивалъ:

— П у a quelque chose, messieurs, là dedans, n'est ce pas? А ты съ латынью да съ экзаменами... Всякому овощу свое время... Тятька—покойникъ, пьяница и николаевскій полковникъ...

— Охъ, чортъ!

— Никакъ не могъ понять, отчего я пареной рѣпы не любилъ: такъ и умеръ съ тѣмъ, что не понялъ... Бывало, бьетъ, какъ сидорову козу: „ѣшь, подлецъ, рѣпу!“ —„Не бу-ду ѣсть рѣ-пу!“ Такъ и умеръ. Умирая, говоритъ: „драть тебя некому будетъ“.

Учитель словесности окончательно свалился и умиралъ отъ чахотки, лежа одинъ въ своей одинокой квартирѣ.

— Жаль человѣка,—говорилъ Рыльскій,—а все-таки кстати.

— Охъ, звѣрь-человѣкъ!—улыбался Корневъ на замѣчаніе Рыльскаго.

— А что бы онъ съ нами на экзаменѣ сдѣлалъ?

— Да, Богъ съ нимъ,—пусть умираетъ.

Новый учитель, молодой безцвѣтный блондинъ, мялъ, тянулъ, выжималъ изъ себя что-то и дальше біографій не шелъ.

— Въ сущности, жаль все-таки, что Митрофанъ Васильевичъ свалился,—говорилъ Корневъ:—ну, передъ экзаменами бы еще такъ и быть...

— Жаль, жаль, соглашался Долба:—въ прошломъ году онъ обѣщалъ коснуться разныхъ вѣяній.

— Положимъ, судя по началу, врядъ ли бы удалось ему въ нынѣшнемъ году...

Корневъ лѣниво вытянулся и сладко зѣвнулъ.

— Чортъ его знаетъ, тощища какая... Гоголь былъ сынъ, Пушкинъ былъ сынъ... Ахъ, ты сынъ, сынъ—тянетъ, тянетъ, душу всю вымотаетъ...

Не весело было и на урокахъ исторіи. Леонидъ Николаевичъ ходилъ скучный и неохотно вступалъ въ какіе бы то ни было разговоры. И у учениковъ сталъ пропадать вкусъ къ нимъ.

— Чортъ его знаетъ, старше становимся или глупѣемъ,— сомнѣвался Корневъ.

Было ясно одно: гимназія дѣлалась все больше и больше чужой Тамъ, въ темныхъ коридорахъ младшихъ классовъ, кипѣла жизнь, раздавался визгъ и хохотъ, но знакомую читателю компанію уже не манила эта жизнь, и сонная, равнодушная, она тянула время, какъ бы говоря своими апатичными, скучающими фигурами:—лишь бы прошелъ день до вечера.

Чтеніе какъ-то тоже не шло на умъ.

Карташевъ часто, лежа на диванѣ, думалъ и копался въ себѣ: что его интересуетъ?

Уроки? Къ нимъ, кромѣ смертной тоски и томленія, ничего не ощущалось. Чтеніе? Прежде онъ любилъ его, чувствуя какую-то новую почву. И, пока эта почва чувствовалась, и чтеніе было интересно. Но эта почва какъ-то ускользнула, что-то, какая-то связь точно порвалась: книга осталась книгой, а жизнь пододвинулась и во всѣхъ своихъ проявленіяхъ такъ не схожа съ книгой, что, очевидно, книга одно, книга дѣло рукъ неопытнаго идеалиста, а жизнь имѣетъ свои, совсѣмъ какіе-то другіе законы. Съ одной стороны, что-то тянуло къ этой жизни, тянуло мириться съ ней, приспособиться къ ней, съ другой—было скучно, и ужъ не было того идеальнаго чувства ни къ жизни ни къ матери, какое было раньше, несмотря на всякіе споры и протесты и его и ея Теперь и споровъ почти не бывало,—было просто равнодушіе, апатія и сознаніе, что мать такой же человѣкъ, какъ и всѣ. И отъ этого сознанія дѣлалось еще скучнѣе, и Карташевъ тревожнѣе рылся въ себѣ и искалъ своихъ желаній. Можетъ-быть, онъ

хочетъ любить? Нѣтъ, онъ никого не любилъ и не хотѣлъ любить. Прежде онъ хотя лакомства любилъ,—теперь и ихъ разлюбилъ.

„Неужели же такъ-таки ничего рѣшительно я не люблю?“—подумалъ съ нѣкоторой тревогой Карташевъ.

Онъ еще разъ проникъ въ себя и не нашелъ въ себѣ ничего, что̀ вызывало бы въ немъ охоту къ жизни.

„Таня!“—мелькнуло вдругъ гдѣ-то въ его сердцѣ и замерло въ истомѣ.

„А если бы я къ ней пришелъ вдругъ ночью?!“

Карташевъ задохнулся и испуганно гналъ эту мысль. Но мысль не уходила, овладѣвала сильнѣе, и въ фантазіи Карташева проносились одна другой соблазнительнѣе сцены.

— Тёма, на кого ты сталъ похожъ,—говорила Аглаида Васильевна:—блѣдный, желтый, синяки подъ глазами...

Карташевъ смущенно улыбался, теръ свое лицо руками и, когда оставался одинъ, долго и пытливо смотрѣлъ на себя въ зеркало. Онъ догадывался о причинѣ своего потускнѣлаго вида, давалъ себѣ клятвы не думать о Танѣ и въ знакъ твердаго рѣшенія энергично садился за уроки. Но какая-то сила снова возвращала его все къ той же мысли.

Иногда вдругъ среди урока въ гимназіи его охватывало тяжелое воспоминаніе, и, удрученный, онъ погружался въ самоанализъ. Онъ спохватывался отъ этого самозабвенія и часто на лицахъ другихъ товарищей читалъ отпечатокъ своихъ мыслей. Однажды онъ прочелъ на лицѣ Корнева свои ощущенія и долго потомъ подавлялъ непріятное, брезгливое чувство къ нему. По временамъ онъ питалъ такое же чувство и къ себѣ, и тогда тоска охватывала его сильнѣе, и онъ томился и не зналъ, что̀ же ему дѣлать съ собой? Въ обыкновенное время онъ подавлялъ свою память, но она сковывала его невольно, и это рѣзко обнаруживалось въ его манерѣ, конфузливой и неувѣренной и въ то же время какой-то вызывающей.

Аглаида Васильевна часто незамѣтно и пытливо всматривалась въ сына и думала тревожную думу.

Иногда она вдругъ неожиданно входила въ сумерки къ нему въ комнату и, видя сына лежащимъ на кровати, тревожно и огорченно спрашивала:

— Что̀ ты дѣлаешь впотьмахъ?

— Ничего.—угрюмо отвѣчалъ Карташевъ.

— Зажги лампу.

Однажды подъ вечеръ, когда Карташевъ, Семеновъ, Вервицкій и Берендя сидѣли въ комнатѣ у Карташева, или, вѣрнѣе, сидѣлъ одинъ Берендя, по обыкновенію, держась, какъ палка, и смотря, не мигая, предъ собою, Карташевъ же съ Семеновымъ лежали на кровати, а Вервицкій—на трехъ стульяхъ, дверь вдругъ распахнулась, и, кружась и толкая другъ друга, въ комнату ворвались Ларіо, Корневъ, Рыльскій, Долба и Дарсье.

Чтобы ей угодить, веселѣй надо быть,
И для васъ мой приказъ, чтобы жить не тужить...[1]
Тру-ла-ла, тру-ла-ла,
Тру-ла ла, тру-ла-ла.

Компанія съ азартомъ вскидывала ногами, пригнувъ головы и подобравъ фалды своихъ сюртуковъ Долба просто откалывалъ самый настоящій малороссійскій трепакъ.

— Тьфу!—проговорилъ наконецъ Корневъ:— сегодня „Прекрасная Елена“, а вы тутъ киснете: да ей-Богу... Идемъ...

— Со...собственно...—началъ-было Берендя.

— Что собственно, когда собственно и не видѣлъ еще,— насмѣшливо перебилъ его Ларіо.

И всѣ пошли на „Прекрасную Елену“ и потащили съ собой и Берендю.

— Дѣйствительно такъ интересно?—съ напускной небрежностью спрашивалъ дорогой Карташевъ Корнева.

— Въ сущности, оригинально... свѣжо... музыка мелодичная. Да нѣтъ, хорошо... Легкій развратецъ, конечно, есть, да вѣдь не въ монахи же мы готовимся.

— Умныя рѣчи пріятно и слушать,—хлопнулъ по плечу Корнева Ларіо.

— Да ей-Богу... въ сущности, вѣдь что такое? Homo sum...— Корневъ махнулъ рукой:

Быстро молодость промчится...

— Ерунда все... проживемъ какъ-нибудь... Нѣтъ, талантливая-таки бестія этотъ Оффенбахъ.

„Прекрасная Елена“ понравилась и компаніи Карташева.

Въ антрактахъ еще шли разговоры на тему „homo sum“, но, какъ только раздавался звонокъ, компанія, бросая окурки, спѣшила по деревяннымъ коридорамъ на самый верхъ, на переднюю скамью, чтобы поскорѣе засѣсть и, впившись глазами, съ локтями на барьеръ, съ колѣнками, упертыми въ тотъ же барьеръ, не пропустить ни одного слова ни одного звука.

— Хорошо,—энергично и весело проговорилъ Рыльскій, когда опустился занавѣсъ послѣ того дѣйствія, гдѣ изображена была ночь и спальня Прекрасной Елены.

Корневъ, обладавшій чуткимъ слухомъ, въ отвѣтъ тихо, вѣрно передавая интонаціи страсти, запѣлъ:

Да, это сонъ... да, это сонъ...

— Чортъ побери, это только сонъ!—хлопнулъ кулакомъ по барьеру Долба.

— Ну что?—приставалъ Ларіо къ опѣшившему Карташеву.

— Да молодецъ, молодецъ,—говорилъ ему Рыльскій.

Послѣ театра Ларіо звалъ всѣхъ итти куда-нибудь ужинать, но Карташевъ былъ какъ въ лихорадкѣ и наотрѣзъ отказался.

— Да ты что?—презрительно окликнулъ его Ларіо.

— Не пойду.

— Мама?!

— Не мама, а просто не хочу.

— Ну, и чортъ съ тобой.

Карташевъ ушелъ, а остальная компанія нерѣшительно совѣщалась насчетъ ужина.

Осенняя лунная пустая ночь охватывала Карташева какимъ-то особеннымъ, жуткимъ одиночествомъ. Маленькая, безконечно далекая луна точно уменьшала размѣры предметовъ, и въ этой мертвенно обманчивой пустотѣ ночи и самъ Карташевъ представлялся себѣ какимъ-то такимъ безконечно-малымъ, никому не нужнымъ существомъ. Чрезъ какихъ-нибудь сотню лѣтъ эта луна будетъ такъ же свѣтить, а гдѣ будетъ онъ и вся эта толпа театра, въ которой онъ былъ ничтожнѣе другихъ? Что здѣсь его? Это мгновеніе, только прелесть этой ночи, сила впечатлѣнія. Предъ нимъ вставали образы театра: голыя руки Прекрасной Елены, чьи-то другія роковыя голыя руки. Дыханіе спиралось въ его груди, волненіе сильнѣе охватывало его, и мгновеніями казалось, что ноги не хотятъ ему служить и онъ упадетъ тутъ же на улицѣ и задохнется отъ мучительнаго и сладкаго томленія.

Онъ прошелъ пустую площадь и пошелъ вдоль длиннаго забора. Здѣсь еще глуше, пустыннѣе было, здѣсь еще сильнѣе охватывало страстное сознаніе одиночества.

Карташевъ остановился у калитки и, не позвонивъ, полѣзъ черезъ заборъ. Онъ спрыгнулъ тихо, беззвучно на мягкую грядку сада и, осторожно обходя двери столовой, отъ которой былъ у него въ карманѣ ключъ, пошелъ въ ту сторону тер-

расы, куда выходили окна дѣвичьей. Онъ осторожно открылъ ставню и, ставъ у окна, приложивъ руки, началъ всматриваться. Ясная пустая лунная ночь давала возможность хорошо разсмотрѣть, что̀ дѣлалось внутри. На полу спала Таня, и ея обнаженная рука была небрежно заброшена за голову. Охваченный новымъ огнемъ, Карташевъ стоялъ съ громко бьющимся сердцемъ и пересохшимъ отъ волненія ртомъ. Онъ тихо попробовалъ отворить окно: оно оказалось запертымъ изнутри. Снизу лѣстница наверхъ была тоже заперта. Карташевъ напряженно думалъ: онъ зналъ одно, что сегодня будетъ въ дѣвичьей. Взглядъ его упалъ на лѣстницу, приставленную къ стѣнѣ. Эта лѣстница вела на крышу, оттуда— чрезъ слуховое окно, чердакъ и темную переднюю—въ дѣвичью. Оттуда такимъ же путемъ назадъ и чрезъ столовую, дѣлая побольше шуму, въ свою комнату.

„Надо снять сапоги“,—мелькнуло въ головѣ Карташева, когда онъ взбирался по лѣстницѣ:—иначе можетъ быть такая штука...“

Въ темной передней тихо скрипнула половица... Еще одна уже ближе и тише.

Карташевъ стоялъ надъ Таней.

Таня перемѣнила позу во снѣ, и полная бѣлая нога ея откинулась изъ-подъ одѣяла.

Карташевъ медленно нагнулся и впился губами въ теплое тѣло. Темные глаза Тани открылись и молча замерли на лицѣ Карташева.

— Артемій Николаевичъ! Голубчикъ... мама...—беззвучнымъ шопотомъ молила она.

Карташевъ безумно, страстно цѣловалъ Таню. Въ ослѣпительной молніи ярко сверкнулъ вдругъ въ памяти Ивановъ, прежняя Таня, недосягаемая и чистая, мать—и все слилось въ мучительномъ и сладкомъ стонѣ души...

XX.

У одного товарища Моисеенко умеръ отецъ, оставивъ многочисленную семью. По энергичной иниціативѣ Моисеенко былъ устроенъ негласный литературный вечеръ. Въ вечерѣ принялъ, между прочимъ, участіе и Леонидъ Николаевичъ, къ которому явились его бывшіе ученики-студенты и просили объ этомъ. На литературный вечеръ собрались, въ числѣ многочисленной публики, всѣ знакомыя уже читателю лица. Аглаида Васильевна пріѣхала съ Зиной и Наташей. Наташа была въ черномъ, обхватывающемъ ея стройную талію, платьѣ. Ея черные роскошные волосы волнами заходили взадъ и сли-

вались въ густой косѣ. Легкій запахъ violette распространялся отъ нея, и Корневъ, застегнутый въ мундиръ, понюхавъ воздухъ, сказалъ ей на лѣстницѣ:

— Хорошо пахнетъ... Какой одеръ?

— Ну, довольно...

Компанія, кромѣ Семенова и Дарсье, оставшихся внизу съ дамами, забралась наверхъ, на хоры. Тамъ было темно и уютно, тамъ было много студентовъ, такихъ же студентовъ, какими и они будутъ чрезъ полгода. Будутъ ли?—тревожно замирало не одно сердце.

Въ антрактахъ компанія спускалась къ дамамъ: къ Карташевымъ, Манѣ Корневой, Горенко.

Маня Корнева, въ свѣтломъ платьѣ, волновалась, была въ духѣ, когда возлѣ нея собирались Рыльскій и вся компанія, краснѣла тогда отъ удовольствія, и дѣлалась тревожной, безпокойной, когда Рыльскій уходилъ къ Карташевымъ и садился возлѣ Зины.

Компанія веселой гурьбой перекочевывала отъ однихъ знакомыхъ къ другимъ.

Аглаида Васильевна наблюдала ихъ въ лорнетъ и бросала Зинѣ разныя замѣчанія, въ родѣ слѣдующихъ:

— Тёма горбится.

— Горенко въ Тёму влюблена вотъ какъ...

И Аглаида Васильевна небрежно показывала концомъ лорнета выше головы.

Моисеенко стоялъ у стѣны и наблюдалъ. Чаще другихъ его взглядъ падалъ на Горенко, сидѣвшую въ заднихъ рядахъ. Вышло это случайно,—она опоздала и, сѣвъ на первое свободное мѣсто, ужъ не хотѣла его мѣнять. Это была мелочь, но въ глазахъ Моисеенко она хорошо характеризовала Горенко. Единственная наслѣдница большого состоянія, Горенко не придавала никакого значенія ни ему ни всему тому блеску, который пріобрѣтается путемъ денегъ. Она презрительно говорила про свои средства, что они не ея, и строила цѣлые планы въ будущемъ насчетъ того, что̀ она на нихъ сдѣлаетъ.

Въ общемъ сдержанная, склонная къ пессимизму, Горенко часто поражала выраженіемъ какого-то страданія на своемъ прекрасномъ по выразительности лицѣ. Чувствовалось однако при взглядѣ на нее, что страданье это не имѣетъ реальнаго основанія: она была богата, молода, бури жизни не касались еще собственно ея жизни, и многіе говорили:

— Эхъ, ломается! Изображаетъ изъ себя что-то, потому что знаетъ, что идетъ къ ней.

Горенко и не подозрѣвала о такихъ отзывахъ и продолжала быть такой, какой создали ее ея нервы и натура; безъ причины страдала, безъ причины томилась и только и бывала счастлива, когда думала о томъ, какъ распредѣлитъ свои средства, какъ поведетъ жизнь своеобразную, ни съ чьей не схожую. Въ ея головѣ туманно рисовались то дикія горы, ущелья, ея замокъ гдѣ-нибудь на обрывѣ, она вольная, ни съ чѣмъ не связанная; то рисовался ей большой городъ, и она по улицамъ чужого города идетъ, оглядывается и совершенно явственно чувствуетъ мягкую теплоту весенняго солнца, залитый свѣтомъ бульваръ, восторженную жизнерадостную толпу, и ей кажется, что она уже тамъ, на этомъ бульварѣ, интересы ея въ этой толпѣ, и нѣтъ у нея другихъ, и не хочетъ она другихъ—своихъ, отъ которыхъ дѣлается сразу такъ скучно и пусто, что хоть сейчасъ въ могилу.

Сегодня Горенко была въ духѣ и по временамъ улыбалась той своей усмѣшкой, которая такъ тянула къ себѣ, такъ ясно говорила, что она удовлетворена, что ей весело и хорошо на душѣ и источникъ этого веселья въ ней, а не въ окружавшихъ ее. Источникъ, котораго не коснутся ничьи грязныя руки, потому что она не пуститъ ихъ, потому что она сумѣетъ съ тѣмъ презрѣніемъ силы, какую даетъ убѣжденность и чистота души, оградить себя отъ непрошенныхъ посягателей на ея душевный міръ. Къ такимъ посягателямъ она относила и Аглаиду Васильевну и умѣла по временамъ давать ей отпоръ мягкій, но въ то же время такой твердый, что Аглаида Васильевна съ трудомъ выносила эту своенравную, подрывавшую ея авторитетъ дѣвушку.

Моисеенко съ восторженнымъ чувствомъ, зажатымъ тамъ, въ глубинѣ души, смотрѣлъ на нее, счастливый ея счастьемъ, гордый ея чистотой, искренностью, ея несознаваемой силой. Никто изъ окружавшихъ не былъ ей равенъ. Моисеенко безпристрастно старался сравнивать: одна Наташа выдерживала бы конкуренцію, если бы не ясно было, что Наташа поставлена въ такія условія жизни, изъ которыхъ выхода нѣтъ: будетъ ли ея жизнь счастливая,—это будетъ эгоистичное, сухое счастье сытаго человѣка; будетъ ли она несчастлива,—ея несчастье—нравственный хлѣвъ съ точки зрѣнія иной жизни, хлѣвъ, въ которомъ она задохнется, не сумѣвъ даже осмыслить общія причины несчастья своей жизни.

Горенко была избавлена судьбой отъ обстановки Наташи. Ея міровоззрѣнія складывались самобытно и свободно. Она шла туда, куда тянуло ее—такъ же тянуло, какъ магнитъ притягиваетъ желѣзо: потому что это было свойствомъ ея

души и единственнымъ отвлеченіемъ отъ той тоски, которая по временамъ охватывала ее. Преобладающимъ качествомъ ея души было какое-то полное отсутствіе страха передъ рутиной жизни, лишь бы ясна была истина и правда. Она жадно шла къ этой правдѣ, и вся жизнь ея была въ ней, въ этой правдѣ. Это было такъ естественно, совмѣщалось въ ней съ такой какой-то особенной потребностью не выдвигаться и прятать въ тайникахъ этотъ кладъ души, что Моисеенко иногда, слушая ее, думалъ, что и между людьми могутъ быть самородки, на долю которыхъ судьба счастливо выдѣляетъ изъ грязи земли одно чистое золото. Даже то капризное, избалованное, что̀ чувствовалось въ ней, какъ-то распространялось только на нее одну: она была раба своего невидимаго мучителя, сидѣвшаго въ ней, онъ могъ мучить ее и только ее. Этотъ аристократизмъ чувства, эта гордая свобода, которую сулили чудные глаза молодой дѣвушки, еще сильнѣе тянули къ себѣ сердце молодого реалиста-мечтателя, и онъ еще глубже прятал̀ъ въ себѣ это чувство къ ней.

Къ Горенко подошли Семеновъ и Берендя и заспорили вдругъ: Семеновъ началъ по какому-то поводу усердно доказывать, что всѣ они ни больше ни меньше, какъ мальчишки, а Берендя, заикаясь, съ своихъ туманныхъ высотъ доказывал̀ъ обратное.

— Да вѣдь вы сами, Семеновъ, говорили,—вмѣшалась на помощь Берендѣ Горенко,—что вашъ отецъ въ семнадцать лѣтъ былъ уже офицеромъ.

— Что̀ жъ изъ этого?—оттопыривъ свои маленькія губы, упрямо спросилъ Семеновъ.—Время отца было проще...

— Но... но время т...твоихъ дѣтей еще сложнѣе... дойдетъ до того, что и... въ шестьдесятъ лѣтъ в...все мальчишки.

— И дойдетъ,—упрямо наклонивъ голову, проговорилъ Семеновъ.

— Е...е...если ч...человѣчество обречено бу...будетъ по... постоянно и в...впередъ набивать с...свою голову не...ненужнымъ хламомъ вѣковъ, то... то, к...конечно, оно, въ концѣ концовъ, очутится въ безвыходномъ положеніи, и п...прогрессъ дальнѣйшій станетъ немыслимъ.

— Я въ судьбы человѣчества не лѣзу,—сухо, съ достоинствомъ отвѣтилъ Семеновъ:—но что нѣтъ никакого сомнѣнья, что мы мальчишки, такъ это фактъ.

— Г...грустный фактъ.

— Ну, да ужъ это другое дѣло.

— Семеновъ,—вмѣшалась Горенко,—но какъ же вы объясните такой фактъ: въ Китаѣ и теперь человѣкъ до шести-

десяти лѣтъ все мальчишка, а въ Англіи въ двадцать одинъ годъ празднуется настоящее гражданское совершеннолѣтіе, — страна, у которой жизнь посложнѣе нашей? Возьмите наконецъ исторію въ руки, посмотрите, сколько коронованныхъ въ двадцать лѣтъ уже дѣлали великія дѣла, такія, о какихъ ихъ старые предшественники и подумать не смѣли.

— Я не знаю Англію,—сдержанно возразилъ Семеновъ,—но знаю, что у насъ жизнь гораздо свободнѣе англійской.

— О, Господи!—могла только воскликнуть Горенко и во всѣ глаза съ интересомъ стала смотрѣть на Семенова.

— Не знаю,—скромно развелъ руками Семеновъ:—я знаю, напримѣръ, что англичанка, въ сравненіи съ русскими женщинами, раба... Въ Англіи женщина полная принадлежность семьи, и только самые близкіе друзья впускаются въ эту семью... И я...—Семеновъ убѣжденно уставился въ Горенко,—вполнѣ раздѣляю ихъ взгляды.

Рыльскій, подошедшій въ это время и слушавшій Семенова съ обыкновеннымъ выраженіемъ въ подобныхъ случаяхъ злой ироніи, замѣтилъ:

— Вотъ бы тебѣ въ Англію.

— Мнѣ и у себя на родинѣ хорошо,—язвительно, не смотря, подчеркнулъ Семеновъ и всталъ.

Шаркнувъ ногой, онъ съ высоко поднятой головой, красный, выпячивая грудь и набирая въ себя побольше воздуху, пошелъ, отдуваясь, къ переднимъ рядамъ.

— Н...наконецъ е...естественный в...возрастъ... и... одинаковый во... всѣ вѣка, къ к...которому и должно приспособляться человѣчество... Вотъ какъ пшеницу сѣютъ, можно и... и до осени сѣять, но почва будетъ продолжать свое дѣло... и, сильная въ періодъ образованія зерна для весеннихъ задачъ, бу...детъ не годна больше.

Онъ замолчалъ, всталъ, неловко поклонился и, задѣвая по дорогѣ все, пошелъ наверхъ.

— Какой симпатичный этотъ Берендя,—сказала Горенко подошедшему Моисеенко: — носится себѣ тамъ гдѣ-то въ своихъ облакахъ...

— Діогенъ... О чемъ они тутъ горячились?

Горенко вкратцѣ передала содержаніе.

— Какое смѣшное животное этотъ Семеновъ,—усмѣхнулась она, кончивъ передачу.

Моисеенко вздохнулъ.

— Въ отдѣльномъ экземплярѣ смѣшное, но въ стадѣ подобныхъ—страшная сила... Хуже бизоновъ.

Когда на эстраду вышелъ Леонидъ Николаевичъ и неловко поклонился, громъ аплодисментовъ разсыпался по залѣ.

Лица собравшихся засіяли удовольствіемъ, смотря въ молодое. умное лицо лектора.

— У него очень умное лицо,—замѣтила Аглаида Васильевна, внимательно разсматривая его въ лорнетъ.

Долго не умолкали овацiи.

Лицо Леонида Николаевича, сперва спокойное и безучастное, оживилось, глаза загорѣлись веселымъ огнемъ, и, когда аплодисменты стихли, онъ заговорилъ тѣмъ живымъ голосомъ, какимъ владѣлъ только онъ, голосомъ, который сразу приковывалъ къ себѣ все вниманiе слушателя.

— Господа!—началъ добродушно Леонидъ Николаевичъ.— Говорятъ, въ доброе старое время тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ жилъ одинъ усердный поклонникъ своего времени. Усердiе свое онъ простиралъ до того, что, не довольствуясь общеустановленной строгой цензурой тѣхъ временъ, завелъ себѣ на свой счетъ цензора, обязанность котораго состояла въ томъ, чтобы краснымъ карандашомъ вычеркивать изъ того, что онъ читалъ, все то, что могло его огорчить. Объ этомъ въ свое время много говорили, смѣялись, но оригиналъ продолжалъ себѣ жить и испытывалъ своеобразное наслажденiе въ добровольномъ лишенiи себя знать истину, полагая, вѣроятно, въ этомъ всю свою гордость.

„Эта истина, однако, оттого только, что была отдана въ безконтрольное вѣдѣнiе карандаша, отъ взмаха этого карандаша, конечно, и не думала исчезать съ лица земли, и вся до послѣдней строчки появилась въ той горькой чашѣ, которую пришлось испить всѣмъ до дна въ тяжелые дни севастопольской кампанiи. Оригиналу поздно стало ясно, что это добровольное нежеланiе знать истину создало то положенiе, по которому, въ силу вещей и законовъ, истина нашла себѣ другiя двери въ жизнь, и двери эти оказались болѣе пагубными въ своей совокупности, чѣмъ то, что, по частямъ и своевременно узнанное, послужило бы, можетъ-быть, къ совсѣмъ другой развязкѣ. Въ этомъ примѣрѣ сила рутины и неспособность самому съ ней справиться такъ очевидна, что ясно, что самый большой нашъ врагъ—эта рутина, сидящая въ насъ. Работа въ этомъ направленiи надъ собой, пріобрѣтенiе способности самопознаванiя и вытекающее изъ этого самопознаванiя уваженiе къ своимъ и чужимъ правамъ и есть главнѣйшая свѣтлая задача воспитанiя и образованiя. Я не раздѣляю этихъ понятiй, обыкновенно относимыхъ—одно къ душѣ, другое къ уму: душу надо понять тѣмъ же умомъ, и

только достаточно развитой умъ пойметъ, что этой душѣ нужно, чтобы эта душа была дѣйствительно душа, а не кусокъ старой подошвы, наподобіе души Китая, которая уважается и чтится тамъ только по количеству шариковъ.

„Говорятъ, заводить рѣчь объ образованіи поздно, говорятъ— это старый и скучный вопросъ, давно рѣшенный. Я не согласенъ съ этимъ. Нѣтъ рѣшенныхъ вопросовъ на землѣ, и вопросъ образованія—самый острый и больной у человѣчества. Неизбѣжно и необходимо возвращаться къ нему, какъ необходимо пахарю опять и опять возвращаться къ своей нивѣ. И это не старый, скучный вопросъ,—это вѣчно новый вопросъ, потому что нѣтъ старыхъ дѣтей, и жизнь—нива все новыхъ и новыхъ посѣвовъ.

„Господа! Эта нива пахаря—нива жизни. Эта нива и идущій по ней плугъ—законъ суровой необходимости, законъ, который имѣетъ достаточно силы, чтобы неутомимо и безжалостно волочить за собой тѣхъ, кто не можетъ уразумѣть вѣчный и неизбѣжный смыслъ его. Чтобы чувствовать и понимать, чтобы охватить этотъ смыслъ, надо умѣть смотрѣть впередъ. Какъ для того, чтобы разсмотрѣть окружающую насъ мѣстность, надо взбираться на самую возвышенную точку, а не лѣзть въ ямы и болота, откуда ничего не видно, такъ и въ образованіи людей необходима эта возвышенная точка, эта его обсерваторія, съ которой онъ могъ бы общимъ взглядомъ всегда окидывать и свою и окружающихъ его дѣятельность. И чѣмъ выше эта его обсерваторія, тѣмъ производительнѣе работа, тѣмъ меньше риску потеряться и застрять въ дебряхъ жизни. Высотой этой обсерваторіи, полетомъ мысли націи дѣлятся на культурныя и некультурныя, миссіи ихъ бываютъ или историческія—правда, путемъ страданія, но они все-таки несутъ людямъ высшую формулу человѣческой жизни,— или же жизнь народовъ сводится къ зачаточной и прозябательной. Народы Азіи и Африки уже обречены на вѣчное рабство. Громадныя полчища Ксеркса легли подъ ударами десяти тысячъ осмысленныхъ людей. Четыреста милліоновъ китайцевъ, несмотря на массовую стадность, только жалкая игрушка въ рукахъ горсти англичанъ. Славянскіе народы, примѣръ болѣе поздней эпохи, всѣ они не свидѣтельствуютъ ли все о томъ же суровомъ и неизбѣжномъ законѣ исторіи, ясно говорящемъ, что время не ждетъ и не прощаетъ и одного потеряннаго мгновенья.

„Сознавать это—вотъ вторая высокая творческая цѣль современной школы, и поскольку эта цѣль осуществима, постольку и гарантія у государства въ его дальнѣйшемъ

существованіи. Создать это сознаніе и укрѣпить его на надежныхъ якоряхъ—вотъ спасительная работа этихъ будущихъ работниковъ своей страны, работа, только съ осуществленіемъ которой жизнь людей перестанетъ быть вѣчнымъ, безплоднымъ толченіемъ воды, наподобіе Китая, гдѣ всѣ поколѣнія приходятъ и уходятъ, не принося ничего въ предопредѣленную на вѣки вѣковъ форму. Въ нашъ вѣкъ исключительнаго прогресса, вѣкъ пара и электричества, въ вѣкъ нравственнаго обновленія человѣческаго духа—больше, чѣмъ когда-нибудь, проникая всю роковую неизбѣжность, нужна сила, чтобъ поспѣть за другими. Не вяжите же безполезныхъ камней на ноги тѣмъ, кому и безъ того предстоитъ тяжелый путь въ гору жизни. Не кормите трухой вашу силу, потому что вамъ сила нужна, а не безсилье, и только сила можетъ вытянуть грузъ туда, куда спѣшатъ вытащить его другіе и, какъ побѣдители, заставятъ и васъ, но какъ рабовъ, дѣлать все-таки эту работу: такъ горсть людей, стоящихъ на горѣ, двухсотмилліонное населеніе Индіи заставляетъ работать на себя. И если ужъ нельзя иначе—давайте волю всѣмъ вашимъ эгоистическимъ инстинктамъ, но пусть же этотъ эгоизмъ въ вашихъ же интересахъ будетъ хоть эгоизмомъ, освѣщеннымъ свѣтомъ запада, а не свѣтомъ кочевниковъ востока, потому что судьбы востока и запада такъ различны, что выбора между ними быть не можетъ: западъ свободенъ и, хотя тяжело, но идетъ къ выходу, а востокъ—вѣчный рабъ того же запада. Не востокъ, не западъ—середина между свободой и рабствомъ, и больше нѣтъ никакого выхода, и изъ трехъ дверей самыя выгодныя, очевидно, двери запада. Выгодныя, неизбѣжныя и въ исторіи благодарныя. Великій Петръ и сынъ его Але сѣй полтораста лѣтъ тому назадъ еще рѣшили и освѣтили этотъ вопросъ“.

Леонидъ Николаевичъ въ такомъ же страстномъ тонѣ переходитъ къ вопросамъ безцѣльнаго переутомленія учащихся, къ нравственному истощенію организмовъ, къ подрыву уваженія къ себѣ, къ потерѣ аппетита къ жизни, къ нравственному малокровію, худосочію и ко всѣмъ ужасамъ болѣзней, связанныхъ съ этимъ худосочіемъ. Иногда расплываясь, увлекаясь, гоняясь за примѣрами, въ общемъ онъ нарисовалъ сильную, яркую картину человѣческаго прогресса, и на этомъ пути прогресса, растянувъ всѣ существующія силы человѣчества, рельефно связалъ застой и движеніе на немъ съ тѣмъ, поскольку истинное знаніе проникаетъ въ школы народовъ. Тутъ были разобраны и реальная Америка, и десять тысячъ китайскихъ церемоній, и латинская кухня схоластики, и пересхедесы востока.

Онъ перешелъ къ идеалу своей школы, и пораженный Беренда сидѣлъ и слушалъ все то, что̀ зарождалось уже въ его головѣ. Лучистые глаза Беренди горѣли такимъ гордымъ счастьемъ, какого онъ никогда еще не испытывалъ. Это счастье заключалось въ томъ уваженіи къ себѣ, которое Беренда впервые осязательно чувствовалъ. Эта внутренняя сила, которая толкала его на путь разныхъ философскихъ вопросовъ, была не жалкимъ маньячествомъ: его мысли—мысли гимназиста—уже такъ поразительно сходились съ мыслями этого выдающагося молодого учителя. Беренда слушалъ и самъ не вѣрилъ своимъ ушамъ, и снова, наклонивъ голову, прислушивался, довольный и счастливый.

Какъ-то вскользь Леонидъ Николаевичъ коснулся и славянофильства, назвавъ его пагубнымъ источникомъ обскурантизма, потому что основаніе уважаемыхъ людей этого ученія построено не на общемъ законѣ человѣческой жизни, а, напротивъ, на произвольномъ ненаучномъ положеніи „другого тѣста“. Такія ученія тѣмъ и страшны, что, неся въ себѣ произволъ, даютъ только предлогъ въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи людямъ тьмы пользоваться ими для своихъ неосмысленныхъ цѣлей. Такія ученія не привязываютъ васъ къ якорю спасенія общечеловѣческой жизни, а подобны тому, какъ если бы человѣкъ для опредѣленія нужной ему прямой полагался не на данныя, внѣ его находящіяся (вѣхи, компасъ), а на свою внутреннюю увѣренность, что его глаза его не обманутъ. Такой человѣкъ можетъ думать, сколько ему угодно, что идетъ онъ по прямой, но компасъ самосознанія остальныхъ, опредѣляющій эту настоящую прямую, и факты дѣйствительной жизни—третья высокая задача воспитанія будущихъ руководителей своей родины.

„Въ настоящее время зарождается новое ученіе опростителей-народниковъ *), ученіе, по своей нетерпимости, носящее въ себѣ всѣ признаки отупѣнія, тѣ признаки, которые такъ характерны въ изувѣрствахъ нашихъ раскольниковъ, въ поклонникахъ Мекки и въ ревнителяхъ схоластической школы. Съ исторіей въ рукахъ, съ яснымъ сознаніемъ закона необходимости, все это тѣ же темныя силы, которыя могутъ только предлагать свести человѣчество съ торной дороги и закрутить его въ непроходимыхъ дебряхъ старыхъ печатей, старыхъ книгъ, младенческой формы, такъ же пригодной для воспріятія новой жизни, какъ желудокъ младенца годится для пищи

---

*) Очевидный анахронизмъ, такъ какъ начало ученія народниковъ относится къ 1877 году. *Прим. автора.*

взрослаго, чрезъ опытъ жизни прошедшаго мудреца, или какъ дичокъ-яблоня можетъ замѣнить культивированный сладкій плодъ. Отсутствіе истиннаго знанія, отсебятина, нутро—во всевозможныхъ соусахъ и видахъ—вотъ отличительные признаки этихъ ученій, этихъ доморощенныхъ дикарей цивилизаціи, ломающихъ голову, какъ бы изъ своего пальца высосать то, что̀ отвергаютъ: знаніе исторіи человѣчества, примѣры общечеловѣческой культуры, пониманіе законовъ исторической необходимости, отъ которой такъ же нельзя уклониться, какъ и отъ вращенія вмѣстѣ съ землей, къ которой мы принадлежимъ и составляемъ ея законное, на общихъ началахъ построенное естество. Народъ—да, но народъ самосознающій, а этого самосознанія нѣтъ безъ культуры“.

То мѣсто рѣчи, въ которомъ Леонидъ Николаевичъ такъ рѣзко отказался отъ приписываемой ему связи съ славянофильствомъ, было встрѣчено съ живымъ восторгомъ Корневымъ, Долбой и Рыльскимъ. Они насторожились, и Корневъ, довольный, толкая въ бокъ то Рыльскаго, то Долбу, искалъ внизу глазами Моисеенко.

Но когда Леонидъ Николаевичъ перешелъ къ народникамъ,—Корневъ уже съ безпокойствомъ и тревогой, найдя наконецъ Моисеенко, стоявшаго у колонны, смотрѣлъ ему въ лицо. Моисеенко неопредѣленно смотрѣлъ на Леонида Николаевича, и по его лицу Корневъ ничего не могъ сообразить, что̀ говорилъ Леонидъ Николаевичъ: дѣло, или, что̀ называется, зарапортовался. Такъ же молча, не выражая больше ни восторга ни разочарованія, насторожившись, сидѣли Долба и Рыльскій.

Лицо Беренди, напротивъ, продолжало попрежнему сіять, и онъ побѣдоносно смотрѣлъ то на Карташева, то на Вервицкаго. Вервицкій, упершійся кулакомъ на барьеръ и положившій на кулакъ свой подбородокъ, сидѣлъ, сонно смотрѣлъ и, тревожимый взглядомъ Беренди, раздраженно только сдвигалъ брови: это возбужденіе Беренди и раздражало и обижало его,—онъ сравнивалъ Берендю съ мухой на рогахъ вола и чувствовалъ за своего друга всю унизительную глупость его.

— Ну же, оставь! — наконецъ не вытерпѣлъ Вервицкій, раздраженно огрызнувшись на Берендю:—слушать мѣшаешь.

Карташевъ давно потерялъ связь и только мгновеніями ловилъ себя на томъ, что думалъ въ это время и о деревнѣ, и о матери, и о товарищахъ, и только никакъ не могъ сосредоточиться и слушать Леонида Николаевича. Взглядъ Беренди сосредоточилъ его на мгновеніе, и, прослушавъ внимательно о народникахъ, Карташевъ согласился и кивнулъ головой Берендѣ въ знакъ своего согласія. Онъ даже обрадовался сло-

вамъ учителя: этотъ взглядъ не шелъ такъ въ разрѣзъ со взглядомъ матери,—разрѣзъ, который ставилъ его въ безвыходное положеніе какой-то оппозиціи, обреченной жить чѣмъ-то такимъ отвлеченнымъ, къ которому никакъ не подмостишь ни сердца ни всего того, что наполняетъ повседневную жизнь, что требовало общенія, примиренія, любви, дѣятельности, за что кричалъ весь организмъ, кричалъ назойливо, настойчиво и представлялъ страшный доводъ: у человѣка не двѣ жизни, и жить жизнью безплодной смоковницы нельзя, невозможно.

Леонидъ Николаевичъ кончилъ, и громъ аплодисментовъ посыпался по залѣ. Все слилось въ это мгновеніе въ выраженіе горячаго одобренія человѣку, который далъ вдругъ всѣмъ точно какую-то свѣжую ванну души. Умытые въ этой ваннѣ, глаза молодежи горѣли, удовлетворенные счастливымъ огнемъ. Въ эту минуту они были опять тѣми же одухотворенными энтузіастами,—увы!—какими уже переставали себя чувствовать. Какъ-то обнажилась снова параллель жизни будничной, прозаичной, жизни отупѣнья, съ этой другой жизнью подъема, взгляда съ птичьяго полета. Чувствовались крылья и желаніе летѣть. Отраднымъ было и сознаніе, что работа надъ своимъ развитіемъ дала плоды: они понимали, интересовались и не только понимали, но шли дальше—дѣлали свои выводы, готовы были итти навстрѣчу, и гордость удовлетворенія завершалась сознаніемъ, что все это для нихъ такъ же интересно, какъ и для самого Леонида Николаевича. И это была не фраза, не раздутое чувство, а искренняя правда, и радость этой правды горѣла въ счастливыхъ глазахъ юношей.

Карташевъ встрѣтился съ недоумѣвающими, обиженными глазами новаго учителя латинскаго языка и, дико заревѣвъ: „браво“, отбивая съ новой силой свои вспухшія ладони, смотрѣлъ на него и жегъ его огнемъ своихъ красивыхъ глазъ. Эти глаза злорадно, страстно кричали ему: „Я послѣдній, да? я послѣдній? А ты? Теперь ты понимаешь, кто ты?“

Оскорбленный учитель молча съ достоинствомъ поднялся, пробрался сквозь ряды и вышелъ изъ залы.

Всѣ были довольны устроеннымъ вечеромъ.

Берендя, возвращаясь домой, шелъ, какъ говорится, не чувствуя подъ собой ногъ. Праздникъ былъ въ его душѣ, праздникъ въ этомъ таинственномъ сумракѣ ночи, въ этихъ весело, спѣшно бѣгущихъ облакахъ по темному синему небу. Воздухъ былъ мягкій, теплый, какой иногда бываетъ на югѣ въ позднюю осень. Тамъ и сямъ подъ воротами, прижавшись, сидѣли парочки, о чемъ-то таинственно шептали и пріятно

раздражали нервы философа. Онъ свернулъ къ дому, гдѣ жила Фроська, и осторожно сталъ пробираться у забора. Заслышавъ голоса, Беренця притаился и началъ слушать. Говорили Фроська и Яшка, возвратившійся изъ плаванія. Философъ узналъ горькую истину и тихо, беззвучно пошелъ къ себѣ...

На другой день было воскресенье, и Беренця, долго не спавшій съ вечера, проспалъ до десяти часовъ. Первая мелькнувшая мысль была о вчерашнемъ торжествѣ и признаніи его мыслей. Вторая мысль была о Фроськѣ. Беренця, лежа на кровати, замеръ съ закинутыми за голову руками и смотрѣлъ передъ собой. Въ теоріи выходило все къ лучшему, но на практикѣ онъ чувствовалъ какую-то боль въ сердцѣ, точно это была ссадина, и къ этой ссадинѣ прикасались вдругъ то жирные волосы Фроськи, то взглядъ ея, тупой и безучастный. Въ общемъ жаль было, шевелилась какая-то ревность, какое-то чувство тоски о томъ, что онъ, въ сущности, любилъ эту грязную Фроську, а она не любила и даже смѣялась надъ его чувствомъ. Было и обидно, и больно, и стыдно и за себя и за Фроську. И опять надъ всѣмъ этимъ поднималось розовое облако радости вчерашняго вечера, и Беренця опять тонулъ въ ощущеніяхъ и переливахъ своего удовлетворенія.

Цѣлый день онъ провелъ дома. Ему никуда не хотѣлось итти, потому что онъ боялся, какъ бы не разбилось его праздничное настроеніе. Онъ взялъ скрипку... Мягкіе, нѣжные звуки ласкали его душу, и, положивъ голову на скрипку, онъ смотрѣлъ счастливыми задумчивыми глазами куда-то вдаль, въ окно, за тѣ крыши домовъ, въ тотъ прогалокъ, гдѣ виднѣлось готическое зданіе церкви бульвара. Тамъ, гдѣ-то въ воздухѣ, въ этихъ крышахъ, была Фроська и ея коварный другъ, было мирное прощающее чувство и сознаніе, что область высшаго счастья и для Фроськи и для ея любовника навсегда закрыты, и за право на это счастье онъ, Беренця, по справедливости, долженъ былъ уступить имъ мѣсто. И онъ уступалъ со всей готовностью обладателя болѣе высшаго счастья. Мысли Беренди унеслись далеко...

Тамъ, въ маленькомъ захолустномъ городкѣ, живетъ его семья, бѣдная мать, задавленная нуждой жизни, отецъ, отравитель своей семьи и самъ неосмысленный страдалецъ, сестры, больныя, раздраженныя созданія безъ мелодіи, безъ аккордовъ тѣхъ высшихъ звуковъ, которые мирятъ съ жизнью, заставляютъ ловить себя въ этой жизни жаднымъ привычнымъ ухомъ и заслоняютъ собою и блескъ богатства и жажду всего того, что только отравляетъ жизнь и дѣлаетъ изъ людей сухихъ, бездушныхъ эгоистовъ. Если онъ будетъ когда-нибудь

зарабатывать больше того, что̀ нужно, чтобы быть сытымъ, онъ отдастъ всѣ деньги своимъ несчастнымъ сестрамъ, отдастъ всѣмъ тѣмъ, кто видитъ въ нихъ счастье, а себѣ, себѣ онъ возьметъ ту область человѣческаго духа, съ которой, какъ вчера сказалъ Леонидъ Николаевичъ, жизнь людская видна, какъ съ высоты маяка. И если съ этой высоты ему, сторожевому, удастся во̀-время увидѣть грозящую людямъ опасность, какое счастіе будетъ имѣть возможность закричать: берегись!

„Алкоголикъ!“—тревожно пронеслось вдругъ тамъ, между домами, и тоской предчувствія, тревогой и страхомъ охватило Берендю.

Онъ положилъ скрипку и молча подошелъ къ другому окну и смотрѣлъ въ уголъ пустого забора.

— Ну-у!—капризно махнула рукой ему Фроська, выгляну-вшая изъ-за забора и не ожидавшая встрѣчи съ нимъ.

Она не знала того, что̀ зналъ Берендя, и ея жестъ, въ другое бы время принятый, какъ жестъ любовнаго заигры-ванья, открылъ вдругъ Берендѣ всю ея смущенную душу, смущенную оттого, что она должна обманывать, и этотъ жестъ вдругъ точно освѣтилъ ему все его знакомство съ Фроськой, всѣ ея движенія, всю подавленность и забитость ея поведе-нія. Онъ былъ невольнымъ палачомъ ея, онъ самъ, не со-знавая своей роли, заставлялъ ее обманывать, лгать и му-читься муками такого униженія, какого до этого момента онъ, Берендя, и представить себѣ не могъ.

„О, какая страшная вещь—жизнь!—подумалъ съ искрен-нимъ ужасомъ молодой философъ,—и какъ безъ этого фонаря, впотьмахъ, безъ этой высоты, какъ можно давить, гнести и не сознавать даже своей роли палача!..“

Онъ все объяснитъ Фроськѣ, и счастливый, облегченный за нее, онъ уже видѣлъ веселый, довѣрчивый взглядъ этой несчастной, когда она пойметъ, что ему больше не надо ея продажной любви, что дорога она ему уже не какъ мясо, а какъ Фроська, жалкое, изобиженное судьбой существо съ образомъ и правдой Божіей въ своей все-таки чистой душѣ.

„Да, я алкоголикъ, — это сократитъ мою жизнь, будетъ отнимать часть времени, но остальное время—мое, и все оно людямъ, все оно знанію, все на постройку моей обсерваторіи“.

Берендя сѣлъ за свои книги, читалъ, записывалъ и въ антрактахъ ходилъ большими шагами по комнатѣ. Подъ вечеръ его потянуло-было къ компаніи, но онъ зналъ, что компанія уйдетъ въ театръ и теперь, вѣроятно, наряжается: придѣлываетъ усы, надѣваетъ парики и очки, чтобы не быть узнанными гимназическимъ начальствомъ.

Перспектива этого мальчишества, грустныя впечатлѣнія оперетки отбили въ немъ охоту куда бы то ни было итти. Онъ радъ былъ, что и Василій Ивановичъ съ Петромъ Семеновичемъ не посѣтили его. Въ сумерки онъ вышелъ на улицу и, поманивъ Фроську, пошелъ на бульваръ.

Когда она пришла, онъ, усадивъ ее на скамью глухой аллеи, разсказалъ ей все, что̀ узналъ. Фроська страшно было-испугалась и, совсѣмъ растерявшись, принялась-было, даже какъ-то захлебываясь въ голосѣ, всхлипывать. Кое-какъ Берендѣ удалось ее успокоить и растолковать ей свою будущую роль въ ея жизни.

Фроська вздохнула и вдругъ произнесла осмысленнымъ, сознательнымъ голосомъ покровительства:

— Добрая душа.

Изъ этого отвѣта Берендя увидѣлъ, что онъ былъ понятъ, увидѣлъ, что отворилась для него дверь въ другое отдѣленіе души Фроськи—отдѣленіе, хозяиномъ котораго отнынѣ дѣлался онъ и только онъ, и гдѣ конкуренціи онъ ни съ кѣмъ не боялся.

Берендя протянулъ ей руку и сказалъ:

— С...слушай... я твой другъ навсегда. К...когда только надо д...днемъ и... ночью иди ко мнѣ. Такъ?

— Такъ,—отвѣтила Фроська своимъ опять апатичнымъ и равнодушнымъ голосомъ.

Берендя спалъ легко и хорошо въ эту ночь. Передъ сномъ, когда онъ уже лежалъ въ кровати и потушилъ свѣчу, ему вспомнился смѣшной эпизодъ его далекаго ранняго дѣтства. Закутанный въ мамкинъ платокъ, онъ игралъ у завалинки на пригрѣвѣ веселаго солнца весны. И все такъ радостно было вокругъ него, и онъ былъ центромъ, маленькимъ фокусомъ этой радости. Счастливый, водянисто-желтый и вздутый, онъ присѣдаетъ на своихъ кривыхъ ножкахъ, топчется и благодаритъ въ избыткѣ своего счастья и этотъ веселый день весны и этихъ мошекъ и козявокъ, которыя ползутъ, торопятся и спѣшатъ, конечно, къ нему, чтобы своимъ видомъ еще большей радостью наполнить его маленькое счастливое сердце. Ахъ, сколько ихъ! — Маленькій Берендя усердно присѣдаетъ и кланяется, кланяется такъ торопливо, точно боится оскорбить своимъ невниманіемъ всѣхъ этихъ букашекъ.

Но онѣ не только на землѣ и завалинкѣ, и въ воздухѣ, и кругомъ на деревьяхъ, а вонъ птички, мухи и еще что-то, что̀ такъ звенитъ-звенитъ и вдругъ сѣло прямо на его маленькую ручку.

— И вы прилетѣли,—присѣдаетъ счастливый обладатель несмѣтныхъ богатствъ:—вы кто?

И его напряженная радостная физіономія ждетъ отвѣта отъ прилетѣвшаго комара.

— Вотъ я тебѣ покажу, кто я,—точно говоритъ комаръ, вертясь и удобнѣе примащиваясь на маленькой ручкѣ жизнерадостнаго философа.

Лицо мальчика вдругъ искривилось отъ боли. Озадаченный, потрясенный, онъ не вытерпѣлъ и, осторожно отстраняя комара, произнесъ возмущеннымъ до глубины души голосомъ:

— Слушайте... такъ нельзя... уходите.

Берендя усмѣхнулся, подумалъ, что, если бы Вервицкій зналъ этотъ эпизодъ, онъ засмѣялъ бы его, и, прогнавъ изъ головы это воспоминаніе, которое любила разсказывать ему мать, наблюдавшая эту сцену, заснулъ спокойнымъ, безмятежнымъ сномъ.

XXI.

Первый урокъ въ понедѣльникъ былъ латинскій два часа кряду. Берендя, наскоро одѣвшись и умывшись, успѣлъ утромъ за чаемъ перелистать и грамматику и скандовку сатиры Горація. Собравъ книги, накинувъ пальто, въ шапкѣ, сдвинутой немного на затылокъ, расплывающійся, лучезарный и присѣдающій, онъ пошелъ въ гимназію, поражая проходившихъ мальчишекъ своими лучезарно-желтыми расходящимися глазами. Прежде, въ дополненіе къ впечатлѣнію, къ этимъ глазамъ присоединялись и женоподобные мягкіе волосы, и въ рамкѣ ихъ все лицо Беренди имѣло какое-то странное выраженіе женщины. Но теперь эти волосы, по строгому требованію, были коротко острижены, и съ непривычки лицо Беренди казалось какимъ-то помолодѣвшимъ и смѣшнымъ.

На послѣднемъ перекресткѣ передъ гимназіей его увидѣлъ Вервицкій, остановился и ждалъ.

— Чортъ знаетъ,—сказалъ Вервицкій,—сіяетъ на весь кварталъ. Съ тебя скоро капать станетъ жиръ. Терпѣть не могу такой самодовольной рожи.

Всю эту тираду Вервицкій выпалилъ еще издали и, когда Берендя подошелъ вплоть, проговорилъ, пожимая ему руку, совсѣмъ уже другимъ голосомъ:

— Здравствуй.

— С...слушай, развѣ я пополнѣлъ?

— Ерунда... Что жъ нашъ журналъ, еще будетъ?

— Не... не знаю... Корневъ и Па...Карташевъ...

— Ничего не выйдетъ,—махнулъ рукой Вервицкій.—Я возьму, да и отдамъ свой разсказъ въ газету.

— Ты... ты думаешь, напечатаютъ?

— Отчего же не напечатаютъ,—обидѣлся Вервицкій.—Ерунду такую печатаютъ, что читать совѣстно...

Онъ набралъ полный ротъ слюней и сплюнулъ на сторону. Потомъ, приставивъ палецъ къ одной ноздрѣ, выпустилъ содержимое въ ней на панель и продѣлалъ тоже съ другой ноздрей. Затѣмъ вынулъ изъ кармана платокъ, обтеръ носъ и наконецъ сосредоточенно сказалъ:

— Это самое здоровое, такъ сморкаться,—ты продуваешь носъ, какъ трубу.

Берендя, при всемъ своемъ уваженіи къ другу и страхѣ обидѣть его, не удержался отъ улыбки. Тѣмъ обиднѣе она показалась Вервицкому.

— Смѣешься потому, что глупъ. Что я—свое говорю? Ты сначала вотъ прочти тамъ, гдѣ я прочелъ, тогда и смѣйся.

— Въ к...календарѣ?—подпустилъ Берендя.

Вервицкій хотѣлъ-было уже совсѣмъ смѣшать съ грязью Берендю, но, посмотрѣвъ вдругъ на его самодовольное лицо, съ искреннимъ соболѣзнованіемъ проговорилъ, качая головой:

— Дуракъ, дуракъ!

Берендя только замоталъ головой со своей типичной манерой и принялся, вмѣсто былой бороды, гладить свой бритый подбородокъ.

— А з...знаешь, отчего я кажусь пополнѣвшимъ?.. о...оттого, что обрился.

— Оттого, что у тебя разжиженье мозга начинается... Это всегда первый признакъ, когда человѣкъ начинаетъ вдругъ ни съ того ни съ сего толстѣть.

— О?—испуганно встрепенулся Берендя.—А отъ чего эта болѣзнь?

— Вотъ тебѣ и о! Это вотъ кто чортъ знаетъ чѣмъ занимается, тотъ и заболѣваетъ.

— Какъ чортъ знаетъ чѣмъ занимается?

— Вотъ чѣмъ ты занимаешься.

— Чѣ...чѣмъ я занимаюсь?

— Тѣмъ самымъ.

— С...слушай, какую ты ерунду говоришь.

— Вотъ тебѣ и слушай.

— Да ей... ей-Богу, я ничѣмъ не занимаюсь.

— Ну, это ты себя морочь, а меня оставь... Довольно посмотрѣть на человѣка, чтобы это сразу узнать.

Берендя шелъ рядомъ, думалъ и ничего не понималъ.

Вервицкій еще набралъ полный ротъ слюней и энергично сплюнулъ.

— О...откуда у тебя столько слюней?—спросилъ Берендя.

Но Вервицкій не удостоилъ его отвѣтомъ и, круто повернувъ въ калитку, зашагалъ по гимназическому двору.

Пріятелей ждала грустная новость. Корневъ, Долба, Семеновъ, Дарсье и остальные, бывшіе въ классѣ, сидѣли на скамьяхъ, стояли, смотрѣли другъ на друга и молчали.

— Леонидъ Николаевичъ больше не учитель,—объявилъ вошедшимъ Корневъ.

Берендя, только было-собравшійся по старой памяти приводить свою шевелюру въ порядокъ, такъ и остался съ поднятыми руками. Вервицкій на ходу выслушалъ и такъ же стремительно, какъ шелъ, добрался до своего мѣста, сѣлъ и только тогда началъ соображать.

— Леонидъ Николаевичъ больше не учитель,—повторилъ Долба вошедшему Карташеву.

— Что ты врешь?—изумился Карташевъ.

Опредѣленнаго никто ничего не зналъ. Вчера было объясненіе съ попечителемъ, и Леонидъ Николаевичъ подалъ уже прошеніе.

Вошелъ Рыльскій, и его встрѣтили тѣмъ же извѣстіемъ.

— Да, да,—отвѣтилъ сосредоточенно Рыльскій.

Онъ молча, серьезно поздоровался со всѣми, вынулъ изъ кармана газету и сказалъ:

— Я сегодня за чаемъ узналъ: здѣсь все описано.

Всѣ тѣсной толпой съ напряженными физіономіями обступили его. Рыльскій сухимъ, рѣзкимъ голосомъ прочелъ газетный слухъ. Стоустая молва приписывала все дѣло усердію учителя латинскаго языка, который все представилъ совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ.

— Каковъ гусь?—саркастически бросилъ Рыльскій.

Раздраженье успѣло только охватить учениковъ, но не вылиться. Въ классъ влетѣлъ учитель, красный и встрепанный больше обыкновеннаго.

Ученики молча, нехотя расходились по своимъ мѣстамъ. У Беренди точно провалилось что-то, и онъ сидѣлъ пустой и ошалѣлый.

Рыльскій раздраженно смотрѣлъ бокомъ на волновавшагося за своимъ столомъ учителя и вдругъ вынулъ газету. Онъ сѣлъ поудобнѣе, развернулъ ее и, хлопнувъ, отставилъ отъ глазъ подальше, какъ это дѣлаютъ старики, когда читаютъ.

Классъ замеръ и впился въ учителя: знаетъ ли онъ, въ чемъ дѣло? Онъ зналъ! Бѣлый, какъ стѣна, онъ едва слышно спросилъ:

— Рыльскій, что̀ вы читаете?

Рыльскій въ полъ-оборота, придерживая шнурокъ pince-nez, насмѣшливо отвѣтилъ:

— Газету: интересное сообщеніе изъ нашей гимназіи.

— Дайте мнѣ газету,—могъ только прошептать учитель.

Рыльскій поднялъ брови, подумалъ и, хлопнувъ по газетѣ, пренебрежительно, черезъ плечо передавая ее Корневу, проговорилъ:

— Передай.

Но учитель самъ уже вскочилъ и, выхвативъ газету, бросился-было съ ней изъ класса. Несмотря на то, что все это продолжалось не болѣе двухъ-трехъ мгновеній, классъ охватило то массовое волненіе, когда самообладаніе уже теряется.

— Шпіонъ!—заревѣлъ вдругъ, не помня себя, Берендя, вскакивая съ мѣста.

Учитель на мгновенье приросъ къ мѣсту, и онъ и Берендя впились другъ въ друга глазами, но въ это время уже и другіе, всѣ, какъ одинъ, ревѣли, не помня себя:

— Шпіонъ!

— Подлецъ!

Но учителя уже не было въ классѣ. По коридорамъ забѣгали встревоженные надзиратели, отворяли двери въ классы, что-то шептали учителямъ и бѣжали дальше.

Учителя, одни съ тяжелой, удрученной физіономіей, другіе, какъ учитель нѣмецкаго языка, бойко и возбужденно выходили изъ своихъ классовъ и направлялись въ учительскую.

Какая-то гробовая таинственная тишина воцарилась во всей гимназіи, и, несмотря на то, что начальство исчезло, всѣ сидѣли, молчали и не двигались съ мѣста.

Черезъ пять минутъ дверь учительской распахнулась, и въ коридоръ вышелъ директоръ, блѣдный, съ бѣгающими взбѣшенными глазками, съ своей длинной бородой и острымъ носикомъ и, наклонивъ голову, мелкими шагами направился въ седьмой, классъ.

— По опредѣленію педагогическаго совѣта Рыльскій исключается изъ гимназіи. Берендя исключается безъ права поступленія куда бы то ни было...

Директоръ остановился, опустилъ голову, сдѣлалъ властное движеніе рукой, пальцами указывая на дверь, и, изогнувшись, проговорилъ, раздувая ноздри:

— Вонъ!

Рыльскій, блѣдный, серьезный и сосредоточенный, вынулъ свои книги, шапку и прошелъ мимо директора съ высоко-поднятой головой, не удостоивъ его даже взглядомъ.

За нимъ, съ задней скамьи, присѣдая, растерянно потянулся Беренда, не сводя своихъ ошалѣлыхъ глазъ съ освирѣпѣвшаго директора.

— Всему классу за поведеніе три, и если эта отмѣтка сохранится до экзаменовъ, то выпуска въ этомъ году не будетъ,—объявилъ директоръ.

Беренда возвращался домой по тѣмъ самымъ улицамъ, по которымъ всего полчаса тому назадъ шелъ такой удовлетворенный и полный счастья. Но какая страшная разница въ его положеніи! Такая страшная, что ни охватить ни уловить ее во всемъ объемѣ Беренда не могъ. Онъ только безсознательно шепталъ:

— Ну что жъ? Ничего...

Тамъ гдѣ-то въ немъ вдругъ точно образовалась какая-то брешь, и въ эту брешь вынесло вдругъ его, и онъ былъ на какой-то высотѣ, ощущалъ какой-то выше себя порывъ. Теперь онъ опять внизу, ниже, чѣмъ былъ, въ какой-то пропасти, и осталось только ощущеніе этой бреши—тяжелое, тоскливое сознаніе невозможности задѣлать, уничтожить ее... Иногда въ ней, въ этой бреши вдругъ мелькали лица отца, матери, сестеръ, и во рту дѣлалось сухо, такъ мучительно сухо, точно вдругъ уставалъ онъ, потому что шелъ безъ устали цѣлую вѣчность. И опять какой-то сгущенный туманъ заволакивалъ вдругъ все. Безсознательно, автоматично онъ вошелъ наконецъ въ свою комнату.

Рабочее утро смотрѣло въ окно, то утро, которое онъ никогда не проводилъ дома. Все такъ же, какъ и было. Солнце весело играло на полу, на пыльномъ ящикѣ скрипки, на книгахъ.

„Книги!“—безсознательно шевельнулось въ головѣ Беренди.

И вдругъ другая мысль, что его навсегда выгнали, молніей освѣтила его, и не столько эта мысль, сколько всѣ послѣдствія этой мысли и все безвыходное положеніе, въ какомъ онъ сразу очутился. Силы вдругъ оставили Берендю: закружилась голова, затошнило, и, чтобъ не упасть, онъ легъ на кровать. Онъ лежалъ блѣдный, съ широко раскрытыми сухими глазами, и смотрѣлъ въ потолокъ. Понемногу имъ овладѣла такая слабость, что онъ уже не могъ пошевелить ни рукой ни ногой. Сознаніе возвратилось, но тоже какое-то отдаленное и ограниченное: онъ лежалъ, смотрѣлъ въ потолокъ, почувствовалъ, что усталъ, хочетъ уснуть и теперь можетъ уснуть. Беренди закрылъ глаза. Какая-то безконечная тишина охватила его; точно онъ сразу оглохъ и пересталъ воспринимать всѣ впечатлѣнія внѣшняго міра. Тихій, безмятежный покой

разлился по его существу, и безъ мысли, безъ чувства, словно все это угасло или провалилось куда-то, Беренда заснулъ крѣпкимъ, спокойнымъ сномъ.

Онъ проснулся, когда солнце было уже близко къ закату. Первая мысль его, спокойная и ясная: гдѣ онъ? Вторая, съ послѣдней уносившейся надеждой: не кошмаръ ли все, что было?! Нѣтъ, не кошмаръ. Беренда быстро поднялся и сѣлъ на кровати. Его выгнали?! Что жъ онъ будетъ дѣлать?

Ему вдругъ стало страшно: страшно себя, страшно быть въ этой комнатѣ, и, охваченный ужасомъ, онъ бросился къ фуражкѣ и пальто.

Онъ вышелъ на улицу, постоялъ и пошелъ къ Вервицкому. Какая-то нелѣпая надежда на что-то шевелилась въ душѣ.

Вервицкій сидѣлъ въ своей комнатѣ и, заткнувъ уши, зубрилъ Кюнера.

Онъ вскинулъ глазами на Беренду и продолжалъ зубрить. Вервицкій былъ возмущенъ и Берендей и Рыльскимъ. Онъ ругалъ ихъ эгоистами, изъ-за которыхъ пострадалъ весь классъ.

Беренда молча сѣлъ на стулъ и терпѣливо ждалъ. Наконецъ Вервицкій кончилъ, отнялъ руки отъ ушей и, пригнувшись, уставился въ Беренду.

Беренда старался равнодушно выдержать непонятный для него взглядъ друга, поматывалъ головой и гладилъ рукой подбородокъ.

— И радъ! — проговорилъ Вервицкій и закачалъ головой.

— Что... что жъ, мнѣ плакать?

— Дуракъ ты, дуракъ,—съ самымъ искреннимъ отчаяньемъ сказалъ Вервицкій.

— Ну... ну, что жъ, что дуракъ? Э...это я с...слышалъ д...давно...

— Слышалъ?!

Вервицкій сокрушенно замолчалъ.

— Ну что жъ?! Лучше вышло? Подумалъ ты, что отцу, матери приготовилъ, подумалъ, въ какое положеніе поставилъ всѣхъ товарищей? Эгоистъ...

— С...слушай, оставь,—обиженно остановилъ его Беренда и вытянулъ свои длинныя ноги.

Возмущенный Вервицкій молча рѣшительно придвинулъ къ себѣ грамматику и началъ читать глазами.

Молчаніе продолжалось довольно долго.

— С...слушай,—робко предложилъ Беренда:—пойдемъ къ Карташеву.

— Я не пойду,—сухо отвѣтилъ Вервицкій.

Наступило опять молчаніе. Вервицкій упорно читалъ. Берендя сидѣлъ. Онъ въ первый разъ въ жизни, можетъ-быть, почувствовалъ себя оскорбленнымъ.

— С...слушай,—тихо, скорѣе испуганно, чѣмъ обиженно, сказалъ онъ, поднимаясь:—прощай...

Вервицкій подавилъ шевельнувшееся-было въ немъ чувство и, выдерживая характеръ, молча, не глядя, протянулъ ему руку.

Берендя тоже молча пожалъ и вышелъ. Точно какая-то сила выводила его изъ этой комнаты, и что-то шептало, что онъ никогда больше не увидитъ ея. Берендя нерѣшительно остановился и оглянулся на Вервицкаго. Вервицкій все такъ же читалъ.

Сверху въ окно Вервицкій слѣдилъ, какъ мелькали ноги долговязаго Беренди, боролся съ желаніемъ позвать его назадъ и не позвалъ.

Берендя вышелъ на улицу, подумалъ и вдругъ, потерявъ охоту итти и къ Карташеву и къ кому бы то ни было изъ товарищей, пошелъ, куда глаза глядятъ. Упрекъ Вервицкаго испугалъ его, оскорбилъ и освѣтилъ вопросъ въ отношеніи друзей совсѣмъ съ другой стороны. Его потянуло на свой бульваръ, потянуло къ пріятелямъ - пьяницамъ. Воспоминаніе о нихъ какъ-то всколыхнуло его и освѣжило новой надеждой.

Пріятели были, дѣйствительно, на бульварѣ въ своемъ обычномъ уголкѣ—поближе къ кабаку, и сидѣли на скамьѣ. Василій Ивановичъ, по обыкновенію, дремалъ, Петръ Семеновичъ держалъ носъ по вѣтру и пренебрежительно, но зорко всматривался въ проходившихъ.

Берендя съ первыхъ словъ сообщилъ о постигшемъ его несчастіи. Василій Ивановичъ при этомъ извѣстіи совсѣмъ раскисъ и только растерянно во всѣ глаза смотрѣлъ на Берендю. Даже Петръ Семеновичъ, какъ ни привыкъ на все махать рукой, хотя и произнесъ свое обычное: „ерунда“, тѣмъ не менѣе, въ первое мгновеніе послѣ этого крякнулъ и замолчалъ.

— Ко...конечно, ерунда,—подхватилъ Берендя и спросилъ:

— А что̀, не выпьемъ?

— Выпить-то въ самый разъ,—ободрился Петръ Семеновичъ.

— Ахъ, Боже мой, Боже мой!—вздохнулъ возбужденно Василій Ивановичъ.

Берендя досталъ деньги, и Петръ Семеновичъ молча былоподнялся.

— Слушайте... вѣдь собачій холодъ, въ сущности,—сказалъ

онъ. — Чего вамъ теперь стѣсняться? Идемъ въ кабакъ... Тамъ сядемъ себѣ въ углу, и чортъ намъ не братъ.

Василій Ивановичъ только перевелъ глаза со своего друга на Берендю.

— А, чортъ возьми, все равно, — рѣшительно произнесъ Берендя и всталъ.

— Пойдемъ?—покорно заглядывая ему въ глаза, спросилъ Василій Ивановичъ, и всѣ трое направились къ кабаку.

Карташевъ приходилъ къ Берендѣ и, не заставъ его дома, оставилъ записку, въ которой звалъ къ себѣ.

Уже была ночь, когда Лейба выпроводилъ пріятелей на улицу. Берендя былъ пьянъ, все кружилось передъ нимъ, и ноги не слушались и ступали не туда, куда онъ ихъ направлялъ. Это занимало его, и онъ весь сосредоточился на томъ, чтобы непремѣнно итти такъ, какъ онъ хотѣлъ. Но ноги не повиновались, онъ валился и, усмѣхаясь, говорилъ:

— Чо...чортъ возьми.

Какимъ-то инстинктомъ онъ все-таки добрался до своего дома и, выдержавъ стремительную атаку своей ворчливой хозяйки, прошелъ къ себѣ въ комнату и повалился на кровать. И кровать, и онъ самъ, и вся комната вдругъ закачались, какъ въ морѣ. Голова Беренди закружилась, и онъ почти не помнилъ, что̀ дальше было. Сквозь какой-то сонъ въ окнѣ вдругъ мелькнула испуганная, исковерканная ужасомъ физіономія Фроськи, что-то ухнуло—не то Фроська, не то онъ самъ, и Берендя опять потерялъ сознаніе.

Его разбудили уже утромъ рѣзкіе толчки хозяйки.

Съ перепою, съ туманной еще головой онъ слушалъ, смотрѣлъ, какъ властно прыгалъ передъ нимъ жирный животъ хозяйки, и ничего не понималъ.

За хозяйкой стоялъ полицейскій, и изъ двери выглядывали еще два-три лица.

— Да говори же ты, проклятый, говори?! — потеряла терпѣніе хозяйка и стала трясти Берендю за плечи.

Онъ тупо, не сопротивляясь, далъ себя трясти и хриплымъ голосомъ равнодушно спросилъ:

— Въ чемъ дѣло?

Онъ провелъ рукой по лицу и оглянулся по тому направленію, куда тыкалъ жирный палецъ хозяйки. Тамъ, на полу у окна лежалъ какой-то чемоданъ, и на торчащей простынѣ былъ большой слѣдъ алой крови. Берендя съ широко открытыми глазами смотрѣлъ на это кровяное пятно. Въ немъ было что-то такое страшное, что и его кровь стала вдругъ стынуть въ жилахъ. Въ напряженной памяти вдругъ мелькъ-

нуло ночное видѣніе Фроськи. Онъ смотрѣлъ, вслушивался, и страшная истина начала обнажаться. Хозяина и хозяйку Фроськи зарѣзали; Фроська исчезла; хозяйка Беренди, войдя утромъ къ нему, къ ужасу своему увидѣла окровавленный чемоданъ. Зная связь Беренди съ Фроськой, она, чтобы оградить себя, бросилась къ городовому.

— Глупости все это,—произнесъ машинально Берендя.

— Нѣтъ, голубчикъ, не глупости, — благимъ матомъ заревѣла хозяйка.—Я женщина честная, одинокая, пустила тебя, проклятаго, не на позоръ свой.

— Господинъ, — вмѣшался городовой, — какимъ манеромъ этотъ самый чемоданъ могъ очутиться у васъ въ комнатѣ?

Берендѣ вдругъ стало такъ пусто, точно весь міръ куда-то провалился и никого, кромѣ этой жирной хозяйки и этого городового, не осталось въ немъ.

„Что мнѣ съ ними дѣлать и куда уйти отъ нихъ?“—пронеслось тоскливо въ его головѣ. Какъ прибой и отбой, всѣ мысли отхлынули на мгновеніе изъ его головы. „Умереть!“—тихимъ плескомъ ударилось въ голову бѣднаго философа. И сразу какая-то сила выхватила его изъ бездны и подняла на недосягаемую высоту. „Смерть—двери въ царство свободы!“

Берендя поднялъ глаза и, всматриваясь спокойно въ сѣрую шинель городового, проговорилъ:

— Я... я убилъ ихъ... п...пьяный былъ... разсердился, что Ф...Фроська куда-то убѣжала, п... и убилъ ихъ.

Бѣдная хозяйка отскочила до самой двери.

— У... у меня при...припадки безумія и прежде бы... бывали...

Наступило паническое гробовое молчаніе.

— Какъ же теперь?—разводя руками, тихо, точно совѣщаясь, спросилъ городовой:—въ участокъ, что ли, его?

Берендѣ надо было только выиграть время.

— Б...безъ разрѣшенія гим...гимназическаго начальства,—быстро отвѣтилъ онъ,—нельзя... Н...надо спросить... В...вотъ вамъ мои сапоги... Я... я безъ нихъ не уйду... В...возьмите чемоданъ.

Городовой и всѣ другіе вышли наконецъ изъ комнаты. Берендя остался одинъ, онъ всталъ и долго смотрѣлъ впередъ. Онъ не жалѣлъ и даже радовался этому новому барьеру: смерть — дверь въ царство свободы, твердо засѣло въ его головѣ. Это былъ якорь, за который схватился онъ всей силой, какая была въ немъ. Въ эту дверь пройдутъ всѣ,—рано или поздно. Въ эту дверь ушли величайшіе умы и вся суета земли, эта дверь теперь отворяется для него. Отво-

рнется!? Берендя присѣлъ къ столу, потому что ноги его вдругъ ослабѣли и не хотѣли больше держать его. Онъ подвинулъ какую-то книгу и съ горькимъ чувствомъ оттолкнулъ ее.

„Нѣтъ, не надо больше книгъ,—сжалось сердце Беренди.— Не надо книгъ, не надо друзей, никого и ничего не надо“.

Лицо Беренди дрогнуло, спазма сдавила горло. Онъ судорожно схватилъ карандашъ и написалъ:

„Я не хочу больше жить, потому что жизнь злое и безпаказанное издѣвательство“.

Оскорбленный, онъ бросилъ карандашъ и, страстно сверкая глазами, закричалъ въ ощущеніи счастія небытія:

— Я хочу правды, уваженія, хочу любви, хочу вѣчной свободы... И я найду ихъ...

Рыданья оборвали его голосъ.

Надо было спѣшить, пока онъ стоялъ еще на высотѣ своей обсерваторіи и смотрѣлъ въ безконечную даль. Тамъ, внизу этой обсерваторіи, шумѣла и волновалась какая-то темная разъяренная бездна. Тонкій маякъ качался, дрожалъ въ своемъ основаніи и вотъ-вотъ готовъ рухнуть туда внизъ, въ эту страшную бездну, рухнуть вмѣстѣ съ нимъ, чтобы больше никогда не подняться. Нѣтъ, не ему выплыть оттуда, это говорила ему теперь вся его слабая воля. Онъ ужъ разъ былъ тамъ, въ этой безднѣ,—онъ цѣлыя сутки былъ въ ней. О! Надо спѣшить, пока не оставили силы...

Яшка въ порывѣ страха, который охватилъ его вдругъ, когда онъ очутился въ сонной квартирѣ мѣщанъ, куда забрался, чтобы утащить изъ комода деньги, зарѣзалъ ножомъ, взятымъ для самообороны, спящихъ хозяевъ. Его страшный глазъ сверкалъ и вмѣстѣ съ ножомъ, казалось, страстно погружался въ мягкое горло его жертвъ.

Онѣмѣлая Фроська такъ и замерла надъ этой неожиданной развязкой, стоя у входа маленькой мирной спальни съ мерцавшей лампадкой.

Все подернулось ужасомъ какого-то тумана. Кажется, шевелятся эти зарѣзанные, или спятъ они крѣпко съ алой лентой на шеѣ и шевелится только тамъ, въ горлѣ, тонкая струйка, что̀ дальше и дальше тянетъ эту алую ленту. Иродъ Яшка что-то шепчетъ, что-то суетъ, куда-то толкаетъ. Охъ, глазъ, глазъ его! Не видѣть! Страшно!.. Темная ночь, пустая улица, кровь на простынѣ, что̀ торчитъ изъ чемодана... Ахъ, аспидъ, что̀ онъ сдѣлалъ?! Куда ей дѣться съ этимъ страшнымъ чемоданомъ? Назадъ?! Къ алымъ лентамъ?! Желтоглазаго квартира?! Фроська стремительно бросилась къ окну, распахнула

его, заглянула въ окно и, бросивъ чемоданъ, побѣжала безъ оглядки впередъ.

„Стой, — остановилась она на мгновенье,—гдѣ ждать-то онъ будетъ, иродъ?!“

Она напрягала свою память, хотѣла вспомнить. Но все тонуло въ томъ же страшномъ кровавомъ туманѣ, сквозь который только отчетливо, рельефно смотрѣла на нее маленькая комната, два спящихъ въ алыхъ лентахъ, что̀ шевелятся... Минутами ей казалось, что кто-то гонится за ней, какая-то простыня въ крови волочится, и въ дикомъ ужасѣ она неистово бѣжала дальше и напрягала всѣ способности своего приросшаго къ чему-то мозга, чтобы придумать какой-нибудь выходъ.

На разсвѣтѣ ее остановилъ грознымъ окликомъ городовой.

Она такъ и обмерла, такъ и впилась въ длинный носъ, маленькіе глаза, какой-то мягкій пушокъ, покрывавшій лицо и шею страшнаго городового.

— Стой, дѣвка! Куда бѣжишь? Говори всю правду безъ утайки: зачѣмъ подолъ въ крови?!

— Ой! Ой! Ой!

Она присѣла, поднялась опять и въ какой-то истомѣ положила руки на плечи городовому.

— Ну, ну, говори, — смягчая свой суровый тонъ на тотъ мягкій и властный, отъ котораго Фроська чувствовала, что никуда ужъ не дѣнется, поощрялъ ее городовой.

— Ой, дяденька! Ой! Ой! Ой! Дяденька, голубчикъ ты мой! — откинувъ голову и не отнимая рукъ, по временамъ совсѣмъ прижимаясь къ городовому, выла Фроська и начала свой путанный, точно страшный сонъ, разсказъ.

По временамъ городовой терпѣливо направлялъ ее:

— Кто онъ?.. говори ты по порядку.

Въ участокъ привели Фроську, и явился городовой отъ Беренди. Опытный приставъ скоро распуталъ всю исторію и, понявъ, что Берендя спьяна чего-то навралъ на себя, самъ пошелъ къ нему въ квартиру.

Но Беренди ужъ не было въ живыхъ.

Въ простѣнкѣ между двухъ оконъ висѣлъ бѣдный философъ съ поджатыми колѣнками и страшными, совершенно разошедшимися и выпученными глазами смотрѣлъ твердо и неподвижно на вошедшаго пристава. Какая-то загадочная тайна застыла въ этихъ глазахъ, та тайна, которую точно постигъ онъ уже тамъ, въ своей петлѣ, и не смогъ сообщить ее: только отъ напряженія нечеловѣческаго усилія вздулся, посинѣлъ и выпучилъ свои страшные глаза.

XXII.

Смерть Беренди произвела потрясающее впечатлѣніе между учениками и въ ихъ семьяхъ. Шли жаркіе страстные дебаты. Аглаида Васильевна жалѣла искренне Беренду, но видѣла во всемъ недостойную слабость и безсилье его слабой натуры.

— Все, все фальшиво отъ начала до конца! Несвоевременное развитіе, нравственное напряженіе и упадокъ силъ— все должно было привести къ этому. Ахъ, это такой наглядный примѣръ той ошибки, въ какую дало увлечь себя общество всѣми этими скороспѣлыми ученіями Добролюбова, Чернышевскаго, Писарева. Они, титаны, потянули за собой этихъ маленькихъ пигмеевъ... и сами не справились и этихъ изуродовали.

Сердце Аглаиды Васильевны обливалось кровью, когда она вдумывалась, обобщала и связывала въ одно всѣ непонятныя и печальныя явленія тогдашней русской жизни.

— Боже мой, люди совсѣмъ потеряли голову! Господи, спаси и пожалѣй бѣдную Россію!

Новый генералъ-губернаторъ, двоюродный братъ Аглаиды Васильевны, пріѣхавъ, отнесся къ ней съ той родственной любезностью, на какую она и не разсчитывала.

Товарищъ ея мужа, отчасти антагонистъ съ нимъ по службѣ, онъ одно время было совсѣмъ отдалился отъ своей двоюродной сестры. Но теперь обстоятельства перемѣнились,— мужъ умеръ, судьба свела ихъ въ одномъ городѣ, гдѣ жила Аглаида Васильевна, та самая Аглаида Васильевна, которая когда-то такъ умѣла кружить головы, — умная, обаятельная, свободная и неприступная,—и генералъ-губернатора потянуло къ ней, какъ тянетъ всѣхъ насъ къ свѣтлымъ уголкамъ нашей молодости.

И Аглаида Васильевна была и тронута и польщена такимъ вниманіемъ и родственнымъ радушіемъ.

— Ахъ, какой симпатичный, — твердила она, проводивъ дорогого гостя. — Ахъ, какой умница! Вотъ этакого давно надо было! О-о! Съ этимъ пойдетъ дѣло!

То, что̀ Аглаида Васильевна только прозрѣвала, то оказалось понятнымъ и выясненнымъ. Въ общей связи событій ей стало многое ясно изъ того, что̀ ускользало раньше. Взглядъ ея на реформу образованія перемѣнился. Аглаида Васильевна точно помолодѣла и воскресла духомъ.

— Россія спасена! — говорила она таинственно-радостно.

Когда пріѣхалъ изъ деревни на выборы Неручевъ, она строго накинулась на него:

— Отчего вы не служите? Какъ вамъ не стыдно! Вы молоды, полны силъ, вашъ отецъ былъ выдающійся человѣкъ, природа не обидѣла и васъ...

Неручевъ, довольный, улыбался, разводилъ руками, а Аглаида Васильева твердила:

— Стыдно, стыдно!

— Сегодня вечеромъ, — провожая его, приказала Аглаида Васильевна,—извольте пожаловать на чай къ намъ,—я васъ познакомлю съ этимъ человѣкомъ, и вы сами увидите.

— Если къ этому и Зинаида Николаевна осчастливитъ игрой, то, конечно, буду.

— Ну, ужъ это ваше дѣло,—усмѣхнулась Аглаида Васильевна и, ласково кивнувъ уходившему гостю, повторила:

— Такъ ждемъ.

— Непремѣнно-съ... Хотя отъ всякой службы впередъ отказываюсь.

— Ну, ну, хорошо...

И, оставшись одна съ дочерью, она сказала:

— Нѣтъ, необходимо его вытащить изъ деревни: молодой человѣкъ, съ здравымъ смысломъ... Нѣтъ, я заставлю Бориса Платоновича скрутить его.

Борисъ Платоновичъ, новый генералъ-губернаторъ, невысокій, плотный, красный, въ своемъ генеральскомъ мундирѣ смотрѣлъ такъ, какъ смотрятъ люди его положенія, власть имѣющіе: просто, спокойно и въ то же время такъ, что чувствовалось каждую секунду, что онъ умѣетъ смотрѣть и иначе и для этого разрѣшенія ни у кого спрашивать не будетъ. Вся его выправка, вся фигура ясно говорили одно: поменьше разсужденій,—время разведенія бобовъ прошло безвозвратно и навсегда, и каждому, осмѣливающемуся сомнѣваться, я сумѣю доказать это круто и скоро.

О строгости и рѣшительности новаго начальства ходили цѣлыя легенды по городу. Попробовали-было оказать противодѣйствіе ему, — и противодѣйствіе было сломано очень скоро. Смѣна однихъ другими шла во всѣхъ сферахъ административныхъ и общественныхъ. Генералъ всѣмъ и всегда твердилъ:

— Нельзя-съ служить и Богу и мамонѣ. Если ты того лагеря, и иди туда, а если же ты присягу принялъ и являешься представителемъ существующаго порядка, то и будь имъ не только съ виду,—продолжая тамъ гдѣ-то сзади выводить свою линію,—но и въ дѣйствительности: не токмо за долгъ, но и за совѣсть... Тогда только и можетъ итти стройно государственная машина... А хочешь фальшивить... у меня не на-

фальшивишь: рта не откроешь, а я ужъ знаю—и кто ты, и что ты, и гдѣ твоя заноза.

Генералъ и Неручеву за чаемъ у Аглаиды Васильевны повторилъ ту же тираду и, махнувъ своимъ широкимъ на бѣлой подкладкѣ рукавомъ, небрежно принялся намазывать себѣ кусокъ хлѣба масломъ.

— Я, конечно, тоже,—продолжалъ онъ,—раздѣляю взглядъ кузины, что общественная дѣятельность въ вашемъ положеніи,—генералъ вскинулъ глаза на Неручева, — необходима... Отчего вы не идете въ предводители?

Это былъ очень затруднительный для Неручева вопросъ. Неручевъ не шелъ, во-первыхъ, потому, что никогда объ этомъ не думалъ, не шелъ потому, что никто его не звалъ, не шелъ наконецъ просто потому, что какъ же такъ пойти? заявить? Ну, а не выберутъ? Сразу очутишься въ глупомъ положеніи. Въ гласные не выбрали... Положимъ, онъ зналъ, почему не выбрали: чтобъ насолить за его нежеланіе якшаться со всякими чумазыми.

— Изъ предводителей дорога открытая...

— Конечно, ваше превосходительство, но наше время...— Неручевъ замялся.—Откровенно говоря, время чумазыхъ... и такихъ, какъ я, не любятъ.

— Пустяки,—махнулъ на него генералъ.

Неручевъ только вздохнулъ.

— Пустяки,—повторилъ авторитетно генералъ.—Пріѣзжайте завтра ко мнѣ.

— Я, ваше превосходительство, и безъ того счелъ бы своей обязанностью.

— Ну, вотъ и отлично.

Генералъ послѣ чаю уѣхалъ, а Неручевъ остался.

— Ну, какъ вы его нашли? — спросила Аглаида Васильевна.

— Просто прелесть, — отвѣтилъ весело, разводя руками, Неручевъ:—если бъ я былъ женщина, я ужъ былъ бы влюбленъ въ него.

— Ну, я очень рада... сумѣйте устроить, — таинственно-дружески сказала Аглаида Васильевна: — а теперь вы меня извините, вотъ вамъ молодая хозяйка, а я пойду съ своей капей возиться: одинъ латинскій, другая задачи, третья педагогика; иной разъ сяду и думаю: Господи, кажется, потребуйся китайскій языкъ, и по китайскому стану репетировать.

Аглаида Васильевна ушла и по дорогѣ думала: Неручевъ значительно измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ узналъ, что Борисъ Платоновичъ двоюродный братъ...

— Люди всегда—люди!.. — снисходительно вздохнула она.

XXIII.

Похороны Беренди прошли торжественно. Ученики седьмого класса сами несли гробъ. За гробомъ шло много учителей и въ томъ числѣ Леонидъ Николаевичъ. Точно какая-то стѣна выросла вдругъ между нимъ и учениками. Только издали смотрѣли на блѣдное, разочарованное лицо учителя. Но никто не рѣшался подойти. Зачѣмъ, что̀ скажешь? Кромѣ непріятности ему и себѣ, ничего не выйдетъ.

Корневъ шелъ, грызъ ногти, раздумывалъ и тянулъ за пѣвчими: „со святыми упокой!“.

Долба шелъ, опустивъ голову въ землю, и тоже о чемъ-то сосредоточенно размышлялъ. По временамъ онъ подымалъ голову, зорко всматривался въ лица окружавшихъ, въ лица учителей, встряхивался и опять опускалъ къ ногамъ глаза.

Рыльскій, серьезный, сухой, въ pince-nez, съ высоко поднятой головой, шелъ уже въ штатскомъ. Онъ на-дняхъ уѣзжалъ навсегда за границу и безучастно-холодно смотрѣлъ передъ собой.

Изъ дамъ провожала гробъ только Горенко. Она шла, кусая свои губки, загадочно смотря то куда-то вдаль, то на гробъ Беренди.

Вѣтеръ качалъ пламя свѣчей, относилъ назадъ и вмѣстѣ съ копотью и погребальнымъ пѣніемъ настраивалъ на какой-то монотонно-однообразный ладъ.

Карташевъ шелъ, старался сосредоточиться, иногда живо и горячо охватывался горечью минуты, вспоминалъ живого Берендю и опять уносился куда-нибудь далеко отъ всего окружавшаго.

„Со святыми упокой“,—звучатъ въ его ушахъ низкія ноты Корнева, и онъ оглядывается, точно проснувшись отъ какого-то сладкаго забвенья, и сразу втягивается въ мучительную тоску переживаемаго непоправимаго момента. Карташевъ вздыхалъ такъ глубоко, какъ могъ, и думалъ:

„Бѣдный Берендя немногаго искалъ въ жизни и того не нашелъ. Отчего это такъ люди устроены, что надъ ними столько зла дѣлаютъ? И развѣ нельзя такъ, чтобы зла этого не было? Можно, конечно, если пожелать его не дѣлать. Но вѣдь и тотъ, что̀ цензора себѣ нанялъ, тоже, вѣроятно, искренне желалъ... Желалъ—и зеркало, въ которое могъ бы видѣть и провѣрять себя, карандашомъ замазалъ... Жалко, что журналъ нашъ оборвался... Теперь, конечно, не состоится... Я бы написалъ столько объ этомъ... Если бы я могъ, я бы пришелъ къ Государю и сказалъ: „Государь, я хочу для тебя

умереть, я буду до послѣдней капли крови служить тебѣ вѣрой и правдой, позволь мнѣ только тебѣ всю правду говорить".

Въ далекомъ углу кладбища скромная вырытая могила ждала своего хозяина.

За ближайшимъ памятникомъ прятались двѣ оборванныхъ фигуры Петра Семеновича и Василія Ивановича. Василій Ивановичъ напряженно и мучительно не могъ отвести глазъ отъ свѣжаго могильнаго бугра, мигалъ и по временамъ вздрагивалъ. Петръ Семеновичъ стоялъ мрачный и озлобленный и собственно не понималъ, за какимъ чортомъ они пришли сюда. Но каждый разъ, какъ онъ заводилъ на эту тему рѣчь, Василій Ивановичъ такъ взглядывалъ на него, какъ будто отъ того, останутся они или нѣтъ, зависѣла вся его жизнь.

— Слушайте, Петръ Семеновичъ, — судорожно, какъ послѣднее отчаянное средство, предложилъ Василій Ивановичъ:— сегодня, сами знаете, похороны Пономарева... вѣдь дадутъ? такъ? Все вамъ...

— Да чортъ!.. Сказалъ, что останусь, чего жъ вамъ?

Когда на дорогѣ показалась процессія, Василій Ивановичъ пришелъ въ такое тоскливое волненіе, что схватилъ Петра Семеновича за руку:

— Ой! Везутъ... везутъ голубчика нашего...

— Да, ужъ не воротите, — угрюмо сказалъ Петръ Семеновичъ.

Василій Ивановичъ жадно, во всѣ глаза впился въ дорогой ему гробъ. Онъ и не чувствовалъ, какъ слезы лились у него по щекамъ и капали на землю.

Когда гробъ опустили въ могилу и по крышкѣ глухо застучала земля, когда всѣ, отдавъ послѣдній долгъ усопшему, уже собирались надѣть шапки и разойтись, вдругъ выступилъ Долба и, напрягая себя, поборовъ робость, началъ говорить рѣчь. Это было такъ неожиданно, что смятенье разлилось по лицамъ слушающихъ.

— Безтактно, — прошепталъ сердито на ухо Карташеву Семеновъ.

Карташевъ только плечами пожалъ.

Приходилось всѣмъ волей-неволей слушать. Долба началъ гладко, но витіевато на тему объ авторитетѣ. Всѣ слушали молча, потупивъ головы, и всякій думалъ свою непріятную думу, мысленно посылая ко всѣмъ чертямъ Долбу за неудачную выдумку. Долба начиналъ самъ чувствовать это, торопился, сталъ обрываться и, въ сущности, ничего не сказавъ, упавшимъ голосомъ кончилъ: „миръ тебѣ, дорогой товарищъ".

— Аминь,—хрипло отозвался Корневъ.

— Аминь,—облегченно повторило нѣсколько голосовъ.

Только-что отошелъ Долба—у могилы вдругъ появился разстроенный Василій Ивановичъ. Онъ стоялъ и напряженно смотрѣлъ своими голубыми дѣтскими глазами, дрожалъ, и слезы градомъ лились по его щекамъ.

— Умеръ?!—съ тоской, всхлипывая, говорилъ онъ:—Діогенъ умеръ...

Слезы опять остановили его.

— Діогенъ... солнце закрыли... въ могилѣ... въ могилѣ...

Василій Ивановичъ все напряженнѣе всматривался, и все сильнѣе слезы лились по его щекамъ. Онъ такъ и застылъ въ своей позѣ, мигая глазами. Казалось, онъ самъ забылъ, о чемъ началъ, что хотѣлъ сказать. Кто-то поклонился ему и пошелъ прочь. Одинъ за другимъ всѣ кланялись и уходили.

— Водкой бы не спаивали этого Діогена, — проворчалъ сквозь зубы Семеновъ, шагая рядомъ съ Карташевымъ.

Когда больше никого не осталось, къ Василію Ивановичу подошелъ Петръ Семеновичъ и дернулъ его за рукавъ.

— Ну, чего еще?—угрюмо оборвалъ онъ его.

— Ушли?!—спросилъ Василій Ивановичъ.—Всѣ ушли?!

— Ну, идемъ,—свирѣпо потянулъ его за собой Петръ Семеновичъ.

— Куда идемъ?! Петръ Семеновичъ, водки надо...

— Нѣтъ денегъ...

— Нѣтъ?!

И Василій Ивановичъ скорчилъ такую отчаянную физіономію, точно это было верхомъ человѣческаго страданія.

— Петръ Семеновичъ, я достану!

Василій Ивановичъ опрометью бросился къ кладбищенскимъ воротамъ и нагналъ толпу расходившихся. Онъ быстро окинулъ всѣхъ и подошелъ къ Горенко.

— Дайте, пожалуйста, двадцать копеекъ, — съ отчаяніемъ обратился онъ къ ней.

Горенко быстро сунула руку въ карманъ, достала рублевую бумажку и торопливо передала ее Василію Ивановичу. Прежде, чѣмъ она успѣла подумать, Василій Ивановичъ поймалъ ея руку, поцѣловалъ и, счастливый, бросился назадъ.

— Это бывшій учитель, — сообщилъ какой-то пожилой господинъ.—Его заподозрѣлъ инспекторъ въ воровствѣ машины, которую, какъ оказалось потомъ, сынъ же инспектора и укралъ... Всѣ знали объ этомъ...

Общество молча, потупившись, спѣшило разбрестись кто куда.

Исторія на кладбищѣ въ преувеличенномъ видѣ разнеслась по городу: гимназисты говорили возмутительныя рѣчи, учи-

тел тоже, тутъ же и бродяги какіе-то. Ужасъ и сознаніе, что такъ не можетъ и не должно продолжаться, охватывали всѣхъ и напряженно искали выхода.

Гроза разразилась въ лицѣ новаго генералъ-губернатора. Онъ неожиданно пріѣхалъ въ гимназію и потребовалъ сбора всѣхъ въ актовомъ залѣ. Уроки были прекращены, и всѣ, и учителя и ученики, застегиваясь на ходу, спѣшили въ указанное мѣсто.

Генералъ стоялъ у дверей и грозно встрѣчалъ каждаго своими твердыми глазами.

Когда собрались всѣ, онъ далъ отрывочное распоряженіе:

— Молебенъ!

Явился священникъ и регентъ. Пѣвчіе вышли впередъ.

Молебенъ начался.

— Всѣ пѣть! — повернулся на мгновенье къ ученикамъ генералъ.

Въ заднихъ рядахъ и не слыхали этого приказанія. Передніе затянули кто въ лѣсъ, кто по дрова.

Генералъ побагровѣлъ и, едва дождавшись конца молебна, обратился съ громовой рѣчью ко всѣмъ присутствующимъ.

— Я васъ научу, мальчишки! — неслись его раскаты по залѣ.—Развратъ, пьянство, куреніе табаку по улицамъ! Распущенность! На кладбищахъ демонстраціи! Гимназію разгоню! Камня на камнѣ не оставлю! Въ баранiй рогъ согну! Крамольники! Бунтовщики! Посягатели на государственную безопасность! Пѣть не желаютъ. Вы за чѣмъ смотрите?! Вы для чего поставлены?!

Директоръ, блѣдный, растерянно смотрѣлъ на генерала, вытянувъ руки по швамъ.

— Я вамъ...

— Молчать! Я научу васъ служить присягѣ и чести! Кто говорилъ рѣчь на кладбищѣ?

Среди гробовой тишины Долба медленно, бокомъ, блѣдный, сталъ пробираться впередъ.

— Ты?!

У Долбы рябнуло въ глазахъ.

— Я,—беззвучно раздалось по залѣ.

— Изъ дворянъ?

— Изъ крестьянъ.

— Такъ вотъ зачѣмъ тебѣ дается образованіе, неблагодарный? Вонъ! Выгнать его сейчасъ же...

— Сейчасъ состоится опредѣленіе педагогическаго совѣта.

— Тамъ совѣтъ совѣтомъ, но по моему приказанію.

— Слушаю-съ, ваше превосходительство.

Генералъ встрѣтился глазами съ Карташевымъ и молча протянулъ ему чрезъ чью-то голову руку. Карташевъ пожалъ руку и, покраснѣвъ, упорно сталъ что-то обдумывать.

Когда учениковъ распустили по классамъ, Карташевъ рѣшился и, собравъ все свое мужество, бросился въ переднюю, гдѣ одѣвался генералъ.

— Борисъ Платоновичъ,—умоляющимъ голосомъ произнесъ онъ и отвелъ генерала въ сторону.

— Что̀, голубчикъ?—ласково спросилъ генералъ.

— Ради Бога... не губите... — голосъ Карташева обрывался:—Долбу... Онъ ничего не сказалъ предосудительнаго... Я былъ тамъ... вышла только безтактность... Это добрый, простой человѣкъ... у него не было никакого умысла...

Генералъ въ раздумьѣ наклонилъ голову.

— Вы ручаетесь?

— Я ручаюсь своей жизнью.

— Позвать ко мнѣ... этого Долбу.

Долбу привели.

— Вы мнѣ даете честное слово, что больше никогда ни въ чемъ не будете замѣшаны?

— Даю,—отвѣтилъ Долба.

— Оставить его, но подвергнуть дисциплинарному взысканію... Благодарите вашихъ товарищей.

Долго ломало начальство голову, какому взысканію подвергнуть Долбу, и наконецъ рѣшили: сдѣлать ему официальный выговоръ.

По распоряженію полиціи, обоихъ — и Петра Семеновича и Василія Ивановича—выслали изъ города.

Рыльскій вскорѣ уѣхалъ за границу. Компанія на прощанье снялась вмѣстѣ. Разыскали у Вервицкаго старый портретъ Беренди. Въ длинныхъ волосахъ, въ какой-то кокетливой позѣ, философъ съ длинными ногами сидѣлъ въ креслѣ и загадочно смотрѣлъ въ публику.

Строгости въ гимназіи усилились. Ученикамъ заведены были билеты, въ которыхъ точно обозначено было, что̀ допускалось и чего нѣтъ.

Новый инспекторъ, вѣжливый и ехидный, мучилъ своихъ жертвъ и, поймавъ ученика съ разстегнутой пуговицей, пилилъ его и доказывалъ, что его пуговица тѣсно связана съ его безправственностью. Ученики пятаго класса, съ ухарскимъ видомъ запрятавъ въ рукавъ закуренныя папиросы, ходили по коридору и за спиной инспектора, затягиваясь, глотали дымъ. Это считалось верхомъ удали и шика.

Позже семи часовъ ученики не смѣли показываться на

улицѣ. За этимъ слѣдили педеля, большею частью изъ отставныхъ унтеръ-офицеровъ. Они ловили учениковъ и отбирали у нихъ билеты. Иногда ученики откупались отъ нихъ деньгами, иногда вынимали изъ кармана какую-нибудь склянку, говоря озабоченно: „изъ аптеки,—мать больна...“—и спѣшили безъ оглядки отъ педеля.

Иногда и классные наставники, въ ожиданіи вакансіи, начинали съ роли педелей.

Всѣмъ генераламъ гимназисты должны были кланяться, но непредупрежденные генералы только съ удивленіемъ провожали глазами маленькаго, нагруженнаго своимъ ранцемъ гимназистика въ длиннополой шинели, когда тотъ усердно вдругъ стаскивалъ свою шапку.

Неручевъ баллотировался въ кандидаты предводителя и получилъ больше своего товарища шаровъ. По правиламъ, предводителемъ утверждался получившій большее количество шаровъ.

Обыкновенно въ такихъ случаяхъ впередъ условливаются и заранѣе нѣсколько дворянъ рѣшаютъ кандидату положить налѣво, чтобы не вышло недоразумѣнія. Пять друзей Неручева и взялись положить ему налѣво, а положили направо. Пріемъ простой, давшій побѣду Неручеву. Самого Неручева и слѣдъ простылъ на этотъ день въ собраніи. Потолковали, покричали, а Неручева все-таки, согласно закону, утвердили. Его пріятели, какъ виноватые школьники, которымъ благополучно сошла ихъ продѣлка, только весело трясли своими удалыми головами. Глава ихъ, высокій, въ разстегнутомъ сюртукѣ, среднихъ лѣтъ дворянинъ, крѣпко стоялъ на своихъ разставленныхъ ногахъ, въ упоръ насмѣшливо смотрѣлъ на шептавшіяся кучки дворянъ и готовъ былъ на всякій скандалъ: въ морду, такъ морду, на дуэль, такъ на дуэль. Съ нахаломъ связываться ни у кого охоты не было. Къ Неручеву примкнули тѣ, для кого успѣхъ оправдываетъ положительно все. Эти съ какой-то завистью говорили:

— Все-таки, что ни говори, ловкачъ!

— Ну, держи ухо востро теперь,—трепалъ по плечу Неручева въ его номерѣ Овсѣевъ, его старый пріятель и сосѣдъ, чистенькій, въ золотыхъ очкахъ, причесанный и приглаженный господинъ.—Какъ бы тебѣ на слѣдующихъ выборахъ свинью не подпустили... Жохъ народъ... Тоже пальца въ ротъ не клади.

— А этого не хочешь,—быстро показалъ ему кукишъ Неручевъ,—мелкопомѣстные-то мои? Наряжу ихъ во фраки и маршъ...

Господинъ въ золотыхъ очкахъ долго съ восторгомъ смотрѣлъ въ глаза Неручеву.

— Ну, и ловокъ! Не пропадешь!

Неручевъ только пренебрежительно вздернулъ головой.

Къ удивленію всѣхъ, Неручевъ повелъ земское собраніе вовсе не такъ плохо, какъ это могло казаться. Вокругъ него очень быстро собралась довольно дружная и сплоченная партія, въ руки этой партіи попало все хозяйство уѣзда. Говорили много, но нигдѣ, ни въ одномъ уѣздѣ все не шло такъ гладко и тихо, какъ пошло у Неручева. Его бранили и ругали, но и враги признавали:

— Что̀ и говорить, талантъ!

Неручевъ сдѣлалъ официальное предложеніе Зинаидѣ Николаевнѣ, и свадьба была назначена лѣтомъ въ деревнѣ.

— Охота твоей сестрѣ за такую сволочь выходить замужъ?—спрашивалъ Корневъ Карташева.

— Ты меня что̀ жъ спрашиваешь? Ее спроси...—пожималъ плечами Карташевъ.

Таня въ одинъ прекрасный день повалилась въ ноги Аглаидѣ Васильевнѣ, призналась въ своей беременности и открыла—отъ кого.

Что̀ говорила ей Аглаида Васильевна и на чемъ онѣ съ Таней порѣшили—осталось тайной. Въ тотъ же день Таня исчезла, появилась въ домѣ новая горничная, и между матерью и сыномъ не произошло никакого разговора по этому поводу. Нѣкоторое время мать какъ-то брезгливо избѣгала сына, но потомъ все пошло по-старому.

XXIV.

Послѣдній экзаменъ былъ по-латыни. Со страхомъ и трепетомъ готовилась къ нему компанія, а больше другихъ Карташевъ. Съ учителемъ у него были личные счеты. Еще въ злополучный день исключенія Беренди учитель на совѣтѣ настаивалъ на исключеніи Карташева, утверждая, что явственно слышалъ его голосъ. Но такъ какъ учитель въ то же время не отвергалъ и того, что и другіе то же самое кричали, то кто-то, поставивъ вопросъ: „всѣхъ ужъ тогда“, тѣмъ самымъ требованіе объ исключеніи Карташева свелъ на нѣтъ. Но учитель рѣшилъ расправиться со своимъ врагомъ и какъ-то вскорѣ не удержался и прямо высказалъ:

— Вамъ, Карташевъ, университета при мнѣ не видать, какъ своихъ ушей.

Когда затѣмъ въ гимназіи стало извѣстно о родствѣ Кар-

ташева съ генералъ-губернаторомъ, учитель немного поколебался и въ первое время даже рѣшилъ-было отступиться отъ своей жертвы. Но мстительная натура взяла верхъ, и Карташевъ инстинктомъ чувствовалъ, что учитель устроитъ-таки ему пакость.

— Ахъ, какъ усталъ, — говорилъ Карташевъ наканунѣ экзамена:—капельки силъ моихъ нѣтъ... и ничего не знаю...

День экзамена наступилъ.

Карташевъ ушелъ изъ дому въ девять часовъ утра и возвратился только въ четыре.

Аглаида Васильевна такъ волновалась, что не могла даже обѣдать.

Когда въ дверяхъ показалась изнуренная, затянутая, но сіяющая фигура Карташева, ясно все стало и безъ вопроса. Аглаида Васильевна бросилась на шею сыну и, не выдержавъ, расплакалась: тяжелый и трудный конецъ вѣнчалъ дѣло. Съ постояннымъ рискомъ сорваться, свести на нѣтъ все, онъ, ея сынъ, выплылъ на свѣтъ, стоялъ на берегу,—спасенный отъ тьмы и мрака бездны. Правда, это былъ первый только шагъ, но какой шагъ? Чего онъ стоитъ и ей и сыну? Половина волосъ побѣлѣла на ея головѣ, а онъ и всѣ они на что были похожи?! Но чего бы ни стоилъ—цѣль достигнута.

Аглаида Васильевна встала и, перекрестившись, ни ко поклонилась образамъ. Она еще разъ поцѣловала сына и проговорила:

— Господи, какой ты ужасный... Ну, разсказывай...

Карташевъ не любилъ разсказывать, но на этотъ разъ не заставилъ себя просить.

Онъ сѣлъ на окно, и, счастливый, оправляя прилипшіе ко лбу волосы, произнесъ съ восторгомъ:

— Ахъ, что это было! Я ужъ и не знаю, съ чего и начинать...

— Съ самаго начала,—нетерпѣливо, весело потребовала мать.

— Ну, хорошо... Пришли мы... Ну, сначала, конечно, extemporalia... Разсадили насъ на каждую скамейку по два... я съ краю у прохода, а съ другого края Вервицкій. Ну, думаю себѣ, плохо... отъ такого сосѣда не поживишься..,

Зина, Наташа, Аглаида Васильевна, Маня, Сережа и Ася — всѣ покатились отъ веселаго смѣха.

— Ну, ну...

— Ну, хорошо... Продиктовали намъ русскій текстъ и нѣкоторыя слова. Я то-есть просто ни одного почти слова не знаю...

— Ахъ, ты, скверный мальчикъ! — весело вскрикнула Аглаида Васильевна.

— То-есть буквально ничего: что позабылъ, что, какъ воробьи, вылетѣло изъ головы. Сижу и думаю. Что мнѣ дѣлать? Смотрю, учитель встаетъ съ этакой своей ядовитой походкой, какъ кошка... только хвоста не хватаетъ... этакая сволочь... и прямо въ мой проходъ... прошелъ до конца, возвратился и какъ сталъ около меня, такъ все время, покамѣстъ я не написалъ свой отвѣтъ, не отошелъ!

— Какъ же ты написалъ свой отвѣтъ?—испугалась мать.

— А вотъ слушай... Сижу я, нагнулся и пишу: чушь какую-то невообразимую. Вотъ.

Карташевъ вынулъ изъ кармана смятый листъ, и всѣ съ любопытствомъ наклонились.

— „Не надо робѣть... что дѣлать... какъ кошка крадется“,—начала разбирать Наташа.

— Однимъ словомъ, ерунда,—перебилъ Карташевъ,—только чтобъ что-нибудь писать... Не могу жъ перевести... Пишу, а самъ думаю: что жъ мнѣ дѣлать? А напротивъ Бееръ, одинъ еврейчикъ, настоящій медвѣдь: мохнатый и слѣпой, а хорошій ученикъ... философъ такой... смотрю, ужъ, подлецъ, написалъ на черновикѣ и собирается переписывать... Ну, думаю, пропадать такъ пропадать: все равно бы на второй годъ не остался, повѣсился бы, а не остался...

— Ну, глупости,—перекрестилась Аглаида Васильевна.

— Учитель только такъ поведетъ головой по классу и опять смотритъ, что я пишу... а онъ близорукій... Я знаю. что онъ не можетъ все равно разобрать, что я тамъ пишу, Я попишу, попишу и какъ будто задумаюсь; онъ заглянетъ мнѣ въ глаза, и я смотрю на него такъ, какъ будто говорю: „ну что жъ, пропалъ“. А онъ точно повторяетъ: „пропалъ?“, и такъ, мерзавецъ, ласково смотритъ... А я сижу и соображаю: вотъ если я упрусь въ перекладину задними ногами...

— А у тебя ихъ сколько?—не утерпѣла Наташа.

Всѣ разсмѣялись.

— Въ заднюю перекладину такъ, чтобы, какъ встать, такъ сразу чтобъ схватить черновикъ Беера въ то время, какъ учитель повернетъ голову къ классу... Вотъ такъ вотъ: одно мгновеніе... надо схватить, сѣсть, и ни малѣйшаго звука и никакой перемѣны въ позѣ.

Всѣ такъ и замерли и жадно, напряженно смотрѣли въ ротъ разсказчику.

— Уперся я ногами, пригнулся всѣмъ туловищемъ и какъ будто весь міръ забылъ: пишу... только онъ повелъ голо-

вой, я какъ выраcту черезъ скамейку, цапъ черновикъ Беера и сѣлъ... Смотрю: смотритъ прямо на меня Иванъ Ивановичъ, и я смотрю. Онъ покраснѣлъ и отвернулся... А Бееръ только плечами повелъ: вздохнулъ и засѣлъ новое писать. А мой подлецъ опять всѣ глаза на меня. Я какъ будто кончилъ и тоже вздыхаю и смотрю на него... „дескать, что̀ жъ радости съ того, что кончилъ?“ А онъ какъ будто спрашиваетъ такъ участливо: „мало радости?“.

Карташевъ и всѣ разсмѣялись.

— Ахъ, какой ты мошенникъ!—покачала головой Аглаида Васильевна.

— Ну что̀ жъ, оставаться?

— Ну, ну, говори.

— Ну, и началъ я переписывать черновикъ Беера. Сдѣлалъ нарочно четыре ошибки. И знаешь, покамѣстъ я вотъ бралъ, писалъ, ни капельки страшно не было, а когда всталъ, чтобы нести, вотъ тутъ ужъ холодно стало... Думаю, забрать черновикъ? А вдругъ онъ заподозритъ? Хитрый, подлецъ! Нѣтъ, нельзя брать... Такъ и оставилъ. Встаю: онъ на меня во всѣ глаза, а у меня полное отчаяніе въ лицѣ: „зарѣзалъ, зарѣзалъ“...

— Ахъ, ты, Господи...

— Отнесъ на столъ, и вдругъ вся смѣлость меня оставила, боюсь повернуться назадъ: а вдругъ онъ разсматриваетъ мои черновики и сейчасъ позоветъ меня, а вдругъ я повернусь, и по моему движенію онъ все пойметъ и схватитъ черновики... Иванъ Ивановичъ сидитъ грустный и не смотритъ на меня... Ахъ, какая это прелесть Иванъ Ивановичъ! Такъ бы и бросился ему на шею: „Голубчикъ, простите меня Христа ради, вѣдь не оставаться же? Хотя сто лѣтъ буду сидѣть, ничего все равно знать не буду, какъ и всѣ не знаютъ“.

— Ну?

— Такъ и ушелъ прямо въ коридоръ... Немного погодя Корневъ приноситъ мои черновики: я ихъ въ карманъ... вотъ, вотъ... вотъ Беера... Ну, хорошо... Начался экзаменъ... Да! Какъ только я ушелъ, и учитель пошелъ къ столу и ужъ потомъ и не смотрѣлъ: всѣ другъ у друга списали... Когда меня вызвалъ онъ, чтобы показать, что онъ совершенно безпристрастный... да и все равно директоръ не далъ бы ему... совсѣмъ вышелъ изъ класса... Я попалъ къ директору... Ну, а директоръ...

Карташевъ сдѣлалъ пренебрежительную гримасу.

„Дядя вашъ, говорятъ, въ Петербургъ собирается?“ — „Нѣтъ, кажется“... Тита Ливія далъ переводить... Чортъ

знаетъ, какъ переводилъ! „Какіе глаголы управляютъ родительнымъ падежомъ?“ Я и тутъ навралъ...

— Ахъ, дрянной мальчикъ,— разсмѣялась Аглаида Васильевна.

„Ну, Богъ съ вами, говоритъ, тройку“,—что̀ и требовалось доказать... Постой, еще не все... Кончились экзамены... засѣли они выводить отмѣтки, а мы въ коридорѣ усѣлись всѣ на полу и ждемъ... весь вопросъ во мнѣ, конечно... Вдругъ тамъ за дверью крикъ слышимъ: учитель чего-то оретъ, кричитъ благимъ матомъ. Опять тише, опять кричитъ! Вдругъ дверь распахнулась... а коридоръ темный: его мы видимъ, а онъ нѣтъ: лежатъ какія-то тѣла... „Карташевъ?“ Я, какъ толкну въ бокъ Семенова, и умеръ... „Карташевъ домой ушелъ“... Онъ какъ хлопнетъ дверью... И всѣ какъ умерли тамъ... Тихо, тихо... кончили... Одинъ, другой, третій, вышли всѣ, списки передали Ивану Ивановичу,—повалили мы въ залу... „Карташевъ“... ой, умру... „три“... Ура-а-а!

Карташевъ весело вскочилъ-было, размахивая руками, но вдругъ поблѣднѣлъ и стремительно потянулся къ графину.

— Ой!—вздохнулъ онъ, когда пропустилъ нѣсколько глотковъ:— мнѣ вдругъ такъ нехорошо сдѣлалось...

— Господь съ тобой,—бросилась къ нему мать.—Ты ничего не ѣлъ еще! И я слушаю...

У Карташева тряслись руки и ноги.

— Ничего... ничего... лучше... Ахъ, мнѣ совсѣмъ нехорошо...

Карташевъ вдругъ безсильно опустился на стулъ и, если бъ не подоспѣвшія Зина съ Наташей, упалъ бы на полъ.

— Ничего пройдетъ,—ободряла его Аглаида Васильевна:— спирту, одеколонъ.

Аглаида Васильевна смочила одеколономъ лобъ, виски сына, дала понюхать спирту и ждала результатовъ, смотря напряженно въ лицо сына. Это было мертвенно-блѣдное лицо съ полузакрытыми, безжизненными глазами, такое вымученное и изможденное, что сердце матери сжалось отъ боли. Такъ безконечно дорогъ онъ былъ ей и такъ безконечно жаль было его въ эту минуту: сколько мученья, неправды... Вѣдь этотъ человѣкъ былъ ея сынъ, сынъ, для котораго мечтала она же когда-то небо достать! Что̀ испыталъ онъ, что̀ выстрадалъ безсознательно въ этой каторгѣ непередаваемыхъ мелочей, называемой обученіемъ ума и воспитаніемъ души?!

— О, бѣдный, бѣдный мой мальчикъ!

И Аглаида Васильевна горячо цѣловала лицо и глаза сына.

— Нѣтъ, нѣтъ, поѣзжай въ Петербургъ,— заговорила она,

когда Карташевъ немного оправился и перешелъ на диванъ.— И я, можетъ-быть, также виновата, тоже помогала коверканью!.. Ахъ, какъ мнѣ ясна вдругъ стала вся эта уродливая картина нашей жизни... О, какая гадость... сколько лжи, фальши...

Карташевъ утомленно слушалъ.

— Гадость, мама!—произнесъ онъ, и слезы закапали у него изъ глазъ.—Ахъ, какъ хотѣлось бы быть честнымъ, хорошимъ, безупречнымъ.

Карташевъ судорожно прижалъ руки къ глазамъ и тихо, горько плакалъ. Плакали мать, Зина, Наташа, Маня. Плакали Ася и Сережа, хотя и не понимали ясно причины ни своихъ ни слезъ другихъ.

Аглаида Васильевна долго молча вытирала слезы.

— Будешь и честнымъ, и добрымъ, и хорошимъ... Будешь, потому что хочешь...

И, помолчавъ, она кончила:

— Я можетъ, и не укажу тебѣ дорогу... самъ найдешь... Поѣзжай отъ меня... Поѣзжай въ Петербургъ... становись на свою дорогу...

Аглаида Васильевна встала, перекрестилась и перекрестила сына.

— Да хранитъ тебя Царица Небесная!—торжественно сказала она.

Но затѣмъ упавшимъ вдругъ, точно пророческимъ голосомъ прибавила:

— Охъ, тяжела будетъ твоя жизнь! Не пойдешь ты торнымъ путемъ... не можешь итти—вижу я.

Карташевъ смущенно всматривался въ себя: онъ хотѣлъ бы только, но ничего не чувствовалъ въ себѣ, что̀ давало бы силы итти твердо и неуклонно въ сторону правды и счастья, лучи которой только вскользь въ какомъ-то мракѣ мелькнули и скрылись въ туманѣ. Онъ закрылъ глаза.

— Я засну,—тихо прошепталъ онъ.

И все стихло. Во всемъ домѣ воцарилась гробовая тишина: надежда и радость, сила и гордость, выплывшій на первую отмель молодой пловецъ спалъ своимъ первымъ безмятежнымъ сномъ покоя послѣ напряженной, изнурительной семилѣтней войны.

Какіе-то веселые сны снились Карташеву. Въ сумеркахъ несся по всему дому веселый, возбужденный голосъ погруженнаго въ глубокій сонъ Карташева.

— Отдай паруса! Выноси кливеръ! Руль на бо-о-ртъ.

Маня, а за ней и всѣ фыркали себѣ подъ носъ.

— Ты, чортъ, что̀ тутъ командуешь? Ура!

Карташевъ открылъ глаза.

Съ окна въ комнату прыгалъ Корневъ, а за нимъ Долба.

— Корневъ?!—встрепенулась Наташа и бросилась въ комнату, гдѣ спалъ Карташевъ, чтобы предупредить Корнева

Но Карташевъ уже проснулся.

— Что̀ такое?! Ничего не пойму!—оралъ Корневъ.

— Что̀ за скандалъ?!—весело оглядывался Долба.

— Ѣсть хочу,—сказалъ, съ наслажденіемъ вытягиваясь Карташевъ.

— Тёмѣ ѣсть, Тёмѣ ѣсть,—радостно закричала Наташа.

И, повернувшись къ Корневу и Долбѣ, веселая, счастливая, пожимая имъ руки, она повторяла:—Поздравляю, поздравляю!

Пришли и другіе поздравить.

— Въ Питеръ?—спросила съ едва уловимой грустной ноткой Наташа.

— А то куда же?—весело переспросилъ Корневъ..

— Всѣ непремѣнно,—засмѣялся своимъ мелкимъ смѣхомъ Долба.

— Счастливые,—протянула Маня:—тамъ опера...

И, вытянувъ шейку, совсѣмъ уже барышня, блѣдная и хорошенькая, поддразнивая, она запѣла нѣжно:

Туда, туда, скорѣе въ горы!

— Ка-а-рменъ!—взвылъ восторженно Корневъ.

— Васъ рѣжутъ?—спросила Наташа.

— Безъ ножа рѣжутъ!

— Поздравляю!—появилась въ дверяхъ Аглаида Васильевна.

— Чувствительнѣйше васъ благодарю,— началъ-было комично Корневъ и вдругъ такъ растрогался, что приложился къ рукѣ Аглаиды Васильевны.

Долба послѣдовалъ примѣру Корнева.

— Охъ, какъ чувствительно,—сказала разсѣянно Наташа:—хоть сядьте, что ли.

— Да-съ, Наталья Николаевна, расчувствуешься, — отвѣтилъ съ комическимъ жаромъ Корневъ, прикладывая руку къ сердцу,—смѣю доложить, на свѣтъ словно второй разъ народился,—такое воспаренье восчувствовалъ. Вотъ въ учебникѣ-съ писано: посмотри на Неаполь и умри, а я бы вездѣ написалъ: окончи гимназію и...

— Чортъ съ ней,—разсмѣялся Долба.

— Молчи... неблагодарный! Господи, да неужели я самонастоящій человѣкъ!

— Ударь меня!—потребовалъ Долба.

Корневъ ударилъ.

— Еще!

Корневъ еще разъ, сдѣлавъ рожу, изо всей силы ударилъ его по спинѣ.

— Нѣтъ, не сплю,—визжалъ Долба.

— А все-таки вы пропустили свою спеціальность, потому что вы актеръ,—сказала Маня.

— А вы Карменъ.

Аглаида Васильевна сидѣла возлѣ сына и радостно смотрѣла, какъ послѣдній жадно, ложку за ложкой, убиралъ супъ.

— Постойте! Да что̀ съ нимъ такое?—спохватился Корневъ.

— Отощалъ,—разсмѣялся Карташевъ.

— Ну, и было дѣло,—сказалъ Корневъ, присѣдая предъ Аглаидой Васильевной.

— Слышала.

— Видѣть надо было, что̀ только было!

— Было и мохомъ поросло, — задумчиво вставила Зина, смотря въ окно.

— Да, уже прошлое...—быстро, съ какимъ-то сожалѣніемъ повернулся къ ней Корневъ. — Когда прошло, какъ мигъ одинъ...

— Такъ и вся жизнь,—грустно наклонила голову Аглаида Васильевна.

— Если бъ люди всегда помнили, что жизнь только мигъ,— вздохнулъ Корневъ, поднося ноготь ко рту.

Всѣ замолчали.

— Бросьте ногти,—строго скомандовала Маня.

— Виноватъ!—почтительно отвѣтилъ онъ, быстро отдергивая руку.

1893.

Оглавленіе

II тома.

	стр.
Дѣтство Тёмы. Изъ семейной хроники	3
Гимназисты. Изъ семейной хроники	129

М 13

25=